Э. И. Квиринг

Предварительные замечания к контрольным цифрам 1929/30 г.

В мае 1929 г. V С'езд советов утвердил пятилетку. При прохождении разработанной Госпланом пятилетки в СНК и на С'езде советов по ряду разделов народнохозяйственного плана были приняты дополнительные задания. Прошло всего несколько месяцев со времени утверждения пятилетки, а за это время принят уже ряд дополнительных решений правительства, которые по отдельным отраслям значительно увеличивают темпы, принятые в пятилетке.

За эти месяцы рассмотрены детализованные пятилетние планы по лесному и рыбному хозяйству, по цветной металлургии, по хлопководству. По всем этим планам намечено значительное увеличение пятилетки. По цветной металлургии намечается удвоение капитальных вложений против пятилетки и полное удовлетворение к концу пятилетки потребности страны в цветных металлах советского производства.[1] По хлопководству пятилетка должна быть выполнена в четыре года, по рыбному хозяйству продукция, намеченная к 1933 г., должна быть получена в 1931 г.

Несомненно дальнейшее увеличение пятилетки будет произведено по черной металлургии, нефтедобыче, машиностроению и в частности сел.-хоз. машиностроению и тракторостроению. Для лучшего удовлетворения потребности широких масс несомненно будут повышены также отрасли легкой промышленности.

Более ускоренным темпом, чем пятилеткой намечено, совершаются также процессы коллективизации и совхозного строительства.

Словом, детальное и глубокое рассмотрение перспектив отдельных отраслей хозяйств убеждает нас не только в реальности утвержденной пятилетки, но и в том, что по целому ряду отраслей эта пятилетка будет превышена.

Однако, кроме убеждения нужны доказательства.

Наши враги, как известно, убеждены как-раз в обратном.

Неудачный герой российской, послефевральской „демократии", А. Керенский, который никак не может забыть свое кратковременное премьерство и главковерхство, 23 мая выступил на очеред-

[1] Нужно однако считать, что при общем увеличении темпов всего народного хозяйства потребности в цветных металлах также вырастут и импорт в известной части будет иметь место.

ном собрании тусклых эмигрантских „Дней“ с докладом на тему: „После XVI конференции ВКП“.

В этом докладе Керенский разделался с пятилеткой очень просто, заявив: „Я этого их плана „индустриализации промышленности“ и „машинизации сельского хозяйства“ не буду излагать, ибо ясно, что ничего из этого плана не выйдет. С практическо-хозяйственной точки зрения этот пятилетний план — сущий вздор“.

Дальше Керенский пытается об'яснить, почему именно реализация пятилетки невыполнима. Он говорит: „Преступление Сталина не в том, что он хочет индустриализации — это задача, давно ставшая перед Россией и все еще ждущая своего разрешения. Преступление его в том, что задача поставлена им вверх ногами. Америка показывает, что индустриализация возможна лишь на фундаменте высоко развитого сельского хозяйства, что ее необходимым и предварительным условием является высокий уровень благосостояния трудящихся. Хозяйственная нелепость большевистской индустриализации заключается именно в том, что они требуют сначала осуществления сверх-индустриализации, а потом уже аграризации, а не наоборот, как это имело место в Америке. Вот почему основанный на таких порочных предпосылках план я считаю практически неосуществимым“.

В другом месте Керенский говорит, что „перевооружение сельского хозяйства было основной идеей графа Витте и что эту программу старалась осуществить Россия в течение всего десятилетия 1907—1917 гг.“

Всякий комсомолец легко поймет разницу между тем „перевооружением“ сельского хозяйства, которое „проводилось Россией в десятилетие 1907—1917 гг.“ и тем „перевооружением“, которое происходит в советском Союзе сейчас. В царской России перевооружалось хозяйство помещиков, кулаков. Именно в этих хозяйствах вводилось машинное оборудование, применялись удобрения и другие агрикультурные мероприятия.

Многомиллионная крестьянская масса нищала и задыхалась в сетях помещичьей и ростовщической кабалы. Такое перевооружение сельского хозяйства вело к укреплению крупного капиталистического сельского хозяйства и обнищанию широких масс крестьянства.

Теперь же мы производим социалистическое перевооружение сельского хозяйства, направленное к тому, что бы перевести мелкое крестьянское хозяйство на рельсы крупного в порядке кооперирования.

Капиталистическое перевооружение сельского хозяйства гонит мелкого крестьянина с земли — превращает его из самостоятельного крестьянина в наемного рабочего. Социалистическое перевооружение об'единяет мелкие крестьянские хозяйства в единое социалистическое крупное хозяйство, которое каждому участнику дает во много раз больше выгод, чем собственное мелкое хозяйство.

Об этой разнице забывают не только контрреволюционные социалисты типа Керенского, об этом забывают и правые элементы внутри нашей партии, недооценивая значение курса на колхозы и совхозы и преуменьшая кулацкую опасность.

Рассуждения Керенского о том, что сначала нужно укрепление сельского хозяйства, а затем индустриализация также не новы.

Они неоднократно приводились внутри партии анти-индустриалистами еще со времени XIV партс'езда.

Анти-индустриалисты никак не могут понять, что в наших условиях нужно одновременно проводить и усиленную индустриализацию и решительное укрепление сельского хозяйства на базе его социалистической реконструкции. Нам не даны десятилетия для медленной эволюции хозяйственных форм. Вся хозяйственная обстановка показывает взаимную зависимость этих двух процессов.

Конечно, социалистическая индустриализация страны несовместима с капиталистическим ростом сельского хозяйства.

Так как Керенский верит только в возможность роста капиталистического кулацкого сельского хозяйства — вся пятилетка для него сущий вздор. Тут уже ничего не поделаешь.

Опыт последних лет убеждает нас в огромных возможностях социалистической реконструкции сельского хозяйства. Узким местом в коллективизации крестьянского хозяйства сейчас безусловно являются технические возможности и, в первую очередь тракторы, а не организационные возможности.

Крестьянство уже подготовлено к массовой коллективизации. Можно сказать, что именно массовые формы коллективизации, в частности машинотракторные станции и тракторные колонны, захватывающие целые села и районы, встречают наиболее сочувственное отношение крестьянства. В текущую посевную кампанию колхозы дали прирост посевной площади около 3 млн. *га* и совхозы около 0,3 млн. *га*. Это больше чем намечалось пятилеткой и сейчас уже можно утверждать, что программа социалистической реконструкции, намеченная пятилеткой, будет перевыполнена и сельское хозяйство пойдет в уровень с индустриализацией, обеспечивая необходимый рост продовольственных продуктов и сырья для промышленности.

Как мы уже отметили, одним из важнейших условий роста коллективных хозяйств является машинизация сельского хозяйства и, в первую очередь, тракторизация.

Решающую роль тракторов для коллективизации крестьянского хозяйства подчеркнул еще в 1919 г. В. И. Ленин.

„Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „я за коммунию“ (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию,

надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен вопрос.

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплоататоры, не помещики, а такие же товарищи—труженики, которых он ценит чрезвычайно глубоко. Но ценит практически, ценит их фактическую помощь, отвергая — и вполне справедливо отвергая—командование, „предписания сверху". [1]

То, что в 1919 г. еще было фантазией, осуществляется в пятилетнем плане с превышением.

По пятилетке намечалось к 1933 г. довести количество тракторов в стране до 180.000 штук. В этом числе собственное тракторостроение давало за 5 лет 91.000 тракторов, из них в последний год пятилетки 10.000 тракторов намечалось к выпуску на заводе Красный Путиловец в Ленинграде, 40.000 на Сталинградском тракторном заводе, 4—5 тыс. на Харьковском заводе.

Эта программа собственного тракторостроения будет сильно превышена.

Так, на заводе Красный Путиловец намечалось довести выработку до 10.000 тракторов в 1932/33 г. В текущем 1928/29 г. выработано около 3.000 шт., а на будущий год уже намечено увеличить производство до 10.000 шт.

Такой рост представляется реальным при использовании для производства некоторых частей трактора на других незагруженных Ленинградских заводах. Это ломает пятилетку тракторостроения, и совершенно правильно ленинградские хозяйственные и плановые органы намечают в конце пятилетия довести выработку завода Красный Путиловец до 20.000 тракторов в год. Сталинградский тракторный завод даст также значительное превышение. По плану Сталинградский тракторный завод должен был вступить в работу лишь в последний год пятилетки и дать 40.000 тракторов. Строительство завода в текущем году ведется таким быстрым темпом, что завод может быть закончен в конце 1930 г. Ускорение получается почти на два года. Это значит, что уже в 1930/31 г. новый Сталинградский завод начнет работать. Считая организационные недочеты первого года работы, он все же должен дать не менее 10.000 тракторов. В последующие два года завод должен приблизиться к работе на полную мощность и дать около 70.000 тракторов.

Помимо Сталинградского тракторного завода в 1929/30 г. на Урале будет приступлено к сооружению второго тракторного завода также с выработкой 40.000 тракторов в год.

[1] В. И. Ленин. Собр. сочин., том XVI, стр. 153.

Судя по опыту Сталинградского завода, Уральский может быть закончен в 1932 г. и последний год пятилетия может дать тракторов хотя бы 25% своей мощности, т.-е. 10.000 тракторов.

При таком развертывании тракторостроения на указанных 3 заводах производство может составить за пятилетие около 150.000 тракторов. К этому надо еще прибавить производство Харьковского завода, который в 1929/30 г. может дать около 800 мощных 50-сильных машин, а к концу пятилетия должен будет дать 5.000. Его продукция также может быть расширена, и по всем заводам СССР за пятилетие мы сможем иметь вместо 90.000 тракторов — почти удвоение этого числа (примерно 160.000 тракторов). Если ввоз иностранных тракторов не сокращать против намеченного пятилеткой, а это нужно провести обязательно,— мы будем иметь на протяжении пятилетия на 70.000 тракторов больше, чем предусматривал пятилетний план.

А семьдесят тысяч тракторов — это значит дополнительный охват примерно 20 млн. *га* посевов.

Что при этом особенно важно — ускоренное развертывание производства тракторов дает эти тракторы в ближайшие годы, а не в самый последний год пятилетки. Из 90.000 тракторов в первые четыре года пятилетки намечалось выпустить 35.000 и 55.000 с началом работы Сталинградского завода в последний год.

При намечающемся ускорении плана за четыре года будет произведено около 80.000 тракторов и столько же в последний год.

Каждый знающий условия роста нашего сельского хозяйства понимает, какое огромное значение это имеет и для сельского хозяйства и для всего народного хозяйства.

Дело к тому же ограничивается не только ускорением тракторостроения. Производство всех сел.-хоз. машин несомненно пойдет также выше темпов, намеченных пятилеткой. Производственная мощность заводов растет быстрее, чем мы учитывали.

Ряд новых заводов должен быть готов раньше сроков, установленных планом. Если можно тракторный завод построить в 3 года, почему Ростовский завод сел.-хоз. машин может быть закончен лишь в 1931/32 г., а не годом — полутора раньше? Этого нужно добиться.

Нужно ускорить темп машинного вооружения сельского хозяйства. Это одно из важнейших условий выполнения пятилетнего плана.

Только крупная индустрия может перевооружить сельское хозяйство. Поэтому не приходится противопоставлять задачу индустриализации страны задаче восстановления сельского хозяйства.

Социалистическая крупная промышленность, и только она может создать машинную базу для крупного социалистического производства в сельском хозяйстве.

Только для тех, кто этого не понимает, наша пятилетка—„невыполнимый вздор". Для нас же это далеко еще не законченный и несовершенный план строительства социализма, который реально

осуществляется в жизни. Развитие это совершается настолько быстро, что мы на ходу должны корректировать планы, исправлять их.

Но если наша пятилетка не только выполняется, но и перевыполняется, если мы ее по целому ряду отраслей уже пересмотрели в сторону увеличения,— то не является ли эта пятилетка минималистской? Не нужно ли снова приступить к ее генеральному пересмотру?

Руководителям плановой работы неоднократно приходилось отмечать, что пятилетку даже после утверждения С'ездом Советов нельзя рассматривать как законченный план, не подлежащий корректированию. Наоборот, работа по уточнению и корректированию пятилетнего плана должна вестись непрерывно. По важнейшим отраслям хозяйства проводится более углубленная проработка планов реконструкции. При более конкретном изучении отдельных проблем выявляются дополнительные резервы, которые ранее не были учтены. Поэтому годовые контрольные цифры народного хозяйства должны учесть все новые явления, которые вносят изменения в годовые отрезки пятилетнего плана. Некоторые даже значительные изменения плана вовсе не опорачивают пятилетку.

Весь вопрос в том, по какой линии идут эти поправки. Идут ли они по линии укрепления основных установок плана или по линии срыва этих установок? Отстаем мы от выполнения хозяйственных задач или опережаем их выполнение во времени?

Это первый и основной вопрос, который мы должны ставить каждый год при составлении очередного годового плана. Ответ на этот центральный вопрос для предстоящего хозяйственного года можно дать уже сейчас.

По всем важнейшим разделам хозяйственного плана мы идем несколько выше темпов утвержденной пятилетки, если не произойдет каких-либо крупных внешних осложнений.

Уже сейчас можно сказать, что и второй год пятилетия намечен вполне реально, что темпы индустриализации страны и роста социалистических элементов, по всей вероятности, будут не только выполнены, но и перевыполнены.

Остановимся на главных разделах контрольных цифр народного хозяйства на 1929/30 г. и прежде всего на тех дополнительных резервах, которые не учтены полностью в пятилетке и которые постепенно будут выявляться как при составлении годовых контрольных цифр, так и при составлении детальных пятилетних планов по отраслям.

К этим резервам относятся:

1) ускорение строительства заводов, намеченных в пятилетке;

2) полная нагрузка существующего оборудования в результате рационализации и реконструкции;

3) переход на беспрерывное производство.

В итоге мы получаем дополнительный рост продукции, рост прибылей, рост рабочей силы, общее улучшение народного хозяйства.

Выше мы уже говорили о том, как ускорение реконструкции существующих заводов и строительство новых резко изменяет производство тракторов, этого важнейшего орудия социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Пример Сталинградского тракторного завода отнюдь не является единичным. То, о чем мы говорили, чего добивались, становится фактом. Если в предыдущие годы, как общее правило, строительство тянулось дольше непомерно больших сроков, установленных в планах, то теперь мы подошли к переломному моменту.

В планах приняты определенные сроки, а в жизни их удается опережать. За несколько лет мы уже накопили значительный опыт. Привлечение иностранных экспертов и широкое применение механизации строительства приводят к значительному улучшению строительных работ и, в частности, темпов работ и это не только в промышленном строительстве, но и в железнодорожном строительстве, а также и в других отраслях. Существенное значение будет иметь ускорение окончания Туркестано-Сибирской железной дороги.

По плану сквозное движение на Туркестано-Сибирской железной дороге должно было начаться в конце 1930 г. При удержании взятого теперь темпа строительства, движение может быть открыто в середине лета 1930 г., и уже в будущем году хлеб из Сибири может быть доставлен в Среднюю Азию с перевозкой на небольшом участке на автомобилях. Уже сейчас линия закончена до Алма-Аты.

Как выдающееся по быстроте строительство можно отметить постройку элеватора на ст. Целина высотой 38,6 метров в 19 дней. Это значит, что за время меньше одного строительного сезона мы уже научились строить очень крупные сооружения.

В промышленном строительстве сейчас идет серьезная подготовка к ускорению темпа строительства крупнейших предприятий. Социалистическое соревнование и здесь дает значительные результаты.

Из наиболее крупных строительств можно указать на возможное ускорение окончания металлургических заводов.

Кузнецкое (Тельбесский завод) строительство приняло на себя обязательство дать первый чугун не через 3,5 г., а через 2,5 г., т.-е. не позднее 1 октября 1931 г. Обязательным условием является полная готовность электрической и воздуходувной станции к этому же времени, т.-е. к моменту ускоренного пуска первой домны и первой батареи коксовых печей.

Все новостроющиеся металлургические заводы по пятилетке намечались к пуску в производство в последний год пятилетки. Если только на один год ускорить строительство этих гигантов — продукция чугуна в пятилетие значительно увеличится.

Ускорению темпа строительных работ, помимо улучшения организации дела и механизации строительства, поможет также переход на непрерывное производство строительных работ.

Конечно, такое уплотнение строительной программы во времени требует также усиления финансирования. Так например, чтобы выдержать принятый сейчас на Турксибе темп строительства, надо прибавить в текущем году 7 млн. руб., то же Тракторострою—около 3 млн. рублей.

Это находит свое отражение на об'еме капитального строительства на 1929/30 г., о чем речь будет несколько ниже.

Главный вывод из опыта капитального строительства последних лет сводится к тому, что мы уже научились строить крупнейшие производственные гиганты в 2—3 г. Это значит, что ряд крупнейших строительств, которые в пятилетнем плане имелись в виду закончить в 4—5 лет должны быть закончены раньше намеченных сроков. Для 1929/30 г. в отношении заводов, которые уже начаты строительством в предыдущие годы, это значит ускорение темпа и увеличение размера вложений.

Если по техническим условиям строительство может быть закончено в один год, то нельзя растягивать работы на два года по финансовым соображениям. Лучше отложить начало строительства ряда других заводов на один год, чем растягивать окончание строительства уже начатых заводов.

К этому необходимо еще прибавить следующие соображения относительно готовности проектов нового строительства. Существует закон, по которому в строительный план могут быть внесены лишь такие сооружения, по которым имеются утвержденные проекты. Однако, от закона до проведения его в жизнь чаще всего расстояние не малое. Это особенно относится к данному случаю. В прошлом году мы еще не могли требовать точного применения указанного закона. В статье „Основные вопросы плана капитального строительства на 1928/29 г." мы писали:

„Таким образом, следовало бы поставить требование, чтобы к 1 января соответственного года были утверждены проекты по всем строительствам, включаемым в план текущего года. Пред'явить такое требование в 1928/29 г. мы еще не можем.

Положение в промышленности по сравнению с 1927/28 г. значительно улучшилось, но все же по справкам ВСНХ к 1 января 1929 г. по союзной промышленности будет утверждено всего 74% проектов и к 1 мая—97%".[1]

В действительности получилось хуже. К 1 мая, когда СТО рассматривал доклад ВСНХ о строительствах, не имеющих законченных проектов, то по одной союзной промышленности таких строительств оказалось 25%, а по республиканскому строительству даже не удалось получить необходимых данных.

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства на 1928/29 г.", стр. 118.

Капитальное строительство в 1928 г. в значительной части ведется попрежнему без законченных проектов.

Это огромное зло, но и в предстоящем году нам придется для некоторых строительств допустить некоторые послабления, внеся в строительство максимальную плановость.

Как общее правило нужно добиваться, чтобы в контрольные цифры вносились лишь строительства, на которые имеются окончательные проекты. В виде исключения придется включать в план и строительства, по которым имеются утвержденные эскизные проекты.

Общая схема нам представляется в следующем виде.

Ежегодно в контрольных цифрах народного хозяйства предусматриваются значительные суммы на проектирование, без включения проектируемых сооружений в перечень строительных об'ектов. К началу строительства может быть приступлено лишь по утверждении окончательного проекта. Однако, в отдельных случаях может быть приступлено к подготовительным работам по строительству при утверждении эскизных проектов. К подготовительным работам относятся такие, как проведение под'ездных путей, жилищное строительство, необходимое для самого строительства, подготовка места, заказ оборудования в том случае, если оно точно определено в эскизном проекте, так как производство оборудования требует довольно длительных сроков. Вместе с тем этот год должен быть годом основательной работы по проектировке таким образом, чтобы к следующему году был готов не только окончательно утвержденный проект, но чтобы были готовы все рабочие чертежи. Тогда уже следующий строительный сезон может быть проведен во всеоружии. Среднее довольно крупное сооружение миллионов на 15—20 мы можем вполне кончать в два строительных сезона, если принять указанный порядок. Один год при этом условии может быть подготовительным, а второй — годом, в котором строительство развивается полным темпом и в этом же году кончается. К этому мы технически сейчас подготовлены. Конечно, более крупные сооружения, очевидно, потребуют 3 лет, а в исключительных случаях и больше.

Сказанное о строительстве новых заводов в полной мере относится к реконструкции существующих предприятий. Эта реконструкция в большинстве случаев обозначает коренную перестройку существующих предприятий. Так, стоимость нового крупного металлургического завода мощностью в 650 тыс. тонн в год определяется в 190 млн. руб. а реконструкция среднего старого металлургического завода по Югостали обходится от 40 до 80 млн. руб. В реконструкцию металлообрабатывающих заводов также вкладываются огромные суммы. По пятилетке на перестройку заводов ГОМЗЫ намечается 213,6 млн. руб. Вложения на реконструкцию завода Красный Путиловец, составляют 49 млн. руб. Эти примеры характерны и для прочих отраслей промышленности. Отсюда понятно громадное зна-

чение правильной проектировки реконструкции существующих заводов, правильной их специализации для наиболее эффективной затраты капитала. Нужно отметить, что до сих пор в этой части обстоит наиболее неблагополучно.

При рассмотрении контрольных цифр на 1928/29 г. руководители промышленности и руководители плановой работы отмечали фактическое отсутствие законченных планов реконструкции по важнейшим отраслям промышленности. Таким образом, за последние несколько лет вложения в существующие предприятия производились не всегда достаточно рационально. Уже сейчас можно указать на неправильные проектировки в области паровозо-и вагоностроения. Позднейшие пересчеты показали, что в пятилетие на существующих заводах даже с прекращением производства на некоторых из них и при некоторой реконструкции других заводов потребность страны в паровозах может быть удовлетворена. В отношении вагонов представляется также возможным удовлетворить потребность страны без постройки намеченных в пятилетке новых вагоностроительных заводов. По ориентировочным подсчетам потребность НКПС в паровозах и вагонах сможет быть удовлетворена и в пятилетии 1933/34—1937/38 гг. без постройки новых заводов. Проверка РКИ состояния судостроительных трестов показала крайне недостаточное использование существующего оборудования этих трестов, возможность значительно большей нагрузки судостроительных заводов, следовательно, и значительно большего выпуска судов, чем это было намечено в пятилетке без дополнительных капитальных вложений. Пример „Красного Путиловца", который уже в предстоящем году сможет дать 10.000 тракторов, в то время как по ранее намеченному плану развертывание до 10.000 должно было иметь место лишь в 1932 г., показывает, в какой мере у нас до сих пор недостаточно нагружено оборудование существующих предприятий в какой мере мероприятиями по рационализации и реконструкции, заводов можно расширить их производственную мощность. В наших условиях этот вопрос приобретает еще специфическое значение, так как в последние годы нам приходилось преодолевать не только консерватизм, неповоротливость, отсталость определенных технических кругов, но приходилось преодолевать в работе по правильному использованию и расширению отраслей народного хозяйства страны вредительскую работу представителей враждебных нам классов.

Вредительская работа в народном хозяйстве велась в гораздо более широком масштабе, чем это до сих пор представляется многим хозяйственникам-коммунистам и честным советским специалистам. Если в период шахтинского дела и после него нередко приходилось слышать жалобы коммунистов-хозяйственников на то, что у них „дезорганизуют" работу арестом отдельных, изобличенных во вредительстве специалистов, то теперь приходится констатировать, что некоторые вредители, занимавшие довольно видные технические и руководящие посты, слишком долго оставлялись на свободе.

Классовая борьба—вещь жестокая. За границей работают организации крупнейших капиталистов, имущество которых у нас национализировано. С поддержкой капиталистических стран они тратят огромные деньги на подкуп специалистов, работающих у нас. Чаще всего специалист-вредитель принадлежит к кадру высшего командного состава старой капиталистической промышленности и крепкими узами был связан с капиталистическим миром, получая многотысячные оклады и тантьемы. Многие из них были также акционерами.

В последнее время в ряде отраслей работа вредителей сводилась к тому, чтобы преуменьшать производственную возможность существующих заводов, раздувать капитальные затраты в таких отраслях, где это менее всего нужно, и задерживать капитальные затраты в других — способствовать неравномерному развитию отдельных частей народного хозяйства с таким расчетом, чтобы в результате создавались узкие места.

Эта работа вредителей была тем более опасна, что она проводилась не только на заводах и в трестах, но и в высших руководящих хозяйственных органах. Вредительские организации стремились портить наши планы по отдельным отраслям.

Преимущества планового хозяйства огромны, если планы составлены правильно. Если бы вредителям удалось провести вредительский план — это привело бы к серьезным хозяйственным потрясениям. Поэтому необходимо особенно внимательно отнестись к планам реконструкции крупнейших трестов и отраслей промышленности. Специалисты-вредители, опираясь на свой большой опыт работы и авторитет в среде более молодых специалистов, часто могли оказывать влияние на вполне честных советских специалистов. Вредительство, технический консерватизм нередко преподносится как строго научное обоснование. Опасения производственного риска также часто приводили к проектировкам с очень большими резервами. С таким положением нужно покончить.

Правильное и полное использование существующего оборудования является очень крупным дополнительным резервом для ускорения нашего роста. Каждый день приносит здесь новые возможности. Технический прогресс развивается непрерывно. Мы так отстаем на этом фронте, что догонять здесь нужно форсированным темпом.

Эти задачи особенно резко ставят вопрос о технических кадрах. Необходимо энергичное выдвижение более молодых кадров, не зараженных скептицизмом и техническим консерватизмом, способным учиться у европейской и американской техники и проявлять инициативу.

В числе резервов дополнительной производственной мощности особо следует сказать о непрерывном производстве.

Нужно отдать должное инициаторам этой идеи—работникам ВСНХ и т. Ларину, который сумел ярко поставить вопрос и перед V С'ез-

дом Советов и в печати. Переход на непрерывную производственную неделю и почти непрерывный производственный год затрагивает целый ряд крупных производственных, организационных и бытовых вопросов. Имеется не мало препятствий для его проведения—однако, все это отступает перед огромными производственными выгодами, которые получаются от перехода на непрерывное производство. Поэтому широкая советская общественность встретила эту идею весьма сочувственно. Не дожидаясь решения вопроса в государственном масштабе, целый ряд предприятий проявил самостоятельную инициативу в деле перехода на непрерывное производство. Однако, такой самотек допустим лишь на первых порах, для проверки опыта. Переход на непрерывную неделю может выполнить свою роль дополнительного производственного резерва лишь при плановом проведении его в общегосударственном масштабе. Поэтому с предстоящего 1929/30 г. переход на непрерывное производство должен проводиться в плановом порядке с учетом результатов в контрольных цифрах. Плановое хозяйство не допускает случайных скачков, даже в том случае если они ведут к более быстрому исполнению плана в отдельных его частях.

В настоящее время уже имеют место случаи, когда непрерывное производство строительных работ срывается за недостатком строительных материалов.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. должно быть точно установлено, какие отрасли, в каком об'еме переводятся на непрерывную неделю чтобы связать концы с концами и не допускать заскоки в отдельных производствах, которые могут кончиться срывом. Как известно, переход на непрерывное производство может дать значительное увеличение выпуска продукции без производства новых капитальных затрат или при минимуме этих затрат.

Это значит, что переход на непрерывную неделю может дать при тех же капитальных затратах увеличение продукции или же, при известном сокращении капитальных вложений, намеченную продукцию.

Следовательно, в одном случае переход на непрерывное производство может быть использован для экономии капитальных вложений, в другом же — для значительного увеличения продукции против размеров, намеченных пятилеткой.

Мы считаем, что в 1929/30 г. переход на непрерывное производство должен быть использован в обоих направлениях исходя из учета реального положения в каждой данной отрасли.

Вопрос этот должен быть основательно проработан ВСНХ, а также другими хозяйственными органами и всей системой плановых органов. Необходимо начать прежде всего с лимитных отраслей народного хозяйства. Такими являются топливная и сырьевая отрасли промышленности, а также промышленность строительных материалов.

Прежде всего здесь нужно учесть, какое количество топлива и промышленного сырья может дать переход на непрерывную неделю, оставаясь в рамках проектировок пятилетки и учитывая производственные итоги 1928/29 г. Получив таким образом дополнительное количество топлива, сырья и строительных материалов, нужно учесть, какие отделы перерабатывающей промышленности и строительства и в каком об'еме можно перевести на непрерывное производство.

По большинству сырьевых и топливных производств ведутся уже подготовительные работы к переводу на непрерывное производство. По расчетам Главчермета, добыча железных руд в 1929/30 г. с переходом на непрерывное производство может дать дополнительный рост на 7%, по Югостали по углю —на 5%. Тов. Ломов в своей статье, посвященной вопросу о переходе на непрерывное производство, указывает, что по Донуглю представляется возможность получить примерно 10% роста при полном осуществлении непрерывного производства. Эти отрасли в известной мере являются лимитными для многих других отраслей. Большой рост продукции может быть получен также по таким строительным материалам, как цемент, кирпич, стекло, алебастр, черепица и т. д., в результате чего может быть смягчен дефицит в строительных материалах.

По некоторым наиболее дефицитным товарам как чугун непрерывное производство уже введено, почему дальнейшее увеличение продукции здесь возможно лишь за счет рационализации процесса производства и его расширения.

Для того, чтобы эти отрасли могли итти вровень с ростом продукции, получаемой от непрерывного производства, требуется увеличение капитальных вложений.

Обрабатывающая промышленность может перейти на непрерывное производство почти во всех отраслях. При этом в тех отраслях где имеется достаточно сырья, непрерывное производство дает дополнительную сверх плана продукцию, а в тех, где сырье не позволяет дополнительно расширять производство, можно получить экономию на капитальных вложениях.

В некоторых отраслях, работающих на дефицитном сырье, где наличное сырье может быть переработано на действующих заводах без перехода на непрерывное производство, этот переход все же частично может быть произведен за счет прекращения производства на наиболее изношенных и нерентабельных заводах.

Вопрос отбора лучших заводов и прекращения производства на худших может быть поставлен не только для отраслей, не могущих расширить производство из-за недостатка сырья, но и для производств, продукция которых по условиям рынка не может быть особенно расширена. К таким производствам относится, например, бутылочное. Об этом конкретно говорит обращение рабочих Уршельского стеклозавода о переходе на непрерывное производство.

Таким образом, переход на непрерывное производство ставит целый ряд общих народнохозяйственных вопросов, заставляет под этим углом пересмотреть вопрос о капитальных вложениях по отраслям для соответствующей перегруппировки.

Мы здесь не затрагиваем целый ряд культурных, бытовых вопросов, которые должны быть поставлены в этой связи. Но уже сейчас ясно, что например в области торговли праздники должны быть также отменены.

Наша торговая сеть крайне перегружена. Обслуживание потребителя плохое. Приходится на каждую покупку затрачивать много лишнего времени. Непрерывную торговлю, с удлинением ее часов следует ввести в городах полностью для того, чтобы использовать существующую торговую сеть для улучшения обслуживания потребителя. На ряде работ в транспорте непрерывное производство также может дать хорошие результаты.

В производстве сельскохозяйственного сырья непрерывное производство не может дать результатов. Сбор хлопка, свеклы, подсолнуха и т. п. зависит от другого сложного комплекса причин. Поэтому в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, мы не можем получить добавочную продукцию против пятилетнего плана в результате перехода на непрерывное производство.

Стало быть значительное количество отраслей промышленности не дает дополнительной продукции без увеличения капитальных вложений или в сырьевую базу, или непосредственно в промышленность (черная металлургия).

Сейчас еще нельзя точно сказать, какой же дополнительный прирост промышленной продукции можно получить в 1929/30 г. от перехода на непрерывное производство. Некоторые предварительные подсчеты позволяют рассчитывать на 3—4%.

В какой же мере указанные выше дополнительные резервы сказываются на контрольных цифрах 1929/30 г.?

По промышленной продукции ВСНХ это дает возможность запроектировать дополнительный против пятилетки рост.

В пятилетие на 1929/30 г. намечен рост в 21,8%. Предварительные подсчеты позволяют сейчас говорить о цифре примерно в 30—35%. Увеличение это идет преимущественно по группе А, так как размер продукции в важнейших отраслях группы Б (текстильной, сахарной) ограничен сырьевыми лимитами, но и тут, вместо запроектированного пятилеткой прироста в 18%, можно уже говорить о 22—25%.

При этом необходимо добиться максимального расширения продукции предметов домашнего обихода (кровати, мебель, примуса, часы и т. п.) и таких предметов широкого потребления, как радио, принадлежности спорта, фото и т. д. Инициатива в постановке этих производств имеет очень большое значение. Расширению этих производств в 1929/30 г. должно быть уделено особое внимание.

Указанное выше ускорение темпов выполнения пятилетнего плана, ускорение строительства — вызывает необходимость увеличить в 1929/30 г. план капитального строительства.

В 1928/29 г. будет выполнено капитальных строительств без электростроительства на сумму в 1.650 млн. руб. На 1929/30 г. намечалось по пятилетке 2.360 млн. руб.

Предварительные директивы ВСНХ его органам по составлению контрольных цифр на 1929/30 г. намечали капитальных вложений по планируемой ВСНХ промышленности на сумму в 2.600 млн. руб., т.-е. на 250 млн. руб. больше, чем это предусмотрено в пятилетке.[1] Увеличение это приходится главным образом на металлургическую промышленность (800 млн. руб. вместо 670 млн. руб. по пятилетке), при чем оно достаточно обосновано необходимостью форсировать строительство крупнейших металлозаводов и сырьевой базы как для черной, так и для цветной металлургии. Вместе с тем особо тщательному рассмотрению подлежат вложения в машиностроение. У нас до сих пор нет планов реконструкции крупнейших машиностроительных заводов. Затрачивая на них ежегодно огромные средства, мы не имеем твердой уверенности в том, что деньги вкладываются наиболее целесообразно.

Если сейчас нельзя говорить, что в металлообрабатывающую промышленность вкладываются лишние деньги и что эти вложения можно сократить, то следует добиться, чтобы эти вложения пошли наиболее целесообразно и дали быстрый и полный производственный эффект. По остальным отраслям промышленности ВСНХ придерживается наметок петилетки с увеличением резервов с 25 млн. руб. до 200 млн. руб.

Уже сейчас можно сказать, что по ряду отраслей и прежде всего — по топливной эти вложения недостаточны. ВСНХ для последней включил в пятилетку 460 млн. руб. Но ведь при утверждении пятилетки СНКомом были даны директивы увеличить добычу по нефти, углю и торфу. Программу по нефти придется еще потому расширить, что количество тракторов и автомобилей растет сверх пятилетки. В пятилетке намечалась добыча нефти в 1932/33 г. 22 млн. тонн СНК повысил задание до 23,5 млн. тонн, а теперь приходится повышать до 26 млн. тонн.

Поэтому на будущий год вместо 470 млн. руб. по пятилетке в топливную промышленность придется вложить значительно больше средств (около 550—580 млн. руб.). Нельзя также принять проектировку ПЭУ ВСНХ по строительным материалам. По пятилетке намечалось дать 180 млн. руб.— ПЭУ ВСНХ же сокращает вложения до 155 млн. руб. Между тем, при наличии дефицита по ряду стройматериалов и росте строительства сверх пятилетки следовало бы не сокращать вло-

[1] Статья была написана тогда, когда еще не было последних цифр ВСНХ, дающих уже не 2.600 млн., а 3.000 млн. руб. с лишним и близко подходящих к наметкам Госплана, сделанным в июне—июле.

Особое расширение получают также формы производственной смычки, главным образом по линии контрактации. Выполнение контрактации в 1928/29 г. идет также на много выше плана. Контрактация на будущий год должна быть еще более форсирована с значительным превышением намеченных в пятилетке масштабов.

Наиболее остро в сельском хозяйстве на будущий год стоят вопросы скотоводства. По данным весеннего опроса количество скота в текущем году несколько сократилось. Нужно, однако, оговориться что этот материал является крайне спорным и охватывает весьма незначительную часть крестьянских хозяйств и поэтому едва ли может быть распространен на все сельское хозяйство в целом. Все же ряд кон'юнктурных показателей по отдельным районам говорит об очень значительной продаже скота, почему в некоторых местах не исключена возможность некоторого его сокращения. Поэтому в контрольных цифрах на будущий год должны быть предусмотрены специальные мероприятия по под'ему скотоводства. Эти мероприятия в частности должны предусмотреть значительный рост государственных скотоводческих совхозов, а также совхозов и кооперативных и коллективных ферм по молочному хозяйству в районах крупных городов, исходя из задачи полного удовлетворения потребности этих городов в молочных продуктах. В ряде городов в этом направлении уже сделаны значительные шаги. Необходимо эти меры максимально форсировать.

Все сказанное ставит вопрос о необходимости значительного увеличения финансирования сельского хозяйства и в первую очередь, его социалистического сектора.

Таким образом и по линии промышленности (капитальное строительство), и по линии сельского хозяйства (строительство крупного социалистического сельского хозяйства) мы получаем увеличение размера капитальных вложений против пятилетки, а следовательно и необходимость дополнительного финансирования.

Из каких же источников могут быть получены эти дополнительные финансы? Затрудняясь сейчас более подробно проанализировать весь финансовый план народного хозяйства на предстоящий год мы ограничимся лишь рассмотрением той части финансовых вопросов, которые связаны с госбюджетом, поскольку значительная часть госбюджета направлена на финансирование народного хозяйства. Теперь уже выяснилось, что госбюджет за 1928/29 г. будет выполнен с превышением на 100 млн. руб. и составит сумму, примерно, 7.850 млн. руб. государственных доходов. По утвержденной пятилетке, госбюджет на 1929/30 г. составляет 9.200 млн. руб., что дает рост против госбюджета 1928/29 г. на 19%. Сейчас уже установлено, что этот размер бюджета для предстоящего года является недостаточным и он проектируется в сумме около 10 мрд. руб. Совершенно необходимо дополнительное финансирование по линии промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства. Помимо этого необходимо также увеличение расходов по некоторым другим статьям. По линии административно-управленческих расходов остаются проектировки пятилетки.

По какой же линии можно получить для бюджета сверх установленных в пятилетке эти дополнительные суммы? Наркомфин выступил с проектом дополнительного обложения промышленности. Он предлагает принять снижение себестоимости в 8%, а снижение отпускных цен в 1,8% и полученную от этого разрыва между снижением себестоимости и снижением цен сумму, примерно, в 400 млн. рублей засчитать в приходную часть бюджета. Таким образом, изыскание дополнительных бюджетных источников подводит нас вплотную к вопросу финансового плана промышленности, политики снижения себестоимости и промышленных цен в будущем году. Однако, было бы сейчас неправильным предрешать вопрос так, как это делает Наркомфин. Мы исходим из того положения, что на будущий год промышленности необходимо пред'явить жесткие требования по усилению снижения себестоимости. В текущем году плановое задание по снижению на 7% промышленностью полностью не будет выполнено. Это сейчас уже можно считать доказанным. Неполное снижение себестоимости нужно отнести в значительной мере за счет организационных недочетов в работе, поэтому дополнительно к заданию по снижению себестоимости, намеченному на 1929/30 г. пятилеткой, необходимо прибавить то недовыполнение, которое имеет место в текущем году. Поэтому мы считаем правильным дать промышленности на будущий год задание снижения себестоимости, примерно, на 10% или даже выше. Достигнуть этого снижения вполне возможно, судя по достижениям третьего квартала истекающего года. Что касается политики снижения отпускных цен промышленности, то в отношении средств производства (машин, материалов, сырья и т. п.) необходимо строго придерживаться размеров снижения цен намеченных в пятилетнем плане.

Что касается ряда предметов широкого потребления, как например текстиль, сахар и др., то по условиям состояния рынка и финансового положения промышленности общее снижение отпускных цен в предстоящем году можно и не проводить в таких размерах, как это намечено пятилеткой, особенно в первую половину года. Таким образом, мы допускаем возможность использования разрыва между снижением себестоимости и снижением отпускных цен, однако, в настоящее время до более конкретного рассмотрения финансового плана промышленности было бы неправильно учитывать эти суммы как дополнительный доход бюджета.

Если капитальное строительство промышленности против пятилетки будет увеличено на 300 млн. руб., то это значит, что и план финансирования должен быть увеличен в большей мере, чем это в настоящее время предусмотрено в бюджете. Вот почему мы считаем

предложение Наркомфина не реальным. Если его принять в настоящем его виде, без увеличения финансирования промышленности по бюджету, то это будет означать, что мы заранее отказываемся от какого бы то ни было увеличения против пятилетнего плана капитальных вложений. Поэтому мы считаем, что поиски дополнительных средств, необходимых для увеличения финансирования сельского хозяйства, культурного строительства и других потребностей бюджета должны итти и в других направлениях. Необходимо думать о дополнительных доходных источниках. Нам представляется, что эти дополнительные доходные источники могут быть получены по линии дифференцирования акциза и промналога и отчасти от увеличения ставок подоходного обложения. Нужно отметить, что акцизное обложение является наиболее несовершенным для достижения более высокого обложения зажиточных групп населения. Однако, и здесь мы могли бы применить новые методы, которые переложат известную часть акцизных доходов на наиболее имущие группы населения. В текущем году при установлении порядка отпуска хлеба, сахара и других товаров по заборным книжкам в ограниченных размерах, принят принцип отпуска хлеба и сахара без карточек по повышенным ценам. Это дает возможность нетрудовым элементам, не имеющим заборных книжек, все же покупать эти продукты, но по повышенной цене. В отношении таких продуктов, как сахар, такой порядок дает возможность наиболее обеспеченным группам приобретать сахар по повышенной цене. Мы считаем, что в предстоящем году и по сахару и по текстилю необходимо сохранить порядок отпуска этих товаров по заборным книжках и по нормам. В этих условиях представляется возможным некоторую часть указанных товаров, примерно, в пределах 5—6% от общей товарной массы выпустить в свободную продажу на рынок без заборных карточек, по повышенным ценам. Мы считаем возможным из общего сахарного фонда в предстоящем году выпустить в таком порядке на рынок по двойным ценам около 6 млн. *кг* сахара, что даст дополнительных доходов около 70 млн. руб. Нам представляется, что и по текстильным товарам имеется возможность выделить такой фонд в пределах 5% товарной массы с продажей без заборных книжек и по повышенным ценам. При сохранении отпуска этих товаров для трудящихся города и для крестьянства по установленным нормам по твердым ценам, указанные товары по повышенным ценам будут покупаться главным образом нетрудовыми элементами и высшими группами служащих и, отчасти, рабочих.

Представляется также возможным на высшие сорта кожи установить акциз с расчетом получить в бюджет около 30 млн. руб. Возможно также повышение подоходного налога и получение по этой линии нескольких десятков миллионов рублей. Вместе с тем должна быть особенно тщательно проверена также программа реализации займов, чтобы и по этой линии наметить дополнительное увеличение доходов.

Мы считаем, что по указанным статьям можно получить в бюджет будущего года около 300 млн. руб. и таким образом обеспечить рост капитальных вложений по промышленности против утвержденных пятилетним планом, оставив возможность использования дополнительных накоплений в промышленности для обозначения ее плана капитального строительства. Финансовый план промышленности еще не сведен,— почему вопрос о размере средств, потребных для производства капитальных работ, еще подлежит дополнительной проверке.

Экспортно-импортный план является одной из важнейших составных частей народнохозяйственного плана.

Мы ввозим в нашу страну на сотни миллионов рублей сырья и полуфабрикатов для промышленности (хлопок, шерсть, кожи, цветные металлы и т. д.); мы ввозим ежегодно на сотни миллионов рублей оборудования для промышленности, транспорта и др.; мы ввозим на десятки миллионов рублей сел.-хоз. машин, тракторов, минеральных удобрений, племенного скота и т. д.; и мы ввозим медикаменты, научные приборы, оборудование, и, наконец, некоторые, предметы широкого потребления (чай, рис, фрукты, сельди и т. п.).

Во всех областях мы ввозим в обрез — голодные нормы.

Все ввозимые товары оплачиваются в иностранной валюте, которую можно получить лишь за вывозимые товары. Кредиты наши пока еще сравнительно малы, почему экспорт должен покрывать импорт. К тому же необходимо еще накопить некоторые резервные валютные фонды.

Между тем, экспорт является крайне узким местом нашего народного хозяйства. Отсталость сельского хозяйства находит свое отражение не только в продовольственных затруднениях, но также в сокращении продовольственного экспорта. Пятилетний план исходил из того, что хлебный экспорт будет поставлен лишь в последние три года пятилетки. На 1929/30 г. хлебный экспорт не предусматривался. Экспорт масла и яиц также намечался в незначительных размерах. Рост экспорта намечался главным образом за счет промышленного экспорта. Предварительные наметки на 1929/30 г. показывают правильность этой установки. — В области предметов продовольствия необходимо, прежде всего, добиться полного удовлетворения внутреннего рынка и преодоления продовольственных затруднений и уже после этого развивать экспорт. В текущем году необходимо не только правильно снабжать страну хлебом, но и создать значительный хлебный резерв. И таким образом, через год можно создать условия для хлебного экспорта. Точно так же приходится на предстоящий год очень осторожно наметить экспорт масла и яиц. В текущем году на этих рынках напряженное состояние. — Удовлетворительный урожай текущего года и поощрительные меры по молочному и яичному хозяйству — значительный рост молочных совхозов и колхозных ферм, а также промышленного производства — должно уже в 1929/30 г.

значительно улучшить положение. Однако, нужно прежде всего закрепить положение на внутреннем рынке.

В результате такого отставания сельскохозяйственного экспорта — на первое место выдвигается промышленный экспорт. Главное место в экспортных статьях плана занимают: лес, нефть, пушнина, руда. И по экспортному плану намечается некоторое превышение пятилетки. На 1929/30 г. по пятилетке промышленный экспорт намечался в сумме 1.130 млн. руб. Теперь НКТорг наметил 1.160 млн. руб. Госплан считает возможным повысить экспорт до 1.200 млн. руб. Конечно, эти расчеты еще предварительны, их нужно еще основательно проверить при сверке контрольных цифр на будущий год.

Во всяком случае пятилетка будет выполнена. В текущем 1928/29 г. промышленный экспорт составит 900 млн. руб., значит на будущий год намечается рост экспорта на 250—300 млн. руб., что составляет 28—33%. Такой рост экспорта возможен благодаря тому, что в последние годы на развитие экспортных статей было обращено большое внимание и затрачены большие средства. Точно также и в плане на 1929/30 г. на развитие указанных отраслей даются крупные средства. Все же выполнение этого плана представляет большие трудности. Особое значение имеют для экспортных статей вопросы себестоимости. На мировом рынке нашим товарам приходится конкурировать с технически передовой капиталистической промышленностью.

Поэтому целый ряд промышленных товаров за границей приходится продавать в убыток, который трестам покрывать очень тяжело, почему экспорт убыточных статей задерживается.

В ближайшие годы еще значительная часть экспорта будет убыточной, но мы должны итти на это, чтобы поддержать на нужном уровне импорт.

Но каждый процент снижения себестоимости в экспортных статьях имеет огромное значение именно потому, что это облегчает задачу форсирования экспорта.

Размеры импортного плана, помимо экспортной выручки и размера накопления валюты, зависят также от размеров иностранных долгосрочных кредитов. Это особенно важно для ввоза оборудования, тракторов и т. п.

Промышленное сырье (хлопок, шерсть, цветные металлы и т. п.) покупается или за наличный расчет, или с некоторым краткосрочным кредитом. Другое дело оборудование. Нам сейчас нужно ежегодно на сотни миллионов рублей оборудования. Это оборудование может дать новую продукцию лишь через несколько лет, поэтому платить наличными за оборудование невозможно. Если капиталистические страны предоставят нам достаточные долгосрочные кредиты на все оборудование, которое нам нужно заказать за границей, то мы сможем значительно расширить планы заказов и тем самым ускорить выполнение планов капитального строительства. Этот простой коммерческий расчет хорошо понят теми группами капиталистов (в частности в Англии), которые хотят поставлять нам машины и оборудование.

Смена твердолобых консерваторов правительством Макдональда может дать известную сдвижку вопросу о кредитах. Однако, не приходится забывать, что „рабочее“ правительство Англии лишь на словах отличается от консерваторов и на первом плане у него также, как у правительства консерваторов стоит вопрос о борьбе с „коммунистической опасностью“, что заслоняет реальные интересы народного хозяйства обеих стран.

Мы конечно, не составляем наши планы строительства социализма в расчете на кредиты правительства Макдональда. Мы лишь подчеркнули здесь, что капиталистические страны могли бы получить значительно больше заказов от Советского Союза при предоставлении значительных долгосрочных кредитов.

В импортном плане для нас имеет особо важное значение обеспечение необходимого оборудования для промышленности, тракторов и минерального удобрения для сельского хозяйства.

Уже сейчас можно сказать, что импорт может быть обеспечен в пределах утвержденных пятилеткой.

Стало быть и по экспортно-импортному плану мы идем на 1929/30 г. не отставая от пятилетки. Улучшение качества работы может во внешней торговле дать очень много и значительно улучшить положение.

* * *

Мы не остановились в нашей статье на ряде крупнейших вопросов плана будущего года, отчасти потому, что многие вопросы еще недостаточно ясны и требуют дополнительной проработки — отчасти из стремления уложиться в рамки журнальной статьи. Все эти вопросы требуют дополнительной всесторонней проработки и освещения как в печати, так и в общественных организациях и ведомствах. Но главные контуры плана будущего года нами все же даны и они сводятся к тому, что мы можем несколько опередить темпы, намеченные пятилеткой, и, что особенно важно, это опережение идет по линии социалистического сектора (в том числе по сельскому хозяйству).

Буржуазный германский журналист П. Шерфер написал в „Берлинер Тагеблат“ от 12 мая статью о пятилетнем плане. П. Шерфер не верит в выполнимость пятилетки, однако, он правильно оценивает ее значение. Он пишет:

„Если эксперимент этот удастся хотя бы на три четверти, уже нельзя будет сомневаться в окончательной победе. Это была бы победа социалистического метода, добытая силами неизношенного, способного верить, талантливого народа“.

Мы уверены что на три четверти наша пятилетка будет осуществлена уже задолго до установленных сроков, и г. Шерферу останется только констатировать победу социалистического метода. Но мы уверены также в том, что неизношенный, талантливый народ имеется не только в Советском Союзе, а во всех капиталистических странах. Этот народ — рабочий класс всех стран и, в частности, рабочий класс Германии — будет строить свое социалистическое хозяйство не менее талантливо, чем рабочий класс СССР.

Л. М. Сабсович

Проблема города

„Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время, в своем высшем развитии, он готовит элементы этой связи — соединение промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах)".

Ленин

Проблема города является одной из наименее разработанных проблем перспективного развития нашего Союза. И это совершенно понятно, ибо проблема города может быть разрешена лишь в связи с перспективами развития всех отраслей народного хозяйства и общими перспективами развития нашего государства. Между тем мы до сих пор не имеем еще сколько-нибудь разработанного проекта генерального плана развития народного хозяйства. Более того, мы только в самые последние месяцы закончили составление проекта пятилетнего плана народного хозяйства, в котором отдельные части также разработаны далеко неравноценно. В частности, недостаточно разработаны в пятилетнем плане вопросы культуры и быта, имеющие наиболее прямое отношение к проблеме города.

Поэтому естественно, что не только разрешение, но даже правильная постановка проблемы города представляет в настоящее время чрезвычайные трудности. При рассмотрении этой проблемы мысль является наиболее скованной, наиболее склонной к применению трафаретов, к проектированию на будущее наших современных представлений, питающихся нашим прошлым и настоящим и опытом современных капиталистических стран. Между тем такой подход к этой проблеме является совершенно неправильным. Он не учитывает тех грандиознейших, трудно представимых сдвигов, — экономических, социальных и культурных, которые нам предстоят в ближайшем будущем. Если мы хотим правильно подойти к постановке проблемы города, мы должны обратить нашу мысль в гораздо большей степени к этому будущему, чем к нашему прошлому и настоящему, или к опыту капиталистических стран, который мы должны, конечно учитывать, но в наименьшей степени копировать.

Проблему города мы должны решать только в плоскости генерального плана, а генеральный план развития народного хозяйства мы можем строить только, как план построения социализма. К этому нас обязывают те темпы нашего развития, которых мы достигли в настоящее время и которые мы должны удержать и превзойти в дальнейшем, и те неизбежные масштабы нашего роста, которые являются естественным следствием этих темпов. Как я показал в моей работе: „СССР через 15 лет", этот темп, — при условии мирного развития нашей страны, — обеспечивает нам возможность построения социализма в период примерно 15 лет. В связи с этим проблему города мы должны решать, как проблему социалистического города, как проблему перестройки наших городов применительно к общим требованиям развития страны в условиях построенного, осуществленного социалистического строя. И если мы можем поставить себе задачу построения социализма в нашей стране в период примерно в пятнадцать лет, то это значит, что и социалистическую перестройку наших городов мы должны осуществить в этот же период.

В такой постановке проблема города приобретает чрезвычайно важное значение в нашем генеральном плане. Ибо если развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта должно создать материальную базу для возможности построения социализма, то перестройка наших городов и сел должна создать непосредственные условия для осуществления социалистического быта.

Наши города подлежат радикальной перестройке. Ведь современный город является продуктом капиталистической эпохи развития человечества. Это — центр промышленности, торговли, транспортный узел, центр экономической мощи страны и центр наибольшего скопления населения; вследствие этого он является и центром управления, т.-е. административным центром, а также центром духовной жизни страны, центром культуры и т. д. И первый вопрос, который мы должны себе поставить, это вопрос о том, сможет ли и будет ли город и в дальнейшем играть такую же роль в стране, какую он играет в настоящее время.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего отдать себе отчет в тех изменениях, которые произойдут в основных отраслях народного хозяйства, т.-е. промышленности (включая энергетику), в транспорте, в сельском хозяйстве.

По тем подсчетам, которые сделаны мною в гипотезе генерального плана, промышленность в течение ближайших трех пятилетий может увеличить свое производство примерно в 25—30 раз. Весьма вероятно, что эти исчисления окажутся сильно преуменьшенными и в действительности мы сможем увеличить производство крупной промышленности в 45—50 раз. Если бы промышленность

развивалась у нас стихийно, то у нас действовал бы Веберовский закон агломерации. Наличие определенных путей сообщения, определенных рынков сбыта, наличие избыточного населения в городах и наличие в них жилого фонда и т. п. — все это заставляло бы строить новые предприятия преимущественно в существующих центрах или около них; а это в свою очередь вызывало бы усиление путей сообщения, ведущих к этим центрам, увеличивало бы приток населения в них, вызывало бы усиленное строительство жилых зданий и т. д. Таким образом, существующие города стихийно разростались бы, и мы имели бы процесс роста городов, аналогичный тому, который имеет место в капиталистических странах, но который происходил бы у нас значительно более быстрым темпом. Нужно сказать, что в настоящее время мы имеем именно такой процесс роста городов и до сих пор принуждены были с ним мириться, ибо мы весьма бедны путями сообщения и средствами, которые мы могли бы направлять на широкое транспортное строительство и на постройку новых городов в новых, мало заселенных местах. Однако, было бы большой ошибкой предполагать, что мы и в дальнейшем будем проводить такую же политику в нашем плановом хозяйстве.

Современные города менее всего могут быть признаны поселениями, создающими нормальные здоровые условия для жизни и здоровья трудящегося населения. Громадная скученность, жизнь в каменных клетках, оторванность от природы и т. д., — все это уродливости, созданные капиталистическим строем и неизбежно связанные с концентрацией промышленных и торговых предприятий в определенных пунктах. Будем ли мы принуждены и в дальнейшем таким образом концентрировать нашу промышленность, создавать крупные промышленные и заселенные центры по типу современных городов? На этот вопрос можно смело ответить отрицательно: мы не должны этого делать и мы сможем этого не делать!

Рабочий класс не может не дорожить каждой рабочей единицей, ибо при грандиозности задач и работы социалистического строительства (как в переходный период, так и в период развития уже в социалистических условиях), каждая лишняя рука, каждая лишняя голова — это новый ресурс для поднятия производительных сил, для построения и развития социалистического общества. Забота о жизни и здоровьи трудящихся явится одной из самых основных задач рабочего класса, при разрешении всех задач социалистического строительства, уже в самом ближайшем будущем. Затраты в этом направлении будут не менее производительными, чем во всех других областях народного хозяйства. Поэтому мы не должны создавать такие нездоровые условия для жизни трудящихся, которые неизбежно связаны с поселениями типа современных городов.

Но мы не только должны, но и сможем это осуществить! Условием, которое будет облегчать нам осуществление этих задач, явится

прежде всего „победа над расстоянием“. Технический прогресс последнего времени дает нам возможность добиться больших достижений в этом направлении. Правда, мы не имеем еще генерального плана развития транспорта и связи. Поэтому и здесь мне придется ориентироваться только на те примерные исчисления, которые я сделал в моей гипотезе генерального плана, как плана построения социализма. Согласно этим исчислениям, мы сможем за 15 лет произвести радикальный сдвиг в нашем транспортном хозяйстве, который может быть охарактеризован следующими примерными величинами.

Возьмем особый, специфический вид транспорта, чрезвычайно важный для нас,— транспорт энергии (передача энергии на расстояние). В настоящее время основной фонд электрификации оценивается в 840 млн. руб. (1927/28 г.); через 15 лет мы сможем довести его примерно до 30 мрд. руб. (в тех же ценах), т.-е. сможем увеличить примерно в 35 раз. При громадном количестве крупнейших электростанций, их кольцевании и возможности передавать энергию на большие расстояния, мы в значительной мере освободимся от привязанности промышленных предприятий к топливной базе и сможем значительно более свободно располагать промышленные предприятия, руководствуясь интересами наиболее целесообразного расселения трудящегося населения.

В этом же направлении будет действовать и значительное увеличение железнодорожной сети (примерно в 5 раз, т.-е. около 400.000 *км* жел.-дорожного пути вместо нынешних 75.000 *км*) и значительное расширение водного транспорта, основные фонды которого с 750 млн. руб. в настоящее время, смогут быть увеличены примерно до 10 мрд. руб., т.-е. почти в 15 раз. Наконец совершенно исключительное значение будет иметь полная реконструкция и громадное расширение местного транспорта — дороги местного значения, автомобили, трамваи и пр. — основные фонды которого смогут быть увеличены больше, чем в 60 раз (с 780 млн. руб. примерно до 50 мрд. руб).

Одновременно с этим, основные фонды авио-транспорта смогут быть доведены до величины порядка 5 мрд. руб. Больше, чем в 10 раз смогут быть увеличены основные фонды связи (с 280 млн. руб. примерно до 3 мрд. руб.).

Конечно, все эти цифры сугубо примерны и показывают лишь порядок величин, о которых может и должна итти речь. Но именно этот порядок величин, принимая во внимание также возможность громадного ускорения передвижения, показывает, что через 15 лет мы действительно сможем уже торжествовать большую „победу над расстоянием“ и возможности широко децентрализовать территориальное размещение промышленности будут действительно громадны. И если в настоящее время мы лишь в очень ограниченных размерах можем считаться с соображениями наиболее целесообразного

для жизни и здоровья трудящегося населения территориального размещения новых предприятий и размещения самого населения, то через 15 лет эти соображения могут быть учитываемы в полной мере. Так как здоровье и удобства жизни трудящихся будут являться одним из основных условий дальнейшего экономического, социального и культурного развития страны, то и с чисто экономической точки зрения такое размещение промышленных предприятий и населенных пунктов будет являться наиболее целесообразным.

Поэтому, увеличивая промышленное производство в несколько десятков раз и колоссально увеличивая и усовершенствуя средства передвижения и связи, мы будем новые фабрики и заводы строить по новому, не скучено, а разбрасывая их на большой территории, будем строить их ближе к природе, нередко комбинируя их с крупнейшим и научно-организованным сельским хозяйством, сельскохозяйственными фабриками: зерновыми, животноводческими, огородными, специальных культур и т. п. Побеждая расстояние, мы уничтожим экономические преимущества крупных городов, как промышленных и торговых центров. Свое преимущество культурных центров они также будут постепенно терять, поскольку воспитание и образование будут все более тесно связываться с производством (промышленным и сельскохозяйственным), и поскольку научная работа также будет все более непосредственно переплетаться с производством. Громадное увеличение средств связи (особенно — радио), тесно связывая самые отдаленные уголки нашей обширной территории, также будут все более сильно подрывать значение крупных городов, как культурных центров. Наконец, громадное численное увеличение кадров высоко квалифицированных культурных работников (ученых, артистов, педагогов, врачей, писателей и т. п.) и общий громадный культурный рост всего населения также лишат города той монополии на культуру, которой они пользуются в настоящее время.

Все эти соображения приводят к заключению, что города современного типа не будут иметь достаточных экономических и социально-культурных корней в условиях жизни нашего ближайшего будущего, в условиях социалистического строя и, что, строя социализм, мы должны создавать вместо нынешних городов поселения какого-то иного типа.

Однако, проблему социалистической реконструкции современного города нельзя рассматривать, не рассматривая одновременно и проблемы реконструкции поселений сельского типа, нынешних сел и деревень. Ибо резкое различие между современным городом и деревней об'ясняется громадной технической отсталостью сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями народного хозяйства. Такое положение не может и не будет иметь место в дальнейшем! Уже по нашему пятилетнему плану, в течение ближайших пяти лет, мы проектируем осуществление резкого технического, экономиче-

ского и социального сдвига в сельском хозяйстве, в сторону поднятия его на более высокий технический уровень и в сторону его обобществления. Естественно, что в ближайшее пятилетие мы сделаем лишь первые, хотя и достаточно крупные, шаги по пути к социалистической реконструкции сельского хозяйства. Но если уже в первое пятилетие, при крайней недостаточности наших ресурсов, мы можем поставить себе такую крупную задачу, как вовлечение в обобществленный сектор свыше 20 млн. душ крестьянского населения, то совершенно ясно, что в следующие 2 пятилетия мы можем поставить себе задачу осуществления полной социалистической реконструкции сельского хозяйства. В связи с этим, в своей гипотезе генерального плана, как плана построения социализма, я пришел к тому заключению, что за 15 лет мы сможем полностью изжить мелко-крестьянскую форму сельского хозяйства, полностью его обобществить, об'единив нынешние десятки миллионов мелких крестьянских хозяйств в крупные, обобществленные хозяйства, типа строющихся в настоящее время крупнейших государственных совхозов, сельскохозяйственных фабрик, на базе высочайшей техники и организации сельскохозяйственного производства.

Естественно, что нынешние села и деревни ни в какой мере не соответствуют новому типу организации сельского хозяйства. Работники этих крупных сельскохозяйственных фабрик будут преимущественно работниками при машинах и, в этом отношении, мало будут отличаться от работников промышленности. С „идиотизмом" деревенской жизни должно быть покончено раз и навсегда: сельскохозяйственная машина и научная организация сельскохозяйственного производства неизбежно поднимут культурный уровень сельского работника примерно до того уровня, которого достигнет городской рабочий через 15 лет, а такому высокому культурному уровню должны соответствовать и совершенно иные условия жизни. Индивидуальный быт и индивидуальная усадьба, неизбежно связанные с мелким индивидуальным крестьянским хозяйством, потеряют под собой всякую почву. Крупная сельскохозяйственная фабрика, охватывающая территорию в 50-100 тыс. *га*, а может быть и еще большую площадь, потребует значительной концентрации обслуживающего ее рабочего коллектива.

Таким образом, на место современных сел и деревень должны быть организованы более или менее крупные поселения, в которых должны быть сконцентрированы не только жилые здания, но и склады, и гаражи, и ремонтные мастерские, и электрические подстанции, и лаборатории, и фабрики первичной переработки сельскохозяйственного сырья, и школы, и больницы и т. д. Возможно, что такие поселения будут концентрировать в себе жилые и сельскохозяйственные постройки и население, обслуживающие одновременно несколько таких крупных сельскохозяйственных фабрик (2, 3, 4): тогда эти поселения будут еще более крупного размера. Более крупного размера будут поселения и в случае комбинирования сельскохозяйственного и промышленного производства на единой энергетической базе, на базе производства и переработки сельскохозяйственного (растительного и животного) сырья и т. п.

Благодаря такому противоположному процессу в городе (децентрализация нынешних городских промышленных и административных центров) и в деревне (концентрация поселений на базе крупнейшего сельскохозяйственного производства и комбинирования сельскохозяйственного и промышленного производства), различия между поселениями городского и деревенского типа должны будут все больше стираться.

Вместо нынешних гипертрофированных городов, скученных и нездоровых, и вместо нынешних совершенно диких и некультурных поселений деревенского типа, мы должны будем строить поселения какого-то иного типа, наиболее приспособленные как к типу экономической организации социалистического народного хозяйства, так и к наибольшему удовлетворению потребностей трудящихся в удобных, культурных и здоровых условиях жизни.

Вот это мы должны прежде всего отчетливо понять, ибо иначе все наши проекты реконструкции и расширения существующих городов, все наши проекты нового городского и сельского строительства (в том числе и рабочего жилищного строительства), будут иметь неправильное направление. Если мы не будем иметь перед собой правильной перспективы, мы рискуем затрачивать громадные средства нерационально, мы рискуем строить то, что в ближайшем же будущем нам придется ломать, мы рискуем не облегчить и не ускорить социалистическую реконструкцию городов, а сами создадим себе затруднения, которые нам в дальнейшем придется преодолевать.

Таким образом, определение нового типа поселений, вместо нынешних городов и деревень, является первой задачей, подлежащей тщательной разработке.

Не останавливаясь на вопросе об оптимальном размере таких поселений, тем более, что они могут быть различны в зависимости от различных условий, мы можем лишь сказать, что, как правило, они будут гораздо меньше современных крупных городов и значительно больше большинства нынешних сел и деревень центральной части Союза.

Все изложенное приводит к выводу, что за период примерно в 15 лет мы действительно принуждены будем почти буквально „снести с лица земли" все существующие города, села и деревни и построить вместо них другие поселения совершенно иного типа. В связи с этим

естественно возникает вопрос, сможем ли мы это сделать по состоянию наших ресурсов, откуда мы возьмем те поистине грандиозные средства, которые для этого необходимы.

Общий вопрос о нашей бедности или нашем богатстве и о масштабах тех ресурсов, которые мы сможем создать и которыми мы сможем располагать для построения социализма в этот период, освещен мною в моей гипотезе генерального плана. По исчислениям этой гипотезы мы сможем за 15 лет увеличить основной жилищный фонд примерно в 8 раз: с 24 мрд. руб. в 1927/28 г. до 200 мрд. руб. в 1942/43 г. Через 20 лет, т.-е. примерно к 1947/48 г. этот фонд сможет быть увеличен до 600 мрд. руб., т.-е. примерно в 25 раз. Одновременно с этим основные фонды коммунального хозяйства мы сможем за 15 лет увеличить в 16 раз: с 2,5 мрд. руб. в 1927/28 г. до 40 мрд. руб. в 1942/43 г. Через 20 лет, т.-е. к 1947/48 г. мы сможем довести их до 100 мрд. руб. (все в ценах исходного 1927/28 г., т.-е. по физическому об'ему).

Как и все приведенные раньше цифры, эти цифры являются сугубо примерными, показывают весьма грубо и примерно те масштабы затрат и работ, какие мы можем и должны поставить себе задачей осуществить на протяжении ближайших 15 лет. Но уже эти масштабы говорят нам с полной очевидностью, что задачу коренной реконструкции наших городов и деревень мы можем поставить себе, как задачу вполне осуществимую.

По оптимальному варианту пятилетки Госплана, за первое пятилетие в городское и сельское жилищное строительство может быть вложено около 15 мрд. руб. по физическому об'ему, при чем жилищный основной фонд с 24 мрд. руб. в исходном году повысится к концу 1 пятилетия примерно до 35 мрд. руб. По примерным исчислениям моей гипотезы генерального плана, за 2 пятилетие мы сможем вложить в жилищное строительство уже около 40 мрд. руб., а за 3 пятилетие — сумму порядка 150—180 мрд. руб. (по неизменным ценам исходного 1927/28 г.). В связи с такими вложениями, наш жилищный фонд через 10 лет составит по физическому об'ему сумму около 60 мрд. руб., а через 15 лет — около 200 мрд. Таким образом, по физическому об'ему сумма вложений в 1 пятилетии составит несколько больше половины от величины основного фонда жилищ к началу этого пятилетия, во 2 пятилетии — уже свыше 100% от величины основного фонда к началу 2 пятилетия и около 170% от основного жилищного фонда 1927/28 г., а в 3 пятилетии вложения в жилищный фонд превысят его величину к началу 3 пятилетия в 2,5—3 раза, а величину жилищного фонда исходного года превысят в 6—7,5 раз.

Эта динамика вложений показывает, что если в 1 пятилетии мы принуждены будем заниматься главным образом расширением существующего жилищного фонда, особенно в сельской его части, то уже во 2 пятилетии мы сможем повести большую реконструктивную перестройку жилищного фонда как в городах, так и в селах, а в 3 пятилетии мы сможем подвергнуть весь жилищный фонд радикальной реконструкции, сможем не оставить от существующего жилищного городского и сельского фонда ничего и создать для трудящегося населения города и деревни совершенно иные, здоровые и удобные условия жизни.

Таким образом, действительная „эпоха великих работ" в области создания новых жилищных условий для трудящихся, эпоха полной замены существующих городов, сел и деревень поселениями нового, чисто социалистического, типа начнется во 2 пятилетии, а полное свое развертывание получит в 3 пятилетии, так что в период ближайших 15 лет процесс радикальной социалистической реконструкции существующих городов и деревень может быть в основном осуществлен. На такую перспективу и должны мы ориентироваться во всех наших работах по расширению и реконструкции городского и сельского жилищного фонда.

Но если „эпоха великих работ" в этой области начнется лишь во 2 пятилетии, то уже в 1 пятилетку мы сможем и должны выполнить целый ряд подготовительных работ, а в некоторых случаях (в отношении новых поселков при вновь строющихся заводах, расположенных в мало заселенных местах, а также в отношении новых совхозов), мы должны будем начать постройку поселений социалистического типа уже в ближайшие годы. Поэтому, проблема новых городов и нового быта, проблема организации поселений социалистического типа, является проблемой не отдаленного будущего, а проблемой, которую мы должны разрешать уже в настоящее время. В связи с этим в высшей степени актуальное значение приобретают вопросы организации жизни в этих поселениях, вопросы нового социалистического быта, а следовательно и о типе этих новых социалистических поселений.

В отношении быта, весь строй жизни современных городов построен на базе индивидуального домашнего хозяйства. Наличие домашнего хозяйства, „домашнего очага", питает мелко-буржуазный индивидуалистический быт, закабаляя в то же время женщину, заставляя ее обслуживать бытовые нужды всей семьи, — свои, мужа, детей, иногда родственников и проч. Этот индивидуалистический мелко-буржуазный быт накладывает резкий отпечаток на все устройство современных городов. Исключительно преобладающей частью городских зданий, обслуживающих быт трудящихся, являются жилые дома. Эти жилые дома являются одновременно местом жилья в собственном смысле этого слова, местом приготовления пищи, местом принятия пищи, местом стирки белья, местом физического ухода за детьми и воспитания их, местом отдыха, местом занятий в свободное от обязательной работы время и т. д.

Соответственно индивидуальному удовлетворению этих многочисленных потребностей каждой семьи строются и современные дома. Дома делятся на обособленные квартиры, по идее — отдельно для каждой семьи; если в настоящее время в большинстве квартир живут по несколько семей, то это об'ясняется жилищной нуждой, недостатком жилых зданий и низким материальным уровнем благосостояния населения, не позволяющим оплачивать большую площадь жилого помещения и сразу же начать широкое жилищное строительство. Поэтому в новых домах (в том числе и в новых рабочих поселках) стараются строить маленькие квартирки отдельно для каждой семьи. Соответственно требованиям индивидуального быта, в каждой квартире устраивается отдельная кухня („очаг"), отдельная ванная, передняя, коридор, кладовая и пр. Для людей умственного труда, принужденных много работать дома, отводятся особые комнаты для занятий. То же помещение используется и для отдыха, и для воспитания детей, и для принятия пищи и т. д.

Эти современные дома, являясь продуктом индивидуалистического быта, приспособленным к его требованиям, в то же время и питают этот индивидуалистический, мелко-буржуазный быт, прививают его и новому поколению, которому придется достраивать социализм и в дальнейшем жить в условиях осуществленного социалистического строя.

Еще в большей мере все это верно в отношении быта наших деревень, в которых каждая семья, ведя свое обособленное мелкое крестьянское хозяйство, имеет свою усадьбу, свою избу, приспособленную (и весьма скверно приспособленную) к обслуживанию всех стоящих на весьма низком уровне бытовых нужд сельского населения.

Этот мелко-буржуазный, индивидуалистический быт находится в резком противоречии с задачами построения социализма, с задачами создания нового человека. Он чужд пролетариату, как классу, строящему социализм. Закабаляющий женскую половину человечества, коверкающий молодое поколение, он враждебен пролетариату и он должен быть уничтожен, как одно из наиболее тяжелых наследий капиталистического строя, сковывающее силы трудящихся, мешающее им строить социалистическое общество. Задачи социалистической культурной революции самым тесным образом связаны с уничтожением этого мелко-буржуазного, индивидуалистического быта. Без его уничтожения социалистическая культурная революция невозможна.

Для того, чтобы уничтожить этот мелко-буржуазный, индивидуалистический быт, нужно прежде всего выбить из-под него питающую его материальную базу, нужно обобществить удовлетворение бытовых нужд населения. Как индивидуальное мелкое крестьянское хозяйство, теряя под собой экономическую почву в связи с механизацией и химизацией сельского хозяйства, неизбежно подвергается процессу обобществления и исчезнет, как особая форма хозяйства, также неизбежно исчезнет и индивидуальное домашнее хозяйство и индивидуалистический, мелко-буржуазный быт по мере постепенного обобществления быта. Поэтому жизнь в поселениях нового типа должна быть организована на началах социалистического, обобществленного быта и к обслуживанию этого обобществленного быта должны быть приноровлены эти новые поселения, призванные заменить собою нынешние города, села и деревни.

Основные черты обобществленного быта, поскольку мы можем уже в настоящее время конкретно представить их себе и противопоставить господствующему в капиталистическом строе индивидуалистическому быту (а вопрос этот пока еще почти совсем не разработан и нуждается в тщательной проработке), могут быть в основном сведены к следующему: общественное обслуживание бытовых нужд трудящихся: — общественное приготовление пищи (фабрики-кухни), общественное питание (столовые, целиком обслуживающие все питание населения на манер нынешних домов отдыха, пансионов и проч.), общественные прачечные и бани, механизация и централизация уборки помещений и т. д.; общественное воспитание и обучение молодого поколения, начиная с младенчества и до трудового возраста, на государственный счет; социальное обеспечение и обобществленное обслуживание всех бытовых нужд трудящихся, выходящих из возраста, подлежащего обязательной трудовой повинности; полное раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве и о воспитании детей и использование ее наравне с мужчиной в качестве полного работника в общественно-обязательном труде; широкое общественное обслуживание культурных потребностей, которые значительно поднимутся количественно и качественно и удовлетворению которых трудящиеся смогут уделять все больше времени по мере сокращения продолжительности рабочего дня, уделяемого общественно-обязательной работе.

Для того, чтобы можно было организовать такой обобществленный быт, необходимо соответственным образом устроить новые поселения, необходимо под новый обобществленный быт подвести соответственный материальный фундамент. В этом по существу и заключается „проблема города" в настоящее время, проблема социалистической реконструкции современных городов и деревень в переходный к социализму период. Из этого же, с совершенной очевидностью, становится ясно, что ни наши города, ни тем более наши села и деревни совершенно не приспособлены к разрешению этих задач, и что для построения социализма, для организации социалистического быта их действительно нужно „снести с лица земли" и заменить поселениями совершенно иного типа.

Конечно, поскольку вопрос об организации социалистического быта является еще почти совсем неразработанным, поскольку правильный ответ на него связан с целым рядом самых основных и глубоких вопросов общественной жизни человечества (в том числе и с таким вопросом, как вопрос о семье, вопрос о более или менее устойчивом браке, вопрос о физическом и умственном воспитании детей, вопрос об общественно-обязательном труде и свободных занятиях трудящихся сверх этого общественно-обязательного труда, об их соотношении и удельном весе и т. д.), поскольку в этой области во всей мировой истории мы не имеем никакого опыта,— конкретизирование организации жизни в поселениях социалистического типа и, в связи с этим, проектирование организации этих новых социалистических поселений представляет исключительные трудности. Над этими вопросами нам придется еще много работать и, главное, проверять правильность тех или иных построений и проектов на опыте организации различных типов поселений такого рода. Поэтому и в настоящей статье я не ставлю себе задачей набросать хотя бы примерный проект такого поселения социалистического типа. Я считаю возможным, в настоящее время, несколько остановиться лишь на основных принципах и основных характерных чертах такого рода новых поселений.

Главное, что будет отличать поселения социалистического типа от современных городов и деревень, это то, что те многообразные различные функции обслуживания быта трудящихся, которые об'единены в едином домашнем хозяйстве каждой семьи, будут разделены и будут обобществлены. Организация каждой из этих функций будет представлять самостоятельную отрасль, самостоятельную задачу, которая будет выполняться специальной организацией, специальным общественным учреждением.

Поскольку все элементы нынешнего домашнего хозяйства будут отделены от жилья, жилищная проблема в тесном смысле этого слова, с одной стороны, приобретает своеобразные черты, отличные от этой проблемы в капиталистическом государстве, а с другой стороны, потеряет свой всеоб'емлющий характер и всеоб'емлющее значение. Собственно, жилые дома должны будут служить только для жилья и при том только для жилья взрослых, так как проблема жилья для детей должна быть разрешена особо,— в связи с вопросом об общественном воспитании детей. Идея постройки изолированных маленьких домиков для отдельных семей, обладающая весьма привлекательными чертами для мелкобуржуазного, индивидуалистического быта, в поселениях социалистического типа не будет иметь под собой почвы, и, как правило, не может быть применена. Таких отдельных домиков просто нечем будет заполнить, ибо с этими „домиками“ неизбежно

ассоциируется отдельная кухня, отдельная столовая, отдельная комната для детей и т. д. Устройство таких изолированных домиков будет невыгодно, а жизнь в них будет неудобна, а поэтому и мало привлекательна. Повидимому, основным типом жилищ (исключения, конечно, всегда возможны) будут громадные дома, снабженные всеми удобствами, электрифицированные и теплофицированные за счет энергии и тепла, получаемых от ближайшего предприятия (электро-теплоцентрали), оборудованные лифтами, приборами для механической уборки помещений (пылесосами и пр.), ваннами и душами, может быть площадками для физкультурных упражнений перед сном и после сна и т. п. Несомненно, можно будет вполне обеспечить каждому взрослому трудящемуся не менее одной отдельной комнаты, соответственным образом меблированной. Нужды в частной собственности на мебель, этой необходимой принадлежности мелко-буржуазного, обособленного быта, повидимому уже не будет, ибо каждый трудящийся за счет тех благ, которые ему будут в определенном количестве полагаться за выполняемую им общественно-обязательную работу, сможет пользоваться той или иной принадлежащей государству (общественному дому-жилищу) обстановкой по своему вкусу. Но, как было уже указано выше, вопрос о жилище в узком смысле значительно потеряет свою остроту, ибо жилой дом будет выполнять главным образом функции спальни и при том только для взрослых трудящихся.

Весьма важной отраслью работы будет организация питания населения. Несомненно, что в области приготовления пищи, поскольку „пищеварение“ сделается крупнейшей отраслью производства и отраслью крупного производства, техника самых методов приготовления пищи сделает значительные успехи. В газетах были сообщения, что уже в настоящее время делаются опыты мгновенного приготовления пищи при помощи электрического тока весьма высокого напряжения. Всякие такого рода усовершенствования и открытия могут внести в эту отрасль чрезвычайно большие изменения и сильно упростить организацию приготовления пищи и питания населения. Так как приготовление пищи является пока наиболее кустарным и преимущественно даже домашним видом производства и большого опыта в организации этого дела, в форме крупного производства, мы еще не имеем, то в настоящее время трудно намечать какие-либо крупные технические, а в связи с этим и качественно крупные организационные сдвиги в этой области. Поэтому, в смысле техники, приходится пока исходить из нынешнего ее уровня в ее наиболее совершенных достижениях настоящего времени. Приготовление пищи должно быть максимально централизовано в специально устроенной фабрике-кухне, которая должна обслуживать все население социалистического поселка и не только обедами, а всеми видами питания.

Также централизованно, в основном, должно быть поставлено и само питание населения. Как правило, оно должно быть организовано в общественных столовых, одной или нескольких, в зависимости от величины и территориального расположения социалистическото поселка, примерно так, как это делается в настоящее время в санаториях или домах отдыха,— с той разницей, что в отношении выбора пищи, сроков и порядка питания, трудящимся может быть предоставлена значительно большая свобода. В виде исключения (например для заболевших и т. п.) может быть предусмотрена возможность доставки пищи, что называется „на дом". При такой организации питания, наиболее здоровой и экономной, будет, повидимому, почти совершенно изжито индивидуальное приобретение пищевых продуктов, за исключением, может быть, да и то временно, каких-либо деликатесов, которые будут употребляться не в обычное, установленное время питания. В связи с этим, очевидно, значительные изменения претерпит и консервная промышленность, которая будет консервировать продукты питания преимущественно не для индивидуального приобретения, а для обобществленного потребления (в фабриках-кухнях и общественных столовых).

Совершенно исключительное значение и место должны будут занять учреждения и здания для обслуживания культурных потребностей населения. Общественное воспитание детей и обобществление обслуживания основных бытовых нужд трудящихся, освобождающие женщину от „домашних работ" и заботы о детях; сильное сокращение продолжительности рабочего дня, т.-е. времени, отдаваемого общественно-обязательному труду (в 3 пятилетии не больше 5 часов, а в 4 пятилетии вероятно до 4 и даже до 3 часов, в день, или вместо этого значительное сокращение числа месяцев в году отдаваемых общественно - обязательному труду, т.-е. весьма значительное увеличение продолжительности нынешних отпусков, может быть до 4—6 мес. в году); сокращение об'ема возрастной группы, обязанной нести общественно - полезный труд (вероятно от 21 до 49 лет),— все это предоставит гражданам социалистического общества возможность гораздо больше времени отдавать отдыху, свободным занятиям наукой и искусством, заботам о физическом развитии, т.-е. всем видам спорта, разного рода развлечениям и т. д. Понятие „профессия" уже не будет являться наиболее основной чертой, характеризующей трудящегося человека. Любой работник физического труда сможет преобладающее количество своего времени отдавать так называемым „посторонним" занятиям. Один будет заниматься преимущественно наукой, другой музыкой, третий — изобретательством в области своей основной работы или в иной отрасли, четвертый—скульптурой, пятый—спортом и. т. д. В связи с этим разница между работниками физического и умственного труда будет постепенно стираться.

Но не только все эти разнообразные виды занятий должны обслуживаться соответственной организацией общественной жизни. Должны быть соответственно организованы и условия для развлечения и отдыха трудящихся в нерабочее время. Нынешний отдых дома, т.-е. ничегонеделание, является наименее разумным употреблением времени. Едва ли такой отдых дома, т.-е. в своих комнатах в жилых домах, будет распространенным явлением в поселениях социалистического типа. Поэтому организации специальных учреждений для развлечения и для отдыха трудящихся должно быть также уделено весьма большое внимание.

В связи с этим резко изменится и самый тип поселений. Если в настоящее время в каждом городе преобладающими строениями являются жилые дома, то в поселениях социалистического типа удельный вес домов-жилищ упадет чрезвычайно сильно, как и значение их в обслуживании культурно-бытовых потребностей трудящихся. Преобладающую часть строений (кроме фабрик и заводов, общественных складов, распределителей и т. п.) будут составлять здания культурно-просветительного назначения (включая и спорт), научные институты и разного рода лаборатории и мастерские, библиотеки, читальни, кабинеты для занятий, залы для концертов, театры, кино, дворцы спорта, спортивные площадки и станции, дворцы отдыха и т. д., и т. п.

Наконец, совершенно исключительное внимание при создании поселений социалистического типа должно быть обращено на создание специальных организаций и соответственных условий для воспитания детей. Задача построения социализма заключается в создании социалистических условий жизни трудящихся и в создании нового человека, лишенного всех тех отрицательных черт, которые неизбежно порождают в нем буржуазный строй, условия буржуазного или мелко-буржуазного быта (а таким бытом живет еще почти весь наш рабочий класс, не говоря уже о массе крестьянства, служащих, и пр.) и нынешние условия воспитания детей. Ведь воспитание детей — не ремесло, и даже не только наука, а, в известной мере, искусство, искусство социалистической педагогики. Поэтому воспитание детей с самого раннего возраста, может быть рационально организовано и поставлено только как общественное воспитание. Как и большинство вопросов построения социалистического общества и социалистического быта, этот вопрос также является еще весьма мало разработанным. Это создает большие затруднения для правильной проектировки поселений социалистического типа, — тем более, что это связано с разрешением ряда весьма сложных общих проблем.

В настоящее время дети (во всяком случае в раннем возрасте) являются полной „собственностью" родителей, как бы „естествен-

ным" составным элементом современной семьи. Поэтому кажется естественным, что дети и живут вместе с родителями и воспитываются ими. В социалистических условиях, при обобществлении воспитания, дети уже не будут являться „собственностью" родителей: они будут „собственностью" государства, которое возьмет на себя все задачи и заботы о воспитании детей. Поэтому первым следствием обобществления воспитания, как это уже было указано выше, должно явиться то, что дети не будут жить вместе с родителями. С самого же рождения они должны быть помещены в специальные „дома ребенка", обставленные по последнему слову социалистической педагогики, в наилучшие условия для их физического воспитания и развития в них наилучших, наиболее здоровых задатков. Вопрос о кормлении матерью ребенка в первый год его жизни может быть разрешен без особенных трудностей. Уже в настоящее время женщина-работница имеет установленный законом перерыв в работе для кормления ребенка грудью. В социалистических условиях, если, или до тех пор, пока кормление грудью не будет заменено, может быть, более рациональным искусственным вскармливанием детей, — этот вопрос будет разрешаться много легче, чем в настоящее время. Этому, прежде всего, будет содействовать значительно сокращенный рабочий день, а возможно также и более продолжительный отпуск кормящим матерям после родов. С другой стороны, посещение „дома ребенка", для кормления грудью своего ребенка, может быть организованно так, что представит значительно меньшие трудности, чем бегание домой, или даже чем кормление детей в нынешних яслях, организованных при предприятии или учреждении. Во всяком случае, пока кормление детей грудью явится основным способом кормления детей в первые месяцы их жизни, „дома ребенка", один или несколько, в зависимости от количества грудных детей и места расположения предприятий, должны быть организованы в том же социалистическом поселении, в котором живут и работают матери этих детей.

Особые учреждения должны быть организованы для воспитания детей так называемого „дошкольного" возраста. Основой воспитания детей, начиная с самого раннего возраста, должно быть воспитание коллективное. Уже в настоящее время мы имеем начатки такого воспитания в виде детских садов, детских площадок и т. п. Но сейчас ребенок воспитывается под двойственным влиянием: под „коллективистическим" влиянием детского сада (большею частью далеко не блестяще поставленного) и под индивидуалистическим, большею частью вредным влиянием семьи, родителей. Последнее влияние в условиях обобществленного воспитания должно быть совершенно устранено: дети должны развиваться исключительно под влиянием коллектива детей, руководимых надлежаще обученными, любящими и понимающими дело социалистического воспитания педагогами.

Так как социализм имеет своей задачей максимально развить индивидуальность каждого человека, содействовать расцвету всех его способностей и общественно-благоприятных задатков, то воспитание детей с самого раннего возраста должно быть обставлено так, чтобы можно было эту задачу осуществить. Поэтому учреждения для воспитания детей должны являться учреждениями достаточно сложными и разветвленными. Вероятно, лучше всего эти учреждения могут быть организованы в виде специальных „детских городков". Поскольку дети, начиная с раннего возраста, будут воспитываться государством вне всякого влияния семьи, вовсе не обязательно, чтобы эти „детские городки" были организованы непосредственно при поселениях, в которых работают родители детей, и вовсе не обязательно, чтобы каждый такой городок обслуживал бы только одно социалистическое поселение. Эти „детские городки" должны организовываться в наиболее здоровых местах, нередко вдали от поселений взрослых трудящихся, и могут обслуживать ряд поселений. Более слабые дети вообще будут воспитываться в детских городках, специально организованных в климатически наиболее здоровых местностях нашего Союза. Нужно, однако, думать, что в большинстве случаев, во всяком случае, в начале социалистического периода развития нашей страны, „детские городки" будут организовываться сравнительно невдалеке от социалистических поселений, в которых будут жить и работать родители детей.

Вопрос об организации жизни в „детских городках" представляет сложную проблему, которая подлежит специальной детальной проработке и разрешению в зависимости от установления тех или иных методов воспитания детей дошкольного возраста в социалистическом обществе. В зависимости от этого будет разрешаться и вопрос о типе этих городков, характере построек в них и соответственном их оборудовании.

Во всяком случае, однако, ясно, что „детские городки" будут представлять собою довольно сложное хозяйство, в известной мере напоминающее собой хозяйство общих поселений социалистического типа. В них должны быть специальные дома для жилья детей, фабрика-кухня, столовые, разнообразные учреждения для физического и умственного развития детей, для ознакомления детей с музыкой и другими видами искусства; элементарные мастерские, лаборатории, огороды и пр. для привития детям трудовых навыков; музеи и зоологические сады для ознакомления детей с жизнью природы и т. д. В этих городках должно, естественно, быть соответственным образом организовано так называемое коммунальное обслуживание, т. е. водопровод, канализация, электрическое освещение, центральное отопление (теплофикация), удобные дороги и средства для сообщения и т. д. Разработка проектов постройки и устройства такого типа

„детских городков" должна явиться предметом большой специальной работы, специального научно-конструктивного исследования.

Воспитание детей школьного возраста, т.-е. примерно с 7—8 до 16—17 лет, также должно быть коллективным и также обособленным от жизни взрослых трудящихся. Воспитание детей этого возраста должно происходить в специальных „школьных городках", которые должны представлять собой как бы продолжение „детских городков". В „школьных городках" воспитание должно быть наиболее тесно увязано с производственными процессами (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и пр.) и с наукой: оно должно быть в значительной мере построено на базе практического познания природы и методов управления ею. В смысле организации, эти городки должны являться значительно более развитым типом „детских городков", но учреждения, имеющие назначение вырабатывать трудовые навыки и практические знания (лаборатории, опытные поля, мастерские, различные кабинеты для занятий и пр.) должны занимать в них значительно более преобладающее место. Значительное место в воспитании детей школьного возраста должны занимать путешествия для ознакомления с разнообразными условиями природы и жизни обширной территории нашего Союза (а может быть и других советских социалистических государств, если к тому времени социалистическая революция будет произведена и в других странах). „Школьные городки", так же как и „детские", могут быть организованы вдали от общих поселений социалистического типа, в специально выбранных, наиболее подходящих для этого местах.

Наконец, высшее образование подростков (в возрасте от 16—17 до 20—21 года) должно быть уже самым тесным образом связано с производством и научными институтами и лабораториями, которые в свою очередь неразрывно будут связаны с производством промышленным и сельскохозяйственным. Поэтому подростки должны жить в общих социалистических поселениях вместе со взрослыми трудящимися. Они уже будут, в известной мере, участниками производственного процесса, но центр тяжести их работы будет лежать еще в плоскости теоретического и практического изучения соответственных дисциплин и практической подготовки к работе.

Несколько слов следует сказать относительно многочисленных ныне торгово-распределительных предприятий (государственных, кооперативных и частных), обслуживающих отдельных граждан и снабжающих их всякого рода продуктами промышленного и сельскохозяйственного производства. В социалистических поселениях не только торговля, в нынешнем смысле этого слова, не будет иметь места, но весьма незначительную роль будет играть и распределение продуктов между индивидуальными потребителями. Выше уже было

указано, что полное обобществление питания почти совершенно уничтожит индивидуальное распределение пищевых товаров, которые в нынешней торговле занимают весьма важное место. Обобществление жилищ изымет из индивидуального распределения почти все предметы, относящиеся к группе мебельных товаров. Весьма вероятно, что в эту группу попадет и постельное белье, которое, как и мебель, будет являться принадлежностью комнат, предоставляемых трудящимся для жилья (как это делается в нынешних гостиницах или санаториях). Из'яты будут из индивидуального распределения и все посудные товары, которые будут являться принадлежностью общественных столовых. То же самое относится и к многочисленным предметам обихода, как-то: ведра, топоры, утюги, гвозди, лампы, дрова, керосин и т. п. Обобществление воспитания и образования в полной мере прекратит индивидуальное распределение („в собственность") всех учебных пособий и в значительной мере сократит индивидуальное распределение таких предметов, как бумага и писчебумажные принадлежности. Громадное распространение библиотек, читален, кабинетов для занятий и пр. относительно чрезвычайно сократит индивидуальное распределение книг, журналов и т. д., и т. п. Благодаря такому обобществлению быта, на долю индивидуального распределения останется сравнительно небольшое количество изделий промышленности, преимущественно готовая одежда, белье, обувь, мелкие предметы индивидуального обихода (галантерея и пр.), такие предметы, как фотографические аппараты, деликатесы и пр. Поэтому хозяйственный аппарат для индивидуального распределения продуктов производства будет весьма негромоздок и будет занимать весьма небольшое место в социалистических поселениях. Государственный распределительный аппарат будет иметь своей целью обслуживание главным образом обобществленного удовлетворения потребностей населения социалистических поселений (снабжение всем необходимым жилых домов, фабрик-кухонь, столовых, библиотек и т. д.).

Исключительно хорошо должен быть организован в социалистических поселениях местный транспорт. Пока не изобретен способ воздушного сообщения на весьма коротких расстояниях, преимущественным способом сообщений будут, повидимому, электрические дороги (трамваи и железные электрические дороги) и автомобили (легковые и автобусы). В индивидуальной собственности на легковые автомобили, повидимому, нужды не будет, хотя управлению машиной будет, вероятно, обучено большинство, если не все трудящиеся.

Наиболее экономно и целесообразно будет обслуживать все население автомобилями из общественных гаражей, откуда каждый трудящийся (в счет причитающихся ему за его общественно-обязательную работу благ) сможет получать автомобиль всегда, когда он этого захочет.

Мы обрисовали в общих чертах тот тип социалистических поселений, который должен сменить нынешние города и деревни. Как видно из всего изложенного, эти поселения весьма мало будут походить на нынешние города с их скученностью, неблагоустройством нездоровыми условиями жизни, преобладанием соответствующих индивидуалистическому быту жилых домов, многочисленных предприятий и учреждений административного и торгового характера и т. д. Еще более резко будут они отличаться от нынешних диких и некультурных поселений деревенского типа. Все это с несомненной ясностью показывает, что для организации социалистического быта мы должны совершенно заново построить все поселения, не оставив „камня на камне“ от существующих городов и деревень.

Выше уже было указано, что эту революцию в условиях жизни трудящихся нашего Союза мы будем производить в период примерно 15 лет, что мы будем обладать материальными ресурсами, необходимыми для осуществления этой задачи.

Нужно, однако, заметить, что все приведенные исчисления, основанные на возможных масштабах нашего развития, изложенных в моей примерной гипотезе генерального плана, отнюдь не могут считаться оптимальными. Уже принятый V С'ездом Советов пятилетний план развития народного хозяйства (оптимальный вариант Госплана с рядом дополнений в сторону увеличения) превышает первый пятилетний отрезок моей гипотезы генерального плана как в отношении роста продукции, так и в отношении размера капитальных вложений. Между тем уже сейчас, немедленно после принятия этого пятилетнего плана, становится ясным, что он не только не является оптимальным, но несомненно будет значительно превзойден. В моей статье „Новый решительный сдвиг в пятилетних перспективах нашего развития“, помещенной в № 133 „Торгово-Промышленной Газеты“, я показал, что только одно введение непрерывного процесса работы предприятия (включая праздники) и установление шестидневной недели позволит нам увеличить об'ем производства за это пятилетие не в 2,8 раза, а по крайней мере в 3,5 раза. При этом темп развертывания производства у нас пойдет за это пятилетие не по медленно восходящей кривой, запроектированной мною в гипотезе генерального плана, а по резко восходящей кривой, при чем в последний год пятилетки прирост продукции в отношении к предыдущему году достигнет примерно 37,5%, тогда как по гипотезе генерального плана я принял достижение темпа ежегодного прироста продукции в 27,5% только в третьем пятилетии. При этом эффективность основного капитала возрастает за пятилетие не на 35—45% (при принятии размера действующего основного капитала в исходном 1927/28 г. по восстановительной стоимости), а на 55—60%. Снижение себестоимости в первом пятилетии может быть достигнуто в размере 38—40%, против принятых

по моей гипотезе 33%, а увеличение производительности труда — примерно до 250%, против принятых мною 220%. Все это об'ясняется, в основном, значительно большими капитальными вложениями за пятилетие сравнительно с теми, что предположены мною в первом пятилетнем отрезке гипотезы генерального плана.

Все это показывает, что повидимому темп нашего развития будет значительно более быстрым, чем это запроектировано в моей гипотезе генерального плана, и потому все проблемы социального преобразования нашего общества, выдвинутые мною в этом плане, нам придется разрешать гораздо ранее и гораздо более быстрым темпом. В связи с этим значительно более быстрым темпом нам придется разрешать и проблему городов в той постановке, которая выдвигается мною в настоящей статье.

Какие практические выводы отсюда следуют?

Прежде всего — выводы так сказать „отрицательного“ порядка. Мы размещаем наши новые предприятия (за исключением тех, которые из-за расположения сырья или энергии нам приходится строить в новых местах — Магнитогорский завод, Тельбесский, новый промышленный комбинат при Днепрострое и т. д.) в существующих городах, преимущественно крупных: в Москве, Ленинграде, Харькове Нижнем-Новгороде, Сталинграде и т. д. В связи с этим наши города быстро растут, население в них быстро увеличивается, они начинают быстро застраиваться, и чем дальше, тем в больших размерах. Коммунхозы наших крупных городов создают большие планы их расширения,— первой, второй, третьей очереди. Проектируются грандиозные коммунальные сооружения вроде метрополитена в Москве. Строются многочисленные новые коммунальные дома, всячески поощряется кооперативное и частное жилищное строительство и т. д. и т. п. И мало кому приходит в голову вопрос: правильно ли мы делаем, увлекаемые стихией нашего роста, идя по пути, проторенному капиталистическим развитием городов? Не строим ли мы того, что нам самим придется разрушать в ближайшем же будущем? Не создаем ли мы сами себе затруднения, которые нам придется затем преодолевать, не идем ли мы по наиболее дорогому, по наименее экономному для народного хозяйства пути?

Все эти вопросы, конечно, совершенно законны и более чем своевременны. Мы уже сейчас, не откладывая, должны разрешить вопрос,—должны ли мы итти по пути дальнейшей централизации жизни в крупных городах, или мы должны немедленно же стать на путь их децентрализации. Вопрос этот не теоретический, а сугубо практический, так как с ним связано громадное строительство фабрик и заводов и большое жилищное строительство, осуществляемое нами уже в настоящее время. Из рассмотренных перспектив нашего развития на этот вопрос может быть только один ответ: мы должны прекратить проектирование большого рас-

ширения существующих городов, мы должны радикально пересмотреть под этим углом зрения размещение новых промышленных предприятий и расширение существующих, мы должны с этой же точки зрения подойти и к транспортному строительству, в особенности к развитию местного транспорта.

Мы должны немедленно же приступить к составлению планов не дальнейшего расширения, а децентрализации наших городов. Конечно, задача это — не легкая. Экономика прошлого тянет нас по старому капиталистическому пути размещения промышленности и развития наших городов. Этот путь, для близорукого взгляда, кажется более выгодным, более экономным: имеется магистраль и под'ездные пути к ней, доставка сырья удобнее и как будто дешевле: имеется сконцентрированное население, в том числе достаточно безработных; вблизи находятся всякого рода обслуживающие учреждения и т. д. Но то, что с частнохозяйственной точки зрения кажется более выгодным, с общегосударственной, народнохозяйственной точки зрения является в конечном счете наименее выгодным. Всякое развитие имеет свою неумолимую логику,— в том числе и развитие городов по обычному капиталистическому пути, по которому мы шли до сих пор и который нас тянет и дальше в свою сторону. Мы должны переломить эту стихийную тенденцию и противопоставить ей плановое строительство новых поселений социалистического типа.

Строительство новых предприятий мы должны безусловно выносить далеко за пределы существующих городов. К расширению существующих предприятий мы также должны подходить осторожно, т.-к. под видом расширения фактически нередко скрывается постройка нового предприятия, во много раз превышающего старое „расширяющееся" предприятие и по размерам продукции, и по стоимости основного капитала: в таких случаях нередко более целесообразным окажется перенос предприятия далеко за город (с использованием, по возможности, годного старого оборудования и части строительных материалов),—в место проектируемого нового поселения социалистического типа. Схему децентрализации современного крупного города можно себе представить в виде постепенной организации вокруг него, по определенному плану,— на расстоянии 30—50 *км* — новых поселений социалистического типа, в которых и должны строиться все новые предприятия, так или иначе связываемые в настоящее время с существующими крупными городами. Эти социалистические поселения должны быть и центром организации крупных сельскохозяйственных предприятий, создаваемых путем коллективизации окружающего крестьянского населения и в конечном счете, вероятно, сделаются и местом поселения трудящихся, которые будут заняты в этих крупных сельскохозяйственных предприятиях. Эти новые поселения должны постепенно делаться и культурными центрами: в них должны строиться и те новые культурные учреждения, которые в настоящее время намечены к постройке в существующих городах. В них могут постепенно переноситься и те административные учреждения (в том числе и центральные), которые в настоящее время сконцентрированы в наших крупных городах.

К осуществлению этих проектов можно приступить уже в ближайшие годы и очень многое можно сделать уже в текущем пятилетии. Намеченное пятилетним планом крупное строительство энергетических станций, которое несомненно будет в действительности значительно усилено; значительно более широкое и значительно ускоренное автостроительство, которое намечается сейчас, уже после принятия V С'ездом Советов пятилетнего плана; значительное ускорение постройки тракторных заводов и, несомненно, большее расширение (по сравнению с пятилетним планом) производства тракторов и сельскохозяйственных машин и возможность, в связи с этим, значительного форсирования процесса коллективизации крестьянского хозяйства, необходимость чего неизбежно вытекает и из общих складывающихся условий нашего развития; выясняющаяся возможность значительно больших накоплений,— в особенности в промышленности; возможность большего поднятия заработной платы, в связи с несомненно большим поднятием производительности труда (как указано выше) и необходимость и возможность, в связи с этим, больше поднять материальные и культурно-бытовые условия жизни рабочих, что наиболее достижимо при значительной социализации заработной платы,— все это, во-первых, значительно облегчит создание новых культурных поселений социалистического типа, как новых центров крупного индустриально-аграрного хозяйства, а, во-вторых делает скорейшую организацию их делом все более настоятельным, все более неотложным.

Поэтому, к разработке таких планов децентрализации наших крупных городов,— в связи с планами индустриализации отдельных районов, вопросами географического размещения промышленности и планами коллективизации крестьянства и организации крупных государственных сельскохозяйственных предприятий,— должно быть приступлено в самое ближайшее время.

Поскольку так ставится вопрос о социалистической реконструкции современных городов, в которых увязаны „на капиталистический образец" громадные капиталы и в отношении которых мы обязаны в первую очередь поставить вопрос о прекращении их дальнейшего роста по капиталистическому пути и постепенном переводе его в социалистическое русло,— постольку зна-

чительно решительнее должен быть поставлен вопрос об организации рабочих поселков, возводимых при новых крупных заводах, строющихся в новых, сравнительно мало заселенных местах. По этому поводу мне уже пришлось высказаться в статье „Проблемы рабочего быта в пятилетке", помещенной 8 марта 1929 г. в № 56 „Торг. Пром. Газеты". В этой статье мною развита следующая аргументация:

„Пятилетка промышленности запроектировала целый ряд таких заводов, как-то: Магнитогорский, Криворожский, Тельбесский, металлургические комбинаты, крупнейший промышленный комбинат при Днепровской электрической станции, Свирская районная электроцентраль и т. д. В местах постройки этих заводов по большей части не имеется готовых поселков, в которых могли бы разместиться рабочие, которые должны работать на этих заводах; рабочие поселки приходится возводить совершенно заново, — почти на чистом месте; в жилых постройках и зданиях никакие капиталы еще не увязаны; в эти места придется нередко привлекать рабочих из других мест, нередко создавать новые кадры рабочих.

Поэтому в отношении новых заводов вопрос несколько упрощается.

Однако, и в отношении новых заводов основной вопрос все же остается: можем ли мы позволить себе уже в настоящее время, на уровне еще низкой техники и невысокой производительности труда, строить социалистический быт, который предполагает значительно большие культурные удобства жизни рабочих?

Ведь удобства стоят денег, а денег у нас еще мало, и в первую очередь мы должны направлять их по производственному назначению, на увеличение основного капитала и переоборудование промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д. Не задержим ли мы этим развитие производительных сил страны, а следовательно и переустройство ее на социалистических началах, т.-е. не задержим ли мы, в конечном счете, улучшение положения всего рабочего класса, занимаясь значительным улучшением условий жизни отдельных сравнительно немногочисленных групп рабочих?

Конечно, если бы эти соображения были правильны, мы должны были бы отказаться от постройки поселков социалистического типа при новых крупнейших заводах, расположенных в новых местах, так как интересы всего рабочего класса не должны быть принесены в жертву интересам отдельных его групп. Если я выдвигаю в настоящее время эту идею, то только потому, что считаю, что без чрезмерного напряжения мы можем приступить к постройке поселков социалистического типа уже в текущем пятилетии, если правильно подойдем к разрешению этой задачи.

Конечно, до более детальной проработки этого весьма сложного вопроса на него трудно ответить вполне определенно; однако, целый

ряд весьма веских соображений заставляет признать, что строительство таких социалистических поселков, при крупнейших новых заводах, может оказаться с народнохозяйственной точки зрения наиболее выгодным и целесообразным. Доводами в пользу постройки в этих случаях поселков социалистического типа являются следующие соображения.

Проектируя постройку новых крупнейших заводов по последнему слову иностранной науки и техники, наши специалисты сплошь и рядом проектируют выработку на 1 рабочего на этих заводах ниже, чем в капиталистических странах, исходя из того, что наш рабочий-де недостаточно культурен и т. д. Между тем, строя новые технически совершенные заводы, мы должны ставить себе задачей добиться на них производительности труда не ниже заграничной; это значит, что нередко мы должны проектировать производительность труда вдвое более высокую, чем та, которая намечена в наших пятилетних планах. При такой производительности труда, для работы на данном заводе потребуется значительно меньше (нередко вдвое меньше) рабочих чем намечено в наших пятилетках; это значит, что, при той же сумме затрат на жилищное строительство, мы сможем затратить на каждого рабочего вдвое больше средств и, следовательно, предоставить ему значительно более культурные условия жизни.

Далее, освобождая, благодаря полному обобществлению быта, женщину от необходимости заниматься домашней работой и уходом за детьми, мы освобождаем полного работника, который может и должен быть занят производительным трудом; ибо в социалистическом поселке всякая женщина в трудоспособном возрасте должна быть использована на производительной работе так же, как и всякий трудоспособный мужчина. Значительная часть женщин-работниц может быть занята на производстве в заводе; остальная часть женщин может быть занята в учреждениях и предприятиях, обслуживающих бытовые нужды всех членов социалистического поселка (на фабрике-кухне, в общественных столовых, яслях, в общественном воспитании детей и пр.). Это еще больше уменьшит число лиц, которые должны быть устроены в социалистическом поселке при новом заводе и даст возможность еще больше увеличить затраты на строительство, падающее на 1 душу (считая и взрослых и детей).

Но, конечно, не во всех производствах, по крайней мере в настоящее время, можно использовать женский труд наравне с трудом мужчины, — особенно в тяжелой индустрии, где пока от рабочего требуется большая физическая сила. В связи с этим своевременно было бы выдвинуть задачу комбинирования новых крупных заводов, строящихся в новых, мало заселен

ных местах, с крупным, научно поставленным и технически рационально организованным сельским хозяйством: — с зерновой или, еще лучше, комбинированной сельскохозяйственной фабрикой. Проблема такого комбинирования вообще представляет для нас весьма большой интерес и может сыграть в дальнейшем нашем развитии весьма крупную роль. В разбираемом случае, такое комбинирование также может сыграть очень большую роль в двух отношениях: оно даст возможность наиболее правильно использовать всех без исключения работников — мужчин, женщин и подростков — на производственной работе на заводе и в сельском хозяйстве; кроме того оно даст возможность рационально поставить и значительно удешевить снабжение рабочих продовольственными продуктами сельскохозяйственного производства.

Значительное повышение производительности труда рабочих, занятых в технически совершенных предприятиях и живущих в культурных условиях социалистического поселка, даст возможность увеличить расходы на рабочего (номинальную заработную плату) при уменьшении доли заработной платы в общих издержках производства, т.-е. повышении рентабельности и увеличении накоплений предприятия. Уже одно это позволит существенно повысить жизненный уровень рабочих на этих новых, технически совершенных заводах. Кроме того, положение рабочего очень значительно улучшится вследствие того, что все трудоспособные члены его семьи будут заняты производительным трудом и будут получать заработную плату. Благодаря этому, расходы, падающие на 1 душу населения социалистического рабочего поселка, могут быть увеличены в 2—3 раза.

Наконец, общественное производство пищи на фабриках-кухнях и массовая заготовка предметов питания дадут еще добавочную экономию и позволят еще больше увеличить расходы на 1 душу населения.

Все приведенные соображения показывают, что при тех же абсолютных затратах на жилищное строительство, при постройке социалистического поселка, мы сможем увеличить расход на 1 душу в 2—3 раза; это должно дать возможность как увеличить жилищную норму, падающую на каждую душу, так и построить здания и учреждения, обслуживающие культурно-бытовые нужды трудящихся и членов их семьи. С другой стороны, указанное увеличение расходов на 1 душу населения позволит в 2—3 раза (в денежном выражении, а фактически в значительно большее количество раз) повысить реальный уровень жизни рабочих, создать для них вполне культурные условия жизни,—не хуже, а вероятно лучше условий жизни среднего американского рабочего,— естественным результатом чего будет требуемое значительное повышение производительности труда рабочих на наших новых, технически совершенных заводах. Заработная плата, при этих условиях, может быть в значительно преобладающей части социализирована".

Естественным вопросом, который неизбежно возникает в связи с проблемой социалистической реконструкции наших городов и постройки социалистических поселений уже в ближайшее время, является вопрос об избыточном населении в городе и деревне.

В своей работе по генеральному плану („СССР через 15 лет") я показал, что при громадном поднятии производительности труда нам, примерно с середины второго пятилетия, не только не угрожает избыточность населения, но есть все основания полагать, что мы будем испытывать известный недостаток в рабочих руках и что этот недостаток будет нас толкать в сторону дальнейшей рационализации промышленного и сельскохозяйственного производства, в сторону дальнейшего повышения производительности труда. Я считаю, что нет основания опасаться увеличения избыточного населения и в том случае, если мы приступим к организации социалистических поселений уже в текущем пятилетии,— и именно в связи с одновременной и совместной реконструкцией и промышленности и сельского хозяйства.

Новые социалистические поселения, организуемые вокруг вновь возводимых промышленных предприятий, могут и должны одновременно явиться организующими центрами для коллективизации окружающего крестьянского хозяйства,— и не только, конечно, зерновой его части, но и других полевых культур: огородничества, животноводства и промышленной переработки сельскохозяйственных продуктов. Организованное по последнему слову техники промышленное предприятие, на котором работают рабочие, живущие в культурном социалистическом поселении, и коллективизированное, машинизированное и электрифицированное сельское хозяйство являются наиболее высокой формой хозяйства, а потому и наиболее продуктивной и выгодной. Они будут создавать не меньше, а больше продуктов, чем существующая ныне более примитивная форма хозяйства, а следовательно, в общем и целом, больше обеспечат население промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Вопрос идет лишь о том, что на этих предприятиях может быть занято меньше трудящихся, чем занято в настоящее время. Но такое соображение неправильно и исходит из рассмотрения вещей в их статике, а не в динамике. Обобществление крестьянского хозяйства, при организующем влиянии первоначально только промышленного социалистического поселения, освобождая часть рабочих рук, будет немедленно же создавать условия для их трудового применения. Ведь уровень жизни рабочих в социалистических поселениях будет значительно выше, чем уровень жизни рабочих в настоящее время, и их необходимо будет в значительно большем размере снабжать продук-

тами интенсивного сельского хозяйства (овощи, мясо, птица, яйца масло, молоко и пр.). С другой стороны, и крестьяне, об'единившись в крупное машинизированное и научно поставленное сельскохозяйственное предприятие, также быстро поднимут свой уровень жизни и в значительно большей мере явятся потребителями этих продуктов интенсивного сельского хозяйства. Поэтому, организация социалистического поселения, как центра крупной промышленности, и организация вокруг этого поселения одного или нескольких крупных коллективных земледельческих хозяйств, в первую очередь зернового типа или типа специальных культур (свекла, лен и т. п.), неизбежно вызовет необходимость организации и крупных обобществленных огородных, животноводческих, птицеводных, садоводных и прочих хозяйств, которые поглотят избыточное население, освобождаемое при коллективизации крестьянских хозяйств и организации крупных рационализированных промышленных предприятий с очень высокой производительностью труда. Это — совершенно естественный диалектический процесс одновременного быстрого развития промышленности и сельского хозяйства, организуемых на подлинно социалистических началах и на базе быстрого поднятия материального и культурного уровня трудящихся.

Процесс децентрализации территориального размещения промышленных предприятий и организации при них социалистических поселений, как центров социалистической реорганизации не только промышленности, но и всех отраслей сельского хозяйства, явится могучим хозяйственным и культурным походом пролетариата социалистического города на мелко-буржуазную деревню, походом социалистического сектора на сектор частно-хозяйственный, капиталистический с целью его реорганизации на социалистических началах и уничтожения, совместными силами пролетариата и вовлеченной на новый социалистический путь развития бедняцкой и середняцкой массы крестьянства, последних корней капитализма в нашей стране. Строительство социалистических поселений при организуемых крупных промышленно-сельскохозяйственных комбинатах явится могучим рычагом для быстрой реорганизации нашего хозяйства и нашего общества на социалистических началах, для подлинного превращения нашей страны „из России нэповской в Россию социалистическую".

Именно поэтому социалистическая реконструкция наших городов, организация новых поселений социалистического типа на место современных городов и деревень является проблемой весьма актуальной, проблемой не завтрашнего, а сегодняшнего дня. И чем скорее мы приступим не только к разработке этой проблемы (а она нуждается еще в большой разработке и большой конкретизации), но и к ее разрешению, тем скорее мы построим социализм в нашей стране.

С. Г. Струмилин

К проблеме эффективности капитальных затрат

Эффективность накопления

В наше время нельзя себе мыслить общественного производства путем использования одного лишь невооруженного человеческого труда. Возрастающая роль материальных средств производства, т.-е. уже обвеществленного, „мертвого" труда на ряду с трудом живым в процессе общественного производства выдвигает перед нами проблему огромного, я бы сказал, решающего значения для планового хозяйства в такой стране, как в СССР. Это проблема оптимальных темпов хозяйственного накопления и его производственной эффективности.

Более вооруженный за счет накопления средств производства труд эффективнее менее вооруженного. Это положение в достаточной степени бесспорно. Недаром же закон и пророки капиталистического общества именно на этом основании без всяких колебаний и ограничений всю свою хозяйственную мудрость выражали в едином все обнимающем выводе: накопляйте! Но мы не должны забывать, что для них этот вопрос разрешался так просто только потому, что накопление капиталистического общества совершалось за счет чужого труда.

В трудовом обществе накопление не может стать самоцелью. Для нас производственное накопление в последнем счете есть только средство для увеличения непроизводственного потребления. И если мы в порядке хозяйственной предусмотрительности готовы увеличить затраты труда или сократить свое личное потребление ради производственного накопления на сегодня, то лишь постольку, поскольку это накопление гарантирует нам сокращение труда или расширенное потребление на завтра и послезавтра. Отсюда задача: какое самоограничение наличного в каждый данный момент населения ради накопления на сегодня дает оптимальный для него эффект в облегчении его труда и суммарном потреблении на сегодня, завтра и послезавтра или, говоря общее, в течение всей жизни данного поколения? А для того, чтобы разрешить такую задачу, следует заранее знать точную меру эффективности наших производственных накоплений или так называемых „капитальных" вложений в основные и оборотные производственные фонды.

Термин капитальные вложения или затраты в отношении к нашему обобществленному хозяйству применяется здесь, конечно,

только по инерции общепринятого словоупотребления и за отсутствием другого, более точно отражающего нашу советскую экономику переходного периода.

В чем же может быть найдена мера эффективности капитальных вложений?

Прежде всего можно различать три типа капитальных затрат: 1) наиболее экстенсивный, обеспечивающий максимальное привлечение в производство новых кадров труда даже ценой понижения средней нормы его вооруженности, т.-е. употребляя категории капиталистического хозяйства, со снижением среднего органического состава капитала в стране, 2) наиболее интенсивный, главная задача которого не столько расширение производства, сколько экономия в труде за счет повышения средней нормы его вооруженности, и 3) средний тип, расширяющий производство в той же мере, в какой расширяется применение труда, т.-е. при постоянной норме его вооруженности и, стало быть, неизменном строении капитала.

Во всех этих случаях новые вложения влекут за собой и новое расширение продукции, т.-е. сопровождаются известным положительным с этой точки зрения эффектом. Но если бы мы приняли за меру этого эффекта количество добавочной продукции на единицу новых капитальных вложений, то получили бы довольно неожиданный на первый взгляд вывод: чем совершеннее с точки зрения современной техники то производственное вооружение труда, на которое мы обращаем наши капитальные затраты, тем меньше по общему правилу их эффективность на единицу капитала. Например, простой кустарь сапожник затрачивает меньше „капитала" на пару обуви, т.-е. работает в этом смысле „эффективнее" крупной механической мастерской, ручное ткачество по той же мерке „эффективнее" фабричного, второстепенная тепловая станция „эффективнее" первоклассной гидростанции и т. д.

Почему же это так?

Об'яснение найти не трудно. Продукция — ни в ценностном, ни в натуральном своем выражении — сама по себе не может служить мерою эффективности „капитальных вложений" уже потому, что размер ее определяется не только мертвыми средствами производства, но и живым трудом. При ценностном измерении продукции это особенно ясно. Ведь ценность продукции определяется только трудом. Правда, в эту ценность входят не только элементы живого труда, но и амортизация, т.-е. накопленный труд, овеществленный в снашиваемой части основного капитала. Но, как известно, амортизация обычно составляет весьма небольшую часть вложенных в производство средств производства, а живой труд переходит в ценность создаваемого им продукта полностью и потому определяет ее в большей мере, чем „капитализированный", т.-е. накопленный мертвый труд. При количественном измерении продукции, т.-е. когда мы имеем дело только с ее полезностью, а не ценностью, производственная роль технической вооруженности труда, т.-е. накопленного богатства, значительно больше роли живого труда. Уже из этого следует, что в качестве мерила эффективности вложений „об'емные" измерители продукции гораздо более показательны, чем ценностные. Но и они сами по себе для этой цели мало пригодны, ибо если в производствах с высоким строением „капитала" решающую роль в определении количества создаваемых благ играет вооруженность труда, т.-е. „капитальные" затраты, то при низком строении эта роль выпадает, наоборот, почти всецело на долю затрат живого труда.

Из сказанного ясно, что без учета строения „капитала" построить учет его эффективности было бы невозможно. Чтобы получить в продукции меру эффективности одного лишь накопленного труда, необходимо было бы изолировать действие другого фактора, т.-е. живого труда, а это тем труднее, что совокупное их действие определяется не только абсолютными размерами каждого, но и их отношением друг к другу.

На ряду с продукцией в качестве измерителя эффективности капитальных вложений предлагался за последнее время и целый ряд других, например, производительность труда, снижение себестоимости, повышение рентабельности. И, конечно, каждый из этих показателей, как и продукция, находится в несомненной функциональной связи с ростом капитальных затрат. Но все они определяются не только величиной затрат, но и совокупным действием целого ряда других независимых между собой факторов, а потому принять их изменения за меру действия одного лишь из этих факторов невозможно.

Я думаю, что абсолютной меры эффективности капитала и вообще искать не следовало бы. Это было бы, повидимому, столь же неразрешимой задачей, как задача найти абсолютную меру сравнения уровня производительности труда в производстах различных незаменимых между собой благ. И, пожалуй, по одной и той же причине. Производственный эффект и живого и накопленного труда, т.-е. „капитальных" вложений в последнем счете один и тот же. И тот и другой направлены в последнем счете на создание потребительных ценностей различного значения. Но мерила соизмеримости между собой этого рода ценностей мы не имеем. А потому и абсолютной меры тех факторов, которые предполагают соизмеримость их эффекта, — т.-е. созданных этими факторами полезностей, едва ли найти возможно.

Но на худой конец, мы могли бы удовлетвориться и методами относительного измерения интересующей нас эффективности. Мы не можем соизмерить производительности труда, скажем, электромонтера и пахаря или ткача и сапожника, а потому не можем определить и среднего уровня производительности для всех видов труда в какой-либо момент без отношения к какому-либо другому моменту. Но построить индекс производительности труда, измеряющий ее динамику за тот или иной период, мы вполне можем. Точно так же

едва ли нам удастся измерить в каких-либо показателях абсолютный уровень эффективности капитальных затрат за какой-либо момент, но сопоставить этот уровень динамически для различных моментов при известных условиях мы несомненно смогли бы.

Нужно лишь какой-то момент и характерный для него уровень эффективности капитальных вложений принять за условную базу динамических сопоставлений. А затем, поскольку всякие сопоставления этого рода могут быть выражены лишь в относительных числах по отдельным вполне сравнимым между собой во времени отраслям труда и производствам, то необходимо еще условиться о методах взвешивания таких частных показателей эффективности для перехода к обобществленному индексу, обнимающему более широкие сферы труда или даже все хозяйство в целом.

Простейшим случаем, наиболее доступным для динамически сопоставлений, можно считать такой, когда новые вложения не из меняют пропорции между живым и накопленным трудом в прои водстве. Здесь, стало быть, прирост продукции, следующий за од наковым увеличением масштаба вложений и живого и мертвого труд может быть с полным правом принят за общую меру эффективн сти и того и другого. Если при этом, с увеличением в n раз все капитала, при неизменном его составе, и продукция возрастет в т кое же число раз, то мы в праве будем заключить, что эффекти ность единицы капитала, а вместе с тем и живого труда, остала неизменной.

Конечно, такой рост продукции в прямой пропорции с рост капитала даже при неизменном его органическом составе отню не может быть установлен на основе каких-либо априорных сообр жений. Дело конкретного исследования установить, будет ли име место на деле такая пропорциональность или в связи с росто предприятия аккумулированный капитал даже при постоянном орг ническом его строении будет до известных пределов повыша свою производственную эффективность, а затем, достигнув свое оптимума, начнет снова снижать ее в той или иной мере. Я лич думаю, что вполне вероятной является последняя гипотеза. А то перед нами встанет новая задача: на каждой технической ступе развития того или иного производства определить оптимальн масштаб отдельного предприятия с капиталом заранее заданно органического строения.

Более сложными для технико-экономического анализа придет признать те случаи, когда новые капитальные вложения сопро ждаются более или менее существенной реконструкцией не толь масштабов предприятия, но и норм вооруженности труда, т.-е. орг нического строения капитала.

Если при среднем строении капитала в стране ($H + C$ [illegible]) д производства P единиц годовой продукции требуется овеществит в ней t часов труда, то положительный эффект новых капитальн

вложений, изменяющих данное строение капитала, по сравнению с ранее достигнутым уровнем, может найти свое отражение только в двух направлениях: либо в повышении P при неизменном t, либо в сокращении t при неизменном P. Говоря общее, в обоих случаях этот эффект выразится в увеличении отношения $\frac{P}{t}$, т.-е. в повышении производительности труда. Соответственно этому, отрицательный эффект новых капитальных затрат нам пришлось бы констатировать в том случае, если бы результатом их явилось известное снижение средней производительности труда в стране.

Нет нужды пояснять, что положительный в указанном отношении эффект должны, по общему правилу, дать такие вложения, которые повышают средний органический состав „капитала“ в стране, и отрицательный те, которые понижают его.

В качестве наиболее частого примера вложений, понижающих средний органический состав капитала в стране, можно указать многообразные вложения в индивидуальное крестьянское хозяйство, и в частности, в переселенческое дело для рассасывания аграрного перенаселения деревни, в разного рода примитивные по вооруженности труда, но тем более трудоемкие „общественные работы“ — для использования труда безработных и т. д. Такого рода вложения в условиях значительных избытков неиспользованного труда и недостатка капиталов могут оказаться неизбежными. Но все же общество, накоплений которого хватало бы только на такого рода вложения — для обеспечения естественного прироста населения самыми примитивными видами труда — такое общество несомненно очень скоро пошло бы по пути самой полной хозяйственной деградации. Такого рода вложения, как уже было указано, ведь смогут только понизить средний уровень производительности труда в стране, а стало быть, вместе с тем неизбежно понизится и душевой уровень народного дохода, что приведет либо к непосредственному снижению потребления, либо к дальнейшему снижению и без того недостаточных норм производственного накопления и, значит, дальнейшей хозяйственной деградации общества.

Прямой и очень важный вывод, вытекающий из сказанного, сводится к следующему. Если мы не хотим итти по пути хозяйственной деградации, то должны выделять из народного дохода в производственное накопление такую его долю, которая превышала бы потребность всего естественного прироста трудоспособного населения в средствах производства по средней для всей страны норме трудовооруженности. Например, в СССР к 1928/29 г. числилось на 82,4 млн. душ в рабочем возрасте 82,2 мрд. руб. в основных и реальных оборотных фондах страны, что дает в среднем по 1.000 рублей на работника.[1]

[1] „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР“. М. 1929 г., т. II, ч. 2, стр. 48, 36.

Годовой естественный прирост числа таких работников мы определяем в 1,8 млн. душ. Значит, говоря грубо, в производственное накопление мы должны ежегодно обращать не менее 1,8 мрд. червон. руб.

Конечно, это только минимальный предел. На самом деле, мы намерены увеличить наши основные и оборотные фонды за 1928/29 г. по пятилетнему плану на 6,2 мрд. руб., т.-е. значительно выше только что указанной минимальной нормы. Но и в качестве такого минимума эта норма очень показательна. Она позволяет нам конкретно видеть насколько мы уже в общем далеко шагнули от этого порога хозяйственной деградации к хозяйственному прогрессу.

Рост производительности труда может служить наилучшим показателем хозяйственного прогресса. В то же время, если не прямо то косвенно, он отражает в себе и уровень эффективности капитальных вложений. Но вполне точной мерой этой эффективности он служить не может уже потому, что определяется он не только степенью капиталовооруженности труда, но в известной мере, и другими факторами, например, интенсивностью и дисциплиной труда уровнем культуры и квалификации рабочих и т. п.

Наиболее адекватное мерило эффективности капитальных затрат мы найдем лишь тогда, если учтем прямое и непосредственное их назначение — вооружить или перевооружить живой труд. Для чего это делается, если не для того, чтобы облегчить или сократить этот труд при прочих равных условиях, т.-е. при достижении тех же производственных результатов? А если это верно, то непосредственный эффект от всяких капитальных вложений должен измеряться достигаемой за счет этих вложений общественной экономией труда и только ею.

В капиталистическом обществе, где хозяин средств производства эксплоатирует по общему правилу чужой труд, эта простая истина сильно затемняется. Капиталиста интересуют не столько сбережения в труде, сколько экономия в зарплате и других издержках производства, повышающая рентабельность его вложений. Для него рентабельность во всяком случае высший, если не единственный, критерий эффективности капитальных затрат. Но для нас этот критерий — в условиях нормируемых государством товарных цен и зарплаты — совершенно теряет свое прежнее значение. Рентабельность тех или иных из наших предприятий является зачастую в гораздо большей мере следствием нашей политики цен, зарплаты, налогов и акцизов, попенной платы и т. д., т.-е., говоря общее, нашей политики перераспределения народного дохода, чем условий производства и степени вооруженности труда. Именно поэтому, в нашей политике вложений с „рентабельностью“ затрат мы зачастую совершенно не считаемся. Например, искусственные удобрения и земледельческие машины мы склонны продавать ниже себестоимости, и все же капитальные вложения в эту „нерентабельную“ область труда усиливаем, а весьма

„рентабельное“ производство водки сокращаем. Тем большее для нас значение в качестве мерила эффективности вложений приобретает критерий связанной с ними общественной экономии в труде.

Как же мы должны использовать этот критерий?

Изменения уровня эффективности капитальных затрат за счет новых вложений на любом уровне вооруженности труда, на наш взгляд, могут быть измерены той дополнительной экономией в труде, которая получается при новой структуре производства и новом физическом об'еме продукции по сравнению с трудовыми затратами, необходимыми для создания того же об'ема продукции на прежнем уровне вооруженности труда.

Мы говорим здесь, пока только о дополнительной экономии (e) за счет вносимой новыми вложениями реконструкции производственных процессов или, говоря иначе, за счет повышения уровня структуры накопленного и живого труда в производстве ($C:r$). И такую дополнительную эффективность можно было бы назвать дифференциальной. Лишь в том случае, если бы мы могли начать наше исследование с такого момента, когда вооруженность хозяйственного труда в стране была близка к нулю, экономия в труде полученная от вложения тех или иных капитальных затрат, дала бы показатель полной их эффективности. Но такой возможности мы не имеем. На любом уровне структуры производства, который мы можем наблюдать, в нем используется не только живой, но и накопленный мертвый труд. И, конечно, использование второго экономизирует в какой-то степени первый. Только нам неизвестно в какой.

Если эту неизвестную нам величину годовой экономии в труде от действующего в данный момент капитала C обозначить через e, а возможный срок действия этого капитала до износа исчисляется в n лет, то полная экономия труда, обеспеченная наличностью такого капитала, выразится величиной ne, а средний уровень его эффективности на единицу капитала будет $E=\frac{ne}{C}$. Если мы к этой величине добавим эффект новых ΔC единиц капитала, то при прежнем уровне его эффективности получим еще $\Delta C\frac{ne}{C}$ единиц с'экономленного труда за счет этих добавочных затрат. Однако, при невозможности измерить основную величину e и эта производная от нее величина по необходимости остается неизвестной.

Гораздо легче определить дифференциальную эффективность или, говоря иначе, прирост эффективности новых затрат, по сравнению с нормой эффективности действующих вложений, так как здесь есть определенный масштаб для сравнений.

В самом деле, разберем несколько теоретически наиболее интересных случаев.

Допустим, прежде всего, что новая годовая продукция (P') после дополнительных затрат ΔC единиц капитала равна по общему раз-

меру старой (P), но овеществляет t' часов живого и мертвого труда, а при прежних условиях производства она содержала бы t часов труда. Заключаем, что общий годовой итог экономии в труде, полученный в результате реконструкции производства $e = t - t'$, а из расчета на единицу новых капитальных затрат $\frac{t-t'}{\Delta C}$. Если вложенный капитал способен функционировать за время полного своего оборота n лет и, таким образом, обеспечивает возможность получить означенную годовую экономию в труде n раз, то полный прирост эффективности данных затрат на единицу капитала

$$\Delta E = \frac{ne}{\Delta C} = \frac{n(t-t')}{\Delta C}.$$

В качестве второго случая допустим, что после вложений и реконструкции производства общая сумма трудовых затрат в производстве не изменилась, т.-е. $t = t'$, но P', стало больше по своему физическому об'ему по сравнению с P, тогда применимо следующее рассуждение. При прежних условиях производства на единицу продукта затрачивалось $\frac{t}{P}$ часов труда, для производства P' единиц новой продукции при тех же условиях потребовалось бы в P' больше труда, т.-е. $\frac{P'}{P}t$, а, на самом деле, в результате новых вложений потребовалось только $t = t'$ часов, стало быть, годовая экономия $e = \frac{P'}{P}t - t' = \frac{P't - Pt'}{P}$, что при условии $t = t'$ дает $\frac{t(P'-P)}{P}$. А полный прирост эффективности сделанных затрат против прежнего уровня получится по той же формуле $\Delta E = \frac{ne}{\Delta C}$, как и в первом случае.

Наиболее общим случаем мы считали бы такой, когда за счет новых вложений мы получаем одновременное изменение и продукции и труда. При чем и здесь следует различать особо 3 возможности: 1) когда P' возрастает быстрее чем t', 2) когда оно отстает в своем росте от t и 3) когда оба они возрастают пропорционально.

Во всех этих подслучаях мы можем выразить экономию в труде, как и выше, одной и той же формулой:

$$e = \frac{P't - Pt'}{P}$$

но только в зависимости от различного значения входящих сюда величин, искомая величина e может получить и положительное, и отрицательное, и нулевое значение. Если P' и t' возрастают в одной и той же пропорции, т.-е. $\frac{P'}{P} = \frac{t'}{t}$ то $P't = Pt'$ и числитель дроби, в вышеприведенной формуле, обращается в нуль. Если продукция (P')

возрастает быстрее трудовых затрат (t'), т.-е. $\frac{P'}{P} > \frac{t'}{t}$, то $P't > Pt'$ и числитель нашей дроби становится положительным. И, наконец, при более быстром росте трудовых затрат по сравнению с продукцией этот числитель, а вместе с ним и величина e становится отрицательной.

Спрашивается, какой же экономический смысл можно придать нулевому и отрицательному значению этих показателей эффективности капитальных затрат.

На первый взгляд отрицательный или даже нулевой результат капитальных затрат представляется совершенно непонятным. Кто стал бы делать такие затраты, не ожидая от них никакого положительного эффекта. Разумеется, никто. Но, в данном случае, наши показатели измеряют не самую эффективность, а лишь прирост ее или сокращение против ранее достигнутого уровня. А этот уровень, несомненно, может не только повышаться, но и снижаться или оставаться стабильным, несмотря на новые вложения.

Нормой эффективности капитальных затрат мы называем частное от деления экономии в труде, которую нам сулят данные вложения, на сумму этих вложений. Но сумма вложений может быть дана либо в номинальной их величине, т.-е. в денежном выражении, либо в реальном трудовом их значении, т.-е. выраженная числом часов или дней труда, затраченных на их производство.

Особенный интерес представит для нас второй случай, ибо здесь норма эффективности капитальных затрат дает нам сопоставление этих затрат с их эффектом в совершенно однородных величинах.

Чтобы иллюстрировать это нагляднее, приведем следующий примерный расчет. По пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР чистая продукция или народный доход СССР за 1927/28 г. оценивается в 24,7 мрд. черв. руб., а через 5 лет — в 1932/33 г. — он должен достигнуть по тем же ценам 44,8 мрд. Этот эффект по плану должен получиться в результате увеличения затрат живого труда с 48,0 до 58,2 млн. человеко-лет полноценного мужского труда в год и повышения основных и оборотных фондов на $37{,}7 + 14{,}2 = 51{,}9$ мрд. руб. в ценах 1927/28 г. при среднем амортизационном сроке службы этих фондов около 20 лет. Допуская в первом приближении, что квалификация и интенсивность труда в СССР за 5 лет существенно не изменится, мы можем определить по вышепринятой формуле годовую экономию в труде за счет новых вложений к 1932/33 г. в 29 млн. человеко-лет труда [1], а за 20 лет эта экономия возрасла бы до 580 млн. лет труда. Если разделить

[1] Если $P' = 44{,}8$, $P = 24{,}7$, $t = 58{,}2$ и $t = 48{,}0$, то

это на прирост фондов в 51,9 мрд., то получим эффект от затрат каждого миллиона рублей, вновь вложенного в эти фонды, в сумме около 11,2 тыс. лет сбереженного труда. Если же принять по данным той же пятилетки, что 51,9 мрд. вложений эквивалентны, примерно, 80,6 млн. лет труда средней квалификации, то эффективность затраты этого труда выразится коэффициентом 580 : 80,6 = 7,2.

Это значит, что каждый час труда, затраченный в течение ближайшего пятилетия в целях капитальных накоплений, обеспечит нам возможность сберечь или использовать производительно на различные нужды не менее 7,2 часа в последующие пятилетия.

Такая норма эффективности наших трудовых затрат, направленных на перевооружение труда, может в достаточной степени стимулировать то самоограничение, какого требует от нас задача накопления средств производства в настоящем, ради расширенного удовлетворения своих потребностей в ближайшем будущем.

Сопутствующие факторы

Однако, здесь необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, следует предостеречь от возможного смешения понятия эффективности капитальных вложений, в том смысле, как мы ее здесь определяем, от понятий „производительности" капитала или „рентабельности" его, о которых обычно трактуют буржуазные экономисты. Капитальные вложения, согласно вышеизложенному, повышают только производительность труда, т.-е. сумму полезностей, которые могут быть созданы данным трудовым коллективом в единицу времени, но в то же время они не создают ни грана добавочной ценности за счет увеличения физического об'ема новой продукции, ибо ценность ее снижается в меру возрастания производительности труда. Таким образом, не производя никакой добавочной ценности „капитальные" вложения сами по себе отнюдь не могут об'яснить или оправдать в какой-либо мере тот или иной уровень „рентабельности" этих вложений. А значит и, наоборот, уровень рентабельности, определяющийся совершенно иными факторами, отнюдь не может быть мерою эффективности тех или иных вложений.

И другая оговорка. Капитальные затраты, в целях перевооружения труда, повышают его производительность. Но это отнюдь не единственный фактор ее роста. А потому, вышеприведенный расчет, в котором весь прирост производительности за пять лет отнесен целиком за счет одного лишь капитального перевооружения труда, допустим только в качестве первого приближения. Несомненно, нам скажут, что на ряду с ним следовало бы учесть также известную долю влияния на производительность и огромной рационализации производства, столь характерной для периода реконструкции и не

менее крупного сдвига в уровне квалификации рабочей силы, и целого ряда других моментов, запроектированных в нашем пятилетнем плане.

В какой же мере поддается учету эта доля влияния сопутствующих факторов? И в какой мере ее можно и нужно измерить?

Ответить на эти вопросы нелегкая задача. Однако, попробуем все же до известной степени проанализировать роль названных факторов. И, прежде всего, спросим себя, где кончается рационализация производственных процессов и начинается капитальное перевооружение труда.

Мне кажется, что грань, разделяющая эти понятия, чрезвычайно условна. Повидимому, всякая рационализация только до тех пор может быть оторвана от связанных с ней более или менее значительных вложений, пока она существует лишь в идее, т.-е. пока она не осуществляется на деле. Но ведь любая рационализаторская идея, как и всякое другое, хотя бы самое великое и остроумное изобретение, реально повышают производительность труда не с того момента, когда они запатентованы, а лишь с того, когда они вводятся в производство.

Возьмем какие угодно рационализаторские идеи. Вот, например, плодотворнейшая идея конвейера или непрерывного потока в производстве. Разве для своего осуществления она не требует очень значительных затрат. В особенности, когда ее желательно применить в порядке реконструкции уже действующих предприятий. Недавно на Сталинском металлургическом заводе мы наблюдали как в одном корпусе жидкая сталь отливается в болванки, а затем, эти болванки в холодном состоянии доставляются в соседний корпус и снова там нагреваются для проката. Огромные потери энергии на совершенно нерациональное повторное нагревание металла взывают к небу о необходимости рационализации. Но, чтобы ее осуществить, нужно совершенно по иному перепланировать весь завод. А это стоит огромных затрат.

Конечно, для того, чтобы осуществлять творческие рационализаторские идеи, ими надо располагать сначала. Выработка таких идей стоит не малого труда. И в соответствии с этим, они имеют определенную рыночную стоимость.

Мы делаем эти идеи предметом импорта из-за границы, очень недешево оплачивая патенты и техническую помощь иностранных инженеров и изобретателей, но в то же время организуем в крупном масштабе и отечественное производство рационализаторских идей, ассигнуя большие суммы на организацию целого ряда проектировочных учреждений, комитетов по стандартизации, гипромезов, гипрошахт и т. п. фабрик, изготовляющих готовые проекты реконструкции производства и рационализации труда в стране. Конечно, эти фабрики могут давать свой готовый продукт только опираясь на организованное в широком масштабе производство соответствующих

щих полуфабрикатов и материалов в разного рода научноисследовательских институтах, опытных станциях, химических лабораториях и т. д. Огромная масса творчески-рационализаторских идей фабрикуется у нас и непосредственно в процессе производства на каждом отдельном предприятии. Так, недавно, на одном только небольшом кабельном заводе в г. Киеве имели случай видеть целый ряд уже осуществленных интереснейших изобретений такого рода, а всего рабочими этого завода запатентовано не менее 40 изобретений. Однако, и такой творческий, как и всякий другой общественно-полезный, труд по общему правилу находит свою расценку на рынке.

Эта расценка в одних случаях, когда наука составляет монопольную привиллегию немногих счастливцев, повышается значительно выше затраченных ими трудовых усилий, в других — при достаточной демократизации знаний — приближается к уровню общественно-необходимых трудовых затрат. Но, во всех случаях, стоимость этих идей входит на ряду со стоимостью машин и орудий в ту сумму затрат овеществленного труда, которая учитывается нами в общем итоге капитальных затрат, необходимых для перевооружения живого труда.

Тот, кто захотел бы на ряду с эффективностью капитальных затрат учесть особо, как самостоятельный фактор, эффективность рационализации производства, поставил бы перед собой совершенно иррациональную задачу. Всякая реконструкция производства, требует ли она огромных новых сооруженнй или ограничивается простой перестановкой двух-трех наличных станков, означает прежде всего овеществление известных творческих идей человеческого разума. И с этой точки зрения весь эффект всякой реконструкции, независимо от суммы связанных с нею затрат, можно бы рассматривать как эффект рационализации. Но это никуда бы нас не подвинуло, ибо измерять степень „разумности“ или, что то же „рациональности“ любой из этих идей мы все равно не смогли бы не чем иным, кроме их полезного эффекта с точки зрения верховного принципа экономии человеческого труда, т. е. путем сопоставления овеществленных при реализации каждой из этих идей затрат умственного и физического труда с той экономией в труде, которую эти затраты нам обеспечивают. Но ведь именно этою мерою мы до сих пор и собирались измерять эффективность так называемых „капитальных“ вложений. Таким образом, оба понятия и рационализация производства и эффективность вложений в этом отношении сближаются до полной неразличаемости.

Несколько иначе приходится рассматривать такие факторы, как переход на семичасовой день, двухсменную и трехсменную работу или на непрерывную производственную неделю и т. п. рационализаторские мероприятия, изменяющие условия нагрузки действующего оборудования. Совершенно бесспорно, что проведение

в жизнь таких переходов невозможно без большой организационной подготовки и материальных затрат, иной раз весьма значительных. Ведь даже сокращение рабочего дня у нас ни в коем случае не предполагает сокращения производства. Наоборот, в наших условиях оно рассматривается, как непосредственная предпосылка его дальнейшего расширения либо путем перехода на многосменную работу, либо путем иных изменений в условиях производства, повышающих производительность труда, например, путем конвейеризации известных процессов, перехода на большее число станков и т. д. Но расширение производства, прежде всего, предполагает увеличение оборотных средств; увеличение числа рабочих даже при старых машинах требует новых вложений в жилищное строительство, а при реконструкции производственных процессов эти вложения неизбежны и по всем другим линиям.

И все же при изучении эффективности такого рода вложений, связанных с изменением периода нагрузки наличных средств производства, вполне возможно и целесообразно влияние этого момента различной нагрузки исключить на время из поля зрения наблюдателя и помимо суммарного коэфициента эффективности, обнимающего всю совокупность рационализаторских действий, получить и специальный коэфициент эффективности данных вложений в условиях неизменной нагрузки действующих средств производства.

В отношении уровня квалификации рабочей силы и ее влияния на эффективность перевооружения труда мы должны сказать следующее. Известный под'ем культурно-квалификационного уровня рабочей силы является совершенно неизбежной предпосылкой сколько-нибудь значительного технического перевооружения труда. Вот почему, мы уже давно пришли к выводу, что культурное перевооружение труда ни в коем случае не должно отставать от технического. Но вместе с тем, мы пришли к выводу, что затраты нашего бюджета на повышение культурного уровня страны следует рассматривать наравне с затратами на техническую реконструкцию производства, как совершенно равноценные по своему значению для нашего хозяйства капитальные затраты.

В 1927/28 г. все затраты по линии социального воспитания, наук и искусств в СССР достигали по подсчетам Госплана 1.029 млн. черв. руб. Чтобы поддержать страну на том же культурном уровне на следующие 5 лет с учетом прироста населения, следовало бы затратить около 5,4 мрд., а пятилетний план даже по минимальному варианту ассигнует на это 9.844 млн. руб.[1] Таким образом, не менее 4,4 мрд. по этому расчету будет затрачено на повышение наличного культурного уровня страны. По сравнению с вышеучтенными затратами на техническое перевооружение хозяйственного труда (51,9 мрд.

[1] „Пятилетний план“. т. II, ч. 2, стр. 19.

эти дополнительные затраты на культурное его перевооружение составляют не более 8,5%, но все же это весьма заметная величина. И если при исчислении эффективности капитальных затрат учесть и ее, то вышеисчисленный коэфициент их эффективности понизится для нашей пятилетки с 7,2 до 6,6.

Однако, между затратами на техническое и культурное перевооружение рабочей силы имеется одно весьма существенное различие. Первые из них имеют только производственное значение и затраченный на них труд является чистой потерей, т.-е. известным лишением с точки зрения рабочего *как потребителя*, а вторые не лишены и потребительского значения. Приобретение всяких знаний, обучение искусствам, чтение книг и газет, посещение музеев, театров и вообще приобщение ко всем прочим благам культуры не только полезно, но в большей части и приятно. Во всяком случае все эти действия обладают вполне самостоятельной потребительской ценностью. Труд, затраченный на воспроизводство этих благ, т.-е. на постройку и обслуживание всякого рода школ, музеев, театров и т. п. учреждений относится к сфере производства предметов потребления, а не средств производства. И *с точки зрения накопления овеществленного, мертвого труда* для вооружения живого он едва ли подлежит учету, так как в конечном счете кристаллизуется не в вещном виде, а лишь в повышенном *качестве* живого труда.

Если уж для уточнения коэфициентов эффективности накопленного мертвого труда в наших условиях и нужно учитывать культурные затраты, то не в сумме мертвого, а в контингентах живого труда. В самом деле, при учете сумм народной продукции в 1927/28 г. и 1932/33 г. мы выше принимали, что на производство их затрачиваются такие-то массы человеческого труда. Но в этих массах вовсе не учитывался весь обслуживающий рабочую силу непроизводственный труд. Можно подойти к этому расчету однако и по иному. Квалификация производственной рабочей силы в 1932/33 г. несомненно будет выше, чем в 1927/28 г. Но почему? Потому, что на культурное ее обслуживание в течение ряда лет будет расходоваться больше труда, чем в прежние годы. Например, в 1927/28 г. культурно-просветительной работой было занято 737 тыс., а в 1932/33 г. по плану будет занято не менее 1.010 тыс. Но если размер народного продукта определяется не только количеством, но и качеством тех производственных кадров, которые его создают, то при учете определяющей эту продукцию массы труда может быть нужно учитывать не только производственный персонал, но и весь обслуживающий его просветительно-культурный персонал. А если взглянуть на это шире, то и вообще весь обслуживающий рабочую силу труд, включая сюда и медицинский персонал, занятый ремонтом рабочей силы, и труд, обслуживающий ее жилища и всякий другой домашний труд.

Тогда вышеприведенный расчет изменился бы следующим образом. Народный продукт 1927/28 г. и 1932/33 г. попрежнему составлял бы 24,7 и 44,8 мрд. руб. по одним и тем же ценам. Но затраты живого труда, соответствующие этим массам продукта повысились бы, примерно, до 69,6 и 81,1 млн. рабочих лет мужского труда при возрастании всех основных и оборотных фондов страны с 82,2 до 139,7 мрд. по неизменным ценам.[1] Годовая экономия в труде к концу пятилетки $e = \frac{P'l - Pl'}{P}$ составила бы при этих условиях 36,6 млн. лет труда, а за 20 лет — 732 млн. Эффективность накопления фондов из расчета на каждый миллион рублей выразилась бы при этом в $\frac{732}{57{,}5} = 12{,}8$ тыс. лет экономии труда или из расчета на каждый час труда, затраченного ради накопления этих фондов, в $\frac{732}{126{,}5} = 5{,}8$ часа возможной экономии труда.

Такой расчет, учитывающий не только производственный, но и весь обслуживающий труд, дает, конечно, пониженный коэфициент эффективности накопленного труда, но все же вполне достаточный для стимуляции намеченной программы вложений.

Из других сопутствующих техническому перевооружению труда моментов на ряду с под'емом квалификации рабочей силы особого внимания заслуживают изменения в норме интенсивности труда.

В известной своей части эти изменения определяются самой техникой производства и совершенно не зависят от воли рабочих. Например, если в порядке реконструкции производства, мы станем расширять применение конвейера, то уже тем самым вызовем соответствующее уплотнение рабочего времени, т.-е. повышение интенсивности труда. Но на ряду с конвейеризацией всякая реконструкция производства имеет перед собой еще более общую и важную задачу — механизации труда, т.-е. возможной широкой замены человеческого ручного труда машинным. В первую голову при этом машинизируется наиболее тяжелый, опасный и вредный ручной труд. И стало быть, если интенсивность труда измерять суммой затрат человеческой нервно-мышечной энергии в единицу времени, то в результате механизации труда эти затраты, несомненно, должны заметно снижаться.

Трудно указать более тяжелый труд, чем подземная работа забойщиков и саночников в рудниках, но вот уже на наших глазах врубовая машина энергично заменяет забойщиков, скрепер вытесняет саночников и через каких-нибудь 5—6 лет этот каторжный труд станет лишь предметом жутких воспоминаний. Еще недавно — вспомните красочный рассказ Гаршина — ужасным считался труд ручного глухаря — клепальщика, но механическая клепка сжатым воздухом и гидравлическими прессами столь радикально изменила условия труда

[1] „Пятилетний план", т. II, ч. 2. стр. 48 и 36.

в этом деле, что и Гаршинский „глухарь" в нашей промышленности становится очень редкой птицей. Высоко изнурителен труд рабочих, обслуживающих горячие цеха, — у домен, при коксовых установках, на прокатных станах и т. д., но и здесь одна операция за другой вытесняется автоматическими устройствами и процент рабочих, вынужденных жариться в этом нестерпимом пекле резко падает. Мы уже не говорим о том облегчении, какое приносят с собою в области то же крайне изнурительного земледельческого труда такие машины, как тракторы, жнейки, косилки, молотилки и т. п.

В общем итоге техника производства в результате новых капитальных затрат понижает затраты мышечной энергии рабочих, но зато пред'являет одновременно дополнительные требования к их вниманию, понятливости, находчивости, т.-е. повышает затраты нервной энергии. К сожалению, определить какая же из этих тенденций перевешивает в конечном счете мы пока не можем. Легче было бы измерить степень утомляемости от различных видов труда и ее положить в основу сравнения их интенсивности. Но утомляемость сама по себе не столь уже надежное мерило, ибо она изменяется не только от об'ективных условий труда, но и от суб'ективного состояния работника. Например, нелюбимый, скучный, вынужденный труд всегда утомляет значительно быстрее и сильнее, чем веселая, интересная, творческая работа. Горячая работа в порядке социалистического соревнования в СССР даже при повышенной ее результативности будет, несомненно, не столь тягостно-утомительной, как подневольный труд на своих классовых врагов — эксплоататоров в капиталистических странах.

Одним словом, мы не имеем еще надежных методов измерения интенсивности труда и, к сожалению, доныне очень мало еще работали над этой крайне важной проблемой. Но учитывая, что в этой области действуют одновременно противоборствующие тенденции, можно допустить, что в общем они до известной степени уравнивают друг друга: конвейеризацию мы уравновешиваем механизацией труда, социалистическое соревнование, уплотняющее рабочий день, сопровождается у нас одновременным сокращением этого рабочего дня и, стало быть, удлинением суточного отдыха и т. д. А если это так, то в общем по всему народному хозяйству в целом при учете эффективности перевооружения труда интенсивность труда можно принимать за величину постоянную.

Гораздо большие трудности возникнут у нас в этом отношении, да и в целом ряде других, когда мы от общего исчисления коэфициентов эффективности капитальных вложений по всей стране перейдем к более частным измерителям ее по отдельным отраслям труда и производствам. Но это уже особая тема, требующая специальной методологической разработки.

Е. С. Эфраимский

Порайонный план и его значение для кооперативного планирования

Вполне сознавая некоторую искусственность связи трактуемых нами элементов нашей темы, мы все же идем на это по ряду соображений. Основное и главное соображение заключается в том, что порайонный подход для кооперации (мы имеем в виду, главным образом, сельскохозяйственную) представляет собой такое Conditio sine qua non, без коего немыслим сам кооперативный план. Отсюда ясно, что малейшая неточность в трактовке районного подхода, неправильное понимание сути районирования чревато вреднейшими последствиями для всего планового строительства кооперации. Поэтому нам кажется вполне приемлемым и допустимым наш несколько длинный экскурс (вырастающий почти в самостоятельную тему) в область сущности господствующих у нас начал госпланов-ского районирования. Это еще диктуется и тем соображением, что районного разреза плана кооперативного строительства на селе мы еще не имеем, его предстоит еще в процессе дальнейшей работы над пятилеткой создать. Предварительным условием успешного выполнения этой работы может быть лишь вдумчивое и глубокое изучение грандиозного опыта работы Госплана, давшего в своем общем районном разрезе пятилетки образец единственного правильного материального воплощения, им же еще в 1921 г. провозглашенных принципов районирования.

Однако первая часть темы имеет и самостоятельное значение (что, как уже сказано, является наиболее уязвимым местом архитектоники статьи). Дело в том, что районный разрез пятилетки дает план развития „больших" районов Госплана без детализации их характеристики по различным их частям. Между тем за время, протекшее со времени установления госплановских районов, назрела потребность в более дифференцированном подходе к некоторым „большим" районам и, в особенности, к национальным республикам, имеющим свои внутренние районные различия. Эта внутренняя детализация районов и районная разработка планов крупных национальных республик, как отмечают авторы районного разреза пятилетки, являются уже задачей соответствующих областных и республиканских органов, разрешающих ее под руководством союзного Госплана. Эти задачи национальными республиками уже поставлены. Так,

украинский Госплан во вступительной части своей пятилетки пишет: „Вторая задача. Районирование в плане такой экономически развитой республики, как Украина, с ее разнообразными природными и экономическими условиями, которые в действительности (насправди) разделяют ее на ряд определенных экономических районов, является обязательным заданием...“ [1] Вряд ли нужно доказывать своевременность сейчас, перед этой большой работой, глубокого обсуждения самой методологии нашего районирования. Это тем более очевидно, что, по крайней мере, вне стен госплановской лаборатории, в нашей экономической литературе, методология районирования до сих пор еще не нашла себе правильного освещения. Отсюда — вскрыть богатейшее содержание созданной Госпланом и им же блестяще воплощенной в жизнь методологии районирования — задача безусловно актуальная.

I

Методология госплановского районирования образует собой часть общей методологии планирования. Это связь между обеими методологиями выражает в то же время и внутреннюю связь обеих проблем. Недаром поэтому та или иная трактовка сущности плана сопровождается и соответственным „изменением“ в трактовке сущности районирования. Ибо родственность обеих этих проблем не [illegible] не „роднить“ и уклонов от правильного понимания их. Как будет показано ниже, ошибки в понимании сущности районирования удивительно напоминали ошибки в трактовке сущности плана. Легко понять отсюда, насколько необходимо и важно перенесение критики этих ошибок и на область районирования, где всякие ложные концепции являются лишь иным выражением ошибочных представлений о плане и, об'ективно формой ревизии правильной методологии планирования. Обратимся к плану.

Основные принципы в методологии планирования были уже даны в исторической работе ГОЭЛРО. Представление о плане как об „инженерной проектировке новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий“ содержалось уже во всех построениях ГОЭЛРО. Однако, по целому ряду причин, лежавших на стороне экономики страны, в первые годы нэпа необходимых предпосылок проведения подлинного плана народного хозяйства не было, вследствие чего методология ГОЭЛРО фактически не нашла себе применения в общехозяйственном плане. В старых плановых построениях того времени правильная методология ГОЭЛРО нередко уступала место простым попыткам „предвосхищения“ будущего, попыткам предвидения результатов, статистически учтенных процессов, что внешне нашло себе выражение в методе так называемой статистической экстраполяции прошлых (даже довоенных) и настоящих

[1] „Шляхи й темпи розвитку народнього господарства УСРР“, Державна планова комісія, Харків, 1929 р., стор. 38.

темпов развития на будущее. Но уже в первых годовых „контрольных цифрах“ практика планирования целиком основывалась на правильной методологии, следовательно, отвергла противоречащий самой идее плана метод „предвидения“ и стала на путь программно-директивного проектирования будущего. Правда, как об этом сообщает Укргосплан[1], и настоящая пятилетка (Украинская), в ее начальном варианте, была целиком построена на пресловутой идее статистической экстраполяции. Однако эта методология была вскоре оставлена, чему, между прочим, не мало способствовал общий дух решений XV с'езда и, в особенности, ноябрьского пленума ЦК.

Идеология по обыкновению запаздывает; это касается и „плановой идеологии“, по крайней мере, в некоторой ее части. Изжитые уже недостатки прежнего планирования стали только теперь достоянием некоторых наших экономистов, пытающихся возвести в руководящий принцип планирования то, что являлось его недостатком на ранней ступени его развития (проф. Кондратьев, Н. П. Макаров).[2] Концепция Кондратьева, рассматривающего план как „предвидение“ результатов стихийных процессов, т.-е. дающего такую трактовку плана, которая по сути является отрицанием его, теперь уже теоретически тоже преодолена, а влияние ее на практику в настоящее время равно круглому рулю. Однако мы вспомнили о ней не даром; и не голой любознательности ради мы привели и эту справку о развитии „плановой идеологии“. Как видим дальше, принципиальное содержание большинства „уклонов“ от правильной методологии районирования по сути воспроизводит Кондратьевскую идею „плана — предзидения“, лишь в иной разумеется, форме. Чтоб убедиться в этом, нам придется обратиться сейчас к развитию взглядов на районирование. Здесь нам придется уже быть менее краткими.

Мы говорили, что в основном правильная методология районирования была уже выработана Госпланом еще в 1921 г. В чем же ее основное содержание? Прежде всего в том, что здесь Госплан впервые поставил самую проблему районирования. Как будет показано дальше, подлинное районирование начинается только с работами Госплана. То, что под названием „районирование“ известно было ранее (работы по „районированию“ многочисленной плеяды русских экономистов), по сути дела ничего общего с районированием в истинном смысле этого слова не имеет. Эта довольно очевидная истина странным образом прошла совершенно незамеченной в нашей литературе. Даже творцы новой „методологии районирования“ не отдавали себе полного отчета в характере тех различий, какие существуют между их работами и

[1] „Пути развития народного хозяйства УССР, материалы к пятилетнему плану„. Госплан УССР, Харьков, 1928 г.

[2] См. их статьи в № 2 журнала „Пути сельского хозяйства“ за 1927 г.

теми, что прежде незаслужено именовались тем же именем „районирования". Так, один из руководителей работ по районированию, проф. И. Г. Александров писал.[1] „Но прежний подход к проблеме (районирования. *Е. Э.*) требовал значительных изменений в самой постановке задачи. Поскольку районирование отходило от прежних задач, чисто показательного типа, становилось реальной оболочкой актуальной организации, приобретало телеологический, целевой характер, приходилось не только сделать выбор между методами, предложенными многочисленными авторами работ по интересующему нас вопросу, но и создавать свой метод". И далее: „...постановка (задачи районирования, *Е. Э.*) от прежней отличалась так, как статистический учет экономического процесса отличается от экономической политики" (разрядка моя, *Е. Э.*). Хотя проф. Асександров и связывает различие методов старого „районирования" и новых работ в этой области с различием в материальной части того и другого районирования, однако всей глубины различий их он не видит. В других работах участников комиссии Госплана по районированию (см. „Труды Госплана", цитируемые ниже) мы сплошь и рядом встречаемся с констатированием различий в методах старого и нового районирования. Между тем полярное различие методологии старого и нового районирования лишь выражает полярные различия самого предмета. В старом и новом районировании мы по сути дела имеем два совершенно различных содержания, лишь внешним, формальным сходством давшие основания к об'единению их одним названием. Что это так, об этом свидетельствуют нижеследующие определения самого понятия „район", даваемые старой и новой (госплановской) „теориями". „Классическое" (выражение Книповича „сел.-хоз. районирование". М. 1925) определение Фортунатова гласит:[2] „Районом следует называть точно обозначенную на карте часть земной поверхности, отличающуюся от других частей какими-либо признаками." Наиболее полное и законченное определение понятия „район", с точки зрения новой, госплановской, теории, мы находим в „тезисах доклада ВЦИК IX всероссийскому с'езду советов по вопросу об экономическом районировании России." „В основу районирования,— читаем мы там,— должен быть положен экономический принцип. В виде района должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная, территория страны, которая, благодаря комбинации природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности, представляла бы

[1] „Основы хозяйственного районирования СССР". М. 1924 г. Введение, стр. 4. См. также кроме указанных ниже, еще его ст. ст. в №№ 4 и 5 „Планового хозяйства" за 1928 г.

[2] А. Ф. Фортунатов. „К вопросу о сел.-хоз. районах в России". „Труды Вольно-Экономич. Об-ва". 1896, № 5, цит. у Книповича. „Сел.-хоз. районирование", стр. 18.

одно из звеньев общей цепи народного хозяйства. Этот принцип экономической законченности даст возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных ресурсов, капитальных ценностей принесенных со стороны, новой техники и общего плана народного хозяйства проект хозяйственного развития района на базе „наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах" (разрядка моя, *Е. Э.*). Менее полно, но зато более непосредственно, обнаруживает сущность нового понимания района следующее определение И. Г. Александрова.[1] „Район является крупнейшей единицей хозяйственной деятельности, выполняющей специальную роль по общему заданию федерации на основе своих природных богатств, навыков населения, находящихся в его распоряжении капитальных ценностей, связанный между собой таким образом, что при минимуме расходов энергии получается максимальная продукция". При этом необходимо помнить, что выделением упомянутой „своеобразной и т. д. территории" районирование отнюдь не заканчивается. Дело вовсе не заключается в том, чтобы по тем или иным признакам выделить часть территории и только: „Главная особенность, внесенная нами в понятие экономического района, заключается не в принятии того или иного экономического признака за исходный критерий, да и нет таких всеоб'емлющих критериев, для нас важно было выделить в виде района некоторую своеобразную, экономически законченную (но не замкнутую) территорию страны, которая благодаря определенной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т.-е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производственной и вообще хозяйственной деятельности представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны" (разрядка моя *Е. Э.*).[2] Само собой разумеется, что и выделением „потенциальных" районов, районирование не заканчивается. „Говоря об определенной потенции данной местности, авторы нового районирования имеют в виду ее реализацию в будущем в виде новой качественной характеристики этой местности, благодаря чему эта последняя становится определенным районом. Но эта качественная характеристика будущего района, хотя и связана с определенностью его потенциальных данных, на самом деле привносится извне, „придается" району. „Процесс проектирования экономического района, — читаем мы в докладе Госплана III сессии ВЦИК, — производится следующим образом: С самого начала мы задаемся определенной главной специализацией нашего района и в зависимости от нее получаем приблизительную его конфигурацию, относя в его состав местности, обладающие теми или

[1] „Труды Госплана", вып. I, 1922 г., введение (Александрова И. Г.), стр. 5.

[2] И. Г. Александров. „Экономическое районирование России", ст. в „Трудах VIII всероссийского электротехнического с'езда". Вып. II, изд. Госплана, М., 1921 г.

иными производственными элементами, необходимыми для выбранной цели". Таким образом, мы в новом районировании можем зарегистрировать следующие два действенных момента; первый, находящий себе выражение в самом процессе выделения определенных территорий и заключающийся в действенном отборе, в значительной мере на основе и в соответствии с народнохозяйственными заданиями, пригодных для разрешения определенных производственных проблем территорий, и второй, заключающийся в сообщении каждой выделенной территории определенной социально-производственной физиономии, указания ей ее будущей характеристики в качестве района.

Мы еще ниже вернемся к характеристике содержания госплановского районирования, а пока обратимся к определению Фортунатова. Для удобства сравнения его с только что приведенными определениями госплановской установки нам придется его немного развить и дополнить. О чем говорит его определение? Характеристика „района", даваемая этим определением, дает в то же время ключ к уразумению всего понимания районирования „старой методологией". Если район — часть территории, — характерен каким-либо одним (или несколькими, по мнению Фортунатова) признаком, то, очевидно, районирование сводится к отысканию пространственного размещения избранного признака. Конкретней говоря, дело при этом (например, сел.-хоз. районирование) сводится к следующему. На основании тех или иных критериев, тех или иных районообразующих признаков и факторов, признаваемых (выбираемых) тем или иным автором, отыскивается и устанавливается закономерность и пространственные формы размещения либо сел.-хоз. культур, либо систем сельского хозяйства, в зависимости от выбираемых автором признаков. Вот эта территориально-определенная локализация какой-нибудь сел.-хоз. культуры или системы хозяйства и определяла собой физиономию данного места; тогда констатировалось: здесь такой-то район (или зона). Как уже вытекает из определения Фортунатова, вопрос о районообразующих признаках был центральным вопросом старого „районирования", вокруг него сосредотачивались все основные элементы методологии. Так как район надо распознать среди прочих, то естественно, что здесь особое значение приобретает признак, по которому своеобразие данной местности легче всего распознается, констатируется.

Однако при этом предстояло решить еще один большой важности вопрос — о районообразующих факторах. Мало установить наличие известного размещения признаков (сел.-хоз. культур, систем хозяйства и т. д.) по территории, надо также знать и механизм, управляющий этим размещением, вызывающий его, чтоб, таким образом, хоть отчасти быть ориентированным относительно будущего данной местности (зоны „района"), хотя немного проникнуть в темное будущее ее. На базе этого учения о районообразующих факторах вырастает новое, динамическое представление о „районе": последний рассматривается, как „стадия эволюции" (Челинцев).

Ограничиваясь пока сказанным, отметим, что в „противоположность госплановскому районированию старое и в статическом и динамическом учении о „районировании" совершенно лишено, упомянутых выше, действенных моментов. В том и другом случаях старое „районирование" представляет собой чисто познавательный процесс, при чем статическому учению о районе, т.-е. простой статистической констатировке факта того или иного размещения принятых признаков соответствует пассивно-созерцательная форма познания, тогда как динамической точке зрения (проникающей в самую сущность явления географического размещения условленных признаков) соответствует, очевидно, более высокая форма познания путем мышления (абстрактно-теоретическое мышление). Но и только. Но тогда ведь совершенно очевидно, что предмет старого „районирования" отнюдь не выходит за пределы того круга проблем, который на Западе давно был известен под названием учения о штандорте, учения о географической локализации, а метод целиком соответствовал господствовавшему на Западе.[1]

Взятое с формальной стороны старое учение о „районировании" в России[2] также целиком совпадает с распространенным учением о географическом размещении. И здесь и там речь идет об изучении (в основном констатировании факта определенного размещения) явления, т.-е. причин и об'ективных результатов стихийного, помимо воли человека совершающегося, процесса размещения промышленности и сельского хозяйства по земной территории.

Различие между госплановским районированием и старым бросается в глаза уже своей чисто формальной стороной. Самый процесс установления района, с точки зрения госплановского представления о нем, осуществляется не через изучение, а построение; изучение земной поверхности, которое в качестве предварительного условия имеет место и в новом районировании, однако, проводится совершенно иными методами и также приобретает действенный характер. Однако центр тяжести различия лежит, конечно, не здесь. Изложенные только что формальные различия выражают лишь различия содержаний. Там, в старом „районировании", познающий суб'ект противостоит стихийно осуществляющимся процессам географического размещения систем хозяйств, сел.-хоз. культур и т. п. Здесь активно действующий суб'ект (в лице планового органа пролетарского государства) сам сознательно организует это

[1] С незначительными различиями в деталях, касающихся самого применения метода (что считать районообразующим фактором, что признаком и т. д. и т. п.).

[2] Речь идет, главным образом, о дореволюционной русской литературе, ибо в иностранной термин „районирование" был мало распространен. Там аналогичные работы правильно обозначались термином „географическая локализация, теория штандорт".

размещение в согласии с своими целями. Если, таким образом, старое „районирование“ было учением о локализации (и изучением ее как результата), то новое есть сама сознательно организуемая локализация различных отраслей народного хозяйства. Различия, как видим, „более чем полярные“, так как они лежат в совершенно различных плоскостях. Но если новое районирование представляет собой известную совокупность сознательно осуществляемых мероприятий, являющихся полным отрицанием стихийных законов, то ясно, что самое существование нового районирования предполагает определенный социально-экономический строй: национализацию промышленности, земли и т. п., т.-е. строй диктатуры пролетариата, строй планового хозяйства, существеннейшей частью которого, как мы далее увидим, районирование и является. Самая возможность районирования, как системы мер экономической политики,[1] в условиях стихийного капиталистического хозяйства, исключена. Она является элементом, „категорией“, точнее — проблемой, только планового хозяйства. В условиях стихийного хозяйства приемлемо и возможно лишь учение о географическом размещении, содержание которого в условиях планового хозяйства почти ограничивается его описательной частью. Отсюда ясно, сколь необходимо с научной (и, как увидим далее, с практической) точки звения разграничение обеих проблем. И поскольку речь идет о двух различных проблемах, мы считали бы необходимым и договориться относительно терминологии, а именно: считать совершенно неправильным (как это делают Книпович, Челинцев, Котов и многие другие) обозначение старых работ, занимающихся, как мы показали, только проблемой географического размещения, и новых, занимающихся той же проблемой, термином „учение о районировании“, сохранив его только за соответствующими работами Госплана и всеми другими, следующими провозглашенной Госпланом методологии.

* * *

Каково же значение районирования для народнохозяйственного плана? Оно огромно. Районирование является существеннейшей частью плана, его пространственным выражением. Районирование, т.-е. сообщение каждой определенной местности известной народнохозяйственной функции, которую она (местность) должна у себя в будущем реализовать, представляет собой план в пространственной детализации, подобно тому, как весь народнохозяйственный план представляет собой совокупность будущих характеристик намеченных районов. Однако, этим не все сказано, ибо план отличается еще одним моментом — длительностью во времени. Взятый с этой стороны, план также неразрывно связан с районированием

[1] И как науки, разумеется, ибо наука есть только обобщение конкретной жизни.

и представляет собой различные (в зависимости от времени, на какое рассчитан план) степени приближения к полному осуществлению предположенного будущего районов. Все это имеет особое значение для нынешней стадии планового хозяйства, характеризующейся еще незавершенным формированием районов. Между районированием и планом существует тесная связь. И это вполне понятно. Далеко идущая дифференциация общественного производства сопровождается и далеко идущими требованиями в отношении территориального размещения. В этих условиях совершенно неизбежна различная степень соответствия той или иной территории требованиям развития известных отраслей народного хозяйства. Отсюда вся важность правильного выбора подходящей для данной отрасли территории.

Новейшие достижения техники делают проблему выбора подходящей территории еще более значительной, так как от степени удачности выбора зависит решение основного вопроса о рационализации труда, под'ема его производительности, при помощи этих технических достижений. Районирование, задача которого заключается в территориальном размещении отраслей народного хозяйства, обеспечивающем максимальное соответствие данных выделенной территории потребностям намеченной к развитию здесь отрасли, таким образом, является существенным условием рациональной организации народного хозяйства и его отраслей. А так как народнохозяйственный план есть прежде всего план развития составляющих народное хозяйство отраслей то или иное сочетание их, та или иная степень равновесия между ними, то ясно, что все это не может быть разрешено без районирования. Следовательно, районирование является существеннейшей частью плана. Так именно и ставился вопрос в ставшей классической методологии ГОЭЛРО. „Переоценка соотношений основных подразделений нашего производства неразрывно связана с географическим перераспределением самих производящих областей и с новым намечающимся складом планомерно обобществленного хозяйства. РСФСР должна быть подразделена на новые экономические округи — предвозвестники будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда“.[1]

Далее, если основная идея плана заключается в максимально целесообразном и рациональном хозяйствовании, то, как мы видели уже выше, районирование[2] является одним из главных условий достижения этого. „Районная разработка,— пишет И. Г. Александров,— позволяет установить теснейшую связь между природными ресур-

[1] „План электрификации РСФСР“ (доклад VIII с'езду советов Государственной комиссии по электрификации России), М., 1920 г. Гостехиздат, стр. 15.

[2] И районная разработка плана, которая, собственно, и есть настоящая форма плана. Суммарные, лишенные районной разработки, планы могут рассматриваться лишь как предварительные директивы для руководства при составлении плана в районном разрезе.

сами, навыками населения, накопленными предыдущей культурой ценностями и новой техникой и получить наилучшую производственную комбинацию; проводя, таким образом, с одной стороны, целесообразное разделение труда между отдельными областями, а с другой, организуя область в крупную комбинированную хозяйственную систему, чем достигается, очевидно, лучший хозяйственный результат".[1]

Еще более сильно подчеркивает упомянутое значение районирования Г. М. Кржижановский: „Экономическое районирование РСФСР является опорным пунктом для создания новых высших форм организации народного труда".[2]

Приведенным, нам кажется, достаточно убедительно доказано громадное значение районирования для плана, теснейшая связь и взаимозависимость этих двух проблем. Из сказанного вытекает также и та мысль, что подлинный план может быть только районным (в районном разрезе составленным и на учете районных задач основанном) планом. Порайонный подход к плану диктуется в настоящий момент и соображениями, так сказать, кон'юнктурного порядка, требующими от нас в настоящий момент форсированного развития некоторых отраслей, что связано с необходимостью иной расстановки, имеющихся в нашем распоряжении средств и сил. Порайонный подход и означает решение задачи целесообразной расстановки наших средств, решение задачи о том, куда в первую голову бросить имеющиеся в нашем распоряжении средства и силы, чтоб обеспечить быстрый и максимальный эффект.

Все изложенное о значении районирования и порайонного подхода к плану, разумеется, верно лишь при условии современного (госплановского) понимания районирования. Представление о районе как о „стадии эволюции", т.-е. как о стихийно складывающейся и в более или менее предвидимом направлении изменяющейся территориально ограниченной совокупности признаков соответствует „плану", покоющемуся на идее „предвидения". Современному плану, покоящемуся на идее „инженерной проектировки... на основе плановых заданий" соответствует, покоящееся на этой же идее, районирование. Характерным тут является особенное подчеркивание значения телеологического момента... „легко видеть, что построение районов должно носить не только (следовало бы сказать: не столько *Е. Э.*) обективно аналитический, но и телеологический характер".[3] Район строится в соответствии с плановыми заданиями. Отсюда понятно, что его будущее не может быть прямо, путем некоей „качественной экстраполяции", выведено из настоящего, как это возможно в отношении какой-нибудь локальной зоны в условиях стихийного хозяйства. Забвение этих особенностей нашего понимания районирования района, возрождение старых взглядов на сущность района, при преломлении в плане, означает районную интерпретацию пресловутой идеи „предвидения" на основе статистической экстраполяции действительности. Но эта экстраполяция в применении к отдельным районам означает по сути дела экстраполяцию данного „качества": увеличиваются отдельные показатели, при чем в тех же отношениях и сочетаниях, но качественная физиономия района остается прежней.

[1] „Экономическое районирование России". „Труды VIII всероссийского электротехнического с'езда" Вып. II, изд. Госплана, М., 1921 г., стр. 23.

[2] „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии", М., 1921 г., стр. 94.

[3] И. Г. Александров. „Основы экономического районирования". Изд. „Экономическая Жизнь", стр. 55.

При таком подходе будущее, скажем, украинской степи вырисовывается в виде медленно понижающегося удельного веса зернового уклона, при медленно же возрастающем значении интенсивного животноводства и т. п. моментов, неизбежно наступающих в условиях стихийного развития сельского хозяйства, в связи с ростом промышленности, городов, т.-е новых рынков. Новое районирование, учитывая достижения современной техники, требования рационального труда, возможности, даваемые данными естественно-историческими условиями и т. п. решает, (именно решает, а не предполагает) судьбу украинской степи совершенно иначе: уже предварительные наметки будущей физиономии степи говорят о том, что после подготовки Сибири, Казакстана и др. зерновых районов к роли основных зерно-производящих районов, проведения грандиозных оросительных работ (от Днепровской запруды) украинская степь совершенно почти утратит свой зерновой характер и перейдет к интенсивным техническим (хлопок, кенаф) и садово-огородным (виноград, шелковица, бахчевые) культурам в сочетании с шерстоовцеводческим и молочным хозяйством.[1]

Задача индустриализации страны, эта важнейшая директива („плановое задание"), представляя собой резкое вмешательство в существующее положение вещей, требует в качестве условия своего разрешения такого же вмешательства в сельское хозяйство, сознательной перестройки его, чаще всего вопреки сложившимся и наметившимся тенденциям его. Эти же задачи создают потребность в ином сочетании отраслей сельского хозяйства, в установлении различных темпов развития для них, наконец, потребность в новых отраслях и культурах. Все это, в свою очередь, требует активного действенного начала в отношении к сельскому хозяйству, а не пассивно-созерцательного „предвидения" его будущего. Это будущее, как мы уже неоднократно подчеркивали, в соответствии с нашими задачами должно быт построено дифференцированно по районам.

[1] См. отчасти об этом в изд. Укргосплана: „Шляхи й темпи розвитку нар. госп. УСРР", 1929 г., стр. 21, 129. Уже на ближайшее пятилетие, которое украинская пятилетка считает переходным, намечаются солидные сдвиги в степи: усиление тонкорунного овцеводства, коневодства, молочного хозяйства.

Таким образом, мы видим, что отступление от правильного понимания районирования ведет к воспроизведению в районной политике старых ошибок планирования, распространение на районную политику Кондратьевской идеи „плана предвидения". Действительная эволюция взглядов на районирование показывает, что мы только сейчас начинаем освобождаться в области районирования от ошибочного подхода к нему с точки зрения „предвидения" и „качественной экстраполяции", от попыток, над прикрытием „маленькой ревизии" вопроса о районировании, протащить глубокую ревизию всей нашей методологии планирования.

Литературная оппозиция новой методологии районирования возникла одновременно с появлением в свет новой установки Госплана и при этом почти в недрах самого Госплана, среди привлеченных к этой работе старых специалистов. Новизна проблемы ошеломила даже некоторых непосредственных участников работы по районированию, которым, казалось, тем труднее давалось усвоение методологии и сути районирования, чем больше они в прошлом были связаны с работой над проблемами географической локализации. Это в некоторой степени понятно. Если в сравнительно новом вопросе о плане мы могли наблюдать довольно сильное давление идеологии стихийного хозяйства, обнаружившееся в выступлении Кондратьева и других, то в вопросе о районировании, в некоторой степени связанном с учением о географической локализации (как с одной из своих предварительных стадий), давление идеологии стихийного хозяйства, разновидностью которой упомянутое учение и является, должно было сказаться во много раз сильнее. Достаточно указать, что даже такой крупный участник работ по районированию (и в то же время — крупный знаток географического размещения), как покойный Книпович, принимавший непосредственное участие в работах Комиссии по районированию, просто не понял (не мог понять) сущности районирования. Его (безусловно искреннее) недоумение, с которым он встретил идею „будущего района", телеологический подход в его конструировании, „проектный метод" и т. п. Элементы госплановской методологии свидетельствовали о том, что Книпович еще далеко не освободился от власти старых представлений о предмете. Ему была чужда не только идея сознательного телеологического конструирования района, но даже простое „давление" на наметившиеся тенденции района он ставил в связь и зависимость от характера этих тенденций.[1] Еще резче эта совершенно неправильная точка зрения подчеркнута в выступлениях участников работ по районированию на Украине — В. М. Соловейчика и М. Б. Гуревича.

[1] Вот образец его постановки вопроса: „. . . только по вдумчивом изучении тенденций прошлого развития и современного состояния можно подойти к установлению закономерностей и тенденций будущего развития. А только зная вероятные тенденции будущей эволюции, можно подходить к вопросу о влиянии на это развитие". „Сел.-хоз. районирование", стр. 174.

Первый писал... „для тех практических задач, которые ставятся ныне районированию, важно, конечно, выяснение той стадии хозяйственной эволюции, в которой мы застаем район, чтобы из нее понять пути его дальнейшего развития и отсюда вывести нормы поведения для хозяйствующего суб'екта и государства".[1] Эта замечательная по своей путаности и глубочайшей ошибочности сентенция важна хотя тем, что помимо своей внутренней противоречивости она обнаруживает свою противоположность нашему пониманию сущности районирования с необыкновенной полнотой и ясностью, в то же время давая яркий образец идентичности идеи „предвидения" в плане с пониманием района как „стадии эволюции". Будущее района (т.-е. самый район, который, собственно и есть „будущее" данной местности, являющейся лишь фоном будущего района) выводится из его настоящего как неизбежный результат об'ективного процесса, действующего с силой стихийного закона; неприложность этого будущего настолько сильна, что ни о каком ее преодолении и речи нет (не может быть, очевидно) и „нормы поведения хозяйствующего суб'екта и (даже) государства так же выводятся, как детерминированная данными условиями форма приспособления к ним. Целесообразное изменение действительности на основе тех или иных плановых заданий, эта основная характеристическая черта районирования, заменяется „выведением" (по сути, „предвидением") будущего и приспособлением к нему. А так как выведенные, таким образом, нормы поведения etc", должны служить, очевидно, определяющими для экономической политики государства и в том числе для наиболее концентрированного выражения его экономической политики — для плана, то очевидно, что и план этот в целом, во-первых, не может быть оторван от районирования (что вообще верно) и во-вторых, может представлять лишь конкретизированное выражение стихийно складывающегося будущего и основанные на учете упомянутых норм формы приспособления к нему (что, разумеется, чистейшая Кондратьевщина). Мы не даром, таким образом, указывали на принципиальное сходство распространенных ошибок в оценке сущности районирования с ошибочной концепцией Кондратьева и др.

В той же комиссии украинского Госплана М. Б. Гуревич „не в видах полемики" следующим образом „разносил" госплановский подход к районированию. Взяв для примера характеристику (будущую, разумеется) Сев.-вост. области, как она намечается в госплановском районировании, Гуревич, замечает: „Итак, пока в указанной области ничего нет, но все ожидается", возможно, способно, вероятно... „Спрашивается, далека ли эта перспектива? Думается, что очень. А если эта перспектива весьма далекая, то как знать,

[1] Вл. Соловейчик. „К вопросу районирования", стр. 174. „Материалы к районированию Украины", Госплан УССР, 1923 г., стр. 154.

что удастся осуществить, чего нет, как предугадать ее реальные формы и как можно ломать действительность в угоду далекому, предполагаемому, надуманному (разрядка моя, *Е. Э.*)." Нужно ли доказывать, что Гуревич здесь обнаруживает совершенное отсутствие понимания основ госплановского районирования. Иначе нельзя об'яснить его чисто обывательскую аргументацию. Что же он предлагает? Приблизительно то же, что и Соловейчик: „... лишь голая неприкрашенная действительность даст базу и отправную точку для строения лучшего будущего. Проблема районирования всех видов, от областного до волостного, должна также строиться, главным образом, на реальных соотношениях с учетом перспективного элемента в самой необходимой ограниченной степени".[1] Комментарии тут явно излишни. Мы не знаем современных взглядов на районирование последних двух авторов, знаем лишь, что вдохновивший их (Соловейчика — в большей мере, Гуревича — в меньшей) А. И. Челинцев сам в последнее время проделал значительную эволюцию в сторону приближения к правильному пониманию сущности районирования и порайонного подхода к планированию. Поскольку эта эволюция не завершена, точка зрения Челинцева продолжает отдавать еще эклектикой, подчас выраждаясь в механическую смесь разнородных и противоречивых представлений об одном и том же предмете в одной и той же статье.[2] Совершенно правильно указывая на необходимость приспособления текущих мероприятий экономической политики к отдельным районам, характеризующимся локализацией в них (в каждом) определенных систем хозяйства, Челинцев и перспективный план рекомендует строить на учете данной, существующей локализации систем хозяйства. Постоянно оглядываясь на существующее, он самое изменение его в сторону желательного выводит не из „плановых заданий", не из общегосударственных, народнохозяйственных потребностей и задач, а из возможностей, даваемых существующим положением вещей. Поэтому телеологическое начало, местами довольно энергично защищаемое им, вследствие всесторонней (даже количественной) детерминированности его данным сочетанием условий, теряет свое подлинное значение у него, превращаясь в свое отрицание. Далее, однако, встречаются места, с которыми целиком можно согласиться и которые ничего общего с „равнением на узкие места" настоящего положения вещей не имеют. Так, говоря о необходимости индивидуализации мер экономической политики по районам, он добавляет: „но исходя из некоторых общих начал, координируя предположения о перестройке каждой отдельной единицы (района? *Е. Э.*) с точки зрения целого народного хозяйства"...[3]

[1] „Приемы и методы районирования Украины". Ст. в сб. „Материалы по районированию Украины", Госплан УССР, Харьков, 1923 г., стр. 11.

[2] См. его ст. ст. в №№ 2, 9, 11 журнала „Пути сельского хозяйства" за 1927 г., а также в №№ 1 и 2 „Планового хозяйства" за 1928 г.

[3] „Пути сельского хозяйства" № 9 за 1927 г., стр. 35.

Мы не можем здесь входить в рассмотрение сравнительно большой литературы о районировании, да это для наших задач и не требуется. Что касается взглядов противников госплановской методологии, то она с исчерпывающей полнотой представлена приведенными работами. Основной вывод, который можно сделать из обзора этих работ, сводится к следующему. В основном это работы, покоящиеся на методологии принципиально отличного предмета — учения о географической локализации. Отрицательное значение их методологической установки заключается не только в отрицании самой сути госплановского районированин, но и в том, что они находятся в резком противоречии и с господствующими началами методологии планирования. Вполне понятно, что практикой районирования они должны были быть отвергнуты. Обратимся теперь к этой последней.

Как известно, районный разрез пятилетнего плана представляет собой фактически первую попытку создания порайонного общесоюзного плана, первую попытку применения в таком всеоб'емлющем виде порайонного подхода к планированию. Отдельные работы Госплана, вроде „плана восстановления ЦЧО", „перспективного плана развития сельского хозяйства Полесья и лесостепи Украины" (Укргосплана) и др. являлись слишком узким плацдармом для применения порайонного подхода и поэтому практику порайонного планирования характеризуют не в достаточной степени. Правда, и эти работы не лишены значения, поскольку и в них, правда, не всегда выдержанно и последовательно, отразился изложенный нами госплановский подход. Однако, мы на них задерживаться не будем.

Выпуклое выражение сущности порайонного подхода к планированию, правда, не осуществленное еще на практике, мы находим в установке Укргосплана, который следующим образом осуществляет задачи дальнейшей работы по составлению районного разреза своей пятилетки: „На дальнейшей стадии проектирования пятилетнего плана нужно окончательно наметить систему экономического районирования, изучить и дать развернутую характеристику нынешним и будущим районам, как они вырисовываются теперь и как они сложатся в дальнейшем в пятилетнем плане, и подать их в виде системы определенных показателей хозяйственного развития. Такая работа значительно углубит представление о пятилетнем плане по линии всех отраслей народного хозяйства, при чем, в особенности, по сельскому хозяйству она даст возможность создать более крепкую базу для планов развития отдельных его отраслей и дифференцирует директиву о поднятии урожайности в программах мероприятий для отдельных сельскохозяйственных районов.[1] На первой стадии составления пятилетки принцип порайонного разреза не проведен; то, что с этой стороны содержится в плане, „представляет собой лишь слабую попытку только описать теперешние и вновь намечаемые хозяйствен-

[1] „Шляхи й темпи розвитку нар. госп. УСРР", Держплан, Харків, 1929 г., стр. 38,39.

ные районы — Донбасс, будущий район Днепровской электроцентрали, степь, лесостепь,— но не подать их в виде системы соответствующих показателей". [1] Причина этому — „новизна дела перспективного планирования и в известной мере недостаточное знание экономики страны".[2] Причины эти, как и следствия, как известно, общи большинству плановых органов и всем планам.[3]

Обратимся теперь к районному разрезу пятилетнего плана, составленному всесоюзным Госпланом. В нашу задачу, конечно, не входит детальный разбор этого капитального труда, поистине исторического значения. Мы возьмем оттуда лишь несколько штрихов, дающих классический пример применения классической же методологии районирования Госплана в практике планирования. Но сначала пару слов о самой методологии „районного разреза пятилетнего плана". Она выражена авторами следующим образом:[4] „Географическое разделение труда, протекающее в рамках капитализма, как стихийно совершающийся процесс, превращается в планомерно осуществляемый метод территориальной организации труда на основе порайонной его специализации в целях достижения максимально возможной его эффективности".

Далее, в соответствии с изложенным нами выше „процессом проектирования района", намеченным Госпланом еще в своем докладе III сессии ВЦИК, дается специализация каждого района. Однако, это — не голая констатация стихийно сложившейся специализации района, но основанная на руководящих народнохозяйственных директивах, „извне" данная району, привнесенная производственная характеристика. Ее базой являются природные, материальные, производственные и людские ресурсы, намеченной к превращению в определенный район территории, те или иные возможности применения на ней новейших технических достижений. Стихийные процессы размещения промышленности и сельского хозяйства,— утверждают далее авторы „районного разреза плана",— еще не обеспечивают рационального, с точки зрения интересов народного хозяйства и развития производственных сил, распределения их по территории. Примером этого может служить Украина, сельское хозяйство которой, благодаря близости к портам и высоким хлебным ценам, вызвавшим локализацию в ней известных сел.-хоз. культур и систем хозяйства, получило одностороннее развитие, обусловившее истощение ее почвы, а отсюда — периодические недороды и ухудшение благосостояния ее крестьянства. Вот почему не „продолжение наметившихся тенденций

[1] Там же, стр. 38.

[2] Там же.

[3] Выделяется, сравнительно далеко идущей попыткой проведения районного подхода, план колхозного строительства (Всесоюзн. колхозного совета). Однако, и здесь основное — в декларациях, практически осуществленного еще очень мало.

[4] „Пятилетний план народного хозяйства СССР". Т. III. „Районный разрез плана", изд. „Плановое хозяйство", М. 1929 г. стр. X.

отдельных районов" является задачей порайонного плана, а в большинстве случаев преодоление этих тенденций в соответствии с народнохозяйственными задачами плана. Поэтому „районный разрез плана", в частности для Украины, считает необходимой организацию иных форм использования ее природных и прочих условий. Примерно, такое же отношение плана и к ЦЧО: „Наблюдающиеся в последние годы процессы интенсификации сельского хозяйства (в ЦЧО *Е. Э.*), пишут авторы „районного разреза плана", следует признать недостаточными". Однако речь идет не только о „количественном" воздействии, с целью усиления уже наметившейся тенденции, наоборот, здесь больше всего имеется в виду именно качественное воздействие, выражающееся в определении качественной физиономии самого процесса интенсификации (такие-то именно технические культуры, такое-то именно интенсивное животноводство). Разумеется, не всегда специализация сопровождается ломкой уже обозначившихся тенденций: в случае, когда эти последние целиком отвечают видам планового хозяйства, потребностям всего народного хозяйства и требованиям целесообразности организации труда, они могут быть развиты. В таком случае задача плана заключается в ускорении темпа, в преодолении тех препятствующих быстрому развитию нового района причин, которые в условиях стихийного хозяйства обуславливают медленное и мучительное формирование его.

За изложением специализации каждого района следует конкретный план осуществления этой специализации в пределах ближайшего пятилетия. Само собой разумеется, что полная и окончательная реализация намеченной будущей характеристики района (его специализации) в пределах пятилетия невозможна; пятилетний план строительства хозяйства районов есть лишь большее или меньшее приближение к будущей их специализации. Во многих районах ближайшие пять лет явятся лишь предварительной стадией подготовки района к его будущей (совершенно отличной от настоящей) функции. В этом духе выдержаны все проектировки. Мы на них, по вполне понятным причинам, не останавливаемся.

Подведем итоги. В настоящее время, при наличии „районного разреза пятилетнего плана" и частично уже осуществленной специализации некоторых районов, целиком себя оправдавшей, вряд ли возможен изложенный выше рецидив оппозиции госплановской теории районирования, по крайней мере, реальная опасность его ничтожна. Гораздо вероятнее другая, не менее значительная опасность: недостаточно четкое усвоение плановыми работниками различных ведомств и отраслей основных принципов подлинно порайонного планирования, забвение необходимости строго научного и выдержанного подхода к проблеме. Вот почему тщательная проработка хотя бы новейшего воплощения госплановской методологии районирования в том виде, в каком оно дано в „районном разрезе плана" (том III пятилетки) так необходимо.

Если бы мы теперь захотели дать старую формулировку основных положений сущности порайонного подхода к планированию на основе всего изложенного выше, то она, очевидно, должна была бы принять следующий вид:

Самым общим и предварительным условием плодотворности порайонного планирования является точное знание и строгое следование главнейшим основаниям госплановского районирования.

Далее, в соответствии с этими основаниями следует признать совершенно недопустимой в перспективном плане такую трактовку порайонного подхода, которая выражается в простом дифференцировании плановых мероприятий по районам (пусть новым, госплановским), в соответствии с их современным качественным состоянием, без учета их будущей производственной характеристики. Такой подход, как показано выше, означал бы перенесение в область районной политики ошибочной практики статистической экстраполяции действительности (экстраполяции не только количественных моментов, но, в данном случае, и качественных, нынешней качественной физиономии района), забвение действенных моментов в нашем районировании.

В согласии с правильным пониманием советского районирования, как сознательной политики (плана) размещения индустрии и сельского хозяйства по территории страны, в соответствии с требованиями наибольшей целесообразности — максимальной рационализации общественного производства и т. д. — правильный порайонный подход в перспективном плане конкретно должен заключаться в следующем.

Прежде всего должна быть более или менее окончательно определена будущая характеристика района, его специализация.

Затем, в соответствии с этой характеристикой, должна быть в перспективном плане запроектирована система мероприятий по осуществлению этой характеристики.[1] Каждый определенный во времени план должен представлять собой известную степень осуществления будущей физиономии (производственной характеристики) района.

В самом осуществлении будущих физиономий районов, может быть, в зависимости от значения будущей народнохозяйственной функции района для настоящих потребностей народного хозяйства, установлена известная очередность, находящая себе выражение в различной интенсивности капиталовложений, реконструктивной работы и т. п. плановых мероприятий в различных районах.

Возможная в силу некоторых преходящих (иначе кон'юнктурных) обстоятельств, временная консервация какого-нибудь района (на извес-

[1] Районы, разумеется, не статические образования. Их характеристики также не вечны. Но сейчас, когда мы находимся в начальной стадии специализации районов, можно говорить об их будущих характеристиках, как достаточно незыблемой в течение, по крайней мере, ближайших 10—15 лет, цели, долженствующей направлять все наше проектирование по районам.

стной стадии его формирования) или замедление темпа его полного осуществления (как это мы имеем, например, в отношении украинской степи) должны обязательно сопровождаться рядом мероприятий подготовительного характера, могущих обеспечить потом быстрое развертывание реконструктивной работы. Так, например, отсрочка переустройства степи не должна отнюдь сопровождаться усугублением нынешнего зернового уклона, что впоследствии может сильно затруднить переход к почти беззерновому хозяйству. Сохранение временно настоящего зернового уклона, наоборот, должно сопровождаться постепенным включением уже сейчас в севооборот тех культур, которым впоследствии надлежит занять господствующее место. Такие мероприятия значительно облегчат переход в будущем к новым культурам, к новой системе хозяйства, и вместе с тем, к иному качественному существованию всего района.

(*Продолжение следует*)

А. Абрамов

Перспективы географического размещения текстильной промышленности

I

Завершение восстановительного процесса в текстильной промышленности и задачи большого развертывания нового строительства выдвинули как одну из важнейших народнохозяйственных проблем — проблему географического размещения текстильной промышленности. На период только пятилетия предполагается вложить в новое строительство текстильной промышленности свыше полумиллиарда рублей. Происшедшие в результате октябрьской революции большие изменения в экономике и политике нашей страны, на ряду с современными колоссальными изменениями в технике и экономике текстильной промышленности, не могут не отразиться на тех факторах, которые в прошлом определяли развитие текстильной промышленности, и не создать новых предпосылок для ее дальнейшего развития и для географического размещения нового строительства.

Задача настоящего очерка заключается в анализе определяющих факторов дальнейшего развития текстильной промышленности. Особое место предоставлено в первую очередь анализу условий развития текстильной промышленности в ЦПР, ибо наибольшие изменения, естественно, могут происходить именно здесь, в этом старом основном текстильном районе.

Развитие текстильной промышленности в ЦПР произошло по следующим причинам:

Наличие торгового капитала, который был здесь подготовлен всей предшествующей историей удельной Руси и, особенно, Московской Руси.

Раннее истощение природных богатств этого края, вследствие которого преобладающая часть населения его вынуждена была забросить земледелие и перейти к различного рода промыслам.

Наличие в этом районе густого, создавшегося здесь по историческим причинам, населения, представляющего большой потребительский рынок на изделия текстильной промышленности.

Расположение ЦПР на Приволжской системе рек, что в свое время представляло большое преимущество для распространения товаров.

Колоссальное значение домашней системы капиталистического производства, которая дала возможность здесь с небольшими средствами развить огромное производство сначала льняных, шерстяных, а затем и хлопчатобумажных тканей мануфактурным способом, и которая являлась основным источником для накопления капиталов, сыгравших позже решающую роль в переходе на механическое производство.

Колоссальный рынок, открывшийся особенно в XIX веке, благодаря присоединению к России части Польши, юга до Черного моря и Крыма, а затем Кавказа, Средней Азии и т. д., развитию парового транспорта (с 70-х годов), уничтожению крепостного права, разделению труда между городом и деревней и т. д.

Колоссальное предложение труда, особенно сильно увеличившееся после реформы 1861 года, затем разорение и обнищание кустарей, вызванное ростом механической фабрики, а в связи с этим — низкая зарплата и большая продолжительность рабочего дня создали здесь для фабрикантов необычайные возможности эксплоатации и получения прибыли.

Таким образом, развитие текстильной промышленности в ЦПР ориентировалось прежде всего на рабочую силу.

Дешевизна последней окупала все прочие затраты, в том числе и транспортирование на большие расстояния как сырья, так и готовых изделий. Все это вместе с благоприятными железнодорожными тарифами на сырье и готовые изделия и высокой покровительственной пошлиной на иностранные текстильные изделия обеспечило быстрый рост текстильной промышленности в ЦПР в течение последних десятилетий XIX и начала XX веков.

II

Восстановительный процесс в текстильной промышленности СССР протекал наиболее быстро в ЦПР, где сейчас сосредоточено свыше 80% ее основного капитала. Но помимо этого, в последние годы здесь происходило строительство новых фабрик, которое и в дальнейшем, в особенности в части прядения, в значительной степени будет продолжаться на ряду со строительством текстильных предприятий в новых районах.

В связи с этим приобретает интерес вопрос: сохранились ли в ЦПР те же благоприятные условия для дальнейшего развития текстильной промышленности? Не менее важен также вопрос, имеются ли у нас новые районы, которые имеют основания для успешного развития там текстильной промышленности? Без тщательного и всестороннего выяснения этих вопросов невозможно правильно разрешить проблему размещения текстильной промышленности.

Дальнейшее развитие текстильной промышленности в настоящее время происходит в условиях планового хозяйства и, стало быть, размещение промышленности обусловливается не задачей получения

наиболее высокой прибыли, как в частно-капиталистическом хозяйстве; промышленность будет размещаться только там, где это представляется целесообразным и выгодным с народнохозяйственной точки зрения, с учетом национальной политики советской власти.

Изменившиеся условия труда, уничтожение прежних методов и форм эксплоатации имеют также громадное значение. Переход с 8-часового рабочего дня уже на 7-часовой, уплотнение рабочего дня, увеличение производительности труда и зарплаты, задачи переоборудования предприятий на современной технической базе, курс на политически и технически развитого и хорошо оплачиваемого рабочего, таковы новые условия труда. В отношении социально-бытовых условий идет решительный курс на поднятие материального и культурного уровня нашего рабочего. Фабричная казарма, как наследие старого, доживает последние дни. На новое жилстроительство для рабочих и на клубы затрачиваются десятки миллионов руб. Отсюда ясно, что одно наличие свободных рабочих рук в ЦПР не может иметь уже того привлекательного значения для развития текстильной промышленности, какое оно имело в прошлом.

Плотность населения ЦПР, когда-то имевшая также большое значение для развития здесь текстильной промышленности, в настоящее время начинает его терять. В ЦПР насчитывается 19 млн. населения, что составляет к населению всего Союза, примерно, 13%. В то же время здесь вырабатывается свыше 80% всей продукции текстильной промышленности. Поэтому аргумент о необходимости дальнейшего развития текстильной промышленности в ЦПР, вследствие наличия в нем и в ближайших районах емкого потребительского рынка является мало обоснованным.

Существование одного текстильного центра, который выпускает свыше 80% всей продукции текстильной промышленности, с точки зрения рационального географического размещения промышленности в такой огромной стране, как наша, не может считаться экономически целесообразным, особенно, если принять во внимание, что второй значительный текстильный район, Ленинградский, еще более удален от всех остальных районов СССР. Помимо указанного, ЦПР не имеет ни собственного текстильного сырья, ни топлива, ни продовольствия и т. д. Во всех странах имеются такие промышленные районы, как наш ЦПР. Но чтобы где-нибудь также за несколько тысяч километров доставлялось сырье, топливо, хлеб и продовольствие и т. д. для переработки сырья в изделия на вывоз в отдаленные районы, а также обратно в районы сырья, этого в такой степени нет ни в одной стране, за исключением Великобритании, имеющей колонии и проводящей свою колониальную политику. У нас средний пробег грузов все больше и больше возрастает. Если в 1913 г. средний пробег грузов в Российской империи, которая занимала большую территорию, чем сейчас СССР, составлял 492 *км*, то в настоящее время (к концу 1928 г.) на основании данных НКПС,

средний пробег грузов составляет 613 *км*. Это самый высокий средний пробег грузов, какой не имеет, кроме нас, ни одна страна в мире.

Особенно сильно увеличиваются у нас пробеги текстильных грузов: с одной стороны, текстильного сырья, а с другой — готовых товаров. У нас в послереволюционное время сильно уменьшился выход товарной шерсти, и мы вынуждены ввозить ее из-за границы. Так, например, мы сейчас ввозим, примерно, половину всей потребной нам грубой шерсти из Монголии, Западного Китая и т. д. В настоящее время ввозится примерно 85% необходимой нам мериносовой шерсти и, понятно, что поэтому транспортные расходы значительно увеличились в сравнении с довоенными.

В отношении хлопка пробег тоже увеличился. Если раньше импортный хлопок преимущественно перерабатывался в Польском районе, расположенном сравнительно недалеко от Балтийских портов, то сейчас импортный (из Америки) хлопок приходится в значительно большей мере перевозить на большие расстояния, в частности, до ЦПР. Даже лен, вследствие плохих заготовок и вследствие того, что льноводство вообще передвигается на восток, сейчас приходится подвозить к фабрикам на значительно большее расстояние, чем прежде.

В отношении готовых товаров пробег грузов увеличился вследствие отхода от нас польского текстильного района, который раньше снабжал всевозможными текстильными товарами нашу теперешнюю западную часть СССР и, особенно, Украину. Даже Северный Кавказ и Закавказье снабжались преимущественно польским текстилем. Кроме того, раньше все же существовал еще ввоз готовых текстильных товаров из-за границы. И, наконец, раньше почти не приходилось снабжать столь отдаленные окраины, как наш Дальний Восток, который потреблял почти исключительно импортный текстиль.

Такое увеличение пробега грузов является вообще причиной удорожания товаров.

Последнее является одной из причин, вызывающих сильное оседание волокнистых материалов в крестьянском хозяйстве.

Существует теория, что текстильное сырье почти всем своим весом входит в вес готовой продукции и вследствие этого делает промышленность, перерабатывающую это сырье, независимой от районов его производства. По этой теории следует, что общее количество тонно-километров хлопка почти не меняется от того, будут ли прядильные фабрики находиться в ЦПР или, например, в Средней Азии. По этой теории Сибири все равно, что получать ткани из ЦПР или из Средней Азии, через ЦПР, или другим окружным путем, так как иного пути для соединения этих районов не было. Точно такое же положение было с Уралом. Теперь же эта теория приобретает совсем другое значение для Сибири, в связи с строительством Семиреченской жел. дороги и для Урала — железнодорожной

ветки Орск—Троицк—Челябинск, намного приближающих эти районы к хлопку.

„Транспорт,— по К. Марксу,— есть продолжение производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения", стало-быть, сокращение этого производственного процесса для сырья должно без сомнения явиться фактором, который может значительно повлиять на снижение себестоимости.

В настоящее время в ЦПР нет квалифицированной, нужной для текстильной промышленности, рабочей силы.[1] Это обстоятельство нужно особенно подчеркнуть для того, чтобы рассеять легенду о „колоссальных кадрах высокой квалификации рабочей силы ЦПР", которую как будто бы „не нужно обучать", а прямо, без каких бы то ни было предварительных расходов, допускать к производству и которая, как будто бы, делает ЦПР даже в настоящее время все же главным и наиболее выгодным районом текстильной промышленности. На самом деле в ЦПР уже сейчас создалось положение, когда, при отсутствии нужных промышленности квалифицированных рабочих, мы имеем много неквалифицированных и малоквалифицированных. Эта масса рабочих не может быть сейчас непосредственно использована текстильной промышленностью и определенно можно сказать, что в дальнейшем не сможет быть ею использована в сколько-нибудь значительных размерах: наша фабрика сейчас имеет, примерно, в 2 раза больше рабочих, чем английская и германская и в 3 раза больше, чем американская. Это значит, что производительность труда у нас, примерно, во столько же раз ниже. Зарплата же у нас, вместе со всеми социальными расходами, начинает приближаться к средней западно-европейской зарплате. Поэтому у нас доля зарплаты в единице продукции является самой высокой в мире. Мы не можем итти на снижение зарплаты, мы идем, главным образом, по линии большего уплотнения труда, рационализация производства и т. д., чтобы добиться увеличения производительности труда. Последнее вызывает сокращение числа рабочих. По перспективному плану намечается к концу пятилетия, при росте производства по текстильной промышленности больше, чем в 2 раза, рост количества рабочих всего на 18%. Кроме того, технические усовершенствования и новые виды оборудования вызывают сокращение подчас даже высококвалифицированных рабочих. Например, замена мюлей ватерами вызывает сокращение рабочих мюльщиков (очень высокая и сложная квалификация), которые на ватерах, по причине того, что там работа совершенно другая, не могут быть использованы. Можно было бы привести еще ряд примеров, показывающих сокращение

[1] Этот вопрос достаточно освещен в ежедневной прессе и специальной литературе. Смотри „Экономическая Жизнь", №№ 275, 278 за 1928 г., „Торгово-Промышленная газета", №№ 212, 253, 271 за 1928 г. и № 39 за 1929 г. Журнал „Известия текстильной промышленности", №№ 7, 11 за 1928 г., „Текстильные новости", №№ 3, 8, 9, 11 за 1929 г., „Шерстяное Дело", №№ 3, 4, 10, 11, 12 за 1928 г.

рабочих на единицу оборудования и на определенную производственную операцию, происходящих по ряду причин. И это обстоятельство в ЦПР будет ощущаться, конечно, значительно сильнее, чем в других районах.

Если ко всему этому прибавить, что в ЦПР предметы питания— самые дорогие в Союзе и, что зарплата рабочих, в частности, в текстильной промышленности, вследствие этого самая высокая, то делается совершенно ясным, что в настоящее время значение ЦПР, как района дешевой и квалифицированной рабочей силы, для текстильной промышленности окончилось и прежних преимуществ для дальнейшего развития текстильной промышленности перед другими районами ЦПР в этом отношении больше не имеет.

III

Изложенное приводит к бесспорному положению, что в настоящее время для развития текстильной промышленности в ЦПР возникли совершенно новые условия, весьма отличные от тех, которые там существовали раньше; что в главнейшем и важнейшем вопросе— рабочем,— который, как мы видим выше имел в ЦПР решающее значение в деле развития текстильной промышленности, произошли существенные изменения.

Возместить расходы, которые вытекали бы из монопольного расположения текстильной промышленности в ЦПР вдали от сырья и продовольствия, а также от рынка сбыта готовых изделий ряда районов, рабсила ЦПР больше будет не в состоянии, и поэтому транспортные расходы для ряда районов, особенно для тех из них, которые имеют собственное текстильное сырье, только напрасно удорожали бы готовые изделия.

Прежде чем перейти к другим районам, мы считаем необходимым остановиться на одном важном, общем для всех их, вопросе — о рабочей силе. Общее для всех этих районов положение заключается в том, что здесь нет или почти нет квалифицированных рабочих-текстильщиков. Мы указывали раньше, что и в ЦПР свободной квалифицированной рабсилы для текстильной промышленности нет и что для новых фабрик там идет подготовка путем предварительного обучения рабочих. То же самое придется делать для новых фабрик и в других районах и это, конечно, не сможет служить препятствием для создания и развития там текстильной промышленности тем более, что новичка легче обучить, чем переучивать малоквалифицированного или полуквалифицированного рабочего-текстильщика. Если раньше трудовые навыки приобретались в течение десятилетий, то сейчас, в срок от 2 недель до 2 месяцев, совершенно новый в этом деле человек делается квалифицированным рабочим.

Теперь перейдем к специальному рассмотрению каждого в отдельности нового района, где, по нашему мнению, должна получить свое развитие текстильная промышленность.

Сибирь. Текстильная промышленность Сибири находится в зачаточном состоянии (незначительная грубосуконная и льняная отрасли). В настоящее время снабжение из ЦПР окраин вообще и, в частности, Сибири текстильными товарами становится нерациональным.

Особенно сильно это скажется по окончании Туркестано-Сибирской жел. дороги, которая расстояние провоза хлопка до Сибири делает на 1.200 *км* более коротким, чем из Средней Азии до ЦПР. Стоимость хлопка для Сибири, благодаря этому, будет обходиться на 21 руб. на тонну дешевле, чем в ЦПР. Это удешевление получается, если считать по нормальному тарифу, но вряд ли при перевозках из Средней Азии в Сибирь может существовать нормальный тариф вследствие односторонности грузовых потоков и недостатка обратных грузов. Наличие Кузнецкого угля, выгодное географическое расположение Сибири, соседство с рядом наших национальных Республик—Бурято-Монголии, Якутии, а также близость к зарубежным странам востока (Монголии, Западному Китаю), куда мы сейчас ввозим ткани из ЦПР и куда значительно выгоднее будет вывозить из Сибири—все это благоприятные условия для развития в Сибкрае текстильной промышленности, в частности, хлопчатобумажной.

Несколько сложным для развития хлопчатобумажной промышленности представляется рабочий вопрос? Вообще свободных рабочих рук в Сибири достаточно: по данным Сибкрайплана в 1927/28 г. в Сибири имелось 70.000 безработных. В Ново-Сибирске, где предположено по 5-летнему плану развивать текстильную промышленность, на бирже труда стоят на учете свыше 15.000 безработных. Дело с обеспечением рабочей силой будет обстоять благоприятно. Другой вопрос—качество этой рабочей силы. Ее нужно предварительно подготовить путем специального обучения. Это является необходимым и неизбежным, как мы видели выше, также и для ЦПР. Что же касается среднего и высшего технического персонала, то при определенных мероприятиях особых препятствий для обеспечения ими производства не встретится.

Однако изложенные соображения еще не могут считаться достаточными для окончательного решения вопроса о целесообразности развития в Сибири хлопчатобумажной промышленности.

Мы считаем еще необходимым привести ориентировочную калькуляцию хлопчатобумажного производства в Сибири для сравнения с калькуляцией фабрики, расположенной в ЦПР. Для этого мы наметили себе тип фабрики (ориентировочный проект) на 50.000 веретен, 2.000 ткацких станков, с определенным планом производства. Приводим ориентировочную калькуляцию. (См. табл. 1, стр. 101).

Таким образом, фабричная стоимость пряжи и сыровья получилась на сибирской фабрике дешевле в сравнении с новой фабрикой в ЦПР несмотря на то, что в вышеприведенной калькуляции нами сознательно было допущено преувеличение стоимости сырья, провоз которого будет по пониженному тарифу, и зарплаты производственным рабочим и также служащим, которая исчислялась по ставкам ЦПР, в то время, как в Сибири жизнь дешевле, чем в ЦПР. Статья „двигательная энергия“ в Сибири может быть более дешевой, если строить собственную станцию на орешке, в виду близости Кузнецкого бассейна. Размер амортизации взят, как в ЦПР; на самом же деле, стоимость намечаемого нами кирпичного здания с деревянными перекрытиями или с железными будет дешевле, чем

Таблица 1

Сравнительная калькуляция хлопчатобумажного производства

Элементы себестоимости	Пряжа на 100 *кг*			Суровая ткань 100 *м*		
	Ср. № 20,86.	21,2	21,2	13,76	14,2	14,2
	Тверская Пролетар. м-ра	Сибирск. ф-ка	Новая ф-ка ЦПР	Пролетар. м-ра	Сибирск. ф-ка	Новая ф-ка в ЦПР
Сырье	131.03	120.96	123.47	28.01	24.34	24.87
Материалы	—	0.11	0.11	0.19	0.13	0.14
Зарплата производ. рабочим	14.87	12.0	12.0	4.65	2.44	2.44
Начисления на зарплату	3.84	3.06	3.06	1.21	0.62	0.62
Наклад. расход на раб. силу	4.11	2.10	2.10	1.17	0.43	0.43
Итого	22.82	17.27	17.27	7.22	3.63	3.63
Цеховые расходы						
Зарплата служащих	1.51	1.32	1.32	0.26	0.25	0.25
Начисл. и накл. расходы	0.72	0.57	0.57	0.13	0.11	0.11
Оплата простоев	0.84	0.70	0.70	0.18	0.10	0.10
Текущ. рем. и содерж. машин	11.43	2.72	2.72	1.03	0.65	0.65
Двиг. энергия	4.92	3.00	3.73	0.32	0.40	0.52
Пар и топливо технол.	0.30	0.20	0.30	0.21	0.10,5	0.13
Освещение	0.19	0.13	0.23	0.3	0.3,6	0.4,6
Водоснабжение	—	0.6	0.75	—	0.1	0.1,6
Увлажн. и вентиляц.	0.41	0.35	0.40	0.4	0.3	0.3,5
Текущ. рем. и содерж. здания	1.59	0.41	0.44	0.10	0.7,2	0.7,2
Транспорт	0.36	0.23	0.25	0.3	0.2	0.2,8
Амортизация	6.21	5.80,2	5.80,2	0.71	1.27,4	1.27,4
Охрана труда	0.18	0.24	0.24	0.2	0.2,4	0.2,4
Страхование	0.12	0.21,4	0.21,4	0,1	0.4,7	0.4,7
Всего цеховых	28.51	5.79,6	16.72,4	3.07	3.13	3.30
Всего фабричных расходов	3.51	3.50[6]	3.43,6	0.62	0.75	0.70
Стоимость обработки	54.84	35.37	37.48	10.91,0	7.36,0	7.62,6
Фабричн. себестоимость	203.78	173.53	176.95	38.92	31.85	32.50

железобетонное в ЦПР. Кроме того, цена на кирпич в Сибири в 1927/28 г. составляла 29 руб., а в ЦПР средняя отпускная цена— 43 руб. 14 коп. за тысячу. Рабочие руки для строительства в Сибири дешевле; лес тоже в Сибири дешевле, и т. д.

Что касается отделки на Сибирской фабрике, то мы ее здесь не приводим лишь потому, что такое небольшое отделочное производство вряд ли может быть показательным вообще. Но, мы считаем, вследствие того, что топливо в Сибири является значительно более дешевым, чем в ЦПР и что химические материалы, как-то: кальцинированная сода, каустичная сода, хлор, белильная известь, хромовая соль и т. д. производятся на Урале, откуда доставка их до Ново-Сибирска более дешева, чем до ЦПР, потому отделка на сибирской фабрике будет также дешевле, чем на новой фабрике ЦПР. Здесь нужно еще учесть то обстоятельство, что в ближайшее время в Кузнецком бассейне должно получить большое развитие коксовое производство, отбросы которого являются ценнейшими материалами для выработки важных для текстильной промышленности анилиновых и ализариновых красителей. Таким образом, даже и в этом отношении сибирская текстильная промышленность будет полностью эмансипирована от центра, и притом с значительной выгодой.

Помимо того, есть еще одно важное обстоятельство, говорящее в пользу развития хлопчатобумажной промышленности в Сибири: доставка тонны хлопчатобумажной ткани из ЦПР до Ново-Сибирска стоит 277 руб. (а в другие пункты Сибири — еще дороже). В 1926/27 г. в Сибирь по данным Сибкрайплана было ввезено 2.070 вагонов хлопчатобумажной ткани, что составляет, примерно, 136 млн. метров. Считая по 7—8 тонн на вагон, стоимость провоза этих тканей составляла, примерно, 4,5 млн. руб. А между тем, по тем же данным Сибкрайплана спрос населения Сибири был удовлетворен тогда всего лишь на 50—60%. Следовательно, при достаточном снабжении Сибири хлопчатобумажными тканями, экономия на одном лишь провозе составляла бы, примерно, около 9 млн. руб. К концу 5-летия предполагается, что для Сибири потребуется, примерно, 400 млн. метров хлопчатобумажной ткани. Провоз только этой ткани до Сибири мог бы составить за один только год (1932/33) сумму, примерно, в 16 млн. руб.

Для организации производства на первой фабрике, нам потребуется обучить вначале, примерно, 900 рабочих. Если даже считать, что расход на обучение рабочего будет составлять 500 руб. (что, конечно, представляет собой сильно преувеличенную сумму), то тогда затрат будет всего на 450.000 руб. Вообще же затраты на обучение рабочих ничтожны в сравнении с экономией на транспорте готовых тканей.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: развитие хлопчатобумажной промышленности в Сибири экономически вполне обосновано и имеет большое народнохозяйственное значение. Поэтому мы считаем необходимым ускорить постройку в Сибири первой хлопчатобумажной фабрики с тем, чтобы она была закончена к началу 1931/32 г., т.-е. к тому времени, когда будет закончена Туркестано-Сибирская ж. д., а затем начать быстро развивать там хлопчатобумажную промышленность с тем, чтобы она в наиболее быстрый срок могла снабдить Сибирь своими тканями, и также начать работать на экспорт в Монголию и Западный Китай.

Только таким путем можно будет в Сибири и других новых районах в наиболее скорый срок достигнуть существенного сдвига в деле действительного развития в них текстильной промышленности.

Сибирь имеет все данные для успешного развития собственной шерстяной промышленности и не только грубосуконной, но и тонкосуконной. Сделанные в последнее время успехи в области механической сортировки грубых шерстей дают возможность из последней получать до половины количества ее пуха, который может быть употреблен для тонкосуконного производства. Если к этому еще прибавить, что Сибирь и прилегающий к ней Казакстан, обладают значительными количествами тонких и полугрубых шерстей, то сделается вполне очевидным, что в области этого производства здесь открываются большие перспективы. Последнее уже наложит известный отпечаток на развитие грубосуконной промышленности, которая, во-первых, вероятно не должна будет достигнуть такого развития, какое предполагалось раньше, а во-вторых, ассортимент ее также потерпит изменения в сторону ухудшения, так как она должна будет потреблять главным образом отсортированную шерсть.

В последние годы старые льноводческие районы (Центрально-Промышленный, Западный, Северо-Западный) переживают глубокий кризис. Здесь происходит беспрерывное понижение урожайности льна, ухудшение его качества, сокращение посевных площадей и также товарного выхода волокна и т. д. Льняная промышленность, сосредоточенная, главным образом, в этих районах, переживает за последние годы хронический сырьевой голод, и вынуждена сокращать производство. Для получения сырья приходится прибегать к повышению цен на льноволокно, что повышает себестоимость льняной продукции. А между тем, основным условием развития льняной промышленности является удешевление льняных тканей и конкуренто-способность их с бельевыми сортами хлопчатобумажных тканей. Кроме того, давно уже замечено, что лен перемещается на восток. Отсюда следует, что необходимо начать перемещать и льняную промышленность в том же направлении. В частности, в Сибири за последние годы происходит большой рост посевных площадей под льном-долгунцом. Сибирь в области льноводства имеет блестящие перспективы. Спрос на льняные мешки для перевозки

хлеба в Среднюю Азию по Турк.-Сиб. ж. д. также должен быть учтен. Определенно можно сказать, что организуя в Сибири льняное производство, с учетом всех достижений техники в этой области, можно получать наиболе дешевую продукцию, чем где бы то ни было в Союзе, особенно, чем в ЦПР.

По пятилетнему плану на строительство двух льнопрядильных и ткацких фабрик в Ново-Сибирске ассигновано 13.500 тыс. руб. На строительство грубосуконной—5 млн. руб., с началом постройки в текущем году и окончанием в 1931/32 г.

Урал. Важнейшим условием создания на Урале хлопчатобумажной промышленности является принятое в 5-летнем плане возобновление работ по строительству железнодорожной линии Троицк—Орск. Последняя дает Уралу кратчайший выход к Средней Азии, что открывает возможность получать хлопок непосредственно из Средней Азии, и при том получать примерно на 800 *км* ближе, чем получает ЦПР. Доставка тонны хлопка из Средней Азии до Урала обойдется на 18 руб. дешевле, чем из Средней Азии до ЦПР; доставка же тонны тканей из ЦПР до Урала стоит 205 рублей. Таким образом, только на провозе тонны этого груза можно с'экономить 223 руб. В настоящее время Урал имеет около 7 млн. населения. К концу 5-летия оно возрастет, примерно, до 8 млн. ч. Средняя душевая норма потребления хлопчатобумажных тканей к концу 5-летия по Союзу будет составлять 30 *м*. Таким образом, для снабжения Урала потребуется 240 млн. *м* хлопчатобумажных тканей. Один только провоз их из ЦПР до Урала будет стоить около 6 млн. руб. (29 тыс. тонн по 205 руб.) в один только 1932/33 г. Но это еще не все: Урал имеет по сравнению с ЦПР (помимо того, что сырье там дешевле, чем в ЦПР) еще ряд других преимуществ: средняя зарплата на Урале значительно ниже и в конце 5-летия будет также ниже, чем в ЦПР. Двигательная энергия на строящейся сейчас в районе Челябинска районной электростанции, по справке Главэлектро, будет не дороже 2,5 коп. за киловаттчас, в то время как средняя по ЦПР стоимость киловаттчаса составляет 4—5 коп. В отношении топлива Челябинская ф-ка будет находиться в исключительно благоприятном положении: в 20 верстах от города находятся залежи каменного угля, и стоимость тонны его франко-фабрика в 1926/27 г. обходилась в 10 руб., что при переводе на условную единицу составляет около 16,5 руб. за тонну 7.000 калор. топлива, в то же время средняя цена горючего, при переводе на 7.000 калор. единицы, в ЦПР, составляла 27 руб. франко-фабрика за тонну. И, наконец, строительство вообще на Урале дешевле, чем в ЦПР, так как Урал имеет все виды своих собственных строительных материалов, значительно более дешевых, чем в ЦПР. Так, например, средняя продажная цена 1.000 шт. кирпича на Урале в 1927/28 г. была 35 руб. 94 коп., а в ЦПР—43 руб. 14 коп., средняя оптовая цена цемента за 1927/28 г., хотя и весьма незначительно, но все же была дешевле на Урале. Железо на Урале, без

сомнения, дешевле; лес также; рабочие руки для строительства на Урале тоже дешевле. Таким образом, на Урале имеются все данные для того, чтобы создать более выгодное производство, чем в ЦПР. И это ясно видно из сравнения нижеприведенных калькуляций производства на Челябинской ф-ке со старыми фабриками ЦПР, с одной стороны, а с другой стороны, с новой фабрикой, мыслимой по такому же проекту, как и Челябинская, но расположенной в ЦПР. Проект Челябинской ф-ки уже составлен группой крупных специалистов (проф. Державин, проф. Федотов и др.). Приводим некоторые расчеты из этого проекта (смотри таблицы 2 и 3 на стр. 105, 106).

Таблица 2

Сравнительная калькуляция (на обезличенный метр) по отделке: Челябинский комбинат, Пролетарская м-ра, Победа Пролетариата, новая фабрика Центр. района.

Элементы себестоимости	За 1927/28 год			
	Тверск. Пролет. М-ра	Победа Пролетариата	Челябинский комбинат	Новая ф-ка в Центр. р
Сырье (суровье)	34.64	44.63,2	31.98.2	34.89
Обработка				
Материалы, идущие в производство	2.52 [1]	3.46,2	2.62	2.75
Зарплата производств. рабочим	1.04	1.36,8	—.56,2	—.79
Начисления на зарплату	—.28	—.37,4	—.14,3	—.20
Накладн. на рабсилу	—.26	—.31,3	—.09,8	—.13
Итого	4.10	5.51,7	3.42,3	3.87
Цеховые расходы.				
Зарплата служ. и техперс.	—.13	—.15,7	—.10,3	—.14
Начисл. и накл. на зарплату	—.06	—.06,2	—.04,5	—.06
Оплата простоев	—.04	—.01,2	—.02,5	—.04
Текущий ремонт и содержание машин	—.56	—.76,8	—.23,1	—.23,1
Двигательная энергия	—.11	—.24,0	—.11,0	—.18
Пар и топливо технолог.	—.83	1.42,8	—.61,0	—.78
Текущий ремонт и содержание здания	—.16	—.23,9	— 08.7	—.09
Водоснабжение и отвод кр. вод	—.07	—.26	—.09,0	—.09
Освещение	—	—.01	—	—
Увлажнение и вентиляция	—	—	—	—
Транспорт	—.02	—.02,8	—.01,0	—.01,0
Амортизация	—.46	—.46,3	—.51,0	—.51
Страх. производств. зданий и машин	—.01	—.00,3	—.02,2	—.02,2
Охрана труда	—.03	—.07	—.04,2	—.04,7
Разные	—.28	—.04	—	—
Итого	2.76	3.77	1.88,5	2.20
Обще-фабричн. расходы	—.31	—.36,9	—,37,0	—.37
Фабричная себестоимость	41.81	54.28,8	37.66,0	41.33
Стоимость обработки	7.17	9.65,6	5.67.8	6.44

[1] В ассортименте „Пролетарской Мануфактуры“ имеется значительный процент ситца, который требует значительно меньше красителей.

Таблица 3

Сравнительная сортовая калькуляция

(на хлопчатобумажную пряжу и суровую ткань) Челябинской фабрики с фабриками Центрального района (старой и новой)

№ пряжи	Сорт	Наименование фабрики	Сырье	Материал	Зарплата	Начисленность и накладн.	Цеховые	Обще-фабричные расходы	Стоимость обработки	Акциз	Фабричная себестоимость
				Пряжа на 100 кг							
24	Основа ват.	Челябинская . . .	123.81	—.11,5	9.81,1	4.21,9	16.47,7	3.84,1	34.45,8	16 —	174.26,8
„	„ „	Ярославская . . .	125.56	—	17.15	8.74	16.80	3.15	45.84	16 —	187.40
„	„ „	Владимирская . .	128.52	—.52	14.65	7.55	25.85	2.82	51.38	16 —	195.90
„	„ „	Нов. фаб. ЦР . . .	125.95	—.12	13.76	5.91	19.19	4.—	42.98	16 —	184.93
16	Уток „	Челябинская . . .	105.12	—07,1	6.10	2.62,3	10.24,3	2.38,8	21.42,6	16 —	142.54,6
„	„ „	Ярославская . . .	114.95	—	13.64	7.31	11.21	2.80	34.96	16 —	165.91
„	„ „	Нов. фаб. ЦР . . .	107.30	—08	8.55	3.67	11.93	2.48	26.71	16 —	150.01
				Суровая ткань на 100 м							
Станд. 42	Бязь суровая	Челябинская . . .	17.53,5	—.10,1	1.36,9	—.58,9	2.39	—.47	4.91,9	—	22.45,4
„	„ „	Владимирская . .	21.03,7	—.25,4	2.68,3	1.20,5	2.27	—.60,9	7.02,4	—	28.06,1
„	„ „	Нов. фаб. ЦР . .	18.54	—.10 6	1.92	—.83	2.59	—.55	5.99,6	—	24.53,6
41	Молескин	Челябинская . . .	29.22	—.24,6	3.35	1.44	5.84,6	1.14,9	12.03,1	—	41.25,1
„	„	Нов. фабр. ЦР . .	30.89	—.26	4.70	2.02	6.33	1.34	14.65	—	45.54,0
15	Шерстянка	Челябинская . . .	20.05,3	—.09,2	1.25,5	—.53,9	2.19,1	—.43,1	4.38,8	—	24.56,1

Примечание: Данные о себестоимости по фабрикам ЦПР взяты в планово-экономическом отделе хлопчатобумажного управления.

Фабрики: Тверская Пролетарская и Победа Пролетариата взяты, как наиболее близкие по своему ассортименту к Челябинскому комбинату.

Мы видим, что по прядению, ткачеству и готовой ткани Челябинская ф-ка даст более дешевую продукцию, чем такая же новая фабрика в ЦПР. К этому нужно еще прибавить, что провоз хлопка из Средней Азии на Урал, особенно в части пути—с Оренбурга до Челябинска,—будет носить характер обратного груза. В отношении рабочей силы Урал находится в таком же, примерно, положении, как Сибирь.

По данным Уралплана в 1926/27 г. на биржах труда и профсоюзах числилось безработных до 72.000 человек. В частности, в Челябинске и окрестностях наличие свободной рабочей силы, по данным Уралплана, исчисляется в количестве свыше 10.000 чел.

Для хлопчатобумажной же промышленности рабочих нужно будет предварительно подготовить путем специального обучения, как это делается и в ЦПР.

Все вышеизложенное говорит о том, что создание и развитие хлопчатобумажной промышленности на Урале является вполне экономически обоснованным и целесообразным с народнохозяйственной точки зрения. Поэтому мы считаем необходимым немедленно приступить к строительству фабрик на Урале с тем, чтобы закончить в первую очередь к концу 1930/31 г.; затем, начиная с 1931/32 г., начать быстрое развитие хлопчатобумажной промышленности для того, чтобы в наиболее короткий срок Урал был в состоянии снабдить себя преобладающим количеством собственных хлопчатобумажных тканей.

В последние годы на Урале замечается весьма значительный рост посевных площадей под льном. Товарный выход последнего растет; качество уральского льна—высокое, цены же на него значительно ниже, чем в старых льняных районах и, самое главное, здесь имеются для промышленности нужные ей количества льноволокна. Все это вместе взятое создает благоприятные условия для развития льняной промышленности. Мы считаем, что Урал должен сделаться одним из тех новых центров льняной промышленности, образование которых неизбежно в течение ближайших лет.

На Урале уже имеется льняная промышленность, но она преимущественно груботканная. Дальнейшее развитие ее должно происходить, главным образом, по линии тонкотканного производства. Высокономерность уральского льна и последние достижения в области техники и технологии обработки льна дают полную возможность это выполнить наилучшим образом.

Пятилетним планом принято строительство в Свердловске тонко-льняного комбината общей стоимостью в 9 млн. руб. с началом постройки в 1930/31 г. и окончанием ее в 1932/33 г. Строительство это необходимо еще приблизить по срокам и ускорить.

АССР немцев Поволжья. В отличие от вышеупомянутых районов, АССР немцев Поволжья — старейший район хлопчатобумажной промышленности. Ткацкий промысел был завезен сюда первыми немцами-колонистами еще во второй половине XVIII века из Германии. В течение XIX века производство хлопчатобумажных пестротканей, так называемой сарпинки, получило здесь большое развитие и приняло, как это всюду бывало в истории текстильной промышленности, форму мануфактуры. Развитию здесь текстильной промышленности способствовали следующие факторы: наличие по причине аграрного перенаселения, свободных рабочих рук, выгодное географическое положение на берегу Волги, в отношении получения сырья, и также в отношении рынка сбыта.

Здесь была широко развита домашняя система капиталистического производства со всеми свойственными ей характерными чертами, какие имелись и в ЦПР. Здесь так же, как и в ЦПР, правда, только значительно позднее, наметился кризис ручного производства. Этот район не развился в более крупный текстильный центр потому, что здесь не было того торгового капитала, какой был подготовлен в ЦПР, а также по причине отсутствия, в сравнении с последним, густого населения. Но все же здесь был довольно значительный текстильный район, в котором было занято до 20 тыс. кустарей, изделия которых имели широкое распространение далеко за пределами своего края и находили себе сбыт даже в Персии.

В настоящее время этот район выбрасывает на общесоюзный рынок свыше 20 млн. метров хлопчатобумажных тканей. Теперь там имеется хлопчатобумажный трест „Нижволтрест“ в составе прядильной ф-ки на 44 тыс. веретен, так называемая „Саратовская мануфактура“, 3 механических ткацких ф-ки, красильная, трикотажная и т. д., и, кроме того, там еще работает мощная промыслово-кооперативная организация „Сарпинсоюз“, об'единяющая до 16 тыс. кустарей. Словом, здесь есть прочная, исторически сложившаяся, база для развития хлопчатобумажной промышленности. Но не только поэтому мы считаем этот район удобным для создания крупного центра хлопчатобумажной промышленности. Для новых фабрик здесь также придется подготовлять рабочих, так как без этого совершенно немыслим переход на новую, более производительную систему труда.

Мы обращаем внимание на этот район, главным образом, потому, что он имеет, помимо больших кадров свободной рабочей силы, еще ряд других преимуществ перед ЦПР, а главное, он лежит ближе к сырью. В настоящее время географическое расположение этого района совершенно не использовывается. Ф-ка „Саратовская мануфактура“, расположенная в 25 — 30 *км* ниже Саратова, получает наш хлопок из Москвы, в то время, когда этот же хлопок проходит мимо нее вверх по Волге до Нижнего-Новгорода и перегружается на ж. д. и т. д. Это нелепое, антинароднохозяйственное

явление приводит к тому, что „Саратовской м-ре“ доставка тонны хлопка обходится намного дороже, чем ЦПР. При распространении льготных тарифов и на район Нижней Волги, доставка тонны хлопка водным путем обойдется в 82 руб. с тонны, а железнодорожным— 85 руб., т.-е. дешевле, чем до ЦПР примерно на 15%.

Зарплата здесь ниже, чем в ЦПР. Все это вместе взятое создает здесь возможность выпускать продукцию значительно более дешевую, чем в ЦПР.

В настоящее время район Нижней Волги имеет около 6 млн. населения. Потребность только этого одного района составит к концу 5-летия, примерно, 180 млн. метров тканей. А несомненно, что размер развития хлопчатобумажной промышленности этого района должен достигнуть такой степени, чтобы не только снабжать себя тканями, но чтобы и обслуживать еще другие прилегающие к нему районы.

Район немцев Поволжья имеет все для того, чтобы этого достигнуть, и, с точки зрения целесообразности, это не подлежит никакому сомнению. Экономия в одном транспорте будет заключаться помимо доставки сырья еще в 110 руб. с тонны готовых изделий из ЦПР до Саратова. Это составляет, при снабжении тканями только одного населения Нижне-Волжского края, сумму около 2,5 млн. руб. в один только 1932/33 г.

Помимо всего вышеизложенного, этот район обладает еще старым организационным и технико-производственным опытом, а также подготовленным кадром организационно-технических сил. Для подготовки среднего технического персонала существует текстильный техникум в Бальцере.

Пятилетним планом запроектировано крупное строительство текстильной промышленности в Нижнем Поволжьи, при чем на хлопчатобумажную промышленность намечено 25,4 млн. руб. Строятся бумаго-прядильни в Саратове, Бальцере и для третьей пока место не определено. Ткацкие фабрики строятся в Саратове, Мессере и Денгофе. Красильная намечена также в АССР немцев Поволжья, место пока точно не определено.

Кроме того, в Нижнем Поволжье в течение пятилетия намечена постройка двух трикотажных фабрик (одна из них в Бальцере) общей стоимостью в 6.500 тыс. руб.

Дагестанская ССР. Маленький Дагестан представляет собой, по своему кустарно-промышленному развитию, одно из замечательных мест не только в СССР, но и, пожалуй, на всем земном шаре. С древнейших времен Дагестан обслуживает своими изделиями, особенно металлическими и текстильными, Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию и т. д. Еще во время покорения Кавказа, Дагестан снабжал всю армию Шамиля оружием (там отливались даже пушки). Что касается текстильных изделий, то также с древних времен Дагестан снабжает своими сукнами, бурками и т. п. изделиями весь

Сев. Кавказ и Закавказье и т. д. В настоящее время дагестанские кустарные сукна имеются в продаже даже в Москве. Эти промыслы там широко развиты и целые селения горного Дагестана специально занимаются этим. Развитие в столь большом размере кустарных промыслов в Дагестане произошло по причине необычайного аграрного перенаселения. Дагестан, имеющий всего 800 тыс. душ населения, не может все же прокормить всего своего населения, и до 20% его в рабочем возрасте не может найти в настоящее время применения своего труда. Таким образом, в Дагестане мы имеем не только рабочие руки, но еще рабочие руки, имеющие определенные трудовые навыки в области текстильного производства. В Махач-Кала есть прядильно-ткацкая хлопчатобумажная фабрика на 15 тыс. веретен и 480 ткацких станков. Эта фабрика существует лет 30—35, оборудование ее сильно устарело и изношено; до сего времени на нее почти никакого внимания центральными органами не обращалось и она влачит довольно незавидное существование. Но все же зародыш хлопчатобумажной промышленности там уже имеется; есть также ядро квалифицированной местной рабочей силы, а также определенный организационный опыт. Помимо вышеизложенного, Дагестан имеет еще следующие, весьма благоприятные для развития хлопчатобумажной промышленности, условия.

В Дагестане начинает создаваться собственное хлопководство. В конце 5-летия должно засеваться не меньше 15 тыс. *га*, что должно дать не менее 4,2 тыс. тонн зрелого хлопка. Для переработки его потребуется фабрика не менее, чем на 70 тыс. веретен при работе в 3 смены. Кроме того, через Махач-Кала проходит в центр преобладающая часть хлопка из Средней Азии и из Закавказья. Стоимость тонны последнего обходится там на 75 руб. 58 коп. дешевле, чем для ЦПР. Затем в настоящее время провоз тонны тканей из Центра в Дагестан стоит 221 руб. 31 коп. Таким образом, экономия только на одном транспорте составляет не менее 297 руб. на тонну. Помимо этого, зарплата в Дагестане всегда будет значительно ниже, чем в ЦПР: жизнь там намного дешевле и т. д.

Топливо (жидкое из Грозного) в Дагестане также дешевле, чем в Центре, например, моторная нефть в Москве 5 руб. 55 коп., а в Махач-Кале—4 руб. 30 коп. за 100 *кг* (в цистернах), топочный мазут в Москве—4 руб. 88 коп., в Махач-Кале—2 руб. 52 коп. за 100 *кг*.

Все это, вместе взятое, создает намного более благоприятные условия для развития хлопчатобумажной промышленнности в Дагестане, чем в ЦПР. В отношении же рабочего вопроса там придется, так же, как и в ЦПР, для новых фабрик предварительно подготовить рабочую силу.

В отношении шерстяной промышленности мы не отделяем Дагестан от Сев. Кавказа. Мы считаем вполне рациональным создать в этом основном тонкорунном районе (Сев. Кавказ и Дагестан), тонкосуконную фабрику. Конечно, здесь речь может итти пока только

об одной из тех новых фабрик, которые намечаются вообще к строительству в пятилетнем плане.[1] Эта фабрика должна обслуживать район Сев. Кавказа, Дагестана и прилегающие к ним районы и должна выпускать, примерно, 3—4 млн метров тонких сукон. Для этих районов она всегда, без всякого сомнения, будет выпускать дешевую продукцию, примерно, на 10—15% дешевле по сравнению с промышленностью ЦПР.

Это удешевление получится за счет более дешевого сырья, за счет более дешевого топлива и за счет отсутствия транспортных расходов.

Клинцовский район. По своему промышленному характеру Клинцовский район напоминает ЦПР. Промышленное развитие его происходило по тому же пути, и в частности, суконное производство представляет одну из самых старых специальностей этого района. При сем характерной чертой рабочей силы этого района является то, что она в преобладающей части давно совершенно порвала с деревней и представляет собой городской пролетариат. Последнее обстоятельство является главной причиной того, что этот район обладает большими кадрами высококвалифицированных рабочих, которые культурны, технически грамотны в своей массе, и которые, поэтому, быстрее и лучше охватывают более передовые способы работы. Все это, конечно, сказывается на работе текстильной промышленности Клинцовского района. Ниже мы приводим данные о работе тонкосуконной промышленности по отчетным материалам за 1927/28 г. Клинцовского суконного треста и 1 Госшерсттреста в его тонкосуконной части.

Следующие технико-экономические показатели свидетельствуют о работе этих трестов. (см. стр. 112).

Мы видим, что, абсолютно по всем показателям, работа Клинцовского треста стоит значительно выше 1 Госшерсттреста, несмотря на то, что первый находится в значительно худших условиях в отношении снабжения сырьем и удовлетворения в капитальных затратах.

Эти показатели, наиболее точно и правильно рисующие работу промышленности, являются, конечно, не случайными. Здесь сказывается, несомненно, то положение с рабсилой в ЦПР, на которое мы выше указывали. Кроме того, в г. Клинцах рабочая сила вследствие того, что она почти вся является коренным населением этого города и живет там в своих квартирах, а не в фабричных зданиях, не ложится таким большим расходом на промышленность, в отношении

[1] В настоящее время согласно пятилетнего плана в Дербенте уже строится шерстяная фабрика общей стоимостью в 4,6 млн. руб. с окончанием в 1929/30 г. Вторая грубосуконная запроектирована в Невиномысской (на 6 млн. руб.) с окончанием в 1932/33 г. Там же в 1929/30 г. будет начата постройка и шерстечесальной фабрики стоимостью в 8 млн. руб. с окончанием в 1931/32 г.

содержания рабочих жилищ и т. д., как это имеет место в ЦПР, особенно в Москве и губернии. Поэтому мы считаем, что если развивать тонкосуконную промышленность, то это наиболее целесообразно делать не в ЦПР, а в Клинцах. По своему географическому расположению, Клинцовский район имеет определенный радиус обслуживания, в известной степени замещающий польский район.

Выработка	1 Госшерсттрест (Москамсукно)	Клинцовский
На 1.000 веретен *км* №№ в час .	219	224,8
На 1 тк. станок *м* суровья	2,01	2,55
Простои:		
Веретен (в %%)	4,57	4,23
Ткацких станков (в %%)	8,6	3,23
Расход рабсилы:		
На 1.000 веретен	17,17	16,76
На 1 станок	0,04	—
Выход пряжи со смески (в %%) .	83,3	85,44
В смеске (в среднем) искусственной шерсти (в %%)	28,3	38,5

На этом мы заканчиваем рассмотрение районов, пригодных для развития текстильной промышленности на территории РСФСР. Ряд районов мы здесь, в виду бесспорности развития там текстильной промышленности, особенно льняной, не затрагиваем.

Но из всего этого, конечно, не следует, что текстильную промышленность следует развивать только в РСФСР. Мы, без всякого сомнения, считаем, что и в других республиках имеется достаточно благоприятных условий для развития там текстильной промышленности.

В частности, хлопчатобумажную промышленность представляется возможным создать и успешно развивать в Средней Азии. Мы считаем так не потому, что там есть хлопок, а, главным образом, потому, что транспортирование хлопка в центр за 4000 *км*, а затем обратно туда готовых тканей на то же расстояние, является совершенно нецелесообразным; рабочая сила в центре теперь, как выше указывалось, не в состоянии окупить все эти (даже при существующих низких тарифах) расходы. Поэтому, несмотря на то, что Средняя Азия не имеет своего продовольствия (в этом отношении подобна ЦПР), все же она в состоянии будет там выпускать ткани по себестоимости, во всяком случае не дороже, чем ЦПР, а если еще считать экономию на транспорте, то еще примерно на 10% дешевле.

Для обслуживания собственного рынка, Средне-Азиатского, хлопчатобумажная промышленность Средней Азии будет, несомненно, более рациональной и выгодной, чем это может делать сейчас промышленность центра. Экономия на одном транспорте ежегодно будет составлять десятки миллионов рублей.[1] Никаких препятствий для развития ее там в настоящее время нет и никаких серьезных возражений против этого привести тоже невозможно.

В Закавказьи условия развития текстильной промышленности примерно аналогичны с условиями Средней Азии.

Украина. Рынок ее составляет больше 25% всесоюзного рынка. Помимо этого мы считаем, что Украина имеет еще ряд данных для создания и развития крупной текстильной промышленности. В довоенное время такая попытка была сделана, но, вследствие существовавших тогда там, главным образом, условий с рабочей силой, она оказалась неудачной.

Сейчас же в этом основном и важнейшем вопросе — рабсиле — создались совершенно другие условия. Безработных на Украине много, обучение рабочих теперь, особенно украинцев, должно занять немного времени. Остальные же вопросы развития текстильной промышленности на Украине складываются следующим образом:

Средне-Азиатский хлопок Украина может получать по маршруту Средняя Азия — Красноводск — Баку — Батум — Одесса (или другой порт). Стоимость этого транспорта составляет: Средняя Азия — Красноводск — 10 руб. (по тарифам специально для хлопка), Красноводск — Баку (морем) — 17 руб. 79 коп., Баку — Батум (жел. дор.) — 69 руб. 60 коп. и Батум — Одесса (морем) — 17 руб. 50 коп. Всего 110 руб. 89 коп.[2] за тонну, при чем, начиная от Красноводска по направлению на Батум и дальше, тарифы, не предусматривающие провоз хлопка и, следовательно, будут дешевле. Таким образом, провоз хлопка для Украины может быть даже более дешевым, чем для Центрально-Промышленного Района.

Расположение фабрик должно происходить, по нашему мнению, в местах по Днепру, начиная от Херсона до Днепропетровска, т.-е. находиться в районе распространения Днепростроевской электроэнергии. Затем, Херсон расположен примерно в 15 км. по Днепру от впадения последнего в Черноморский лиман и представляет собою порт, куда могут заходить океанские суда. Таким образом, доставка хлопка может происходить прямо из Батума в Херсон.

Безработица в этих районах очень большая и в рабочих руках здесь недостатка быть не может. Жизнь здесь значительно дешевле целого ряда других районов Украины, и поэтому зарплата здесь

[1] См. в № 12 „Известия Текстильной Промышленности“ за 1928 г. ст. Шляхтермана „О районировании текстильной промышленности“.

[2] Официальная справка „Кредит-Бюро“ о стоимости тарифов, по вышеупомянутым маршрутам.

должна быть ниже. Из Херсона начинается железная дорога, по которой через ст. Знаменка можно транспортировать изделия в любое место Украины.

Рабочих нужно будет, конечно, предварительно обучить, и тогда по трудовой обстановке и производительности труда эти фабрики ничем не будут отличаться от подобных фабрик центра, а изделия вследствие вышеуказанных причин, и особенно, если еще прибавить сюда экономию на транспорте от ЦПР до Украины (в среднем по 150 руб. на тонну), будут определенно значительно дешевле, чем ввозимые из ЦПР.

Следует, однако, заметить, что в связи с недостатком текстильного сырья, разрешение проблемы хлопчатобумажной промышленности на Украине, так же как и в Дагестане, следует искать в первую очередь на путях создания собственной сырьевой хлопковой базы, что отнюдь не находится за пределами досягаемости. С разрешением этой проблемы вопрос о создании хлопкопрядильной и хлопкоткацкой промышленности на Украине перестанет быть дискуссионным.

В настоящее время пятилетним планом принято строительство в текстильной промышленности на Украине общей стоимостью в 21.395 тыс. руб. В том числе строятся бумагопрядильная и чулочная фабрики в Полтаве, трикотажная—в Киеве, 2 грубосуконные—в Кременчуге и в Лубнах и одна пенько-джутовая (6 млн. руб.)—в северном пеньковом районе Украины.

В отношении развития шерстяной промышленности и, именно тонкосуконной, Украина представляет собой особенно благоприятное место. Примерно 85% всей потребности в тонких шерстях мы импортируем из Австралии. Эта шерсть в грязном виде привозится в СССР через Черноморские порты. В настоящее время эта шерсть выгружается в Новороссийске и отправляется по железной дороге в Невиномысскую, где находятся центральные мойки, и уже оттуда в мытом виде — в Москву, Ленинград и т. д. Между тем Сев. Кавказ и Дагестан — наши основные районы тонкорунного овцеводства, где в ближайшие годы должны в несколько раз возрасти стада этих овец. Кроме того, импорт шерсти на протяжении ближайших лет должен будет также возрасти. Все это колоссальное количество шерстей как внутреннего сбора, так и импортного, предназначается для мытья на Невиномысской мойке. Последняя, в связи с этим, намечается к большому расширению, но, очевидно, что до таких размеров ее расширить будет невозможно. Поэтому нужно построить новую шерстомойку в другом, благоприятном для этого, месте. Этим местом является г. Херсон. Мы уже выше указывали, что в Херсонский порт могут входить океанские суда, следовательно, шерсть из Австралии может следовать прямо в Херсон. Из Херсона по железной дороге она может отправляться куда угодно, и расстояние до Москвы даже меньше, чем от Невиномысской. Это избавляет от перегрузки шерсти из парохода на поезд, и затем — перевозки ее

до Невиномысской на расстоянии в 200 *км* по железной дороге. Последнее обходится свыше 18 руб. за тонну, при чем, так как грязная мериносовая шерсть содержит в себе 70% грязи, то это значит, что за провоз грязи уплачивается из 18 руб. 70%, т.-е. 13 руб., или, иначе говоря, на каждые 3 центнера чистой шерсти падает около 18 руб. расходов. Все это исключается при постройке шерстомойки в Херсоне.

Днепровская вода по своей мягкости не уступает воде р. Зеленчуг, на которой лежит Невиномысская. Температура воды в Днепре примерно должна быть такой же, в виду того, что оба эти места лежат на близкой друг к другу широте, и по климату весьма схожи. На Днепре у Херсона в старое время производилась холодная мойка шерсти. Здесь промывалась вся собираемая тогда шерсть из приднепровской части Херсонской губ. и всей Таврической губ. Наконец, в Херсоне можно создать и тепловые мойки как и на Невиномысской.

Следующие благоприятные обстоятельства для развития шерстяной промышленности на Украине будут заключаться: шерсть, помимо удешевления на мойке свыше 6 руб. на центнер, будет еще дешевле, чем для ЦПР, на стоимость провоза из Херсона до Москвы (или из Невиномысской до Москвы), т.-е. не менее, чем на 70 руб. за тонну.

Стоимость провоза тонны тканей из ЦПР в среднем по территории Украины обходится в 150 руб. с тонны.

Таким образом, для Украины экономия получается в 281 руб., а с перегрузками, подвозом и т. д.— не менее 300 руб. на тонну шерстного груза, или в среднем — до 25 коп. на метр, что составляет, примерно, 5% к себестоимости.

Принимая во внимание рынок Украины, который может поглощать десятки тысяч тонн груза всевозможных тканей (десятки млн. метров), то экономия только на одном транспорте будет составлять десятки миллионов рублей.

Шерстяные фабрики, нам кажется, нужно расположить примерно в том же районе, где и хлопчатобумажные.

Рабсилу, так же как и в ЦПР, нужно будет предварительно обучить.

* * *

Пятилетний план развития народного хозяйства делает решительный шаг, в отношении преодоления старой точки зрения и привычек в этом вопросе, в сторону осуществления такого размещения текстильной промышленности, какое больше всего соответствует интересам нашего народного хозяйства.

Необходимо немедленно и решительно приступать к осуществлению принятых проектировок. Начатое в пятилетнем плане, необходимо будет углублять в последующие годы.

В. Ф. Усольцев

К пересмотру тарифа социального страхования

Финансовое напряжение органов социального страхования заставляет пересмотреть действующие тарифы.

Намечая путь к реформе системы страховой тарификации, необходимо учесть интересы промышленности и увязать обложение на социальное страхование с общим планом развития нашего народного хозяйства. Только в таком случае предполагаемая реформа будет целесообразна и жизненна — ибо правильное распределение страховых взносов по отдельным отраслям промышленности, в смысле их увязки с финансовой мощностью отдельных предприятий и групп производств, должно сыграть существенную роль как в деле социального страхования, так и в деле развития и укрепления нашей промышленности, поскольку интересы того и другого неразрывно связаны друг с другом. В условиях капиталистического общества интересы социального страхования и промышленности находятся на противоположных полюсах, поскольку страховые взносы отнимают у предпринимателей часть прибавочной стоимости и поскольку капиталисты, при наличии резервной промышленной армии, не заинтересованы в физическом сохранении рабочего. Только под давлением рабочего класса капиталисты шаг за шагом уступают требованиям пролетариата и по необходимости вводят институт социального страхования, используя его как средство смягчения непримиримой борьбы труда с капиталом.

Совершенно иная установка социального страхования у нас, в условиях советской действительности, где хозяином и промышленности, и социального страхования является господствующий рабочий класс, а интересы обеих сторон не только не противоположны, но, наоборот, дополняют друг друга и ведут к одной цели — к социалистическому накоплению нашего хозяйства. Отсюда и вытекает единство цели организации промышленности и социального страхования, заключающиеся в том, что промышленность идет по пути социалистического накопления материально-производственных ресурсов, а социальное страхование ведет к накоплению живой производительной силы рабочего класса. Важность и необходимость этого накопления вытекает из того, что только физически здоровый и технически подготовленный рабочий класс может справиться с громадным сложным механизмом промышленности и ее организацией и руко-

водством и с не менее сложным и громоздким аппаратом государственного и хозяйственного управления.

Поэтому вся оперативная работа органов социального страхования имеет огромное значение для всего народного хозяйства и особенно для промышленности.

Вся совокупность мероприятий в области социального страхования, проводимая по линии лечебной, профилактической, социально-гигиенической и т. д. не может не отразиться на росте производительности труда, на сокращении расходов промышленности и, следовательно, и на снижении себестоимости продукции. Попутно с этим, нельзя обойти молчанием влияние социального страхования на поднятие производительности труда через укрепление устойчивости бюджета рабочего.

Социальное страхование и производительность труда

Как известно одним из главнейших факторов, обусловливающим максимальную производительность труда, является вполне устойчивый жизненный уровень рабочего. Неуравновешенное психическое состояние довольно существенно влияет на утомляемость и на производительность труда. Работник не уверенный в сохранении своего заработка на случаи болезни, увечья, инвалидности и т. д., никогда не дает максимум производительности труда. Когда же он знает, что органы социального страхования полностью возмещают его заработок, утраченный по болезни или увечью, он может дать максимум производительности труда. Еще одно непосредственное практическое значение вытекает из существа социального страхования. Мы имеем в виду роль социального страхования в бюджете застрахованного в качестве фактора, уравновешивающего его более или менее в дни различных материальных потрясений (периоды болезни, инвалидности, безработицы и т. п.). Переводя этот фактор на язык цифр, мы получаем следующую картину, рисующую в динамической перспективе рост абсолютного и удельного значения пенсий и пособий по социальному страхованию в общей сумме приходной части бюджета рабочих и служащих:

Таблица 1

Годы	Средняя годовая заработная плата		Средний размер[1] операц. расх. на 1 застр.		Проц. операц. расходов к средн. зарплате
	Р.	К.	Р.	К.	
1924/25	529	68	42	43	8,01
1925/26	643	68	56	98	8,08
1926/27	696	72	63	32	9,09

[1] Из суммы среднего размера операционных расходов на одного застрахованного исключены расходы на инспектуру труда и строительство.

Из этой таблицы виден, динамический, рост средней заработной платы, которая является основным доходом рабочей семьи, и параллельно с ним рост операционных расходов социального страхования на одного застрахованного. Вместе с тем, мы видим, что удельный вес пенсий и пособий, получаемых застрахованными из органов социального страхования, не только имеет существенное значение в бюджете, но и что это значение постепенно растет, достигая 9,09% в 1926/27 году.

Подтверждением того, что эти показатели очень близки к действительности служит целый ряд данных, позаимствованных из материалов бюджетных обследований рабочих и служащих, опубликованных в „Статистике труда“ №№ 1—2 и 5—6 за 1928 год. Данные эти следующие:

Таблица 2

Статьи прихода (в рублях)	1927 год					В процент. к зарплате главы семьи	В проц. к общ. сумме дохода
	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Годовой		
Зарплата главы семьи	205,74	225,14	213,55	229,20	873,63	100,0	73,07
Пособия соцстраха главы семьи . .	9,82	12,55	11,94	12,55	46,86	5,36	3,92
Пособия соцстр. и собеса чл. семьи.	8,74	9,26	8,44	7,47	33,91	3,88	2,83
Общая сумма дохода	268,43	306,91	304,80	318,41	1195,56	136,85	100,0

Эти данные с несомненностью убеждают нас в том, что социальное страхование играет очень важную роль в балансе жизненного уровня застрахованных, оберегая его в различные моменты от материальных потрясений. При чем, если мы будем рассматривать удельный вес социального страхования в бюджете рабочего в динамической перспективе, то увидим возрастающее значение его, ибо удельный вес пособий по соцстраху в отношении к основному доходу — заработной плате главы семьи — в 1925 году составлял 4,4%, в следующем 1926 году его значение достигло 4,5%, а в 1927 году, как это видно из нашей таблицы, он равнялся 9,24%. Такое увеличение, с одной стороны, об'ясняется ростом норм обеспечения по социальному страхованию, повышением обращаемости застрахованных, с другой стороны, тем, что в 1927 году в сумму пособий по социальному страхованию при обследовании были включены пособия, получаемые членами семьи застрахованных из органов социального обеспечения. Но, если даже эти пособия исключить, то удельный вес пособий по социальному страхованию все-таки будет очень близок к 8% заработной платы главы семьи.

Таким образом, социальное страхование вполне реально оберегает жизненный уровень рабочей семьи, а это имеет громадное значение для промышленности, поскольку он в свою очередь обеспечивает устойчивость интенсивности и производительности труда. Отсюда ясно, что в условиях планового регулирования народного хозяйства и при наличии обобществленной промышленности, расходы на социальное страхование совсем не являются накладными расходами, которые можно было бы приравнять к промысловому или подоходному налогу. По своей экономической сущности они являются издержками на рабочую силу и осуществляют собой социалистическое накопление биологической ценности рабочего класса в целом. Эти рационализаторские издержки, осуществляющие развитие производственных сил,— эквивалентны издержкам на амортизацию и на расширение материально-производственной базы нашего социалистического хозяйства.

Из сказанного не трудно установить, что целесообразность страховых взносов и их размеров определяется не общей доходностью или экономической мощностью отдельных предприятий и хозяйств, а возможной степенью вредности и опасности, обусловливающих изнашиваемость живой рабочей силы или влекущих за собой определенную сумму расходов, на амортизацию этой рабочей силы. В этом и заключается экономическая сущность взносов на социальное страхование, и только под таким углом зрения оно в СССР останется ценнейшим завоеванием Октябрьской революции и никогда не превратится в надстройку налогового аппарата.

Тяжесть расходов по социальному страхованию по отраслям промышленности

Прежде, чем перейти к анализу степени страховых рисков, по отдельным отраслям труда, установим предварительно степень фактической тяжести расходов на социальное страхование, которое при действующем в настоящее время законодательстве несет промышленность. В частности, удельный вес издержек на социальное страхование во всей учитываемой заработной плате и в дополнительных видах доплаты к ней определяется за 1926/27 год по учету ЦОС'а ВСНХ СССР в следующем виде: [1]

Таблица 3

Отрасли промышленности	Все виды дополнит. зарплаты в проц. к основной	Расходы на социальное страхование в проц. к зарплате	Расходы на соцстрахов. в проц. ко всем дополнительным видам зарплаты
По всей промышленности.	30,45	16,52	54,2
По добывающей промышленности	40,15	12,98	32,3
По обрабатывающей промышленности	28,55	17,23	60,0

[1] Смотри Забелин, Л. В. и Эмдин, Я. Р. „Промышленность и социальное страхование“.

Эти данные указывают на то, что дополнительные расходы на рабочую силу по всей промышленности достигают почти одной трети основной заработной платы и 40,15% по добывающей промышленности. При этом, расходы на социальное страхование в отношении к заработной плате дают минимум по добывающей промышленности —12,98% и максимум по обрабатывающей промышленности — 17,23%. В то же время расходы на социальное страхование в процентах ко всем дополнительным видам заработной платы в добывающей промышленности составляют только 32,3%, а в обрабатывающей почти в два раза больше —60,0%. Это обстоятельство должно быть в известной мере учтено при решении вопроса повышения тарифа для добывающей промышленности.

Теперь посмотрим более детально, как распределяется удельный вес страховых взносов по отдельным отраслям промышленности за тот же 1926/27 год (источник тот же):

Таблица 4

Отрасли промышленности	Расходы на соцстрах. в проц. к зарплате	В проц. к средней по всей промышленности
Бумажная	21,52	130,0
Селикатная	21,41	130,0
Текстильная	20 96	127,0
Химическая	20,88	126,5
Кожевенная	20,24	122,0
Пищевая	19,92	120,6
Швейная	18,64	113,0
Нефтяная	18,31	110,0
Полиграфическая	17,91	108,3
Деревообрабатывающая	17,54	106,0
Электротехническая	10,91	66,0
Каменноугольная	10,54	63,70
Металлическая	10,41	65,5
По всей промышленности	16,52	100,0

Эти данные позволяют проследить степень тяжести страховых взносов по отдельным отраслям промышенности и, при этом, констатировать большую амплитуду колебаний, поскольку минимум ниже максимума почти на 70%. Такое соотношение удельного веса страховых взносов по различным отраслям труда находит себе об'яснение в том, что добывающая и металлообрабатывающая промышленности проходят по льготному тарифу и платят страховые взносы в размере 10%, в то время, как другие отрасли обрабатывающей промышленности проходят в отдельных случаях по нормальному тарифу IV разряда степени вредности и опасности, уплачивая 22% страховых взносов.

Теперь проследим удельный вес страховых взносов в себестоимости продукции, чтобы тем самым определить экономическое значение социального страхования для отдельных отраслей промышленности. Для этой цели мы опять используем данные Забелина и Эмдина, дополнив наши производные величины, определяющие процент повышения доли заработной платы в средней выработке издержками на социальное страхование. Данные эти следующие:

Таблица 5

Отрасли промышленности	Доля зарплаты в проц. к средней выработке на 1 человеко-день в черв. руб.	Доля отчислений на соц. страхов. в проц. к той же средн. выработке	Процент повышения доли зарплаты в выработке издержками соцстраха
Каменноугольная	45,1	4,9	10,8
Силикатная	31,7	6,6	20,4
Металлическая	28,8	2,9	10,1
Текстильная	14,0	2,7	20,0
Кожевенная	10,7	2,1	19,6
Химическая	12,2	2,4	19,7
Пищевая	9,8	1,8	18,4
Деревообрабатывающая	15,6	2,6	16,7
Бумажная	16,0	3,3	20,6
По всей промышленности.	18,5	3,0	16,2

Первая колонка этих данных указывает на то, что заработная плата играет решающую роль в себестоимости продукции каменноугольной, силикатной и металлообрабатывающей отраслях промышленности. В остальных же отраслях удельный вес заработной платы не имеет такого большого значения, поскольку в них доминирующую роль играет расход на сырье, полуфабрикаты и фабрикаты.

Вторая колонка указывает что максимум издержек на соцстрах имеет силикатная промышленность, отнесенная к нормальному тарифу III разряда степени вредности и опасности. Затем идет каменноугольная промышленность. В виду того, что удельный вес заработной платы в себестоимости продукции составляет почти половину всех вздержек (45,1%) по добыче угля, значение социального страхования здесь достигает 4,9%, несмотря на то, что добыча угля тарифицируется 10% страховых взносов. Довольно высокий процент имеет бумажная промышленность, как отнесенная к третьему разряду нормального тарифа. Следующее место принадлежит металлической, текстильной, деревообрабатывающей и т. д.

Наконец, цифры третьей колонки показывают насколько процентов страховые взносы увеличивают удельный вес заработной платы в общей сумме издержек производства. Мы видим, что в каменноугольной и металлообрабатывающей отраслях промышленности страховые взносы повышают удельный вес заработной платы в себестоимости продукции всего лишь на 10%, в то время, как во всех остальных отраслях промышленности эта повышающая роль выражается от 16 до 20%. Это обстоятельство надо считать более или менее благоприятным в деле повышения страхового тарифа и при

пересмотре всей системы страховой тарификации его необходимо учесть.

При решении вопроса о повышении тарифа по каменноугольной и металлообрабатывающей промышленностям, необходимо учесть следующее обстоятельство: повышение страховых взносов по этим отраслям промышленности влечет за собой повышение себестоимости их продукции, а это в свою очередь должно отразиться на повышении издержек других производств, как использующих эту продукцию. Исходя из этого, казалось бы при существующей политике цен действительно не следовало повышать тарифа для каменноугольной и металлической промышленностей и переложить тяжесть расходов по социальному страхованию на легкую индустрию, как это фактически делается теперь. Однако, такое положение вещей нисколько не меняет дело по существу, а только запутывает технику его расчета и извращает экономическую природу самих расходов Когда мы говорим о повышении страхового тарифа каменноугольной и металлической отраслей промышленности, то мы этим хотим добиться того, чтобы расходы на социальное страхование соответствовали фактически необходимому расходу на ремонт и амортизацию живой рабочей силы; чтобы эти расходы с начала до конца сохраняли свою экономическую природу, как издержки на рабочую силу данного производства, которые должны входить составной частью в стоимость топлива.

Когда же мы эти расходы перебрасываем скажем в текстильную промышленность, повышая в ней расходы по социальному страхованию, мы этим опять искажаем экономическую природу расходов текстильной промышленности, что разумеется находит свое отражение во всей политике снижения цен на продукцию этой отрасли.

Отсюда мы делаем вывод, что в интересах всего народного хозяйства СССР и особенно в интересах промышленности необходимо существующую систему дифференциальной страховой тарификации уточнить за счет наибольшего ее соответствия степени страховых рисков по отдельным отраслям труда. Эта задача является актуальной задачей сегодняшнего дня.

Методы определения степени страхового риска

Степень страхового риска по временной нетрудоспособности мы определяем, исходя из числа дней трудоспособности по отдельным отраслям труда на 100 застрахованных с пересчетом на процент расхода по уплате пособий к сумме, заработной платы, по следующей формуле $\frac{X \cdot 100 \cdot Z}{360 \cdot Z \cdot 100} = t_r$,

где X — число дней нетрудоспособности на 100 застрахованных в год Z — средняя месячная заработная плата, 360 — коэфициент, определяющий число полных суточных пособий, подлежащих оплате; t_r процент тарифа по данной отрасли труда.

Страховой риск по инвалидности, за отсутствием соответствующих данных, мы определяем, исходя из коэфициентов заболеваемости, путем соответствующего пересчета, принимая во внимание следующие соображения. Число инвалидов, состоящих на обеспечении органов социального страхования в отношении к числу дней нетрудоспособности, дает довольно устойчивый показатель. За последние три года это соотношение выражалось —0,40%. Эту величину мы условно и положили в основу исчисления предполагаемого числа инвалидов по каждой отдельной отрасли труда, применяя следующую формулу: $\frac{X \cdot 0{,}40}{100} = У$,

где X — число дней нетрудоспособности на 100 застрахованных в год, 0,40 — указанное нами соотношение инвалидов к числу дней нетрудоспособности, У — предполагаемое число инвалидов по данной отрасли труда на 100 застрахованных. Исходя из этого предполагаемого числа инвалидов, мы делали соответствующий пересчет ценностного выражения страхового риска инвалидности по каждой отрасли труда, применяя следующую формулу: $\frac{У \cdot Z.N.100}{Z \cdot 100} = t_r$,

где У — интенсивный показатель инвалидов, выведенный по приведенной выше формуле, Z — средняя заработная плата, N — средняя норма пенсий, t_r — процент страхового тарифа. Сделав пересчеты по каждой отрасли промышленности, мы и получили ценностное выражение страхового риска инвалидности. При этом мы оговариваемся, что эти исчисления не претендуют на точность, они лишь грубо ориентировочны, и мы их используем исключительно только потому, что других более точных показателей нет.

Степень страхового риска на случай смерти, вдовства и сиротства нами определялась на основании коэфициентов смертности по отдельным отраслям за 1926 год, принимая во внимание, что за последние два года коэфициент смертности, в отношении к числу состоящих на пенсии семей умерших кормильцев, составлял 25%. Исходя из этого процента, мы определяем предполагаемое число семей умерших кормильцев по следующей формуле: $\frac{X \cdot 100}{25.} = n$, где X — коэфициент смертности на 100 застрахованных в год, 25 — указанный нами процент, n — число пенсионеров на 100 застрахованных.

Исходя из предполагаемого числа пенсионеров, мы определили страховой риск в ценностном выражении по следующей формуле: $\frac{n \cdot N \cdot Z \cdot 100}{Z\ 100} = t_r$, где n — число семей на 100 застрахованных N — норма пенсий, Z — средняя зарплата, t_r — процент тарифа.

Страховой риск по материнству нами определен, исходя из числа дней нетрудоспособности по нормальным родам (декретный отпуск)

на 100 застрахованных, взятых из углубленных разработок по отдельным отраслям промышленности за 1925 год, применяя ту же формулу, что и по заболеваемости $\frac{X \cdot Z \cdot 100}{360 \cdot Z \cdot 100} = t_r$.

В виду того, что кроме основного пособия, выдаваемого застрахованным женщин в период беременности и после родов, страховые органы еще выплачивают так называемые дополнительные виды пособия на предмет ухода за ребенком и на кормление, страховой риск по материнству должен быть соответственно повышен. В категорию дополнительных пособий, кроме того, входят пособия на погребение. Поскольку все три вида дополнительных пособий выдаются не только застрахованным женщинам, но и членам семьи застрахованных, постольку степень этого риска нами исчислена на всю застрахованную массу. Ценностное выражение его равно 0,50% заработной платы для застрахованных и 0,25% для инвалидов и безработных.

Страховой риск по безработице нами принят, исходя из фактического расхода страховых органов на пособие по безработице, равной 2% заработной платы по всем производствам независимо от степени вредности и опасности этих производств. Хотя было бы правильнее дифференцировать этот процент в зависимости от степени устойчивости отдельных производств в отношении найма и сокращения рабочей силы, но поскольку показатели рынка труда дают очень текучий состав безработных как абсолютно, так и относительно к занятой рабочей силе, мы сознательно воздержались от этой дифференцировки и приняли страховой риск безработицы одинаковым для всех производств.

Согласно действующего законодательства, страховые органы, кроме расходов на выдачу пенсий и пособий, передают большие средства в фонд лечебной помощи. Эти расходы на свое покрытие заставляют страховые кассы собирать соответствующие средства со страхователей. Их размер выражается в отношении к заработной плате такими коэфициентами: для IV разряда—6,5%, III разряда—6%, II разряда — 4,5%. Эти, установленные законом, нормы мы пока сохраняем и в наших пересчетах тарифных ставок для отдельных производств.

Кроме средств, передаваемых органам здравоохранения в фонд медпомощи, страховые органы тратят довольно солидные средства на профилактические мероприятия — устройство санаторий, домов отдыха и т. д. Поэтому, при определении степени страхового риска отдельных производств, эти расходы должны быть учтены и распределены в определенной пропорциональности к коэфициентам заболеваемости и инвалидности, поскольку наиболее вредные производства требуют больших мероприятий по профилактике. Принимая фактический расход на профилактику, мы распределяем его по разрядам тарифа в следующих соотношениях: IV разряд — 2% к заработной плате, III разряд — 1,5%, II разряд — 1% и первый разряд 0,5%. Кроме перечисленных расходов, страховые органы несут целый ряд дополнительных расходов по обеспечению учителей и их семей за выслугу лет, ими же обеспечиваются часть инвалидов и семей погибших от гражданской войны, ими же тратятся средства на переквалификацию безработных, на страховое просвещение, на мероприятия по охране труда.

Наконец, они несут так называемые организационные расходы. Вся совокупность этих дополнительных и организационных расходов нами условно исчислена в размере 15% всех расходов на пенсии и пособия по каждой отрасли труда.

Кроме этих методологических замечаний и условностей, принятых нами при определении ценностного выражения степени страхового риска по различным видам страхования и по отдельным группам производств, необходимо при разрешении вопроса перестройки всей системы страховых тарифов иметь в виду следующие положения: в целях максимальной простоты, мы считаем возможным и вполне достаточным сохранить ограниченную четырьмя разделами шкалу степени вредности и опасности производств, при чем это деление сохраняется и для предприятий, проходящих в настоящее время по льготному тарифу, но с необходимым условием скидки с этого нормального тарифа 50 или 33%. Кроме того, для частичного страхования должны быть установлены два особых тарифа для первой и второй группы.

Таким образом, основная предпосылка построения новой страховой шкалы заключается в том, что мы будем ее всецело строить на принципе учета степени страхового риска и в то же время, идя навстречу упрощению и рационализации страховой практики, мы заранее ограждаем себя от множественности страховых тарифов.

Измерителем страхового риска мы берем ценностное выражение его в следующем виде. К четвертому — высшему разряду должны быть отнесены все производства, у которых расход на покрытие страховых рисков выражается свыше 20% суммы заработной платы, к третьему разряду должны быть отнесены отрасли труда, в которых страховой риск колеблется от 18—20% суммы заработной платы; ко второму разряду должны быть причислены все производства с расходом на покрытие страховых рисков в пределах от 16 до 18% и, наконец, по первому разряду должны тарифицироваться все производства, у которых страховой риск имеет показатель меньше 16% суммы заработной платы. Исходя из этой наперед установленной шкалы, мы вынуждены будем следующим образом тарифицировать отрасли труда, проходящие по IV разряду степени вредности и опасности, принимая во внимание всю совокупность показателей страховых рисков, которая может быть представлена в такой сводной таблице:

Таблица 6

Отрасли труда IV разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	Безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операт. и организ. расходы	Всего
Производство хромпика и хромовых препаратов	6,12	2,87	0,39	0,40	2,0	0,75	2,00	6,5	2,41	23,44
Производство свинцовых красок	5,56	2,61	0,39	0,02	2,0	0,75	2,00	6,5	2,30	22,38
Начальная обработка волокнистых веществ	3,53	1,66	0,61	2,85	2,0	0,75	1,50	6,0	2,08	20,17
Производство взрывчатых и удушливых веществ . .	4,52	2,12	0,39	0,42	2,0	0,75	1,50	6,0	2,04	19,74
Добыча нефти	4,52	2,12	0,61	0,01	2,0	0,75	1,50	6,0	2,02	19,53
Лесопильные заводы	4,00	1,88	0,33	0,59	2,0	0,75	1,50	6,0	1,96	19,01
Начальная обработка металла.	4,04	1,90	0,67	0,02	2,0	0,75	1,50	6,0	1,94	18,82
Производство строительных материалов с большой пыльностью	3,85	1,82	0,39	0,33	2,0	0,75	1,50	6,0	1,91	18,55
Добыча минеральных углей .	3,31	1,56	0,51	0,21	2,0	0,75	1,00	5,0	1,84	17,78

Принимая во внимание установленные нами разряды степени вредности и опасности, мы должны в IV разряде оставить производство хромпика, хромовых препаратов, свинцовых красок и обработку волокнистых веществ; остальные отрасли труда, кроме добычи минеральных углей, должны быть переведены в третий разряд степени вредности и опасности, поскольку вся совокупность страховых рисков по ним имеет ценностное выражение в пределах от 18 до 20% суммы заработной платы. Добыча же минеральных углей по степени страхового риска может быть передвинута во второй разряд.

В этой группировке обращает на себя внимание текстильная промышленность,— (начальная обработка волокнистых веществ), которая дала очень высокий общий показатель за счет страхования материнства, в то время как заболеваемость и инвалидность здесь занимают среднее место. Таким образом, этот общий высокий показатель нельзя рассматривать, как показатель степени вредности и опасности данной отрасли труда. Затем, добыча минеральных углей оказалась отодвинутой даже во второй разряд по всей вероятности в силу того обстоятельства, что здесь имеется на лицо, с одной стороны, профессиональный отбор, а с другой, минимальное количество женщин.

Теперь перейдем к третьему разряду степени вредности и опасности, который представляется в следующем виде:

Таблица 7

Отрасли труда III разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	По безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операт. и организ. расходы	Всего
1. Обраб. щетины и проч. животных прод.	5,12	2,40	0,61	0,80	2,0	0,75	2,0	6,5	2,32	22,50
2. Автогужевые перевозки и ручная переноска	5,03	2,35	0,60	0,21	2,0	0,75	2,0	6,5	2,24	21,68
3. Производство деревянных изделий	4,88	2,28	0,56	0,46	2,0	0,75	2,0	6,5	2,24	21,67
4. Производство резиновых и гуттаперч. изделий	4,93	2,31	0,61	0,99	2,0	0,75	2,0	6,5	2,19	21,28
5. Керамическое производство	4,32	2,02	0,53	1,68	2 0	0,75	1,5	6,0	2,16	20,96
6. Производство спичек . . .	4,17	1,96	0,63	1,56	2,0	0,75	1,5	6,0	2,14	20,71
7. Прочие химические производства	4,52	2,12	0,61	0,98	2,0	0,75	1,5	6,0	2,12	20,60
8. Табачное производство . .	3,92	1,83	0,58	1,88	2,0	0,75	1,5	6,0	2,12	20,58
9. Производство кожи	4,21	1,97	0,59	0,60	2,0	0,75	1,5	6,0	2,02	19,64
10. Крупная металлообрабат. промышленность	4,33	2,04	0,68	0,21	2,0	0,75	1,5	6,0	2,01	19,52
11. Кирпичные заводы и прочие производства строит. материалов	4,16	1,95	0,61	0,39	2,0	0,75	1,5	6,0	2,01	19,36
12. Перегонка и переработка нефти	3,80	1,78	0,73	0,79	2,0	0,75	1,5	6,0	2,00	19,35
13. Добыча торфа	4,24	1,99	0,61	0,18	2,0	0,75	1,5	6,0	1,98	19,25
14. Трамвай	3,91	1,82	0,47	0,68	2,0	0,75	1,5	6,0	1,97	19,10
15. Обработка зерновых продуктов	3,63	1,71	0,84	0,68	2,0	0,75	1,5	6,0	1,97	19,08
16. Стекольное производство .	3,92	1,83	0,33	0,57	2,0	0,75	1,5	6,0	1,95	18,85
17. Основная химическая промышленность	3,93	1,84	0,58	0,25	2,0	0,75	1,5	6 0	1,94	18,79
18. Графическое производство.	3,60	1,69	0,56	0,73	2,0	0,75	1 5	6,0	1,94	18,77
19. Отделка и крашение волокнистых веществ	3,19	1,49	0,45	1,46	2,0	0,75	1,0	5,0	1,76	17,08
20. Бумажная промышленность	3,43	1,61	0,46	0,87	2,0	0,75	1,0	5,0	1,74	16,86
21. Суконные фабрики . . .	2,98	1,39	0,52	1,27	2,0	0,75	1,0	5,0	1,72	16,63
22. Прочие металлообраб. производства	3,48	1,63	0,52	0,15	2,0	0,75	1,0	5,0	1,67	16,20
23. Производство и передача электроэнергии	3,20	1,50	0,59	0,23	2,0	0,75	1,0	5,0	1,64	15,91
24. Производство сахарное и крахмало-паточное	3,14	1,47	0,61	0,23	2,0	0,75	1,0	5,0	1,63	15,83
25. Поверхн. добыча строительных материалов . . .	2,95	1,38	0,61	0,39	2,0	0,75	1,0	5,0	1,62	15,70

Исходя из установленной нами шкалы страховых тарифов, мы должны первые восемь отраслей труда — обработку щетины и прочих животных продуктов, автогужевую перевозку и ручную переноску, производство деревянных изделий, производство резиновое,

керамическое, спичечное и производства химическое и табачное перевести в высший — четвертый разряд, поскольку ценностное значение страхового риска в них выражается выше 20% суммы заработной платы.

Затем, начиная от производства кожи и кончая графическим производством, идут отрасли труда, которые не требуют передвижки, поскольку их страховой риск колеблется в пределах от 18 до 20% заработной платы и удовлетворяет III разряду установленной нами шкалы. Следующие четыре отрасли труда необходимо тарифицировать по II разряду, поскольку ценностное выражение страхового риска колеблется в пределах 16—18%.

Наконец, все остальные отрасли труда можно перетарифицировать в сторону снижения и перевести в первый разряд, исходя из того, что их ценностное выражение колеблется ниже 16% суммы заработной платы. Во втором разряде степени вредности и опасности картина совокупности страховых рисков вырисовывается в следующем виде:

Таблица 8

Отрасли труда II разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	По безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операц. и организац. расходы	Всего
Обработка пеньки и проч. волокн. веществ	4,64	2,18	0,45	1,37	2,0	0,75	1,5	6,0	2,17	21,06
Здравоохранение	4,40	2,06	0,61	1,08	2,0	0,75	1,5	6,0	2,12	20,52
Производство, основанное на брожении	4,32	2,03	0,67	0,74	2,0	0,75	1,5	6,0	2,07	20,08
Обработка животных жиров	4,12	1,94	0,44	0,80	2,0	0,75	1,5	6,0	2,02	19,57
Постройка и отделка зданий	3,93	1,84	0,58	0,62	2,0	0,75	1,5	6,0	1,98	19,20
Ткацкое дело	3,08	1,45	0,45	3,45	2,0	0,75	1,0	5,0	1,97	19,13
Обработка зерновых продуктов и хлебных изделий	3,64	1,71	0,84	0,68	2,0	0,75	1,5	6,0	1,97	19,09
Производство сахарное и крахмало-паточное	3,14	1,47	0,46	0,23	2,0	0,75	1,0	5,0	1,67	16,17
Консервн. и проч. пищевкус. производства	2,86	1,34	0,56	0,55	2,0	0,75	1,0	5,0	1,61	15,67
Добыча соли	2,89	1,35	0,21	0,32	2,0	0,75	1,0	5,0	1,56	15,08
Почта и телеграф	2,01	0,94	0,61	0,47	2,0	0,75	1,0	5,0	1,47	14,25
Охрана внутреннего порядка	2,22	1,05	0,61	0,14	2,0	0,75	1,0	5,0	1,47	14,24
Снабжение	2,10	0,99	0,61	0,24	2,0	0,75	1,0	5,0	1,46	14,17

Из этого перечня отраслей труда следует перетарифицировать первые три группы: обработка пеньки, здравоохранение и производство, основанное на брожении в сторону повышения на целых два разряда, поскольку ценностное выражение страхового риска здесь выше 20% суммы заработной платы.

Следующие четыре группы: обработка животных жиров, постройка и отделка зданий, ткацкое дело, обработка зерновых продуктов и хлебные изделия также должны быть повышены на одну ступень и переведены в третий разряд, поскольку ценностное значение страхового риска колеблется в пределах от 18 до 20% суммы заработной платы.

Затем, производства сахарное и крахмало-паточное по степени страхового риска могут быть оставлены во II разряде. Наконец, остальные пять отраслей труда имеют минимальную степень страхового риска и могут быть тарифицированы по первому разряду страховых тарифов.

Теперь перейдем к отраслям труда, проходящим по первому разряду степени вредности и опасности, действующей классификации труда, которые дают следующую картину страховых рисков:

Таблица 9

Отрасли труда 1 разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы.									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	По безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операц. и организац. расходы	Всего
Швейная промышленность	4,26	2,00	0,30	1,82	2,0	0,75	2,0	6,0	2,2	21,33
Телефон	2,55	1,20	0,61	0,91	2,0	0,75	1,0	5,0	1,62	15,64
Снабжение	2,10	0,99	0,61	0,24	2,0	0,75	1,0	5,0	1,46	14,15
Управление и контроль	1,80	0,84	0,61	0,38	2,0	0,75	0,5	4,5	1,31	12,69
Сценическая деятельность	1,64	0,77	0,61	0,32	2,0	0,75	0,5	4,5	1,27	12,36
Литературно - педагогическая деятельность	1,27	0,60	0,61	0,58	2,0	0,75	0,5	4,5	1,24	12 05

Швейная промышленность, повидимому, случайно отнесенная к первому разряду степени вредности и опасности, дает максимальный показатель ценностного значения срахового риска и ее следует отнести к IV разряду установленной нами шкалы тарифов. Это перенесение далеко не случайно. Московская Губстрахкасса еще в конце 1927 г. подняла вопрос о повышении страхового тарифа для швейников, поскольку они дают на протяжении ряда лет повышенную заболеваемость.

Остальные отрасли труда дают ценностное выражение ниже 16% суммы заработной платы; поэтому здесь не следует делать перегруппировки. Правда, телефон немного превышает установленную нами степень для I разряда, но это повышение настолько незначительно, что вряд ли следует переводить эту отрасль труда во второй разряд.

Таким образом, синтез всей совокупности страховых рисков по отдельным отраслям народного хозяйства привел нас, с одной сто-

роны, к тому, что мы вполне конкретно смогли констатировать несоответствие предполагаемой степени вредности и опасности фактическому установлению классификации производств по степени страхового риска; с другой стороны, этот же синтез дает возможность произвести новую группировку отраслей труда по фактической степени их вредности и опасности и наметить грубые вехи новой тарификации.

Такова должна бы быть картина, еслиб мы могли отказаться от льготного тарифа; поскольку же в данный момент этого сделать нельзя и обстоятельства вынуждают, на ряду с учетом степени страхового риска, учитывать и экономический базис для целого ряда производств, мы вносим в нашу четырехразрядную шкалу существенный корректив, путем выделения особой группы производств, проходящих по льготному тарифу, которая конкретно вырисовывается в следующем виде:

Таблица 10

Отрасли труда	Стоимость страхового риска в процентах к сумме зарплаты		
	При нормальном тарифе	При льготном тарифе	
		Снижение на 50%	Снижение на 33%
Здравоохранение	20,52	10,26	14,70
Добыча нефти	19,53	9,77	13,0
Крупная металлообраб. промышленность	19,51	9,76	13,0
Добыча торфа	19,25	9,63	12,85
Трамвай	19,10	9,55	12,75
Начальн. обраб. металла	18,82	9,41	12,58
Добыча угля	17,78	8,89	11,90
Суконные фабрики	16,63	8,32	11,14
Проч. металлообраб. производства	16,20	8,10	10,90
Телефон	16,02	8,01	10,71
Охрана внутреннего порядка	14,24	7,12	9,54
Почта и телеграф	14,25	7,12	9,54
Управление и контроль	12,65	6,35	8,50
Сценическая деятельность	12,36	6,18	8,27
Литературно-педагогич. деятельность	12,05	6,03	8,07

Поскольку по льготному тарифу проходят самые разнообразные отрасли народного хозяйства, которые резко отличаются друг от друга характером и условиями труда и, следовательно, и степенью вредности и опасности, постольку мы в этой таблице видели очень пеструю картину показателей ценностного значения страховых рисков. При этом разница между минимумом и максимумом настолько большая, что нет никаких оснований к тому, чтобы был установлен один льготный тариф для всей группы в целом.

Принимая установленную нами шкалу тарифов, мы должны здесь также произвести аналогичную группировку на разряды. Таким образом, здравоохранение пройдет по IV разряду степени вредности

и опасности; добыча нефти, крупная металлообрабатывающая промышленность, добыча торфа, начальная обработка металла и трамвай пройдут по III разряду; добыча угля, суконные фабрики, прочие металлообрабатывающие производства и телефон должны тарифицироваться по II разряду; наконец, все остальные непроизводственные группы с минимальными показателями страхового риска остаются в I разряде степени вредности и опасности.

Приняв эту основную установку, построенную на принципе учета страховых рисков, мы считаем возможным увязать ее с экономическим принципом путем снижения установленного для нормального тарифа фактического ценностного значения страхового риска на одну треть или на половину; что мы и делаем в нашей таблице, давая при этом и тот и другой вариант снижения для льготного тарифа. При этом наша точка зрения такова, что снижение льготного тарифа на одну треть является в данный момент приемлемым, потому что страховые органы в настоящее время переживают довольно напряженное финансовое положение и, вместе с тем, к ним пред'являются повышенные требования в области страхового обеспечения.

Такова грубая схема построения страхового тарифа, обнимающего собой все виды страхового риска, построенного на принципе классификации по степени вредности и опасности отраслей труда, с учетом экономического базиса и существующих директивных линий в области развития нашего хозяйства (индустриализация страны, всемерная поддержка тяжелой индустрии, политика снижения цен на промышленные товары).

Эти первые шаги в области научного обоснования постановки вопроса страховой тарификации имеют несомненно прямое практическое значение. Осуществление их привело бы к оздоровлению дела социального страхования. А что это действительно так, подтверждают даже наши грубые прикидки в отношении исчисления фондов заработной платы и причитающихся страховых взносов, которые мы сделали, принимая во внимание, с одной стороны, действующую систему тарификации как она есть в данный момент, а с другой стороны, исходя из той системы, которая наметилась в результате произведенного нами анализа всех видов страхового риска.

Для этих прикидок мы брали фонды заработной платы по отдельным отраслям труда, сгруппированным по разрядам действующей классификации по степени вредности и опасности, и исходя из них, определяли фонды причитающихся страховых взносов отдельно по каждому разряду тарифа. Затем аналогичную работу проделывали, расположив отрасли труда по установленной нами классификации и, при условии сохранения действующей системы страховой тарификации, у нас получились следующие результаты:

Таблица 11.

Отрасли труда	Фонды заработной платы
IV разряд	
Производство хромпика и хромпик. препаратов	144.421
Производство свинцовых красок	303.285
Производство взрывчатых веществ	707.667
Лесопильные заводы	2.195.655
Производство строит. матер. с больш. пыльностью	1.411.639
Начальн. обраб. волокнистых веществ	11.197.800
Итого	15.960.467
Сумма причитающ. взносов	3.511.302
III разряд	
Обраб. щетины и пр. животн. прод.	436.934
Перевозка и ручн. переноска.	2.607.859
Резинов. и гуттаперч. произв.	1.896.790
Производство деревянных изделий	1.147.695
Керамическое производство	982.701
Спичечное производство	367.316
Проч. химические произв.	288.842
Табачное производство	1.405.511
Производство кожи	4.030.905
Кирпич. зав. и пр. строит. матер.	151.826
Переработка нефти	200.058
Обработка зернопродуктов	5.314.353
Стекольное производство	1.961.613
Основная химическ. промышл.	1.213.878
Графическое произв.	4.699.943
Отделка и крашен. волокн. веществ	3.456.111
Бумажная промышленность.	2.227.440
Производство электроэнергии.	1.531.370
Сахарн. и крахмальн. произв.	746.471
Поверхностная добыча разных материалов	364.784
Итого	35.132.402
Сумма причитающ. взносов	7.026.480

Отрасли труда	Фонды заработной платы
II разряд	
Обраб. пеньки и пр. волокн. веществ	1.465.959
Производство основ. на брожении	1.729.490
Обработка животн. жиров	579.844
Постройка и отделка зданий.	5.170.077
Ткацкое дело	12.994.978
Консервное и проч. пищевое произв.	2.511.077
Добыча соли	253.102
Итого	24.704.527
Сумма причитающ. взносов	4.446.815
I разряд	
Швейная промышленность	1.445.705
Снабжение	16.520.764
Итого	17.966.469
Сумма причитающ. взносов	2.874.635
Льготный тариф	
Здравоохранение	5.881.117
Крупн. металлобраб. промыш.	15.453.934
Трамвай	1.920.178
Начальн. обраб. металла	5.821.824
Проч. металлобраб. произв.	8.080.997
Телефон	701.228
Охрана внутрен. порядка	2.917.650
Почта и телеграф	2.615.231
Управление и контроль	18.425.001
Сценическая деятельн	2.854.334
Литер.-педагогич. деятельн.	10.107.893
Добыча угля	2.395.283
„ нефти	710.972
Суконные фабрики	3.241.027
Добыча торфа	417.655
Итого	81.544.224
Сумма причитающ. взносов	8.391.542

Эта таблица дает картину распределения фондов заработной платы по отдельным отраслям труда, сгруппированным по разрядам предполагаемой степени вредности и опасности, положенным в основу действующей квалификации. Кроме того, по каждому разряду подсчитаны общие итоги фондов заработной платы и, путем соответствующего перечисления на установленный законом процент тарифа, выведены суммы причитающихся взносов. Поскольку наша задача заключается только в том, чтобы ориентировочно показать, какой будет финансовый эффект от пересмотра действующей системы социально-страховой тарификации, мы ограничиваемся самой

Таблица 12

Отрасли труда	Фонды заработной платы
IV разряд	
Производство хромпика и хромпик. препаратов	144.421
Обработка щетины и др. животн. препаратов	436.934
Производство свинцовых красок	303.285
Перевозка и ручн. переноска.	2.607.859
Производство деревянных изделий	1.147.695
Резиновое произв.	1.896.790
Обраб. пеньки и пр. волокн. веществ	1.465.959
Керамическое произв.	982.701
Швейная промышлен.	1.445.705
Спичечное произв	367.316
Пр. химич. произв.	288.842
Табачное произв.	1.405.511
Начальн. обработка волокн. веществ	11.197.800
Производство основ. на брожении	1.729.490
Итого	25.420.310
Сумма причитающ. взносов	5.692.468
III разряд	
Производство взрывчатых веществ	707.667
Производство кожи	4.030.905
Обработка животн. жиров	579.844
Кирпичн. зав. и пр. строит. материалы	151.826
Переработка нефти	200.058
Строительное дело	517.077
Ткацкое дело	12.994.978
Обработка зерна	5.314.353
Лесопильные заводы	2.195.655
Стекольное произв.	1.961.613
Основная химическ. промышленность	1.213.878
Графическое произв	4.699.943
Производство строит. матер. с больш. пыльностью	1.411.639
Итого	40.622.436
Сумма причитающ. взносов	8.126.462

Отрасли труда	Фонды заработной платы
II разряд	
Отделка и крашен. волокн. веществ	3.456.111
Бумажная промышлен.	2.227.440
Итого	5.683.551
Сумма причитающ. взносов	1.023.039
I разряд	
Сахарное и крахм.-паточн. произв.	746.471
Поверхностная доб. строит. материалов	464.784
Консервн. и проч. пищев. произв.	2.511.077
Производство электроэнергии.	1.531.370
Добыча соли	253.102
Снабжение	16.773.866
Итого	22.037.568
Сумма причитающ. взносов	3.526.010
Льготный тариф	
IV разр. Здравоохранение.	5.881.017
Измен. причитающ. взносов	852.747
III разр. Добыча нефти	710.972
Крупн. металлообр. промыш.	15.453.934
Добыча торфа	417.655
Трамвай	1.920.178
Начальн. обраб. металла	5.821.824
Итого	24.324.563
Сумма причит. взносов	3.162.293
II разр. Добыча угля	2.395.283
Суконные фабрики	3.241.027
Проч. металлообраб. произв.	8.080.997
Телефон	701.228
Итого	14.418.535
Сумма причит. взносов	1.658.132
I разряд. Охрана внутр. поряд.	2.917.656
Почта и телеграф	2.615.231
Управление и контроль	18.425.001
Сценическая деятельность	2.854.334
Литер. и педагог. деят.	10.107.893
Итого	36.920.114
Сумма причит. взносов	3.692.011

грубой схемой подсчета. Так, например, нами совершенно не выделена лесная промышленность, работающая на экспорт, частная лесная промышленность. Также пока не удалось нам выделить бесприбыльные коммунальные предприятия. Эти уточнения требуют особой дополнительной проработки, но мы еще раз оговариваемся, что для ориентировочных целей в нашей схеме эти уточнения большой роли не сыграют, поскольку мы хотим решить пока общий вопрос — стоит ли и выгодно ли перейти на новую систему тарификации. Кроме того, для нас важно определить выйдем ли мы с переходом на новую систему тарификации из полосы катастрофичности, которая угрожает финансовой базе органов социального страхования.

Чтобы решить эти вопросы, мы перейдем к рассмотрению фондов заработной платы и причитающихся страховых взносов в той группировке, которая установлена нами в процессе анализа всех видов страхового риска.

Данные эти приведены в таблице 12 (см. стр. 133).

Эта таблица позволяет проследить распределение фондов заработной платы по отдельным отраслям труда в той группировке по разрядам степени вредности и опасности, которую мы установили для новой системы тарификации. При этом исчисление причитающихся страховых взносов мы производили для нормального тарифа, по существующим для них процентам: 16%, 18%, 20% и 22%. Что же касается льготного тарифа, то для такового нами предположительно установлены следующие размеры: IV разряд — 14,5%, III разряд — 13%, II разряд — 11,5%, наконец, I разряд — 10%.

В результате такого перечисления у нас получился следующий финансовый эффект повышений в сумме причитающихся страховых взносов, который можно представить в небольшой сжатой таблице:

Таблица 13

Разряд тарифа	Фонд зарплаты				Фонд причитающихся взносов					
	По действующ. системе	В %% к итогу	По новой системе	В %% к итогу	По действующ. системе	В %% к итогу	По новой системе	В %% к итогу	Увеличение	Уменьшение
IV раз.	15.960 467	9,1	25.420.310	14,5	3.511 302	13,4	5.692.468	20,5	2.181.166	—
III „	35.132.402	20,0	40.632 436	23.2	7.026.480	26,9	8.126.462	29,3	1.100.182	—
II „	24.704.527	14,1	5.683.551	3,2	4 446.815	16,9	1.023.039	3.7	—	3.423.776
I „	17.966.469	10,2	22 037.568	12,5	2.874.635	10,9	3.526 010	12,7	651.375	—
Льготный тариф	81.544.224	46,6	81.544 224	46,6	8.391.542	31 9	9.365 183	33,8	973 641	—
Всего	175.308,089	100,0	175.308.089	100,0	26.250 774	100 0	27.733.162	100	1.482.388	3.423.776

Данные этой таблицы довольно рельефно подчеркивают разницу в причитающихся страховых взносах при действующей системе тарификации и при новой системе. При чем эта разница существенно увеличивает финансовую базу страховых взносов, давая в конечном

итоге повышение на 1.482.388 рублей в месяц. Правда, мы еще раз оговариваемся, что наши подсчеты лишь грубо ориентировочные, ибо целый ряд факторов в нашем общем обзоре совершенно не учтен, однако, эта грубая прикидка говорит о том, что предполагаемая перестройка системы тарификации имеет положительное, а не отрицательное значение для органов социального страхования и ее следует положить в основу при научном разрешении вопроса о системе страхового тарифа.

В обоснование того, что предлагаемая нами система является несомненно жизненной, мы еще остановимся на относительном изменении среднего страхового тарифа в связи с предполагаемым переходом на эту новую систему. Для этой цели мы сопоставим фонды заработной платы по всем отраслям труда с фондами причитающихся страховых взносов и в результате этого получим следующие показатели:

Таблица 14

Разряд тарифа	Фонд заработн. платы		Причит. страх. взносы		Процент тарифа	
	По действ. системе	По новой системе	По действ. системе	По новой системе	По действ. системе	По новой системе
IV разряд	15.960.467	25.420.310	3.511.302	5.692.468	22,0	22,0
III „	35.132.402	40.622.436	7.026.480	8.126.462	20.0	20,0
II „	24.704.527	5.683.551	4.446.815	1.023.039	18 0	18,0
I „	17.966.469	22.037.568	2.874.635	3.526.010	16,0	16,0
Льготн. тариф . .	81.544.224	81.544.224	8.391.542	9.365.183	10,3	11.5
Всего . . .	175.308.089	175.308.089	26.250.774	27.733.162	14,97	15,82

Здесь необходимо оговорить, что фонды заработной платы и причитающихся страховых взносов нами исчислены лишь в отношении цензовой промышленности, без учета влияния частичного страхования. В результате этого получилось то, что средний страховой тариф, исчисленный по действующей системе немного выше того среднего тарифа, который был в 1925 г. по всему кругу застрахованных в РСФСР. С точно такой же оговоркой мы исчисляем средний тариф и по новой системе. Сравнивая, подсчитанные таким образом итоги, мы получаем общее повышение страхового тарифа немного меньше чем на один процент — вместо 14,97% мы имеем 15,82%. Это повышение по нашему мнению не ляжет непосильным бременем на производство и, в то же время, безусловно оздоровит финансовую базу социального страхования.

С. Шахновская

Проблема единого финансового плана[1]

II

Метод финансового синтеза

Плановое хозяйство, используя бюджетный и кредитный методы, унаследованные от капитализма, неизбежно создает новый. Величайшей ошибкой было бы характеризовать метод финансового синтеза, в pendant к характеристике капиталистического бюджета. Он (метод финансового синтеза) является характерной чертой советского хозяйства.

Диалектический материализм обязывает нас рассматривать наличие закономерной связи в области финансовых соотношений, как условие для финансового обобщения. С признанием естественной методологии единого финансового плана — метода финансового синтеза — достигается единственно научная точка зрения.

Тем не менее, ни в коем случае нельзя сказать, что методологические проблемы, стоящие перед нами, уже до конца продуманы и разработаны.

Что же такое метод финансового синтеза? Строясь на базе более или менее испытанных обобщений и исчислений баланса народного хозяйства, народного дохода, накоплений и вложений, он имеет ряд отличительных особенностей. Обобщение, свойственное методу финансового синтеза, представляется в виде своего рода равнодействующей связей народнохозяйственных процессов и финансовых отношений. Присматриваясь к различным точкам зрения, следует, прежде всего, констатировать полное отличие и неясность мнений в отношении характеристики метода финансового синтеза.

В соответствии с своеобразным пониманием роли финансов в советской системе, авторы „Единого финансового плана“ считают, что „единый финансовый план завершает всю работу над пятилеткой, — без него получится только конгломерат отдельных отраслевых планов и не будет перспективного плана, внутренне цельного и увязанного. Без финансового плана пятилетка даст ряд принципиальных установок в развитии отдельных отраслей хозяйства, но не поставит надлежащим

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 6, 1929 г.

образом проблемы условий и возможностей их осуществления, внутренней их взаимосвязи и взаимозависимости“[1] (разрядка моя *С. Ш.*).

„И, наконец, единый финансовый план представляет собой синтетическую часть всего перспективного плана в целом, органически об‘единяя финансовые планы отдельных отраслей народного хозяйства“. (Там же, стр. 10.)

Тщетно искать в приведенных замечаниях систематического изложения принципов метода финансового синтеза. Отсутствие в книге специального раздела, посвященного данному вопросу, свидетельствует о том, какое место отводится методологическим, т.-е. научным приемам, обосновывающим целевые установки плана и отыскивающим оптимальные пути их осуществления.

По существу дела надо отметить, что финансовый синтез отнюдь не является единственным методом связи частей народнохозяйственного плана, как это представляется здесь.

Планирование всего народного хозяйства в целом действительно распадается на составление планов отдельных его частей, но с тем, чтобы дальнейшее обобщение завершилось единым хозяйственным планом. Метод финансового синтеза является лишь одним из моментов в этом обобщении.

Чтобы окончательно убедиться в том, что на всей принципиальной части „Единого финансового плана“ лежит печать упрощенного подхода, достаточно привести еще один пример из области так называемой „методологии“, а именно (на стр. 10): предлагается только на основе запроектированных уровней продукции и народного дохода установить систему финансовых мероприятий.

Таким образом, метод финансового синтеза приводит финансовую систему к единству и определяется в конечном счете поставленными задачами и целями финплана — вскрыть: а) финансовые соотношения плана не только с точки зрения аккумуляции средств, но и их перераспределения, б) внутренние соотношения финансовой системы (структуру ее), в) степень мобильности отдельных ресурсов и, наконец, г) степень маневренности финансовой системы.

Для количественного выражения системы равенств и зависимостей, присущих сфере финансовых отношений, нами принят метод финансового синтеза как система балансов финансовых планов.

Эта идея баланса ни в какой мере не отрицает характера финансового плана как синтеза и не придает ему значения простой арифметической сводки. Сводный баланс должен явиться следствием взаимодействия разного рода финансовых связей: между отдельными отраслями и секторами народного хозяйства, отраслями и финансовыми институтами и последними между собою. Следовательно, нет никаких оснований подменять „баланс“ арифметической сводкой и противопоставлять ему „органически целое“.

[1] „Единый финансовый план“. (Труды Госплана УССР), стр. 9.

Сказанное не означает, что „баланс" преобладает над социальным анализом системы финансовых отношений. Балансовый метод, как рабочий прием, вскрывает условия равновесия важнейших элементов плана, выявляет степень соответствия финансовой политики социально-политическим заданиям и необходимому народнохозяйственному равновесию. Его значение определяется выяснением об'ективных возможностей и темпа. Пользуясь системой балансов финансовых планов, мы выявляем всю совокупность народнохозяйственных ресурсов, получаем данные о том, как целесообразнее разграничить сферу ресурсов и использовать рычаги перераспределения, устанавливая границы их использования. За решением вопроса об об'еме и характере ресурсов всей финансовой системы встает вопрос о направлении их распределения и перераспределения. Здесь решается вопрос о взаимоотношениях бюджетной и кредитной систем в деле финансирования народного хозяйства и ресурсов отдельных отраслей народного хозяйства. Кроме того, метод финансового синтеза выявит внутренние соотношения всей финансовой системы—условия, методы и формы ее равновесия. В связи с этим может быть поставлен вопрос о реконструкции финансовой системы, о большем приспособлении ее структуры к задачам планируемого пятилетия.

Например, до сих пор бюджет, как метод „принуждения", в известной мере играет роль воспитания плановой дисциплины. С развитием же обобществления и плановости нашего хозяйства произойдет приближение к тому положению, при котором бюджетный метод, встречаясь с другими методами планирования, станет излишним в расчетах с обобществленным сектором, оставаясь в силе на стыке последнего и частного секторов.

Эта тенденция развития финансовой системы под влиянием социальной реконструкции подготовит почву для радикальной реконструкции ее. В конечном счете, метод финансового синтеза приведет к выявлению плана в социальном разрезе.

Таким образом, методом финансового синтеза является такое сочетание финансовых планов, которое дает возможность:

а) установить органическое единство государственного сектора народного хозяйства, разделенного на две различных системы: бюджетную и стоящую вне бюджета—систему финансов хозяйственных организаций, функционирующих на принципе хозяйственного расчета;

б) охватить финансовые отношения и за пределами государственного сектора, во всяком случае, захватить в пределы плана весь обобществленный сектор;

в) охватить те ресурсы народного хозяйства, которые, оставаясь вне круга обобществленного сектора, экономическими приводами направляются на обслуживание тех или иных целей общехозяйственного плана.

Наш опыт сводится к построению финплана в этих пределах. В конечном счете, стоит задача охватить движение средств и всего

частного сектора, т.-е. построить финплан, как „движение, всех ценностей в народном хозяйстве".

Лучший критерий правильности методологии единого финансового плана—это практическое построение его, что непосредственно приводит к той или иной схеме финплана.

Схема единого финансового плана

Первой попыткой составления финплана было построение баланса капиталонакопления и вложений в государственном секторе в пятилетней ориентировке. (Пятилетняя перспективная ориентировка Госплана СССР 1925/26—1929/30 гг. под руководством тов. Струмилина.)

Несмотря на явные недочеты этой схемы — простое сложение „накопления" (прибыли и амортизации) с суммой „эмиссии", „займов" с „долью из'ятия из бюджета", при чем без соответствующего перераспределения ресурсов, с указанием источников по отраслям и социальным секторам — ей должно быть отведено должное место, как прототипу единого финплана. Дальнейшей попыткой составления такой схемы явилась работа Госплана УССР („Труды Госплана УССР"). Основная результирующая таблица единого финансового плана, по этой схеме, сводится к определению реального накопления в стране (приросту основных и оборотных средств). Схема таблиц состоит из 3 разделов:

Раздел 1. Схема таблиц (1—12) преследует цель отобразить процессы распределения и перераспределения народного дохода для полного охвата организаций, финансирующих процесс создания народного дохода.

Раздел 2. Схема таблиц (13—24) преследует цель показать финансирование производства и обращения.

Раздел 3. Схема таблиц (26—27) показывает использование средств и реальное накопление.

Надо отметить одну отличительную черту всей схемы: ее чрезмерную дробность, наличие множества вспомогательных таблиц, характеризующих те или иные финансовые отношения, по существу не сведенных к балансу единого финансового плана. Схема не достигает цели—дать единую систему финансовых отношений. Из перечисленных разделов лишь второй может иметь подсобное значение, в части сводного баланса материальных и расчетных ценностей. Что касается первого и, в особенности, третьего разделов, то значение их для практических целей построения единого финансового плана ничтожно уже по одному тому, что они не отвечают основным задачам финплана.

Схема построения единого финансового плана, опубликованная НКФ („Вестник финансов", № 2, 1929 г.— „Единый финансовый план на 1928/29 г."), по преимуществу, пытается дать расчетные отношения

между финансовыми институтами, с одной стороны, ими и отраслями народного хозяйства—с другой. Результативная таблица, представляющая собою „платежи отраслей хозяйства и управлений в финансовую систему и получения из нее“, и построенная на финансовых планах отдельных отраслей и управлений, приводит к „балансу расчетных отношений отраслей народного хозяйства с финансовой системой, с учетом внутреннего накопления в обобществленном секторе“. Этот „баланс“ обеспечивается:

1) собственным накоплением хозяйственных организаций обобществленного сектора;

2) средствами, привлеченными этими организациями помимо финансовой системы (сальдо дебиторов и кредиторов);

3) ресурсами финансовой системы (сальдо платежей и получений из финансовой системы).

В качестве следующей ступени на пути от составления контрольных цифр на 1928/29 г. к пятилетнему плану на 1928/29—1932/33 гг. НКФ пользуется методом значительно упрощенным: финансовый план охватывает уже только „государственное хозяйство“.

При таком сокращении об'ема плана остаются неохваченными финансы кооперации (столь возрастающей в проектируемое пятилетие), финансы коллективных хозяйств в сельском хозяйстве и прочие народнохозяйственные ресурсы, которые экономическими приводами включаются в орбиту плана. В соответствии с характером и об'емом плана предлагается схема таблиц, состоящая, в доходной части, из:

1) налогов (за исключением прямого из'ятия из прибылей госпредприятий);

2) чистого дохода предприятий (прибыль и амортизация);

3) средств, привлеченных в государственном хозяйстве кредитными операциями;

4) прочих нераспределенных средств.

В основу этой схемы, как видно, положен известный уже нам „баланс капиталонакопления и вложений“, только несколько уточненный и развернутый.

Для пригодности этой схемы финплана необходимо произвести более обстоятельную детализацию и ряд дополнений к ней.

Госплан СССР исходит из следующих двух форм единого финплана:

1) брутто и нетто плана поступлений средств;

2) брутто и нетто плана использования средств.

Финансовый план брутто обнимает собой все источники и средства, аккумулируемые финансовой системой, и показывает, откуда притекают и как распределяются ресурсы в системе финансового плана. Он допускает двойной и многократный счет, охватывая источники без очистки их от взаимных расчетов. Финансовый план брутто гарантирует полный охват финансовых отношений и полную

обозримость всех финансовых источников, давая, таким образом, почву для выводов чисто финансового свойства.

Финансовый план нетто, т.-е. очищенный от взаимных расчетов, является необходимым для обслуживания задач, которые ставятся хозяйственным планом, дает ответ относительно роли финансовой системы, как рычага перераспределения народного дохода и регулятора народнохозяйственного равновесия.

Основные источники, аккумулируемые финансовой системой, могут быть представлены в виде следующих гнезд: 1) финансы хозяйственных организаций, 2) бюджетная система, 3) кредитная система, 4 бюджетнообразные организации, 5) общественные организации, 6) прочие, привлеченные на плановые цели, средства.

Нижеприводимая схема представляет брутто и нетто финпланы по источникам финансирования (см. стр. 142).

Таким образом, об'ем данной схемы значительно расширен по сравнению с вышеразобранными попытками практического построения финплана, ибо в планах поступления средств охвачены обобществленный сектор и те ресурсы народного хозяйства, которые экономическими приводами направляются на обслуживание плана. Эта схема, основанная на балансовом согласовании и об'единении в единый финплан планов поступления средств в финансовую систему и планов финансирования народного хозяйства, социально-культурного строительства, управления и обороны, отображает систему финансовых отношений. В результате дается не только количественно больший охват, но и возможность решить ряд проблем финансово-экономических связей и включить в орбиту плана до сих пор слабо регулируемые участки. Три типа финансовых отношений характерны для СССР:

1) финансовые связи внутри обобществленного сектора;

2) связи обобществленного и необобществленного секторов;

3) связи внутри частного сектора.

Финансовые связи обобществленного сектора являются основой для всей системы финансовых отношений. Финансовые связи внутри частного сектора не охваченные схемой и ограниченные в сфере деятельности, вплоть до полного их уничтожения, не могут сорвать систему финансовых отношений в целом.

Однако, и эта схема не претендует на исчерпывающий охват вопросов финплана.

В настоящее время комиссией Госплана СССР производится уточнение схемы для построения единого финплана на 1929/30 г. Основные поправки идут в направлении включения в финплан: а) частного сектора, б) потребных средств и в) платежей отраслей и сфер народного хозяйства в финансовую систему. Нижеприведенная примерная схема (на стр. 143, 144) также далеко не исчерпывает ряда вопросов, касающихся связей и зависимостей. Поэтому, на ряду с этой общей результирующей таблицей, предполагается

Схема финплана

Отрасли народного хозяйства и группы учреждений	Прибыль, амортиз. и собствен. средства долгосрочн. кредита	Бюджетная система			Коммун. долгосрочн. кредит	Возврат и прив. средств системы с.-х. кред. (произв)	Краткоср. кредит (прирост)	Соц. страхование	Прочие источники	Получает по другим планам	Итого брутто (по всем планам)	Передает другим планам	Итого нетто
		Госбюджет	Местные бюджеты	Итого									
1. Сельское хозяйство													
2. Ирригация													
3. Лесное хозяйство													
4. Промышленность													
5. Электростроительство													
6. Транспорт													
7. Связь													
8. Госторговля и кооперация													
9. Коммунальное хозяйство													
10. Городское жилстроительство													
11. Прочие расходы													
Итого 1—11													
12. Просвещение													
13. Здравоохранение													
14. Социальное обеспечение													
Всего 12—14													
15. Управление и оборона													
16. Система краткосрочного кредита													
Всего 1—16													
Из др. источников таблицы													
Итого сальдо													

Примерная схема финплана на 1929/30 год
Платежи в финансовую систему и накопления хозорганов

Отрасли народного хозяйства, управления и население	Бюджетная система			Кредит. система		Коммерч. кредит и вклады	Сберегат. кассы	Госстрах	Соцстрах	Фубры хозорганов	Самообл. сел.-хоз. населения	Спец. средства ведомств	Профсоюз. и др. общ. учрежден.	Прочие источники	Средства хозор.		Итого
	Госбюджет	Местн. бюджет	Итого	Долгосрочн. кредит	Краткосрочн. кредит										Остаток прибыли	Остаток амортизации	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
А. Отрасли нар. хозяйства (обобщ. сектор)																	
1. Сельское хоз-во (обобщ.)																	
В т. ч. с.-х. кооперация																	
2. Ирригация																	
3. Лесное хозяйство																	
4. Промышленность																	
в т. ч.: а) синдикаты																	
б) промкоопер.																	
5. Электростанц. (районн.)																	
6. Транспорт																	
7. Связь																	
8. Коммун. предпр.																	
9. „ имуществ.																	
10. Муницип. и кооп. жилфонд																	
11. Торговля																	
в т. ч.: потребкоопер.																	
12. Кредитная система																	
13. Прочие																	
Итого обобщ. сектор нар. хоз.																	
Б. Социальн.-культ. сектор																	
14. Просвещение																	
15. Здравоохранение																	
16. Соц. обеспечение																	
Итого 14—16																	
В.																	
17. Управл. и оборона																	
Всего 1—17																	
Г. Частный сектор (население)																	
18. Сел.-хоз. население																	
19. Рабочие и служащие																	
20. Проч. городск. населен.																	
Всего																	
Расчетн. отнош. между финансов. инстит. (сальдо)																	
Баланс																	

Примерная схема финплана на 1929/30 год
Платежи в финансовую систему и накопления хозорганов

(Продолжение)

Отрасли народного хозяйства, управления и население	Потребные средства: Капит. вложен.	Потребные средства: оборотные средства: в том числе: средн. произв. гот. изд. и касс.	Потребные средства: оборотные средства: в том числе: комм. кред. вкл. и тек. счета	Потребные средства: Расходы	Итого: 18+19+21	Итого: 18+19+20+21	Бюдж. сист.: госбюд.	Бюдж. сист.: местн. бюдж.	Бюдж. сист.: Итого	Кр. сист.: долгосрочн.	Кр. сист.: краткосрочн.	Коммерч. кредит и вклады	Сбербкассы	Госстрах	Соцстрах	Фубры хозорган.	Самообл. сел.-хоз. населения	Спец. сред ведомств	Профсоюз. и др. общ. организац.	Прочие источники	Ср. хоз.: остат. приб.	Ср. хоз.: остат. аморт.	Итого	Сальдо платежей и получен.
	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
А. Отрасли народного хозяйства (обобщ. сектор)																								
1. Сельское хоз-во (обобщ.)																								
В т. ч. с.-х. кооперация																								
2. Ирригация																								
3. Лесное хозяйство																								
4. Промышленность																								
в т. ч.: а) синдикаты																								
„ б) промкоопер																								
5. Электростанц. (районн.)																								
6. Транспорт																								
7. Связь																								
8. Коммунальн. предпр.																								
9. „ имуществ.																								
10. Муницип. и кооп. жилфонд																								
11. Торговля: в т. ч. потребкоопер.																								
12. Кредитная система																								
13. Прочие																								
Итого обобщ. сект. нар. хоз.																								
Б. Социальн.-культ. сектор																								
14. Просвещение																								
15. Здравоохранение																								
16. Соц. обеспечение																								
Итого 14—16																								
В.																								
17. Управл. и оборона																								
Всего 1—17																								
Г. Частный сектор (население)																								
18. Сел.-хоз. население																								
19. Рабочие и служащие																								
20. Проч. городск. населен.																								
Всего:																								
Расчетн. отнош. между финансов. институт. (сальдо)																								
Баланс																								

дать расчеты, вскрывающие отношения между отдельными финансовыми институтами, отдельными отраслями народного хозяйства, а также таблицы рядов рентабельности отраслей производства, скорости оборота капитала и т. п.

Вместе с тем, в ряде журнальных статей и ведомственных выступлений проскальзывает мысль о необходимости построения об'ема и содержания финплана в форме единой таблицы.

„Таблица финплана, говорит т. Персиц („Плановое хозяйство", № 9, 1928 г., стр. 336—337), должна показать основные доходы и расходы государства и всех классов населения... Таблица так понимаемого финплана и должна практически быть суррогатом таблицы, рисующей механизм воспроизводства".

Безнадежным делом являются поиски какой-то единой, простой, универсальной таблицы и формы финансового плана, ибо финплан является не только суммой основных доходов и расходов государства и населения, но и планом финансовой политики, обусловливающим народнохозяйственный план, а также системой связей и зависимостей.

Задачи и проблемы единого финансового плана

Построение финансового плана базируется прежде всего на том, что в процессе технико-экономических и социальных результатов реконструкции, товарно-денежная форма нашего хозяйства на ближайшее пятилетие сохраняется. На ряду с изживанием товарно-денежных отношений допускается и их наростание (определение степени нарастания и изживания их должно составить особое научное исследование). Если не стоять на точке зрения абстрагирования финансов от экономики и не фетишизировать финансовые отношения, надо предвидеть развитие финансовой системы в соответствии с социально-экономическими задачами проектируемой реконструкции.

Руководящей идеей финансового плана является обеспечение равновесия народного хозяйства индустриального типа с наступательным движением социализма. Перед финансами стоит задача содействия социалистической реконструкции хозяйственных отношений. Проблемы финансового равновесия, обусловливающего здоровое развитие народного хозяйства, приобретают новое значение в планируемое пятилетие. Вместе с тем, принцип равновесия финансовой системы не является самодовлеющим. Реализм и напряженность финансового плана подчинены основным социально-экономическим задачам планируемого пятилетия. Тот план будет реален, который осуществит диалектический процесс развертывания новых хозяйственных форм. Новые производственные отношения, намеченные в плане, постепенное изжитие кризисных явлений — определяют собой и тип финансовых отношений.

Исходя из того, что финансовый механизм (бюджет, кредит и т. п.) является одним из методов регулирования расширенного

воспроизводства, построение единого финансового плана ведется под знаком достижения оптимального сочетания расширенного воспроизводства народного хозяйства и расширенного использования финансовых методов, его регулирующих.

В связи с неизбежными трудностями при осуществлении пятилетки, финансовая система должна проявить максимальную активность и маневренность. Активизация финансов, при систематическом росте индустриализации страны, будет выражать лишь здоровый процесс социалистического строительства.

Отсюда единый финансовый план:

1) показывает, как, какими путями, с применением каких организационных методов и форм, с какой аккумуляцией и каким использованием ресурсов достигается равновесие расширенного воспроизводства народного хозяйства и равновесие финансовой системы, как таковой;

2) дает единый план финансовой политики по линиям основных задач: налоговой политики, госзаймов, политики накопления и кредитной политики;

3) дает план финансирования народного хозяйства в соответствии с задачами экономической политики;

4) определяет условия выполнения социальных задач;

5) устанавливает оптимальный тип развития структуры финансовой системы, адекватной народнохозяйственной модели страны строящегося социализма (бюджет, кредит и цены в их оптимальном сочетании).

В общепринципиальной части „Единого финансового плана" („Труды Госплана УССР") мы находим следующие положения, характеризующие основные цели и задачи. „Единый финансовый план не планирует определенной отрасли хозяйства, а составляет синтетическую часть всего перспективного плана народного хозяйства".[1] И дальше: ... „в задачи финансового плана не входит определение самих целей по существу — последнее является содержанием всего общехозяйственного плана и его основных разделов".[2] „Целью единого финансового плана является осветить, каким путем и за счет чего может быть достигнута и практически осуществлена в жизни та или иная общеплановая установка".

В основу такого определения задач и целей единого финансового плана легла принципиальная установка, отказывающаяся, во-первых, от планирования финансовой системы, как таковой, во-вторых, от построения единого плана финансовой политики и установления системы финансовых мероприятий в целях бескризисного

[1] Стр. 8—9.
[2] Стр. 9.

развития и социалистического переустройства нашего хозяйства, а не только перераспределения народного дохода, в третьих, не видящая на деле диалектической связи финансовых рычагов с общеэкономическими и, в четвертых, признающая за единым финансовым планом лишь формальное значение плана финансовой кассы и ее распределения.

„Узкое" понимание целей единого финплана логически вытекает из тех „узких" задач хозяйственного плана, которые формулируются работой Госплана УССР, как задачи „осуществления намеченного плана капитального строительства и образования в стране резервных и запасных фондов". Не вдаваясь в дальнейшую оценку причин такого „узкого" понимания задач общехозяйственного и единого финплана, остановимся на других моментах, характеризующих такое построение единого финплана.

„Финансовая система по всей совокупности составляющих ее элементов служит средством перераспределения народного дохода и перемещения ресурсов, обращающихся в народном хозяйстве... Роль первичного фактора распределения народного дохода должна быть отведена политике цен.."

Взяв за базу единого финансового плана народный доход и его перераспределение, авторы „Единого финансового плана" упускают из сферы наблюдения роль финансового механизма, как одного из мощных регуляторов расширенного воспроизводства. Из указанного вытекает априорное решение вопроса о роли политики цен, как о первичном факторе вместо того, чтобы поставить вопрос об оптимальном сочетании бюджета, кредита и цены.

Таким образом, в свете общих постановок, первое место отводится следующим вопросам: 1) перераспределения народного дохода; 2) активизации накопления и 3) обеспечения производственных процессов необходимыми оборотными ресурсами.

В числе выдвинутых проблем отсутствуют такие, как проблема равновесия финансовой системы, эмиссии, усиления роли кредита, резервных фондов, проблема реконструкции финансовой системы, единства источников финансирования, мобильности капитала, распределения и т. п., решение которых необходимо для научного предвидения финансовых перспектив. Здесь мы касаемся еще неразрешенных проблем постольку, поскольку они обеспечивают правильные линии финансовой политики, как одной из необходимых предпосылок построения финплана. Поэтому, в первую очередь, должны быть рассмотрены вопросы а) равновесия финансовой системы, б) ее маневренности и в) путей ее развития.

Борьба за новый тип равновесия, новые производственные пропорции и ими определяемые рыночные отношения, должна характеризовать период социалистической реконструкции и содержание перспективного финансового плана. Например, будет ли укрепляться или нарушаться равновесие финансовой системы, пони-

маемое, как возрастание или падение финансово-экономической эффективности ее. Финансовый план, выяснив условия равновесия в данный исходный момент, определяет условия равновесия на будущее время. Вопрос о методах обнаружения равновесия или его нарушения требует особого исследования. На данной стадии работы можно отметить лишь некоторые основные направления по пути разрешения этого вопроса.

Такими способами могут быть: в отношении валюты, ее устойчивости или неустойчивости, ряд показателей из сферы производственного и рыночного равновесия и процесов обобществления; в отношении бюджета, его реальности или нереальности — соотношения в самом бюджете (резервы и т. п.) и соотношения с народным доходом.

Здесь должны быть сочетаемы такие факторы, как: а) уровень благосостояния населения, б) изменение структуры народного дохода в сторону его обобществления и повышения доли накопления в нем, в) рост или замедление перераспределительной роли бюджета внутри обобществленного сектора, г) степень финансового обслуживания отдельных отраслей народного хозяйства и т. п.

Таким образом, внешними признаками равновесия финансовой системы являются фонды, резервы, баланс кредита, бюджеты, отсутствие инфляции. Кроме того условия равновесия финансовой системы определяются наиболее рациональными финансовыми соотношениями механизма расширенного воспроизводства, с одной стороны, и самой финансовой системы, с другой. В последнем случае имеется в виду оптимальное сочетание отдельных звеньев и рычагов как, например, недопустимость гипертрофии бюджета за счет кредита, рациональное развитие отдельных систем последнего, госкредита и т. п.

В конечном счете, реализация курса на индустриализацию и обобществление явится высшим критерием равновесия всей системы хозяйства и финансовой в частности.

Недопустимо представление о равновесии, как о чем-то абсолютном. Равновесие проявляется, как определенная тенденция. В этом смысле динамическое равновесие финансовой системы не предполагает сохранения одного и того же соотношения частей.

Проблема равновесия финансовой системы подводит к анализу понятия финансово-экономической эффективности. Конечной задачей является определение степени эффективности финансовой системы в целом, в пределах последней — каждого финансового института в отдельности и в пределах отдельного финансового института — определение наиболее оптимального типа организации его финансовых отношений с отраслями народного хозяйства.

Финансово-экономическая эффективность характеризуется рядом показателей, свидетельствующих о степени активности и организационной четкости финансовой системы, эластичности и мобильности

народнохозяйственного плана в целом. Активность же финансовой системы характеризуется высотой этих показателей, социально-экономических пропорций и соотношений их обеспечивающих.

Теоретически мыслимо такое положение, когда с достижением необходимого финансовой системе равновесия, не достигается возрастание финансово-экономической эффективности и даже обратно. Отсюда — большое своеобразие характера финансового равновесия.

„Мы смеем утверждать,— говорит проф. М. И. Боголепов („Финансы и народное хозяйство“, № 44, 1928 г. стр. 7), — что имеющее самостоятельное значение финансовое равновесие в своем происхождении и в своем бытии несамостоятельно. Оно является финансовым выражением общеэкономического равновесия. Если нет равновесия в экономической системе, то не может быть истинного финансового равновесия. Финансы—лишь зеркало экономики. . Чисто-финансовые факторы способны вызвать лишь неравновесие отдельных частей финансовой системы, что при наличии общеэкономического равновесия не представляет сколько-нибудь серьезной угрозы. С другой стороны, нарушение равновесия всей финансовой системы вряд ли можно излечить чисто-финансовыми мерами, например, рестрикцией кредита или бюджетным зажимом“. Вряд ли ряд положений проф. М. И. Боголепова близок к истине. Советские финансы являются не только зеркалом экономики. Они, в свою очередь, активизируют хозяйственные процессы. Поэтому, если правильно утверждение, что финансовое равновесие является выражением общеэкономического, то только при условии, когда финансовая политика соответствует социально-экономическим заданиям. Неправильная финансовая политика способна вызвать не только расстройство отдельных частей финансовой системы, но и нарушить само хозяйственное равновесие. Поэтому, с утверждением бытия и происхождения финансового равновесия, необходимо указать методы, при помощи которых оно достигается. Именно, финансовая политика должна найти эти методы, вскрывая источники, могущие нарушить равновесие финансовой системы.

В наших условиях пределы нарушения равновесия ограничены. Минимализация противоречий в области товарных и финансовых отношений не способствует финансовому кризису, характерному для капиталистического хозяйства. У нас налицо все возможности и основы бескризисного развития.

Выше было уже показано, как проблема финансового равновесия решается не механически, а на основе генеральной политики в социалистическом строительстве.

Характеристика финансового плана

Вскрытие основных закономерностей, лежащих в основе равновесия финансовой системы, предполагает, прежде всего, анализ условий равновесия денежной системы.

Роль денежной системы в условиях сохранения равновесия финансовой системы является тем большей, чем неотложнее встает задача повышения покупательной силы рубля.

Директива XV с'езда партии о необходимости повышения покупательной силы рубля со всей настоятельностью требует реализации намеченного темпа снижения себестоимости продукции и цен. На ряду с этим должно иметь место рациональное регулирование денежного обращения, и реальная кредитная политика. Необходимость — и все большая — в успешности регулирования денежного обращения, определяется и ролью денежной системы в воздействии на частное хозяйство, извлечении накопления, с одной стороны, и приспособлении денежной политики к реконструктивным процессам, с другой.

Таким образом, устойчивость валюты обеспечивается в пятилетнем плане тем, что расширенное воспроизводство опирается на реальное накопление и рыночное равновесие.

В связи с этим, проектировка эмиссии (от 1 до 1,2 мрд. рублей за пятилетие) не должна послужить основанием к обесценению валюты, обеспечить проектируемое повышение покупательной силы ее на 15—20%.

Реализация повышения покупательной силы рубля явится условием реального выполнения бюджетного и кредитного планов.

Степень эффективности кредитной системы определяется снижением дисконтной ставки, уменьшением окаменелых кредитов, выравниванием отношений с бюджетом, уточнением и развитием функций, демократизацией кредитной системы.

Таким образом, кредитная система приобретает новое качественное лицо. Однако, возможности краткосрочного кредита ограничены условиями умеренного роста собственных капиталов, вкладной операции и эмиссии. Темп роста его за 1932/33 г. в отношении к 1927/28 г. даже по оптимальному варианту составит всего 163%, тогда как бюджетная система (госбюджет и местный) даст 221%.[1]

Пятилетний финплан предвидит более быстрый темп роста бюджета, чем кредита.

Это об'ясняется всей социально-экономической структурой проектируемого типа хозяйства. Реализация быстрого темпа индустриализации и соответствующее распределение народного дохода придают финансовой системе и путям ее развития четко выраженный классовый характер. Беспрерывно накапливающиеся и ликвидирующиеся противоречия между элементами нового и старого неизбежно порождают новые отношения между бюджетным и кредитным методами развития. В этих условиях принципиальное различие между бюджетом и кредитом, как это есть в условиях капиталистической системы хозяйства, не сохраняется и постепенно сходит на-нет. Нередко

[1] „Пятилетний план нар.-хоз. строительства СССР", т. II, часть 2, стр. 393.

указывают на то, что, с одной стороны, имеет место безвозвратная ссуда, а с другой, возвратная и т. п. Однако, это отличие — скорее технического порядка, а по существу бюджет и кредит по своим целевым назначениям—орудия, рычага перераспределения средств— весьма близки в наших условиях хозяйства.

В отношении из'ятия средств из частного сектора и перераспределения их между социальными секторами бюджетный метод, опираясь на известную принудительность, является более эффективным, точным и надежным, чем метод кредитного воздействия, основывающийся на принципах добровольности вкладов и т. п.

В эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства, когда требуются энергичное капиталонакопление и интенсивность перераспределения его, бюджетный метод следует предпочесть кредитному, ни в какой мере не гипертрофируя первый и не умоляя роли второго.

По существу дела, в финансовом плане решается проблема постепенного усиления роли кредита. Вопрос сводится к отысканию путей и методов воздействия на сбережения населения, с тем чтобы аккумулировать их в сфере кредитного оборота. Поэтому на участках, лежащих на стороне стихии, должна быть проявлена особая бдительность и маневренность.

Как справедливо замечает проф. И. А. Трахтенберг... „В условиях переходного к социализму хозяйства естестественно, возникают другие более совершенные методы организации хозяйства, в частности, более непосредственные методы распределения общественного труда... И бюджет не является еще вполне совершенным способом, но по сравнению с кредитом он дешевле, поддается большему воздействию и непосредственно регулирует процесс расширенного воспроизводства.

Рост бюджетного метода перераспределения капитала свидетельствует о росте социалистических элементов хозяйства; в росте кредитного метода отражается рост элементов капиталистических... и тот и другой метод должны расти, хотя относительное значение должно перемещаться в сторону бюджета. Но пока сохраняются „в той мере, в какой сохраняются и развиваются частно-хозяйственные и товарно-денежные отношения кредит не может быть вытеснен бюджетом".[1]

Что касается бюджетного плана, то степень реальности его определяется реализацией повышения покупательной силы рубля, снижением себестоимости, использованием „разрыва" в намеченных пределах и активной бюджетной политикой — в соответствии с социально-экономическими задачами пятилетнего плана.

Качественное лицо бюджета, если и изменяется на одних участках в сторону ухудшения, то на других и значительно более круп-

[1] И. А. Трахтенберг. „Современный кредит и его организация", стр. 304.

ных — в сторону улучшения. На ряду с тем, что возрастает роль косвенных налогов, акцизов, а также увеличение ставок, — падает роль питейного дохода, усиливается роль обобществленного сектора, как первого и последнего плательщика налогов, рост прямых налогов обгоняет косвенные, возрастает роль бюджета, как механизма, обслуживающего внутренние процессы обобществленного сектора, возрастает маневренность его. Запроектированные темпы роста бюджета свидетельствуют об использовании его с приближением к оптимуму, как непосредственного регулятора расширенного воспроизводства. Однако, чем больше растет в финансовом плане доля средств самих отраслей народного хозяйства, созидаемых путем крупного повышения качественных показателей, тем более становится напряженным весь финансовый план. Поэтому, вопрос о пределах антиципации предстоящих накоплений всецело связывается с вопросом создания резервов, при помощи которых усиливалась бы финансовая маневренность в нашем хозяйстве.

С точки зрения единого финплана, этот вопрос поставлен не только в плоскости создания денежных резервов, а увязан с общей проблемой создания товарных, хлебных, валютных резервов в отдельных секторах и отраслях народного хозяйства. Преимущества планового хозяйства, благодаря концентрации, централизации и обобществления средств, требуют сравнительно меньших резервов, чем любая капиталистическая система хозяйства. Маневрируя резервами, плановое хозяйство может превратить товарные резервы в денежные и обратно. Кроме того, оно имеет возможность использовать их для дальнейшего хозяйственного развития. Переживаемое в последнее время кассовое напряжение бюджета, кредитной системы и промышленности свидетельствует о недостаточности народнохозяйственных резервов в отношении общественно-необходимой нормы их.

Поэтому, финплан учитывает: во-первых, те видимые резервы, которые обеспечиваются реальным и денежным накоплением, и, во-вторых, те скрытые, которые заложены в системе отношений бюджета, кредита и т. п. Оставляя в данном случае в стороне конкретное решение вопроса и роль резервов в усилении финансовой маневренности хозяйства, мы переходим к характеристике последней.

Вопрос о маневренности финансовой системы тесно связан с вопросом напряженности ее. Последняя обусловливается тем основным замыслом плана, который требует значительных затрат ресурсов в первые годы планируемого пятилетия, чтобы обеспечить высокие темпы развития народного хозяйства. В связи с этим различная степень мобильности и эффективности финансовых ресурсов влияет в том же направлении.

Однако, напряженность финансового плана проектируется в пределах реальности, обеспеченной: а) производительным направлением мобилизованных средств; б) активизацией народнохозяйственных ресурсов; в) подчинением плану рычагов, до сих пор слабо используемых и г) усилением маневренности финансовой системы. В последнем случае надо отметить: использование цены, нахождение оптимальных пределов „разрыва“ между снижением себестоимости продукции и цены, решение проблемы „горба“ капитального строительства в погодном разрезе и нахождение оптимума между накоплением и потреблением.

С другой стороны, нахождение социального оптимума изъятия и перераспределения средств обеспечивает осуществимость напряженного плана.

Каковы же пути развития финансовой системы? В основе роста ресурсов финансового плана лежит общий под'ем народного хозяйства. Для реализации намеченных высоких темпов финансовая система должна опираться на новые методы в антиципации предстоящих накоплений и регулировании доходов населения. Две тенденции социалистической реконструкции накладывают свою печать на финплан: а) снижение промышленных цен и б) наличие разрыва между снижением себестоимости продукции и цены. Если первая действует в сторону снижения темпа роста финансовой системы, то вторая — в сторону его возрастания, при чем рациональное использование бюджетом, образующихся ресурсов в обобществленном секторе, достигающих крупных размеров благодаря „разрыву“, создает в конечном счете повышательную тенденцию, противостоящую влиянию сниженных цен. Таким образом, с точки зрения усиления ресурсов и методов планового перераспределения капиталов, наличие „разрыва“ и его использование является целесообразным. В наших условиях при политике прямого нормирования цены отклонение последней от стоимости может достигать более значительных размеров, чем в условиях капиталистического хозяйства.

Пределы „разрыва“ определяются степенью адэкватности рыночного и производственного равновесия.

Итак, новые формы прироста об'ема финансового плана обеспечиваются, с одной стороны, ростом народного дохода и удельного веса обобществленного сектора, а с другой, повышением налоговых ставок и использованием „разрыва“ между снижением себестоимости и цены.

Финансовый план нетто показывает прирост ресурсов в 243% за 1932/33 г. в отношении к 1927/28 г. при приросте народного дохода в 175%. В погодном разрезе этот прирост дает неуклонную тенденцию к падению с 125% за 1928/29 г. до 115% за 1932/33 г. (см. таблицу 1 и 1а на стр. 155, 157).

Решение проблемы очистки от взаимных расчетов между финансовыми институтами, отдельными отраслями народного хозяйства, избежание двойного и многократного учета, решение проблемы сводки отдельных несогласованных финансовых планов в известной

Финансовый план-нетто

Финансовая система	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Сводный бюджет. . .	3.046	4.289	5.400	6.355	7.723	8.935	10.308	11.657	44.978
2. Кредитная система. . .	916	1.058	772	1.158	1.430	1.626	1.781	2.018	8.013
3. Первичная сеть с.-х. кредита	27	48	56	88	108	134	194	202	726
4. Соцстрах	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130
5. Госстрах.	125	162	200	259	336	400	457	523	1.975
6. Специальные средства ведомств	106	156	156	185	210	240	270	330	1.235
7. Профсоюзы	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212
8. Самообложение сельского населения. . . .	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025
9. Обществен. организац. .	2	3	5	9	11	13	15	17	65
I. Итого. . .	5.164	6.911	8.032	9.777	11.830	13.729	15.878	18.145	69.359
% к итогу I—II . . .	72,5	79,4	77,6	75,6	75,5	74,4	73,9	73 1	74,3
Собственные средства хозяйствен. организац.									
1. Прибыль (за исключением из'ятий и отчислений в сводный бюджет, БДК, Фубры, ВТУЗы и т. д.	865	592	937	1.564	1.839	2.315	2.763	3.299	11.780
2. Амортизация (за исключением отчислений в БДК.)	819	877	933	985	1.187	1.361	1.603	1.908	7.044
3. Фубры	58	90	97	144	209	261	337	402	1.353
4. Фабзауч	25	27	31	36	63	76	90	105	370
Привлеченные средства населения производств. организаций									
1. Доход жилищн. арендн. кооперации	75	84	97	110	140	173	192	212	827
В т. ч. квартплата . . .	—	—	—	94	122	151	172	194	733
2. Паевые сборы кооперац. (потреб., с.-х., промысл., жилстроит., Жакт)	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025
3. Целевые взносы населен. на транспорт „Цутранпрос"	38	43	46	52	60	68	76	88	344
4. Целевые взносы населен. на сельск. электрифик. и на капит. стр во коопер. и торговли. . .	5	6	17	22	37	69	72	85	275
II. Итого. . .	1.919	1.779	2.321	3 163	3.848	4.718	5.622	6.667	24.018
% к итогу I—II . . .	27.5	20,6	22,4	24,4	24,5	25,6	26,1	26,9	25,7
Итого I—II . . .	7.083	8.690	10.353	12.940	15.678	18.447	21.500	24.812	93.377
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
III. Иностран. кредит .	—	—	—	100	200	230	270	300	1.100
Всего I—II—III .	7.083	8.690	10.353	13.040	15.878	18.677	21.770	25.112	94.477
В %% . .	—	122,6	119,1	125,9	121,8	117.6	116,6	115,4	242,6

Оптимальный вариант

(поступления средств)

Структура (в млн.черв. руб.)

Таблица 1

Удельный вес в %%									Примечания
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	
59,0	62,1	67,2	65,0	65,3	65,1	64,9	64,2	64,8	1. Финансовый план (нетто) показывает ресурсы без взаимн. увязки средств. Очистка от взаимн. расчетов произведена следующим образом: отдельные финансовые институты показаны своими средствами.
17,7	15,3	9,6	11,8	12,0	11,8	11,2	11,1	11,6	
0,5	0,7	0,7	0,9	0,9	1,0	1,2	1,1	1,0	
13,2	12,3	13,0	12,8	12,5	12,8	13,3	13,9	13,2	
2,4	2,3	2,5	2,6	2,8	2,9	2,9	2,9	2,8	
2,1	2,3	1,9	1,9	1,8	1,7	1,7	1,8	1,8	2. Сводный бюджет нетто: без оборотных сумм по отчислениям из госбюджета в местный бюджет, доходов: транспорта, связи и коммунального хоз-ва:
4,3	3,8	3,7	3,5	3,2	3,2	3,1	3,2	3,2	
0,8	1,2	1,4	1,4	1,3	1,4	1,6	1,7	1,5	
0,04	0,04	0,06	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	
46,8	33,3	40,4	49,4	47,8	49,1	49,1	49,5	49,1	
42,7	49,3	40,2	31,1	30,9	28,8	28,5	28,6	29,3	
3,0	5,1	4,2	4,6	5,4	5,5	6,0	6,0	5,6	
1,3	1,5	1,3	1,1	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	
3,9	4,7	4,2	3,5	3,6	3,7	3,4	3,2	3,5	
—	—	—	3,0	3,2	3,2	3,1	2,9	3,1	
1,8	3,4	7,0	7,9	8,1	8,6	8,7	8,5	8,4	
2,0	2,4	2,0	1,7	1,6	1,4	1,4	1,3	1,4	
0,3	0,3	0,7	0,7	1,0	1,3	1,3	1 3	1,1	
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

Доход трансп., связи и Цутранспрос

1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
218,4	261,6	330,9	497,4	649,6

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
772,0	9.9,0	1.248,0	4.146,0

Доход коммун. хозяйства

1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
222	270	256	270	270

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
329	414	523	1.806

3. Подвергалась очистке, по преимуществу, кредитная система. Она очищена от взаимных расчетов с бюджетом, вложений Соцстраха, Госстраха, тек. счетов, сберкасс профсоюзов и отчислений в Фубры.
4. Первичная сеть сел.-хоз. кредита очищена от займов для ссудной работы.
5. Госстрах очищен от поступлений в бюджет.
6. Собственные средства хозяйственных организаций взяты без из'ятий и отчислений в Сводный бюджет, БДК, Фубры, ВТУЗы и т. п.

степени находит свое выражение в финансовом плане. Наиболее интересно проследить взаимные расчеты финансовых институтов с кредитной системой.

Взаимоотношения кредитной системы со сводным бюджетом в ближайшее пятилетие дают неуклонную тенденцию к падению средств в пользу ее.

Если в 1925/26 г. кредитная система давала бюджету, то затем она получала от него, достигая кульминационного пункта в 1928/29 г.

В какой мере запроектированные темпы роста финансовой системы обеспечивают народнохозяйственный и социальный оптимум? С точки зрения извлечения средств проектируются такие методы из'ятия, которые обеспечили бы ускорения темпа индустриализации на длительный период, которые бы не граничили с максимальной перекачкой средств из сельского хозяйства и которые соблюдали бы оптимум между накоплением и потреблением. Анализируя систему из'ятия в финплане, приходится констатировать, что из'ятие как из народного фонда потребления путем перелагаемых платежей, так и накопления частного сектора путем подоходного и сельскохозяйственного налогов приближается к оптимальному. Кроме того, запроектированы огромные темпы прироста привлечения средств — по сберкассам на 252%, паевому накоплению кооперации на 348% и первичной сети сел.-хоз. кредита на 360%.

Таким образом, лимиты финансового плана, при максимальном регулировании накопления и доходов населения, лежат в системе цен, себестоимости и заработной платы. Чтобы определить действительное наличие оптимума в из'ятии средств, необходимо сочетать его с активной частью использования их. Программа финансирования отраслей народного хозяйства, предусмотренная с темпом роста на 275%, финансирования социально-культурного сектора на 245%, управления и обороны на 140% и всего на 243%[1], свидетельствует о том, что финансовые оптимумы из'ятия достигаются с большим напряжением, что с аккумуляцией средств в среднем за пятилетие до 86 мрд. и с соответственным использованием их достигается равновесие механизма расширенного воспроизводства народного хозяйства и финансов. (См. таб. 2, 3 на стр. 158, 159).

Финансовый план дает единую систему финансовых отношений. Политика цен и себестоимости, политика заработной платы и налогов, политика накопления и займов обусловлены друг другом и взаимно связаны. Чем обеспечены основные линии финансовой политики в пятилетии? Политика цен, накопления, налогов исходит из основных социально-экономических процессов и развития производительных сил страны и тех результатов социально-экономической и технической реконструкции, которые намечаются в пятилетии. Основное

[1] „Пятилетний план нар. хоз.", том II, часть 2, стр. 393.

Оптимальный вариант

Расчеты финансовых институтов по взаимной увязке средств
(Поступления средств в млн. червон. рублей)

Таблица 1а

Статьи	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Кредитная система									
1. а) Сальдо взаимн. расчетов со сводн. бюдж. по влож. в основн. капит., по подох. налогу и по отчисл. из прибылей	— 27	— 71	+ 60	+ 73	+ 113	+ 120	+ 125	+ 119	+ 550
б) Тек. счета НКФ	— 83	— 46	— 29	— 53	— 87	— 99	— 103	— 108	— 450
в) Расчеты с бюджетом и по фонд. операц.	+ 340	+ 88	— 109	— 185	— 72	— 50	— 40	— 28	— 375
Итого	+ 230	— 29	— 78	— 165	— 46	— 29	— 18	— 17	— 275
2. Специальные средства (сводн. бюджета)	— 348	— 641	— 1.007	— 858	— 684	— 858	— 1.031	— 1.174	— 4.328
3. „ вложения (Госстраха)	— 3	— 8	— 6	— 6	— 7	— 7	— 9	— 10	— 39
4. „ „ (Соцстраха)	— 30	— 77	— 105	— 114	— 129	— 152	— 174	— 191	— 760
5. Текущ. счета Госстраха	— 20	— 22	— 20	— 26	— 27	— 33	— 39	— 43	— 168
6. „ „ Соцстраха	— 10	— 20	— 35	— 53	— 62	— 71	— 81	— 98	— 365
7. „ „ профсоюзов	— (15)	— 25	— 30	— 22	— 29	— 36	— 48	— 60	— 195
8. „ „ сберкасс	— 2	— 3	— 4	— 6	— 7	— 9	— 11	— 13	— 46
9. „ „ проч. общ. организ.	— (1)	— 2	— 2	— 3	— 3	— 5	— 5	— 6	— 23
10. Отчисл. от банков. прибыли в фубры	— 10	— 14	— 16	— 28	— 28	— 32	— 35	— 35	— 158
Всего	— 209	— 841	— 1 303	— 1.004	— 1.022	— 1.232	— 1.452	— 1.647	— 6.357
II. Первичн. сеть сел.-хоз. кредита очищено от									
1. Займов для ссудн. работы	— 43	— 119	— 169	— 177	— 228	— 246	— 186	— 198	— 1 035

ПРИМЕЧАНИЕ: (+) в пользу бюджета; (—) в пользу кредитной системы.

Оптимальный вариант

Собственные средства хозяйственных организаций (чистая прибыль и амортизация за вычетом всех из'ятий и отчислений в сводный бюджет, БДК, ФУБРЫ, ВТУЗЫ и т. д.)

(в млн. руб.)

Таблица 2

Разделы \ Годы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Промышленность									
а) прибыль	292	76	232	618	599	824	841	866	3.748
б) амортизация	360	380	414	334	480	560	660	765	2.799
2. Торговля и кооперация									
а) прибыль	198	49	176	203	284	347	468	575	1.877
б) амортизация	10	13	16	33	44	56	70	88	291
3. Электростроительство									
а) прибыль	2	8	6	20	41	54	66	76	257
б) амортизация	13	11	20	51	54	68	84	103	360
4. Транспорт железнодорож.									
а) прибыль	127	205	247	410	558	676	871	1.118	3.633
б) амортизация	231	242	245	275	280	299	331	382	1.567
5. Транспорт морск. и речн.									
а) прибыль	4	7	11	10	20	29	35	44	138
б) амортизация	18	19	22	22	28	32	35	40	157
6. Связь									
а) прибыль	16	15	15	35	33	28	32	42	170
б) амортизация	11	13	15	14	17	19	22	25	97
7. Коммунальное хозяйство									
а) прибыль	226	232	250	265	283	327	402	509	1.786
б) амортизация	90	92	93	97	102	109	135	181	624
8. Совхозы									
а) прибыль	—	—	—	—	7	8	12	18	45
б) амортизация	—	—	—	26	31	42	49	63	211
9. Колхозы									
а) прибыль	—	—	—	3	14	22	36	51	126
б) амортизация	—	—	—	21	35	55	92	132	335
10. Жилстроительство [1]									
а) прибыль	—	—	—	—	—	—	—	—	—
б) амортизация	86	107	108	112	116	121	125	129	603
Всего	1.684	1.469	1.870	2.549	3.026	3.676	4.366	5.207	18.824
а) прибыль	865	592	937	1.564	1 839	2.315	2.763	3.299	11.780
б) амортизация	819	877	933	985	1.187	1.361	1.603	1.908	7.044

[1] Государственного и кооперативного секторов.

Оптимальный вариант

Отчисления и из'ятия из прибылей и амортизации хозяйственных организаций

(в млн. руб.)

Таблица 3

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Примечания
1. Из прибыли промышленности[1]										
1. В сводный бюджет	259	425	448	535	800	1.060	1.365	1.630	5.390	
2. БДК	9	61	125	174	289	383	495	594	1.935	[1] Из'ятия из прибылей, отчисления в подоходный налог, в 8% заем.
3. Фубры	38	54	55	77	129	167	224	270	867	
4. ВТУЗы	—	—	—	26	43	56	75	90	290	
Итого	306	540	628	812	1 261	1.666	2.159	2.584	8.482	
Из амортизац. промышл. в БДК	4	18	26	166	100	100	110	125	601	
Итого из прибыли и аморт. промышл.	310	558	654	978	1.361	1.766	2 269	2.709	9.083	[2] По железнодорожному транспорту — фубры имеют своим источником назначения по Госбюджету.
2. Из прибыли торгов. и коопер.[1]										
1. В сводный бюджет	31	54	54	70	84	107	126	150	537	
2. Долгосрочный кредит	6	18	12	23	31	35	37	37	163	
3. Фубры	3	18	12	23	29	38	47	61	198	
Итого	40	90	78	116	144	180	210	248	898	
3. Отчисления в фубры из прибылей морского и речного транспорта	1	1	1	1	1	1	2	2	7	
4. Отчисления в фубры из прибылей коммун. предприятий	1	2	3	5	7	8	12	14	46	
Всего отчислений и из'ятий	352	651	736	1.100	1.513	1.955	2.493	3.073	10.034	

плана — это максимально-высокое и эффективное использование производительных сил в направлении обобществления. Связь между материальным производством и социальными отношениями, осуществляемая рычагами политики цен, перераспределения средств по бюджету и кредиту, требует целостности установки.

„Нам необходима единая, строго определенная финансовая политика", говорил Владимир Ильич Ленин на I Всероссийском финансовом с'езде, 18 мая 1918 года.[1]

Общий критерий оценки, правильно запроектированной единой финансовой политики, определяется целевой установкой — переводом на социальные рельсы.

Если финансовый план должен создать предпосылки, обеспечивающие народнохозяйственный план и проявить в достаточной мере активность и маневренность, то это предполагает осуществление единой финансовой политики в оптимальном сочетании ее отдельных элементов.

Из 22 источников, обозримых по плану (см. таблицу 4—„брутто финплан" на стр. 161) в проектируемое пятилетие, становятся весьма мощными такие, как соцстрах, профсоюзы, фубры и т. п. Система краткосрочного и долгосрочного кредита аккумулирует средств менее, чем местный бюджет. Если сопоставить финансовый план нетто поступлений средств с их использованием по нетто планам финансирования отдельных отраслей народного хозяйства и социально-культурного строительства, то обнаружится следующее: в течение пятилетия из 94,5 мрд. аккумулируемых средств по финансовому плану нетто используется лишь 86 мрд. руб. Это происходит потому, что такие рычаги, как бюджет профсоюзов, который запроектирован в размере 2 мрд. руб. с лишним и бюджет фубров в размере 1.390 млн. руб. и специальные средства ведомств в размере 1.235 млн. руб., часть своих средств употребляют не на плановые цели, по которым расходуются они в составе 86 мрд. руб. Накопление колхозов и совхозов также не полностью учтено в плане. Бюджет Госстраха, годовой доход жилищно-арендной кооперации и т. п. также не учтены в планах финансирования отраслей народного хозяйства, поэтому 8,5 мрд. руб. остаются неучтенными планами. Это ставит вопрос о рациональном использовании средств названных и подобных им источников, которые в течение пятилетия приобретают достаточную мощность в связи с ростом фонда заработной платы, прибыли промышленности и т. п. Это ставит проблему о единстве и множественности источников финансирования.

[1] Цитировано по отчету, помещенному в „Народном Хозяйстве" № 5 от 15/VII 1918 г., стр. 43.

Оптимальный вариант

Финансовый план брутто

(Поступления средств в млн. черв. рублей)

Таблица 4

Финансовая система	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Примечания:
1. Госбюджет	4.216	5.626	6.682	7.752	9.187	10.556	12.141	13.839	53.475[6]	[1] Система краткосрочного и долгосрочного кредита (эмиссия, капиталы, прибыли (валовые), текущие счета и вклады), расчеты с бюджет. и по фондовым операциям, спец. капиталы и спец. средства). Отчетные годы взяты по балансам. Вложения государствен. и местн. бюджета в спец. капиталы не подвергались за отчетные годы очистке на основании постановления СНК СССР от 7/VII-28 г. Проектируемые годы предусматривают настоящее постановл.
2. Местный бюджет	1.238	1 663	1.779	2.019	2.489	2.950	3.485	4.127	15.070	
3. Кредитная система[1]	1.125	1.889	2.075	2.162	2.452	2 858	3.233	3.665	14.370	
4. Первичная сеть с.-х. кредита	27	48	256	88	108	134	194	202	726	
5. Сберегат. кассы[2]	58	96	128	170	183	220	268	323	1.164	
6. Соцстрах	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130	
7. Госстрах	144	180	220	290	360	430	494	565	2.139	
8. Спец. средства ведомств[3]	106	156	156	185	210	240	270	330	1.235	
9. Профсоюзы[3]	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212	
10. Обществен. организац.[3]	2	3	5	9	11	18	15	17	65	
11. Фубры[3,4]	58	90	97	144	209	261	337	402	1.153	
12. Фабзауч	25	27	31	36	63	76	90	105	370	
13. Жилищно-аренд. коопер. (год. дох.)	75	84	97	110	140	173	192	212	827	
в т. ч. квартирная плата	—	—	—	94	122	151	172	194	733	
14. Паевые сборы кооперац. [1) потреб., 2) с. х., 3) промыслов., 4) жилстроит., 5) Жакт]	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025	
15. Самообложение сельск. населения	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025	
16. Средства населения на сел. электриф.	1	1	2	4	7	13	16	20	60	
17. Целев. взносы населен. на трансп. „Цуткранпрос"	38	43	46	52	60	68	76	88	344	
18. Целев. взносы насел. на капит. строит. кооперации	4	5	15	18	30	46	56	65	215	
19. Возврат ссуд с.-х. в сел.-хоз. кред. систему	—	—	—	197	279	471	648	794	2.389	
20. Собств. средства хозяйств. организац.	2.036	2.119	2.606	3.649	4.539	5.631	6.859	8.180	28.858	
в том числе:					3.252	4.170	5.146	6.147	21.213	
а) прибыль	1.213	1.225	1.647	2.498						
б) аммортизация	825	894	959	1.151	1.287	1.461	1.713	2.033	7.645	
21. Товарный кредит	—	—	—	130	130	150	180	210	800	
22. Иностранный кредит[5]	—	—	—	100	200	230	270	300	1.100	

[2] Приток вкладов.

[3] За отчетные годы даны исчисления.

[4] Фубры исчислены по промышленности, банкам, госторгов. и коопер., трансп. (желдор., морск. и речн.), коммун. предприят. и госстраху.

[5] В том числе концесс. кредит в 400 млн. руб. за 5 лет.

[6] Госбюдж. взят без небаланса (прев. расх. над доход.) в 400 млн. руб. за 5 лет.

Структура финансового плана

В основу характеристики структуры финансовой системы положен один основной принцип — выявить относительное значение финансов хозяйственных организаций и собственно финансовых институтов. Произвольность взятых финансовых институтов всех в совокупности — очевидна. Методологически допустима и иная, более дробная, группировка финансовых „гнезд", как источников средств. Например, весьма приемлема следующая группировка средств финансовых институтов: госбюджета, местного бюджета, специальных средств ведомств, самообложения, Соцстраха и Госстраха. Однако, спорным остается причисление Госстраха к группе бюджетного гнезда; в равной мере есть основание относить его и к группе кредитной системы.

Дальнейшее изучение природы и функций отдельных финансовых институтов и их роли в аккумуляции средств, даст возможность перейти уже к более обстоятельной характеристике структуры финансовой системы.

На данной стадии работы допускается определенное ограничение задачи.

При анализе структуры финансовой системы (см. таблица 1— „Структура финансовой системы" на стр. 156) обнаруживается следующая картина: падение удельного веса сводного бюджета с 52,2% за 1927/28 г. до 47% за 1932/33 г. и стабильность кредитной системы, с тенденцией к повышению с 7.54% за 1927/28 г. до 8,1% за 1932/33 г. при росте соцстраха, госстраха, первичной сети сельскохозяйственного кредита в общем итоге средств. Тем не менее никаких радикальных сдвигов в сторону возрастания кредитной системы (и по оптимальному варианту) не намечается. В общем и целом можно констатировать, что установившаяся за истекшие последние годы формальная уравновешенность между отдельными финансовыми институтами переносится на 1932/33 г. лишь с небольшим отклонением в сторону падения роли сводного бюджета. Эта уравновешенность сохраняется не за счет поглощения одними институтами других, а за счет равномерного их развития.

На ряду с этим надо отметить, что удельный вес средств хозяйственных организаций возрастает в общем итоге средств с 22,4% за 1927/28 г. до 27% за 1932/33 г., в том числе прибыль и амортизация с 18% за 1927/28 г. до 21% за 1932/33 г., а удельный вес собственно финансовых институтов соответственно падает с 77,6% до 73%. Изменение пропорций между средствами финансовых институтов и финансами хозяйственных организаций в сторону возрастания последних происходит вследствие опережающего темпа роста их финансов. Такая картина вполне подтверждается анализом структуры финансовой системы в социальном разрезе (см. табл. 5, стр. 166). Здесь заслуживает особого внимания закономерно продолжающаяся

тенденция к падению роли частного сектора с 70,6% за 1927/28 г. до 64,5% за 1932/33 г. по финансовым институтам и с 57,9% до 51% по всей финансовой системе в целом, включая собственные и привлеченные средства хозяйственных организаций при соответственном возрастании роли обобществленного сектора. В падении роли частного сектора выражается прежде всего падение удельного веса сводного бюджета по из'ятию средств из частного сектора с 60,2% за 1927/28 г. до 57,2% за 1932/33 г. Таким образом, падает роль бюджета, как перераспределителя средств из частного сектора и возрастает роль финансовых рычагов, до сих пор менее регулируемых в деле перераспределения средств, что требует установления ряда финансово-экономических мероприятий. Например, роль Соцстраха в из'ятии средств из частного сектора возрастает с 17,4% за 1927/28 г. до 20% за 1932/33 г.; самообложения с 1,8% до 2,4%; паевых сборов кооперации с 2,7% до 4,5% и т. п.

Чтобы определить роль финансов в экономической системе, надо взять отношение аккумулируемых средств финансовой системой — к народному доходу (при этом берется только чистая прибыль хозяйственных организаций — без амортизации, исключенной также из части средств в БДК и народный доход — исчисленный по реальному методу (см. „Пятилетний план народ.-хоз. строительства" т. II, ч. 2 стр. 256. Полученное отношение свидетельствует о непрерывном росте доли из'ятия из народного дохода распыленных средств с 28,7% за 1925/26 г.; 34,4% за 1926/27 г.: 38,2% за 1927/28 г. и до 53,6% за 1932/33 г. В какой мере эти соотношения свидетельствуют о достижении финансово-экономического оптимума?

Прирост 1932/33 г. к 1927/28 г. составляет 40,3%, тогда как прирост 1927/28 г. к 1925/26 г. составлял 33,1%.

Если взять отношение аккумулируемых средств финансовой системой к мобильной (денежной) части народного дохода то все соотношения повышаются, примерно, на 10—45%).

Проектируемое замедление темпа из'ятия из народного дохода нельзя расценивать, как признак им мобилизации народных ресурсов, ибо кроме количественных границ существуют и качественные в деле перераспределения народного дохода. Вопрос сводится к тому, что беспредельно нельзя использовать метод финансового воздействия и необходимо проектировать одновременно мероприятия в деле экономической организации свободных денег частного сектора.

При проектировке финансовых перспектив мы исходили не только из учета социально-экономических результатов реконструкции и их влияния на финансовую систему, но и из учета элементов, определяющих статику и динамику финансов за прошлое время.

Отсутствие баланса народного хозяйства затрудняет и делает почти невозможным построение баланса единого финплана, как финансового выражения единого хозяйственного плана.

Отсюда вытекает необходимость построения балансов прироста реальных и расчетных ценностей за ряд лет, так как баланс за один год выражает результат на определенный момент времени, именно на конец года, и не дает нам динамических показателей.

По всей совокупности причин, настоящий баланс за прошлое время может служить лишь подсобным материалом для построения единого финансового плана и требует дополнительного анализа и использования всего имеющегося в нашем распоряжении материала пятилетки, характеризующего экономические связи между ростом производственно-экономических и финансовых показателей.

Построение баланса преследует следующие цели.

1) Установить экономические связи и условия равновесия между приростом расчетных ценностей и приростом основных и оборотных фондов народного хозяйства на данный отрезок времени.

2) Выявить степень соответствия финансовой политики социально-политическим заданиям и необходимому народнохозяйственному равновесию, на основе соотношений привлеченных и собственных ресурсов отдельных отраслей хозяйства в общем итоге.

3) Показать, как распределяются (по социальным секторам и отраслям) бюджетные средства, банковское кредитование, собственные средства отраслей народного хозяйства.

4) Выявить расчетные отношения отдельных отраслей народного хозяйства между собою и финансовой системой.

5) Выявить структуру финансовой системы: условия, методы и формы ее равновесия на основе динамики соотношений расчетных ценностей.

6) Выявить оптимальность пропорций основных и оборотных фондов на основе динамики соотношений реальных ценностей.

Таким образом, для того чтобы установить экономические связи и условия равновесия между приростом расчетных ценностей и приростом основных и оборотных фондов народного хозяйства в их динамике, найти опорные пункты и сдвиги для учета этих процессов в планируемое пятилетие, нами анализируется сводный баланс основных отраслей народного хозяйства (промышленность ВСНХ, электрификация, торговля и кооперация, траспорт, связь, коммунальное хозяйство, строительные организации и совхозы). Здесь мы охватываем более или менее обобществленный сектор в целом.[1] (См. табл. 6, стр. 167).

[1] Основными источниками являются отчетные, опубликованные и неопубликованные, балансы. Отдельные отрасли хозяйства охвачены не полностью.

Сводный баланс строительных контор на 1/X—25 г. об'единяет 4 конторы, на 1/X—26 г. 8 контор и на 1/X—27 г. 22 конторы.

Сводный баланс трестированных совхозов об'единяет совхозы по РСФСР, УССР и БССР.

Сводный баланс коммунального хозяйства охватывает хозяйство по РСФСР, на 1/X—25 г. по Москве.

Сводный баланс промышленности ВСНХ без синдикатов, функциональных управлений, Военпрома и электростанций.

Беря динамику за три года на 1/X—25, 1/X—26 и 1/X—27 гг. по всем вышеуказанным отраслям народного хозяйства, мы имеем неуклонную тенденцию к возрастанию с 34,9% на 1/X—25 г., 39,8% на 1/X—26 г. и 41,3% на 1/X—27 г. отношения оборотных фондов (товаров и материалов) к основным (имуществу с износом).

На ряду с этим соответствующее отношение по промышленности дает уже иную картину, возрастая на 1/X—26 г. с 43,7% до 50,1%, оно снова падает на 1/X—27 г., составляя 48,6%. В общем и целом мы должны констатировать следующее: в восстановительный период и на грани реконструктивного оборотные фонды возрастали, приближаясь к пропорции оптимального соотношения с основными. Этот процесс характеризовал и соответствующую структуру финансов: роль банковского кредита стояла на значительно более высоком уровне, чем роль прочих финансовых источников. Так, если мы возьмем, на основе динамики соотношений „расчетных" ценностей, удельные веса отдельных источников финансирования к общему итогу привлеченных средств, то картина представляется следующей:

	1/X—25 г.	1/X—26 г.	1/X—27 г.
Векселя к уплате	8,6	9,6	8,3
Банковский кредит	31,4	29,5	27,6
Ссуды НКФ, займы, дотации	6,7	8,4	12,8
Прочие кредиторы	53,3	52,5	51,3
Итого привлеченных средств	100	100	100
В т. ч. по промышленности:			
Векселя к уплате	22,4	20,9	17,5
Банковский кредит	28,1	31,8	28,0
Ссуды НКФ, займы, дотации	13,4	16,2	22,1
Прочие кредиторы	36,1	31,1	32,4
Итого привлеченных средств	100	100	100

Удельный вес банковского кредита постепенно падает, а удельный вес ссуды НКФина, займов и дотаций систематически возрастает. Здесь надо иметь в виду, что в разделе „ссуды НКФ, займы и дотации" доля займов начинает падать, составляя основную величину на 1/X—25 г., процентов 50 на 1/X—26 г. и ничтожную долю на 1/X—27 г. Что касается прочих кредиторов, то удельный вес их, равный половине итога привлеченных средств, показывает стабильность, скорее с тенденцией к снижению. Здесь надо отметить, что огромная доля прочих кредиторов падает на неоплаченные налоги и сборы.

Сводный баланс электростанций на 1/X—27 г. включая электростроительство.

Сводный баланс по Нарсвязи (без центра) по данным отчета НКПиТ.

Сводный баланс транспорта (без административных управлений), железнодорожный, морской (хозрасчетный) и речной (хозрасчетный).

В настоящее время в Центр. комис. персп. планир. ведется работа по уточнению и разработке этого еще сырого материала. Поэтому пользуясь первоначальной разработкой, следует придавать значение главным образом динамике.

Оптимальный вариант

Финансовый план нетто поступления средств в социальном разрезе
(в млн. рубл.)

Таблица 5

Финансовая система	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Сводный бюджет	3.046	4.289	5.400	6.355	7.723	8.935	10.308	11.657	44.978
Обобщ. сектор	985	1.340	1.788	2.071	2.624	3.184	3.893	4.416	16.188
Частный „	2.061	2.949	3.612	4.284	5.099	5 751	6.415	7.241	28.790
2. Кредитная система	916	1.058	772	1.158	1.430	1.626	1.781	2.018	8.013
Обобщ. сектор	710	731	460	1.018	1.245	1.441	1.556	1.755	7.015
Частный „	206	327	312	140	185	185	225	263	998
3. Первич. сеть сел.-хоз. кредита	27	48	56	88	108	134	194	202	726
Обобщ. сектор	3	5	7	13	18	27	43	51	152
Частный „	24	43	49	75	90	107	151	151	574
4. Соцстрах	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130
5. Госстрах	125	162	200	259	336	400	457	523	1.975
Обобщ. сектор	53	68	74	83	104	124	137	152	600
Частный „	72	94	126	176	232	276	320	371	1.375
6. Спец. средств. ведомств	106	156	156	185	210	240	270	330	1.235
Обобщ. сектор	21	31	31	37	42	48	54	66	247
Частный „	85	125	125	148	168	192	216	264	988
7. Профсоюзы	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212
8. Самообл. сельск. населен.	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025
9. Обществ. организац.	2	3	5	9	11	13	15	17	65
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	2	3	5	9	11	13	15	17	65
I Итого	5.164	6.911	8.032	9.777	11.830	13.729	15 878	18.145	69.359
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обобщ. сектор	1.772	2.175	2.360	3.222	4.033	4.824	5.688	6.440	24.202
В %% к итогу	34,3	31,5	29,4	33,0	34,1	35,1	35,8	35,5	34,9
Частный сектор	3.392	4.736	5.672	6.555	7.797	8.905	10.195	11.705	45.157
В %% к итогу	65,7	68,5	70,6	67,0	65,9	64,9	64,2	64,5	65,1
10. Собств. средства-хозяйст. организац.	1.684	1.469	1.870	2.549	3.026	3.676	4.366	5.207	18.824
Обобщ. сектор	1.684	1.469	1.870	2.549	3.026	3.676	4.366	5.207	18.824
Частный „	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Фубры	58	90	97	144	209	261	337	402	1.353
Обобщ. сектор	58	90	97	144	209	261	337	402	1.353
Частный „	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Фабзауч	25	27	31	36	63	76	90	105	370
Обобщ. сектор	25	27	31	36	63	76	90	105	370
Частный „	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Доход жилищно-аренд. кооперац.	75	84	97	110	140	173	192	212	827
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	75	84	97	110	140	173	192	212	827
14. Паевые сборы кооперац. (потреб., с.-х., промысл., жилстроит., Жакт)	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025
15. Целевые взносы населен. на транспорт „Цутранпрос“	38	43	46	52	60	68	76	88	344
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	38	43	46	52	60	68	76	88	344
16. Целевые взносы насел. на сельск. электриф. и на капит. стр-во кооп.	5	6	17	22	37	59	72	85	275
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	5	6	17	22	37	59	72	85	275
II Итого	1.919	1.779	2.321	3.163	3.848	4.718	5.622	6.667	24.018
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обобщ. сектор	1.767	1.586	1.998	2.729	3.298	4.013	4.793	5.714	20.517
В %% к итогу	92,1	89,2	86,1	86,3	85,7	85,1	85,3	85,7	85,5
Частный сектор	152	193	323	434	550	705	829	953	3.471
В %% к итогу	57,9	10,8	13,9	13,7	14,3	14,9	14,7	14,3	14,5
Всего I—II	7.083	8.690	10.353	12.940	15.678	18.447	21.500	24.812	93.377
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обобщ. сектор	3.539	3.761	4.358	5.951	7.331	8.837	10.476	12.154	44.749
В %% к итогу	50,0	43,3	42,1	46,0	46,8	47,9	48,7	49,0	47,9
Частный сектор	3.544	4.929	5.995	6.989	8.347	9.610	11.024	12,658	48.628
В %% к итогу	50,0	56,7	57,9	54,0	53,2	52,1	51,3	51,0	52,1

Сводный баланс отраслей народного хозяйства обобществленного сектора

Таблица 6

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Актив			
1. Основ. имуществ. без переоц.			
2. Новые поступлен. и капит. рем.			
3. Разное (запасн. оборуд. и пр.)			
Итого по 1—3	10.754,3	12 257,3	15.444,7
4. Дооценка имуществ. с учетом износа	2.062,0	1.751,9	—
Итого имущест. с учет. износа	12.816,3	14.009,2	15.444,7
5. Материал топлива незак. заготовок	1.494,7	1.855,9	2.179,0
6. Полуфабрикаты и незак. производством.	684,1	808,8	949,7
7. Готовые изделия	2.293,8	2.908,4	3.232,7
Итого товаров	4.472,6	5.573,1	6.361,4
и материалов	75,5	101,6	99,9
8. Касса и текущие счета	480,4	494,2	543,7
9. Ценные бумаги, паи, акции	333,4	491,3	647,7
10. Векселя и докум. к получ.	666,9	979,1	1.252,3
11. Дебиторы и подотч. суммы	2.696,1	3 472,5	4.315,1
Итого к получению 10 и 11			
12. Уменьшен. устави. капит.	224,6	237,9	16,7
13. Прочие активы	271,9	382,2	493,8
14. Убытки отчетного года	70,6	160,7	80,0
15. „ прошлых лет	4,7	6,7	11,1
Баланс	22.037,4	25.806,9	29.166,5
Пассив			
1. Уставн. капитал (без переоц.)	12.157,5	13.159,1	15 574,4
2. Дооценка его	2.062,0	1.751,9	0,2
3. Аммортизационный	536,7	729.3	481.6
4. Резервный	109,8	178,6	284,4
5. Прочие фонды	659,6	859,8	1.473,7
Итого	15.525,5	16.678,7	17.814,3
6. Векселя к уплате	462,0	747,3	831,7
7. Банковские кредиты	1.695,9	2.290,4	2.762,9
8. Ссуды НКФ, займы, дотации	364,4	653,2	1.282,1
9. Прочие кредиторы	2.879,2	4.078,5	5.126,5
Итого привлеч. средств	5.401,5	7.769,4	10.003,2
10. Увеличение устав. капит.	292,6	270.2	166,2
11. Прочие пассивы	195,1	140,9	163.4
12. Прибыли отчетн. года	620,4	940,6	1.019,0
13. „ прошл. лет	2,2	7,1	0,4
Баланс	22.037,4	25.806,9	29.166,5

Если взять удельные веса отдельных отраслей народного хозяйства по привлеченным средствам в общем итоге, то почти половина средств падает на промышленность, при чем удельный вес в общем итоге неуклонно возрастает с 40% на 1/X—25 г. до 43,8% на 1/X—26 г. и 46,1% на 1/X—27 г. Промышленность занимает львиную долю, в векселях к уплате и ссудах НКФина, которые возрастают с 70,3% на 1/X—25 г. до 73,9% на 1/X—26 г. и 71,4% на 1/X—27 г. В общем же итоге банковского кредита промышленность составляет следующие удельные веса: 31,7% на 1/X—25 г., 41,2% на 1/X—26 г. и 41,9% на 1/X—27 г. Здесь интересно отметить то место, которое занимает торговля и кооперация в общем итоге привлеченных средств. В совокупности они опережают промышленность на 1/X—25 г., на 1/X—26 г. и уступают ей на 1/X—27 г., при чем как в торговле, так и в кооперации банковский кредит в общем итоге банковских средств занимает высокое место, падающее только на 1/X—27 г. На ряду с этим весьма интересно отметить роль собственных и привлеченных средств в обслуживании основных и оборотных фондов. Если взять сальдо прибыли (прибыль минус убытки), банковский кредит за исключением текущих счетов, бюджетное финансирование и дебиторы минус кредиторы, то в совокупности они все вместе, в отношении основных и оборотных фондов, дают следующие удельные веса — по всем отраслям народного хозяйства 11,6% на 1/X—25 г., 14,9% на 1/X—26 г. и 19,5% на 1/X—27 г. в том числе по промышленности 11,7% на 1/X 1925 г., 22% на 1/X—26 г. и 24,9% на 1/X—27 года.

Таковы условия и формы равновесия структуры финансовой системы на основе динамики соотношений „расчетных“ ценностей. Можно ли, исходя из анализа этих условий равновесия, вывести какую-нибудь закономерность для планируемого пятилетия? С совершенною бесспорностью надо признать резкие сдвиги в период реконструкции между оборотными и основными фондами в сторону возрастания последних, а в связи с этим и новую роль в их обслуживании отдельными источниками привлеченных средств.

Тесная зависимость в развитии основных отраслей народного хозяйства и финансов требует соответствия методов работы финансовой системы новым формам хозяйства.

Решающим моментом в деле изменения форм и методов финансовой системы в планируемое пятилетие является возростающая степень: обобществления, социальной реконструкции и социалистического накопления. В связи с этим, уже выявленная нами выше, тенденция к реконструкции бюджета представляет одну из предпосылок дальнейшего развертывания реконструкции финансовой системы. Роль цены, как она выявляется в пятилетнем плане, не послужит фактором, тормозящим это дело. Без реконструкции финансовых отношений не может быть решена проблема оптимального сочетания расширенного воспроизводства и расширенного использования финансовых методов, его регулирующих, сочетания методов экономического и финансового воздействий и выравнивания степени мобильности отдельных частей финансовой системы.

Построение единого финансового плана является первым шагом на пути к реконструкции финансовой системы.

Совокупность мер организационного и реконструктивного порядка разрешает проблему выявления, собирания, из'ятия и использования ресурсов. Колоссальную роль, таким образом, приобретает и организационный вопрос. Вопросы о формах связи между отдельными финансовыми институтами, о наиболее целесообразном размежевании функций между бюджетными и кредитными учреждениями, о рациональных формах взаимоотношений между государственными, республиканскими и местными бюджетами, о взаимоотношениях бюджета с финансами обобществленного сектора, о взаимных расчетах между отраслями и роли синдикатов в организации финансового хозяйства, реконструкции бюджета, о роли запасных и резервных капиталов в финансовом хозяйстве отдельных отраслей должны найти свое отражение в пятилетнем плане. Все более очередной задачей становится задача разбивки всей финансовой системы на отдельные ряды мобильности ресурсов, выявленные определенными цифровыми показателями. Ограничиться вопросами уничтожения многократных взаимных расчетов, избежания двойного учета, единства и множественности источников финансирования отдельной отрасли хозяйства означало бы не что иное, как отказ от решения вопроса реконструкции по существу.

Заключительные выводы

Во всяких исчислениях много условного; правильной может быть только общая тенденция, намечаемая планом. Было бы большой самоуверенностью думать, что финплан целиком построен на системе изложенных принципов и идей. Несовершенство методологии финплана, с одной строны, недостаточно полное освоение основных идей его, с другой, приводили в нашей работе, к тому положению, когда или практика доминировала над теорией, или последняя над практикой, и должной взаимосвязи их не было.

Сила и реальность целевых установок финплана будут тем большими, чем меньше основные идеи плана встретят противодействия и чем больше они будут освоены самой системой плана.

Два главных момента намечаются в финплане: 1) тесная зависимость выполнения финплана от реализации народнохозяйственного плана и 2) напряженность финансовых установок. Первый момент диктуется факторами общего и частного порядка. К ним должны быть отнесены: 1) реконструкция нашего хозяйства, заостряющая задачи социалистического накопления, требующие реализации высоких качественных показателей в области снижения себестоимости,

повышения производительности труда и т. п., 2) основной замысел плана, требующий значительных затрат ресурсов в первые годы планируемого пятилетия, чтобы обеспечить высокие темпы индустриализации. Отсюда, чем больше рост в финплане доли средств самих отраслей народного хозяйства, тем более выполнение финплана становится зависимым от реализации народнохозяйственного плана.

Поэтому, в связи с неизбежными трудностями при осуществлении плана, становится ударным второй момент — реализация напряженных финансовых установок. Финансовая система должна проявить максимальную активность и маневренность.

Обеспечение поставленной задачи активизации финансов, в целях охранения финплана от возможных прорывов народнохозяйственного плана, мыслимо лишь при проведении ряда мероприятий и заданий, намеченных планом. Определение основных идей и целевых установок финплана отвечает задачам социалистического строительства, и реализация их обеспечит народнохозяйственный и социальный оптимум.

Таблица № 5 настоящей статьи исчислена по последнему плательщику.

Арк. Виткуп

Проблема воспроизводства в СССР и баланс народного хозяйства[1, 2]

I

Задача баланса народного хозяйства — это изображение условий воспроизводства общественного продукта. Проблема воспроизводства в условиях СССР, как и проблема воспроизводства в условиях капитализма, должна быть изучаема как со стороны воспроизводства материальных элементов производства (орудий производства, сырья, предметов потребления), так и со стороны воспроизводства общественных производственных отношений.

Анализ воспроизводства общественного капитала, данный Марксом во II томе „Капитала", базируются целиком на законах развития капитализма, изложенных в I томе „Капитала". (Частично антиципируются выводы III тома „Капитала"). В частности схемы воспроизводства общественного капитала базируются на следующих трех основных тезисах:

1. В силу имманентных законов данной хозяйственной формации капиталистическое хозяйство воспроизводит на расширенной основе все основные противоречия капитализма.

2. Известны не только основные противоречия капитализма, но и формы движения этих противоречий: разрешены проблемы стоимости, денег, прибавочной стоимости, зарплаты и др.

3. Разлагая остатки докапиталистических производственных отношений и окрашивая в свой собственный цвет наиболее живучие из них (земельная собственность, ссудный процент), капиталистические производственные отношения превращают р е з у л ь т а т ы противоречивых форм своего движения в п р е д п о с ы л к и э т о г о д в и ж е н и я.[3]

---

[1] В порядке обсуждения проблемы построения народнохозяйственного баланса. *Ред.*

[2] Настоящее исследование выполнено по заданию Научно-исследовательского отдела ЦСУ УССР. Наше понимание марксистской трактовки условий воспроизводства общественного продукта при капитализме мы дали в нашей работе „К вопросу о рынках и кризисах в капиталистической хозяйственной системе". („Хозяйство Украины" №№ 2, 3, 1928 г.).

[3] Например: Капитал есть результат развитых товарных отношений. Однако, проникновение товарных отношений во все поры общества может явиться только в результате развитых капиталистических отношений. (См. продолжение стр. 172).

Указанные здесь три момента позволили Марксу построить абстрактную схему воспроизводства, исходя из наличия двух общественных классов, отвлекаясь от экономической политики буржуазного государства, кризисных явлений и т. д.

Анализ условий воспроизводства хозяйства СССР ставит ряд дополнительных трудностей. Эти трудности в основном могут быть сведены к следующему.

1. Мы не имеем той теоретической базы в области знаний основных закономерностей экономики переходного периода, которой пользовался Маркс при анализе капитализма и в соответствии с этим научно не освещены формы движения основных противоречий нашей экономики (не разработаны категории экономики переходного периода).

2. Если в отношении капиталистического хозяйства мы можем строить абстрактную схему воспроизводства системы определенного типа производственных отношений, то в отношении хозяйства переходного периода было бы бессмысленно говорить о схеме воспроизводства данной системы,— системы наличных отношений производства (хотя бы и на расширенной основе); бессмысленно строить схему воспроизводства, т.-е. непрерывного повторения наличных взаимосвязей и отношений, составляющих лицо нашей экономики на сегодняшний день. Тем самым мы как бы apriori отрицаем переходный характер нашей экономики и возможность перехода к социализму.[1]

Правильно подчеркнув то обстоятельство, что нельзя говорить о воспроизводстве системы наличных отношений в целом, автор делает в дальнейшем ряд ошибок: он выдвигает три положения, принятие которых оказалось бы роковым для любого исследования нашей экономики. Автор утверждает во-первых, что наша хозяйственная система не есть „единство"; во-вторых, что понятие „воспроизводство" вообще неприменимо к нашим условиям и, что поэтому, в третьих, схемы воспроизводства; аналогичные Марксовым, точно так же неприменимы к нашим условиям.

Так как тот или иной ответ на каждый из этих 3 вопросов является решающим для всего нашего анализа, мы и делаем их

Кредитная система — результат внедрения капиталистических отношений в сферу общественного трудового процесса. Однако, только в результате развитой кредитной системы капитал получает наиболее совершенные формы своего движения.

Точно так же и прибавочная стоимость происходит из капиталистического отношения, т.-е есть результат последнего, но в то же время создает его и т. д., и т. д. См. интересное освещение этого вопроса в статье Рубина „Производственные отношения и вещные категории". „Под знаменем марксизма", 1924 г., № 10—11.

[1] В „Торгово-промышленной газете" от 29 марта № 72 В. Роках справедливо указывает, что „В том именно и заключается переходный характер нашей хозяйственной системы, что она не стремится самое себя возобновить. Смысл и содержание ее именно не в воспроизводстве, а в переходе от ныне существующей временной системы к социалистической. Наша система не воспроизводит самое себя ни в целом, ни в ее планово-социалистической части, ни стихийно-товарной".

центром всего дальнейшего изложения. П. п. 1 и 3 мы посвятим нижеследующие страницы, здесь же нам необходимо договориться по п. 2.

Воспроизводство капиталистической хозяйственной системы имеет место тогда, когда воспроизводятся специфические противоречия капитализма. Эти противоречия могут (абстрактно рассуждая) воспроизводиться на данной, т.-е. стационарной или на расширенной основе. На определенном историческом перегоне промышленный капитализм воспроизводится расширенно; воспроизводится динамика системы, как таковой. Именно воспроизводство динамики промышленного капитализма и есть об'ект исследования схем воспроизводства II тома „Капитала".

В наших условиях имеет место расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, отрицательное расширенное воспроизводство капиталистических производственных отношений. При этом производственные отношения простого товарного сектора перерождаются в социалистические производственные отношения, но могут питать и капиталистические производственные отношения, что не мешает им (производственным отношениям простого товарного сектора) пока что воспроизводиться расширенно. Говорить при таких условиях о воспроизводстве системы производственных отношений переходной экономики, понимая под этим воспроизводство наличного сочетания социально-экономических отношений, значит просто не понимать переходного характера нашей экономики.

Тем не менее понятие „воспроизводство" не только применимо к нашим условиям,—оно составляет одно из основных орудий исследования трансформационного процесса. Но в наших условиях воспроизводится не система наличных отношений, воспроизводится именно трансформационный процесс; воспроизводится не динамика наличных отношений, не экономическая система, а динамика ее перерождения. Структурное лицо системы отношений переходного периода сегодня уже не похоже на состояние вчерашнего дня, а завтрашний день на сегодняшний. И в наших условиях воспроизводится общественный продукт в противоречивой общественной форме, но форма эта не только полна динамики, она полна динамики перерождения.[1] Поэтому не только можно, но обязательно должно исследовать проблему воспроизводства в СССР, но это не есть исследование условий воспроизводства нашей системы, это есть исследование условий воспроизводства форм становления социалистических производственных отношений.

Можно было бы возразить, что и воспроизводство промышленного капитализма есть воспроизводство „форм становления" моно-

[1] Термин Р. Вайсберга, см. „Плановое Хозяйство" № 9, 1925 г.

полистического капитализма, а воспроизводство этого последнего представляет собою воспроизводство „форм становления“ экономики переходного периода и т. д. [1]

Таким образом, нет якобы принципиальной разницы и дополнительных трудностей при анализе нашей системы в отношении капиталистической. Такое возражение было бы, однако, ни чем иным, как плодом непонимания характера динамики нашей и капиталистической одновременно.

Не имея возможности здесь подробно развить несостоятельность названного подхода, осветим вкратце, почему „переходность“ капитализма принципиально иного качества, чем „переходность“ нашей эпохи. Тем самым легко будет понять, почему проблема воспроизводства у нас получает те усложненные по отношению к капитализму формы, о которых мы говорили выше: воспроизводство уклада в одном случае, воспроизводство динамики перерождения в другом случае. При этом мы убедимся в том, что схемы воспроизводства Маркса должны быть соответственно модифицированы, прежде чем стать пригодными к использованию в качестве метода анализа советского хозяйства. (Характера этих модификаций мы коснемся ниже).

Во-первых, в силу имманентных законов развития товарно-денежных отношений страна, вставшая на естественный путь развития указанных отношений, не может пройти мимо необходимых фаз этого развития: [2] фазы — стоимость, деньги, капитал, далее — обособление отдельных частей капитала: торговый капитал, производительный, ссудно-денежный; далее — развитие форм финансового капитала и т. д. Но можно ли эти имманентные законы развития данного уклада назвать формами становления нового уклада? Это было бы чисто меньшевистской концепцией законов общественного развития. Верно, что в рамках данного уклада на основе роста имманентных противоречий его возникают предпосылки нового уклада. Не верно, однако, возникновение этих предпосылок смешивать с „формами становления“ самого нового хозяйственного уклада. [3]

[1] Так именно изображает дело проф. Юровский. „Все временно и все течет. Нынешний вид советской хозяйственной системы есть столь же преходящая категория, как и все системы, существовавшие в истории“. („Вестник Финансов“, 1926 г., № 12, стр. 78, ст. автора „К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе“).

[2] См. предисловие Маркса к 1 изданию I т. „Капитала“.

[3] Чем отличается одна хозяйственная формация от другой? Маркс на этот вопрос отвечает так: „тот особый характер и способ, каким осуществляется соединение средств производства и рабочей силы, различает отдельные экономические эпохи социальной культуры“ (Маркс, Капитал, т. II, стр. 10, изд. 1929 г.). Но изменение характера и способа, каким осуществляется это соединение средств производства и рабочей силы, требует более или менее длительного периода (которому, как правило, предшествует революционный переворот). Это и есть тот период, в течение которого новые общественные формы укрепляются и получают прочность „естественных“ форм.

В применении к экономике переходного периода ясно, что нельзя говорить о трансформационном процессе, как об имманентных фазах развития данного уклада, уклада экономики переходного периода прежде всего потому, что наша хозяйственная система не есть хозяйственный уклад, формация хозяйственная (вспомним тот признак, который Маркс кладет в основу определения хозяйственной формации). Наша экономика есть сочетание укладов или формаций, взаимное проникновение которых друг в друга, основанное и на сотрудничестве и на борьбе их (укладов) между собой, — служит формой становления нового социалистического уклада хозяйства. [1]

Во-вторых, так как результаты противоречивых форм движения производственных отношений в условиях трансформационного процесса, не превращаются в предпосылки этого движения — как это имеет место в условиях капитализма — нельзя говорить о воспроизводстве динамики системы у нас по аналогии с воспроизводством системы при капитализме. В наших условиях движение общественных противоречий создает предпосылки движения общественных форм без противоречий.

В третьих, в силу всего изложенного схема воспроизводства динамики социалистического переустройства нашего хозяйства должна быть настолько конкретной, чтобы охватить наиболее характерные формы движения к социализму:

а) динамику производственных и распределительных показателей по отдельным секторам и „множителей“ этой динамики;

б) формы и методы перераспределения народного дохода;

в) формы и пути движения торгового, производительного и ссудно-денежного „капитала“ и т. д. И вместе с тем, схема воспроизводства должна быть построена так, чтобы на базе этой схемы можно было бы представить в виде формул основные показатели нашего продвижения к социализму: например, формулу индустриализации, формулу обобществления и т. д.

Эти моменты в основном предопределяют те модификации, какие должна претерпеть схема воспроизводства Маркса, чтобы сделать ее пригодной к исследованию нашего хозяйства. Но вопрос о самой применимости схем воспроизводства к нашим условиям нуждается в дальнейшем обосновании.

II

Экономика переходного периода, как и экономика капиталистического хозяйства, представляет собою „единство противоположностей“. С точки зрения этого основного закона диалек-

[1] Мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, можно ли вообще выводить имманентные законы, присущие хозяйству переходного периода.

тики нам и надлежит исследовать динамику трансформационного процесса. [1]

Нам придется последовательно проследить, какие проблемы стоят перед нами: сначала при исследовании нашего хозяйства под углом зрения „единства", затем под углом зрения „единства противоположностей".

Предварительно, однако, необходимо остановиться на вопросе о том, в каком смысле можно говорить о единстве нашей системы хозяйства, отрицая за ним (хозяйством) характер единого хозяйственного уклада. Вопрос этот важен потому, что только единство нашей хозяйственной системы позволяет строить баланс народного хозяйства и в соответствии с этим пользоваться схемами воспроизводства Маркса, как методом построения баланса. Несомненно верно положение т. Рокаха, что наше хозяйство не есть структурное единство. Необходимо, однако, твердо помнить, что оно представляет собою единство структур хотя различных и противоречивых.

Формы движения всего сложного переплета нашей системы создаются через посредство взаимопроникновения и взаимообусловленности (на началах борьбы и сотрудничества) отдельных социальных секторов. [2]

В результате этой взаимообусловленности мы имеем целое, хотя и противоречивое, движение всего комплекса производственных отношений общества, материальное воплощение коего (движения) заключается в том, что общество в целом воспроизводит натуральные производительные элементы, элементы личного потребления и рабочую силу и в соответствии с этим воспроизводит (постоянно меняющуюся) систему пропорций в распределении труда живого и овеществленного между отраслями.

Ясно, что если единство телеологической установки суб'екта народного хозяйства в отношении всего народного хозяйства (наличие этой установки не только не исключает, а напротив предполагает острую классовую борьбу), не реализовалось бы в целостности движения общественных отношений, то экономическая борьба отдельных укладов должна была бы превратиться в войну гражданскую. Ибо в этом случае качественно различные производственные отношения, не увязываясь меж собой, не могли бы обеспечить себе своих особенных форм и путей движения, адекватных каждому укладу, необходимых даже для отрицательного расширенного воспроизводства.

Единство моментов производства, распределения и потребления, единство технико-производственного комплекса — все это было бы исключено вне целого и с этой точки зрения единого (хотя и противоречивого) движения общественных отношений. Внешним выражением этой целостности, единства движения общественных отношений служит единство формы связи между хозяйствами отдельных секторов и в пределах каждого из них. (Отметим, между прочим, что этот момент — стоимостная форма связи — свидетельствует о том, что вышеизложенное единство движения качественно различных типов производственных отношений таит в себе внутренние противоречия, которые мы исследуем ниже, ибо моменты „противоположностей" здесь пока еще нас не интересуют).

В изложенных выше рассуждениях, мы старались подчеркнуть ту мысль, что при анализе общественных явлений не только „единство" должно быть разложено на „противоположности", но и „противоположности" должны быть сведены к „единству" и это последнее всесторонне проанализировано. [1]

Если, с одной стороны, „раздвоение единого и познание противоречивых частей его [2] есть основная особенность диалектического подхода к общественным явлениям, то тот же самый подход требует, с другой стороны, понимания того, что „процессы, противостоящие друг другу, как самостоятельные, образуют известное внутреннее единство. [3]

Буржуазные экономисты при исследовании экономических явлений капитализма в апологетических целях отвлекались от моментов противоположностей, придерживаясь моментов единства, [4] все снова и снова стихийно себя утверждающих.

[1] Некоторые исследователи нашего хозяйства создают себе неразрешимые трудности в деле исследования характера трансформационного процесса, вследствие отрицания именно этого основного положения. В цитированной статье т. Рокаха пишет: „Отсутствие же такого единства (единства системы) приводит к тому, что действие каждого из регуляторов стесняется действием другого, поэтому для действительного эффективного проявления в обществе закона пропорциональности трудовых затрат экономика общества должна представлять собой структурное единство, должна вся подчиняться одному закону, должна быть органически единой системой". Отрицая за нашей системой характер единства, Роках категорически отвергает возможность использования схем воспроизводства Маркса для анализа характера хозяйственной системы СССР, отвергает возможность установления равновесия в нашем хозяйстве и т. д.

Другой автор, Петров (см. его статью в „Вестнике Статистики", № 2, 1927 г.), подчеркивая, напротив, элементы единства нашей системы, опускает из виду необходимость анализа всех противоположностей нашей экономики. (Об этом ниже).

[2] „Развиваясь, она (текучая действительность) творит свои элементы, которые в процессе взаимного превращения образуют целое движение..." (И. Вайнштейн — „Гегель — Маркс — Ленин", стр. 125, Гиз, 1928 г.).

[1] „Если в каждой группе явлений, образующих известное единство, необходимо появление противоположностей, то и обратно мы можем сказать, что группы явлений, обособившихся друг от друга, образуют известное единство, в пределах которого они и являются этими противоположностями". И. Рубин — „Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса" — „Под знаменем марксизма", № 4, стр. 96, 1929 г.

[2] Ленин — „К вопросу о диалектике" — „Под знаменем марксизма", № 5—6, 1925 г.

[3] Маркс, „Капитал", т. I, стр. 64, 65.

[4] „Апологетика заключается в том, чтобы, несмотря на наличие противоположностей, держаться единства". Маркс, „Теории прибавочной стоимости", том II—2, стр. 274, (немецкий текст).

Маркс, как известно, центр тяжести исследования буржуазного общества перенес на исследование противоречивых форм проявления этого внутреннего единства, форм проявления внутренней сущности основ капиталистического хозяйства. Однако, в ряде мест[1] Маркс возвращается к освещению характера и сущности „единства", неизменно подчеркивая всю важность этого подхода.

Наше хозяйство планируем мы сами, если не полностью, то в значительной части. Общественные формы проявляют не стихийные процессы (вернее не только их) развития „основ". Напротив, сознательно проводимая экономическая политика использует неадекватные данной социальной структуре формы для укрепления социалистических элементов нашей экономики. С ростом и укреплением этих последних (в перспективе) центр тяжести экономического исследования должен был передвигаться от анализа „форм" к анализу „основ", от „противоположностей" к „единству". В социалистическом хозяйстве, естественно, никакого другого об'екта изучения (имея в виду динамику народного хозяйства) кроме аспекта единства не будет. Из изложенного мы делаем вывод, что уже в настоящее время народнохозяйственный аспект единства приобретает и особенный интерес и особенное значение.

III

Какие же проблемы ставит этот аспект перед исследователем? „Вечные", „естественные" основы, к которым Маркс свел формы проявления капиталистического воспроизводственного процесса, это:

а) закон трудовых затрат и связанные с ним;

б) закон пропорциональности отдельных отраслей производства, другим выражением коих служат;

в) законы производства и потребления или динамика C, V, M, понимая под этими обозначениями элементы производительного потребления (C); личного потребления непосредственных производителей (V) и прибавочного продукта (M), выраженных в трудочасах и вытекающие отсюда;

г) законы роста производительности труда, основным выражением коих (законов) служит динамика роста $C:V$. Все эти пункты: а, б, в, г непосредственно связаны друг с другом, хотя и не растворяются друг в друге.

Из всех этих законов, ведущим является закон трудовых затрат. Если из категории стоимости исключить его социально-гетерогенное начало, мы обнаружим „вечную", „естественную" основу ее. [2]

[1] „Введение к критике политической экономии"; „Капитал", т. I, гл. 5, § 1, т. II — места, относящиеся к обороту капитала и т. д.

[2] См. известное письмо Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г.

Эта последняя сказывается в необходимости пропорционального распределения труда в народном хозяйстве и вместе с этим в наличии определенного стержня, вокруг которого эта пропорциональность утверждает себя. Так разрешается проблема народнохозяйственного равновесия под углом зрения аспекта „единства" со стороны статики, статического подхода.

Однако, обнаружив закон, в силу которого в каждый данный момент система поддерживается в состоянии равновесия, мы еще ничего не знаем о характере и причинах тех структурных изменений, которым подвержено народное хозяйство, мы ничего не знаем о законах динамического равновесия. Если мыслить себе равновесие народного хозяйства не как статическое, а как равновесие динамическое, то „параметры" этой динамики, лицо структурных изменений, даст нам категория „норма накопления", освобожденная от специфически-капиталистических черт. „Основа" этой категории — это отношение непроизводительно потребляемой части прибавочного продукта к накапливаемой в целях расширенного воспроизводства.

„Норма накопления" — это, однако, понятие частно-хозяйственное. Для того чтобы получить „параметры" народнохозяйственной динамики, недостаточно знать норму накопления по отраслям, а необходимо также знать, какое материальное воплощение получат накапливаемые средства. Этот момент является для наших „параметров" решающим. Разовьем эту мысль подробнее.

При одной и той же наличной массе средств производства и рабочей силы темп и тип развития народного хозяйства может быть совершенно различен.[1]

Решающим для темпа и типа развертывания производительных сил, для динамики роста $C:V$ по отраслям, для динамики темпа накопления и т. д. будет направление, которое получает развитие отраслей I подразделения.

Несмотря на взаимозависимость отраслей I и II подразделений, а также отдельных отраслей I подразделения — это последнее может развиваться:

А. В сторону „интенсивную". В этом случае производство больше замыкается в кругу обслуживающих друг друга отраслей I подразделения. Продукция растет не столько за счет тех масс (продукции), которые предназначены к обмену с II подразделением, сколько за счет масс, предназначенных к взаимному обслуживанию внутри самого I подразделения. Такое направление производства

[1] В своей статье „Равновесие производства" („Проблемы Экономики", № 1) тов. Кон пишет: „Правильные пропорции движения общественного производства постоянно меняются под влиянием ряда факторов. К числу главнейших из этих факторов относятся: 1) уровень развития производительных сил, 2) характер воспроизводства, 3) темп накопления, а следовательно, а) норма прибавочного продукта, б) норма накопления, 4) распределение накопляемой части прибавочного продукта между „C" и „I".

обычно связано с исключительно сильным ростом отдельных звеньев металлургического производства.

Б. В сторону „экстенсивную". В этом случае расширение отраслей I подразделения происходит, главным образом, за счет роста тех отраслей, которые обслуживают обмены или „размены" со II подразделением. Здесь круг производства значительно шире. (Однако, как мы сейчас увидим, оба эти пути — и экстенсивный и интенсивный — между собой тесно связаны).

Этот факт (который в рассуждениях Тугана-Барановского, как известно, был гипертрофирован и доведен до нелепости) роста народнохозяйственного производства за счет интенсификации взаимно обслуживающих друг друга отраслей I подразделения подготовляет путь к дальнейшей экстенсификации производства I подразделения: путь к производству новых видов машиностроения, прокладке новых железнодорожных путей, созданию новых видов средств производства для отраслей II подразделения и т. д. Нет надобности пояснять, что чем уже круг взаимно обслуживающих друг друга отраслей производства I подразделения и чем больше срок, в течение которого это взаимное обслуживание происходит (при небольшом „пространстве" требуется большое „время"), тем большее подготавливается поле к расширению диаметра этого круга, впоследствии, и к сокращению времени, в течение которого масса готовой продукции будет выбрасываться в потребительских целях.

Правда, это более широкое поле производства, подготовленное „узким кругом", создает новую возможность на расширенной основе направить производство тех же взаимно обслуживающих друг друга отраслей I подразделения. Этим, естественно, будет подготовлен путь к дальнейшей еще большей экстенсификации производства I подразделения и т. д.[1]

„Параметры пространства и времени" этого взаимного обслуживания отраслей I подразделения и являются решающими для типа и темпа реконструкции страны. Следующее место из II тома „Капитала" стоит в самой непосредственной и близкой связи со всей системой наших предыдущих рассуждений: „при простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I расходуется как доход, следовательно, на товары II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал П-с в его натуральной форме. Таким образом, для того, чтобы получить переход от простого воспроизводства к расширенному, производство I подразделения должно получить возможность создавать менее элементов для II, но в той же мере более для I".[1] Но то же самое безусловно верно и при переходе от данного темпа расширенного воспроизводства к более быстрому, от данной системы пропорций к новой.

Иметь наперед на какой-либо отрезок времени „траекторию" перехода к относительно большему росту производства средств производства в отношении производства средств потребления и в пределах I подразделения траекторию более быстрого развития отраслей с относительно долгими путями производства в отношении отраслей с более коротким путем—значит иметь „обоснованные" нормы потребления и накопления по отраслям.

По отношению к законченному социалистическому хозяйству наши рассуждения должны носить как бы обратный характер: нормы потребления и накопления будут исходными моментами, указанные нами „параметры времени и пространства", в течение и не протяжении которых заключается круг — определяемыми моментами.[2]

В наших же условиях, когда основная хозяйственная задача заключается в технической реконструкции народного хозяйства на основе социалистического способа производства — „в кратчайший срок догнать и перегнать" более развитые страны Запада — направление производства отраслей I подразделения должно быть выдвинуто во главу угла. (Конечно, это не значит предать забвению достигнутые темпы повышения уровня жизни рабочего класса).

Но этот момент: в каком порядке мы должны полагать обусловленность направления производства, с одной стороны, и нормы потребления и накопления, с другой, мы считаем к нашему изложению непосредственно не относящимся. На изложенных здесь страницах мы старались только подчеркнуть ту мысль, что проблема направления производства в отраслях I подразделения есть про-

[1] В немецкой буржуазной литературе этот вопрос — о направлении производства в I подразделении, был исследован Cassel'ем, Schumpeter'ом и Spieothot'ом, в особенности его статья „Krisen" в „Handwörterbuch d. Staatswissenschaften", Bd. VI в их основных работах. Известный интерес представляет работа Hans Mayer'a „Produktion" в „Hand. d. Staatswissenschaften". Буржуазный автор пытается решить вопрос о направлении производства в „социалистическом" хозяйстве, базируясь на основных предпосылках теории предельной полезности. См. также новое большое исследование „Der Kreislant d. Wirtschaft" von d. Wilken, Jëna, 1928 г. Из русской марксистской литературы — см. Митлянский — „Денежное обращение и товарооборот", гл. 9, п. 10; Преображенский — статья в „Вестн. Коммун. акад.", № 17.

[1] Маркс, „Капитал", т. II, стр. 363, Гиз, 1929 г. (Разрядка наша *А. В.*).

[2] „Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то дело сводится просто к тому, что общество должно наперед рассчитать сколько труда, средств производства и средств существования оно может без всякого ущерба обратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, долгое время — год или более — не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования". Маркс, „Капитал", т. II, стр. 221, Гиз., 1929 г.

блема динамики распределения живой рабочей силы и средств производства по отраслям, и что этим направлением производства предрешены и нормы потребления непосредственных производителей и масса средств, могущая быть пущенной в фонд личного потребления.

Но отвлекаясь все еще от моментов „противоположностей" классовых интересов и т. д., эта проблема — направления производства в отраслях I—есть проблема перераспределения народного продукта: А. перераспределение во времени — это ясно из предыдущего изложения; но и Б. перераспределение в пространстве (меж отраслями). Ибо переход от данного „пути" производства к более длинному не мог бы состояться только за счет прибавочного продукта интенсифицирующихся отраслей I. Необходимы дополнительные средства. Эти последние могут быть получены за счет других сфер, а именно за счет перекачки из отраслей II подразделения. Так как здесь в рассматриваемом нами аспекте нас интересует не форма проявления этой перекачки, а „основа" ее, то с точки зрения этой последней перекачка может быть представлена следующим образом: прибавочный продукт отраслей II подразделения перекачивается в I подразделение в большой мере, чем ей (этой перекачке) соответствует встречный поток средств производства из I во II. Но перекачка средств из II в I мыслима не только за счет прибавочного, но и за счет необходимого продукта II подразделения. С точки зрения натуральных элементов, II подразделение может получить в каждом новом производственном цикле большую массу „основных" и „оборотных" средств и в то же время недополучить, с точки зрения затрат труда, стоимостных величин. [1]

Для некоторой полноты изложения вопроса о направлении производства отметим в заключение следующее:

История капитализма может быть отмечена более быстрым ростом отраслей I в отношении отраслей II. Циклическая форма этого роста производительных сил в условиях капитализма нахо-

[1] Отметим, между прочим, что капитализм в своем развитии нашел в системе цен и в кредитной системе наиболее совершенные формы такого перераспределения, а именно: а) обмен товаров не по стоимостям, а по ценам производства; б) неравномерный рост цен на изделия I и II (более быстрый на изделия I, чем на изделия II); в) „сбережения" рабочего класса и I и II подразделений содействуют уменьшению спроса на изделия II и увеличению спроса на изделия I и др.

Что касается материальной основы этого перераспределения в условиях капитализма, то она дана в том, что множество товаров по своей потребительной стоимости может служить одновременно средствами производства средств производства и предметов потребления; в том, что многие товары могут служить и средствами производства и предметами потребления; в том, что предметы личного потребления могут служить предметами потребления как для рабочих I, так и для рабочих II; в том, что недогрузка основного капитала в I представляет не исключение, а правило. Поэтому „перенос" оборотного капитала в момент напряжения производственного процесса резко увеличивает производство в I. —

дится в непосредственной связи с выше рассмотренными переходами от относительно большей „интенсификации" к относительно большей „экстенсификации" производства в I подразделении. Эпоха подъема знаменует поворотный пункт в сторону интенсификации производства I. Расцвет — наибольший отрыв производства от личного потребления и в месте с этим наибольшее „сужение круга", какое только возможно в рамках сохранения системы. Кризис — поворотный пункт к экстенсификации производства („рационализация"). Оживление — период наибольшей экстенсификации прозводства.

Перед плановым хозяйством стоит задача этой интенсификации направления производства I придать форму непрерывной кривой. Всем известны те потрясения, которые приносит с собой прерывистость „кривой интенсификации" в условиях капитализма. Но сделать эту кривую непрерывной можно только на основе тщательного учета динамики всех тех „экономических количеств",[1] которые в своей взаимообусловленности дают данное направление производства.

Попытаемся резюмировать по возможности сжато и кратко все изложенное выше:

1) возможность построения баланса народного хозяйства СССР, положив в основание его (баланса) схемы воспроизводства Маркса — теоретически неоспорима. Эта возможность постулируется прежде всего, в виду того, что хозяйство переходного периода представляет собой реальное единство (несмотря на наличие противоположных и противоречивых хозяйственных структур);

2) хозяйство переходного периода не есть хозяйственная формация или уклад, а представляет собой сочетание укладов или формаций. Поэтому понятие „воспроизводства" в применении к хозяйству переходного периода должно быть понимаемо в том смысле, что в наших условиях имеет место воспроизводство самого трансформационного процесса, воспроизводство динамики перерождения или перерастания одних укладов в другие: несоциалистических в социалистические;

3) в силу изложенного, „переходность" нашего хозяйства выдвигает необходимость известным образом модифицировать схемы Маркса, прежде чем положить их в основу изучения динамики нашего хозяйства;

4) баланс народного хозяйства имеет своей целью дать картину динамического равновесия народного хозяйства на определенном отрезке времени и вместе с тем показать картину социальной и технической реконструкции производственного процесса. Трансформационный процесс должен быть изучаем с точки зрения аспектов как „единства", так и „противоположностей". Только в этом случае трансформационный процесс действительно встанет, как „единство противоположностей";

[1] Термин Шумпетера.

5) аспект единства вскрывает чрезвычайно богатые перспективы изучения основ народнохозяйственного развития, изучения направления производства отраслей I подразделения и характера связи его (направления) со всеми основными показателями народнохозяйственной динамики: нормами потребления и накопления, ростом $C:V$ и др., а также связи его с характером перераспределения народного продукта во времени и в пространстве. Вот тот богатый и интересный горизонт, который открывается аспектом „единства";

6) ответив на вопрос о возможности применения схем воспроизводства Маркса к изучению динамики нашего хозяйства, мы еще не решили вопроса о целесообразности и необходимости использования схем Маркса для изучения динамики народного хозяйства СССР.

Положительный ответ на этот последний вопрос можно будет дать лишь тогда, когда будет показано, что на основе схем воспроизводства мы можем дать изображение всех тех процессов, какие выдвигает народнохозяйственный аспект „единства", а затем и „противоположностей".

IV

Схемы воспроизводства Маркса в развернутом виде дают изображение баланса народного хозяйства (см. схема 1 стр. 185). Вопрос о возможности статистической реализации этих схем мы затронем ниже. „Натуральные формы" подлежащего могут быть расчленены вплоть до перечисления названий отдельных продуктов. При этом открывается возможность первую группу продуктов подлежащего расчленить на 1-а (средства производства, преимущественно обслуживающие отрасли I) и 1-в (средства производства, преимущественно обслуживающие отрасли II подразделения). Баланс народного хозяйства, построенный по типу указанной схемы, дает возможность вскрыть все основные процессы с точки зрения аспекта „единства", о котором мы говорили выше. В самом деле, статистически реализованная схема 1 дает возможность найти все основные показатели, могущие дать исчерпывающую картину динамики народного хозяйства, изучаемого под углом зрения аспекта единства: она дает реальное цифровое выражение функциональной зависимости направления производства и направления потребления. Далее схема показывает динамику роста производительности труда по отдельным отраслям, нормы потребления и накопления и т. д.

Мы можем построить следующую схему 2 (см. стр. 186), все основные элементы которой взяты из схемы 1.

В то же время, приведенная здесь схема 1 дает полное разрешение проблемы народнохозяйственного равновесия. С точки зрения аспекта „единства", нарушенное равновесие может означать только одно: нарушение пропорциональности в системе общественного воспроизводственного процесса или, что тоже: несогласо-

Схема 1

Схема баланса народного хозяйства

Типы производства	Капиталы к началу года		Валовая продукция		Простое воспроизводство				Народный доход и его распределение		Капиталы к концу года
					Производственное потребление, соответствующее простому воспроизводству		Непроизводительное потребление, соответствующее простому воспроизводству		Фонд расширенного воспроизводства (накопление)		
	в I подр.	во II подр.	I	II	I	II	I	II	I	II	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Пр-во средств произ-га.	$AC_1 + BC_1$	$AC_2 + BC_2$	$\frac{AC_1}{X} + BC_1 + DC_1 + \frac{AC_2}{X} + BC_2 + DC_2$	—	$\frac{AC_1}{X} + BC_1$	$\frac{AC_2}{X} + BC_2$	—	—	DC_1	DC_2	Тоже, что и гр.гр. 1 и 2
2. Пр во средств потребл.	V_1	V_2	—	$V_1 + V_2 + DV_1 + DV_2 + H_1 + H_2$	—	—	$V_1 + H_1$	$V_2 + H_2$	DV_1	DV_2	

A = Основные средства производства
C = Элементы производительного потребления.
B = „Оборотные“ средства производства.
X = Амортизированная часть „основных“ средств производства.
DC = Дополнительная часть „пост. капитала“, идущая на расширение производства.
DV = Дополнительный фонд продуктов потребления непосредственных потребителей.
H = Остальное непроизводительное потребление.

ванность направления производства и направления потребления. Методы восстановления равновесия будут различны в зависимости от тех конкретных задач, какие стоят перед народным хозяйством. Однако, из предыдущего изложения вполне явствует, что постановка вопроса о наличии или отсутствии равновесия в народном хозяйстве (изучаемого под углом зрения единства) бессодержательна.

Схема 2[1]

Динамика структуры „капиталов“	Доля „зарплаты“ во вновь созд. стоимости (темп прироста)	Отношение авансированных „капиталов“ I и II (темп прироста)	Темп интенсификации производства в I	Отношение накапливаемой части „M“ к непроизводит. потребляемой	Распределение накапливаемой части между C и V
$(C:V)$ 0I	$\left(\frac{V}{M+V}\right)$ 0I	$\frac{C+V\ (I)}{C+V\ (II)}$ (0I)	$\frac{P1\text{-а}}{P1}$ (0I)	$\frac{M11}{M12}$ (0I)	$\frac{M\text{-}а}{M\text{-}б}$ (0I)

Об'ект „проблемы равновесия“ — это изучение характера и типа динамического равновесия, определяемых направлением производства в I подразделении в своей взаимообусловленности с направлением потребления. Так поставленная проблема равновесия находит свое исчерпывающее изображение в схеме 3 (см. стр. 187). А именно: из схемы мы видим, во-первых, как обменивается в конце производственного цикла вся вновь созданная в этом цикле стоимость; во-вторых, как перераспределяется в процессе производства труд предыдущих лет и поколений (труд овеществленный); в третьих, прошлое неразрывно связано с будущим через настоящее. Во взаимном обмене продуктами I и II подразделений труд прошлых лет обменивается на труд овеществленный в данном производственном цикле. Схема 3, основные элементы которой взяты из той же схемы 1, дает освещение этих 3 моментов и иллюстрирует 4 момент, из каких отраслей в какие перекачиваются средства.

V

Баланс народного хозяйства, построенный только на началах „единства“, не может дать ответа на два наиболее актуальных вопроса нашей хозяйственной жизни:

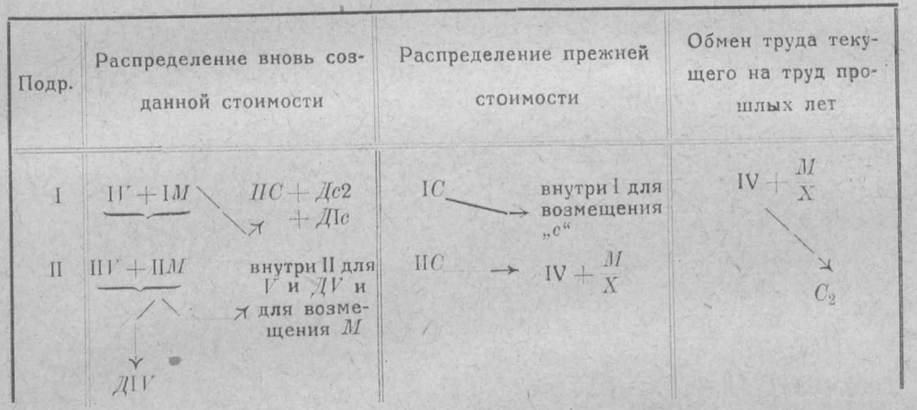
1) он оставляет не освещенным вопрос о динамике удельного веса социальных секторов;

[1] 0I = темп прироста за определенный отрезок времени;
$P1$-а = валовая продукция производств I подразделения, обслуживающих средствами производства преимущественно отрасли I подразделения;
$P1$ = валовая продукция отраслей I подразделения;
$M11$ = накапливаемая часть прибавочного продукта;
$M12$ = непроизводительно потребляемая часть прибавочного продукта;
M-$а$ = прибавочный продукт, принимающий форму средств производства;
M-$б$ = тоже средств потребления.

2) он оставляет в стороне вопрос о специфических формах, в которых реализуется рост производительных сил. Словом, в изображенном виде (схема 1 стр. 185) он не дает картины „противоположностей“ в единстве.

Каковы же эти основные, наиболее существенные, противоположности, динамика которых должна найти свое количественное выражение в балансе народного хозяйства?

Схема 3[1]



Основная и в этом смысле наиболее общая, ведущая противоположность нашей эпохи — это сосуществование различных социальных укладов внутри страны, при наличии капиталистического способа производства вне ее. Отсюда борьба отдельных укладов за адекватную каждому из них систему пропорций и вместе с этим борьба за перераспределение народного дохода между отдельными классами.

И так, первый новый элемент, модифицирующий схему, — это необходимость разбивки всего народного хозяйства по отдельным социальным секторам. При этом, эта разбивка по социальным секторам должна быть дана не в сказуемом, а в подлежащем. „Это дает возможность построить замкнутый баланс хозяйственного оборота не только по каждой отрасли труда, но и по каждому социально-экономическому сектору. Тем самым полностью вскрывается баланс взаимоотношений между социальными секторами“.[2]

Но разбивка по социальным секторам в подлежащем делает невозможным, основным определением подлежащего, оставить натуральную форму продукта.[3]

[1] Стрелки показывают направление движения масс продуктов. Статистически оформленная таблица показывает в чью пользу (I или II) происходит перераспределение производительных сил.

[2] Зейлингер и Гухман, „К методике построения баланса народного хозяйства“. „Плановое Хозяйство“, №№ 3 и 4, 1928 г.

[3] Поскольку дается движение товаров в их натуральной форме, очевидно, что не может быть речи о распределении их между социальными формами хозяйства: социалистической, капиталистической и т. д.

В подлежащем поэтому дается членение по отраслям труда, а натуральная форма товаров переносится из подлежащего в сказуемое.

В непосредственной связи с основной противоположностью нашей эпохи стоят противоположности, вытекающие из наличия рыночной формы связи отдельных хозяйств. Эта последняя противоположность в условиях капитализма (в „нормальной" социальной среде) приводит к дальнейшим противоположностям: к самостоятельному движению обособившихся частей общественного капитала: промышленного, торгового и ссудно-денежного. При этом движение совокупного общественного капитала есть результат взаимообусловленного движения, указанных здесь, обособленных частей капитала. Но и внутри каждой „части" общественного капитала: промышленного, торгового и ссудно-денежного, мы наблюдаем „самостоятельное" движение отдельных хозяйств. Поэтому, не только совокупное движение всего общественного капитала, но и отдельных частей его представляется результатом движения капиталов всех отдельных хозяйств к какой бы части эти последние не принадлежали бы.[1]

Имманентные законы капиталистического способа производства, со свойственной ему системой производственных отношений, наиболее глубоко исследованных Марксом, обусловливают воспроизводство индивидуальных промышленных предприятий по формуле (в зависимости от нашего подхода, мы можем принять вариант 1, 2 или 3).

$$1.\ Д — Т \overset{\text{ср. пр.}}{\underset{\text{р. с.}}{\ldots}} П \ldots Т_1 — Д_1$$

$$2.\ Т_1 — Д_1 — Т \overset{\text{ср. пр.}}{\underset{\text{р. с.}}{\ldots}} П \ldots Т_1 \qquad (1)$$

$$3.\ П \ldots Т_1 — Д_1 — Т \overset{\text{ср. пр.}}{\underset{\text{р. с.}}{\ldots}} \ldots П$$

Если, например, лен, вырабатываемый в крестьянском хозяйстве, при чем частью капиталистического типа, частью простого товарного, поступает на социалистическую фабрику, и затем готовый товар переводится частью социалистическим, частью частным транспортом, то очевидно, что отнесение этого товара к той или иной социальной форме хозяйства полностью или частично невозможно.

(А. Петров — „К вопросу о методах построения баланса народного хозяйства", „Вестник Статистики", № 1, 1927 г.).

[1] Если $Т$ — торговый капитал общества, с точки зрения статики, может быть представлен как:

$$\sum m_1, m_2, m_3 \ldots m_n$$

Промышленный капитал — $П$, как:

$$\sum n_1, n_2, n_3 \ldots n_n$$

Ссудно-денежный — $Д$, как:

$$\sum \partial_1, \partial_2, \ldots \partial_n$$

то со стороны динамического подхода

$Т$ есть результат движения $m_1, m_2, \ldots, m_n, n_1, n_2, \ldots, n_n, \partial_1, \partial_2, \ldots, \partial_r$

$П$ „ „ „ $n_1, n_2, \ldots, n_n, m_1, m_2, \ldots, m_n, \partial_1, \partial_2, \ldots, \partial_n$

$Д$ „ „ „ $\partial_1, \partial_2, \ldots, \partial_n, m_1, m_2, \ldots, m_n, n_1, n_2, \ldots, n_n$

Торговых предприятий по формуле

$$Д — Т — Д_1 \qquad (2)$$

и кредитных предприятий по формуле

$$Д — Д_1 \qquad (3)$$

Однако, на самой поверхности хозяйственной жизни „доступной" наблюдению неискушенного взгляда все процессы исчерпываются непрерывным превращением товаров в деньги и обратно

$$Т — Д — Т \qquad (4)$$

И в наших условиях в этой последней формуле (4) совершается процесс воспроизводства общественного продукта. Точно так же (со стороны внешней, формальной) мы могли бы представить процесс воспроизводства „индивидуальных" промышленных, торговых и кредитных „предприятий" в условиях СССР по формулам (1), (2), (3).

Однако, в наших условиях эти последние формулы лишены своего внутреннего содержания. Они не только не отражают тех специфических закономерностей, которые каждый марксист привык в них видеть; напротив, они служат внешней формой движения того комплекса производственных отношений, который свойственен нашей экономике и который мы исследовали в начале статьи.

В этих формулах (1,) (2), (3) происходит непрерывное укрепление социалистических производственных отношений и перерождение отношений простого товарного сектора и капиталистических в социалистические.[1]

Но если „обособление" и „самостоятельность" движения отдельных частей „капитала"[2] в наших условиях исключено, то тем не менее приведение в соответствие этих отдельных частей общественного капитала у нас наталкивается на значительные трудности вытекающие:

1) из исторически данных диспропорций отдельных отраслей и сфер производства;

2) из нарушений „естественного" порядка. Огромная часть народного хозяйственного производства — именно сельское хозяйство вследствие слабой технической базы и господства индивидуальных

---

[1] „Таким образом, рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры при правильной политике со стороны советского государства несут в своем развитии собственную гибель: способствуя вытеснению частного капитала, переделке крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства, они способствуют тем самым преодолению рыночных отношений вообще".

(„Программа Коминтерна", Гиз. 1928 г., стр. 64—65).

[2] Термин „капитал" к нашему хозяйству неприменим. Мы пользуемся этим термином условно в смысле обозначения реальных стоимостей или знаков последних.

форм в сельскохозяйственном производстве сильно зависит от условий естественного порядка: количества осадков и т. д.;

3) из формальной автономности огромного количества крестьянских хозяйств;

4) от того, что эмиссия, будучи одним из самых эффективных средств в перераспределении народнохозяйственного дохода, не всегда „усваивается" народным хозяйством в тех количествах, в каких это предположено эмитирующим органом;

5) от того, что товаропроводящая система, работающая на началах хозяйственного расчета, в силу своей распыленности чрезвычайно „центростремительна". Поэтому в условиях дезорганизации рынка мы много раз наблюдали самостоятельное движение „капиталов" торговли;

6) в борьбе за адекватную каждому сектору систему пропорций и в соответствии с этим в борьбе за перераспределение народного дохода огромное значение приобретает система цен — эквиваленты: а) эквиваленты предметов производства сельского хозяйства и промышленности; б) эквиваленты предметов потребления и средств производства как в самой промышленности, так и в сельском хозяйстве; в) эквиваленты других групп товаров сельскохозяйственного происхождения и т. д. Поскольку экономической политике правительства не удается сохранить желательную систему эквивалентов или желательную динамику этих последних, постольку, естественно, кладется начало известному „обособлению" отдельных частей капитала.

Итак, аспект „противоположностей" вносит новый элемент модификации нашей схемы 1 (см. стр. 185): движение совокупного общественного капитала должно быть представлено как сумма движений индивидуальных (или групп индивидуальных) капиталов „промышленной", „торговой" и „ссудно-денежной" сфер. Эти последние „отдельные" движения должны быть представлены в их взаимообусловленности и взаимопроникновении.

Только при таком подходе: при изображении движения всего народнохозяйственного капитала, как суммы движений индивидуальных капиталов в его „обособленных" частях — можно показать, каким образом накопление в индивидуальных хозяйствах приводится в соответствие с накоплением во всем народном хозяйстве. Только этим путем может быть проложен мост от исследования условий воспроизводства отдельных капиталов к условиям воспроизводства всего общественного капитала и только при наличии этого подхода аспект воспроизводства индивидуальных хозяйств не только возрождает аспект целого, но условия воспроизводства целого выступают в качестве условий воспроизводства отдельных единиц.

Такой подход показывает нам, что „превращение" (формы стоимости. *А. В.*) является результатом не просто формального перемещения, свойственного процессу обращения, но и результатом действительного превращения, которому подверглись в процессе производства потребительная форма и стоимость товарных составных частей производительного „капитала" („Капитал", т. II, стр. 53).

Однако, указанных модификаций недостаточно. В вышеприведенном анализе основ динамического равновесия народного хозяйства под углом зрения „единства", мы вывели ряд хозяйственных законов:

а) в отношении направления производства и направления потребления; б) в отношении направления „текущего" и „будущего потребления"; в) в отношении характера расстановки „экономических количеств" и связи этой расстановки с темпом и типом индустриализации и т. д. Мы там же отметили, что эти закономерности имеют универсальное хозяйственное значение, применимы mutatis mutandis ко всем хозяйственным формациям.

Необходимо, однако, помнить, что в различных общественных формациях эти закономерности проявляются по-разному. В условиях капитализма эти закономерности пробивают себе путь через колючую проволоку всей системы категорий буржуазной экономики. В наших советских условиях эти закономерности проявляются более явственно в силу роста социалистического сектора с его системой производственных отношений. В наших условиях эти универсальные хозяйственные закономерности точно так же проявляются сквозь социально-классовую призму противоречий. Но это уже есть специфические противоречия переходного периода.[1]

Какие же социально-классовые проблемы встают перед нами при нахождении оптимального сочетания направления производства и направления потребления? Одна из самых основных проблем — это проблема перераспределения народного дохода, проблема использования накапливаемых в стране средств. Именно по этой линии складываются отдельные концепции народнохозяйственного развития.

В то время, как одни авторы считают необходимым идущие в фонд расширенного воспроизводства средства распределять по принципу трудоемкости, т.-е. приходят в конечном счете к идеям с.-р. (Маслов П.), другие приходят к выводам о необходимости капи-

[1] Интересно отметить, что критики пятилетнего плана развития народного хозяйства из буржуазного лагеря (А. Вайнштейн, Кондратьев и др.) центр тяжести переносят на доказательство того, что пятилетка приходит в противоречие с универсальными хозяйственными законами. Но эти критики, однако, весьма мало последовательны. Обнаружив „естественное" противоречие между темпом накопления и нормой потребления и умолчав про „социальное" дополнение этого противоречия, они затем всю силу своих доводов и эрудиции направляют на то, чтобы доказать необходимость.. социальных, классовых изменений в нашей промышленной и экономической политике, изменений, которые полностью и целиком пойдут на укрепление враждебных нам классов и ослабление наших собственных сил.

талонакопление использовать, главным образом, в сельском хозяйстве (Шанин), третие, наоборот, считают, что в наших условиях — эпохи первоначального социалистического накопления — „социалистическое накопление вынуждено опираться в основном на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства“ (Преображенский). Каждая группа авторов добивается различных методов использования накапливаемых в стране средств, тем самым: 1) стоит за различный тип хозяйственной эволюции страны. В то же время эти различные методы использования накапливаемых ресурсов предполагают 2) различную динамику уровней благосостояния разных групп трудящихся: рабочих и крестьян, а в пределах последних, различных слоев крестьянства.

Баланс народного хозяйства в своем членении всего народного хозяйства по отраслям труда, по группам хозяйств и по социальным секторам бесспорно может дать картину того, каким образом используются накапливаемые в стране средства. Мы считаем, однако, что баланс народного хозяйства должен дать нечто большее: он должен дать пути, формы и методы этого перераспределения, он должен показать не только результат процесса, но и картину самого процесса.

Изучение наиболее важной и существенной проблемы нашей эпохи — форм и методов, в которых протекает процесс индустриализации — должно протекать именно в рамках общего синтетического исследования всех процессов народнохозяйственного целого в их взаимной связи.[1]

[1] Некоторые авторы думают иначе. Приводя на страницах большой советской энциклопедии нижеприводимую схему баланса народного хозяйства, А. Петров пишет:

Типы производства	Народное имущество к началу года	Производство по ценам производства	Торговые и транспортные накидки	Импорт	Итого	Потребление		Экспорт	Народное имущество к концу года	Итого	Накопление
						производственное	непроизводственное				
I											
II											

„схема даст нам представление об отношениях распределения, поскольку они выражаются в виде материального потребления, накопления в материальной форме и т. д., словом, по схеме мы получаем данные о результатах распределения, но не видим как всех путей и методов этого распределения, так и отношений, складывающихся на почве кредитных связей. Для того, чтобы получить представление о проблеме распределения в полном об'еме... необходимо дополнительное изучение этого вопроса“ (т. XIII, стр. 267).

Основные формы перераспределения народного дохода это: 1) система цен, 2) кредитная система, 3) бюджет. Начнем с системы цен. Так как одна из основных форм перераспределения народного дохода есть система цен, эквиваленты, то введение обменов представляется новым (третьим) элементом, модифицирующим схему.

Мерой „эквивалентности“ обмена различных товаров служит, как известно — общественно-необходимый труд. Сообразно с этим, обмен по ценам, не соответствующим общественно-необходимым затратам, — будет неэквивалентным или безвозмездным из'ятием в пользу той или другой стороны, участвующей в обмене. Эта форма перераспределения может быть охвачена балансом.[1]

Но баланс живой рабочей силы складывается чрезвычайно неблагоприятно для низко-структурных секторов еще и по другой причине.

Более высокий органический состав капитала в промышленности, чем в сельском хозяйстве, в интересующем нас аспекте, означает не что иное, как то, что одна и та же масса живого труда в одно и то же время дает в результате производственного процесса не одинаковые массы стоимости — в промышленности и в сельском хозяйстве. Рабочий города в единицу времени дает больше стоимости, чем рабочий деревни, потому что перенос ранее созданной стоимости здесь больше. С точки зрения проблемы темпа, это положение приобретает очень важное значение.

„Запас прошлого“ овеществленного труда дает возможность городу, обмениваясь эквивалентно с деревней, как бы „неэквивалентно“ перетягивать значительные массы труда живого, овеществляемого в данном производственном цикле. И чем быстрее рост „органического состава капитала“ промышленности по отношению к сельскому хозяйству, тем быстрее идет процесс „неэквивалентного“ улавливания трудом овеществленным труда

[1] Но эквивалентный обмен превращается в свою противоположность, т.-е. в неэквивалентный и при отсутствии таких безвозмездных из'ятий. С точки зрения воспроизводства отдельных укладов, пребывающих на различном уровне развития производительных сил, вопрос о действительных трудовых затратах, а не только общественно-необходимых, приобретает чрезвычайно важное значение. Если происходит обмен по общественно-необходимым, а не по индивидуальным затратам, то (возьмем пример из области обмена промышленности и сельского хозяйства) с ростом удельного веса коллективных хозяйств с их более мощной техникой при обмене продуктов промышленности на продукты сельского хозяйства, мы получим „неэквивалентное“ отчуждение из сферы индивидуального хозяйства в сферу общественного хозяйства определенных масс труда, овеществляемых в данном производственном цикле — ибо индивидуальные затраты в частных хозяйствах выше общественно-необходимых.

Мы видим, что низко-структурные секторы не могут в использовании живой рабочей силы поставить себя в те же условия, что и высоко-структурные, ибо они как бы неэквивалентно (с точки зрения индивидуальных затрат) отчуждают часть своей рабочей силы. Как этот момент учесть в балансе, подлежит особому рассмотрению вместе с другими вопросами, касающимися статистической реализации схем.

живого, тем значительнее та претензия, которую город пред'являет на наличный фонд труда живого, овеществляемого в данном производственном году.[1]

Могут возразить, что высоко-структурный сектор на „законном основании" должен получить за час живого труда значительно больше, ибо ему надлежит восстановить свой основной капитал. Но это означает не что иное, как то, что высоко-структурные секторы увековечивают свое техническое превосходство на „законном основании". Высоко-структурные секторы возмещают себе свои мощные орудия; мелко-структурные — свои нищенские орудия. Это в о-п е р в ы х. С другой стороны, это неравенство технических структур не только увековечивается, но и растет из года в год, ибо более крупный амортизационный фонд в высоко-структурных отраслях дает дополнительные средства к реконструкции технической базы и к более быстрому росту $C:V$ в высоко-структурных секторах по отношению к низко-структурным.

Если исходить из капитализма, сожительствующего с сохранившимися докапиталистическими формами производства в деревне, то эквивалентный обмен не только увековечивает неравенство технической базы города и деревни, но из года в год это неравенство увеличивается. Хозяйства простого товарного сектора не только увековечивают свою нищету, но и погибают вовсе. И все это, теоретически рассуждая, имеет место на базе полной „эквивалентности" обмена (отсюда, между прочим, мы видим, насколько упрощена постановка вопроса об эквивалентах в работе Е. А. Преображенского „Новая экономика").

В наших условиях все преимущества высоко-структурной сферы социалистический город развивает только по отношению к капиталистическим элементам деревни (и города). В отношении простого товарного сектора, хозяйство которого включается постепенно в коллективный сектор, эти преимущества могут быть использованы городом лишь в качестве источника дополнительных средств для финансирования коллективных сельских хозяйств и поддержки индивидуальных хозяйств в их начинаниях по мелиоративным и другим реконструктивным работам.

Указанные здесь преимущества высоко-структурных сфер в отношении низко-структурных, связанные с различием $C:V$ точно так же должны и могут быть охвачены балансом народного хозяйства, ибо

[1] К примеру: если, $C:V$ в промышленности равняется 3:1, а в сельском хозяйстве 1:1, то за час живого труда город получает 2 часа труда, затрачиваемого в сельском хозяйстве. На эту сторону обратил внимание Маркс, когда исследовал условия обмена аграрных и индустриальных стран.

„Относительно фабричных товаров известно, что 1 млн. человек в Англии производит не только гораздо большее количество продукта, н о и г о р а з д о б о л ь ш у ю ц е н н о с т ь, чем, например, в России, хотя единичный товар гораздо дешевле" („Теория прибавочной стоимости", т. II—2, стр. 151).

Схема баланса народного хозяйства ЦСУ УССР

Схема 4

	Капиталы к началу года	Производительное потребление	Народный доход	Получение из других хозяйственных сфер	Из'ятие в пользу других хозяйственных сфер	Фонд потребления и накопления	Непроизводительное потребление	Накопление	Обмен		В т. ч. внешний обмен		Денежный оборот		Капиталы к концу года	Население и труд		
									реализация	приобретение	реализация	приобретение	приход	расход		число занятых лиц	проработанное время	несамодеятельное население
I. Сельское хозяйство.																		
а) государственное																		
б) кооперативное																		
в) частное																		
II. Промышленность.																		
а, б, в.																		
III. Строительство.																		
а, б, в.																		
IV. Транспорт.																		
а, б, в.																		
V. Торговля.																		
а, б, в.																		
VI. Кредит.																		
а, б, в.																		
VII. Нематериальные услуги.																		
а, б, в.																		
VIII. Государственный бюджет.																		
IX. Лица наемного труда.																		
а) в сельском хозяйстве																		
б) „ промышленности																		
в) „ транспорте																		
г) „ торговле и кредите																		
д) „ госуд. и обществ. учреждениях																		
е) „ прочих отраслях																		
X. Рантьеры.																		

ПОЯСНЕНИЕ К СХЕМЕ.

1. Капиталы к началу года расчленяются по следующим видам: Средства производства — сооружения, орудия, скот, сырье, топливо и проч. Средства потребления — жилища, прочие предметы потребления, золото и др. драгоценные металлы. Кроме того, исчисляются: бумажные деньги, текущие счета и ценные бумаги, сальдо кредитных отношений.

2. Валовая продукция с расчленением по группам: Средства производства — сооружения, орудия, скот, сырье, топливо и проч. Средства потребления — жилища, проч. предметы потребления, золото и друг. драгоценные металлы; сюда же относятся услуги транспорта.

3. Производительное потребление с расчленением на рубрики: изнашивание основного капитала, сырье, топливо и др., потребл. услуг транспорта и друг.

4. Народный доход (см. п.п. 2—3).

5—6. Получение из других хозяйственных сфер и из'ятие в пользу других хозяйственных сфер расчленяется следующим образом: зарплата лиц, создающих стоимость; зарплата лиц, не создающих стоимость; дивиденд, земельная рента; торговые надбавки и скидки; процент по кредиту; оплата услуг, не создающих стоимости; налоги и сборы.

7. Фонд потребления и накопления (см. п.п. 4, 5—6).

8—9. Непроизводительное потребление, индивидуальное и коллективное, расчленяется по группам: жилища, прочие предметы потребления, золото, услуги транспорта.

10. Накопление (см. п.п. 7, 8—9).

11—14. Обмен, в том числе внешний обмен, расчленяется по видам: Средства производства — сооружения, орудия, скот, сырье, топливо и друг. Средства потребления — жилища, прочие предметы потребления, золото.

15—16. Денежный оборот: Приход — от отчуждения товаров, из бюджета, в порядке кредита. Расход — на приобретение товаров, налоги, в порядке кредита.

17. Расчленяется как п. 1.

структура капиталов к началу года в каждой группе хозяйства может быть учтена.

Если, далее, провести отдельными строчками подлежащего кредит и бюджет, то мы сможем проследить за всеми основными формами перераспределения народного дохода. Однако полная картина перераспределения народного дохода не может быть дана без включения в орбиту баланса отдельными строчками подлежащего — не материальных услуг, „хозяйств" наемного труда; „хозяйств" рантьеров.

Нам думается, что схема баланса ЦСУ УССР[1] (схема 4 стр. 196). может служить первым приближенным опытом построения такого баланса народного хозяйства, который мог бы дать картину „противоположностей в единстве".

Мы оставляем здесь в стороне детальное рассмотрение этой схемы; она несомненно потребовала бы некоторых изменений. В первую голову критическому рассмотрению подлежит вопрос о том, правильно ли „приводится в соответствие" накопление в индивидуальных хозяйствах с накоплением во всем народном хозяйстве. Затем подлежит выяснению—достаточно ли четко может быть поставлена в схеме проблема равновесия. Далее, схема не учитывает различную скорость оборота отдельных частей общественного капитала. Специальному изучению поэтому подлежит вопрос о том, насколько это обстоятельство упрощает нашу действительность. Наконец, специальному рассмотрению подлежит также методология статистической реализации каждой графы сказуемого.

Повторяем, однако, что в качестве первого приближения схема достаточно близко подходит ко всем тем проблемам, которые встали перед нами при изучении условий динамического равновесия народного хозяйства как под углом зрения аспекта единства, так и под углом зрения аспекта противоположностей.

Отметим в заключение, что статистическая реализация схемы 4 (см. стр. 195) наталкивается на ряд больших трудностей. В первую очередь эти трудности проистекают из той разницы, которая существует между абстрактными и конкретными категориями. В частности, мы можем оперировать пока что только ценами, а не стоимостями,—мы не можем дать четкого членения типов производства и т. д., и т. д.—однако, все это не затрагивает наших рассуждений по существу. Мы считаем, что исследование проблемы воспроизводства в СССР и изображение этого процесса методом баланса должно итти теми путями, какие намечены в настоящем исследовании.

[1] В. С. Мышкис — „Опыт составления баланса народного хозяйства Украины за 1923/24 г.". Харьков, изд. ЦСУ УССР, стр. XVIII — XIX.

Л. И. Фрейман

Экономический прогноз у американских концернов

Проблема экономического предвидения в капиталистическом обществе тесно связана с изучением хозяйственных циклов, давно уже привлекающих внимание исследователей. Интерес к изучению торгово-промышленных циклов особенно оживился за последние годы, в значительной мере в связи с наметившейся с конца прошлого столетия чрезвычайно характерной тенденцией к постепенному сжатию периода хозяйственного круговорота. Если в течение почти всего девятнадцатого века обычная продолжительность цикла достигла 10 — 11 лет, то уже с конца века она сократилась до 7 лет, а для Северо-Американских Соединенных Штатов в текущем столетии — даже до 3 лет. [1] Столь участившаяся смена приливов и отливов волн экономической жизни естественно возбудила как среди исследователей, так и у промышленных и широких общественных кругов живой интерес к пониманию механизма колебаний хозяйственной конъюнктуры. Особенное внимание привлек при этом уже ранее неоднократно отмечавшийся многими исследователями факт почти периодического характера чередования конъюнктурного цикла, [2] а также обнаруживавшаяся известная последовательная зависимость между отдельными показателями хозяйственной конъюнктуры. Для лучшей ориентировки в этих сложных вопросах назрела потребность в постановке соответствующих систематических наблюдений над экономическими процессами, на основе строго подобранных, достаточно чутких рядов конъюнктурных показателей. Такое научно организованное наблюдение за более или менее продолжительный период представило бы возможность выявить конкретный характер колебаний конъюнктурных волн и помогло бы решить существеннейший вопрос о симптомах прохождения народного хозяйства через ту или иную фазу конъюнктурного цикла. Тем самым было бы отчасти облегчено освещение столь же заманчивой, сколько и сложной задачи прогноза ближайшего направления хозяйственной конъюнктуры.

Навстречу этой потребности приподнять край завесы грядущей экономической конъюнктуры пошли многие научные, а за ними и хозяйственные организации в разных странах, задавшиеся целью построить так называемые «экономические барометры» для предсказания экономиче-

[1] Постепенное сокращение продолжительности промышленных циклов было предсказано еще Марксом. „До настоящего времени период этих циклов составляет 10 – 11 лет, но нет никакого основания считать эту величину постоянной. Наоборот, на основании развитых выше законов капиталистического производства, следует предполагать, что продолжительность циклов будет постепенно сокращаться". См. Карл Маркс. „Капитал". Т. I, изд. О. И. Поповой (2-е), стр. 455.

Известный американский экономист W. Mitchell, в недавно изданной работе американского Национального Бюро экономических исследований „Business Annals", определяет среднюю продолжительность промышленных циклов для Европы в 5,1—6,4 лет, для С.-А.С.Ш. — в 4 года. Однако, классификация циклов у Mitchell'a сильно отличается от обычной, включая более кратковременные колебания хозяйственной конъюнктуры, не всегда охватывающие фазу кризиса. (См. назв. соч. стр. 53).

[2] Периодический характер циклов признается не всеми исследователями. Из новейших противников периодичности следует назвать W. Mitchell'a. См. упомянутую работу „Business Annals".

ской погоды Таким «барометрам», обычно составленным из нескольких кривых, объединяющих основные более чуткие показатели народнохозяйственной конъюнктуры, было уделено за последние годы особенное внимание в Сев.-Американских Соед. Штатах. Здесь, помимо пользующегося заслуженной известностью научно-разработанного «барометра» Гарвардского Экономического Бюро, имеется ряд других аналогичных обобщающих индексов конъюнктуры — Babson'a, Brookmire'a, Standard Statistics Company и др.

Важно отметить, что самая возможность конструирования такого сложного и, при всех его недостатках, все же весьма тонкого орудия, как «экономический барометр» была в сильной степени облегчена значительными успехами хозяйственной статистики, наметившимися с 90-х гг. прошлого столетия. Эти успехи сказались в двояком отношении: во-первых, был накоплен огромный статистический материал из области хозяйственной статистики, особенно за период мировой войны и еще более — за послевоенные годы; во-вторых, была значительно подвинута вперед теория статистического метода (разработка теории корреляции трудами Galton'a, Person'a Edgewortha; развитие теории «временных» рядов и изучение методов элиминирования вековой тенденции („trend") и сезонных колебаний — преимущественно работами W. Persons'a и др.[1]

Однако, все достижения в области конструирования хозяйственных «барометров» относятся преимущественно к формально-статистической стороне дела; что же касается экономической интерпретации конъюнктурных кривых, то она оставляет желать многого. Различные организации как в Северо-Американских Соед. Штатах, так и в Европе, поставившие у себя такие обобщающиеся конъюнктурные индексы, чаще всего при истолковании их пользуются наиболее примитивным в методологическом отношении способом аналогии или же — что по существу является в конечном счете той же аналогией — применяют, разработанную на основании опыта прошлых наблюдений, определенную статистическую формулу о взаимозависимости отдельных кривых «барометра». Между тем, при всем своеобразии и сложном переплетении процессов конкретной экономической обстановки, решающее значение для правильного построения как диагноза, так и прогноза хозяйственной конъюнктуры имеет прежде все возможно более полный, всесторонний экономический анализ всего комплекса экономических явлений за данный отрезок времени. Этот анализ может и должен быть дополнен применением вышеуказанных двух методов, но ни в коем случае не может быть ими заменен.[2] В практике же интерпретации конъюнктурных кривых—основных компонентов «барометра»—сплошь и рядом наблюдается обратная картина. Этим обстоятельством в известной мере и объясняется та частая разноголосица, которую мы замечаем у разных организаций в пределах одной и той же страны при предсказании экономической погоды (наприм., в С.-А.С.Ш. в 1923 году и др.).

Но, если даже лучшие экономические «барометры», построенные в целях установления прогноза общего направления хозяйственной конъюнктуры страны, так далеки еще от совершенства и часто не оправдывают возлагающихся на них ожиданий, то тем менее эти общие индексы оказываются пригодными к выявлению конъюнктурных колебаний в отдельных сферах хозяйственной жизни и, в частности, в отдельных отраслях промышленности. Ибо вполне очевидно, что общие колебания конъюнктуры находят неодинаковое отражение в различных областях хозяйства.

[1] См. W. Persons. „Statistics and Economic Theory" в журнале „Review of Economic Statistics", July 1925.

[2] Это обстоятельство особенно подчеркивается Президентом Американской Статистической Ассоциации E. Day'ем см., например, „The Annals of the American Academy of Political and Social Science", September 1928.

Это расхождение в степени активности различных хозяйственных сфер сказывается еще более, когда амплитуда колебаний конъюнктурных волн несколько сжимается, как это и наблюдается, например, за последние годы в Сев.-Амер. Соед. Штатах (после тягчайшего кризиса 1920/21 г.).

Указанными причинами и было обусловлено появление среди отдельных хозяйственных объединений и крупных фирм, деятельность которых протекает в определенных отраслях промышленности, частных специальных «барометров», которые, на ряду с общехозяйственной конъюнктурой и в связи с ней, отображают особенности колебаний ее в данной торгово-промышленной области. Цель таких спациальных, частных «барометров» — узко практическая. В соответствии с их прогнозом хозяйственные организации намечают конкретные планы своей деятельности на ближайшее будущее.

Особенно благоприятную почву нашло применение этих частных «барометров» в сильно концентрированной промышленности Сев.-Амер. Соед. Штатов, где, отметим, кстати, вообще на исследовательские работы как в сфере промышленности, так и в других отраслях народного хозяйства, обращено весьма серьезное внимание и где, например, траты на разного рода научно-технические лаборатории и другие исследовательские аппараты, достигают колоссальных цифр — около 200 миллионов долларов в год (участие частных предприятий выражается, примерно, в $^2/_3$ этой суммы).[1]

Методы построения прогноза, применяемые различными американскими концернами, весьма пестры. Но их все же можно привести к небольшому числу наиболее характерных типов. С этими наиболее типичными примерами из американской действительности мы и попытаемся познакомить читателей, поскольку это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении неполные новейшие материалы в этой области.

Предварительно лишь отметим, что значительную роль в широком ознакомлении промышленных кругов с научными методами конъюнктурных наблюдений сыграли уже упомянутые нами организации по конструированию общих «барометров» и в особенности Гарвардское Экономическое Бюро. В целях лучшего уяснения дальнейшего изложения напомним, что в известном Гарвардском «барометре» основные показатели народнохозяйственной конъюнктуры объединены в 3 кривых, следующих одна за другой с известной закономерностью. Впереди всех движется кривая ценных бумаг (промышленных и железнодорожных акций), обозначаемая A — Speculation. За ней с известным отставанием („lag"), примерно, месяцев на 6, проделывает соответствующие фазы линия торгово-промышленной конъюнктуры (B — Business) составленная из данных о предъявленных к оплате чеках провинциальных банков и об оптовых ценах. Наконец, за этой кривой, почти с таким же полугодовым запозданием, следует линия кредита (C—Money), представляющая собой движение учетных ставок. Такая последовательность в движении кривых составляет «логическую и практическую основу для научного предсказания конъюнктуры».

Следует отметить, что для прослеживания ритмических колебаний конъюнктуры, указанные кривые не строятся непосредственно из конкретно данных в действительности статистических рядов, так как последние включают в себе разные типы колебаний. Обычно различают в них четыре рода колебаний: 1) длительное движение или вековую тенденцию, (trend), 2) сезонные вибрации (в месячных рядах), 3) конъюнктурные колебания и 4) нерегулярные или случайные колебания. При сопоставлении указанных кривых задача заключается в том, чтобы выделить из конкретно данных рядов чисто циклические колебания (неотделимые,

[1] См. „General Electric Review", February 1929.

правда, от нерегулярных), удаляя вековую тенденцию и сезонные моменты. Методы этой статистической операции, тщательно разработанные Гарвардским Бюро (главным образом — работами W. Persons'a), широко используются различными промышленными организациями при построении хозяйственных обобщающих индексов. [1]

Применение всех перечисленных методов, разработанных Гарвардским Экономическим Бюро и друг., мы наблюдаем в ряде «барометров», построенных отдельными американскими концернами. Характерна в этом отношении постановка наблюдения над конъюнктурой крупной фирмы по выработке стали и продуктов из нее Simonds Saw and Steel Company. Эта фирма, путем сопоставления за ряд лет динамики двух основных конъюнктурных кривых — кредита и спекуляции — с движением линии сделок по продаже своих товаров (вековая тенденция и сезонные колебания элиминируются), обнаружила интересную закономерность в их следовании. Оказалось, что кривая спекуляции антиципирует месяцев на 9 колебания линии сделок фирмы, а кривая кредита опережает ее на год. [2] С другой стороны, опыт также показал, что эта последовательность в движении кривых не является вполне устойчивой. Так, например, за 1924/25 гг. указанная зависимость претерпела некоторые изменения и отставание линии сделок от конъюнктурных кривых возросло: от линии спекуляции — до одного года, а от кривой кредита — до 1,25 года. Обнаружилось также, что как раз для критических моментов конъюнктуры — для фаз кризиса или депрессии, когда правильность прогноза приобретает особенно актуальное значение — последний часто не оправдывался. Так было в год тяжелого кризиса — 1920/21 г., так случилось и в год интенсивной хозяйственной депрессии — в 1924 г. [3]

Помимо отмеченных двух кривых, являющихся вестницами грядущих продаж за относительно длительный период, указанная фирма для кратковременного прогноза пользуется исследованием движения кривой строительства. Последняя получается путем исчисления средней арифметической из двух, отчасти условно разработанных, индексных рядов — невыполненных заказов United St. Steel Corporation и разрешений на постройки Dodge Corporation. [4] Эмпирически было установлено, что кривая строительства месяца на 2—4 опережает колебания сбыта рассматриваемого концерна. На основании всех перечисленных сопоставлений Saw and Steel Corporation учитывает грядущие изменения конъюнктуры и строит свои хозяйственные планы.

Интересно отметить, что фирма не довольствуется достигнутыми уже результатами и производит дальнейшие изыскания по нахождению зависимости между ходом продаж ее товаров и движением ряда других конъюнктурных показателей (движение банковских депозитов и др.).

Примером другой хозяйственной организации из отраслей, изготовляющих средства производства, пытающейся построить научно обоснованный прогноз для планирования своей деятельности, является крупная металлообрабатывающая фирма The Walworth Manufacturing Company. Характерно для этой фирмы, что ее исследования в области конъюнктуры не достигли еще того познавательного уровня, который позволил бы ей установить определенную последовательную зависимость в движении конъ-

[1] Мы здесь не останавливаемся на дальнейших деталях о методах построения Гарвардского „барометра", так как вопрос этот неоднократно освещался в нашей экономической литературе и в частности на страницах „Планового Хозяйства" (см., напр., №№ 1 и 10 за 1926 г. и др.).

[2] Industrial Forecasting, by C. White Annals of the American Academy etc. Sept. 1928.

[3] Ibidem, p. 116.

[4] По строительству при этом берется не индекс за данный месяц, а средняя за 3 месяца, которая повышается потом на 25% с целью повышения веса этого показателя.

юнктурных кривых и линии сбыта продукции концерна. Поэтому фирма использует как свои, так и иные конъюнктурные показатели (кривая торгово-промышленного рынка Гарвардского барометра, соответствующий индекс Snider'a) лишь для самой общей ориентировки в хозяйственной обстановке страны. При этом тщательно исследуются особые условия отдельных районов, как путем изучения соответствующих характерных показателей (особое значение фирма придает данным о движеини банковской задолженности по главнейшим городам района), так и при помощи ознакомления с провизорными исчислениями представителей компании в отдельных районах о реализации отдельных товаров. Длительный опыт по изучению общего индекса конъюнктуры показал, как именно состояние общей конъюнктуры народного хозяйства отражается на заказах фирмы. Особенно сильно сказывается на них состояние строительства — основного потребителя продукции фирмы. В связи с этим уделяется усиленное внимание статистическим показателям о движении разрешений на постройки (общие данные о строительстве, промышленное строительство и др.). Все это служит для выработки основной программы деятельности фирмы как кратковременной, так и более длительной. Первая разрабатывается в конце каждого квартала на следующее полугодие или год, вторая — менее детальная — на предстоящие 4 года. [1]

Еще больший интерес представляет опыт ряда организаций, производящих преимущественно предметы широкого потребления. Сюда относится, прежде всего, едва ли не крупнейший концерн в Соедин. Штатах — Американская телефонная и телеграфная компания, контролируемая Морганом. Эта гигантская организация выделяется среди ряда других в отношении конкурирования перспективных планов своей деятельности тем, что последние разрабатываются не на одни лишь ближайшие сроки, а (в общих чертах) на очень длительный период, охватывающий десятки лет (15—25 л.).

Для наблюдения за общей хозяйственной конъюнктурой компания самостоятельно исчисляет индекс (влияние цен элиминируется), представляющий собой взвешенную среднюю из 11 важнейших конъюнктурных показателей: продукция чугуна, стали, битуминозного угля, бумаги, строительного леса, кожи (подошвы), электрической энергии; потребление хлопка, деятельность шерстяной промышленности, продукция железных дорог (в тонно-милях) и железнодорожные погрузки. [2] Индекс охватывает продолжительный период, начиная с 1877 г. В ранние годы основанием индекса служили только показатели по чугуну. При исследовании этих кривых определяются: вековая тенденция (trend) и сезонные колебания, элиминируемые по методам, применяемым Гарвардским Экономическим Бюро.

Помимо этого обобщающего индекса, для кратковременных предсказаний концерн пользуется еще собираемыми им за ряд лет детальными месячными показателями по основным сферам народного хозяйства — по промышленности (включая состояние рабочего рынка и заработной платы), сельскому хозяйству, торговле, транспорту и кредиту. Одновременно концерном изучаются специальные месячные обзоры о состоянии рынка на местах, получаемые им от своих отделений. На основании всей совокупности этих данных строится прогноз конъюнктуры на предстоящий год. Прогноз этот намечает лишь основные тенденции конъюнктуры. Он несколько раз в течение года подвергается пересмотру и исправлению в соответствии с вновь поступающими сведениями.

[1] The Annals of the American Academy etc.

[2] См. „Business Forecasting in the United States: Recent Developments by Individual Companies" в журнале „International Labor Review", February, 1929.

Это предвидение направления конъюнктуры предопределяет для концерна выбор момента для расширения своих предприятий, для приобретения сырья в зависимости от складывающихся рыночных условий, для найма рабочей силы и др.

Не менее тщательно ведется работа по подготовке материалов для длительного планирования. Необходимость учета конструкции нового, сложного, рассчитанного на действие в течение ряда лет технического оборудования заставило концерн заняться изучением влияния более длительных факторов на объем спроса на изготовляемые им аппараты. Одним из наиболее существенных факторов является здесь рост населения. Опираясь на весь наличный статистический материал о естественном и механическом движении населения по отдельным городским пунктам (учитывая центры тяготения в связи с развитием промышленности и торговли) концерн определяет ожидаемую численность населения на 15—25 лет вперед. Далее, для более близкого определения предстоящего спроса на телефонные аппараты и др., концерн исчисляет — опять-таки по отдельным городским пунктам — вероятную группировку населения по размерам квартирной платы, так как различные группы населения являются не в одинаковой мере потребителями этих аппаратов. Наконец, учитывается и предстоящее развитие торговых и промышленных предприятий (с группировкой на мелкие и крупные) и учреждений по тем же пунктам, так как эти категории потребителей предъявляют значительный спрос на аппараты концерна. [1] Весь этот сложный комплекс данных, на ряду с учетом намечающегося прогресса в сфере телефонной и телеграфной техники, и составляет основную базу для ориентировки концерна в своих общих перспективных планах.

Обращаясь к другому гигантскому концерну — General Motors Corporation, занимавшему в 1928 г. первое место по автомобильной продукции среди других объединений, следует отметить, что в отличие от предыдущей хозяйственной организации, он не ставит себе целью построение так далеко заглядывающих прогнозов. Да это и вряд ли возможно в такой отрасли промышленности, продукты которой подвергаются сравнительно частым и сильным изменениям в связи с быстро шагающими вперед техническими усовершенствованиями. Характерным для данного концерна является и то обстоятельство, что для выяснения общей народнохозяйственной конъюнктуры, он не строит самостоятельных индексов, а пользуется уже существующими в стране и наиболее авторитетными «барометрами». [2] Эти индексы, дополненные некоторыми другими показателями (рост населения, и национальных доход), служат для общей ориентировки в рыночных условиях, складывающихся для продукции автомобильной промышленности на ближайший год. Такие годовые провизорные исчисления по реализации продукции всей автомобильной промышленности страны и касающиеся отдельных групп машин (дешевые, средние и дорогие) обычно производятся за период с 1 августа по 31 июля. Опыт исследования за прошлые годы показал, что спрос на автомобили находится в тесной корреляции с народнохозяйственной конъюнктурой.

Для определения доли участия концерна в удовлетворении общего спроса населения на авто-машины учитываются условия конкуренции со стороны других автомобильных объединений (Форд и др.), а также намечающиеся изменения в конструкции моделей у конкурентов (изменение модели Фордом в 1927 г., сопровождавшееся резким сокращением продукции его концерна и др.).

Кроме этих перспективных планов на год, намечающих только общую линию политики концерна, General Motors Corporation строит

[1] См. „Harward Business Review", April, 1923.
[2] См. „International Labour Review", February, 1929.

детальные программы своих работ на кратковременный период в 4 месяца. Основным источником здесь служат ежемесячные отчеты отделений фирмы, заключающие сведения о продукции текущего месяца, о вероятных размерах реализации основных видов машин в ближайшие месяцы, о наличных запасах и прогноз продукции на грядущие 3 месяца. На основании этих местных данных, в случае надобности корректируемых, строится общий для всего концерна план деятельности, подвергающийся время от времени исправлениям в соответствии с рядом дополнительных сведений. Последние получаются к а ж д у ю д е к а д у от весьма широкой сети корреспондентов-продавцов (18 тысяч чел.) и касается числа проданных машин, поступивших заказов и количества машин, оставшихся в запасе.

Располагая всем этим богатым источником сведений, концерн имеет возможность планомерно регулировать свое производство, несмотря на ярко выраженный сезонный характер спроса на автомобили. Повидимому, в связи с традицией, установившейся за прошлые годы, спрос на автомашины концентрируется преимущественно в весенние месяцы, хотя в настоящее время около 75% всех проданных машин снабжены закрытыми кузовами и население пользуется автомобилями в течение круглого года. Так, продажа машин за три весенних месяца, март — май, составляет 37,5% всей годовой реализации, при чем апрельский отпуск раза в 4 превышает декабрьский. И только обладание указанным богатым арсеналом сведений дает возможность концерну удовлетворить этот сезонный спрос, не отказываясь от равномерного распределения в течение года своей продукции, чем достигается значительная экономия в использовании оборудования и рабочей силы.

Не касаясь методов разработки прогнозов другими хозяйственными организациями, строящими их в основном по тому или иному из вышеприведенных типичных примеров, остановимся теперь на чрезвычайно интересном вопросе о результатах, достигнутых указанными концернами в области хозяйственного прогноза. К сожалению, относящиеся сюда сведения носят весьма отрывочный характер. Наличные данные на первый взгляд рисуют очень благоприятную картину. Так, если сопоставить по рассмотренному нами выше концерну Simonds Saw and Steel Company число кварталов, по которым каждая из изучаемых фирмой кривых правильно предсказывала направление линии сбыта с общим числом протекших 24 кварталов за шестилетний период (1920—1925 гг.), то получим следующие результаты [1]:

Кривые	Число кварталов, по которым предсказание оправдалось	В % % к общему числу набюдаемых кварталов
Кредит	22	91,6
Спекуляция	20	83,3
Строительство	17	70,8

Ошибочным прогноз оказался как-раз в моменты кризиса (1920 г.) и депрессии (1924 г.).

Другая фирма — Disston Company, производящая аналогичные товары, что и предыдущий концерн, указывает следующие результаты своих прогнозов за четыре года:

	% отклонения от исчисленного			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Заказы	5,1	3,2	7,0	8,0
Выручка от продажи .	0,6	3,0	6,0	7,0
Расходы	1,0	1,3	3,0	4,0
Вывоз	—	—	3,0	0,9

[1] См. цитированную статью в „The Annals of the American Academy" etc.

Для Американской телефонной и телеграфной компании достигнутая степень точности предвидения рисуется следующими данными:

Года	Предсказание изменений	Фактические изменения
1921/22	— 10	— 11
1922/23	+ 2	+ 1
1923/24	+ 3	— 1
1924/25	0	0
1925/26	+ 3	+ 6
1926/27	— 5	+ 5
1927 г. (апрель—декабрь)	+ 2	+1,5

Наконец, рассмотренная нами выше Walworth Company считает также свои прогнозы в общем оправдавшимися. Так, несмотря на резкий рост сбыта товаров этой фирмы за 1922/23 г., прогноз на 1924 г. указал падение продаж на 13,5%, что оказалось близким к действительности, так как фактически реализация понизилась на 10,5%. Неблагоприятный первоначальный прогноз фирмы на 1926 г. («без прибыли») дал ей возможность своевременно принять ряд мер по снижению себестоимости и тем самым обеспечить себе прибыль значительных размеров.

Приведенные данные показывают, что степень точности, достигнутая в ряде случаев при предсказании экономической погоды — изумительная. Однако, вряд ли можно сомневаться в известном преувеличении этих результатов, публикуемых заинтересованными статистическими аппаратами. Это обстоятельство подчеркивается и компетентным американским исследователем проблемы прогноза в промышленности.[1] С другой стороны, число концернов, по которым приведены соответствующие данные, столь незначительно, что делать отсюда какие-либо общие выводы было бы рискованно. Наконец, нужно еще учесть, что приведенные материалы являются иногда средне-годовыми величинами, так что остается еще открытым вопрос, как оправдался прогноз в т е ч е н и е г о д а. А что в ряде случаев в этом отношении обстояло неблагополучно и как-раз в самые критические моменты, когда ответственность прогноза особенно значительна, мы уже видели на примере Saw and Steel Corporation.

Невзирая на все это, достигнутые в ряде случаев успехи в сфере предсказывания хозяйственной погоды окрылили надежды многих буржуазных исследователей, а также предпринимателей на возможность преодоления промышленных циклов с неизбежными, чреватыми столь опасными для капитала в экономическом и социальном отношениях, фазами кризисов и депрессии. «Верно то, что зародыши депрессии не менее теперь непобедимы, чем туберкулезные палочки» заявляет серьезный американский экономический журнал „The Annalist.“ [2] «Депрессии и кризисы окажутся все менее возможными» с воодушевлением вторит ему орган крупнейшего электрического концерна General Electric Review. [3]

Однако, перспективы бескризисного развития капиталистического хозяйства в действительности не имеют под собой никакой почвы. Мы уже не говорим о недостаточности уровня современных знаний для построения безошибочных экономических прогнозов. Наша дальнозоркость во времени еще весьма ограничена (особенно в идиографическом разрезе). Возможность строить в настоящее время прогнозы на сколько-нибудь длительный период (на год и больше) отрицается даже рядом крупных концернов — Bell System, Walusith Company и др.

[1] Ibidem, p. 124.

[2] См. номер от 2 ноября 1928 г.

[3] В цитированной журналом статье из „New-Iork Times“ от 6 января 1929 г.

Вряд ли нужно много распространяться и на счет того, что вмешательство в «нормальное» течение стихийных процессов капиталистического хозяйства отдельных, разрозненных мероприятий регулирующего порядка, вроде проводимой в С.-А.С.Ш. системы регулирования кредита Federal Reserv System и др., не облегчает проблемы экономического прогноза, строящегося в условиях капиталистического производства обычно лишь на генетической основе.

Существенное и решающее значение имеет, однако, тот факт, что предсказывание и, следовательно, соответствующее хозяйственное планирование распространяется в Соед. Штатах лишь на небольшие участки народнохозяйственного целого — на отдельные банки, концерны, фирмы, в то время, как основные, важнейшие отрасли хозяйства предоставлены «игре» свободных стихийных сил. Поэтому народное хозяйство в целом неизбежно подвержено превратностям экономического цикла, имманентного капиталистическому способу производства. В лучшем случае научно-проработанный прогноз отдельных крупнейших концернов способен лишь ослабить амплитуду колебаний кризисных фаз экономического цикла, но не более. Для овладения же циклом полностью, необходимо, чтобы в е с ь народнохозяйственный организм или по крайней мере его важнейшие сферы («командные высоты») были пронизаны объединяющим плановым началом, предусматривающим полное взаимодействие отдельных элементов хозяйственной системы. Но такое плановое хозяйство по существу антагонистично капиталистическому способу производства. [2] Оно не может по вполне очевидным социально-политическим причинам сосуществовать с капиталистической системой. Оно явится лишь на смену ей.

[1] См. „Industrial Forecasting“ в упомянутом журнале Annals of the American Academy etc.

[2] Лишь в период мировой войны ряд капиталистических стран в р е м е н н о и ч а с т и ч н о могли прибегнуть к планированию народного хозяйства.

В. Ивановский

Теоретики районирования в Германии

I

В капиталистических странах нет той практической потребности в районировании, которая у нас, по выражению проф. Н. Н. Баранского, «является главным фактором перестройки экономико-географической методологии».[1] В усиленной степени это относится к хозяйственно развитым государствам с небольшой площадью, которые «не могут испытывать настоятельной потребности в разделении на постоянные хозяйственные районы уже вследствие незначительности размеров своих всесторонне изученных территорий».[2]

И с теоретической стороны работа над таким пространственно сгущенным материалом, как германский, встречает большие трудности. Если зашедший далеко процесс развития менового хозяйства и способствует вызреванию экономических районов, то, с другой стороны, постепенное сгущение хозяйства на небольшой территории приводит как бы к функциональному сращиванию районов, вследствие чего как их границы, так и сами районы становятся трудно различимыми. Для их успешного выделения надо иметь особенно хорошо проверенную методологию, которую легче выработать путем наблюдений над каким-то иным более разреженным материалом. Именно в этом направлении на ряду с попытками районирования самой Германии и работает сейчас теоретическая мысль германских исследователей, привлеченная к вопросам районирования рядом военных и послевоенных обстоятельств.

В довоенный период, при блестящей разработке прикладной экономией вопросов географического размещения сельского хозяйства и промышленности, в экономической географии господствовало почти безраздельно отраслевое направление при наличии лишь некоторых слабых ростков районных идей. Сюда относится накопление материала по хозяйству отдельных частей Германии отечество- и хозяйствоведением и появление некоторых районных элементов в курсах торговой географии.[3]

Поворотным пунктом в истории районирования оказалась война. Индустриальный организм Германии, оторванный от своих зарубежных сырьевых дополнений, должен был искать их замены в своих собственных недрах, что не могло не привлечь внимания к изучению хозяйственного значения отдельных частей Германии и их взаимодействия. Появилась

---

[1] См. предисловие к I тому „Хрестоматии по экономической географии“ Н. Морозова и И. Юньева.

[2] Проф. В. Г. Бажаев — „К вопросу о хозяйственных районах“, Киев, 1915.

[3] В курсе M. Eckert'a. „Grundriss der Handelsgeographie“— Германия делится по рельефу на 4 ландшафта. Дальше, по почвенно-климатическим условиям в пределах этих ландшафтов, устанавливается 7 сельскохозяйственных ландшафтов. В курсе E. Friedrich'a. „Geographie des Welthandels und Weltverkehrs“, Jena, 1911 — делается попытка намечения производственных районов земного шара, как предпосылок мировой торговли, путем использования схемы зонального деления земного шара, взятой по Herbertson'y („The geographical journal“, XXV, 1905, стр. 300–313).

литература по Средней Германии, выдвинувшейся во время войны благодаря своим запасам бурого угля, развернувшейся электрификации и производству азота и алюминия.[1] Обстановка голода привлекла внимание к сельскохозяйственным районам, что дало в конечном итоге первые попытки сельскохозяйственного районирования Германии.[2] Из разработки вопроса о взаимодействии частей Германии развились логически все работы Эрвина Шей.

Версальские отторжения вызвали появление ряда работ по отошедшим или угрожаемым территориям и, в частности, по Рейнской области.[3] Обострению партикуляризма[4] некоторых окрайных частей Германии мы обязаны появлением районной литературы, пытающейся противопоставить центробежным тенденциям идею хозяйственной связанности. Сюда относятся монографии — по Баварии[5], ее прирейнским соседям[6], Силезии[7] — и работы над различными видами социального сплетения[8], в том числе и над взаимодействием экономических районов, из которых логически вытекли районные построения Шлира.

Крутой подъем волны районного течения был вызван поставленным после революции вопросом о реформе административного деления.[9] С точки зрения интересов индивидуалистического хозяйства достаточное разрешение этой проблемы заключалось бы в простом выделении, в качестве административных единиц, районов торгового тяготения и их центров.

---

[1] G. Aubin. „Entwicklung und Bedeutung der mitteldeutschen Industrie“, Halberstadt, 1924, работы Баумана, Мюллера и др.

[2] Кроме разбираемой ниже работы Шей см. P. Hesse. „Die deutschen Wirtschaftsgebiete in ihrer Bedeutung für die landwirtschaftliche Versorgung Deutschlands“, Berlin, 1928. В общирной библиографии указан только один труд по с.-х. районированию: перевод работы Студенского, вышедший в Иене в 1927 году.

[3] Br. Kuske. „Volkswirtschaft des Rheinlandes u. s. w.“ Essen, 1924. O. Quelle. „Industriegeographie der Rheinlande“, Bonn, 1926.

[4] О значении его можно судить по записке, представленной Мин. Внутр. Дел в Zentralstelle, организованному в 1919 году, в целях проведения реформы административного деления в духе единства государства и подчиненному Рейхсрату. Верхняя Силезия проектировала либо превращение ее в самостоятельную провинцию, либо в самостоятельное государство. В Вюртемберге культивировалась идея Великой Швабии — от Пфальца до баварской Швабии включительно. В Гессене — Великого Гессена. В Ганновере—старая идея вельфов о независимом от Пруссии государстве и т. п.

[5] Fr. Zahn. „Bayern und das Reich“, 2 Aufl. München, 1925.

[6] A. Weitzel. „Südwestdeutschland, das Rhein-Mainische Gebiet im Deutschen Einheitsstaat“, Frankfurt, 1926.

[7] W. Volz. „Schlesien im Bahmen der wirtschaftgeographischen Lage Deutschlands“, Breslau, 1925.

[8] В работах: H. Potthof'a. „Die innere Verflechtung der Deutschen Wirtschaft, B.“ 1922 и Fr. Zahn'a: „Die raumwirtschaftliche Verflechtung der deutschen Volkswirtschaft“, Conrad's Jahrbücher, III F., 69 Bd., S. 286, Jena, 1926; „Die raumwirtschaftliche Verflechtung der deutschen Volkswirtschaft. Erde und Wirtschaft“. H. 1, 1927 — прослеживаются трояко вида связи: профессионально-производственные — между отраслями хозяйства; социальные — между классами и территориальные — экономико-географические, в смысле взаимодействия районов. Это учение привело Шлира к рассуждению о том, что такое экономический район?

[9] Деление Германии на сохранившиеся от средневековья самостоятельные государства с числом чересполосных владений свыше двухсот и образованные еще в 1815 году провинции Пруссии находилось уже давно в противоречии с потребностями промышленного капитализма. В системе управления наметились особые округа: финансовые, железнодорожные, профессиональные, страховые и т. п. Несовпадение их друг с другом политическим делением и дороговизна госаппарата отражались болезненно на хозяйстве. С устранением династий отпало главное формальное препятствие к реформе, но сохранилось другое—фискальные интересы отдельных государств, владеющих крупными имуществами и юридические трудности при их делении или передаче. Поэтому, до настоящего времени устранены лишь вопиющие случаи. Произведено об'единение Тюрингии, слияние Кобурга с Баварией, Пирмонта с прусским Ганновером и разделение Силезии на Верхнюю и Нижнюю.

Тем не менее, проекты районирования Германии развивались не только в этом направлении.

Первая по времени работа Баумана [1] делит Германию по составу грузооборота и характеру энергетического хозяйства на 11 областей, соответствующих, в общих чертах, укрупненным, включением инклавов, прусским провинциям и комплексам второстепенных государств. По Рейну намечены три области: Рейнско-Вестфальская, Рейнско-Майнская (оба Гессена) и Пфальц-Баден-Вюртембергская. Дунайский район, энергетически основывающийся на белом угле, охватывается Баварией. Буроугольная Средняя Германия фигурирует в составе Тюрингии и обеих Саксоний (прусской и самостоятельной). Везерский район охватывается Ганновером. Далее следуют районы северной низменности — Бранденбургский, Гамбурго-Шлезвигский, Приморский (Померания и Мекленбурги), Силезский и Восточно-Прусский. Несмотря на всю показательность такого фокусного признака, как состав грузооборота, и привлечение важного производственного момента — энергетики, эту схему приходится рассматривать только как первое приближение к «открытию» интегральных районов Германии, так как данные о товарообороте «могут служить вспомогательным материалом, наводящим на основную характеристику района, а в основу его выделения все же должна быть положена именно эта основная характеристика», [2] т.-е. учет природных условий, истории и всей совокупности хозяйства.

Его продолжателем, еще более односторонним, явился Рабе,[3] давший путем сводки округов, принятых транспортной статистикой, схему тех же областей с несущественными изменениями границ Силезии и Рейнско-Вестфальской провинции.

К этой же серии трудов должен быть отнесен набросок Франкфуртской торговой палаты, [4] основанный на работах отдельных торговых и промышленных палат, производившихся в связи с созданием Совета Государственного Хозяйства с целью выяснения тяготеющих к ним округов. Эта схема, построенная, преимущественно, на учете тяготения отдельных районов к крупным центрам, округляет несколько границы районов Рабе и намечает в качестве центров уже перечисленных областей: Кельн, Франкфурт, Штутгарт, Мюнхен, Лейпциг, Ганновер, Гамбург, Берлин, Штеттин, Бреславль и Кенигсберг. Как мы видим, германская практика обнаруживает явление аналогичное тому, которое было установлено в отношении нашего сельскохозяйственного районирования Книповичем: [5] совпадение у разных авторов центральных частей наиболее оформившихся районов. Рассмотренные схемы районирования дают в виде пятен или крупных районов тяготения, как бы туманное отражение существующих районов, тем более к ним приближающееся, чем более фокусный признак лежит в основе схемы. Все эти проекты, [6] конечно, не разрешают задачи, но наводят на ее разрешение, разрабатывая попутно отдельные виды отраслевого районирования.

Послевоенные обстоятельства, способствуя появлению в печати как монографий по районам, так и работ по районированию, вызвали в то же время значительный интерес к нему в широких кругах географов и экономистов, начавших работать над методологией районирования, накоплением наблюдений вне Германии и над синтетическим районированием самой Германии.

II

Примером первого направления работ могут служить методологические статьи Шлира и Брауна — первого по вопросу о концепции экономического района, а второго, о методологии географии.

Пытаясь обосновать понятие экономического района и найти методы его выделения, Шлир [1] указывает, что развитие обмена в современную эпоху заставляет хозяйственную территорию специализироваться как бы пятнами, связанными разделением труда нередко с очень отдаленными областями. Эти производственные пятна он и принимает за районы. При намечении их границ он рекомендует жертвовать второстепенными признаками в пользу главных, понимая это механически без учета функциональных связей. Восточную половину Германии он предлагает делить на сельскохозяйственные районы, жертвуя, например, промышленным Лаузитцем в пользу сельскохозяйственной Силезии. Западную Германию он советует, наоборот, делить на промышленные, жертвуя долиной Рейна в пользу Рейнской промышленной области. Изучение функциональных связей он переносит в описание районов, смешивая производственные и меновые связи в одной формуле хозяйственного сплетения. Таким образом, он не поднимается в практических предложениях выше стадии статистического районирования, несмотря на то, что в поле его зрения находятся не только различные виды хозяйственного сплетения, но и различные моменты, обусловливающие специализацию районов.

Непоследователен он и во взглядах на организующую роль политической границы. Он считает, что с политическими границами совпадают границы сельскохозяйственных районов, но не совпадают границы промышленных. Здесь он остается, повидимому, во власти общественно-исторической обстановки германского аграрного протекционизма и далек от того более приемлемого решения вопроса, которое имеется в нашей литературе: «Если существование политической и национальной границы не сопровождается никакими экономическими барьерами, то при переходе ее, и системы хозяйства, при одинаковых природных и рыночных условиях, тоже не изменяются» . [2]

С точки зрения популярности районных идей крайне интересен тот переворот, который произошел в настоящее время во взглядах на методологию географии у одного из видных представителей этой науки проф.

---

[1] Dr. Baumann. „Kraftquellen und Verkehr als bestimmende Faktoren für deutsche Wirtschaftsgebiete". „Verkehrstechnische Woche", 1923.

[2] С. Бернштейн-Коган — „Очерки экономической географии", М., 1923.

[3] В предисловии к докторской работе в ганноверской высшей технической школе.

[4] Опубликована отдельным приложением в статье Er. Obst'a.— „Zur Neugliederung des Deutschen Reiches" „Zeitschrift f. Geopolitik", H. 1. 1928, — с изменением границ Нижней Саксонии, вследствие нахождения там „слишком очевидных ошибок".

[5] Проф. Б. Н. Книпович. „К методологии районирования", М., 1921.

[6] Для полноты картины следует отметить и ряд других попыток районирования: официальный вариант прусского секретаря по внутренним делам Прейса (см. об этом: в 3—4 Heft 1928 г. „Erde und Wirtschaft". „Die Zentralstelle für Gliederung des D. R.") с делением на области не менее 2 млн. населения; схему Вайцеля (A. Weitzel Fr./м. „Die regionale Gliederung D. nach Wirtschafts und Verkehrsregionen", E. и W., H. 1, 1928), который, исходя из совпадения районной организации телефонного дела, радио, воздушного сообщения, передачи известий агентствами и т. п. и отчасти транспортного районирования, намечает набросок 12 областей, совпадающих с перечислением выше за исключением Баварии, разделенной на две части. Его „воздушный" метод — разновидность районирования по тяготению. Особняком стоит схема Тукермана (W. Tuckermann, Vorschlüge für eine Neugliederung des d. R. In B. Schmittman: „Preussen Deutschland, oder Deutsches D". Bonn, 1920), учитывающего преимущественно племенной признак. В ней фигурируют: Швабия, Франкония, целых три Саксонии (Нижняя—Ганновер, Северная—Шлезвиг, Верхняя — нынешние прусская провинция и самостоятельное государство) и т. п. Схему Фогеля и др.

[1] O. „Schli r. Grundsätzliche Fragen zur Abgrenzung von Landschaften". „Allgem. Statistisches Archiv", 17 B., 2 H., Jena, 1927. Большую ценность имеет его работа: „Der deutsche Industrie Körper seit 1860", Tübingen, 1922.

[2] А. Котов. „Проблемы размещения сельского хозяйства и промышленности", М., 1927, стр. 155.

Г. Брауна.[1] С 1921 года он перешел к разработке особого метода в землеведении, который он называет социологическим, но не геополитическим, от которого он отмежевывается. Разрабатываемая путем его применения новая дисциплина должна стать синтезом природы и человека, соединением социологии и землеведения В качестве конструктивной гипотезы он использует представление об органическом строении государства, а содержание предмета видит в точной локализации на карте его органов и тканей в их взаимной связи и в связи с их жизненными отправлениями. В следующем дальше конкретном изложении плана исследования государства это означает не что иное, как изучение составляющих его экономических районов и их взаимодействия.

В область социальной анатомии, использующей максимально картографические приемы и исходящей «от карты», входит рассмотрение природных богатств, транспорта и средств сношений, потом производства и, наконец, размещения населения в масштабе мельчайших административных единиц, принимаемых как бы за естественные клеточки социального организма. Наложением картограмм он думает установить хозяйственное деление жизненной территории, выделить органы питания (с.-х. районы), обработки, центры обращения и т. д., т.-е., говоря другими терминами, наметить экономические районы и рассматривать средства транспорта и сношений, как проводники их взаимодействия.

В область социальной физиологии он отводит изучение взаимодействия, с составлением индексов для регистрации «обмена веществ» — внутренней и внешней торговли.

Итак, в учении Брауна мы имеем интересный вариант районной экономической географии с плодотворной предпосылкой реального существования районов. Однородные начинания сделаны шведским ученым Волином[2] и германским Тиссеном.[3] В Грейсфальде в редактируемом им журнале «Земля и хозяйство» Браун ведет за собой значительную группу германских ученых, разрабатывающих районные проблемы,[4] а во втором томе своего труда «Северные государства» он предполагает дать результаты применения предложенной им методологии.

Образцом второго направления работ, которое названо выше наколением материала за границей, могут служить доклады, сделанные на очередном съезде географов 1927 года. Знаменателен сам по себе факт, что с 1881 года до 1927 года вопросы экономической географии, и при этом отраслевой, рассматривались только один раз на XIV кельнском съезде 1903 года в связи с сообщениями, сделанными Зигерсом, Фридрихом и тремя другими докладчиками. Между тем, на нынешнем съезде в Карлсруэ вопросы экономической, и при этом районной, географии составляли злобу дня.

В методологическом докладе д-ра Гартнака из Грейфсвальда экономической географии отводится центральное место в системе культурной географии. Вести изучение он рекомендует по районам, но придерживаясь границ государств, учитывая, таким образом, политический фактор. В современном успехе экономической географии таятся, по его мнению, две опасности: 1) что она сведется к плохой работе по национальной экономии и 2) что ее забудут, вследствие ее ограниченного значения, в общей системе географии.

---

[1] „Geographische Einführung“, „Erde und Wirtschaft“, H. 1, 1928. Его главный труд „Nordischen Staaten“, B. I.

[2] N. Wohlin. „Det svenska jordbrukets inrikes, avsättningsforhallanden“, Stockholm, 1914.

[3] E. Tissen. „Einheitskarten“. Peterm. Mitteilungen 64, 1918.

[4] См., например, статью F. Christiansen'a „Die Stellung Stettins im Handel der deutschen Seehäfen.

Д-ром Вайбелем из Киля сделан доклад о результатах путешествия в Мексику в область Сиера Мадре де Рианос, в котором он ставил себе целью, путем изучения форм предприятий и направления хозяйства отдельных ярусов, притти к морфологии хозяйственных ландшафтов и выработке специально географических методов трактования хозяйства.

Аналогичные цели главные или побочные ставились и другими докладчиками-путешественниками по Китаю, Чили и другим странам. Некоторые, как, например, д-р Крейцбург из Мюнстера, пытались примирить земледельческий ландшафт с экономическим. Выделенные им на острове Крите пять ландшафтов отличались, по его словам, в то же время и в экономическом отношении.[1] В этой натяжке, между прочим, обнаруживается то состояние пленения экономической географии общей географией, в котором она находится в германских условиях. Исключением является только грейфсвальдское гнездо, в котором общей, а практически, преимущественно, физической географии, противополагают социологическую и, кроме него, лишь немногие отдельные ученые. К числу наиболее выдающихся из них принадлежит Эрвин Шей, давший наиболее обоснованную попытку интегрального экономического районирования Германии, являющуюся лучшим образцом третьего направления работ германских экономистов-географов районного направления — работ над Германией.

Им написано три работы. Первая из них: «Экономико-географическая гармония Германии»[2] представляет собой первоначальную попытку изучения соотношения отдельных частей Германии по районам, устанавливаемым статистикой перевозок. В первой части этого труда рассматриваются причины образования районов и географическое размещение отраслей хозяйства. Разбирая причины образования районов, Шей учитывает и разнообразие природной среды, и особенности исторического процесса, подчеркивая значение для Германии меркантилизма и промышленного переворота. В части географического размещения дается своеобразное сельскохозяйственное районирование Германии, с делением ее на три класса местностей в зависимости от степени плодородия почвы и состава зерновых культур, и выделением производящих и потребляющих районов. Далее, с помощью промышленной карты, составленной кружковым способом,[3] демонстрируется географическое размещение промышленности. Во второй части ведется порайонная характеристика направления производства по провинциям и государствам, с учетом природных предпосылок и исторического генезиса, и подробная характеристика связей с другими районами. В заключении дается довольно неясная формулировка задач дальнейших исследований: «Будущие исследователи гармонии[4] должны обнаружить хозяйственные пространства с одинаковым направлением интересов»(?). При чем, выделение Бауманом Средней Германии на основе только двух признаков признается неправильным и ставится задача всестороннего охвата хозяйства.

---

[1] Область полукочевого животноводства на известковых горах; обводненные культурные оазисы в сланцевых гористых местностях; густозаселенные холмистые местности неогена с развитым земледелием; долинные ландшафты с развитой культурой оливкового дерева и земледелием; бедные в культурном отношении ландшафты известковых плоскогорий.

[2] Erw. Schen. „Deutschlands wirtschaftsgeographische Harmonie“, Breslau, 1924.

[3] По числу рабочих с указанием особыми знаками важнейших отраслей.

[4] Под этим подразумевается взаимная связанность частей Германии, достигающих хозяйственной законченности только в единстве народного хозяйства. В действительности, полная „гармония“ может быть достигнута Германией только в мировом хозяйстве.

Вторая работа: «Хозяйственное единство государства»[1] служит продолжением первой части «Гармонии», давая подробное исследование географического размещения отдельных отраслей.

Третья работа, статья помещенная в журнале «Земля и хозяйство», продолжает вторую часть «Гармонии» и содержит в себе попытку интегрального экономического районирования Германии на основе расширенного материала, собранного во второй работе, и с переходом к сводке по округам.

Схема деления Германии на хозяйственные области

Методологическое обоснование занимает в ней три страницы. По мнению Шей, в экономической географии надо исходить из природного ландшафта, с перенесением центра тяжести в хозяйство настолько, что, в случае принадлежности хозяйственного комплекса к нескольким ландшафтам, он не должен быть разрываем на части. Другими словами, экономические районы конструируются аналогично, но без совпадения с географическими ландшафтами.

Посмотрим, что он вкладывает в понятие района.[2,3] Точных границ у хозяйственных областей нет. Поэтому, надо установить признаки, которые определяют структуру хозяйственной области и ее характеризуют.

[1] „Des Reiches wirtschaftliche Einheit", Leipzig, 1926.

[2] Die wirtschaftliche Gliederung Deutschlands", E. und W., H. 1, 1927.

[3] Он почти не употребляет термина Wirtschaftsregion, а пользуется здесь и в дальнейшем двумя однозначащими с ним терминами: Wirtschaftsgebiet или, реже, Wirtschaftsprovinz для обозначения совокупности подрайонов, сходных по направлению специализации или связанных между собой взаимным тяготением, и Wirtschaftsbezirk для обозначения более мелких территорий — подрайонов, однородных в смысле направления специализации. Но эта терминология, как будет видно ниже в изложении, где мы передаем ее буквально, им не всегда выдерживается.

Наиболее просты структура и границы углепромышленной области. Если в ней представлены и другие отрасли, то все же в основном ее структура будет определяться горной промышленностью.

Чисто сельскохозяйственные области, которые имеют значение для целой страны, могут тоже считаться хозяйственными областями. Среди них надо различать по особенностям технической структуры чисто сельскохозяйственные и имеющие сел.-хоз. обрабатывающую промышленность, как, например, с трудоемкой культурой свекловицы и сахарной промышленностью. На способы ведения хозяйства влияет также величина предприятий. Поэтому, можно различать области с преобладанием мелких, средних и крупных предприятий.

Затем, необходимо выделять области с густым населением и без сельскохозяйственного базиса, отличающиеся сложной структурой, развитием разных отраслей обрабатывающей промышленности, притягиваемых дешевым трудом, в которых все основано на привозном сырье и топливе.

Однако, одним статистическим моментом — однородности структуры производства — при намечении границ ограничиваться нельзя. Области с однородной структурой будут не всегда едиными областями. Для этого необходимо еще известное чувство общей принадлежности у населения, что в значительной степени вызывается тяготением к одному торговому району. Поэтому, вспомогательное средство для определения границ — рынок. В средние века города обслуживались своей округой. После проведения железных дорог мелкие города, в свою очередь, тяготеют к средним, средние — к крупным. Образуются солнечные системы, в которых более крупным центрам населения соответствуют и большие размеры округов. Между этими системами можно наметить индиферентные зоны, тяготеющие к нескольким центрам. По этим зонам и следует, главным образом, проводить границы районов (см. схему на стр. 214).

В строгом соответствии с этим обоснованием находится и предложенная им схема деления Германии на хозяйственные области, которую, вследствие ее интересности, мы считаем полезным изложить в буквальной, но сжатой передаче, добавив лишь в выносках некоторый дополнительный материал, заимствованный отчасти из его предшествующих работ.

III

Северная равнина. Сама природа делит Германию на равнину и серединные горы.

От берега моря до границы среднегерманских гор тянется северная равнина. Диагональю от Силезии через Флеминг на Люнебургскую пустошь проходит песчаный пояс с пустошами, сосновыми лесами и скудным земледелием. Он заполняет большую часть территории Бранденбурга и северного Ганновера.

К югу от этой песчаной полосы: от Силезии через Саксонию и южный Ганновер проходит зона чрезвычайно плодородной, частью лессовой почвы, в которой располагаются цветущие земледельческие области Германии — центры возделывания свекловицы и сахарной промышленности.

Северней в пределах Бранденбурга она исчезает и появляется вновь в виде моренных плато и алювиальных почв устьев рек Померании и Мек-

ленбурга. В песчаном Бранденбурге 17% посева находится под картофелем. При этом и общий размер дохода от полеводства на единицу площади здесь значительно ниже. Поэтому, необходимо с сельскохозяйственной точки зрения различать Бранденбург [1] от обеих северных провинций и выделять в особую область, отделенную польским коридором, Восточную Пруссию.

Этому отграничению по производственным признакам соответствуют и различия областей по формам хозяйства. Померанско-Мекленбургская область имеет преобладающим типом хозяйства от 20 — 50 гектаров. Бранденбург свыше 50, иногда 100. Вся северо-восточная зона отличается наименьшей плотностью сельского населения и наибольшими размерами хозяйств.

На северо-западе, наоборот, преобладают средние размеры хозяйств. Здесь северный Ганновер и Ольденбург образуют особую область. Усиливающаяся в ней песчанистость почвы приводит к возделыванию картофеля. На побережье преобладает животноводство, а во всей области свиноводство, частью на картофеле, частью на привозных кормах. Здесь 50% населения занято сельским хозяйством. При скудном продородии почвы количество калийных удобрений на гектар превосходит 40 кг. [2]

Южная лессовая зона Ганновера должна быть отделена от северной его песчаной части. Здесь основной тон хозяйству дает сахарная свекловица и сахарная промышленность, развившаяся на буром угле Гарца и его предгорий. Среднегерманские горы дают цемент, идущий и в соседние области. На рудах Оснабрюка, в нем же, и в Пейне обосновалась металлургия. Эта область лежит в центре скрещения имеющих мировое значение железных дорог: меридиональной, из гессенской долины на север, и широтной, а также и водной системы Везера. Близость к морю и удобство сообщения создали предпосылки для развития легкой индустрии, основанной на местном или заморском сырье, как, например, резиновой промышленности. Стоимость жизни, рабочий рынок и уровень зарплаты резко отличны от вестфальского района.

Этим отличается и Кассель с его округом в составе Гессена. Судоходный приток Везера Верра соединяет его с Ганновером. Поэтому, он больше тяготеет к северу и должен быть присоединен к области южного Ганновера. [1]

Таким образом, в пределах северной равнины намечается шесть областей: Берлин, Бранденбург, Померания-Мекленбург, Вост. Пруссия, Северный и Южный Ганновер.

Особый хозяйственный округ образует Шлезвинг-Голштиния. На побережьи здесь основной тон задает судоходство и связанное с ним судостроение. Близость к морю и возможность подвоза хлеба и концентрированных кормов обусловливают специализацию сельского хозяйства на животноводстве. Сюда входят в качестве центров тяготения Гамбург с нижней Эльбой и Любек. Плотность населения высокая в Шлезвиге падает по направлению к Ганноверу. Следовательно, прирост остается за правым берегом Эльбы. Поэтому, нижне-эльбскую область следует относить к Шлезвигу, хотя правильней было бы выделить ее в самостоятельный округ.

Средняя Германия. Область образуется треугольником Гарца, Тюрингенского Леса и Рудных гор, в который глубоко вдается северная равнина в виде бухты, окружающей Лейпциг. Через него проходит дорога в Силезию. Благодаоя положению на этом пути, Лейпциг издавна развился в крупнейший торговый центр — сердце Средней Германии.

От силезского Лаузица по долине Эльбы, суживаясь у Гарца, проходит полоса плодородных лессово-глинистых почв, занимающая и лейпцигскую бухту. Здесь расположился главный пшенично-свекловичный район с молочным направлением животноводства и более мелкими размерами предприятий, чем восточней Эльбы.

Сами предгорья имеют скудные почвы и холодный климат. Здесь еще в средние века производилась добыча ценных металлов. Потом, после истощения рудников на почве излишков рабочих рук развилась обрабатывающая промышленность, сохранившаяся отчасти и сейчас в форме кустарной промышленности. Отсюда промышленность распространилась и в равнинную часть предгорий.

Историческим центром возникновения текстильной промышленности был четырехугольник, образуемый соседними городами Тюрингии (Гера), Саксонии (Глаухау и Вердау) и прусской Саксонии (Цейц). На почве овцеводства здесь возникло сукноделие, из которого развилась впоследствии шерстяная промышленность. Так как эти центры находятся в долине Эльстера, [2] на котором стоит Лейпциг, то он стал торговым центром и резиденцией правлений предприятий этой промышленности. Вокруг этого шерстяного пятна в тюрингенской Апольде и саксонских Хемнице, Лимбахе и других городах у богатых водной энергией склонов гор возникла хлопчатобумажная, трикотажная и бумажная промышленность. Развитие спроса на машины вызвало создание центра машиностроения в Хемнице. А каменноугольные копи дали энергию хемницкому текстильному и металлообрабатывающему району. К северу от этого текстильного гнезда характер промышленности меняется. Лейпциг, в связи с своим положением в центре

[1] На карте он выделяет в особый район Берлин с предместьями. В тексте он оставляет без освещения организующую роль этого центра в хозяйстве всего Бранденбурга, составляющего вместе с Большим Берлином, как бы единую область типа центрально-промышленных районов. При скудости результатов земледелия центр тяжести хозяйства в ней лежит, конечно, в промышленности Большого Берлина, насчитывающего более 4 млн. населения против 2 в Бранденбурге. Своим промышленным развитием Берлин обязан в первую голову своему центральному положению, благодаря созданной искусственно системе транспортных путей. Соединение Шпрее с Одером при Фридрихе Великом, потом Гавели с Штеттином сделало его центром водной системы севера. Нало-жившаяся позже сеть радиальных дорог, превратила его окончательно в германскую Москву. В промышленности занято сейчас более 0,5 млн. рабочих. Прежде всего, в металлической, из которой главная отрасль электротехническая дает 80% продукции Германии. Затем в химической, конфексионной, полиграфической (первое место по издательствам, второе по книгопечатанию) и др. Половина водного пробытия приходится на уголь из Селезии, остальное на лес и рожь из Познани, Зап. Пруссии и СССР через Штеттин, отчасти на пшеницу из Гамбурга. Железной дорогой прибывают: уголь из Силезии, камень из Саксонии, хлеб из Померании и Познани, мясо и свиньи из Познани и Зап. Пруссии. В настоящее время место Познани и Зап. Пруссии заняла Вост. Пруссия. На долю Бранденбурга остается, главным образом, снабжение молочными продуктами и овощами, в чем и выражается организующее влияние Берлина на строй сельского хозяйства, которое легче всего было бы выявить методом экономического профиля, проведенного в радиальном направлении.

[2] Осушением, обвалованием маршей и удобрением пустошей и гестов последние частью превращены в сельскохозяйственные земли. Однако, доля неудобных земель в Вост. Фрисландии доходит и сейчас до 58%. Не сельскохозяйственные возможности, а приморское положение задает здесь тон всему хозяйству. В условиях аграрного прогрессионизма оно создает возможность развития скотоводства, как отрасли с. х. „облагораживающей“ заморские корма. В портовых городах, таких, как Бремен, разместились также „облагораживающие“ отрасли премышленности: резиновая, мыловаренная, текстильная и т. д. на ряду с судостроением. В еще большей степени это относится к Гамбургско-Шлезвигскому округу, центры которого при большем подборе отраслей, среди которых крупная кожевенная, обладают и обслуживающей нужды машино- и судостроения металлургией тоже „облагораживающей“ заморскую руду и кокс. Общность в основе индустриальной структуры хозяйства этих округов делает их единой областью, выполняющей среди германских областей функцию облагораживания заморского и в значительной части русского сырья.

[1] Совершенно одинаковой специализацией и структурой хозяйства отличается соседний среднегерманский магдебургский округ, являющийся потому продолжением Южно-Ганноверского округа.

[2] Приток Заале эльбской системы.

плодородной земледельческой бухты, имеет преимущественно сельскохозяйственное машиностроение. На ряду с этим он главный центр германского книгопечатания, опирающегося на бумажную промышленность Саксонии, меховой промышленности и, меньшего значения, центр химической промышленности. То же и в западном направлении. Между Франконским Лесом и Рудными горами лежит Фогтланд, саксонская и баварская часть которого имеет текстильную промышленность, аналогичную хемницкой. Лежащие южнее Фихтелевы горы — исторический центр развития фарфоровой промышленности, откуда она распространилась на Франконский и Тюрингенский Леса, где к ней присоединяются: промышленность по изготовлению игрушек и мелких железных изделий. Севернее, в довольно плодородной тюренгенской котловине значение промышленности сильно убывает. Она стягивается здесь к линии городов, находящихся на широтной железнодорожной магистрали. Таким образом, в границы текстильной области необходимо включить восточную часть Тюрингии, западную Саксонию и юго-восточной угол прусской Саксонии.

Северный равнинный район имеет развитое сельскохозяйственное машиностроение, сахарную, калийную и, в последнее время, химическую промышленность. Одно предприятие Леунаверк у Мерзебурга сосредоточивает в настоящее время 30 тысяч рабочих. В виду колоссального развития добычи бурого угля, в связи с химической промышленностью и электрификацией, а также и развития калийной промышленности, прусскую Саксонию начали выделять в самостоятельную хозяйственную область. Это неверно. Калийная продукция южного Ганновера и Кассельского округа равна продукции всей остальной части Гарца, а бурый уголь употребляется в Тюрингией и Саксонией. Благодаря электрификации и электропередаче из 4,5 млн. тонн добываемых в Мерзебургско-Тюрингенских копях, 3,25 потребляется в Саксонии. Общность буроугольного хозяйства и высокая степень производственной связанности этих трех административных единиц находят свое выражение в громадном грузообороте между ними, который имеет локальный характер. Это заставляет считать их как бы частями громадной экономической области Средней Германии, отдельные хозяйственные округа которой не трудно наметить.

Центрально-саксонский — в составе: западной Саксонии, округов Геры и Грейца, Тюрингии и Цейца, Вейсенфельца [1] и Наумбурга, прусской Саксонии с центром тяготения Лейпцигом. С ним конкурирует прусский центр Гале, но он уступает в торговом и промышленном значении Лейпцигу и является локальным центром.

Дрезденский — в составе: восточной части Саксонии и Силезского Лаузица. Восточная часть Рудных гор отличается в ландшафтном и экономическом отношениях от западной. Здесь в районе Дрездена, на ряду с металлообрабатывающей и химической (главным образом фотографической и фармацевтической), на залежах бурого угля развилась стекольная промышленность, а благодаря удобству доставки леса из Чехо-Словакии, — бумажная промышленность. На востоке в районе Циттау и Лобау и в районе Герлица в Силезском Лаузице из льняной промышленности развилась хлопчатобумажная, воспринявшая льняные традиции (белье и т. п.) и опирающаяся на общие разработки бурого угля. На востоке, в Силезии, границу этого округа образует песчаный пояс, с началом которого население быстро падает.

Единство Тюрингенскому округу придает тюрингенская котловина. Благодаря характеру рельефа, позволившему провести здесь важнейшую

[1] Сапожная промышленность, тоже ориентирующаяся на рабочую силу.

широтную [1] и меридиональные [2] магистрали, округ является важным транспортно-транзитным районом Германии. Единственный крупный центр Эрфурт развился на месте пересечения широтной и меридиональной магистрали. В нем и в мелких городах на той же широтной магистрали сосредоточена металлообрабатывающая промышленность. [3] Особую промышленную полосу образует Тюрингенский и Франконский Леса с внегородской стекольной, фарфоровой, игрушечной, мебельной и т. д. промышленностью. На севере у Гарца разработка кали.

Плодородная равнина, тянущаяся между Гарцем и Флемингом, образует Магдебургский округ с цветущим земледелием и культурой свекловицы, с которой связано все хозяйство округа. К услугам ее имеется развитая сахарная промышленность, [4] энергетически опирающаяся на буроугольные копи. С ними, а также и с соляной и калийной промышленностью связана химическая, в свою очередь поставляющая удобрения под свекловицу. В последнее время и в виде азотистых удобрений, благодаря развитию производства синтетического аммиака. Северный Альтмаркский округ, отличающийся по структуре хозяйства, вследствие песчанистости почвы, не допускающей культуры свекловицы, должен быть отнесен к Бранденбургской области.

Силезия. Лесистая цепь гор, плодородная лессовая полоса и бесплодные песчаные пустоши правого берега Одера составляют поверхность Силезии. В первой размещается текстильная, стекольная и каменноугольная промышленность, [5] во второй земледелие с культурой свекловицы и в третьей части — скотоводство. Различие природных и хозяйственных условий приводит к развитому обмену внутри самой области. А организующая роль каменноугольной промышленности и Бреславля, как главного центра и места сосредоточения обрабатывающей промышленности, [6] придает ей вид законченной области, внешние связи которой при ее восточном положении идут в направлении Берлина и Бранденбурга. Ее целесообразно делить на два округа: Верхне- [7] и Нижне-Силезский.

[1] Эйзенах—Иена.

[2] По долине Заале через Иену и из долины Некара на Эрфурт.

[3] Паровозостроения, локомобили; в Иене оптическая.

[4] Работающая не только на местном сырье, но также и свекловице и песке, подвозимом из южного Ганновера. Эльбский центр — Магдебург по своей организующей роли для обоих округов может быть сравниваем с Киевом и его ролью в системе юго-западной области.

[5] Имеются в виду вальденбургский бассейн и остатки верхнесилезского.

[6] Сахарной, машиностроительной и др.

[7] В пределах германской части В. Силезии осталось 30% добычи угля и 20% цинка и стали. В довоенных границах этот район давал 0,25 германской добычи угля и 6% стали и обслуживал ими всю часть Германии восточнее Эльбы. В обмен он получал фабрикаты и железный лом (обратный груз для угля), составлявший вместе с шведской рудой, подымавшейся по Одеру, сырьевую базу силезской металлургии. С этой основной функцией связывались и все остальные элементы хозяйства Силезии: сельское хозяйство, покрывавшее потребности в продовольствии, обрабатывающая промышленность Бреславля, связанная органически с верхнесилезским углем и металлом, и судетская — с углем и машиностроением Бреславля.

С отнятием наиболее развитой части В. Силезии выпал основной стержень областного хозяйства. В современных границах Германии и района, В. Силезия давала перед войной лишь 9% угля и 1% стали. Вместе с тем порвалась и экономическая связь с отошедшей частью. Привоз из Польши, несмотря на снятие пошлин на продукцию отошедшей территории (на 15 лет), составляет лишь небольшую часть довоенного поступления. Это находится в связи, отчасти, с конъюнктурой германского рынка, отчасти с польской политикой премирования вывоза железа на Балканы, возможной при невхождении ее в европейский картель. Главная функция Силезии переходит к Руру, который вскоре получит и удобный проводник своего влияния к востоку от Эльбы в виде среднегерманского канала (Везер—Эльба). В связи с этим изменилась структура хозяйства Силезии Нижне-Силезский округ становится простым продолжением среднегерманской промышленной области, которую он снабжает излишками продовольствия и с которой он

Рейнско-Вестфальская хозяйственная провинция. На западе Германии серединные горы расширяются в виде веера пересекающих Рейн сланцевых гор. Среднее течение Рейна соединяет их, с одной стороны, с глубокой долиной Верхнего Рейна, а с другой — с нижнерейнской низменностью, далеко вдающейся в эти горы у Бонна. К нижнерейнской низменности тяготеет с севера вестфальская равнина, благодаря пересекающим ее судоходным притокам Руру и Липпе. Эти три ландшафта образуют предпосылки, из которых выросло хозяйство рейнских областей.

Область сланцевых гор самая бедная по природным данным. Ее население было вынуждено издавна заниматься промышленной деятельностью. Лес, руда и водная энергия содействовали раннему появлению железоделательной промышленности.

Нижнерейнская низменность отличается, наоборот, значительным плодородием. Особенно на левом берегу Рейна. Здесь рано развилось земледелие и, благодаря идущим во все стороны торговым путям, обрабатывающая промышленность. С открытием применения угля и паровых машин в Руре и, отчасти, в Ахене развился главный район германской тяжелой индустрии.

На ряду с этим Рейн притянул к себе и другие отрасли промышленности. Благодаря легкости доставки химсырья, кож, какао, табаку здесь развилась промышленность, перерабатывающая заморское сырье.

Таким образом, вся хозяйственная жизнь рассматриваемой провинции связана с Рейном. Границу ее на севере кладет Тевтобургский лес, так как отграничиваемый им Мюнстерский округ питает Рур продовольствием. Южную границу, на правом берегу, образует Вестервальд, так как лежащая к югу от него область шиферных гор с лесами, каменоломнями и месторождением железной руды Зига, Лана и Диля, продолжающимися и в ветцларском округе, при отсутствии угля и удаленности их от Рейна, оторваны экономически от нижнерейнской области. На левом берегу границу образует Эйфель, так как винодельческий район Мозеля и каменоломни со сбытом на верхний Рейн, объединяют интересы всей вышележащей области с верхним Рейном. Франкфурт является для нее центром большего притяжения по сравнению с Кельном. В пределах отграниченной, таким образом, Рейнской провинции намечаются по характеру специализации четыре округа.

В нижнем течении Рура и к северу от него резко отграничивается округ рурской тяжелой индустрии. В центре хозяйства здесь стоит добыча угля и выплавка железа. К этому прибавляются: изготовление оборудования для горной и металлургической промышленности и транспорта. В процессе развития этой промышленности намечается ее перемещение вдоль угольного пласта в район Липпе и округ Мерс на левом берегу Рейна, несмотря на большую глубину залегания угля.[1] Поэтому, границы округа,

связан разделением труда в текстильной промышленности (вследствие более низкого уровня зарплаты сюда поступают из центрального саксонского района сурьвые ткани для окраски и отделки). Только В. Силезский округ сохраняет структуру горнозаводского района, являющегося продолжением чешского и польского.

[1] По мере удаления от центров бассейна увеличивается глубина залегания, но качество коксового угля повышается настолько резко, что за счет падения топливных расходов оказывается возможным вести выплавку на дорогой зигерландской руде. Этим методом и расширением подвозки шведской руды осуществлена замена лотарингской руды, а в будущем может быть разрешена и задача полного замещения выплавки Саара, Лотарингии и В. Силезии. В настоящем при некотором участии саарской металлургии (имеющей беспошлинный доступ на 15 лет) и ничтожном—Лотарингии (в обоих случаях ввозимая квота устанавливается европейским картелом), при слабом проникновении внекартельного польского металла и огражденности пошлинами от английского, снабжение Германии осуществляется тоже, главным образом, Руром. Вместо 0,75 довоенной до-

исходя из учета перспектив, проведены несколько шире современной локализации центров тяжелой индустрии.

Гористый округ южнее Рура специализировался на легкой металлической индустрии, превращающий рурский металл в окончательные изделия. В отличие от рурской тяжелой индустрии в этих производствах[1] заняты обширные кадры квалифицированных рабочих. В районе Барман-Эльберфельда сосредоточена текстильная промышленность, ориентирующаяся на женский труд, не находящий себе приложения в металлопромышленности.

Значительным смешением отраслей промышленности отличается и Кельнско-Ахенский округ. Из ремесла развилась шелковая промышленность Крефельда и суконная Ахена. На ахенском угольном бассейне разместилась и старейшая на Рейне тяжелая индустрия, часть которой откочевала на берег Рейна. С ней связана металлообрабатывающая промышленность, изготовляющая, на ряду с машинами,[2] очень тонкие, мелкие изделия, как, например, швейные иглы. Здесь же в связи с цветущим сельским хозяйством левого берега разместилась на правом песчаном берегу, привлеченная сюда низкими земельными ценами, сельскохозяйственная индустрия.

Остающаяся на севере часть Вестфалии, Мюнстерский округ, имеет сельскохозяйственный характер. Его назначение — снабжение продовольствием Рурской области.

Кобленцкий хозяйственный округ. На северо-западе границу образует Эйфель и Вестервальд, на юго-востоке Таунус и Гунсрюк. Отличную структуру хозяйства от нижнего Рейна придает направление его специализации, связанное с ландшафтом сланцевых гор. Каменоломни, заготовка леса и дубителей в дубовых лесах, благодаря чему здесь обосновалась кожевенная промышленность. Хуже обстоит дело с разработкой руд по Лану и Дилю, возможной при удаленности от Рейна и отсутствии угля только благодаря значительным скидкам в железнодорожных тарифах по их провозу. Виноделие об'единяет интересы округа с верхним Рейном. Центр — Кобленц обязан своим торговым развитием положению при впадении Лана и Мозеля.[3]

Хозяйственные округа Рейнско-Майнского четырехугольника и юго-западной Германии. Главный стержень хозяйства этой области тоже долина Рейна. Со склонов гор и притоков Рейна к ней стягивается сухопутный и водный грузооборот. Благодатный климат создает предпосылки для цветущего виноделия. Однако, последнее встречается и севернее и не может служить признаком для выделения округов. Химическая, кожевенная и машиностроительная промышленности развиты в обоих округах и придают им еще больше сходства. Но динамические силы обмена отделяют их друг от друга.

Промышленные центры Мангейм и Людвигсгафен являются в то же время главными тогровыми центрами для Пфальца, Бадена и Вюртемберга,

бычи угля и 0,5 железа, он дает 0,9 угля и 0,75 железа. В будущем, говоря терминами органиков, из государства с несколькими желудками Германия должна будет стать страной с одним желудком.

[1] Литье, прокат, общее машиностроение и металлические изделия (Золинген). Особый комбинат образует основная химическая промышленность Дюссельдорфа — коксобензольная Рура и лакокрасочная Эльберфельда.

[2] Сел.-хоз. машиностроение и паровозостроение Кельна. Вместе с ним к округу отнесен и второй по мощности буроугольный бассейн, развивающийся центр электрификации.

[3] Если каменоломни Гунсрюка и работают на Франкфурт, то вся остальная часть снабжает строительным материалом: лесом и камнем, а также и рудой Нижне-Рейнскую область, получая вверх по течению недостающее продовольствие. Кобленцкий округ — неотделимая часть Рурского комбината.

которые образуют в совокупности юго-западную область. Характерная черта ее земледелия — мелкий крестьянский строй хозяйства с парцеллярным землепользованием.

Рейнско-Майнская область, благодаря судоходности Майна до Ашафенбурга, получает совершенно исключительную притягательную силу для развития промышленности с торговыми связями, охватывающими наиболее сильно оба Гессена, т.-е. тяготеющую к ней с севера гессенскую долину. [1]

Бавария. Франконская Юра разделяет ее на две естественных области — северную и южную.

Южная — с бассейном верхнего Дуная и повышающимися постепенно к югу от него предгорьями Альп с лесами, болотами, лугами и животноводственным направлением сельского хозяйства. На водной энергии здесь развилась промышленность [2] Аугсбурга, Мюнхена и других более мелких центров. Современное электростроительство превращает эту область в центр электрификации южной Германии.

Северная — имеет ландшафт котловины, образуемой горами. Центр этой котловины Нюренберг является местом сосредоточения товаров и развился в крупный промышленный центр.[3] Восточнее Франконской Юры [4] на лесистых склонах Франконского Леса и Фихтелевых гор развилась стекольная промышленность. Из Фихтелевых гор распространилась во всех направлениях фарфоровая промышленность. Кроме того, здесь представлены и различные отрасли, ориентирующиеся на рабочую силу, аналогично тюрингенской и саксонской стороне этих гор.

Поэтому, Баварию можно разделить на два хозяйственных округа. Граница их дана районами тяготения северного к Нюренбергу и южного к Мюнхену. Так, например, к северному отнесен район Гофа на северном склоне Франконского Леса, несмотря на оживленный обмен полуфабрикатами с соседними саксонскими и тюрингенскими предприятиями. Мотив — направление сбыта фабрикатов в Баварию и снабжение этого района продовольствием из северной Баварии.

[1] Южная Германия наименее разработанная часть очерка Шей, в котором ей посвящено только две страницы.

Промышленность Франкфуртского округа и северной части юго-западного (с Людвигсфен-Мангеймом) обязана своим существованием в значительной степени дистанционному фактору „великому соединителю“ Рейну. Им обусловлена промышленная специализация: химическая (встреча заморских колчеданов с вюртембергской солью), кожевенная (с местным дубителем), табачная (обязанная только своим возникновением местному табаку) и т. п. Центральный промышленный район Бадена и Вюртемберга (верховья Некара) только косвенно связан с Рейном получением металла и топлива (прежде из Саара — Лотарингии, теперь Рура) и ориентируется целиком на рабочую силу. Аграрное перенаселение, разрешавшееся до 70-х годов выселением и отходом на строительные работы (жел. дороги), дало впоследствии кадры пролетариата для металлопромышленности, текстильной и связанной с ней бумажной (на тряпье) промышленности. К машино-, паровозо- и вагоностроению Штутгарта и Эслингена и к мирового значения производству магнетто для автомобилей (Роб. Бош), паровых котлов, велосипедов и т. п. присоединяются в близком соседстве: производство карманных часов Штромберга (в манufактуре Junghanssche Werken занято 5 тыс. раб.), металлических украшений (в баденском Форцхейме) и т. п. Текстильная промышленность, вытянувшаяся от штутгартского центра в юго-восточном направлении, органически связана получением пряжи с баварской и швейцарской. В структурном отношении их сближает и сходство энергетики (белый уголь Некара). И в отношении снабжения продовольствием этот район связан с соседней Баварией. Поэтому, его можно считать как бы особым округом в составе южно-германской промышленной области, включающей, кроме него, и обе части Баварии. В свою очередь, одноструктурные мангеймский и франкфуртский округа можно рассматривать также как одну область, хозяйство которой вращается вокруг Рейна.

[2] Однородная по составу с вюртембергской с присоединением электротехнической. Придунайский сел.-хоз. район с его специальной индустрией (пивоварение, виноделие и т. п.) следует признать особым округом—началом чешского и австрийского В. Дунайского района.

[3] Машиностроение, электротехническая промышленность, производство карандашей из графита, добываемого у Пассау, и т. д.

[4] Этот район является простым продолжением среднегерманской области.

IV

Изложенного достаточно для суждения о методологии Шей и результатах ее применения.

По сравнению со своими предшественниками, Шей стоит на значительно большей высоте, пытаясь конструировать районы по всей совокупности признаков. Плодотворна и его исходная посылка — строить район из ландшафта, не стесняясь, вместе с тем, с землеведческой опекой. Этим гарантируется полнота учета природной обусловленности районов.[1] Почти всем районам им учитывается и действие исторического фактора, за исключением случаев воздействия его через дистанционный момент географического положения. В связи с этим от него ускользнула организующая роль промышленности, выросшей из центрального,[2] либо приморского положения.[3]

В концепции района он близко подходит к пониманию его как функционально-связанной производственной совокупности, отдельные, территориальные части которой могут различаться направлением производства, но сохранять в то же время единство, благодаря их общей увязке вокруг основной специальности. В некоторых случаях ему удается ухватиться в полной мере за этот главный рычаг интегрального районирования — организующую роль основной специальности. Это относится, главным образом, к сахарным и горнозаводским районам, где этот рычаг, так сказать, лезет в глаза.

Однако, в полной мере к этой концепции он не перешел, не рискнув порвать с статистическим районированием. А так как, идя в этом направлении, приходят неизбежно к производственно однородным «пятнам», а не районам, то для проведения границ он избрал в качестве вспомогательного средства рыночное тяготение к центрам первого порядка. Из этого вытекает и терминологическая путаница округов, районов, провинций и областей и конечный результат — выделение 22 округов, представляющих собой либо производственно однородные, либо законченные в торговом отношении территориальные элементы единых по структуре и обусловленности экономических районов.

Короче говоря, Шей не удалось выделить тех реальных хозяйственно-территориальных совокупностей, существование которых обусловливается устойчивой комбинацией факторов, а строй хозяйства определяется основным направлением производственной специализации, с которой фукционально связаны все остальные элементы хозяйства. Тем не менее, собранный им районный материал имеет громадную ценность и допускает дальнейшую его систематизацию, с целью получения приблизительного представления об экономических районах Германии. При этом, нельзя не отметить, что остается совершенно неразрешенной другая задача — изучение взаимодействия районов и транспортных проводников этого взаимодействия.

Подводя итог сделанному обзору, нельзя не квалифицировать современного состояния районной географии Германии, как состояния известного методологического тупика, объясняющегося слабой заинтересованностью

[1] А в будущем и возможность полного синтеза географии природы и человека, когда экономическая география продвинет основной участок социальной географии.

[2] Берлинско-Бранденбургский и, отчасти, Средне-Рейнский.

[3] Северо-западный район.

в ней общественной среды и трудностью германского материала. Тем не менее, послевоенные обстоятельства обеспечивают длительный интерес к районной географии со стороны германских ученых, которым нехватает «только» методологии. В этом отношении необходима подача «скорой помощи». В Германии не знакомы с нашими методологическими достижениями.[1] Ряд статей в «Земле и хозяйстве», а, может быть, и сводный сборник по методологии[2] в переводе на немецкий язык могли бы сильно помочь работам германских ученых. Было бы печально, если бы исполнился прогноз д-ра Гартнака относительно тех опасностей, которые таит в себе современный успех экономической географии.

---

[1] Знают только Студенского и Чаянова. О работах Госплана едва ли не главный источник информации статья Семенова. „Революция и внутренние границы России", „Zeitschrift für Geopolitik" 1927, S. 970 ff.

[2] Автор имеет в виду систематизацию методологических работ госплановского коллектива: Бернштейн-Когана, Баранского, Рыбникова, Котова и др.

И. А. Кан

Планово-организационные задачи в области стандартизации

Стандартизационное движение является одним из наиболее значительных проявлений рационализаторского потока, охватившего хозяйство Зап. Европы и Америки. Это движение можно расценивать, как своеобразный показатель тех глубоко монистических тенденций, которые вообще характерны для нашей эпохи, которые имеют свое отражение в различных областях практики и теории и, в особенности, в сфере научной мысли. Здесь этот монизм приобретает особое значение, потому что движение это имеет полем своего приложения важнейший фронт жизни — сферу техники.

В наши дни это движение, все более крепнущее и растущее, знаменует собой начало глубокой технической революции в современном мировом хозяйстве. Послевеликого технического переворота конца XVIII и начала XIX веков и сдвигов, связанных с использованием новых источников энергии в течение прошлого века, стандартизация является новым показателем намечающихся глубоких изменений в самой технико-организационной основе производства.

Одновременно с этим, стандартизационное движение является, выражаясь термином химическим, тем катализатором — ускорителем, который способствует стремительному росту производительных сил и более эффективному их использованию. Стандартизацию смело можно расценивать, как одну из ведущих идей в технической реконструкции хозяйства.

Если началом этого движения условно можно считать 1848 г. прошлого столетия, когда Витворт впервые выдвинул идею нормализации нарезок, то лишь теперь движение это получает свое необходимое развитие, и в дальнейшем процесс этот несомненно будет протекать с лавинообразным ускорением. И это неудивительно,— стандартизационное движение связано с самыми коренными особенностями структуры современного мирового хозяйства. Лишь на базе трестированного хозяйства, на базе монополистической фазы капитализма, это движение может получить столь стремительное развитие, имея опору в основных решающих тенденциях экономики современного хозяйства.

Для решения вопроса о том, как использовать это движение и развивать его дальше, как сообщить этому потоку необходимое направление, скорость и ускорение, необходимо исходить из следующего важнейшего момента: стандартизационное движение неотделимо от его планирования— вне плана не может быть стандарта, без планирования это движение обречено на неуспех.

Ни в какой другой области работы плановое начало не имеет такого решающего значения для ее эффективности, как в стандартизации и, если она будет и впредь протекать, как и до сих пор, полустихийно, она не сможет гарантировать высокого коэфициента полезного действия, а может приводить и к отрицательным результатам.

Для того, чтобы раскрыть картину усилий, имеющих целью ввести это движение в определенное плановое русло, необходимо установить, в чем

заключается глубочайшая специфическая особенность этого движения, неизбежно предопределяющая все его дальнейшие судьбы. Такой характерной особенностью, таким специфическим признаком является наличие глубокой цепной связи между явлениями, охватываемыми понятием «стандартизация». Подобно частям механизма, строго рассчитанным в своих размерах и связях, подобно строгим закономерностям любого технологического процесса, и в области стандартизации между входящими в ее круг явлениями объективно существуют определенные функциональные взаимозависимости. При стандартизации всегда на лицо по крайней мере два звена — продукт и пошедшее на его изготовление сырье. Число звеньев может быть и большим: продукт, оборудование, сырье и т. д.

При решении любой задачи по стандартизации приходится иметь дело с понятием функции и, можно, например, утверждать, что стандарт конторской книги, является функцией стандарта бумаги; стандарт чугуна является функцией стандарта руды, стандарт стекла — функция стандарта оконной рамы и т. д. Если цепная связь существует реально между самыми явлениями, то, очевидно, столь же глубокая цепная связь должна быть и между усилиями, целью которых явится направить это движение в определенное плановое русло. Правильно развертывать работу по стандартизации можно, если установить характер этих функциональных зависимостей. Без их раскрытия не может быть обеспечен необходимый эффект. Осложняющим фактором является то, что данный стандарт сплошь и рядом является сам функцией другого стандарта, который в свою очередь и является величиной переменной, зависящей от изменчивых природных условий. Так, например, в текстильной промышленности и в других отраслях, связанных с сельским хозяйством, стандарты не могут быть всегда стабильными, а подвержены изменениям: таковы, например, стандарт шерсти, ячменя для пива, стандарт свеклы для сахара и т. д. Таким образом, та «независимая переменная», которая должна предопределять соответствующую функцию, сама оказывается в состоянии динамической неустойчивости.

Осложняющим моментом при разработке стандартов является и то, что стандарт какого-нибудь продукта сам является функцией не одной зависимой переменной, а двух, трех или большего числа их. Если требуется установить стандарт, например, оконного отверстия, то надо иметь в виду, что он является функцией и высоты этажа и световой нормы на единицу пола и т. д. Так что, если необходимо разработать стандарты теоретически и организационно правильно, усилия должны быть направлены на раскрытие тех именно «независимых переменных», которые собой предопределяют направление и последовательность стандартизационных мероприятий. Всякая другая работа по стандартизации, вырывающая одно звено из общего механизма, не может дать уверенности в том, что действительно установлено то начало работы, от которого необходимо исходить и которое единственно может обеспечить нужный длительный эффект. Эта неумолимая логика взаимозависимостей должна соответственно определять собой цепную связь стандартных усилий, что вплотную приводит к принципу плана,— вне последнего не может быть стандартизации.

Нужна серьезно поставленная методологическая работа, без которой стандартизация будет носить характер кустарных, случайных усилий, мало плодотворных по своим результатам.

Как показано выше, установка всей этой работы должна иметь ориентацию именно на идею плана. Сопоставляя эту установку с характером работ, которые ведутся в настоящее время в Союзе ССР в области стандартизации, необходимо отметить их явное несоответствие.

До настоящего времени работы по стандартизации, захватывая тот или иной круг объектов, развертывались в значительной мере стихийно; детально и обоснованно разработанный план работ на более или менее значительный отрезок времени — отсутствовал: так, Комитет по стандартизации предполагает внести в Правительство свой пятилетний план работ лишь к 1 октября 1929 г. — т.-е. к началу второго года пятилетки. Оперативная работа по стандартизации важнейших ведомств, ведущих стандартизационную работу, протекает также в аналогичных условиях. В контрольных цифрах стандартизация не получает соответствующей разработки. Внимание работников стандартизации распределяется по целому ряду объектов, в выборе которых не всегда можно установить наличие большой генеральной плановой линии. Русла этого движения идут параллельно без того, чтобы те или иные более важные моменты приобрели необходимую большую актуальность. Не всегда берется то поле стандартизации, которое является в данный момент более важным и которое должно приобрести особое значение для хозяйства Союза.

Для решения вопроса относительно правильного направления этого движения, в первую очередь, нужно фиксировать внимание на том грандиозном поле стандартизации, которое раскрывается всем нашим строительством. Именно вследствие отсутствия в современном стандартизационном движении Союза единого планового начала приобретает особое значение проблема выработки критериев, при помощи которых становится возможным сознательно взвешенный выбор того или иного значительного участка работы. В силу этого особо важным представляются работы научно-изыскательного порядка о принципах отбора объектов, подлежащих стандартизации и об оптимальной очередности в проработке отдельных объектов в различных отраслях народного хозяйства, в данное время под углом зрения задач пятилетнего плана.

Открывается бесконечно широкое поле усилий, сеть различных организационных задач. Усилия должны быть направлены на то, чтобы выработать ту систему критериев, при помощи которых можно из общей суммы задач извлечь те именно, которые представляют наибольшее значение.

Какие же это критерии? Очевидно, это в первую очередь те, которые подсказывают целесообразность особого внимания отраслям промышленности, производящим массовую продукцию. Затем сюда следует отнести те отрасли промышленности, удельный вес которых в общей сумме продукции является значительным, как, например, текстиль, составляющий по ценности около 60% от общей стоимости предметов широкого потребления или 30% всей государственной промышленности. Усилия могут быть направлены затем на то, чтобы внутри данной отрасли отбирать наиболее важные объекты.

Изыскание и систематизация подобных критериев должны явиться первой стадией на пути введения стандартизационного движения в плановое русло. Задача заключается в том, чтобы создать специфические орудия экспертизы того, что подлежит срочной стандартизации и что может быть отложено во вторую очередь. Такая суровая работа отбора может дать очень многое, как дает она в других областях жизни и практики.

Задача отбора критериев почти совершенно не затронута и в соответствующей литературе по стандартизации. Без продуманного планового подхода, без отбора орудий экспертизы дело стандартизации, в лучшем случае будет стоять на уровне кустарного дела и не будет соответствовать тем грандиозным потенциональным ресурсам, которые в нем заложены.

Нельзя, однако, ориентироваться на критерии только чисто теоретического характера. Очевидно, к обще-теоретической постановке должны

быть отнесены определенные коррективы, идущие от конъюнктуры хозяйства, от живых практических нужд его развития.

В практике работ по стандартизации не в достаточной степени обеспечена органическая связь с текущим оперативно-хозяйственным строительством. Продукция новых строящихся заводов, предприятий не всегда заранее стандартизирована, и, если даже стандарт на соответствующую продукцию утвержден,— отсутствует гарантия того, что строительство и оборудование новых производственных предприятий приспособлено к выпуску стандартизированной продукции.

Эти коррективы должны быть найдены в следующих направлениях: необходимо зорко следить за тем, чтобы стандартизационное движение содействовало общим задачам индустриализации страны. В связи с этим выдвигается подсобная, но весьма существенного значения задача, связанная с капитальным строительством и в особенности с производством строительных материалов. В Америке стандартизация в этой области продвинулась чрезвычайно далеко, охватывая как стандартизацию материалов, подсобных для строительства приспособлений, так и чертежей и проектов, облегчающих работу конструктивной мысли, освобождающих творческую мощь за счет шаблонизации того оборудования, при помощи которого производится самое проектирование.

Особое внимание должно быть уделено стандартизации оборудования, связанного с расширением энергетической базы, с автомобильным, тракторным делом, турбиностроительством. Эта последняя задача носит тем более острый характер, что в текущей практике нередки случаи, когда строительство предприятий производится без того, чтобы самый тип продукции был окончательно твердо установлен. Необходимо поэтому, чтобы учреждения, дающие проектирующим организациям задание на проектировку до окончательного установления типа продукции, получили от Комитета по стандартизации или других соответствующих органов определенную справку о том:

а) необходим ли стандарт для изделия продукта, намеченного к производству;

б) установлен ли соответственный стандарт или таковой находится еще в стадии разработки, в случае, если соответствующие стандарты установлены или находятся еще в стадии разработки, проектировка должна вестись с расчетом на выпуск стандартной продукции.

Эта сторона дела должна быть особо учтена организациями типа НТС'ов ВСНХ СССР и другими аналогичными организациями по линии прочих ведомств. Органы, экспертирующие новое капитальное строительство, обязаны производить экспертизу также и под углом зрения стандартизации, координируя эту работу с соответствующими органами по стандартизации.

Безотносительно к этому нужны и другие критерии по выбору объектов стандартизации, связанные с экспортными и импортными задачами. В этой области должны быть установлены:

а) перечень стандартов для экспортных товаров и сырья, требующих особо срочной разработки;

б) перечень категорий импортных товаров и сырья, для которых должны быть в срочном порядке установлены технические условия и стандарты, в соответствии с требованием потребителей в СССР и с уровнем заграничного производства.

Обо всех принятых в СССР стандартах по объектам, имеющим отношение к экспортно-импортным операциям, должны быть немедленно осведомлены торгпредства, так как последние, судя по промелькнувшим недавно сведениям далеко не всегда в курсе тех стандартов, которые приняты у нас, — и это обстоятельство должно внушить определенную тревогу.

Не следует ни на мгновение упускать из виду той опасности, о которой в свое время говорил секретарь Британской ассоциации технических стандартов, и которую он образно назвал «битвой стандартов». Стандарты, принятые в одной стране, могут оказаться в противоречии со стандартами другой, и тогда, благодаря этому, на путях экспорта и импорта могут оказаться совершенно непреодолимые препятствия, коренящиеся в самой природе стандартов. Эти трудности, вызываемые различиями в сфере стандартов, могут оказаться в будущем куда более грозными, чем те или иные таможенные тарифы, или даже коренные различия в самом типе организации торгово-экономических связей между отдельными странами.

Для того, чтобы развернуть работу по стандартизации достаточно четко и эффективно, необходимо предварительно расчистить самое поле труда и в связи с этим значительное внимание уделить предварительным фазам — сокращению ассортиментов, типизации, унификации, как тем исходным мероприятиям, которые необычайно облегчают работу по собственно стандартизации. Ведь не случайным является то, что в Департаменте торговли на ряду с работами по стандартизации Герберт Гувер параллельно развернул высокоэффектную работу по так называемой «упрощенной практике».

Работа по стандартизации необходимо должна ориентироваться затем на насаждение стандартизационной культуры, на систему многосторонних усилий, направленных на ее глубочайшее внедрение во все стороны хозяйства, и обратно — на использование всех наличных ресурсов, которые могут содействовать выработке пятилетнего, генерального плана стандартизации и путей его реализации в хозяйственной практике.

В первую очередь, в этом отношении необходимо апеллировать к научно-техническим силам Союза. Активное участие всего коллектива научных работников, деятелей высшей и средней технической школы, может иметь решающее значение для эффективности стандартизации.

Необходимо, чтобы соответствующие союзные и республиканские органы, ведущие работу по подготовке кадров квалифицированных специалистов, обеспечили включение в курсы высших и средних технических школ сведений о состоянии и методологии стандартизационного движения за границей и в СССР, применительно к различным областям технического знания. Требуются организационные мероприятия по более широкому вовлечению преподавательского состава и студенчества в активную работу по стандартизации, в частности, при даче заданий на дополнительные проекты. Без высшей, без средней технической школы это движение не может получить необходимого размаха.

Надо, чтобы книги и журналы по вопросам стандартизации могли легко проникать в высшие школы, чтобы студенты и преподаватели могли получать их на льготных условиях. Значение стандартизации должно быть достаточно полно освещено на производственных совещаниях в высших школах, чтобы, наконец, эти работы были связаны с производственной практикой студенчества.

Необходимо, чтобы учащиеся высшей школы приложили в этом направлении усилия, инициативу и настойчивость.

Следует предъявить нашим издательствам требование, чтобы в издаваемых ими технических учебных книгах были представлены элементы стандартизации. Нужно озаботиться изданием популярной литературы по вопросам стандартизации.

Достаточно ли используется наша пресса для более широкой информации об успехах стандартизации? В какой мере содействует этому делу

телеграфное агентство, осведомляет ли оно о принятых стандартах? Очевидно, что недостаточно. Между тем, телеграммы относительно стандарта, например, кирпича или другого строительного материала должны внедриться в обычную практику прессы, стать бытовым явлением и это будет иметь большое производственное значение.

Нужны конференции: Союзные, республиканские, которые не только могли бы обобщить то, что сделано, но и стимулировать стандартизационное движение и облегчить возможности его дальнейшего развития.

Предпосылкой и непременным условием для того, чтобы придать стандартизационному движению необходимый размах, является организация широкой агитационно-пропагандистской кампании путем использования всех видов прессы, широких конференций, снабжения заинтересованных организаций и учреждений стандартами в натуре, если это окажется технически выполнимым.

Было бы целесообразным на всех выставках, которые происходят по различным линиям хозяйства, иметь уголок стандартизации. Нужны и специальные музеи или выставки, наглядно демонстрирующие, что сделано по линии стандартов, по линии сокращения ассортимента и т. д.

Идея стандарта, его практика, достижения, трудности, должна стать через систему партийных, профессиональных органов достоянием широчайших рабочих масс. Нужна неделя стандарта.

В порядке государственного регулирования этого движения требуется вместе с тем и создание таких условий, которые не только обеспечили бы разработку стандартов, но и гарантировали их проведение в жизнь.

Разработка стандартов должна сопровождаться установлением системы поощрительных мер, создающих стимулы к активному развертыванию этой работы и обеспечивающих в дальнейшем их облегченную реализацию на практике для предприятий, учреждений и организаций, участвующих в практическом осуществлении стандартов в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, в торговле, в кооперации и т. д. В частности, должны быть установлены льготные цены для стандартных продуктов по сравнению с соответствующими нестандартными.

Кроме стимулов материальных должны быть введены в практику и стимулы общественного характера: необходимо систематическое освещение в прессе достижений отдельных предприятий, которые перешли к сокращенному ассортименту, которые ввели тот или другой стандарт. С другой стороны, нужны мероприятия материального поощрения предприятий и отдельных лиц за разработку стандарта и производство стандартизированной продукции.

Стандартизационные начинания, выдвигаемые инициативой отдельных ячеек, должны получить поддержку и поощрение со стороны государства. Кропотливая и затяжная работа по установлению стандартов может быть осуществлена в порядке конкурсов, по крайней мере, в отношении тех стандартов, которые непосредственно отвечают текущим, а, следовательно, наиболее злободневным хозяйственным нуждам.

Необходимо, наконец, создание специальных организационных условий, которые могли бы обеспечить стандартизационному движению правильную установку в форме специальных бюро на предприятиях, стандартных камер и т. п.

Лишь комбинированные усилия по многостороннему охвату всех сторон стандартизационного движения как по линии разработки стандартов, так и их практическому осуществлению могут обеспечить настоящую постановку этого дела, соответствующую задачам реконструкции хозяйства.

Н. И. Сазонов

Реорганизация энергоснабжения городов на основе теплофикации и газоснабжения[1]

„Октябрьская революция создала предпосылки для возможности охватить современный город единым энергетическим планом. Проведение последнего в жизнь является необходимым условием в деле осуществления культурной революции в жизни трудовых масс".

(Из резолюции IX всесоюзного электротехнического с'езда)

Современное состояние вопроса энергоснабжения городов и тенденции развития

Современные, в особенности, крупные города, являясь большими потребителями топлива, в основном расходуют его для получения двух видов энергии: тепловой и электрической.

Расход топлива на производство механической энергии, на печах особого назначения и двигателях внутреннего сгорания, уже теперь играет относительно небольшую роль в топливном балансе городов, а в будущем, с развитием электрификации, неизбежно будет еще более снижаться за счет повышения расходов топлива для производства тепловой и электрической энергии. Каков же удельный расход топлива для получения каждого из указанных видов энергии? Наша топливная статистика, к сожалению, не ведет точного учета расхода топлива потребителями (промышленностью, коммунальным хозяйством и т. д.) на производство каждого из указанных видов энергии.

Тем не менее, косвенные подсчеты такого расхода для отдельных крупных городов уже теперь дают много материала для суждений о больных местах в топливных балансах городов и наметить правильные пути их лечения, учитывая при этом как моменты необходимости народнохозяйственной экономии топлива, так и социально-гигиенической проблемы городов.

По данным проф. В. В. Дмитриева,[2] из общего расхода условного топлива в Ленинграде в 1916 г. в 4,7 млн. тонн, на производство механической и электрической энергии было израсходовано около 1,9 млн. тонн, или около 42%, и 2,7 млн. тонн топлива, или 58% общего расхода, были израсходованы на тепловые процессы промышленного, коммунального и бытового назначения.

Произведенные нами подсчеты расходов топлива в Ленинграде в 1927/28 г. для получения отдельных видов энергии дали еще большее возрастание расходов топлива на получение тепловой энергии, которые повышаются до 65%. Последнее об'ясняется тем, что

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] Приведенные расчеты проф. В. В. Дмитриевым представлены автору настоящей статьи, в связи с проектом реорганизации топливоснабжения Ленинграда, базирующейся на основе газоснабжения с торфяных болот.

в истекшем году значительную роль в электроснабжении Ленинграда играла Волховская гидростанция, давшая последнему более 270 млн. *квтч* электроэнергии, что уменьшило расход топлива на производства электрической энергии, но не могло оказать никакого влияния на сокращение расходов топлива для получения тепловой энергии, для технологических процессов, отопления и бытового назначения.

По подсчетам инж. Л. Гинтера удельный расход топлива Ленинградскими тепловыми электрическими станциями, при выработке последними к концу пятилетия не менее 800 млн. *квтч* электроэнергии, не превысит 10% общего расхода топлива по Ленинграду к тому же времени, так как с развитием промышленности будет расти город, а следовательно, и его топливные нужды как для целей производства и отопления, так и для варки пищи.

Благодаря низкому коэфициенту использования топлива, в особенности в бытовом потреблении, абсолютный расход его настолько велик, что он всегда будет больше той экономии топлива в топливном балансе городов, какую дают районные станции подачей электрической энергии с гидро-или паровых районных станций.

Примерно такие же соотношения расходов топлива для получения тепловой и электрической энергии будут и для других городов. Так, по данным инж. Танер-Таненбаума [1] расход топлива на тепловые нужды по Москве за 1925/26 г. составил 84% и только 16% топлива израсходовано на производство электрической и механической энергии.

Небольшой коэфициент полезного действия получаемый в раздельных установках, производящих тепловую и электрическую энергию, был причиной того, что в практике американских и европейских городов, в настоящее время получили широкое развитие централизованное производство и распределение этих видов энергии. Высокий коэфициент использования топлива, достижимый при централизованном производстве тепловой энергии, обеспечил большое развитие как центральным отопительным станциям в Америке, так, в особенности, теплоэлектрическим станциям в Германии, разрешающим проблему энергоснабжения городов в соответствии с требованиями народнохозяйственной экономии топлива и социальной гигиены городов.

Каково же положение энергоснабжения городов у нас, в СССР.

В производстве электрической энергии в настоящее время, в соответствии с требованиями техники и экономики электроснабжения, твердо усвоен принцип централизованного снабжения, и новые станции строятся именно с таким расчетом. Но этого нельзя сказать про снабжение городов тепловой энергией: в этой области до сих пор проводится тот принцип, что снабжение городов тепловой энергией — дело отдельных учреждений, ведомств и самого населения, даже при наличии условий для централизованного снабжения как электрической, так и тепловой энергией с одних централей — энергоцентралей.

Существующее положение вещей, когда электрификация страны находится в руках двух ведомств — ВСНХ, занимающегося районными станциями, и НКВД, регулирующего строительство лишь городских станций, грозит тем, что тенденция к сохранению раздельного производства и распределения электрической и тепловой энергии обрекает наши города на такое положение и в будущем. Поскольку станции строятся на десятки лет и не могут быть переносимы, ненормальность такого положения, которое

[1] См. статью — „Районные электростанции или теплофикация Москвы“ — „Торгово-промышленная газета“ от 20/II-29 г. № 42.

теперь нужно доказывать, со временем, по мере роста городов и культурных запросов населения, станет очевидной и без доказательств.

Теплофикация с центральных электростанций и реорганизация их в энергоцентрали, даже при наличии благоприятных для этого условий, как, напр., в Москве, Ленинграде, Харькове и т. д., в СССР развивается исключительно медленно. Помимо осторожности, необходимой при осуществлении всякого дела, а тем более нового, основным тормозом в деле развития теплофикации в городах СССР являются ведомственные соображения и ложный взгляд, что вопрос теплофикации городов — дело отдельных предприятий или органов коммунального хозяйства и ни в какой степени не может касаться ВСНХ и промышленности.[1]

Поэтому в планах электрификации даже этих городов, не говоря уже о десятках меньших, энергетика городов остается вообще забытой. Нуждающиеся в тепле для производства и отопления промышленные и коммунальные предприятия, получая часто электроэнергию с районных станций, вынуждены обзаводиться своим тепловым хозяйством, со своим персоналом, большими расходами топлива на тонну пара и т. д., вместо перехода к централизованному снабжению электрической и тепловой энергией с энергоцентралей, которые тем дешевле смогут обслуживать потребителей обоими видами энергии, чем больше масштаб производства.

Ненормальность такого положения очевидна. Происходивший весной 1923 г. IX всесоюзный электротехнический с'езд подчеркнул необходимость при разрешении вопросов электроснабжения городов подходить к нему не только с точки зрения электроснабжения, но энергоснабжения в целом, рассматривая современный город как одно энергетическое целое.

«Во многих случаях,— говорит резолюция IX всесоюзного электротехнического с'езда — вопросы электро и теплоснабжения могут быть разрешаемы наиболее целесообразно, если рассматривать город со всеми расположенными в его пределах предприятиями, учреждениями и домовыми хозяйствами как одно энергетическое целое, и разрешать вопросы электрификации не как изолированную, сравнительно узкую задачу электро-хозяйства, а как часть общей проблемы энергетики населенных мест».

Несмотря на эту директиву электротехнического и энергетического с'ездов, вопрос энергоснабжения основных промышленных центров СССР как Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Тверь, Нижний-Новгород и др., не говоря уже о мелких городах, в ныне опубликованных [2] пятилетних планах электрификации ВСНХ никакого отражения не нашел. Планы электрификации строятся в направлении разрешения лишь вопросов электроснабжения этих центров с районных станций с максимальным сокращением фабрично-заводских блок-станций так как «они, как известно, менее экономичны и представляют с точки зрения планового хозяйства неоправдываемый расход». [3]

Под таким углом намечается ВСНХ разрешение даже вопросов промышленной энергетики, несмотря на то, что фабрично-заводские блок-станции, при наличии большого расхода тепла на нужды производства и отопления, во многих случаях

[1] Когда статья была написана, в „Торгово-промышленной газете“ появилась полемика по поводу перспектив теплофикации в Москве, лишний раз подтверждающая полное неблагополучие в этой области. Интересующихся подробностями этой полемики отсылаем к №№ 28, 31, 34, 40 и 42 „Торг.-пром. газеты“ за 1929 г.

[2] „Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29 — и 1932/33 г.г“, доклад В. В. Куйбышева на VIII с'езде профсоюзов М. 1929 г., стр. 152.

[3] Ф. Ю. Флаксерман, „Перспективы планирования и энергоплана“ — „Торгово-промышленная газета“, от 29 января 1929 г.

могут дать электроэнергию значительно дешевле, чем районные станции, так как электроэнергия в этом случае получается как «отбросная».

История и современное развитие теплофикации за границей и в СССР

Развитие городских отопительных устройств в Америке тесно связано с развитием электростанций. Оно началось 40 лет тому назад с использования отработанного пара с центральных электрических станций, по тому времени небольших и расположенных в центре потребления обоих видов энергии.

Быстрый рост развития электрификации, следствием которого было несоответствие между возможностями теплоотдачи и потребностью в тепле, а также транспортные затруднения с подвозом топлива для крупных электростанций, как и ряд причин организационного характера, привели к тому, что отопительные станции в больших городах обособились от электрических, при чем последние стали выноситься на окраины города.

Такие города, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Детройт и другие, на ряду с крупными электроцентралями имеют теплоцентрали для производства лишь тепловой энергии. Для того, чтобы судить о масштабе производства этих станций, скажем, что нью-йоркское отопительное общество—Nem-Vork Steam Corporation—имеет две установки для производства пара в общей сложности 83.000 кв. метров поверхности нагрева котлов, что соответствует, приблизительно, поверхности нагрева котлов электростанций около 350.000 квт. мощности, что превышает существующую мощность всех станций общественного пользования Ленинграда и Москвы. Указанное общество продало в 1925 г. 2.500. 000 тонн пара; отопительная установка в Детройте в то же время продала 1.500.000 тонн пара.[1]

Другие города С.-А.С.Ш., как Вашингтон и ряд городов Канады, часто с десятками тысяч населения, пошли по пути комбинированного производства электрической и тепловой энергии на теплоэлектрических централях. Электическая энергия используется для освещения и технической нагрузки, а тепловая — для промышленного и бытового потребления: отопления, бань, прачечных, варки пищи и т. д.

Специфические условия развития электрохозяйства в Сев. Америке, начавшись с комбинированного производства тепловой и электрической энергии, в крупных центрах пришли в процессе развития к раздельному производству обоих видов энергии. Вздорожание угля в период 1919—1921 гг. снова заставило вернуться к комбинированному способу получения тепловой и электрической энергии, и многие общества, поставлявшие до этого острое тепло, стали ставить паровые турбины для получения и электрической энергии, которую продают в общую сеть. Появились даже общества, исключительно занимающиеся перепродажей отходящего тепла электрических станций.

При других условиях развивалось электрохозяйство Германии. С техническим решением проблемы комбинированного производства тепловой и электрической энергии в одном нераздельном процессе и передачи тепла на расстояние, Германия в течение 3—4 лет в ряде городов переоборудовала свои электроцентрали в энергоцентрали для снабжения промышленности, городского хозяйства и населения не только электрической энергией, но и тепловой как для нужд производства, так и отопления.

[1] Данные взяты из „V. D. Y.“, № 46 за 1926 г.

В настоящее время в Германии работают следующие крупные энергоцентрали: Лейпцигская централь — 25.000 *квт*, Дрезденская — 30.000 *квт*, Шарлоттенбургская — 56.000 *квт*, и Альт-Маобит — 78.000 *квт*, (две последние в Берлине).

Город Берлин ввел в общий план теплоэлектроснабжения все старые электроцентрали, переоборудовав их в энергоцентрали (Шарлоттенбург, Альт-Маобит и др.). В параллельной работе с крупными термическими станциями теплоэлектроцентрали дают наилучшее разрешение энергетической проблемы современных крупных городов, с наибольшей народнохозяйственной экономией топлива, неся в отопительный сезон основную нагрузку и снабжая города дешевой «отбросной» электрической энергией. Летом, наоборот, основную нагрузку несут районные станции, а энергоцентрали находятся в резерве. Такое перераспределение нагрузок по сезонам дает громадную экономию топлива, разрешая вместе с тем и социально-гигиеническую проблему крупных городов.

Обычным доводом противников необходимости форсировать развитие теплофикации в СССР является ссылка на то, что такого типа станции хотя и рентабельны, но не разрешают вопроса электроснабжения крупных центров, будучи незначительными по мощности, и потому не имеют места в планах Главэлектро. Пример Берлина говорит другое: теплоэлектрические станции могут в крупных городах — Москве и Ленинграде — иметь такие мощности, что их нельзя игнорировать в общем плане электроснабжения.

По подсчетам группы инженеров Главэлектро: Дмитриева, Танер-Таненбаума, Шефтель и др.,[1] потребная теплоэлектрическая мощность для обслуживания промышленных и коммунальных потребителей только двух районов Москвы — Хамовнического и Дербеневского — составит около 150 тыс. квт.

Общая современная потребность теплоэлектрической мощности в Ленинграде составляет около 80 тыс. квт. при мощности всех станций общего пользования в том числе и Волховской гидростанции в 143 тыс. *квт*. В отдельных районах, как М.-Нарвский и Выборгский, уже теперь имеется потребность в тепле для мощности в первом районе на 30 тыс. *квт* и во втором — на 20 тыс. *квт*, с учетом развития предприятий в этих районах в ближайшее пятилетие.

В СССР мы стоим перед началом применения отопления на дальнее расстояние с теплоэлектрических станций. Судя по западно-европейской и американской практике, оно в ближайшие годы распространится всюду, где сосредоточенный расход тепла уже существует. В первую очередь оно распространится в таких городах, как Ленинград, Москва, Харьков, Ростов н/Д, Одесса и т. д., где имеются промышленные и коммунальные предприятия с большим расходом тепла и целые кварталы жилых домов уже сейчас широко снабженных системами центральных отоплений.

Теплофикация в СССР в настоящее время осуществлена только в Ленинграде с III ГЭС, где горячая вода по трубопроводам передается для бань и отопления домов на расстояние в радиусе до 4 *км*, давшая хорошие результаты и на практике доказавшая выгоды и преимущества для потребителей перехода к централизованному снабжению тепловой энергией.

В основном — эти преимущества сводятся к следующему:

а) легкость регулирования тепла;

б) чистота дворов, вследствие отпадения надобности в доставке топлива;

[1] См. отчет о дискуссии в Ком. академии, „Торг.-пром. газета“ № 31 от 7/II 1929 г.

в) уменьшение порчи крыш вследствие отсутствия дыма (серы в каменном угле);

г) сохранение дворовых мостовых, в особенности портящихся при завозах угля в грузовиках;

д) сбережение расходов на освещение кочегарок и вывозку шлаков и золы;

е) отсутствие расходов на кочегаров, а также экономия в жилой площади для них;

и) уменьшение расходов на отопление, которое большинством самих абонентов оценивается в 25%.

Перечисленные удобства отмечены при далеко неиспользованных возможностях от присоединения к энергоцентралям, в частности, на подогрев воды для бытового пользования в кухнях, в домовых прачечных и т. д.

Несмотря на указанные, теперь уже очевидные, выгоды от теплофикации с энергоцентралей как для электростанций, так и потребителей, достигаемые при наличии в крупных центрах теплоэлектрических централей, последние все же строятся не в центрах большого потребления тепловой и электрической энергии, какими являются Москва, Ленинград, Харьков, Ростов н/Д и т. д., где имеются для этого исключительно благоприятные условия, а в средних, как Омск, и мелких городах, как Псков, где эти условия несравненно хуже. Тем не менее, и здесь теплоэлектрические станции, как показывают расчеты, оказываются значительно более выгодными против чисто конденсационных станций, окупающих все расходы по теплофикации, как максимум, в 4—5 лет.

Теплоэлектрические станции, их место в системе электроснабжения и их роль в энергоснабжении городов

В настоящее время, после решений IX всесоюзного электротехнического с'езда, подтвердивших большое значение теплоэлектрических станций, нет особой необходимости подробно останавливаться на доказательстве большой их роли в энергоснабжении городов.

«Экономичность теплоэлектрических станций в особенности в таком городе, как Ленинград, где, с одной стороны, топливо очень дорого, с другой, — большая часть промпредприятий расположены в самом городе, не подлежит никакому сомнению. Такие установки, кроме того, дают большие преимущества в том смысле, что значительные машинные мощности имеются в главном районе потребления и, таким образом, надежность снабжения всей сети увеличивается». Так оценил роль теплоэлектрических централей для Ленинграда проф. Dettmar, консультант НК РКИ СССР, обследовавший электроснабжение Ленинграда в октябре 1928 г.[1]

Существует широко распространенное мнение, что сооружением станций, работающих на местном топливе или гидростанций, может быть уменьшен завоз топлива в города, получающие электроэнергию с районных станций. В действительности же вопрос обстоит так: крупные районные тепловые станции не только не упрощают проблему топливоснабжения крупных городов и промышленных центров, но ее усложняют. И вот почему: развитие промышленности на базе дешевой электроэнергии сопровождается ростом населения городов. С ростом промышленности и населения растет и абсолютный расход топлива на технологическое тепло и нужды отопления фабрично-заводских

[1] Из доклада проф. Dettmar „Заключение о результатах обследования электроснабжения Ленинградского района".

зданий, жилищ, варки пищи и санитарно-гигиенические потребности населения. Благодаря низкому коэфициенту использования топлива, в особенности в бытовом потреблении, расход его настолько велик, что он, обычно, значительно превышает расход топлива на нужды производства электрической энергии.

Для крупных центров, как Ленинград, и Москва, расход топлива на тепловые процессы, как мы указывали выше, составляет по Ленинграду, около 65%, по Москве — 84% и только около 10—15% общего расхода топлива в этих центрах расходуется на производство электроэнергии.

Без уменьшения расходов топлива на производство тепловой энергии, играющих главную роль в топливном балансе городов, уменьшение меньшей его части — расходов топлива на производство электрической энергии, сооружением районных станций, желаемых результатов не даст.

Значит ли это, что районные станции не нужно строить? Нет, не значит: районные станции строить нужно, в особенности при наличии благоприятных гидрологических условий для сооружения гидростанций, но при этом не следует забывать и проблемы энергоснабжения городов, которая ныне остается забытой и в пятилетке ВСНХ никакого отражения не нашла.

Только при наличии теплоэлектрических станций, работающих в параллельной нагрузке с районными станциями, будет удовлетворительно разрешаться проблема не только электроснабжения, но и энергоснабжения городов в целом, с действительной народнохозяйственной экономией топлива.

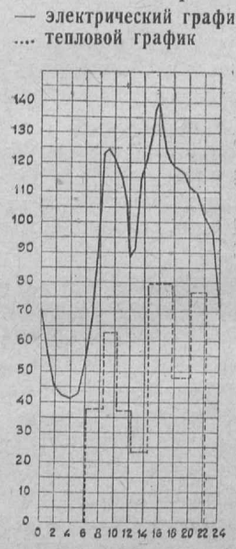
Поэтому для удовлетворительного разрешения вопроса энергоснабжения городов, по крайней мере, основных промышленных центров — Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска, Твери, Харькова и т. д., в ближайшие годы на ряду с окончанием районных станций, необходимо уделить, максимум внимания постройке теплоэлектрических станций и переоборудованию существующих в них ЦЭС, обычно расположенных в центрах городов в энергоцентрали для снабжения предприятий и домов не только электрической, но и тепловой энергией.

Говоря о развитии теплоэлектрических станций, мы считаем необходимым обратить внимание на две основных трудности, которые при этом будут иметь место: 1) несовпадение тепловых и электрических графиков нагрузок для станций и 2) несоответствие потребностей в тепле с возможностями выработки его электростанциями.

В городах с небольшой промышленной нагрузкой электрический и тепловой график не будет совпадать во времени: в то же время как зимний тепловой максимум будет между 12—4 часами дня, электрический будет между 7—11 часами вечера. Этот вопрос для небольших городов разрешается выбором оборудования и установкой агрегатов таких мощностей, чтобы они обеспечивали наилучший режим работы станций пуском в ход теплофикационных турбин при большом расходе тепла с сохранением в резерве конденсационных турбин или дизельных установок. При сокращении расходов тепла основную нагрузку будут нести дизельные установки или конденсационные турбины, а теплоэлектрические будут в резерве.

Эти моменты являются чрезвычайно важными, ибо достаточно несоответствия в расходе тепла и электрической энергии в интервале 3—4 часов, чтобы рентабельность теплоэлектрической станции была сведена на-нет.

В крупных городах, как Ленинград и Москва, положение лучше. Здесь имеется большее совпадение теплового и электрического графиков нагрузки, что показывает, например, следующий зимний график Ленинграда за декабрь 1928 г.



Черт. 1.

Электрический график является фактическим максимумом станций общественного пользования для декабря 1928 г. Тепловой график сделан на основе косвенных подсчетов расхода тепла всеми видами потребителей как промышленных, так и коммунального хозяйства и населения.

Приведенные графики дают возможность судить о следующем: во-первых, в крупных центрах совпадение теплового и электрического графиков нагрузки обеспечат наиболее выгодный режим работы теплоэлектрических станций и, во-вторых, в крупных центрах, как Ленинград и Москва, чисто тепловая нагрузка может быть весьма большой, в особенности в зимний период. Она, конечно, меньше возможностей теплоотдачи с районных станций, но во всяком случае она является такой, в особенности при практически решенной ныне проблеме передачи тепла в радиусе до 4 *км*, что дает возможность ставить вопрос о сооружении теплоэлектроцентралей в районах обслуживания в Москве и Ленинграде по 20—30 тыс. *квт* каждая, а при наличии промышленных потребителей, как показывают подсчеты, для некоторых районов Москвы и больше—до 70—75 тыс. *квт*.

Примеры городов Берлина, Лейпцига и Дрездена подтверждают, что такого рода расчеты не являются преувеличенными.

Говоря о теплофикации, в особенности, для нужд отопления домов и бытового потребления, необходимо сказать, что теплофикация с энергоцентралей начнется, несомненно, не с сплошных присоединений домов к теплопроводам, а с выборочных, уже сейчас имеющих системы центральных отоплений. В дальнейшем, к сети теплофикационных проводов присоединение будет безусловно сплошным, с переоборудованием для этой цели печных систем отопления на центральные, ибо теплофикация дает слишком большие преимущества как в экономическом, так и социально-гигиеническом значении, чтобы получить широкое распространение.

Газификация топлива, газоснабжение и их роль в реорганизации энергоснабжения городов

Транспортные условия, в особенности в крупных городах, являются причиной того, что электрические станции приходится выносить за город, удаляя их от центров потребления энергии. Переход к использованию низкокалорийных топлив способствовал тому, что крупные станции стали переноситься в районы топлива, удаляясь от районов потребления энергии иногда на сотни километров.

Но двадцатый век является не только веком пара и электричества: первая четверть его ознаменовалась громадными успехами химической технологии, открывающей новые, наиболее целесообразные пути использования топлива.

Путь этот ныне намечается в использовании топлива в виде газа как естественного, с нефтяных районов, так и получаемого путем газификации топлива и передаваемого с районных или городских газовых заводов в

топки электрических станций и промышленных печей, что при надлежащем развитии в ближайшие 20 — 25 лет должно значительно изменить облик городов, разрешая наилучшим образом проблему энергоснабжения населенных мест.

Применение естественного газа для нужд городского и промышленного снабжения у нас до сих пор не получало надлежащего развития, несмотря на то, что очень часто при бурении на нефть последней не оказывается, и громадные количества газа выпускаются на ветер.

Другое мы имеем в Америке. В 1926 г. применение естественного газа, в Америке, в С.-А.С.Ш., в виде топлива, составило 6% от всего количества потребляемого в стране топлива, что в абсолютных цифрах превышало общее потребление угля в СССР, которое составило за то же время 33.064 тыс. тонн.

Соответственно этим масштабам потребления газового топлива, большое развитие получили не только распределительные сети газопроводов, но газопроводы дальнего протяжения, по которым передается газ в районы потребления. Перечислим главнейшие и наиболее характерные из них.[1]

Главнейшие газопроводы дальних передач и количество качаемого в сутки газа

Местность	Фирма	Длина в *км*	Суточная подача газа в *куб м*	Трубопроводов *мм*
От Ventura Field (Калифорния) к Лос-Анжелос	The Ventura Field C°	120	1.250.000	375 (15")
От Panhandle Field в Техасе и к г. Канзасу	Hope C°	720	4.250.000	550 (22")
От Amarilio Field к Denver C°	Standart Oil C°	720	—	550 500 (20—22")
От Monroe к Baton Rouge	The Suterstate C°	275	2.000.000	550 (22")
От Laredo Field до порта Hauston	The Hauston Pipe Line C°	800	2.500.000	300 400 (12—16)

Мы привели наиболее характерные данные, касающиеся протяжения газопроводов и количеств качаемого в сутки газа. Общая же сеть газопроводов в 1926 г. составляла около 72 тыс. *км*.

Как быстро растет потребление газа, в частности, электростанциями, показывает следующий рост потребления газа американскими станциями за период 1919 — 1923 гг.; при росте выработки электрических станций, потреблющих топливо для производства электрической энергии на 79,4%, потребление угля увеличилось на 14,3%; потребление нефти сократилось на 10%, в то же время потребление газа увеличилось с 606 млн. куб. *м* до 1.316 млн. куб. *м*, или на 118%.

По сообщению «Торгово-промышленной газеты» от 17 февраля 1929 г., № 40, «акц. общ. «Газолин» представило проект по постройке газопровода из Львова в Варшаву на расстояние 460 *км*. для снабжения Варшавы природным газом. Проект одобрен правительством и в скором времени должны начаться работы по постройке этого газопровода».

[1] Oil and Cas Journal.

Это будет длиннейший газопровод высокого давления в Европе. В С.-А.С.Ш. такой длины газопроводы являются обычными и сооружаются в 5—6-месячный срок.[1]

На ряду с развитием применения естественного газа для целей газоснабжения, последнее десятилетие ознаменовалось широким применением для тех же целей как газов коксовых печей, так и газов, получаемых путем газификации для этих целей каменных и бурых углей и торфа.

Газификация топлива вещь не новая: она широко распространена на Западе и в Америке, имеющих большое количество газовых заводов. У нас в СССР ряд предприятий, в особенности стекольной и коксобензольной промышленности, также пользуется газообразным топливом в виде воздушного генераторного газа, газа доменных печей и силового газа.

Развитие газоснабжения на Западе характеризуется следующими цифрами: Германия имеет свыше 1.700 заводов светильного и смешанного газов, обслуживающих как крупные, так и мелкие города, не считая генераторных установок отдельных предприятий. Газ имеет применение как для нужд освещения, так и отопления, главным образом, в газовых кухнях. Общее потребление газа („Gesundheits Ingenieur“ 8/IX 1927 г.) в 1925 г. составляло 3,2 мрд. куб. метров. Среднее душевое потребление составило 51 куб. метров на человека в год.

В Англии, в том же году, душевое потребление составило 180 куб. метров, а общее потребление достигло 7,5 мрд. куб. метров.

Несмотря на обилие газовых заводов и распределительных городских сетей, развитие производства светильного газа приостановилось. Причиной этого явления, помимо электрификации, вытеснившей газ из освещения, является то, что производство светильного газа ограничивается известными пределами, обусловленными спросом топливного рынка на кокс, получаемый в газовых ретортах. Этот кокс, будучи по качествам ниже кокса коксовальных печей, продается по более дешевой цене, чем последний, и имеет поэтому ограниченный сбыт.

Кроме того, для получения светильного газа требуются высокосортные газовые угли, из тонны которых получается около 200 — 220 куб. метров газа, что является весьма незначительным по сравнению с тем, что можно получить при других методах газификации угля.

Небольшой выход газа из тонны угля и кокс, сбыт которого ограничивается рамками местного потребления, являются причиной того, что светильный газ является дорогим видом топлива, потребление которого ограничилось рамками бытового потребления и рост заводов светильного газа, с которым стала успешно конкурировать электрификация, приостановился.

Выходом, не только обеспечивающим дальнейшее существование газовой промышленности, но открывающим перед ней широкие перспективы, явился переход к методам газификации, при которых:

а) газовые заводы избавились от необходимости сбыта второстепенного кокса;

б) смогли дать потребителю значительно более дешевый газ по сравнению со светильным;

в) смогли дать газ в количествах, значительно больших, чем это могут дать заводы светильного газа;

г) возможность получать газ не только из высокосортных углей, но и низкокалорийных видов топлива, как бурый уголь и торф.

Из большого количества предложенных и испытанных методов, наибольшее значение начинают приобретать методы проф. Strache, который в газогенераторах двойного газа, так называемого Doppelgas, его системы — разрешил все эти вопросы получением двойного газа, представляющего смесь газа сухой перегонки и водяного газа.

[1] См. „Engineering News-Record“ 4/X 1928 г.

Предложенный им метод газификации принадлежит к числу методов безостаточной (полной) газификации топлива, при котором заводы избавились от кокса.

При полной газификации из тонны угля удалось получить около 1.500 куб. метров газа, теплотворной способности 3.200 — 3.500 калорий, в 6 — 7 раз больше по сравнению с количеством газа, получаемым на заводах светильного газа. Это, вместе с тем, решило и проблему получения дешевого газа.

И, наконец, что особенно важно, при этом решена проблема получения газа не только из высокоценных углей, но и низкокалорийных видов топлива, как бурые угли и торф, которые для наших условий могут иметь особенно большое значение.

Двойной газ, полученный Strache из разных видов топлива, менее теплотворен, чем светильный газ, но зато имеет все преимущества дешевого газа, так как топливо при этом газифицируется полностью, а получаемые при этом продукты газификации, в виде первичных смол и сульфат-аммония, обеспечивают ему большие перспективы развития.

В настоящее время ряд городов, как Вена, Рим, Фиуме, Грац, Гельсингфорс и др., имеют у себя газовые заводы двойного газа, оборудованные газогенераторами Strache.

Кроме светильного и двойного газа, применяемых в Европе для нужд местного и дальнего газоснабжения, в последние годы Германия приступила к осуществлению проекта использования в широком масштабе газов коксовальных печей, получаемых в виде побочных продуктов на коксовых заводах.

Идея использования этих газов, получающихся в огромных количествах в связи с ростом металлургии и необходимого для нее кокса, возникла около трех десятков лет тому назад. Однако, несовершенства техники газопередачи на далекие расстояния и, в особенности, большое сопротивление со стороны владельцев заводов светильного газа, в числе которых было много городов и городских общин, (газ коксовальных печей примерно такой же теплоценности, как и светильный газ — около 4.000 — 4.200 калорий в куб. метре,— но значительно более дешевый, грозил серьезной конкуренцией) задерживал развитие использования газов коксовальных печей.

С улучшением техники газопередачи, главным образом, с переходом к сварным трубам и высоким давлениям, в Германии разработан проект осуществления дальней газопередачи газа коксовальных печей с Рурского бассейна для Берлина через Ганновер и Магдебург с обслуживанием, лежащих по пути городов, по газопроводам протяженностью около 500 *км*.

Представление о стоимости сооружений дальних газопередач по немецкой и американской практике дают следующие цифры: стоимость километра газопередач с компрессорными станциями для газопровода диаметром 325 *мм* в Германии составляет 42 — 43 тыс. золотых марок или около 20 тыс. руб.; стоимость километра газопровода диаметром 550 *мм* составляет 78.500 золотых марок, или около 35 тыс. руб.

Американская практика, по данным журнала „Oil and Cas Journal“— дает следующие цифры: газопровод диаметром 375 *мм* и протяжением 120 *км* от Ventura Field — к Лос-Анжелосу стоит 2 млн. долл., что составляет стоимость километра 16.600 долларов, или около 33.000 золотых рублей.

Газопровод диаметром 550 *мм* и протяжением 720 *км* фирмы Hope C° для передачи газа от Panhandle Field — в Тексас и г. Канзас стоит около 20 млн. долл., что составляет стоимость *км* трубопровода около 27.700 долл., или около 55.500 руб. довоенных. Газопровод проложен в земле на глубине 1 метра. Иногда газопроводы прокладываются по земле, что удешевляет стоимость сооружений.

Из этих цифр видно, что стоимость километра газопровода в Европе дешевле чем в Америке, почти на 50%.

Что касается возможной стоимости газопровода дальнего протяжения в СССР, то принимая коэфициент вздорожания металлов и работ в СССР примерно в 2,5 раза по сравнению с немецкими стоимостями, приходим к выводу, что километр газопровода диаметром в 325 *мм* будет стоить около 45 тыс. руб., а диаметром 550 *мм*, около 70 тыс. руб., включая в эти суммы также стоимость компрессорных станций.

Широкое использование естественных газов и развитие газификации каменных и бурых углей, а также и торфа для нужд снабжения городов и промышленности газообразным топливом, будет иметь для городов прежде всего то значение, что их воздух не будет насыщен копотью и дымом, неизбежными спутниками индустриального развития городов при современных методах сжигания топлива.

Дым фабрично-заводских труб, являясь показателем индустриального развития, является бедствием как в теплохозяйственном, так и в гигиеническом значении, будучи следствием весьма несовершенных методов сжигания топлива, при котором 30—35% сжигаемого топлива вылетает в трубу. Еще больше топлива уносится в трубу в бытовом сжигании, достигая 80—85% сжигаемого топлива.

Использование топлива, в виде газа предоставляет возможности вести процесс горения с теоретически потребным количеством воздуха, исключая всякие потери на уносы в трубу как в случае избытка подачи воздуха, так и его недостачи. Это — одна сторона вопроса, которая будет иметь громадное значение для социально-гигиенического оздоровления городов.

Не меньшее значение имеет и другое: газификация топлива и в особенности дальнее газоснабжение, делая независимым постройку электрических станций от транспортных условий для подвоза топлива, наилучшим образом разрешает проблему постройки в центре потребления энергии теплоэлектрических станций для снабжения города и предприятий не только электрической но и тепловой энергией для нужд отопления и производства, с коэфициентом использования топлива в 65—70%, против 18—20% на лучших конденсационных станциях, что уменьшит потребность городов в топливе за счет более рационального его использования.

Кроме экономических выгод, которые получат города и население при переходе на газовое топливо и теплофикацию с электрических станций, по сравнению с существующими методами энергоснабжения городов, необходимо помнить также следующее: перед нами стоят колоссальной важности вопросы культурной революции, поднятия культурного уровня населения. Переустроить систему отопления жилищ, дать в жилище горячую воду в любое время дня и ночи по доступной цене, дать газ для кухни и дешевую электроэнергию для освещения это значит подвести материальный базис для разрешения в быту вопросов культурной революции.

Строя всякие планы благоустройства городов и жилищного строительства, нужно помнить, что кроме индустриальной армии, занятой в промышленности, есть армия в два раза большая — домашних хозяек и домашних работниц, труд которых незаметен и неблагодарен. Газификация и теплофикация поэтому будут иметь значение не только как факторы уменьшения расходов на топливо, но и как основное условие освобождения женщины от домашнего рабоства в сырой прачечной и чадной кухне.

Перспективы развития газоснабжения в СССР

Вопросы газификации топлива для нужд газоснабжения, как и использование для этих целей природного горючего газа, является для СССР делом новым. Это имеет и свои плюсы и свои минусы.

Наши преимущества заключаются в том, что в условиях планового хозяйства у нас исключаются возможности борьбы и тормозов, стоящих перед каждой капиталистической страной.

Наличие, как мы говорили выше, во многих городах заводов светильного газа, которым современные методы газификации и дальнего газоснабжения грозят смертельной опасностью, является напр, в Германии колоссальным тормозом в деле преодоления рутины и осуществления новейших установок для газификации топлива и прокладки дальних газопроводов.

Наша слабость заключается в том, что *своего опыта* мы не имеем и «детские болезни» всякого нового дела, в том числе и газификация топлива и дальнего газоснабжения, у нас будут иметь больше места, по сравнению со странами Запада и Америки. При надлежащем учете эксплоатационного опыта путем посылки для этого инженерно-технических сил для работы на заводах Европы и Америки по 1,5—2 года в значительной степени избавят нас от этого.

В вопросах использования отдельных видов газов у нас намечается такая последовательность:

а) использование естественных горючих газов;
б) использование для нужд дальнего газоснабжения газов коксовальных печей;
в) газификация топлива в водяной и двойной газ на районных заводах для нужд дальнего газоснабжения;
г) газоснабжение с заводов, построенных в городской черте для нужд промышленного и бытового потребления.

Перспективы реорганизации энергоснабжения городов на основе использования естественных горючих газов имеются в следующих городах: Баку, Махач-Кала, Грозный. Не исключена такая же возможность для Краснодара, Ставрополя и Бердянска, в связи с имеющимися в этих районах выходами естественного горючего газа, мощность которых должна быть проверена специальными разведками.

Перед городами, расположенными в каменоугольных районах, стоит задача в ближайшие годы использовать для нужд дальнего газоснабжения *отходящие газы коксовых печей* в комбинации с генераторными установками, обеспечивающими непрерывность снабжения в периоды разгрузки и загрузки коксовых печей.

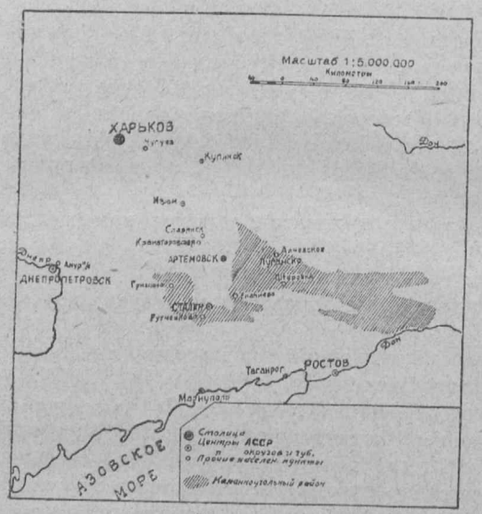
Эта задача стоит перед такими городами как Ростов-н/Дону, Харьков, Сталин, Днепропетровск, а также перед промышленными центрами с большими рабочими поселками, постоянно окутанных дымом фабрично-заводских печей и угольной пылью, невероятно загрязняющих и отравляющих города, делая весьма тяжелым пребывание в них, в особенности, летом.

Переход должен быть осуществлен не только по санитарно-гигиеническим соображениям, но и экономическим причинам, так как газовое топливо, как мы указывали выше, будет стоить дешевле по сравнению со стоимостью сжигания для этого каменного угля.

Дальнее газоснабжение южных городов и промышленных центров газом коксовых печей необходимо комбинировать с сооружением газовых заводов в районе шахт, оборудованием их газогенераторами типа Strache, Stein, Tully и т. п. Такие заводы будут играть роль районных заводов, аналогичную с районными электростанциями, покрывая «провалы» при загрузке и разгрузке коксовых печей и «пики» в часы и сезоны большого расхода газа, будучи резервными на случай аварий.

При использовании для целей дальнего газоснабжения коксовального газа, в том числе и сжигаемого ныне в коксовых печах и местных силовых установках Донбасса, могут быть получены еще следующие выгоды: на местах будут сжигаться низкосортные топливо и угольная мелочь, не выдерживающие перевозки, а промышленные центры будут снабжаться газом коксовальных печей. Таким путем может быть достигнута действительная рационализация использования углей.

Сбыт дешевого газа получит значительное распространение и, давая стимул к постройке новых коксовых печей, удешевит стоимость самого кокса, что неминуемо отразится на уменьшении цен на металлургическую продукцию.



Черт. 2.

Перспектива использования каменноугольного топлива, в виде газа для южных городов и промышленности намечалась более 30 лет тому назад гениальнейшим из русских людей Д. И. Менделеевым.

«По моему мнению» писал Д. И. Менделеев: «в будущем можно ждать очень крупного удешевления стоимости каменноугольного топлива только при условии его превращения под землей же, по возможности в самих пластах (не выламывая их), в генераторные (воздушные) газы при распределении их затем по трубам, для чего я не предвижу ни одной существенной трудности. Тогда отпадает вся текущая подземная работа, выломки и стоимость на 16,38 *кг* угля может упасть до 2—3 коп., тем более, что при этом в работу могут пойти и такие слои угля, которые ныне не вырабатываются вовсе. Переходом к этому желательнейшему способу пользования каменными углями может служить устройство подземных генераторов с выводом газа на ближайшие окрестные заводы. Но и далекое, на сотни *км*, проведение горючих газов не представляет практически непреодолимых трудностей, как видно из того, что в Соед. Штатах уже на несколько сот *км* к заводам отводят по трубам природные горючие газы и природную нефть, тем более, что глиняные и даже из бумажной массы трубы могут служить для провода генераторных и паровоздушных газов под малым перевесом давления». [1]

Современное состояние газоснабжения в Европе, в виде уже осуществленных дальних газопередач — завод в Гайденау (Саксония) имеет

[1] Д. И. Менделеев, „Основы фабрично-заводской промышленности", стр. 140, изд. 1897 г.

250 *км* высокого давления и 600 *км* низкого, районный завод в Алаберге имеет 75 *км* высокого давления и 250 *км* низкого и т. д. и намечающиеся Германией перспективы использования газа коксовальных печей Рурского района для снабжения Берлина на расстояние 500 *км*, является не только доказательством гениальности русского ученого, предусмотревшего тенденции технической реконструкции капитализма последних лет, но диктующим со своей остротой необходимость внимания этим вопросам у нас в СССР, в особенности в перспективе необходимости максимально ускоренным темпом перенять технические достижения капитализма для социалистического строительства.

Особенно же большое значение будет иметь газоснабжение для Москвы и Ленинграда, сжигающих уже теперь каждый свыше 4 миллионов тонн условного топлива, из которого более половины привозного Донецкого угля, перевозимого по железным дорогам для Москвы на расстояние 1.100—1.200 *км* и для Ленинграда 1.800—2.000 *км* по льготному тарифу.

Базой для газоснабжения Москвы будут подмосковные угольные районы, бурые угли которых являются нетранспортабельными, но вполне пригодными для газификации в газы для дальнего снабжения.

О перспективах использования подмосковных углей для целей газификации дальнего газоснабжения Д. И. Менделев писал: [1]

«Я полагаю, что в недалеком будущем широкое применение видов топлива, богатых золою (а таких местами очень много, напр. у нас на Урале, в киргизских степях и в подмосковном угольном бассейне) может совершиться при помощи превращения их в местах залегания в горючие газы (водяной и генераторный) или в тонкую пыль, которые легко могут быть далеко отправляемы по специальным трубопроводам» (курсив наш *Н. С.*).

Современное потребление топлива Москвой превышает 4 млн. тонн условного топлива, из которого около 80% расходуется на тепловые процессы со средним коэфициентом полезного действия использования топлива в 30—32%.

Поэтому масштаб потребления газа московским районом к концу пятилетия, минимально необходимо исчислять в 1,7—2,0 мрд. куб. метров, вырабатываемых на группе заводов, об'единенных общим газопроводом, передача которых на 200—250 *км* не превысит 0,5 коп. за куб. метр, так как стоимость транспорта уменьшается с ростом количества качаемого газа. Водяной и двойной газ из бурового угля из-за содержания большого процента окиси углерода без промывания не может быть пущен в газовую сеть для бытового потребления, но является идеальным промышленным топливом, что вместе с тем разрешит проблему перевода промышленности на местное топливо.

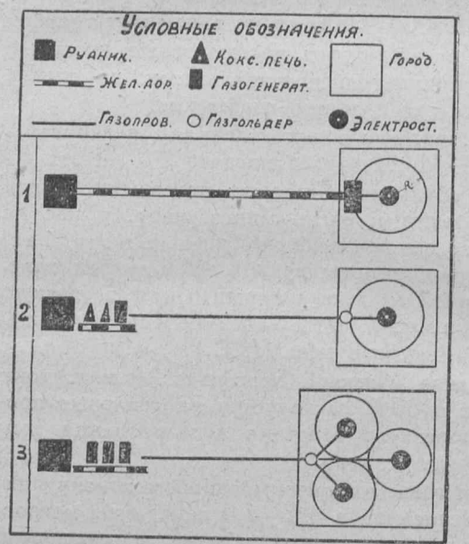
Дальнее газоснабжение упростит для Москвы вопрос развития теплоэлектрических станций для снабжения города не только электрической, но и тепловой энергией, делая возможным сооружение их в центре потребления тепловой энергии, за отпадением транспортной проблемы для подвоза топлива. Широкое развитие теплофикации в Москве для нужд производства, отопления, коммунального и бытового потребления может дать уже к концу пятилетия громадную ежегодную экономию топлива около 500 — 600 тонн стоимостью в 16.000 — 21.000 тыс. руб., что капитализирует все затраты по газоснабжению и теплофикации в 5 — 6 лет.

[1] Там же, стр. 70.

Газоснабжение Ленинграда должно будет базироваться на окружающих торфяных болотах, залежи которых в радиусе 50 *км* исчисляются в 100 млн. тонн условного топлива.

«Торфяной генераторный газ, — писал Д. И. Менделеев, намечая перспективы использования торфа — легко получаемый (при его образовании получается много дегтя и аммиачной воды), может быть по трубам распределяем на большие расстояния, и я думаю, что со временем этот способ окажется наиболее выгодным для пользования торфяниками в фабрично-заводском деле, тем более, что такой газ дает, сгорая в генераторных печах, высшие степени жара».

Произведенные по нашему заданию Всеобщей Компанией Газификации A. V. G. в Берлине опыты с получением из торфа северо-западных болот высококалорийного газа, дали весьма хорошие результаты. Ближайшей задачей будет разрешение этого вопроса сначала в опытной заводской установке, для того, чтобы избежать неожиданностей при осуществлении газоснабжения в крупном масштабе.



Черт. 3.

Газификация торфа для целей газоснабжения, в комбинации с теплофикацией с центральных городских электрических станций, превращенных в энергоцентрали, даст возможность перевести Ленинградское хозяйство на местное топливо, что не только для ленинграда, питающегося в основном донецким топливом, завозимым по ж. д. на расстоянии 1.800—2.000 *км*, но и государства, уже теперь ежегодно покрывающего убытки угольных перевозок для Ленинградского района в сумме 18—20 млн. руб. ежегодно, будет иметь исключительное большое значение.

Для большинства других городов, в особенности, для имеющих перспективы большого промышленного развития, переход на централизованное снабжение топливом, в виде газа, является весьма желательным и в будущем он будет единственным.

Такие города, не входящие в систему районных заводов с дальними газопроводами, будут иметь газовые заводы с генераторными установками в районе городской черты у ж.-д. станций или водных путей, по которым будет подвозиться топливо для газификации.

Схему будущего энергоснабжения городов можно представить в следующем виде. (См. черт. 3).

По первой схеме будет строиться энергоснабжение средних и мелких городов, не входящих в сферу действия районных газовых заводов. Генераторные установки будут сооружаться у ж.-д. станций или водных артерий. Газом будут снабжаться электрические станции, промышленные и коммунальные предприятия. Отходящим теплом электростанция будет обслуживать дома и предприятия в радиусе 1,5—2,0 *км*. Таким рисуется энергоснабжение таких городов, как Сталинград, Саратов, Самара, Казань, Тула, Курск, Киев, Чернигов и т. д.

По второй схеме намечается реорганизация энергоснабжения городов каменноугольного района, комбинирующих газоснабжение использованием газококсовальных печей и генераторных установок, с использованием отходящего тепла энергоцентралей для нужд отопления — бань, купальных бассейнов, прачечных и т. д. По этой схеме энергоснабжение намечается для городов УССР: Харьков, Сталин, Артемовка, Днепропетровск, Ростов н/Дону.

Такой же будет схема и для городов, использующих естественный газ для городского снабжения.

По третьей схеме рисуется энергоснабжение городов, газоснабжение которых будет базироваться на использовании местных топливных ресурсов: Москва—бурые угли, Ленинград, Тверь, Иваново-Вознесенск, и т. д.— торф.

Генераторные установки будут расположены в буроугольных районах или на торфяных массивах и газ будет передаваться по дальним газопроводам.

Вследствие территориальных условий, в особенности Москвы и Ленинграда, для снабжения городов тепловой и электрической энергией, они будут иметь по нескольку теплоэлектрических централей, поскольку теплопередачи наиболее рентабельными являются в радиусе до 3 *км*.

Выводы

В связи с указанными задачами и перспективами развития энергоснабжения городов, практическими мероприятиями ближайшего времени необходимо считать:

1. Должна быть составлена пятилетка по газобой индустрии. В первую очередь должна быть предусмотрена необходимость осуществления газоснабжения, базирующегося на использовании естественного газа — (Баку, Грозный, Махач-Кала) и др., а также на использовании газов коксовых печей Донбасса для снабжения Харькова, Ростова н/Дону, Днепропетровска и лежащих по пути промышленных районов и городов.

2. В ближайшее пятилетие должна быть практически решена проблема дальнейшего газоснабжения Москвы с подмосковных угольных районов и Ленинграда с торфяных болот в масштабах минимальной потребности до 2 мрд. куб. метров для каждого города.

3. В первые годы пятилетия должна быть организована промышленность для обслуживания оборудованием газовой индустрии.

4. Планы электрификации ВСНХ должны быть пересмотрены с учетом перспектив развития газоснабжения и необходимостью максимального внимания вопросам энергоснабжения городов, в которых электроснабжение является лишь небольшой частью, разрешаемых при системе теплоэлектрических централей, работающих в параллельной нагрузке с районными станциями. Москва и Ленинград минимально должны иметь к концу пятилетия, первая—120—150 тыс. *квт*. теплоэлектрической мощности и Ленинград — 50—80 тыс. *квт*. постройкой новых станций и переоборудованием существующих ЦЭС в энергоцентрали.

5. В плане развития городов должна быть предусмотрена необходимость перехода к централизованному снабжению тепловой и электрической энергии с энергоцентралей, пользующихся газовым топливом.

А. Авербух и А. Брюханов

Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР

(К построению системы сельскохозяйственных цен)

Зерновая проблема является одной из центральных, поставленных перспективным планом развития народного хозяйства. От правильного и удачного разрешения этой проблемы зависит целый ряд проектировок развития как отдельных отраслей, так и всего народного хозяйства в целом.

На протяжении последних лет мы имели ряд отрицательных моментов в развитии зернового хозяйства, которые в совокупности своей привели к замедлению роста производства хлеба в стране и частично к понижению его товарности. Причины, обусловившие эти явления лежали как в области изменившейся социально-экономической и производственной структуры крестьянского хозяйства (дробление и измельчание крестьянских хозяйств, переход к интенсификации и т. п.), так и в условиях реализации и отчуждения товарного хлеба. Это отставание зернового сектора сельского хозяйства от темпа развития других отраслей и потребностей страны особенно явно себя обнаружило в момент перехода от «восстановительного» к реконструктивному периоду. «Кризис» зернового хозяйства, перебои и недостатки хлебного снабжения с особой силой обнаружились как-раз в этот момент.

В основе своей эти затруднения, это отставание в производстве хлебов, находит свое объяснение в том, что сконцентрировав спрос в руках государственного заготовителя, преимущественно планового, само производство находилось и находится в распыленном, раздробленном состоянии в руках мелких и мельчайших индивидуальных крестьянских хозяйств, не поддающихся прямому и непосредственному планированию. Эти мельчайшие хозяйства, в массе своей производящие хлеб для собственного натурального потребления, являются мало товарными, с незначительными распыленными по множествам ячеек излишками хлебов, с примитивной «доморощенной» техникой производства.

Обобществленный сектор сельского хозяйства, в лице государственных совхозов, и всевозможных видов коллективных хозяйств, в силу своей слабости и недостаточного развития не мог восполнить этот пробел в производстве и снабжении хлебом страны. Обладая всего только около 5% всей товарной продукции сельского хозяйства, он не мог при таком малом удельном весе играть какую-либо заметную роль на хлебном рынке.

С другой стороны, мы имеем в деревне довольно заметную группу достаточно крупных зажиточных крестьян, которые сконцентрировав в своих хозяйствах производство товарного хлеба, в отдельные периоды диктовали рынку свои требования и заметно влияли на ход снабжения и удовлетворения потребностей страны в хлебе. Мы не имеем достаточно достоверных подсчетов о количестве этих хозяйств, и что особенно важно, о значении и удельном весе их в производстве товарного хлеба, но предварительные исчисления, которые сейчас имеются по различным источникам,

говорят, что при почти 10% от общего количества крестьянских хозяйств они обладают почти 30% средст производства и около 40% всего товарного хлеба.[1]

Обладая таким значительным удельным весом в хлебном рыночном обороте страны, зажиточная часть деревни, и особенно ее кулацкая часть, использовывала малейшие заминки на рынках реализации хлеба, играла на затруднениях, срывая хлебозаготовительные кампании, повышая уровни цен, создавая ажиотаж на рынке и перебои в снабжении.

Бесперебойное и достаточное снабжение поодовольствием городов и пролетарских центров является основной предпосылкой реализации громадного плана реорганизации и реконструкции всего народного хозяйства в предстоящее пятилетие. Поэтому, вопросы развития достаточной производственной хлебной базы являются делом основным и решающим.

Если в годы восстановления и первые годы реконструкции, задача планового сектора заключалась в том, чтобы сорганизовать рынок, объединить спрос, извлечь имеющиеся товарные ресурсы из деревни, то новые задачи предстоящего пятилетия требуют от него уже решительного внедрения в самое производство и его реконструкции изменяя как технический, так и социальный его профиль.

Принятый и одобренный правительством и партией, пятилетний план намечает целый ряд мероприятий организационно-технического и социального порядка, с тем, чтобы поднять эту отрасль на новую высшую техническую ступень.[2] Организация крупных зерновых совхозов (хлебные фабрики), обобществление бедняцко середняцких производителей хлеба в коллективы, коммуны, машинотракторные станции и т. п. — все это обеспечивает мощную производственную базу, повышает урожайность, увеличивает товарную массу и концентрирует последнюю до 40% в социалистическом обобществленном секторе сельского хозяйства, и тем самым в значительной мере освобождает страну от зависимости в хлебоснабжении от спекулирующей верхушечной части деревни.

Однако, следует иметь в виду, что к концу пятилетия основным массивом производящим хлеб все же будут индивидуальные крестьянские хозяйства, на долю которых придется до 60% товарного хлеба. Таким образом, мероприятия по подъему и форсированию производства хлеба в индивидуальном секторе сельского хозяйства должны сочетаться с системой мер направленных к изъятию, к извлечению из деревни этих товарных масс, все еще находящихся у отдельных товаропроизводителей.

Основным методом реализации производимой в стране продукции является метод рыночного обмена. Поскольку основными держателями товарного хлеба, как указывалось выше, будут индивидуальные крестьяне производители, постольку рыночные формы обмена являются и здесь главнейшими демонстрациями. Отсюда во всю ширь встает проблема ценностных соотношений, в которых протекает этот вид обмена.

Категория цены, в наших условиях, в условиях советской экономики, имеет специфические отличительные черты. Являясь в условиях капиталистического хозяйства результатом целого ряда взаимно перекрещивающихся стихийных сил, в формах которого протекает весь процесс капиталистического способа производства, цена, в наших условиях, при наличии мощного социалистического сектора, модифицируется и из фактора результирующего, чем дальше, тем все больше и больше превращается в рычаг активного воздействия через рынок на структуру и движение хозяйственного процесса.

[1] „Пятилетний план народнохозяйственного строительства", т. II, ч. 1, стр. 271.
[2] См. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства", т. II, ч. 1. Раздел „Сельское хозяйство", стр. 270.

Распределение ресурсов, созданных в процессе производства в различных отраслях народного хозяйства, в основной своей массе происходит через посредство механизма цен, при чем пользуясь этой активной ролью цены, мы в своей политике строим такую систему ценностных соотношений, которая в наибольшей степени обеспечивала бы расширенное воспроизводство всего народного хозяйства, на путях его продвижения к социализму. В этой общей системе цен должны находить свое отражение и те специфические задачи, которые ставятся планом и планирующими органами перед отдельными участками хозяйственного фронта. Правильно построенная общая система цен на продукты сельского хозяйства, производимые в стране, сочетание этих цен по отдельным отраслям и дифференцированным товарам, должна стимулировать индивидуальных товаропроизводителей как к общему подъему и развитию сельского хозяйства, так и к такому перераспределению сил, средств и труда внутри своего хозяйства, которые отвечают отдельным специфическим наиболее важным заданиям перспективных установок.

В настоящем исследовании нас интересует, в какой мере истекшая политика государственных планирующих органов в области установления и регулирования цен на продукты сельского хозяйства оказала свое влияние на состояние и положение зернового хозяйства страны, с тем, чтобы на анализе прошлого наметить основные задачи в построении системы цен на ближайший отрезок реконструктивного периода.

Влияние цен на производство и товарность сел.-хоз. продуктов, в частности, в специфических условиях советской экономики, далеко не изучено. Полунатуральный тип хозяйства, являющийся преобладающим в массе крестьянских хозяйств, приводит к почти непреодолимым препятствиям не только в разрешении, но и в изучении этого вопроса. Степень влияния цен, повидимому, весьма различна не только в разных районах и для разных социальных группировок крестьянских хозяйств, но и для отдельных продуктов, обладающих разной степенью товарности. С другой стороны, влияние цен связано с рядом иных моментов, в частности, с влиянием налогов и т. п.

Одно представляется здесь несомненным: товаропроизводитель-крестьянин выступает далеко не плохим калькулятором своих продуктов, всесторонне учитывающим все моменты (как, например, трудоемкость данной культуры, ее урожайность, сравнительную доходность, соотношение цен и т. п.), устанавливающие для него выгодность их производства и продажи. В этом отношении, он на много вооруженнее нас — планирующих цены, пока что, преимущественно на-глаз, не зная ее элементов. Из практики нашего планирования мы имели примеры того, как чутко товаропродавец крестьянин реагировал на изгибы нашей заготовительной политики.

Основные черты хлебных кампаний 1923/24—1928/29 гг.

Истекшие годы новой экономической политики, годы восстановительного и переходного к реконструктивному периодов в области хлебного рынка, были периодом, возраставшего охвата рынка, овладения им обобществленным сектором и подчинения его плановому государственному регулированию. В этом отношении это был период тяжелой борьбы обобществленного сектора с позициями частного капитала, упорной организационной работы и конъюнктурных уроков.

Задача, которую поставило себе государство, выступив на рынке в качестве главного покупателя хлеба, заключалась в том, чтобы развязав рыночные отношения, допустив существование и работу частного капитала, в целях повышения товарности и насыщения внутреннего рынка хлебом,

организовать в мощных размерах государственную и кооперативную заготовку хлеба на коммерческих основах.

По ориентировочным подсчетам распределение всего отчуждения хлеба на внедеревенский рынок (включая ту часть обратных покупок крестьянского населения, которая происходит из видимых запасов) между отдельными социальными контрагентами хлебооборота за истекшие годы представляется в следующем виде (в процентах к итогу всей заготовки):

годы:	1923/24[1]	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Основные госуд. и кооперативн. заготовки	57	51	64	75	79	75
Местные	6	8	11	11	9	12
Итого обобществленный сектор	63	59	75	86	88	87
Частные заготовки	37	41	25	14	12	13
Все заготовки	100	100	100	100	100	100

В минимуме заготовки обобществленного сектора были в неурожайном 1924/25 г. В последующие годы, в особенности в 1926/27 г., происходит усиленное сокращение частных заготовок и возрастание удельного веса централизованных плановых заготовителей, увеличивающих свою роль также за счет местных государственных и кооперативных заготовок. Максимальное значение централизованные заготовки приобретают в 1927/28 г.

Заняв доминирующее положение на хлебном рынке, вливая все больше и больше средств в обобществленную торговлю, совершенствуя организацию хлебозаготовок, государство уже подчиняет стихийные процессы вольного рынка плановому регулированию, разрушает сложный механизм рыночной конкуренции и ценообразования.

1923/24 г. был первым годом заметного выступления государства, как крупного покупателя хлеба. Это был год среднего урожая, последовавшего за высокоурожайным 1922/23 г. Видимых запасов, пополнявшихся натурналогом, к началу года было вполне достаточно для удовлетворения первых потребностей городского спроса. Хлебная торговля находилась в зачаточном состоянии. На руках у производителей за вычетом той доли, которая шла на покрытие сел.-хоз. налога, имелись относительно значительные излишки хлеба, не находившие реализации, вследствие неналаженности хлебного оборота. Все эти моменты обусловили уже в предыдущем году значительное понижение хлебных цен. В сентябре 1923 г. цены достигли наинизшего уровня, оказавшись почти наполовину ниже довоенных.

В целях изъятия хлебных излишков и направления избыточного хлеба на экспорт, государство в этот период (вплоть до денежной реформы), ведет активную политику повышения хлебных цен и одновременно понижает цены на изделия госпромышленности, в целях улучшения эквивалентов хлеба в промтоварах.

В результате этой политики, на протяжении 1923/24 г. заготовительные цены на хлеб с сентября были подняты к концу года на + 153%.

Весной 1924 г. интересы денежной реформы потребовали изменения повышательной политики хлебных цен. Достигнутый весной уровень хлебных цен едва ли может быть признан чрезмерно высоким. Однако, необходимость добиться снижения розничных цен, косвенно, ставит государство на путь снижения заготовительных цен.

Наступивший 1924/25 г. неурожайный год проходит под знаком борьбы за укрепление, только что введенной новой твердой денежной единицы и против роста хлебных цен. Когда начинает вырисовываться территория, охваченная недородом, и размеры понижения урожая, обстановка на рынке резко меняется. В противоположность 1923/24 г., в 1924/25 г. мы имеем на хлебном рынке превышение спроса над предложением.

[1] Без учета натуральной части сел.-хоз. налога. С учетом этой части доля обобществленного сектора повышается до 70%.

В начале кампании, по директивам правительства вводятся максимальные лимиты заготовительных цен. Но форсированный экспорт предыдущих месяцев, хлебная интервенция и отправка хлеба в недородные районы, чрезвычайно снижают государственные запасы и тем самым лишают обобществленный сектор ресурсов для оказания воздействия на рынок и цены. Частный капитал, неограниченный в этот период никакими нормами, несколько переплачивая против государственных лимитных цен, успешно стягивает к себе хлеб. Несоответствие лимитов рыночной обстановке, в особенности, в неурожайных районах, обнаруживает себя очень скоро. Вскоре базарные цены в этих районах далеко отрываются от сентябрьских лимитов, превышая их на 30, 40 и более процентов. Государственные и кооперативные заготовки не получают возможного развития.

Все это приводит во втором полугодии к необходимости отмены лимитов и повышения заготовительных цен. Однако, поздняя отмена лимитов имеет ограниченные результаты, и к концу 1924/25 г. рынок переживает значительные затруднения.

Хозяйственные планы 1925/26 г. составлялись летом, когда виды на урожай, еще не вполне определились. Это способствовало тому, что народное хозяйство вступило в 1925/26 г. с преувеличенными планами главнейших отраслей, в частности, планами крупных хлебозаготовок и хлебного экспорта. Но вследствие дождей уборка урожая сильно запоздала и довольно значительная часть собранного хлеба (около 5% валового сбора) была уничтожена. Поэтому, действительные возможности, которые вытекали из урожая, оказались в несоответствии с разгоном, взятым, в некоторых частях хозяйственного организма.

Вторым, чрезвычайно, существенным моментом явилось то, что реализация нового хлеба происходила в обстановке резкого несоответствия между спросом и предложением промпродукции.

Вследствие раздутых планов хлебного экспорта и хлебозаготовок, мы имели перекредитование хлебозаготовительной системы. В течение первого полугодия хлебозаготовители, как правило, постоянно располагали, некоторым избытком денежных средств, по сравнению с той хлебной массой, которую они, по состоянию рынка, могли заготовить и реализовать.

Такое положение создало на рынке нездоровую атмосферу ажиотажа, быстро учтенную держателями хлеба.

С октября 1925 г. государственные органы начинают борьбу с начавшимся повышением хлебных цен, но реализуя, в эти месяцы (октябрь—декабрь), большинство других сел.-хоз. товаров, крестьянство в ответ на попытку снижения хлебных цен уменьшает реализацию хлеба.

Сокращением финансирования хлебозаготовителей, уменьшением экспорта, экономическим регулированием на транспорте, и усилением снабжения деревни промтоварами к весне 1926 г. было достигнуто восстановление равновесия на хлебном рынке. В весенние месяцы мы наблюдаем изменение рыночной конъюнктуры и появление объективных возможностей снизить хлебные цены, рост которых приостановлен.

В отличие от двух предыдущих лет в 1926/27 г. устанавливается относительное равновесие на хлебном рынке. В этом году вследствие значительного прироста посевных площадей под зерновыми культурами, несмотря на понижение урожайности, произошло большое увеличение валовой продукции зерна. Осенью проводится сильное снижение заготовительных цен, потянувшее за собой также и базарные цены. На сниженном уровне цены стабилизуется на протяжении года, без особого обычного

весеннего сезонного повышения. Значительные товарные излишки, успокоение на рынке промтоваров, влажное качество зерна этого года создают предпосылки для успешного хода хлебозаготовительной кампании, особенно, в ее первой половине. Но, если, достигнутая стабилизация заготовительных цен на протяжении года способствовала положительному развитию хлебной кампании, то низкий уровень их в условиях пониженного урожая, с гектара, наоборот, понизил доходность от производства хлеба и, как будет показано ниже, вызвал ряд отрицательных явлений в области зернового хозяйства.

Отрицательные моменты в зерновом хозяйстве, обнаружившиеся в предыдущем 1926/27 г., получили свое полное развитие в 1927/28 г. В этом году прирост посевной площади, не превышает естественного прироста населения. Невыгодные ценностные условия реализации зерна, в частности, неблагоприятные эквиваленты его с продуктами животноводства, действуют в направлении понижения товарности хлеба. Все это приводит к уменьшению предложения крестьянством зерна на рынок и «кризису» хлебозаготовок в октябре-декабре 1927/28 г. Усиление хлебозаготовок в следующем квартале было достигнуто «чрезвычайными мерами», которые привели к дезорганизации местного рынка, вплоть до закрытия местных базаров включительно. Цены «вольного» рынка резко отрываются от конвенционных, достигая к концу рассматриваемого года, уровня более высокого, чем уровень их в недородном 1924/25 г. «Кризис» зернового хозяйства, выразившийся в сокращении посевных площадей в 1928/29 г. (вследствие гибели озимых и недостаточного увеличения яровых посевов), побудил партию и правительство к ряду мероприятий, направленных на под'ем зернового хозяйства и упорядочение хлебного рынка. Были повышены заготовительные цены на хлеб. Вследствие такого повышения цен, для зерна были созданы иные более благоприятные соотношения с ценами других сел.-хоз. продуктов и более выгодные условия его реализации. Однако, кампания этого года проходит в исключительно трудных условиях. Причиной этому является недостаток хлеба в стране, напряженное состояние рынка, неблагоприятная география урожая и широко развернувшаяся, в результате развязывания местного оборота, конкуренция вольного рынка, принявшая крайне отрицательные формы (мешечничество). Отличительной чертой, в области цен в этом году, является чрезвычайное несоответствие между ценами частного рынка, которые в значительных размерах превышают цены обобществленных заготовителей, и их резкая порайонная дифференциация.

Движение уровня хлебных цен

По исчисленному нами индексу цен плановых заготовителей, уровень их на протяжении рассматриваемых лет изменялся так (табл. 1, стр. 259).[1]

В 1923/24 г. средне-годовой уровень заготовительных хлебных цен был ниже довоенного.

В результате повышения цен в течение этого года и нового повышения их в 1924/25 г., в связи с неурожаем, уровень цен 1924/25 г. оказался на +83% выше предыдущего года, и индекс их достиг высоты 157, т.-е. был максимальным за весь пореволюционный период. В 1925/26 г. общий индекс снизился на —4%, но высота его и в этом году еще значительна. В результате, уже выше рассмотренных нами условий, в 1926/27 г. произошло сильное снижение уровня заготовительных цен (—22%). В 1927/28 г. уровень цен был несколько повышен (на +9%). Но оба эти года характерны, как годы низкого уровня хлебных цен. В 1928/29 г.

[1] См. примечания к таблицам индексов цен в приложениях к настоящей статье.

Таблица 1

Динамика индекса цен плановых заготовителей по СССР

(Веса постоянные. Довоенные цены = 100)

культуры \ годы	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	% изменения к пред. году 1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Рожь	71,2	147,8	151,9	112,4	120,2	145,2	+108	+ 3	—26	+ 7	+21
Пшеница	93,9	163,9	157,8	125,3	132,5	157,4	+ 75	— 4	—21	+ 6	+19
Овес	86,4	168,5	156,0	113,4	120,8	146,4	+ 95	— 7	—27	+ 7	+21
Ячмень	70,8	134,5	117,8	87,5	134,6	166,1	+ 90	—12	—26	+54	+23
Кукуруза	96,4	144,6	100.0	100,0	136,0	137,1	+ 50	—31	— 0	+36	+ 1
Просо	43,3	122,7	118,0	104,3	116,3	118,1	+183	— 4	—12	+12	+ 2
Гречиха	80,2	147,5	152,3	126,9	131,4	168,7	+ 84	+ 3	—17	+ 4	+28
Среднее по всем хлебам	86,2	157,4	151,8	118,7	129,1	153,3	+ 83	— 4	—22	+ 9	+19

уровень заготовительных цен, в связи с повышением, проведенным в соответствии с решениями партии и правительства, поднялся до 153 (+19%), к 1927/28 г., и почти достиг высоты хлебных цен 1924/25 — 1925/26 г.

Динамика индекса цен плановых заготовителей на зерновые хлеба по СССР
(довоенные цены = 100)

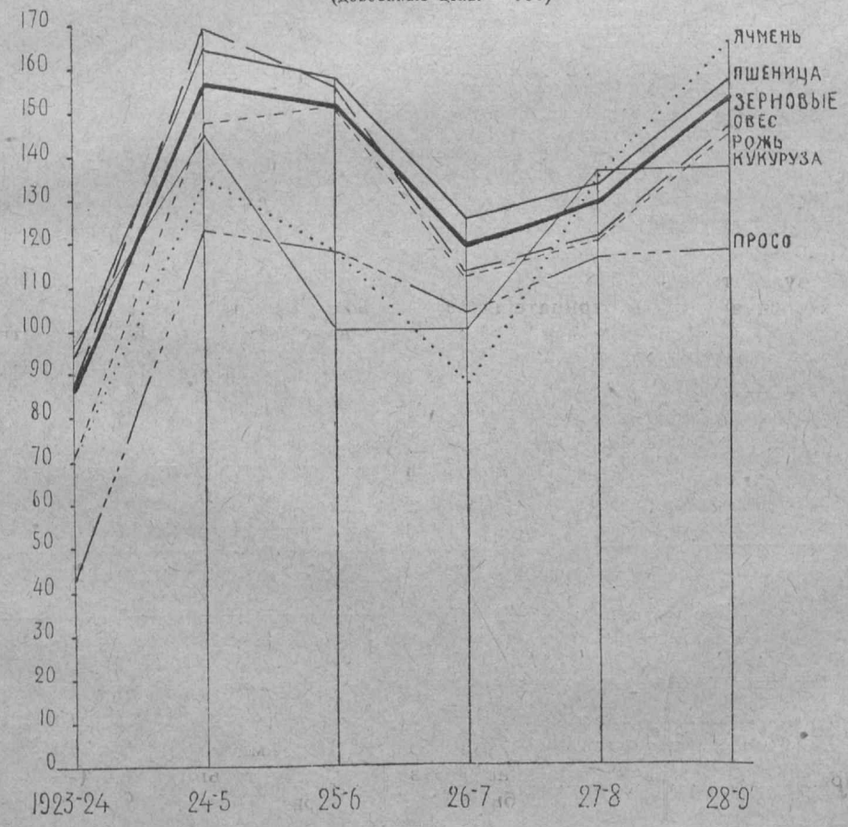


Диаграмма 1

По сравнению с довоенным периодом в уровнях цен отдельных хлебов произошли существенные сдвиги. Группа продовольственных хлебов имеет более высокий индекс, чем группа кормовых. Из продовольственных хлебов более товарная культура — пшеница, имеет более высокий индекс, а менее товарные хлеба — рожь и просо наиболее низкие. Из кормовых хлебов — овес, имеет высокий индекс, а ячмень и кукуруза — низкие индексы. Наиболее сильные колебания в рассматриваемые годы испытали цены на ячмень, кукурузу и просо, в 1926/27 г., опускавшиеся ниже уровня предвоенных лет. (См. диаграмму 1 на стр. 259).

Произведенное нами исчисление общих реализационных, для всей отчуждаемой на внедеревенский рынок товарной массы заготовительных цен на хлеб (взвешенных цен плановых, местных и частных заготовителей), показывает следующую динамику этих цен, в сравнении с ценами основных заготовителей (в коп. за центнер):

Группы цен	Рожь				Пшеница			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Общая заготовительная цена .	590	590	450	470	870	820	650	680
Цена планов. заготовителей . .	520	560	430	460	720	790	630	670
„ частн. „ . . .	710	720	670	700	1.060	900	780	840
Разница между общ. заготовит. ценой и ценой планов. заготовителей в %%	+ 14	+ 5	+ 5	+ 2	+ 21	+ 4	+ 3	+ 2
Разница между ценой частных и планов. заготовителей в %%	+ 37	+ 29	+ 56	+ 52	+ 47	+ 14	+ 24	+ 25
	Овес				Ячмень			
Общая заготовительная цена .	600	550	410	450	630	440	340	530
Цена планов. заготовителей . .	510	500	370	410	520	430	320	520
„ частных „ . . .	730	730	640	690	740	560	490	620
Разница между общ. заготовит. ценой и ценой планов. заготовителей в %%	+ 18	+ 10	+ 11	+ 10	+ 21	+ 2	+ 6	+ 2
Разница между ценой частных и планов. заготовителей в %%	+ 43	+ 46	+ 73	+ 68	+ 42	+ 30	+ 53	+ 19

Группы цен	В среднем по всем зерновым[1] культурам			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Общая заготовительная цена	720	670	550	580
Цена планов. заготовителей	610	630	530	570
Разница между общ. заготовит. ценой и ценой планов. заготовителей в %% . . .	+ 18	+ 6	+ 4	+ 2

[1] С учетом второстепенных.

Как видим, с усилением доли обобществленного сектора на заготовительном рынке, уровень общих реализационных цен отчуждаемого крестьянством зерна — все более приближается к уровню, назначаемых в плановом порядке цен.

Взвешенное по всем зерновым хлабам, превышение общей реализационной цены зерна над ценой централизованных заготовителей составляет: в 1924/25 г. — 18%; 1925/26 г. — 6%; 1926/27 г. — 4% и в 1927/28 г. — 2%.

Особый интерес представляют сезонные сдвиги в уровнях хлебных цен, имевших место в исследуемые годы. Особенностью движения хлебных цен в первый период является резкая разница осенних и весенних цен, превышавшая обычные размеры подобного разрыва, имевшего место в дозоенные годы. Отчасти этот разрыв находит себе об'яснение в том, что общее движение хлебных цен на протяжении трех лет было повышательное. Но основная причина, в частности, для 1924/25 и 1925/26 гг., заключалась в специфических моментах рыночной обстановки этих лет и в той роли, которую играл «вольный» рынок в эти годы. Нижеследующая таблица иллюстрирует выше сказанное: (см. таб. 2, стр. 263).[1]

В 1926/27 г., с установлением равновесия на рынке, удалось не допустить весеннего роста цен и достигнуть их стабилизации, на осеннем уровне на протяжении года как плановых, так и частных заготовителей. Как видно из таблицы, в ряде случаев весенние цены оказались даже ниже осенних. Те же явления можно отметить и для 1927/28 и 1928/29 гг., по отношению к ценам плановых заготовителей.

В 1927/28 и 1928/29 гг., как мы уже констатировали, имеет место отрыв частных цен от плановых, что связано с переживаемым напряжением хлебного рынка и хлебными затруднениями. В связи с этим, мы наблюдаем новые разрывы весенних и осенних базарных цен, движение, которых не связано с плановыми ценами.

* * *

На основе рассмотрения кон'юнктуры хлебного рынка, его структуры и движения хлебных цен за исследованный нами период, мы можем сделать следующий вывод. Выступление государства на рынке, как организованного заготовителя, принципиально изменяет характер советского хлебного рынка, в отличие от рынка довоенного периода и рынков капиталистических стран. Монополия внешней торговли, централизованный мощный заготовительный аппарат, регулирование на транспорте, национализированная банковская кредитная система, бюджетная налоговая политика, дают возможность государству, изменяя самый механизм ценообразования, вести активную плановую политику цен. Истекшие годы нэпа, в области овладения хлебным рынком и рыночной стихией, подразделяются на два этапа. Первый этап (с 1923/24 г. — до второй половины 1925/26 г.), проходит в непрестанной борьбе планового начала со стихией рыночных отношений. Недостаточный удельный вес централизованных заготовителей на хлебном рынке, отсутствие маневренных хлебных резервов в руках государства, парализованность хлебоснабжения, слабая организация государственных заготовок и, как следствие отсюда, наличие конкуренции между самими

[1] По 1926/27 г. по данным Г. М. Пистрака „Социалистическое хозяйство" за 1927 г., № 5—6 „Зерновое хозяйство и хлебный рынок СССР восстановительного периода" 1927/28 г. и 1928/29 гг. исчислены нами.

обобществленными заготовителями — все это имеет следствием, что, овладевая рынком и организуя его, государство в недостаточной мере подчиняет его плановому влиянию, и стихия рыночных отношений опрокидывает плановые установки.

Во втором этапе (со второй половины 1925/26 г. до этого года), вытеснив частника и заняв почти монопольное положение на хлебном рынке, организовав обобществленный заготовительный аппарат, наладив кооперативное хлебоснабжение, государство подчиняет рынок своему влиянию. Но, не имея длительных установок, как следствие отсутствия перспективных планов развития, планируя лишь процессы рыночных отношений и не реконструируя самого производства, государство ведет недостаточно устойчивую и недостаточно увязанную с условиями производства хлеба, политику цен. Вместе с налоговой политикой и на ряду с процессами, происходящими внутри крестьянского хозяйства, эта политика цен является одной из причин, приведших хлебное производство к современному состоянию. К концу этого этапа (1927/28 г.) и в 1928/29 г., мы имеем рецидивы прорывов плана стихией. Однако, в отличие от первого этапа, когда стихия выступает в лице частного капитала, природа этих прорывов заключалась в неналаженности самих рыночных отношений; к концу второго этапа, прорывы плана сигнализируют отставание развития хлебного производства, находящее свое проявление в рыночных затруднениях.

В связи со всем вышеизложенным, во всю широту выдвигаются три решающего значения, для развития зернового хозяйства, проблемы.

Во-первых, проблема доходности, ибо уровень государственных цен более и более определяет выгодность производства и продажи крестьянством своих продуктов, и общую сумму средств, вырученных от реализации продукции.

Во-вторых, проблема реальных эквивалентов, получаемых производителем, ибо обобществленный сектор, овладевая розничной торговлей промтоварами личного потребления, и снабжая крестьянство основными средствами производства, регулирует движение цен на эти товары и подчиняет их своему влиянию. Поэтому политика заготовительных цен, находящаяся в определенном соотношении и связи с промышленными ценами, приобретает актуальнейшее значение.

Таким образом, вместе с налоговой политикой, действуя, как фактор перераспределения народного дохода, цены своим уровнем и соотношением с уровнем цен на изделия промышленности устанавливают общую высоту капиталонакоплений в сельском хозяйстве и тем самым в значительной мере определяют общий темп развития сел.-хоз. производства на каждый данный период. Но с точки зрения реконструкции и расстановки производительных сил в сельском хозяйстве, распределения их между различными отраслями сел.-хоз. производства, основное значение имеет третья проблема соотношения цен внутри сельского хозяйства между отдельными его продуктами и отраслями, так называемые эквиваленты сел.-хоз. товаров между собой.

При этом необходимо иметь в виду, что как для понимания прошлого и, что особо важно, для планирования на будущее имеет колоссальное значение рассмотрение этих проблем в районном разрезе, ибо природно-географические и социально-экономические особенности каждого отдельного района столь разнообразны, что сплошной подход ко всему зерновому хозяйству в среднем по Союзу не может дать достаточно полной картины для анализа. К тому же, к рассмотрению в районном разрезе обязывают и те специфические задачи, которые поставлены пятилетним планом развития сельского хозяйства перед каждым районом в отдельности.

Процент превышения весенними ценами осенних

Таблица 2

Районы и культуры	1906/10 г. местн.	1909/13 г. местн.	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
			Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные
Украина														
Рожь	+ 2	+ 13	+ 111	+ 82	+ 191	+ 140	+ 19	+ 12	+ 3	+ 18	— 2	+ 13	+ 2	+ 80
Пшеница	+ 4	+ 13	+ 106	+ 109	+ 139	+ 100	+ 12	+ 9	+ 2	+ 11	— 3	+ 6	— 4	+ 66
Поволжье														
Рожь	+ 5	+ 11	+ 76	+ 131	+ 78	+ 108	+ 28	+ 33	+ 1	0	+ 1	+ 31	+ 2	+ 59
Пшеница	+ 2	+ 11	+ 85	+ 121	+ 65	+ 62	+ 18	+ 29	+ 3	— 4	— 1	+ 8	+ 1	+ 33
Урал														
Рожь	+ 1	+ 12	—	+ 89	+ 120	+ 98	+ 51	+ 19	+ 3	— 17	— 7	+ 4	— 6	+ 53
Пшеница	+ 11	+ 20	—	+ 86	+ 115	+ 91	+ 12	+ 7	— 5	— 17	— 6	+ 15	— 1	+ 49
Сибирь														
Рожь	+ 11	+ 14	— 11	+ 49	+ 73	+ 62	+ 12	+ 2	— 4	+ 5	—	—	—	—
Пшеница	+ 11	+ 14	+ 16	+ 65	+ 87	+ 51	— 16	— 2	— 2	+ 4	— 2	0	+ 2	+ 1

Уровни хлебных цен по районам

Исчисленные нами индексы цен плановых заготовителей на зерновые хлеба (с постоянными весами), по основным производящим районам иллюстрирует динамику цен по районам за последние пять лет: (довоенные цены = 100).

Районы	Годы					Процент изменения к предыдущ. году			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО	182	166	126	126	153	— 8,8	— 24,0	0,0	+ 21,4
Урал	125	148	116	119	149	+ 18,4	— 21,6	+ 2,6	+ 25,2
Ср. Волжский	158	172	119	132	152	+ 8,9	— 30,7	+ 10,9	+ 15,2
Н. Волжский	206	163	127	137	159	— 20,8	— 22,0	+ 8,0	+ 16,1
Сев. Кавказ	125	129	116	125	160	+ 3,1	— 10,1	+ 7,8	+ 28,0
Сибирь	124	123	117	119	147	— 1,0	— 4,9	+ 1,8	+ 23,5
УССР	174	162	119	130	150	— 7,0	— 26,6	+ 9,2	+ 15,4
СССР (в среднем) . .	156	152	119	129	153	— 2,6	— 21,8	+ 8,3	+ 18,6

В 1924/25 и 1925/26 г. имеет место резкая межрайонная дифференциация уровней цен. Максимальный индекс превышает минимальный в 1924/25 г. на + 68% и в 1925/26 г. на + 40%. Наиболее низкие индексы в этот период имеют восточные и юго-восточные районы.— Сибирь, Урал, Сев.-Кавказ (от 1, 2 до 1, 5). Наоборот, высокими индексами обладают недородные в 1924/25 г. районы (ЦЧО и Нижн.-Волж.), и близь расположенные к ним УССР и Ср.-Волжский, в 1925/26 г., вместе с Н. Волжским, характеризующиеся высоким урожаем.[1] В 1926/27 г., в результате резкого понижения, по всем районам, плановых цен, происходит выравнивание различных районных уровней цен.

В 1926/27 г. и в 1927/28 г. максимальный индекс превышает минимальный на + 9% и + 15%. В 1928/29 г., в результате осуществленного в соответствии с директивами правительства повышения цен, происходит дальнейшее сближение уровней цен по районам и аналогичная разница равна + 9%.

При динамическом рассмотрении порайонного движения цен за все пятилетие, мы можем в общем подразделить районы на две основные группы: 1 группа, — в которой уровень цен, в начале периода отличается значительной высотой (ЦЧО, Ср.-Волжск., Н.-Волжск. и УССР), и где в целом динамика цен была понижательной, поскольку снижение цен в 1926/27 г., не компенсируется для этих районов дальнейшим повышением; 2 группа — восточные и юго-восточные окраины (Сев.-Кавказ, Урал, Сибирь) — районы, где в целом, несмотря на снижение цен в 1926/27 г., тенденция изменения цен, на протяжении всего периода была повышательной.

[1] К этой же группе районов принадлежит Казакстан. В Башкирии динамика аналогична с Ср.-Волжским районом.

В общем итоге, мы можем притти к следующему заключению. В результате войны и революции наибольшую деформацию испытал хлебооборот восточных и юго-восточных районов. Поэтому, эти районы, мало втянутые в рыночные связи страны, имеют с самого начала низкие уровни индексов цен. Более высокие индексы имеют, центральные районы, произ-

Динамика индексов цен плановых заготовителей на зерновые хлеба по районам (довоенные цены = 100)

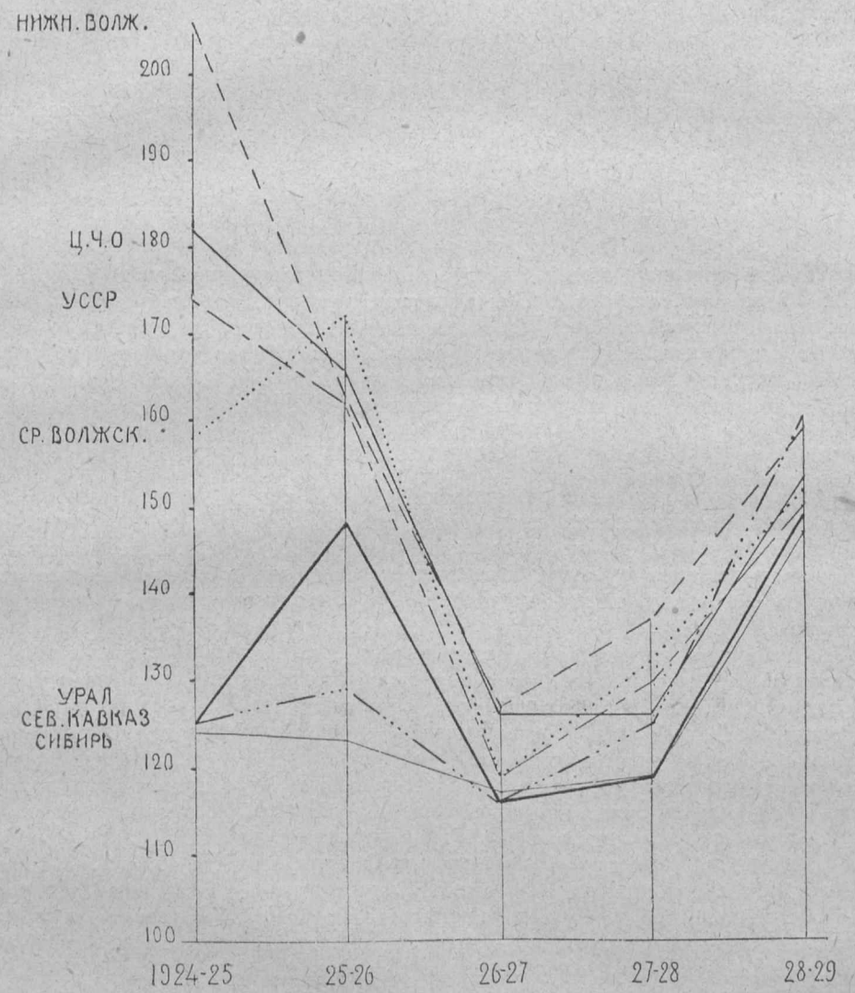


Диаграмма 2

водящей полосы (включая УССР), которые после гражданской войны и голода 1921 г. были в первую очередь привлечены к снабжению потребляющих центров. По мере увеличения товарности и вовлечения в товарный оборот восточные и юго-восточные окраинные районы поднимают свои индексы. В результате этого процесса к концу исследуемого периода (1928/29 г.), мы имеем географию цен близкую к довоенной, что проявляется в равной, примерно, высоте индексов в разных районах.

Нижеследующая таблица подтверждает вышесказанное:

Районы	Индексы цен Зерновых 1925/26 г.	1928/29 г.	% изменен. в 1928/29 г. по сравн. с 1925/26 г.
		(Довоенн. цены=100)	
Районы с понижением уровня цен			
Ц. Ч. О.	166	153	— 8
Ср.-Волжский	172	152	—12
Н.-Волжский	163	159	— 2
УССР	162	150	— 7
Районы с повысивш. уровнем цен			
Сев. Кавказ	129	160	+24
Урал	148	149	+ 1
Сибирь	123	147	+20

Но характерной чертой в географии районных уровней цен 1926/27—1928/29 гг., является то, что в то время, как в наименее товарных районах востока (Урал, Сибирь) мы имеем сравнительно более низкие уровни цен по отношению к довоенному времени, в наиболее товарных районах юга (Украина, Сев.-Кавказ), мы имеем уровни цен более низкие, чем в менее товарных районах центра (Поволжье и ЦЧО).

Себестоимость и цены

На ряду с данными о динамике уровней цен, в нашей работе мы привлекаем материалы по издержкам производства хлебных культур, их покупательной силе и конкурентоспособности их. В виду того, что материал по издержкам производства является новым, мы, прежде чем перейти к его рассмотрению, вынуждены предпослать некоторые методологические замечания и характеристику этого материала.

Основным критерием, учитывающим все разнообразие производственного процесса, служит учет издержек производства, которые в своей структуре, элементах и высоте уровня отражают, как влияние рынка (ценностные моменты), так и совокупность производственных и технических условий. Если в промышленности (государственной) учет издержек производства поставлен на достаточную высоту, то этого мы не можем сказать, в отношении сельского хозяйства, что об'ясняется целым рядом теоретических, методологических и статистических трудностей.

Когда мы говорим об учете издержек производства, то следует иметь в виду, что в применении к советской экономике, а к экономике советского сельского хозяйства, в особенности, категория издержек производства является чрезвычайно условной. Издержки производства в марксовом понимании являются категорией исторической, связанной с определенным капиталистическим способом производства. Являясь составной органической частью цены производства, издержки последнего целиком связаны с прибылью, с ее средней нормой. При этом Маркс неоднократно подчеркивает, что категория эта предполагает развитие отношения эксплоатации, найма рабочей силы, денежного рыночного товарооборота, т.-е. всю сумму условий характерных для капиталистического способа производства. В таких условиях применение ее является правомерным, и в промышленности и в сельском хозяйстве.[1]

[1] См. К. Маркс. „Капитал" т. III, ч. 1, гл. 1.

В наших условиях новых производственных отношений, при отсутствии элементов эксплоатации, оборота капиталов, цен производства, категория эта чрезвычайно условна и может быть принята лишь, как выражение определенных количественных затрат на изготовление того, или другого продукта. Следовательно, в наших условиях, эта категория принимает больше учетно-калькуляционный, чем социально-общественный характер. Условность эта еще более усугубляется при переходе к такой отрасли производства, как сельское хозяйство. Самый тип его — мелкие разрозненные производители, с простыми, пока что, мало развитыми товарными рыночными отношениям, не прибегающие в массе своей к найму рабочей силы, вкладывающие в свое производство ресурсы, силу и средства в большей мере в натуральной форме,— исключает, понятие издержек производства. И если мы употребляем здесь категорию издержек производства на ряду с другими категориями капиталистического хозяйства, то мы ни на минуту не должны забывать всю их теоретическую условность.

Целый ряд методологических и статистических трудностей при учете издержек производства в сельском хозяйстве еще более усложняют ее применение и исчисление. Как уже указывалось, ряд продуктов (сырье — семена, рабочая сила — труд и т. п.), входят в процесс производства в своей натуральной форме, и затем только, в целях учета итоговых результатов производства и их сравнимости, мы производим, на основе массового статистического материала, регистраций и наблюдений — их денежную оценку. С другой стороны, отсутствие отчетности, калькуляционного учета, того, что мы имеем в промышленности,— бухгалтерии с ее счетом производства,— статистически затрудняет задачу учета издержек на производство того, или иного продукта, производимого в сельском хозяйстве. На учет издержек производства и в довоенное и в современное время обращалось недостаточное внимание. В силу малой методологической разработанности этого вопроса, и подчас теоретической путаницы, материал этот страдает целым рядом дефектов, порою столь существенных, что сильно опорачивает полученные результаты.

В нашей статье, мы использовали исчисления себестоимости, проделанные на основе переработанных материалов ЦСУ СССР, в группе цен и ценообразования Госплана СССР, тов. Ш. Я. Турецким.

В приведенных ниже данных, оценка затрат труда в крестьянском хозяйстве произведена по средней, для каждого района поденной оплате батраков, занятых в крестьянских хозяйствах, нанимающих рабочую силу. Эта расценка в целом, по-нашему мнению, является несколько высокой, ибо наивысшей оплатой является именно поденная оплата, в то время как крестьянин занят в своем хозяйстве круглый год и уровень его действительной «заработной платы» скорее приближается к расценке труда рабочих, принимаемых на срок (сроковая оплата).[1] Поэтому уровень себестоимости, полученный в результате оценки труда, по поденной оплате, нужно считать в целом несколько преувеличенным против его действительной высоты.

В ЦСУ СССР себестоимость исчислена только лишь за 1925/26 г., поскольку она основана на бюджетах этого года. На основе учета изменения урожайности, Ш. Я. Турецким сконструирована динамика последующих лет. Таким образом, количественные выражения высоты себестоимости в разных районах, в особенности, для следующих за 1925/26 г. лет, где она условно исчислена, являются ориентировочными. Тем не менее, анализ этих уровней себестоимости, поставленных в связь с изуче-

[1] Материал по поденной оплате является более об'ективным и доброкачественным; материал же других видов оплат менее массов, более суб'ективен и менее пригоден для расценок; поэтому оценка по поденной оплате является статистически наиболее совершенной.

нием относительной динамики индексов и цен и с изучением процессов, имевших место как в области рыночной кон'юнктуры, так и производства и реализации зерновых хлебов, вскрывает новые моменты в ценообразовании.

Ниже мы приводим таблицу, дающую представление о динамике средней себестоимости 4 хлебов по отдельным производственным районам с постоянными весами: [1]

Районы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	% изменения к предыд. году 1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО	520	460	520	500	— 11,5	+ 13,0	— 3,8
Урал	540	550	590	530	+ 2,0	+ 7,3	— 10,1
Ср.-Волжский	530	440	600	520	— 17,0	+ 36,4	— 13,4
Н. Волжский	590	550	670	550	— 6,7	+ 22,0	— 18,0
Сев. Кавказ	390	480	530	570	+ 23,1	+ 10,5	+ 7,8
Сибирь	490	500	540	480	+ 2,0	+ 8,0	— 11,1
УССР	600	620	610	680	+ 3,5	— 1,6	+ 11,6
СССР (ср. по перех. районам)	520	530	580	580	+ 2,0	+ 9,5	0,0

Анализируя эту таблицу, мы можем наметить три основных группы районов, отличающихся различным характером изменения себестоимости на протяжении исследуемого периода. К первой группе принадлежат южные районы — Сев.-Кавказ, и УССР. Вследствие того, что в этих районах после высоко урожайного 1925/26 г.— в последующие годы мы имели понижение урожайности, себестоимость из года в год повышается. Так, по Сев. Кавказу, где этот процесс понижения урожайности выражен особенно ярко, себестоимость повышается в 1926/27 г. на +23,1%, в 1927/28 г. на +10,5% и в 1928/29 г. на + 7,8%; по УССР мы имеем повышение себестоимости в 1926/27 г. на +3,5%, некоторое снижение ее в 1927/28 г. на— 1,6% и повышение в 1928/29 г. на + 11,6%. На Украине во все последующие за 1925/26 г., мы имеем в общем средний урожай, но на Сев.-Кавказе в этот период мы наблюдаем урожаи, не превышающие средний и ниже среднего. Это понижение урожайности на юге связано, как с изменением метеорологических условий, так отчасти с процессами в организационно-производственной структуре крестьянских хозяйств, т.-е. с их дроблением и измельчанием.

Ко второй группе относятся центральные районы: Ср. и Н. Поволжье и ЦЧО. Особенностью этих районов является резкое колебание урожаев из года в год, в связи с чем мы здесь наблюдаем сильное колебание себестоимости за исследуемые годы.

В связи с высоким урожаем в этих районах в 1926/27 г. себестоимость понижается в пределах от 7 до 17%. В 1927/28 г. себестоимость резко повышается от 13 до 36% и вновь падает в 1928/29 г. в пределах от 4 до 18%.

Третья группа районов включает в себя Урал и Сибирь.[2] В этих районах на протяжении этих лет мы имеем устойчивые, повторные урожаи — средние и выше среднего, вследствие этого себестоимость их так же устойчива и мало подвержена колебаниям (см. диаграмму 3, стр. 269).

[1] Для взвешивания себестоимости приняты постоянные веса по средним за трехлетие (1925/26—1927/28 гг.) заготовкам.

[2] Казакстан принадлежит ко второй группе районов, а Башкирия занимает место между центральными и восточными районами.

В среднем по Союзу за эти годы мы имеем нарастающее движение себестоимости, приостановленное в 1928/29 г.

Перейдем теперь к рассмотрению соотношений, которые имели место между динамикой себестоимости и цен в изучаемые нами годы.

Динамика себестоимости 4 хлебов
(в руб. за центнер)

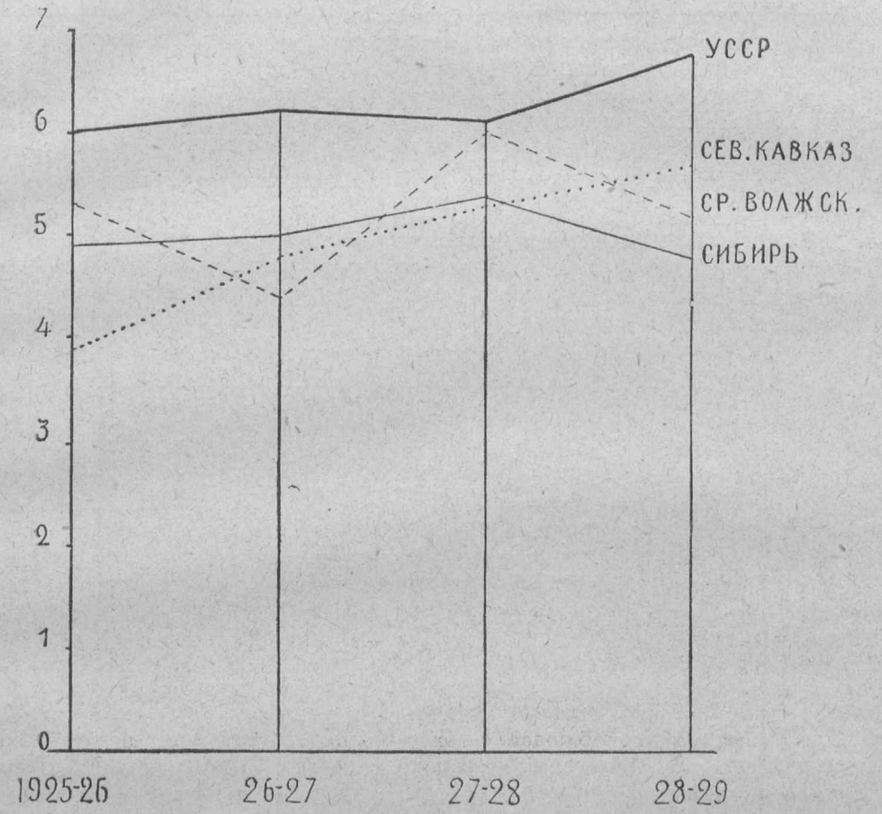


Диаграмма 3

В помещаемой ниже таблице, мы даем динамику средних по 4 главным хлебам цен плановых заготовителей (с постоянными весами):

Районы	1925 26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	% изменения к предыд. году 1926/27 г	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО	570	450	450	560	— 21,0	0.0	+ 24,4
Урал	650	50J	510	630	— 23,1	+ 2.1	+ 23,7
Ср.-Волжский	760	530	570	660	— 30,2	+ 7,6	+ 16,0
Н.-Волжский	730	560	600	700	— 23,3	+ 7,1	+ 16,9
Сев. Кавказ	630	560	600	780	— 11,1	+ 7,1	+ 30,0
Сибирь	510	480	490	610	— 5.7	+ 2,0	+ 24 6
УССР	810	590	620	740	— 27,2	+ 5,1	+ 19,5
СССР (ср. по перех. районам)	690	540	570	700	— 21,6	+ 5,7	+ 23,0

Как видно из этой таблицы, изменение цен в период 1926/27 и 1927/28 гг., не находится в соответствии с движением себестоимости. В то время, как в 1926/27 г., регулирующими мероприятиями было достигнуто сильное снижение плановых цен на хлеб во всех районах, составившее в среднем по Союзу около 22%, себестоимость производства этих хлебов в основном, в связи с происшедшим в этом году снижением средней урожайности, повышается по Союзу на + 2%. В следующем 1927/28 г., при повышении себестоимости по Союзу почти на + 10%, цены плановых заготовителей были повышены только на + 6%.

В результате таких соотношений разница между ценами и себестоимостью уменьшается. В 1925/26 г. эта разница составляла в среднем по Союзу + 32%, т.-е. цены значительно превышали себестоимость. В 1926/27 г. происходит сближение в уровне цен и себестоимости; разница составляет всего только + 2%.

В 1927/28 г. эта разница становится отрицательной, составляя—2%. Это свидетельствует о значительном снижении рентабельности зернового производства, происшедшем в эти годы. Вывод этот подтверждается следующими данными о динамики доходности 1 *га* главных хлебов (в % % по сравнению с предыдущим годом):

Районы	Урожай с 1 *га*		Стоимость в черв. руб.	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Пшеница				
УССР — Степь . . .	107	104	75	109
Сев. Кавказ	74	80	68	83
Ср. Волжский	163	26	115	29
Н.-Волжский	124	53	104	56
Урал	94	94	74	96
Сибирь	95	83	91	85
Рожь				
Ср.-Волжский	123	96	86	102
Овес				
ЦЧО	82	99	61	100

Следовательно, при происшедшем в 1926/27 г. в большинстве районов снижении урожайности, мы имеем резкое понижение доходности с 1 *га*, по своим размерам значительно превышающее размеры снижения урожайности. Даже в районах, где в этом году сбор с 1 *га* был выше предыдущего года, имело место снижение доходности (УССР — пшеница, Ср.-Волжск. районы — рожь), или повышение в значительно меньших размерах, чем повышение урожайности (Ср. и Н.-Волжск. районы — пшеница). В 1927/28 г. коэфициенты изменения доходности несколько превышают коэфициенты изменения урожайности, но разница так ничтожна, что не компенсирует разрыва, имевшего место в предыдущем году.

Перейдем теперь к рассмотрению итогов изменения себестоимости и цен за этот период (1925/26—1927/28) в различных районах:

Районы	% % изменен. в 1927/28 г. по сравнению с 1925/26 г.	
	Себестоим.	Цены
ЦЧО	0	— 21
Урал	+ 9	— 22
Ср. Волжский	+ 13	— 25
Н. Волжский	+ 14	— 18
Сев. Кавказ	+ 36	— 5
Сибирь	+ 10	— 4
УССР	+ 2	— 23
СССР	+ 12	— 17

Если мы возьмем в качестве отправного года 1925/26 г. и сравним те относительные сдвиги, в условиях производства и реализации главных хлебов, которые произошли за период 1926/27 и 1927/28 гг., то мы можем классифицировать районы по степени ухудшения ценообразующих условий.

В худших условиях находится Среднее и Нижнее Поволжье. Здесь, при повышении себестоимости на + 14%, мы имеем сильное снижение цен на — 25%, и — 18%. В несколько ином положении находятся районы юга. На Сев. Кавказе, при чрезвычайно резком повышении себестоимости на + 36%, мы имеем почти стабильность цен, за указанные годы (— 5%). Наоборот, на Украине, при стабильности себестоимости + 2%; имеет место значительное снижение цен — 23%. В восточных районах на Урале мы имеем положение анологичное Поволжью (себестоимость +9%, цена—22%). В лучшем положении со всеми другими районами находится Сибирь — при повышении себестоимости на + 10% мы имеем почти стабильность цен (— 4%).

Таким образом, во всех районах движение себестоимости и цен не находилось в соответствии между собой.

1928/29 г., первый год пятилетнего плана, является в этом отношении переломным годом. Повсеместно, за исключением Украины и Сев.-Кавказа, в этом году, происходит снижение себестоимости. Повышение цен 1928/29 г. выравнивает несоответствие, имевшее место в предыдущие годы. При стабильной в среднем по Союзу себестоимости, мы имеем повышение цен на + 23%; благодаря этому разница между ценами и себестоимостью становится положительной и цены превышают себестоимость на + 21%. Таким образом, этот год является годом благоприятным в отношении рентабельности зернового производства.

(Окончание следует)

Н. Березин

Лесоэксплоатация и колонизация сибирской тайги в связи с железнодорожным строительством[1]

Особенность железнодорожной сети Сибири[2] заключается в ее однобокости. Магистраль, пролегающая по лесостепной зоне Сибири, ответвляет от себя почти все линии на юг. К северу имеется лишь короткая линия Тайга — Томск с очень слабой пропускной способностью. На юг отходит целый ряд линий большого протяжения и крупного значения, которые намечены к продолжению: Петропавловск — Кокчетав, Татарская — Кулунда, Новосибирск — Семипалатинск и Бийск, Ачинск — Минусинск. В этом нет ничего удивительного — южная сторона заселялась и за последние десятилетия хозяйственно быстро развивалась, между тем, как северная таежная, и раньше была заселена слабо и впоследствии привлекала мало переселенцев.

В настоящее время положение меняется, и таежная Сибирь не может оставаться в прежнем положении. Но первым условием к оживлению ее является транспортная железнодорожная проблема. Пока железные дороги не врежутся в тайгу, ни заселение ее, ни вовлечение ее богатств в оборот не могут произойти. Между тем, и в пятилетнем и в генеральном плане железнодорожного строительства, транспортные вопросы таежной Сибири не нашли себе надлежащего решения. Освещению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Сибирская тайга является менее доступной и более трудно осваяемой, чем лесные площади Европейской части Союза. Вследствие всего этого заселение и освоение Сибирской тайги представляется задачей несравненно более сложной, чем на нашем Севере, и зависит в гораздо большей степени, чем там, от разрешения вопросов транспортных, главнейше, от проведения новых железных дорог. Ни водные пути, ни пути гужевые целям заселения тайги служить долее не могут. Дальнейшее расширение сети их в будущем может опереться лишь на новые железные дороги, без которых эти пути могут улучшаться и удлиняться лишь очень медленно.

Колонизация Сибири до конца XIX в. совершалась очень медленно. Лишь в конце прошлого столетия туда хлынули человеческие потоки из Европейской России. О размерах этого потока точных данных не имеется. За десятилетие 1906—1916 гг. туда переселилось, за вычетом обратных, кругло 3.700.000 душ. Считая от начала 60-х годов, полагают, что благодаря переселению население Сибири возросло на 5 млн. Цифра эта кажется большой, но в действительности для периода более, чем в 50 лет, она невелика, и переселение, за исключением отдельных годов совершалось в сущности медленно. Ярким контрастом может служить быстрое заселение Манчжурии, физико-географические особенности которой можно, до известной степени, сопоставлять с З. Сибирью.

[1] Помещая статью Н. И. Березина о лесовозных дорогах в Сибири, редакция обращает внимание читателей на то, что ж.-д. линии Ачинск (или Томск) — Енисейск и Тулун-Усть-Кут включены в план ж.-д. строительства на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. Однако, эта программа строительства должна быть признана недостаточной в отношении размеров лесных богатств Сибири, до сего времени слабо изученных и обследованных. Редакция считает, что назрела необходимость в немедленном развертывании широких исследовательских работ по лесам Сибири и путям сообщения для них в целях подготовки строительства следующего пятилетия. В этом отношении чрезвычайно важно было бы привлечение знатоков севера Сибири к обсуждению этой проблемы в целом и направлений лесоэксплоатации в этом огромном районе, в частности. *Ред.*

[2] Термин „Сибирь" принят здесь в современных границах Сибкрая без Якутии и Д. Востока.

Хотя переселенческому движению в последние десятилетия уделялось немало внимания, тем не менее оно совершалось очень негладко, свидетельством чему является крайне высокий процент обратничества, составляющий для 1896—1911 гг. 27%, и возраставший для некоторых периодов (1910/15 гг.) до 40%, т.-е. за эти годы чуть не половина переселенцев возвращалась обратно.[1] За Уралом переселенческий поток растекался широким веером по З. Сибири и Степному краю, преимущественно на юг от магистрали и проходя в уменьшенном размере через среднюю Сибирь, докатывался до Тихого океана.

Переселенцы растекались, главным образом, по местам, где освоение земли могло совершаться с наименьшей затратой сил и средств, т.-е. по степи и лесостепи; слабее всего переселенческий поток направлялся в таежную Сибирь. Этим, вероятно, объясняется и то, что в таежную зону направлялся более бедный переселенец, так как капиталы, приносившиеся переселенцами на новую родину, для таежной зоны значительно в среднем ниже, чем для лесостепной и степной.

После войны и революции переселение не прекратилось. Вследствие того, что многие местности были закрыты для переселения, Сибирь сделалась едва ли не главным приемником их. Вместе с тем, нарушения в организации переселенческого дела и ряд других причин привели к тому, что переселение приняло более анархический характер, т.-е. увеличилась пропорция самовольцев. При этом изменился и социальный состав переселенцев; с места самовольно сдвигаются на ряду с малоземельными и бедными хозяйствами зажиточные семьи, которые устраиваются в Сибири, игнорируя переселенческие организации и нарушая порядок устройства так называемых плановых переселенцев.

Явление это приводит к тому, что и без того слабонаселенная таежная полоса заселяется слабее всего.

Действительно, по данным Сибирского переселенческого управления, за первый год открытия планового движения переселенцев в Сибирь (с октября 1925 г. по октябрь 1926 г.):

	Всех переселенцев	В том числе:		
		плановых	самовольных	% самовольных
Осело в Сибири, по данным жел.-дор. администрации (данные Омского перес. пункта без данных Иркутского п. п.).	100.411	26.741	73.670	73,4
Зачислено, по данным агентуры водворения	63.779	39.829	23.950	41,3
Фактически водворено	29.567	17.401	12.166	42,0

Из трех рядов параллельных цифр с цифрами довоенного периода могут быть сравниваемы лишь цифры первого ряда. Из них видно, что в первый год работы советской переселенческой организации удельный вес

[1] „Вопросы колонизации", № 20, стр. 51.

самовольчества значительно поднялся и приблизился к годам максимального развития его (период до 1885 г.). Чрезвычайно характерны цифры зачисления и водворения переселенцев в сопоставлении их с цифрами передвижения переселенцев по жел дор. Из всей массы самовольцев в 73.670 чел., учтенных по жел. дор. (притом не полностью), только 36.116 чел. или 49% связались с переселенческой организацией, а остальные 51% растеклись по Сибкраю, совершенно неведомо для последней.

Данные о зачислении плановых и самовольных переселенцев по округам Сибкрая приводят к следующим выводам:

1. Плановые переселенцы, в большей своей массе (61%), продвигаются в восточную Сибирь, самовольцы стараются устроиться в более обжитой западной и средней части Сибири и оседают здесь в количестве, равном плановым преселенцам (98%).

2. Самовольцы широко используют приписку к старожильческим обществам, имеющим свободный колонизационный фонд. Если пановх переселенцев, зачислившихся на землю, осело 11%, то самовольцев 42%, а по отношению к плановым — 24%.

3. Не менее показательно распределение плановых и самовольцев по трудно и легко осваяемым районам:

	Плановые	Самовольцы	% отнош. самовольцев
1. Трудно осваяемые округа			
Тарский и Томский (семей)	822	343	42
в %%	35	17	
2. Легко осваяемые округа			
Омский, Барабинский, Славгородский Кузнецкий, Новосибирский, Каменский (семей)	1.604	1.693	105
в %%	65	83	
	2.326	2.036	—

Данные эти указывают, что если ранее лишь малая часть переселенцев направлялась в таежную полосу, где было заготовлено достаточно колфондов, то теперь, когда временно усилился самовольческий элемент, охотников поселяться в тайге должно оказаться еще менее. [1] Набиваясь в обжитые районы, переселенцы приближают момент, когда прежнее вольготное экстенсивное использование земельных просторов должно претерпеть изменение.

В результате, в процессе переселения таежная полоса Сибири колонизуется мало и медленно. Заселенность ее возростала благодаря преимущественно естественному приросту населения, а не колонизации. Заселенность тайги, по сравнению с лесостепными и степными поясами, видна из следующих данных. (См. стр. 275).

При общей численности населения Сибирского края, по переписи 1926 г. в современных административных границах, равной 8.686.446 д.,

[1] „Вопросы переселения и колонизации Сибири", К. Козловский, „К вопросу о самовольном переселенческом движении", стр. 11—12, Новосибирск, 1928 г.

в т. ч. сельского 7.514.688 д., распределение последнего по таежным, лесостепным и степным округам, согласно переписи таково:

	Общая площадь *кв. км*	Площадь земель труд. польз. *кв. км*	% ее	Сельское население	На 1 *кв км*
Таежные	427.719	47.592	11,1	311.498	0,73
Лесостепные	633.789	256.611	40,52	913.650	4,6
Степные	192.431	154.510	80,0	2.548.908	13,3
Итого . .	1.253.939	458.713	36,1	5.774.656	4,5

По этим данным средняя плотность сельского населения составляет:

	Географическая на *кв. км*	Хозяйственно-экономическая на *кв. км*
Таежная зона	0,73	6,55
Наибольшая в Тарском округе . . .	3,72	6,5
Лесостепная	4,6	11,4
Наибольшая в Новосибирском округе.	13,76	18,04
Степная	13,3	16,8
Наибольшая в Каменском округе . .	15,25	20,56

По хозяйственной плотности, наиболее населенные степные округа приближаются к нижнему Поволжью, где эта плотность определяется в 27 ч. на *кв. км* удобной площади.

К таежной полосе можно отнести весь Тарский округ, северные части Барабинского и Новосибирского, части Томского, включая Нарымский край, сев.-зап. часть Ачинского, среднюю часть Красноярского, включая Туруханский край, северные части Канского, Тулуновского, Иркутского и весь Киренский округ. Согласно учету населения, численность сельского населения таежной полосы, в 39 районах ее составляет 833.813 д. и, кроме того, в 9 поселениях городского типа 28.896 д., а всего 862.709 д.

Исчисление населения по целым районам, включаемым в число таежных, несомненно, является грубым, но если принять, что численность сельского населения таежной полосы колеблется около 800.000 д., то ошибка в ту или другую сторону вряд ли велика. При площади таежной полосы в 1.460.000 *кв. км*, принятая выше цифра дает среднюю географическую плотность 0,73 ч. на *кв. км*.

Какой процент в этой массе составляют переселенцы, установить трудно, даже приблизительно. По данным подворной переписи переселенцев Томской губернии 1911—12 гг., в таежном районе Мариинского и Томского уездов проживало 15.501 д. переселенцев обоего пола. Эти уезды привлекали в свои таежные части переселенцев более всего вследствие близости культурных центров и более густого населения соседних лесостепных частей, где переселенцы легче находили заработок.

В приведенной цифре, кругло в 800.000 д., переселенцев насчитывается, вероятно, всего несколько десятков тысяч, надо полагать, менее 10%. Если даже принять цифру в 100.000 ч., то в сравнении с миллионами, осевшими в других частях Сибири, это очень мало.

Если заселение тайги шло медленным темпом, то трудно ожидать, чтобы эта полоса и впредь привлекала таковых, а посему, казалось бы, и нет оснований затрачивать средства на этот предмет, тем более, что расходы в расчете по устройству переселенцев в тайге гораздо выше, а проку от них для края и для государства как-будто меньше, чем это имеет место в отношении других частей Сибири.

Это было бы, может быть, так, если бы вопрос заселения тайги не был связан с двумя крупными вопросами, а именно:

1. Кризис сельского хозяйства в самой Сибири.

2. Лесной голод, остро чувствуемый не только в самой Сибири, но в сущности во всем Союзе.

Кризис сельского хозяйства явление новое, может быть для Сибири, но не новое по эту сторону Урала. Он существует уже давно.

С наплывом нового населения после проведения сибирской магистрали, сибирское сельское хозяйство непрерывно повышало свою товарность посредством расширения запашек в условиях увеличивавшегося применения машин. Восстановление плодородия почвы, посредством забрасывания земли в залежь в степной и лесостепной полосе и залежи и парования в таежной, должно было привести к сокращению сроков пребывания пашни под залежью. Результатом являлось: потеря почвой своей структуры, понижение урожайности, сокращение площади кормовых угодий, вследствие сокращения самой этой площади, отходившей к пашне, и вследствие ухудшения травостоя. Степень развития залежной системы характеризуется следующей таблицей (по данным сел.-хоз. переписи 1917 г.): [1]

Районы	Степень распаханности		Степень залежности	Степень парования
	на 100 *га* удобной площади пашни	на 100 *га* лучшей земли пашни	на 100 *га* посева приходится залежи	на 100 *га* посева приходится пара
Зап. Сиб. степной	45,1	83,3	97,1	14,7
„ „ лесо-степной	38,2	78,2	89,4	31,7
„ „ таежный	25,3	46,5	77,3	53,4
Вост. Сиб. таежный	сведения не полны		1,7	59,2

Из таблицы видно, что Восточный таежный район изжил стадию залежной системы и обратился к дву- и трехполью. Западные степной и лесостепной районы почти исчерпали наиболее пригодные под пашню площади, средний лесостепной приближается по размеру пара к трехполью. В этих районах переход к иной системе хозяйства неминуем. Западный таежный район еще не пережил залежной системы и восстанавливает плодородие почвы забрасыванием ее в залежь и парованием с применением навозного удобрения.

Нараставшая товарность сибирского сельского хозяйства складывалась из продукции полеводства и животноводства. Если валовая продукция полеводства превосходила таковую по животноводству (т. к. потреблялась в значительной мере самим населением), то, наоборот, товарная доля продуктов животноводства прежде далеко превосходила товарную продукцию полеводства. В последние годы, однако, соотношение это начало меняться в направлении сокращения товарной доли животноводства, как то видно из следующих данных (в %%): [2]

	1913/14 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Валовая продукция			
Полеводства	71,3	68,2	69,5
Животноводства	28,7	31,8	30,5
Товарная часть			
Полеводства	28,1	43,9	43,5
Животноводства	71,9	56,1	56,5
	100	100	100

[1] „Жизнь Сибири“, 1926 г., № 4, стр. 7.
[2] „Жизнь Сибири“, 1927 г., № 1, стр. 8.

Итак, несмотря на относительное редкое население и многоземелье, во многих районах Сибири кризис залежной системы хозяйства налицо, а другие районы, кроме туземно-скотоводческих, приближаются к нему.

Переход к новым формам хозяйства требует значительных капиталовложений и перевоспитания населения путем внедрения сел.-хоз. знаний и привития новых навыков. Какие бы рациональные меры ни принимались в этом направлении, надо быть готовым к тому, что хозяйство, в известной своей части, будет стремиться к переходу от залежной системы к двухполью, к трехполью, как то и наблюдается, и лишь частично к травополью. При росте населения и переселения в Сибирь, пройдет немало времени, прежде чем сибирское земледелие и животноводство перейдут к более рациональным формам. В ожидании этого, для приема новых масс переселенцев придется заготовлять колонизационные фонды, а это, за исчерпанием основных резервов, возможно, главнейше, в таежной полосе. Хозяйство этой полосы, при его промысловости, носит больше потребительский, нежели товарный характер; тем не менее, заселение таежной полосы необходимо, чтобы смягчить земельный голод, чтобы дать место переселенцам, которые сгущающимися толпами стремятся в Сибирь. Действительно, в текущем году наплыв самовольцев вновь возрос. В октябре 1928 г. в Сибирь пришло 40.000 вместо 10.000, пришедших в октябре 1927 г. В одном апреле 1929 г. самовольцев прибыло около 50.000. Всего к началу мая в Сибирь прошло более 120.000 самовольцев, и по предварительным подсчетам их в Сибирь ожидается не менее 160.000. Эта цифра, в 4 раза превышающая ожидавшуюся, ставит переселенческие и земельные органы в весьма затруднительное положение. При возможном дальнейшем росте прибытия переселенцев, необходимость заселения таежной полосы становится еще настоятельнее. Полоса эта должна стать преимущественно ареной размещения плановых переселенцев. С этим тесно связано сооружение в ней новых железных дорог, нужда в которых вызывается далее острой потребностью вовлечь в эксплоатацию сибирские леса.

Леса Сибири изучены крайне плохо. Если лесной фонд Сибирского края принять согласно обследованию НКПС районов Госплана в 260 млн. *га*, из которых лесов на свободных государственных землях — 76,5%; лесов в государственных лесных дачах — 22,2%; и лесов местного значения — 1,3%, то изученность их выражается в процентах следующими цифрами:

	Устроено	Исследовано	Неисследовано
Государственные лесные дачи	17,9	55,7	26,4
Лесов на свободных госуд. землях	4,4	12,1	83,5

В полной неизвестности находится более 80% лесной площади. Самая богатая лесом северная полоса изучена всего на 16%. Из общей площади лесов (за вычетом Туруханского края) 168,0 млн. *га*, в северной таежной зоне расположено 121,0 млн. *га*, т.-е. 73%. Лесные площади в остальных лесорайонах — (центральном и южном) залегают в недоступных горных частях. Наиболее выгодными для эксплоатации являются, следовательно, северные таежные леса (см. таблицу на стр. 278).

Из таблицы видно, что лесопокрытая площадь занимает почти 700.000 *кв. км* (лесистость 48%), раскинувшихся на 1.460.000 *кв. км* (не считая Туруханского края), т.-е. на каждое хозяйство приходится около 14 *кв. км* леса. При среднем приросте в 1,8 $м^3$ эта площадь может давать ежегодно 223,4 млн. $м^3$ древесины.

Распространить эксплоатацию леса на всю указанную площадь невозможно. В эксплоатацию могут быть введены только наиболее доступные и ценные площади, а именно: в Тарском и Барабинском округах по правым притокам Иртыша, в Томском округе в бассейне Кети и Тыма, в Ачинском — по среднему течению Чулыма и его притоков, в Краснояр-

ском и Канском — вдоль течений Ангары и ее притоков. Все эти наиболее ценные лесные площади располагаются продолговатыми островами в широтном направлении. Широтное расположение притоков Иртыша, Оби и Енисея чрезвычайно благоприятствует эксплоатации леса вдоль течения этих рек, особенно, если сеть мелких притоков по расчистке их будет приведена в сплавное состояние. По выходе из притоков, сплавляемый лес выходит в Обь и Енисей, откуда бревна и разделанный материал должны подыматься вверх до ж.-д. магистрали сотни километров против течения. Это делает использование исключительно водных путей при сезонности их работы крайне невыгодным для лесной эксплоатации, даже почти невозможным. Подобно лесным площадям, широтно расположены и колонизационные фонды, в виде островов среди моря леса, при чем наилучшие части фонда находятся на юге, прилегая к обжитой полосе.

Районы:	Площадь *кв. км*	Лесопокрытая площадь *кв. км*	Лесистость в %
Тарский	74.624	6.858	11
Барабинский	55.541	10.233	27
Новосибирский	—	2.820	27
Томский	360.665	105.598	39
Нарымский левобер	—	—	38
„ правобер.	—	—	79
Ачинский	18.818	10 061	55
Красноярский	158.967	88.893	60
Канский	160.524	78.002	52
Иркутский	630.800	395 172	69
Вся площадь	1.459.940	—	—
Лесная	1.215.767	697.637	—
в %	82	48	

Новые железные дороги в таежной полосе должны быть проектированы таким образом, чтобы при посредстве их для эксплоатации могли открыться возможно более значительные и ценные лесные массивы и наибольшие и лучшие колонизационные фонды. При планировании таких линий можно исходить из двух принципов: 1) принципа гребенки т.-е. сравнительно коротких линий, отходящих приблизительно под прямым углом от сибирской магистрали, 2) принципа продольных и сравнительно длинных линий, более или менее параллельных магистрали, расположенных в известном расстоянии от нее и связанных с нею в тех или иных пунктах.

Первый принцип получил свое осуществление в южной половине Сибири. Здесь имелась в виду не эксплоатация леса, а колонизация, выход товарной продукции сельского хозяйства на магистраль и эксплоатации ископаемых (Кузбасс). Несмотря на то, что в помощь этим линиям работают реки (Тобол, Иртыш, Обь, Томь, Енисей), надобность в широтных линиях здесь не следует считать исключенной.

Но возникает вопрос, выгоден ли первый принцип экономически для таежной полосы? Здесь, повидимому, он, если и выгоден, то условно, именно при подходе линий к устьям широтно текущих рек Тым, Кеть, Чулым, Ангара. Такими линиями являются из проектируемых Татарская (Барабинск) — Каргасок, Зырянское — Ижморская и Ачинск — Енисейск. В колонизационном отношении они, однако, малоценны потому, что линии трассируются по заболоченным междуречьям (Васюганье) или проходят по обжитым местам и вскрывают слишком малые колонизационные фонды.

Они еще малоценны потому, что каждую из них надо подвести к каждому из колонизационных районов. Выгоднее, следовательно, линии широтного направления, так как они трассируются по серии наиболее пригодных колонизационных фондов. Сочетание требований лесоэксплоатации и колонизации приводит к тому, что наиболее целесообразными представляются линии широтного направления с уклоном к диагональности. Этим надо об'яснить живучесть таких проектов, как линии Томск — Енисейск и Тайшет или Тулун — Усть-Кут.

Преимущество широтных линий находит себе подтверждение в расположении колонизационных фондов. В левобережном Нарымском крае фонды вскрыты в Чае-Иксинском и в Парабельском районах. Далее к западу их надо искать по течению рек Васюганья (Чежапка, Васюган, Чертанла, Ягыл-Яг) в направлении к Иртышу. В правобережьи фонды располагаются вдоль Чулыма и его широтно текущих притоков. За Енисеем фонды должны располагаться в направлении к верхней Лене. По положению наиболее удобны для заселения земли в Чулымском крае. Фонды Васюганья являются более отрезанными и менее ценными. Широтные или широтно-диагональные линии также лучше комбинируются с водными путями. Линия Томск — Енисейск пересекает Чулым и ряд его притоков. Кеть и далее получает в реке Ангаре при регулировании ее порогов прямое водное продолжение до Байкала, а посредством его, Селенги и линии Верхнеудинск — Кяхта до Монголии.

Проектов новых линий в таежной полосе было немало. Среди них следует отметить такие, как:

1) Петропавловск — Ишим — Тевриз, которая намечалась, как колонизационная и лесовозная (правобережье Иртыша) с тем, чтобы лес оттуда направлялся на юг за Петропавловск в Казакстан. Направление линии диагональное (ю.-з.— с.-в.). Колонизационное значение ее малое.

2) Ст. Называевская — Тара, которой придавалось по преимуществу колонизационное значение. Линия диагональная.

3) Татарская или Барабинск или Ново-Сибирск — Каргасок (устье р. Васюган); все варианты по преимуществу меридиональные, имеют в виду эксплоатацию лесов по Тыму, Кети и Васюгану для вывоза его на юг в Сибирь и Среднюю Азию. Колонизационное значение их малое. Варианты от Татарской и Барабинска технически обследованы и линия вошла в генеральный план Сибкрайисполкома, как второочередная.

4) Линия Томск—Енисейск, широтно-диагональная, была запроектирована и обследована экономически и технически еще в 1913 г. Технические изыскания 1928 г. произведены по новой трассе. Экономические изыскания того же года одновременно захватили ветку на Кеть, линии Тайга — Енисейск. Ижморское — Зырянское и Ачинск—Енисейск. Линии Томск—Енисейск всегда придавалось большое колонизационное значение, так как она вскрывает большие колфонды, именно свыше 500.000 душевых долей в Чулымском крае. Также велико ее лесоэксплоатационное значение, так как при наличии ее в экплоатацию вовлекаются леса бассейна Чулыма, верхней Кети и Ангары с притоками, дающий наибольший выход леса и лесоматериалов. В виду этого, линия вошла в генеральный план Сибкрая, как первоочередная. Линия эта, кроме ветки на ст. Тайга имеет в проекте выход на магистраль в Юрге или на Тутальской.

5) Линия Тайга — Енисейск отличается от предыдущей тем, что минует Томск, в западной половине проходит по обжитому району и слишком сближается здесь с существующей магистралью.

6) Линия Ижморская — Зырянское, короткая меридиональная, имеет очень малое лесоэксплоатационное и колонизационное значение.

7) Линия Ачинск — Енисейск меридиональная, совпадает в своем значении по лесоэксплоатации Приангарского района с линией Томск — Енисейск, оставляя почти совсем в стороне лесные богатства Чулымского края. Колонизационное значение ее невелико, так как линия пролегает по обжитому району.

8) Линия Тайшет (Тулун) — Усть-Кут широтная, вовлекает в эксплоатацию большие лесные площади, так же как колонизационные фонды и устанавливает давно необходимое соединение сибирской магистрали с бассейном Лены. По этим основаниям она принята Сибкрайисполкомом в генеральный план, как первоочередная.

В результае перед нами 8 проектов линий, врезающихся в таежную полосу. Это изобилие проектов имеет печальные результаты: в отношении каждого проекта высказалось много «за» и «против», и тем не менее все еще не решен вполне вопрос, какие же из них строить. Между тем без твердого железнодорожного плана нельзя строить и твердого общего плана колонизации таежной Сибири. Все колебания в отношении железнодорожных проектов отражаются и на планах колонизации. Проекты составляются, деньги тратятся, экспедиции бросаются туда, сюда, а переселенец, тем временем, прет, в значительной степени самовольный, путается сам и спутывает все переселенческое дело.

То же и в лесном деле. Лесной голод в Сибири обостряется. С проведением Туркестано-Сибирской магистрали возникнут возрастающие требования оттуда на сибирский лес. А между тем, сооружение линий, которые должны врезаться в лес и дать столь нужные лесные материалы, еще не установлено окончательно. Одни из перечисленных линий не вскрывают ни больших колонизационных фондов, ни лесных массивов и потому не удовлетворяют вполне намеченным целям — колонизации и лесоэксплоатации. Другие, наоборот, выдаются и в том и в другом отношении. К последней категории следует отнести три линии: Томск — Енисейск, Ачинск — Енисейск и Тайшет (Тулун) — Усть-Кут.

В 1928 г. были произведены технические изыскания линии Томск — Енисейск и экономические изыскания ряда Чулымских линий между Обью и Енисеем к северу от магистрали в целях установления, какая из конкурирующих линий наиболее целесообразна. Линии эти следующие: 1) Юрга (или Тутальская) — Томск — Енисейск а) с веткой на Кеть и б) без таковой. 2) Тайга — Енисейск, 3) ст. Ижморская — Зырянское и 4) Ачинск — Енисейск.

По размерам площади тяготения и сферы влияния первые 4 варианта различаются мало. По населению наибольшие перспективы к увеличению его имеет линия на Томск, благодаря положению и качеству своих колонизационных фондов. За пределами пяти лет заселение района этой линии, надо ожидать, будет происходить усиленнее, чем в районах других линий, и положение переселенцев имеет больше шансов скорее достигнуть хозяйственной устойчивости вследствие того, что район линии на всем протяжении располагается параллельно обжитой полосе. Кроме того, район располагается в достаточном расстоянии от магистрали, так что обе линии менее мешают одна другой. К северу лежит широтно расположенная полоса тайги в направлении судоходной р. Кети, так что это пространство в деле заселения опирается на всем своем протяжении на новую линию.

Результаты обследования дали следующие цифры:

I. Площади районов тяготения (тыс. *кв. км*) и численность населения

Линии	Юрга—Томск—Енисейск с веткой на Кеть 849 *км*	Юрга—Томск—Енисейск (653 *км*), а без участка Юрга—Томск (547 *км*)	Тайга—Енисейск (498 *км*)	Ачинск—Енисейск (296 *км*)	Ижморская—Зырянское (74 *км*)
К 1935/36 г.	629.100	603.900	520.100	369.300	176.300
Население					
Площадь в целом *кв. км* . . .	2.027,6	1.992,8	1.987,2	1.963,3	29,2
Без Туруханского края (1615 тыс. *кв. км*)	412	377,8	372,2	348,3	—
Лесопокрытия тыс. *га*	11.904	11.674	10.003	7.953	4.116
С Ангарским районом (8.002 *га*)	19.906	19.676	18.005	15.955	—

II. Грузооборот на 1935/36г. (в тыс. тонн)

Всего грузов	1.259,6	1.060,2	759,75	636,08	350,0
В том числе:					
лесных	1.083,15	893,9	701,1	578,6	283,86
в %% к общей сумме	86	84	92	91	81

III. Выход лесных материалов на линию и снабжение ими нуждающихся районов (в тыс. *куб. м*)

Всего	2.087	450	1.687	1.337	630
В том числе:					
На внутренний сибирский рынок	1.252	300	1.012	802	630
В Среднюю Азию	467	110	378	299	—
„ Казакстан	168	40	135	107	—
„ восточные части Уралобласти.	133	—	108	85,6	—
За Урал	67	—	54	42,8	—

IV. Финансовые результаты сооружения линий (тыс. руб.)

Валовой доход	8.982	7.839	4.920,1	2.869,9	783,9
Расходы эксплоатационные . .	7.900	6.906	5.114,3	2.952,8	536,8
Чистый доход от перевозки новых грузов по сети . . .	413	305	768,0	423,4	910,2
Результаты эксплоатации . . .	669	628	962	506,3	1.157,3
Амортизация	2.553	2.151	1.639,9	1.124,13	258,72
Результаты для линии	995	812	1.488,6	860,21	48,1
„ „ сети	889	711	1.114,11	770,23	850,48
Общий результат	1.884	1.523	2.602,71	1.630,44	898,58

V. Капиталовложения на 1935/36 г. (тыс. руб.)

	119.721	100.168	75.025,95	48.854,53	11.576,56

В отношении пространств по ту сторону Енисея (Приангарье) четыре первые линии имеют одну и ту же сферу влияния, но эта часть представляет интерес, главнейше, в отношении лесоэкплоатации, а не заселения.

Грузообороты линий были разработаны с особой тщательностью. Однако существенным недостатком их может явиться то, что результаты

большого лесоэкономического обследования по Приангарью не могли быть использованы полностью вследствие того, что экспедиции не были предоставлены к тому время и средства.

Характерной особенностью грузооборотов является крайняя неравномерность движения, что об'ясняется полным преобладанием лесных грузов. В наиболее благоприятном положении находится линия Томск — Енисейск без ветки на Кеть, и она же имеет наибольшие перспективы для смягчения этой неравномерности, так как колонизационные фонды у нее наибольшие, почему в будущем должны возрасти количества грузов прибытия и грузов на и за Енисей. Наибольшие количества лесных грузов дают обе Томские линии, значительно подавляя в этом отношении линию Ачинск — Енисейск, не говоря про линию Ижморская — Зырянская. Лес из Ангарского района имеет возможность выходить на рынок по всем линиям, кроме линии Ижморская — Зырянское.

Согласно данным генерального плана Сибкрая потребность Сибири в древесине составляет в *куб. м:* [1]

	1926 г.	1936 г.
Деловая	13.290	19.400
Дровяная	39.290	53.900

Дефицит по деловой древесине оказывается громадным. При возможном отпуске из Сибирских лесов исчисляемом планом в 174,6 млн. *м*, в 1936 г. предполагается возможным получить в сметном порядке (в тыс. $м^3$):

Деловой	11.000
Дровяной	10.000
Всего	21.000

Дефицит деловой древесины к 1936 г. ожидается таким образом кругло в 6,100 тыс. $м^3$ для одной Сибири. Если к этому присоединить потребности других рынков, то требование, пред'являемое к сибирской деловой древесине возрастает еще значительнее. Количества эти с распределением их по рынкам показывают, что и при проведении наиболее продуктивной по лесу линии Томск — Енисейск с веткой на Кеть ожидаемый к 1936 г. дефицит не погашается лесными грузами одной этой линии. Район ее не в состоянии дать столько леса, сколько требуется, что вызывает необходимость сооружения других лесовозных линий из которых наиболее целесообразной во всех отношениях является, повидимому, линия Тайшет — Усть-Кут.

Переходя к финансовым результатам сооружения этих линий, нужно сказать, что за исключением линии Ижморская — Зырянское они оказываются неблагоприятными. Четыре первые линии решительно дефицитны, и это, не принимая во внимание процента на капитал. Дефицитность еще более возрастает в отношении сети в целом, при чем наименьший убыток дает линия Юрга — Томск — Енисейск, линия же Ижморская — Зырянское доставляет даже крупный доход. Причина дефицитности первых 4 линий и доходности последней ясна. На всех линиях подавляющую массу грузов составляет лес, который в случае первых 4 линий следует на отдаленные рынки. Современные же тарифные ставки на лесные материалы таковы, что перевозка лесных грузов свыше определенной дистанции является убыточной. Линия Ижморская — Зырянское дает мало лесу, которого хватает лишь на удовлетворение спроса ближайших мест, потому перевозка его прибыльна.

[1] Сметные отпуска составляли в 1926 г.:
деловая — 5.103,0 тыс. $м^3$; дровяная — 6.410 тыс. $м^3$.

Если эксплоатацию лесов поставить рационально, то себестоимость его должна снизиться, и тариф на перевозку лесных грузов окажется возможным поднять до степени выгодности его для жел. дор. Кроме того, расчеты финансовых результатов эксплоатации линий сделаны согласно указанным НКПС формулам. К сожалению при этом не принимаются в расчет индивидуальные свойства проектируемых линий. Если сооружение и эксплоатацию их вести, применяя всевозможные облегчения, какие позволяют местные условия и техника железнодорожного дела, то как капиталы требующиеся на сооружение, так и расходы эксплоатации могут значительно снизиться, и лесовозная линия может стать или бездефицитной или даже доходной, особенно, когда район ее заселится и увеличатся грузы прибытия. Поэтому на исчисленные финансовые результаты эксплоатации линий не следует смотреть слишком пессимистически. Народнохозяйственный эффект в сравнительно короткое время с лихвой может возместить сделанные затраты. Необходимо лишь решительно остановиться на определенном проекте и столь же решительно приступить к сооружению линий, потребность в которых явственно ощущается уже второй десяток лет.

Мы полагаем, что такой линией между Обью и Енисеем является линия Томск — Енисейск, а за Енисеем — линия Тайшет — Усть-Кут.

„Проблемы энергетики". Материалы к пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР на 1928/29—1932/33 гг., том I, изд. ВСНХ СССР, 1929 г.

Рецензируемая нами книга представляет собою результат работ специальной комиссии при президиуме ВСНХ СССР, созданной для проработки энергетических вопросов пятилетнего плана.

Ставя проблемы энергетики во главу угла пятилетнего плана, ВСНХ этим самым одтверждает руководящее начало и торжество энергетической концепции в пятилетнем плане социалистической реконструкции народного хозяйства. Первый единый народнохозяйственный план ГОЭЛРО был создан на энергетическом костяке, а пятилетний план, являясь продолжением и завершением плана ГОЭЛРО не меняет этих вех, но лишь на опыте пройденного подтверждает их правильность. Пятилетний план народного хозяйства, вводя нас целиком в реконструктивный период социалистического строительства, с железной настойчивостью требует от энергетики конкретного выражения генеральной линии технической реконструкции.

Комиссия, назначенная Президиумом ВСНХ СССР для разработки энергобаланса страны в пятилетнем плане, сузила свою задачу, ограничившись вопросами энергетики по линии развития механической энергии, включая и электроэнергию, и тепловой энергии. На данной стадии нашего развития, можно сказать, что хотя комиссия исключила из своего поля зрения энергетику животных, но это в конечном счете не умаляет ее работы. Разработанный материал по энергетике достаточно обстоятельно охватывает широкую совокупность организации и рационализации процессов производства, энергетического вооружения живого человека в производстве на основе технического использования сил природы. Надо полагать, что проделанная работа даст возможность более точно с большим успехом подойти к разрешению проблемы энергобаланса страны в широком смысле слова.

Останавливаясь на отдельных вопросах энергетики, разработанных в данном материале, можно констатировать значительные достижения как в принципиальной их постановке, так и конкретно-практической проработке.

1. Особое внимание заслуживает топливная проблема, которой отведено подобающее место, и глубокая проработка среди других энергетических проблем. Топливо пока остается основным источником энергии в нашей стране. Далеко невыгодное расположение основных топливных ресурсов страны по отношению к исторически сложившимся промышленно-индустриальным районам, определяло и будет еще долго определять характер топливных затруднений. Под этим углом зрения определилось построение топливного баланса, который претерпевает значительную реконструкцию в своей структуре в смысле решительного увеличения удельного веса в топливном балансе местного нетранспортабельного топлива; как, например, при росте общей добыче топлива за пятилетие в стране в 184,0%, рост торфа теперь уже определен в 300%, подмосковного угля —500%. Запроектированы значительные достижения в области техники и рационализации сжигания топлива всякого рода низких сортов и отбросов, снижение удельных расходов топлива по промышленности до 35% и т. д.

Впервые мы здесь подходим к разрешению топливной проблемы и построению топливных планов по отдельным районам с широкой детализацией отдельных элементов этого плана, что дало возможность определить физиономию района с топливной стороны.

2. Превращение всякого топлива в электроэнергию в несколько раз повышает энерговооруженность труда и хозяйственный эффект. В материалах мы видим решительную установку на электрификацию народного хозяйства. Темп роста выработки электроэнергии, несомненно, отвечает задачам индустриализации страны и технической реконструкции, опережая все показатели народного хозяйства. Намечено интенсивное вытеснение электроэнергией других видов энергии, в частности, удельный вес электроэнергии в переводе на топливо составит к концу пятилетия до 21% топливного баланса промышленно-технической группы.

3. Особенно необходимо подчеркнуть структурно-качественные изменения электрификации, запроектированные в материалах. Гегемония в электрификации целиком переходит к районным мощным электростанциям. Удельный вес районных

электростанций в общей выработки энергии и темп развития значительно повышается и опережает общий темп и об'ем развития производства электроэнергии. Фабрично-заводская электрификация от мелких станций жестко ограничивается; она будет отдавать до 50% своей энергии в обще-распределительную сеть. Проблема использования местного топлива и отбросов получает идеальное разрешение в электрификации. Например, на 94% районные станции будут работать на низких сортах топлива, включая в т. ч. 25% гидроэнергии.

Выработка механической энергии от привода стабилизируется в промышленности, а коэфициент электрификации промышленности повысится с 55% до 82%, т.-е. дойдет до уровня высокоразвитых индустриальных стран Запада и Америки.

4. Особенно обстоятельно проработан раздел электрификации и энергобаланса промышленности. Впервые мы имеем всесторонне освещенную картину электрификации отдельных отраслей промышленности и отдельных экономических районов. Физиономия района и отдельные об'екты электрификации приобретают определенные черты и в это дело внесено очень много конкретной ясности. Но реконструкция силовых процессов промышленности на базе электрификации не разрешает целиком энергетической проблемы промышленности, ибо силовые процессы промышленности расходуют энергии от 30—35%, а остальные 60—65% составляют технологические-тепловые процессы, где в настоящее время электроэнергия почти совсем не имеет места. В наступающее пятилетие здесь намечены решающие сдвиги: потребление электроэнергии на тепловые процессы намечено с 2,0% в настоящее время до 18% к концу пятилетия, что составит больше 2,0 млн. тонн условного топлива. Конечно, это стало возможным лишь теперь с выработкой дешевой энергии, и в особенности гидроэнергии, для электрометаллургии и электрохимии. В частности, химия открывает новую страницу в энергетике и является основным фактором, разрешающим проблему внедрения электроэнергии в тепловые процессы и проблему утилизации энергетических отбросов.

5. Рецензируемый материал впервые практически открывает новый принцип построения дешевого энергетического баланса на основе т е п л о ф и к а ц и и. Принцип теплофикации по существу дополняет основы плана ГОЭЛРО, и ему в наступающее пятилетие в проблемах энергетики отводится подобающее место. Задача теплофикации заключается в глубокой рационализации тепловых процессов хозяйства, позволяющих комбинировать производство электроэнергии с производством тепла для технологических целей промышленности и тепла для коммунальных нужд городского населения, передаваемого на расстояние. Рациональному разрешению проблемы теплофикации и построению целостного энергохозяйства района кладут начало промышленно-энергетические, индустриальные комбинаты, как Днепрострой, Бобриковский комбинат и друг., использующие местные энергетические ресурсы, включая отбросы энергии. Метод организации производства на основе энергетического комбинирования открывает перед нами колоссальные перспективы производства дешевой энергии, а в этом методе также кроются наши преимущества перед капиталистической системой.

6. Впервые в настоящих материалах мы встречаем более глубокие попытки конкретного разрешения проблемы сельскохозяйственной энергетики, правда, более обстоятельно пока только со стороны разрешения проблемы силового хозяйства деревни. Но это по существу и является центральным звеном сельскохозяйственной энергетики. До сих пор, эта проблема не находила солидной постановки, более того, мы не знали даже элементарной физиономии этого вопроса. Богатый статистический материал по энергетике сельского хозяйства и достаточно удачная методологическая постановка этой проблемы дают основание отметить определенные сдвиги ее.

7. Нельзя не отметить значительных достижений в проработке раздела топливных ресурсов, как основного энергетического источника страны. До сих пор, мы имели данные о топливных ресурсах, составленные в 1924 г. применительно к Лондонской энергетической конференции, которые уже значительно устарели и в особенности по линии определения каменноугольных запасов. К настоящему времени выявлены новые каменноугольные и нефтяные районы, запасы каменного угля по ряду основных бассейнов, Донбасс, Кузбасс, Подмосковный и друг. значительно больше против цифр, до сих пор существовавших.

8. Из изложенного выше видно, что рецензируемый материал в значительной степени дает ответ на поставленный вопрос о том, каково конкретное выражение генеральной линии технической реконструкции хозяйства и каковы экономические эффекты этой реконструкции. Запроектированные мероприятия по энергетике в пятилетнем плане обеспечивают достижение громадных количественных и качественных показателей развития народного хозяйства и в особенности, по линии промышленности: рост валовой продукции промышленности на 170%; энерговооруженность труда механической плюс электроэнергией на одного рабочего растет на 252%, в том числе по электроэнергии на 434%. Энерговооруженность труда рабочих, являющаяся одним из мощных средств колоссального повышения производительности труда в промышленности, растет на 110% при увеличении числа рабочих всего на 34%. Высокий уровень энергофикации промышленности позволяет нам добиться колоссального снижения, до 35%, удельных расходов топлива, термический коэфициент использования топлива повышается с 26% в 1926 г. до 40% в 1932/33 г. При значительном обновлении и реконструкции котельного хозяйства, почти на 100%, мы переводим районные станции на сжигание местных низких сортов топлива и его отбросов. Все эти высокие технико-экономические показатели работы промышленности становятся возможными благодаря тому, что проводится твердый принцип собирания под одну крышу всего энергетического хозяйства страны.

Значительную реконструкцию, как это видно из материалов, претерпевает самое энергетическое хозяйство, энерготехника. Достаточно отметить, что в плане ГОЭЛРО мощность крупной станции проектировалась не свыше 60—80 тыс. *квт*. Теперь мы уже имеем в работе мощность свыше 100 тыс. *квт* и проектируем гиганты с полной мощностью до 600 тыс. *квт*. Наша мысль не осмеливалась тогда мечтать даже о таких аггрегатах, как в 75 тыс. *квт*.

Если в плане ГОЭЛРО мы говорили о 100 тыс. вольт напряжения, теперь мы видим проектировки на 200 тыс. вольт. Это дает дальнейший сдвиг в деле победы над пространством станции, находящиеся друг от друга на расстоянии 500 *км*, могут быть соединены стальными проводами; 12 тыс. *км* сети будут разносить энергию наших энергетических гигантов, этим самым облегчая разрешение транспортной проблемы, давая ежегодную экономию в 500 млн. руб. Намечены значительные сокращения в сроках строительства и стоимости строительства.

Необходимо все же отметить, что рецензируемая книга имеет и слабые места, которые в известной мере отметила и сама комиссия. Конечно, настоящие материалы нельзя назвать пятилетним планом энергетики. Совершенно правы авторы данной книги, когда они с сожалением отмечают, что организация аппарата, регулирующего и планирующего вопросы энергетики в народном хозяйстве, в настоящее время далеко не соответствует великому значению энергетики в народном хозяйстве.

Мы не имеем до настоящего времени единого энергетического органа в центре и его ячеек на местах. Отсюда, несмотря на глубину проработанных отдельных вопросов, все-таки получается определенное впечатление, что эта работа и материалы представляют собой труд определенной группы людей с некоторым оттенком индивидуального творчества. Очевидно это положение и определило тот характер материала, что он не получает логически стройной увязки всех освещаемых в нем вопросов и представляет некоторую раздробленность.

Как на слабые моменты работы по проблемам энергетики, можно конкретно указать на проблему энергетики транспорта.

Транспортная проблема в условиях СССР имеет решающее значение в рациональном разрешении проблемы энергетики страны, и радикальное разрешение транспортных проблем внесло бы коренную переоценку ценностей всей системы топливоснабжения страны. Например, открытым остается вопрос о сверхмагистралях Донбасс—Москва и Кузбасс—Урал-Волга. Остается поэтому неясным энергетическое положение ряда районов в текущем пятилетии, и еще больше теряются вехи второго пятилетия.

Равносильно этому слабо проработан и намечен размах электрификации жел.-дор. транспорта. К концу пятилетия эксплоатационная длина жел.-дор. сети будет электрифицирована всего на 0,5% от всей сети. В то время как уже в 1926/27 г. в Швейцарии электрифицировано 38% жел.-дор. пути, в Австрии 9%, Италии 10%, Германии 6% и т. д. Здесь мы неизмеримо инертны и недопустимо запоздали. Очень слабое изменение претерпевает структура топливного баланса транспорта и экономика ее.

Экономика топливоснабжения отдельных районов пока разработана примитивно и в ней превалирует больше всего количественный момент. Не видно также четкой и решительной концепции в проблеме географического расположения промышленности в текущем пятилетии. Энергетика недостаточно проявила здесь своей инициативы для воздействия на политику и принципы географического размещения промышленности. Кроме того, авторы материалов не дали ответа на то, как с организационной стороны обеспечено разрешение энергетических проблем в пятилетнем плане.

Все же надо определенно отметить, что настоящий материал займет солидное место не только среди других материалов и работ по пятилетке, но и среди всех работ по энергетике после плана ГОЭЛРО, Несмотря на ряд неблагоприятных условий, рецензируемая работа является успешным опытом освещения ряда энергетических вопросов, с глубоким методологическим и научным обоснованием. Богатый и прекрасно изложенный статистический материал и диаграммы дают полное основание и возможность углубить еще более разработку отдельных проблем, сделать его полнее и обоснованнее. Сборник отличается достаточной степенью популярности изложения.

В. Шемятовский.

В. Каврайский и И. Нусинов. — „Классы и классовые отношения в современной советской деревне“, Предисловие С. И. Сырцова, Сибкрайиздат, 1929 г., 215 стр. текста и 73 стр. таблиц, тираж 3000, ц. 4 р. 25 к.

Важность изучения классовых отношений в деревне излишне доказывать. Особенно ценным являются попытки подхода к разрешению этой задачи в районном разрезе.

Одной из таких попыток является рецензируемая книга, представляющая анализ классовых отношений в современной советской деревне на основе материалов динамических сел.-хоз. переписей 1927 и 1928 гг. по 6 гнездам Южной Сибири, охвативших 9.384 хозяйства. Интерес представляет эта работа потому, что она базируется на массовом статистическом материале за 2 года, дающем основания делать полновесные выводы по отношению к обследованному району.

Начиная свое изложение с краткой характеристики экономики района, авторы останавливаются на методологии изучения социального состава крестьянства. Правильный медологический подход при исследовании классового состава деревни имеет чрезвычайно важное значение. И в этом отношении авторы, следуя указаниям тов. Ленина по поводу методологии разработки статистических материалов и их группировки, применяют совершенно обоснованно комбинированную группировку.

В основу группировки крестьянских хозяйств, авторы кладут показатель по стоимости средств производства, дающий „в ценностном выражении совокупность всех элементов, определяющих и размеры и тип хозяйств“. Группировка по стоимости средств производства дополняется показателями, определяющими производственные отношения в деревне, т.-е. наем рабочей силы и сдача сложных сел.-хоз. машин, как наиболее характерных для сибирской деревни. И наконец, третий момент, который авторы вводят при группировке крестьянских хозяйств, считаясь с особенностью района—экстенсивно зерновой характер производства,— это размеры посева. Последний момент существенен для Сибири; авторы правы указывая на то, что применение более совершенной, по сравнению с группировкой по посевному признаку, группировки по стоимости средств производства не дает оснований для районов—где основной является зерновая продукция—„игнорировать посев в комбинации группировочных признаков“.

Условность метода пересчета дней сдачи средств производства в дни найма рабочей силы, так называемая „скользящая шкала“, применяемая для случаев комбинации обоих признаков кулацкого хозяйства, т.-е. найма рабочей силы и сдачи машин, оговорена самими авторами, поэтому мы не считаем нужным специально на этом останавливаться. В основном же методологию группировки статистического материала можно признать правильной, достаточно гибкой, позволяющей четко выявить классовую структуру южно-сибирской деревни.

Как же рисуется социальный состав южно-сибрской деревни? Данные за 1927 г. дают следующие выводы: пролетарские хозяйства составляют 11,4% общего числа хозяйств в деревне, из них сель.-хоз. рабочие — 7,9%, и проч. рабочие — 3,5%; бедняцкие хозяйства составляют 28,5%; середняцкие—53% и, наконец, предпринимательский слой деревни, составляют 7,1%, при чем 90%, т.-е. 6,5% этого состава являются сель.-хоз. предпринимателями-кулаками; удельный вес торговцев, и владельцев промышленных предприятий определяется в 0,3% для каждой из этих двух групп. Социальный состав деревни к 1928 г. изменился следующим образом: число пролетарских хозяйств понизилось с 11,4% до 8,6%, из которых сель.-хоз. рабочие составляют 5,7% прочие рабочие 2,9%; бедняцкие хозяйства вместо 28,5% дают 27,9%; группа середняцких хозяйств повысилась с 53% до 56%, и наконец, несколько, правда количественно незначительно, увеличился процент предпринимательских хозяйств с 7,1% до 7,5%.

Авторы, об'ясняя процесс изменения социального состава деревни, останавливаются на экономических сдвигах, которые происходят в крестьянских хозяйствах. Анализируя таблицу о выселениях, авторы отмечают положительный факт, уход в коммуны и колхозы 17,6% всех выселившихся (что к общему числу хозяйств обследованных составляют немногим более 1%), в то же время заостряют внимание на весьма печальном факте. Темп коллективизации кулацких хозяйств идет быстрее темпа производственного кооперирования середняков и пролетарских и полупролетарских групп деревни. Останавливаясь дальше на дроблении крестьянских хозяйств, авторы делают вывод, что „все происходящие в деревни, так называемые органические процессы и разделы и выселение в города и встречное течение — возврат из городов деревенских выходцов-неудачников, и приток переселенцов — факторы примерно одного и того же порядка: они в значительной мере способствуют углублению классовой дифференциации крестьянства“.

Отдельно авторы рассматривают материал об эволюции крестьянских хозяйств, не получивших никаких так называемых, органических изменений. Эти данные показывают совершенно ясно, что группа пролетарских и полупролетарских хозяйств сокращается вследствие хозяйственного под'ема, середняцкая группа увеличивается, а также незначительно растет предпринимательская верхушка деревни.

Если взять имущественный признак по стоимости средств производства, то оказывается, что 88,5% крестьянских хозяйств, имеющих средств производства до 1.000 руб. хозяйственно растут. „От 24% до 46% хозяйств каждой из этих групп в результате хозяйственного года перешли в высшие по мощности «классы.» Наоборот, процесс сползания вниз превалирует над процессами под'ема в группах со стоимостью средств производства в 1.250—1.500 руб. и выше. Если взять результат этого движения, то оказывается, что группа хозяйств без средств производства уменьшалась на 30%, группа со средствами производства до 300 руб. также понизилась на 10%. Группа по стоимости средств производства от 300 до 500 руб. уменьшилась на 2,3%. Одновременно произошло увеличение состава высших групп от 500 до 1.000 руб. на 13,8% и от 1.000 до 1.500 руб. на 11,9%. Группа со средствами производства в 1.500 руб. и выше увеличилась на 6,3%.

Проследив процесс образования в 1927 г. новых социальных групп, авторы приходят к совершенно правильному выводу, сделанному ими еще в работе „Классовое расслоение сибирской деревни“ (изд. в 1927 г.), на основе анализа косвенных показателей, а именно: „наличный темп под'ема маломощных хозяйств суживает поле приложения предпринимательской инициативы. На данном этапе, однако, оно все еще остается достаточно широким. Процессы хозяйственного под'ема бедноты и роста кулачества сибирской деревни пока еще развиваются параллельно (точнее было бы сказать одновременно *М. О.*). В этом противоречивость нашего развития, одна из существенных особенностей, отличающая его от обычных, т.-е. капиталистических форм хозяйственной эволюции деревни“.

Но простая констатация факта расстановки классовых сил еще недостаточна. Главная задача заключается в выяснении удельного веса капиталистических элементов в сел.-хоз. экономике и установлении основных тенденций развития, ибо только зная, куда идет наша деревня, мы сможем сказать на сколько четко действуют наши рычаги воздействия на деревню, которые мы используем с целью перестройки сельского хозяйства в сторону коллективизации.

Проследим удельный вес двух противоположных групп деревни в хозяйственной жизни деревни. Мелко-капиталистические хозяйства в 1928 г., составляя 7,5% общего числа хозяйств, владеют 19% всех средств производства, имеют 15,4% посева, 51,5% человеко-дней найма рабочих, 47,2% машино-дней сдачи сложного сел.-хоз. инвентаря, и сосредотачивают в своих руках до 22,2% товарной зерновой продукции. Если сопоставить с этим удельный вес бедняцких хозяйств, то мы получим, что 28% всего числа хозяйств сосредотачивают в своих руках всего только 9,2% средств производства, 13,2% посева и являются держателями всего 3,8% товарной зерновой продукции. Человеко-дней отпуска рабочих эта группа дает 11,5%, так как основным контингентом, из которого черпается наемная рабочая сила, являются пролетарские хозяйства, отпускающие до 60,3% человеко-дней рабочих. Не смотря на неблагоприятные для кулака условия развития при диктатуре пролетариата, он все же имеет довольно большой удельный вес в хозяйственной жизни южно-сибирской деревни.

Еще один важный момент необходимо отметить в дополнение к удельному хозяйственному весу кулацкой группы деревни. От одной пятой до одной трети всего усовершенствованного сложного сел.-хоз. инвентаря в деревне сосредоточено в руках этой верхушки. Понятно, что кулаки используют свой инвентарь капиталистически.

Отсюда, вполне правильным является твердый курс на изоляцию кулака, путем целого ряда мероприятий и, в особенности, путем усиления коллективизации и производственного кооперирования крестьянских середняцких и бедняцких хозяйств.

Подробный анализ хозяйственной эволюции деревни от 1927 г. к 1928 г., который дается в главе о дифференциации крестьянских хозяйств по средствам производства, устанавливает, что за этот год произошло увеличение средств производства, во всех группах хозяйств, кроме кулацко-предпринимательской верхушки, у которой средств производства стало, вместо 19,9% всех средств производства, 18,9%.

Как вывод из приведенного анализа, совершенно отчетливо рисуется усиление хозяйственной мощи основной массы крестьянства—середняка, безусловный хозяйственный под'ем пролетарских и бедняцких групп деревни и известное замедление темпа под'ема хозяйственой мощи кулацко-капиталистической верхушки деревни при его абсолютном росте.

Для того, чтобы показать насколько неправильны разговоры о деградации нашего сельского хозяйства, приведем данные о посевной площади и товарной продукции. Во-первых, мы имеем общий рост посевной площади на 9,3%, процент увеличения посевной площади крестьянских хозяйств, оставшихся без органических изменений, поднялся на одиннадцать с лишним процентов. Не останавливаясь здесь на рассмотрении вопроса о передвижках внутри каждой группы по посеву, отметим лишь, что прирост посева падает, главным образом, на середняцкие группы хозяйств, и несколько в меньшей степени прирост посева падает на бед-

няцкие хозяйства. Кулацкая группа потеряла в течении года 1,8% своей посевной площади, но это не значит, что группа кулацких хозяйств, благодаря пополнению ее некоторой частью середняцких хозяйств, не повысила в конечном итоге на известный процент своего посева. Учтя все изменения и перегруппировки в составе крестьянских хозяйств, происшедшие за год от 1927 к 1928 г., мы получим удельный вес различных социальных групп в посевной площади следущий: в середняцкой группе удельный вес повысился на 1,4% в батрацко-бедняцкой произошло уменьшение на 0,8% и в мелко-капиталистической уменьшение на 0,6%.

Чрезвычайно интересные выводы авторы делают из анализа социальной структуры хлебо-фуражного баланса и изменения его от 1927 г. к 1928 г. В результате урожая в 1928 г., прежде всего произошло увеличение общей валовой продукции в районе, и что особенно важно значительное увеличение товарной зерновой продукции. Распределение товарной зерновой продукции между различными социальными группировками показывает, что, с одной стороны, впервые в 1928 г. появилась товарная продукция в размере 3,8% от всей товарной продукции в руках бедноты, с другой стороны, у кулацко-капиталистической верхушки деревни вместо 27,7% товарного зерна стало 22,2% а середняцкий слой теперь держит — товарной зерновой продукции вместо 72,3% — 74%. Если в 1927 г. на каждый центнер кулацкого хлеба было 3 центнера хлеба середняцкого, то в 1928 г. хлеба бедняцко-середнякого стало 4 центнера на 1 центнер кулацкого. Таков итог этого года.

Конечно, не следует увлекаться этими итогами и преувеличивать наши успехи, но, с другой стороны, эти данные свидетельствуют, что никакой деградации такой район как Южная Сибирь не переживает. Отсюда, однако, вовсе не следует, что кулацкие хозяйства, как крупные, не имеют больших преимуществ по сравнению с более мелкими бедняцко-середняцкими. Напротив, нужно со всей серьезностью подчеркнуть, что „кулацкий хлеб — концентрированный хлеб, и что экономическое влияние кулачества, как говорит тов. Сырцов в предисловии, делает пока удельный вес одного кулацкого центнера выше по сравнению с центнером вышедшим из мелкого хозяйства. Поэтому перед нами во весь рост встает задача, особенно в связи с переживаемыми затруднениями в настоящее время, организация крупных социалистических государственных зерновых фабрик и коллективных крупных хозяйств.

Не останавливаясь на разборе других вопросов, затрагиваемых в книге, как напр., о производственных отношениях в советской деревне, характеристике типов хозяйств различных социальных групп, а также об основных расходах крестьянских хозяйств, так как это нас увлекло бы далеко за пределы рецензии, отметим, что вопросы эти чрезвычайно полно и интересно разработаны.

Очень ценным является в книге наличие материала о социальном составе общественно-политических, советских и кооперативных организаций на селе, тем более, что эти вопросы до сих пор остаются почти не освещенными, и в печати не имеется данных, разработанных в социальном разрезе, так, как это сделано в данной работе. Эти материалы лишний раз заставляют со всей категоричностью подчеркнуть, что кулак еще полностью политически не изолирован; достаточно указать на то, что он имеет 15% в составе сельсоветов и 9% в составе выборных органов низовой кооперации, составляя даже известный процент в рядах партийной и комсомольской организаций.

Не совсем благополучно обстоит дело до сих пор у нас и с социальным направлением кредита. На ряду с тем, что три четверти всей суммы кредита получили середняцкие хозяйства, кредитование кулацких хозяйств имеет значительное распространение, несмотря на указания руководящих партийных и советских органов. Не совсем правильно было и распределение кредита между отдельными прослойками середняков. „Как правило, чем крепче экономически середняцкие хозяйства, тем больший процент в общей сумме выданных ссуд приходится на их долю".

Более благополучно обстоит со снабжением крестьянских хозяйств семенами. В этом мероприятии классовая линия партии нашла достаточно отчетливое выражение. Хозяйства пролетарские и бедняцкие получили около 56% всего семенного фонда и две пятых получили середняки.

Вполне присоединяясь к автору предисловия в том, „что глава о колхозах не отличается той полнотой, которой заслуживают эти важнейшие организации", следует добавить, что в работе вообще нет почти материала о простейших формах сел.-хоз. кооперации и об охвате этими простейшими формами бедняцко-середняцкого массива деревни. Анализируя классовую структуру деревни, недостаточно показать рост удельного веса и хозяйственный под'ем бедняцко-середняцкого слоя деревни, важно вскрыть, куда идет этот хозяйственный рост и какую роль в этом процессе играют наши классовые приводы в виде сел.-хоз. кредитной кооперации. Особенно важно это в связи с теми задачами, которые мы возлагаем на сел.-хоз. кооперацию в деле переустройства деревни. При этом важно сказать не только о высших формах производственной сел.-хоз. кооперации—колхозах, но и о различных простейших видах ее.

Заслуга авторов заключается в том, что они, исходя из широкой политической народнохозяйственной установки, дают подробный анализ классовой структуры очень важного южно-сибирского района. Изложена книга удачно, легко читается, и дает ценный материал как для теоретиков, изучающих процессы происходящие в деревне, так и для практиков деревенских работников. Можно вполне присоединиться к оценке работы, данной в предисловии тов. Сырцовым, в след. словах: „значительное количество данных, наличие этих данных по двум смежным годам, типичность и характерность выбранных гнезд, позволяют с достаточной уверенностью сделать обобщающие выводы; большинство выводов с соответствующими коррективами вполне приложимы и к ряду других районов СССР и ко всей деревни в целом".

М. Орлова.

„Себестоимость продуктов сельского хозяйства". Сборник статей и материалов под ред. П. Н. Макарова; изд „Новый Агроном", 1929 г.

Перспективы индустриализации сельского хозяйства, проблема коллективизации и интенсификации сельскохозяйственного производства находятся в тесной связи с вопросом о размерах затрат, необходимых для воспроизводства отдельных сельскохозяйственных культур. Стимулирование развития той или иной культуры в условиях индивидуального хозяйствования должно получить свое отражение в системе цен, как активно воздействующего фактора на ход производственных процессов, должно получить свое отраженное в проблеме себестоимости производства. Наибольшую остроту этот вопрос приобрел в связи с кон'юнктурой текущего года, в последнее время. Проблема себестоимости в сельском хозяйстве не получила должного отражения как в советской, так и довоенной экономической литературе. Наиболее неразработанным и запутанным вопросом является методология анализа себестоимости. Отсутствие какой бы то ни было теоретической ясности распоясывает всякого рода исследователей в этой области.

Перед нами недавно вышедший сборник о себестоимости в сельском хозяйстве. Можно не колеблясь сказать, что если взвесить довольно ценные, помещенные в сборнике материалы, на ряду с теоретической затхлостью, то в балансе получается безусловно вредная книга, несмотря на тот интерес, который представляет эта проблема в настоящее время.

Мы остановимся исключительно на теоретической стороне сборника. Теоретико-политический профиль всего сборника дан в общей вводной статье проф. Макарова. Для проф. Макарова, почему-то оперирующего авторитетом Маркса, не существует разницы между капиталистическим, простым-товарным и натуральным хозяйством. Издержки производства, для него категория отнюдь не общественно-историческая. Он ставит знак равенства между издержками производства себестоимостью и затратами. Такое понимание издержек производатва профессору необходимо для доказательства, что Маркс, вкупе с Маршаллом, Касселем и Рикардо, несмотря на „принципиальное различие основных точек зрения", считает, что „цена строится в количественном соотношении с себестоимостью продукта". Подобный поистину чудовищный вывод „подкрепляется" цитатой из III тома „Кипитала", где Маркс и определяет категорию издержек производства, рассматривая ее, как категорию абстрактного капитализма, в связи с ценами производства и нормой прибыли. Именно здесь Маркс еще раз подчеркивает принципиальную разницу между всей созданной в процессе труда стоимостью, воплощенной в цене производства и прибавочной стоимостью; для этого и привлекается категория издержек производства. Из этого же проф. Макаровым делается вывод, что по Марксу „Цены отличаются от издержек производства на среднюю норму прибыли". Абстрактно-теоретические категории у Макарова приобретают лишь количественное значение. Проф. Макарову необходимо же во что бы то ни стало доказать, что „цена строится" на издержках производства, которые при всяких условиях идентичны с себестоимостью, а эта последняя с затратами. Мы знаем по Марксу, что издержки производства определяются $C+V$, т.-е. ни единого „атома" прибавочной стоимости здесь не „сидит". Касаясь элементов, из которых слагается себестоимость, проф. Макаров повествует: „Для того, чтобы то или иное экономическое явление (разрядка наша *Ш. Т.*) было элементом себестоимости, вовсе не требуется материальное физическое участие данного элемента в производственном процессе". И дальше: „таким образом, оплата „права пользования" становится элементом себестоимости (читай—„издержки производства"—*Ш. Т.*) если без такой оплаты не может быть получен продукт" (разрядка наша *Ш. Т.*). Отсюда логически следует вывод, что оплата права пользования землею и капиталом должна быть включена в издержки производства, как основной ее элемент. На этом, ока-

зывается, сходится „почти (хорошо. что „почти“ — *Ш. Т.*) любая (?!) теоретико-экономическая концепция“. Здесь, собственно говоря, вскрывается весь букет теоретико-экономической концепции всего сборника. Таким образом, в капиталистических условиях рента и процент за капитал, как продукт прибавочной стоимости, включаются и смешиваются прежде всего с постоянным и переменным капиталами, норма эксплоатации (правда, о какой здесь эксплоатации может итти речь у Макарова и К-о) и норма прибыли этим самым резко сокращается, а так называемые действительные „затраты“, или издержки производства увеличиваются за счет продуктов эксплоатации, вернее не эксплоатации, а „оплаты права“. Бем-Баверк, Туган-Барановский, Кассель и проч. вот кем дается истинная теоретико-экономическая позиция, на которой построен весь сборник. Зачем же было за уши притягивать Маркса в столь почтенный симбиоз?

Касаясь предпосылок уровня себестоимости в различных хозяйствах, Макаров привлекает все, вплоть до „организаторских способностей хозяина“, индивидуальных особенностей и предпринимательской деятельности. Социальный момент в уровне себестоимости не упоминается. Между тем известно, что уровень себестоимости в кулацком, середняцком и бедняцком хозяйствах—различен; и помимо природных влияний на уровень себестоимости социальный момент играет первостепенную роль. Себестоимость в середняцком, и бедняцком хозяйствах, как известно, выше, чем в кулацком, а это ведь имеет существеннейшее значение в вопросе товаризации и интенсификации этих хозяйств. Подобное умышленное игнорирование социального момента позволяет проф. Макарову без всяких оговорок делать сопоставление о разности между ценой и себестоимостью у нас теперь (1925) и до войны (1888 и 1913 гг.). При чем как известно в довоенные исследования вошли исключительно помещичьи хозяйства (1888 г.), либо частично крупные кулацкие хозяйства (1913 г.), где, понятно, выгодность „производства“ была несравненно выше нежели в крестьянском (хотя бы середняцком) хозяйстве, у нас же, как известно, в исследование 1925 г. помещичьи хозяйства попасть не могли и неособенно много в это обследование включено было и кулацких хозяйств. Проф. Макаров без зазрения совести сопоставляет уровень рентабельности помещичьих хозяйств до войны с рентабельностью нашего крестьянского хозяйства и делает вывод, что „в условиях СССР мы не наблюдаем вполне выдержанных прежних соотношений между ценой и себестоимостью“. А отсюда в СССР „цены не всегда достаточно учитывают те процессы накопления, которые являются основной предпосылкой для поступательного развития зернового хозяйства“. На этом, собственно говоря и основывается как скрытая между строк „теория деградации сельского хозяйства“, так и наступление со стороны авторов сборника (в особенности А. В. Чаянова) на проводимую нами политику цен. Проф. Б. Л. Брук исходит при этом из концепции, что политика хлебных цен государства должна быть построена „не только в соответствии с интересами народного хозяйства в целом, но также всемерно учитывая интересы товаропроизводителя“. Это уже более откровенная политическая установка. С одной стороны, у него народное хозяйство с государством, а где-то на другом полюсе — крестьянство; одно дело интересы народного хозяйства в целом, а другое, интересы товаропроизводителей—крестьян. Сей профессор упустил из виду, что интересов народного хозяйства в целом и вообще вне смычки города и деревни у нас нет. Развитие индивидуального хозяйства само по себе (а к этому и сводится философия Б. Л. Брука), вне связи с вопросами коллективизации не входит в сферу нашей политики. Недаром он считает, что себестоимость должна нас интересовать лишь в отношении „производящих товарный хлеб хозяйств“, что идет в разрез с политикой товаризации сельского хозяйства. Политические горизонты автора вполне гармонируют с его теоретической установкой. Если проф. Макаров еще пытается нажить на Марксе кой-какой теоретической капиталец, то проф. Брук гораздо более откровенен. Он через голову Маркса, копирует в оригинале Адама Смита. Что собою представляют издержки производства по Бруку? — „Стоимость труда, капитала и земля хозяина, оцененная по рыночным ценам, включается в себестоимость продукта“, как будто бы этого достаточно, но это не все. Проф. Брук задает вопрос: „не следует ли прибавить к себестоимости вознаграждение хозяина, как предпринимателя, риск предприятия и т. д.“ Этого по его мнению не следует делать, ибо „предпринимательская деятельность может быть вознаграждена“ прибылью. Говоря о предпринимательской деятельности, он конечно имеет в виду не крестьянина, работающего без наемного труда, а капиталиста фермера, труд коего должен оплачиваться и т. д. и т. п.

Вообще нужно признать, что авторы вполне свободно оперируют одними и теми же абстрактно-теоретическими категориями независимо от того, идет ли речь о высоко-капиталистическом или натуральном хозяйстве. В том то и дело, что „для вульгарной экономии как-раз характерно, что то, что на определенной пережитой ступени развития было ново, оригинально, глубоко и имело основания она повторяет в такое время, когда оно плоско, отстало и ложно“ (К. Маркс) К „новейшим теориям“ издержек производства в сельском хозяйстве нужно особенно осторожно подходить, дабы за счет интереса, окружающего эти проблемы в последнее время, кое-кто не спекулировал основными теоретическо-экономическими и политическими установками. И нужно со всей решительностью подчеркнуть, что изданная „Новым Агрономом“ книга является безусловно вредной книгой даже при наличии куцого предисловия, возлагающего всю ответственность на авторов сборника.

Ш. Я. Турецкий.

„География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов“, ЦСУ, 1928 г. стр. 31 + 52 и 42 картограммы. Цена 4 р. 50 к.

Это, кажется, первое издание ЦСУ, в заглавии которого есть слово география. И на этот раз заглавие не обманывает. Работа действительно дает для географии нашего сельского хозяйства больше, чем какое-либо другое из изданий ЦСУ, до сих пор опубликованных.

Самое важное, что имеется в настоящем издании, это таблица „погубернско-поуездного транспортного баланса главнейших групп сельскохозяйственных товаров в ценностном выражении за 1913 г.“

Ценность этой таблицы заключается в том: 1) что она поуездная; 2) что она дает избытки и недостатки транспортных балансов с разбивкой по четырем, очень удачно выбранным, категориям: а) хлебные грузы, б) технические культуры; в) продукты животноводства и г) плодоовощные продукты; 3) что в ней учтен сразу и железнодорожный и водный транспорт и наконец, 4) — что быть может самое важное — в том, что числа в ней даны в ценностном выражении (в довоенных рублях).

Само собой понятно, что совершенно особую ценность таблице придает совмещение в ней сразу всех четырех преимуществ. Если первое из них обеспечивает интересы географии, то остальные три— и особенно четвертое — обеспечивают интересы экономики. Давно пора было бы кажется признать, что экономика в статистике начинается только с того момента, как натура перечислена в какой-нибудь общий измеритель, например в рубль. Транспортная статистика в натуральных единицах (весовых) годится для характеристики работы транспорта, но для нужд экономического исследования она может дать, самое большее, лишь предварительную качественную ориентировку. Еще при исследовании узко отраслевом, где можно ограничиться данными по одному товару, она может дать — в предположении единой цены — ряды, пропорциональные ценностным, но при исследовании порайонном, где надо оперировать с транспортным балансом района по всей совокупности его избытков и недостатков, она не дает ничего.

Следующие таблицы II, III IV и V дают поуездные транспортные балансы в ценностном выражении по отдельным товарам внутри каждой из 4 указанных выше категорий. Эти таблицы, в части касающейся уездов Европейской России, положены на карту. Эти поуездные данные касаются только 1913 года, соответственно чему и уезды взяты в дореволюционных границах. Что же касается данных за 1924/25 и 1925/26 гг., то они не раскрыты ни по уездам, ни по отдельным товарам, а приведены лишь для сравнения с 1913 г. по четырем категориям и по так называемым статплановским районам, которые, будучи продуктом ведомственного соглашения, не выражают собою ничего, кроме компромисса, и стремясь удовлетворить всех, неудовлетворили никого. Эти таблицы имеют значение лишь для констатации в самых грубых и общих чертах тех сдвигов, которые произошли у нас по сравнению с довоенным временем, так что по отношению к данным за 1924/25 и 1925/26 гг. интересы географии резко нарушены, и в этом главный недостаток издания.

Текстовая часть, написанная редактором издания Н. А. Поплавским, об'ясняет методологическую сторону работы, что для сознательного пользования таблицами совершенно необходимо, и затем излагает выводы из таблиц. В приложении дан перечень административных делений в границах 1913 г., но только по Европейской части. Надо было дать такой же перечень, конечно, и по Азиатской части. И кроме того, в издании такого рода совершенно необходимо было бы дать и достаточно крупного масштаба поуездную сетку как Европейской, так и Азиатской части. Разыскивать такие уже весьма старые теперь документы не так легко, а голый перечень названий уездов, без нанесения их границ на карте, никакой еще „географии“ не дает.

Конечно, с первого же раза научиться удовлетворять интересам географического исследования трудно. Позволительно надеяться, что наша статистика скоро научится считать интересы географии своими собственными, к чему ее совершенно обязывает уже директива о нанесении планов на карту. Настоящую реботу можно считать хорошим началом на этом пути.

Н. Баранский.

Проф. А. Н. Саханов и М. Д. Тиличеев. Крэкинг в жидкой фазе (химия и технология). Нефт. изд. НТУ ВСНХ СССР, М. 1929 г., 371 стр., ц. 10 р.

Быстрое развитие автомобилизма и авиации в начале XX века оказало глубокое влияние на характер переработки нефти: сделав бензин из отброса производства рентабельнейшим товаром, оно поставило перед нефтеперерабатывающей промышленностью новую задачу максимального производства бензина. Это и послужило важнейшим поводом к форсированной эксплоатации недр с целью увеличения ресурсов нефтяного сырья. В технологическом же отношении первым этапом решения задачи было усовершенствование перегонки нефти и фракционировки получаемых погонов; вторым — возможно полное извлечение бензина из газа, выделяющегося из нефтяных и газовых скважин; этот способ, не давая сам по себе значительных количеств бензина в общей массе производства, ценен тем, что дает очень легкие бензины, позволяющие, путем смешения с более тяжелыми продуктами, вовлекать в бензиновый товар из нефти частично те фракции, какие в противном случае шли бы в товары с меньшей рыночной стоимостью. Тем не менее, рыночный спрос мог быть удовлетворен только благодаря изобретению и широкому распространению крэкинга, то-есть получения бензина путем разложения более тяжелых нефтепродуктов (керосина, соляровых масел, газойля, мазута), связанного с их молекулярным „расщеплением“ и, след., изменением химического строения углеводородов, входящих в состав нефти и ее производных. Такими путями американская нефтяная промышленность получила возможность довести свой общий выход бензина до 40% от количества перерабатываемого сырья, между тем как у нас этот выход — только 18% по Грознефти и около 7% по Азнефти (где нефть беднее бензином), причем еще не вся добываемая нефть пускается в переработку. Хотя дальнейшим улучшением заводской аппаратуры, более полным использованием бурового газа и рациональным комбинированием бакинских и грозненского производств общий выход „бензина прямой гонки“ может быть увеличен, тем не менее и для нас вопрос о крэкинге является весьма насущным и, в частности, необходимым для выполнения перспективных планов по бензину. При этом, помимо количества, имеет значение и качественная характеристика крэкинг-бензинов как антидетонирующих (детонация — преждевременные взрывы горючего в моторе в период сжатия горючей смеси, понижающие коэф. использования энергии и вредные для мотора).

В более широком смысле крекинг означает не только производство крэкинг-бензина. Для нас, в частности, является актуальной еще одна задача, разрешаемая крэкингом: именно, задача улучшения качества грозненских парафинистых мазутов, застывающих при довольно высокой климатической температуре (напр., для мазута марки „Г“ — уже при $+35^0$ С), что делает эти мазуты весьма неудобными в зимнее время даже на юге Союза и вызывает перерасход на их подогрев. Легкий крэкинг „в жидкой фазе“, как показывают лабораторные опыты (еще не претворенные в заводскую практику), представляет собою сравнительно простой и недорогой способ понижения застываемости таких мазутов.

Если, таким образом, экономическая необходимость крэкингового производства созрела и для СССР, то в техническом отношении мы для этого еще недостаточно вооружены. Первые попытки насаждения его в Баку (фирмой Виккерс) сопровождались неудачей. Дело еще и в том, что простая пересадка американских типов и конструкций затруднена как дороговизной аппаратуры, включающей дорогую оплату патента, так и отсутствием разработанной теории крэкинга. В С.-А.С.Ш. это производство выросло чисто эмпирическим путем; при ином нефтяном сырье иначе протекает и технологический процесс крэкирования, так что своеобразию сырья должны соответствовать целесообразно подобранные специфические условия конструкции аппаратуры, термические условия, время реакции и т. п. Поэтому экспериментальная и теоретическая подготовка является необходимой предпосылкой решения данной задачи. Вот с этой точки зрения и надо отметить перед лицом советской общественности появление рецензируемой книги, а еще более весь тот большой и систематический лабораторно-экспериментальный и научно-исследовательский труд, какой нашел свое отражение в данной книге. Книга содержит описание и данные многочисленных испытаний, произведенных в Центральной лаборатории Грознефти, и теоретические выводы и обобщения таковых. Она относится только к одной из форм крэкинга — так наз. крэкингу в жидкой фазе, т.-е. в жидком состоянии под давлением в 10—40 и выше атмосфер, что является в настоящее время наиболее распространенной формой крэкинга в С.-А. С. Ш. (весьма вероятно, что эта форма отступит перед крэкингом „в паровой фазе“, еще слишком мало изученным и испытанным, но обещающим ряд серьезных практических преимуществ).

Выводы и данные книги имеют бесспорно и научно-теоретическую ценность и большое прикладное значение. Они обнаруживают, что грозненские и бакинские нефти и их производные являются в общем более пригодным сырьем для крэкинга, чем большинство американских нефтей, обещая качественно более ценный состав продукции в результате разложения. На основе значительного количества опытов установлены законы влияния различных факторов — температуры, давления, времени реакции и рода сырья — на ход процесса, род и свойства получаемых продуктов, на процесс образования кокса, что имеет очень существенное значение для решения конструктивных вопросов и установления технологического режима крэкирования. Описание способов проведения лабораторных испытаний и приемов по анализу их результатов имеет и научно-методологическое значение. Наиболее важными и во многом оригинальными надо считать главу III, в коей авторы предлагают читателю более или менее законченную „химию крэкинг-процесса“, и гл. V — технологию крэкирования на бензин. При всем том, однако, далеко нельзя рассчитывать на тождественность заводских и лабораторных условий в особенности при некотором однообразии лабораторного метода (в автоклаве), так что решение технической задачи еще впереди.

Как видно из предисловия, в экспериментальных работах принял участие ряд работников Грознефти. Двоим из них принадлежит соавторство: А. И. Вороновым написана гл. VI о крэкировании на керосин и М. А. Бестужевым — гл. VII о крекировании на смазочные масла. Эти главы, не имея в настоящий момент злободневного прикладного значения, поскольку крэкинг преследует практически лишь задачи получения бензина или улучшения застывающего нефтетоплива, имеют несомненное научное значение, пополняя молодую науку о крэкинге.

Книга заканчивается кратким описанием распространенных систем крэкинга, и так как возникновение и развитие таковых шло эмпирическим путем, то ретроспективное освещение их с точки зрения произведенной авторами работы и предлагаемой ими теории является бесспорно поучительным.

Цена книги слишком высока, что вряд ли оправдывается даже небольшим тиражом книги (1150), рассчитанным очевидно лишь на ограниченный круг специалистов, и, может быть, и лиц, интересующихся нефтяными проблемами вообще.

А. С-ль.

„За реконструкцию сельского хозяйства“. Ежемесячный орган Наркомзема Узбекской ССР №№ 1,2 за 1929 г., Самарканд.

Вопросам экономики, техники и плановой реконструкции сельского хозяйства в Средней Азии значительное внимание уделяется, помимо старого (8-летнего) журнала „Хлопковое дело“, издающегося в Москве, целым рядом местных журналов („Народное Хозяйство Средней Азии“, „Вестник Ирригации“, отчасти „Туркменоведение“, а также журнал „За партию“ — орган Средне-Азиатского бюро ЦКВКП (б), в котором почти систематически помещаются статьи с обобщениями и теоретическим анализом условий реконструкции и социалистического строительства сельского хозяйства в Средней Азии). В виду огромной значимости сельского хозяйства во всем народном хозяйстве Средней Азии и сложности задач реконструкции его, естественно, напрашивается мысль о необходимости в настоящий период осуществления „плана великих работ“ (пятилетки), концентрации сил и средств, посвященных вопросам сельского хозяйства Средней Азии и до сего времени распыленных по разным журналам, вокруг одного солидного Средне-Азиатского журнала по сельскому хозяйству.

Однако, идея издания такого среднеазиатского сельскохозяйственного журнала полностью в жизнь еще не воплотилась, даже если принять со вниманием рецензируемый журнал „За реконструкцию сельского хозяйства“.

Общее представление о характере и содержании нового журнала „За реконструкцию сельского хозяйства“ дает беглый перечень статей, помещенных в обоих рецензируемых номерах; их можно разбить на 4 категории: 1) статьи руководящего характера, намечающие принципиальные линии развития сельского хозяйства в Узбекистане — и их немного; 2) ответственные статьи по основным — ведущим звеньям сельского хозяйства — кооперации, колхозному строительству и землеустройству, — при чем удельный вес такого рода статей также невелик; 3) статьи чисто агрикультурного и технического характера, содержание которых занимает не менее двух третей об'ема журнала и, наконец, 4) статьи библиографического характера. При общем обзоре статей в обоих номерах обращает внимание отсутствие статей по организационным вопросам, вопросам водопользования и ирригации, на которую государством тратятся колоссальные суммы, вопросам машинизации и подготовки кадров агроперсонала

и т. д.; также бросается в глаза отсутствие связи с работами научно-исследовательских учреждений.

Если вынести за скобки две небольшие официальные вводные статьи тов. Бурнашева „О перспективах развития сельского хозяйства Узбекистана“ и „Нам дозарезу нужен земельно-водный кодекс“,— в который руководитель Узбекского Наркомзема совершенно правильно, в духе постановлений XVI партконференции, определяет задачи реконструкции сельского хозяйства Узбекистана, то можно, назвать всего несколько статей (Н. Иванова — „Сельскохозяйственное районирование Узбекистана“, А. Давыдова „О кооперативной системе в нашем сельском хозяйстве“, П. Банатова — „Землеустройство, его цели и задачи на ближайший период“, Н. Кузнецова — „Географическая сторона реконструкции сельского хозяйства“), которые должны быть выделены.

В интересно задуманной статье Н. Иванова „О сельскохозяйственном районировании Узбекистана“, в которой подчеркивается важность и неотложность сельскохозяйственного районирования, автор довольно подробно останавливается на вопросах методики сельскохозяйственного районирования. Изложив методы районирования проф. Черданцева, Студенецкого и Кажанова, автор подчеркивает, что в силу разных соображений (главным образом, по мотивам технического характера и простоты выработки целесообразной системы мероприятий по развитию определенной отрасли хозяйства) Наркомзем Узбекистана остановился на методе районирования проф. Кажанова, как наиболее применимом в условиях республики, и заключающегося в том, что все элементы, характеризующие хозяйственный тип, выражаются в относительных цифрах (в процентах культур, количестве скота на 100 га посевов и проч.) и выписываются на ленту (по единицам районирования — сельсовет).

К сожалению, состояние начатых Наркоземом работ по сельскохозяйственному районированию не позволило автору иллюстрировать результаты, а также степень пригодности метода проф. Кажанова для сельскохозяйственного районирования Узбекистана.

Близкая по теме с предыдущей статьей, статья Н. Кузнецова — „Географическая сторона проблемы реконструкции сельского хозяйства“— пытается привлечь внимание читателя к неиспользованным производительным силам Узбекистана и возможностям отдельных его районов специализироваться на целом ряде модных культур: чае, какао, кофе, кока (для добывания кокаина), южно-американских бататах, сахарном тростнике и других видах экзотической флоры, а также на испытанных уже в Средней Азии сое, китайских орехах (врахис) и проч.

Автор следующей принципиальной статьи — „О целях и задачах землеустройства в Узбекистане на ближайший период“ — считает, что задача землеустройства в настоящий период будет сводиться — на ряду с организацией колхозов—к созданию таких переходных хозяйственных форм, которые в будущем обеспечивали бы безболезненный переход к высшим хозяйственным формам — колхозам и такой переходной формой, по его мнению, должно явиться земельно-водное общество оптимальных размеров. В соответствии с директивами высших органов, планом землеустройства предусматривается, что распределение земель должно производиться на основе классового принципа, то-есть, что колхозам, бедноте и совхозам землеустройство должно быть проведено в выборочном порядке (при обязательности сплошного землеустройства) и им предоставлены такие участки, которые в качественном и хозяйственном отношениях должны быть наиболее выгодны для освоения. Исходя из правильного положения о том, что основной задачей землеустройства в наших условиях должно явиться создание земельных обществ и колхозов оптимальных размеров и борьба, с участково-подворной формой землепользования в Узбекистане, автор, к сожалению, совершенно не выявил своего отношения ни к методам освоения массивов нового орошения, ни к вопросу об оптимальных размерах крупных колхозов и о методах землеустройства кустующихся мелких колхозов.

В остро написанной статье — „О кооперативной системе в нашем сельском хозяйстве“ автор ее, А. Давыдов, указывая на бесплановое размещение кооперации в Узбекской деревне, выступает с проектом полной реконструкции системы построения специальных видов кооперации, находя, что в условиях Узбекистана создано излишнее количество специальных ширкотов (низовых кооперативов), в соответствии с видами специальной кооперации (хлопководческой, садово-виноградной, животноводческой, сельскохозяйственной, кредитной, мелиоративной и колхозной) и неправильно понимается роль специального кооператива в кишлаке. Специальная кооперация, вместо того, чтобы обслуживать хлопководческое, садовое, рисовое и проч. хозяйства, в настоящее время обслуживает хлопок, сады, рис. В результате дифференциации кооперативной работы получается чрезмерное распыление организации сбыта, снабжения кооперированного дехканства, слабое агропроизводственное воздействие на дехканское сельское хозяйство, а также недостаточная нагрузка созданных специальных товариществ по слабо развитым отраслям хозяйства.

Указанная статья дает интересный конкретный материал, иллюстрирующий недочеты организации и работы отдельных видов специальной кооперации в Узбекистане, чрезвычайно нецелесообразное распыление средств населения, неувязку целевого кредитования с авансированием, контрактацией и наличие совершенно нездоровой конкуренции специальных видов кооперации во взаимоотношениях их с пайщиками. Но не следует забывать, что специализация кооперативной работы в полной мере соответствует современной экономике нашего сельского хозяйства вообще, а тем более специально хлопководческих районов; кроме того, предлагая свой проект построения в сельскохозяйственных районах единого специального ширкота (кооператива) в интересах производственного воздействия на дехканское хозяйство в целом и уничтожения конкуренции в деле заготовок и снабжения пайщиков, автор совершенно забывает, во-первых, что производственное кооперирование имеет своей целью в наших условиях, прежде всего, массовое переустройство сельского хозяйства на социалистических началах (а не только гармоническое развитие индивидуального хозяйства и техническую его реконструкцию) и обслуживание бедняцко-середняцких слоев деревни, с проведением особых мероприятий по поднятию бедняцких хозяйств и по содействию об'единению бедноты в производственные коллективы, а, во-вторых, что, подойдя в настоящее время путем системы контрактации, мы, тем самым, ближе, вплотную подошли к организованному производству и кооперированию в целых отраслях сельского хозяйства по государственному плану, к планомерной реконструкции сельского хозяйства, на основе более высокой техники.

В статье Серапихского довольно правильно ставится вопрос об условиях плановой агроработы по переустройству сельского хозяйства данного района. Автор считает наиболее правильным для осуществления задач агрообслуживания населения распределение труда между агроперсоналом различных организаций: земорганов, кооперации и колхозсистемы.

Прямым дополнением к предыдущей статье является статья И. Кортева о массовой работе по ликвидации агрономической неграмотности в узбекской деревне. Автор выдвигает вопрос о широкой агроучебе деревенского актива с таким расчетом, чтобы не получилось разрыва между мероприятиями, рекомендуемыми агроперсоналом по поднятию массовой урожайности и подготовленностью деревни к их осуществлению, и предлагает для этой цели подробно разработанную программу.

В ряде статей И. Карпова и Н. Дмитриева приводятся некоторые данные о результатах опытов Катта-Курганской сельскохозяйственной опытной станции со способами посева и культуры богарной пшеницы.

Единственная статья С. Стренкова, помещенная в №№ 1 и 2 журнала, по культуре хлопка — этой основы полеводства Узбекистана — представляет интерес в том отношении, что дает некоторое представление об эффективности рациональных поливов хлопка по сравнению с принятыми в практике туземного хозяйства разных районов Узбекистана поливами (Самаркандском, Бухарском, Кашка-Дарьинском и Зеравшанском); из приведенных в статье цифровых данных из опытов в 1928 г. (кстати сказать, в ряде случаев, несравнимых, благодаря плохой методики опытов) видно, что применение рационального полива хлопка дает увеличение сырца на 13—14% при рядовом посеве и на 6—7% при разбросном посеве хлопка.

В статье Александрова о виноградарстве небезинтересно отметить, что по приводимым автором данным продукция виноградарства и садоводства Узбекистана, несмотря на идеальные природные условия для развития здесь этих отраслей, находится в вопиющем противоречии не только с требованиями внутреннего и внешнего рынков, но и с потребностями населения самой Средней Азии: оказывается, что фруктов на жителя Средней Азии приходится меньше, чем на горожанина СССР, а последний в свою очередь потребляет их в 2,5 раза меньше, чем жители городов С. А.С.Ш.

В статье „Наши задачи в области крупного рогатого скота“, в которой автор — С. Давыдов — пытается установить, какие культурные породы молочного скота наиболее подходящи для массового разведения в Узбекистане, основываясь на опыте Америки, Японии и, отчасти, некоторых Туркестанских районов (бунгульский скот в Голодной Степи), автор считает, что в основу развития молочного скота в Узбекистане должны быть положены завозные культурные породы молочного скота, как дающие в несколько раз большие удои молока, чем местный примитивный скот (отродье индийского зебу), при чем наиболее подходящие для Узбекистана, чем рекомендуемые красная немецкая и швицкая породы.

Однако, поскольку результаты работ опытных станций по изучению вопросов метизации местного скота с культурными породами — могут быть даны не ранее, как через 5 лет,—автор полагает, что для производства молочных продуктов, в которых столь велика нужда вообще в городах Средней Азии, целесообразно теперь же, не дожидаясь конца этих опытов, организовать близь больших городов Средней Азии колхозные молочные фермы.

Последняя статья в журнале по животноводству касается разведения каракуль-

левой овцы в Узбекистане. Автор этой статьи К. Арасимович дает, на основании данных экономического обследования каракулеводства НКЗема Узбекской ССР в 1927 году, весьма обстоятельную характеристику современного положения каракулеводства в Узбекистане.

В заключение приходится сказать, что прекрасное намерение, выраженное в передовой статье, создать максимум согласованности в понимании принципиальной линии по вопросу о реконструкции сельского хозяйства Узбекистана — далеко не оправдалось. С другой же стороны, теоретически, журнал оказывается слабо вооруженным. Наиболее актуальные проблемы реконструкции сельского хозяйства не получили в нем своего надлежащего освещения. Из этого можно сделать один вывод; если редакция журнала не намерена оставить его на грани сухого ведомственного издания, а всерьез и надолго концентрировать все силы и средства на разрешении очередных боевых задач в области реконструкции сельского хозяйства Узбекистана, то ей придется, по нашему мнению, подумать об об'единении своих сил с назревающим новым периодическим журналом, который на подобие „Народного хозяйства Средней Азии“ должен освещать важнейшие вопросы сельского хозяйства в масштабе Средне-Азиатских республик.

М. Бушуев.

Г. Сраговичъ

Библиография плановой литературы[1]

III. Планирование промышленности

1. Методология и общие вопросы

77. Каменькович, Ю. С., Анализ баланса и промфинплан. Как проанализировать отчет за истекший период и составить оперативно-финансовый план на предстоящий период.— Л. „Наука и Школа“. 1928. 124 стр.

78. Лакин, Г. В. Как организовано управление промышленностью СССР. С предисл. А. М. Постникова. — М. „Техника управления“. 1929. 90 стр.

См. гл. 6. „Общее планирование промышленности“ 70—82.

79. Советское промышленное право. Очерки. Под ред. В. Н. Манцева и А. А. Шнеерова. Планирование промышленности. Тресты. Синдикаты. Акционерные общества. Генеральные договоры. — М. Гостехиздат, 1929. 208 стр.

Вопросам планирования промышленности посвящены следующие статьи: Аскиназ, С. И. „Правовые формы планирования промышленности СССР“. Фрадкин, М. М. „Правовая практика генеральных договоров“.

80. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Указания по заполнению форм пятилетнего плана 1928/29—1932/33 гг.— М. (Б. г.) 11 стр. Без тит. листа и обложки. Перед загл. „Издание официальное“.

2 Годовые планы

81. Азербайджанская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Промышленность Азербайджана по контрольным цифрам на 1928/29—г. Баку. ВСНХ АССР. 1928. 56 стр.

82. Промышленность СССР. К IV с'езду советов (материалы к докладу Председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева).— М. „Правда“ и „Беднота“. 1927 103 стр.

В книжке затрагиваются и вопросы планирования промышленности. Дан также перечень строящихся и проектируемых заводов и пр. по планируемой промышленности ВСНХ, включенный в промплан на 1927/28 год.

83. Украинская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Контрольні цифри розвитку українськоі промисловости на 1928/29 рік. Тези доповіди голови ВРНГ т. К. В. Сухомліна на IV сесіі ВУЦВК“у X скликания.—Харьков. „Техкнига“, 1928. 102, (2) стр.

84. Украинская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Дотаткові таблиці до контрольних цифр Українскоі промисловости на 1928/29 рік.— Харьков. „Техкнига“. (1928). 20 стр. Без тит. листа.

3. Перспективные планы

85. Азербайджанская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Промышленность Азербайджана в плане пятилетия 1928/29—1932/33 гг.— Баку. ВСНХ АССР. 11, 61 стр.

86. Белорусская ССР. Высший совет Народного Хозяйства. Промышленность БССР. Итоги и перспективы. (Предисл. С. Б. Карп). К годовщине десятилетия БССР — Минск. ВСНХ БССР. 1928. 126, 372, (4), стр. + 19 стр. фот., табл., диагр.

Книга состоит из трех отделов. Отд. I— Итоги и перспективы всей промышленности БССР. Отд. II — Итоги и перспективы отдельных отраслей промышленности. Отд. III — Приложения (список предприятий подведомственных ВСНХБ, балансы трестов и пр.). В отношении перспектив промышленности приводятся контрольные цифры ВСНХБ на пятилетие 1927/28—1932/33 гг.

87. Владивостокский Окружной С'езд Профессиональных Союзов, 3-й. Владивосток. 1928. Материалы к докладу т. Богданова на Окружном С'езде Профсоюзов. К пятилетнему плану на 1928/29—1932/33 гг. по Владивостокской окружной промышленности. — Владивосток. 1928. 16 стр. Без тит. листа и обложки.

88. Всесоюзный С'езд Профессиональных Союзов, VIII. Москва. 10 – 24 декабря 1928. Стенографический отчет. — М. 1928. Бюллетень № 1—12. Доклад В. В. Куйбышева „Пятилетний план развития (промышленности) и очередные задачи народного хозяйства“. Бюл. № 11, 125—154 стр. Прения.— Бюл. № 10, 76 — 125 стр. Бюл. № 11, 3—34 стр. Резолюция о контрольных цифрах пятилетнего плана (промышленности). Бюл. № 12, стр. 61—66.

89. Корнев, В., Новицкий, С., Лебедев, К., Пятилетний план развития Сибирской промышленности. 1928/29—1932/33 гг. (Сборник статей). — Новосибирск. Сибплан. 1928. 36 стр. (Труды Сиб. Краев. Плановой Комиссии по перспективному планированию. Вып. III).

90. Ленинградская Область. Совет Народного Хозяйства. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности Ленинградской Области на 1928/29 — 1932/33 гг.—Л. 1929. 212 стр. На правах рукописи.

91. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Материалы к докладу В. В. Куйбышева о пятилетнем плане развития промышленности. — М. „Торгово-Промышленная газета“. 1928. 31 стр. + 1 вкл. л. табл. (К VIII Всесоюзному С'езду Профсоюзов“).

92. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности СССР на 1928/29—1932/33 гг. Доклад Госплану СССР. Ч. 1—2 и таблицы.—М. Декабрь 1928. На правах рукописи. Напечатано на пиш. машине и стеклографировано.

Ч. I 1. Введение. 2. Проблема технической реконструкции. 3. Перспективы рационализации промышленности. 4. Производство. 5. Труд. 6. Культура и быт.— Разд. паг. (177 стр.).

Ч. II 1. Сельскохозяйственное сырье. 2. Себестоимость промышленных изделий. 3. Политика цен. 4. Топливоснабжение. 5. Электроснабжение. 6. Капитальные работы. 7. Организация промышленного строительства. 8. Финансовые проблемы. 9. Промышленность Союзных Республик. 10. Кустарная промышленность. — Разд. паг. (169 стр.).

Таблицы. — 40 табл.

4. Машиностроительная промышленность

93. Всесоюзная Конвенция сельскохозяйственной машиностроительной промышленности. Собрание уполномоченных. Москва. 1928. Перспективы пятилетнего развития с.-х. машиностроения СССР. Материалы к Собранию уполномоченных Сельмашконвенции 12—15 июня 1928 года. — М. НТУ ВСНХ СССР. 1928. 60, (3) стр. (ВСНХ СССР. Всесоюзная Конвенция сел.-хоз. машиностроительной промышленности „Сельмашконвенция“).

94. Гос. институт по проектированию новых металлических заводов. Ленинград. Отдел Проектирования судостроительных верфей. Ориентировочная программа судостроения на период до 1941 года. — М. Моск. Отд. Гос. инст-та по проектиров. новых металлич. заводов. 1929. 66 стр. + 1 л. табл. (Материалы к проектированию судостроительных верфей. Вып. 1). (Государственный институт по проектированию новых металлических заводов „Гипромез“. Отд. проектирования судостроительных верфей).

95. „Уралсельмаш, трест. Свердловск. Ориентировочный план развития сельскохозяйственного машиностроения по заводам Уралсельмаш с 1927/28 по 1932/33 операц. год (оценка продукции по продажным ценам). — Свердловск. Уралсельмаш. 1928. 31 стр. На обложке загл. „Об'яснительная записка к плану развития сельмашстроения по заводам Уралсельмаша с 1927/28 по 1932/33 гг“.

5. Металлопромышленность

96. Белорусский государственный трест металлообрабатывающей промышленности. Проект пятилетнего плана развития металлопромышленности Белоруссии 1928/29—1932/33 гг.—Минск. 1928. 14 стр. Без тит. листа. Описано по обложке.

97. Союз рабочих металлистов СССР, Центральный комитет и журнал „Металл“. Контрольные цифры пятилетнего плана металлопромышленности на 1928/29 — 1932/33 гг. — М. ЦК ВСРМ и журн. „Металл“. 1929. 96 стр.

Во исполнение приказа Предс. ВСНХ СССР и Президиума ВЦСПС настоящей брошюрой ставятся на коллективное обсуждение профсоюзных масс вопросы пятилетки металлопромышленности.

---

[1] Продолжение. См. „Плановое Хозяйство“, № 6, 1929 г.

98. Уральский горно-металлургический трест („Уралмет"), Свердловск. Проект контрольных цифр пятилетнего плана развития предприятий треста „Уралмет" 1928/29—1932/33 гг. — Свердловск. „Уралмет." 1928. 118, 129, (2) стр. + 7 л. прил.

99. Уральский горно-металлургический трест („Уралмет"). Свердловск. Итоги работы треста „Уралмет" за 1927/28 год и перспективы на 1928/29 г.—Свердловск. „Уралмет". 1929. 54 стр. На правах рукописи.

100. „Уралцветмет", трест. Свердловск. 5-тилетний план развития предприятий „Уралцветмета" 1928/29—1932/33 гг.—Свердловск. „Уралцветмет". 1928. 26 стр. На правах рукописи. Без тит. листа. Описано по обложке.

6. Пищевая промышленность

101. Сахаротрест. Правление. Материалы к контрольным цифрам пятилетнего плана развития сахарной промышленности. — М. НТУ ВСНХ СССР. 1928. 176, (1) стр.

102. Сахаротрест. Правление. Промышленно-финансовый план Сахаротреста на 1928 год.—М. Правл. Сахаротреста. 1928. 84 стр. На правах рукописи.

103. Султанов, Гамид. Маслобойная промышленность и ее перспективы в Азербайджане. — Баку. О-во обследования и изучения Азербайджана. 1928. 33 стр. с илл. (Труды О-ва обследования и изучения Азербайджана. № 13).

7. Полиграфическая промышленность

104. „Харьков-печать", трест. Харьков. Проект контрольных цифр на 1928/29 хоз. год. — Харьков. 1928. 19 стр.

8. Промышленность стройматериалов

105. Всесоюзный с'езд промышленности строительных материалов, 3-й и расширенное групповое совещание по производству кр. кирпича. Москва. 1925. Протоколы и резолюции III Всесоюзного с'езда промышленности строительных материалов и расширенного группового совещания по производству кр. кирпича при Стромбюро. — М. Стромбюро. 1925. 70 стр.

См. резолюцию по докладам—М. И. Кириллова: „Состояние промышленности строительных материалов и ее перспективы в связи с общей кон'юнктурой сбыта" и Л. Н. Бернацкого: „Строительные материалы в связи с планом строительства".

106. Всесоюзный с'езд промышленности строительных материалов, IV Москва. 1926. Труды IV Всесоюзного С'езда промышленности строительных материалов. — М.—Л. Центр. Управл. Печати ВСНХ СССР. 1926. 96 стр. (Стромбюро ВСНХ СССР). На правах рукописи.

См. следующие доклады: П. Е. Аппак—„Перспективы восстановления и развития кирпичной промышленности с 1926—1930 гг."—стр. 59. И. М. Самсонов—„О перспективах финансирования кирпичной промышленности"—стр. 60. М. В. Ченцов—„Потребность СССР в огнеупорных материалах на пятилетие 1925/26—1929/30 г. и перспективы ее удовлетворения продукцией советского строительства"—стр. 86.

107. Всероссийский с'езд промышленности строительных материалов, 5-й. Москва. Труды V Всероссийского с'езда промышленности строительных материалов и краткие данные о состоянии промышленности строительных материалов.— М. Совет с'ездов промышл. строит. материалов. ВСНХ РСФСР. 1928. 207, (3) стр. (Стромсовет ВСНХ РСФСР).

Из содержания: „Пятилетний план развития промышленности строительных материалов", доклад С. И. Копейкина, стр. 13—20. „Финансирование капитального и нового строительства промышленности стройматериалов на пятилетке", доклад инж. В. И. Обозненко и содоклад тов. Сазонова, стр. 20—22. „Состояние исследованности месторождений цементного и керамического сырья и пятилетняя программа Геологического Комитета", доклад проф. С. Ф. Малявкина, стр. 41—42.

9. Топливная промышленность

108. Грузинская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Ткварчельская комиссия. Известия Ткварчельской комиссии. Вып. III. Ноябрь 1928. — Тифлис. Ткварчельская комиссия. 1928. VI, 282, (1) стр. + 5 л. прил.

Настоящий вып. „Известий" является пятилетним планом строительства Ткварчельского предприятия и экономической запиской к плану.

109. Ломов, Г. И. „Наши ближайшие задачи в Донбассе."—Харьков. Донуголь. 1928. 42 стр. (Донской государственный каменноугольный трест „Донуголь". Научно-издательское бюро).

Коснувшись вкратце вопроса о выполнении „Донуглем" задач, поставленных перед ним апрельским пленумом ЦК ВКП (1928 г.), автор переходит к характеристике задач „Донугля" в области производственной деятельности. Подчеркивает важность выполнения производственного плана 1928/29 г. Для обеспечения страны топливом на ближайшее пяти-и десятилетие необходимо форсировать новое шахтное строительство. Необходима механизация и рационализация производства.

С. Линецкая

К вопросу о методологии исчисления крестьянских индексов[1]

По методологии крестьянских индексов имеется еще много неразрешенных вопросов, ждущих своей проработки. Большое место среди них занимает вопрос о подборе и построении весов для исчисления индексов цен, отчуждаемых и приобретаемых крестьянством товаров. До сих пор роль весов при построении крестьянских индексов несколько недооценивалась. Главное внимание было обращено на цены и их движение. Веса же занимали место второстепенное и определяли удельное значение цены отдельных товаров лишь в чрезвычайно грубых пределах. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что веса товаров исчислялись по старым обследованиям и сохранялись в течение ряда лет, независимо от изменения экономической конъюнктуры.

Некоторое значение в этом вопросе имел, несомненно, недостаток статистических материалов, могущих лечь в основу построения весов. Но центр тяжести был не в этом, а в недооценке значения изменения весов.

Такой подход к роли весов при исчислении индексов цен вообще, а в крестьянском индексе особенно, по существу неправилен. Цена товара тесно связана с количеством его на рынке. Придавая неточные (несоответствующие характеризуемому моменту) веса товарам, мы, несомненно, извращаем величину индекса. Особенно это существенно для последних лет, когда, благодаря усиленному темпу жизни и экономическим сдвигам, имевшим у нас место, характер рыночного оборота страны претерпел большую ломку и значительно менялся во времени, что, конечно, не могло улавливаться неподвижными в течение ряда лет весами. С течением времени индексы, строящиеся по неподвижным весам, все дальше и дальше отходили от действительности.

Особую актуальность вопрос о правильном подборе весов приобретает, как уже сказано, при построении крестьянского индекса. Крестьянский индекс по характеру и задачам, которые ему ставятся, значительно сложнее простого индекса цен и потому среди прочих индексов он занимает особое место.

Если при построении индексов оптовых и розничных цен, главной задачей является изучение динамики цен как таковых, то в крестьянском индексе центр тяжести переносится с изучения цен на изучение рыночных отношений, в которые вовлечено крестьянство, как производитель сельскохозяйственных товаров и потребитель промтоваров. Какие бы частные задачи не ставились крестьянским индексом, как бы они не различались по содержанию и широте, во всех случаях целью изучения являются не самые цены, а общая конъюнктура сельского рынка. Характер же сельского оборота находится в тесной зависимости с количеством и составом товарной продукции, выбрасываемой на рынок в данный момент.

---

[1] В порядке постановки вопроса. *Ред.*

Сельскохозяйственное производство, по своему характеру, сильно реагирует на годовые и сезонные колебания конъюнктуры, складывающиеся для него, прежде всего, под влиянием факторов первичного характера, а затем и экономической обстановки данного года. Неблагоприятная годовая конъюнктура, например, неурожай, неблагоприятные климатические условия для сева на будущий год, неблагоприятная экономическая ситуация, политика цен и прочее прежде всего отражаются на количестве и составе сельскохозяйственной продукции и ее товарной части.

В таком же, приблизительно, направлении, но значительно менее резко, отражаются на товарной массе сезонные колебания конъюнктуры. Количество же товарной массы в совокупности с прочими факторами влияют на высоту цен; в годы больших урожаев, когда на рынок выбрасывается много зерна, цены на него падают; при неурожае и недостатке зерна — повышаются. Зимой, когда молока на рынке мало, цены на него растут, весной — падают. Точно также и искусственное повышение или снижение цен на те или иные товары влияет на товарную массу, поступающую на рынок, изменяя ее количество и состав в направлении наиболее выгодном для сельскохозяйственного производителя.

С другой стороны, цены тех или других товаров, оборачивающихся на сельскохозяйственном рынке только тогда влияют на сельскохозяйственную конъюнктуру, если роль их в обороте более или менее значительна. В годы, когда на рынке нет зерна, высокие цены на зерно не могут улучшить сельскохозяйственной конъюнктуры.

Поскольку крестьянский индекс должен отразить движение цен, оборачивающихся на сельском рынке товаров в их совокупности, необходимо, чтобы значение отдельных товаров было им точно взвешено и учтено.

Вот эта тесная взаимная зависимость между объемом и составом крестьянского оборота и ценами, навела нас на мысль, что при построении крестьянского индекса необходимо возможно ближе держаться фактического строения крестьянского рынка, т.-е. получать веса для индекса по рыночному обороту того момента, к которому относятся изучаемые цены.

В целях проработки этого вопроса мы исчислили по Одесскому округу крестьянские индексы за пять лет: 1923/24, 1924/25, 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг., меняя при этом веса таким образом, чтобы выявить их влияние на индекс.

Материалом для построения весов за первые три года послужил рыночный оборот крестьянских хозяйств по монографическим бюджетным обследованиям этих лет, а для 1926/27, 1927/28 гг. рыночный оборот по бюджетно-счетоводным записям и приходо-расходным листкам добровольных корреспондентов.

Задачи, которые мы ставили себе при построении крестьянского индекса можно, в общих чертах, формулировать таким образом:

1) Получение показателя, характеризующего динамику покупательной силы сельскохозяйственных товаров и, в связи с этим, степень выгодности вовлечения крестьянства, как производителя этих товаров в общий рыночный оборот страны.

2) Выяснение влияния рыночной конъюнктуры на изменение направления крестьянского хозяйства и, в частности, на строение товарной части сельскохозяйственной продукции.

Содержание исчисляемого индекса таково:

1) Индекс продаваемых продуктов сельского хозяйства общий и по группам продуктов объединенных по отраслям хозяйства.

2) Индекс покупаемых продуктов сельского хозяйства общий и по группам продуктов.

3) Индексы покупаемых продуктов промышленности общий и групповые.

4) Отношение индексов отчуждения сельскохозяйственных товаров к индексу покупаемых промтоваров.

За базу были приняты годовые цены 1913 г. Исчислялся индекс методом геометрической средней их относительных величин. Веса для индексов отчуждаемых товаров исчислялись и по валовому и по чистому отчуждению, соответственно чему и строились два параллельных индекса цен.

В виду того, что в литературе исчисление весов по валовому и чистому отчуждению вызывает возражения, мы хотим сказать по этому поводу несколько слов. Мы считаем, что сельскохозяйственная конъюнктура и, в частности, покупательная сила сельскохозяйственных товаров не может характеризоваться только валовым отчуждением. Вопрос о смычке города с деревней, о выгодности вовлечения крестьянства в общий товарооборот страны, наконец, пресловутые «ножницы» значительно больше выявляются индексом чистого отчуждения, чем валового, так как именно чистое отчуждение и представляет ту товарную массу, которая выбрасывается крестьянством на вне крестьянский рынок, в обмен на продукты промышленности.

В издании ЦСУ Союза «Движение цен», выпуск 13 и 14 в статье т. Зеленко, против введения весов по чистому отчуждению выдвигаются соображения о том, что этот метод затушевывает внутренние процессы, происходящие в различных социально-экономических группах крестьянства, и последнее, таким образом рассматривается «как одно целое» между тем, как продажа и покупка сельскохозяйственных продуктов может распределяться по группам крестьянства таким образом, что одни группы только продают какой-нибудь продукт, другие только покупают; наконец, одни и те же группы в одни сезоны продают, в другие покупают.

Несомненно, конечно, что нельзя рассматривать крестьянство, как одно целое. Это в равной мере относится и к чистому, и к валовому отчуждению крестьянского хозяйства и вообще ко всем выводам, которые делаются по отношению к большому отрезку времени, большой территории и большой группы населения. Чем большей дифференциации подвергается изучаемое явление, тем естественнее, менее условны и более точны делаемые выводы. Поэтому для получения более точных весов и индексов, необходимо дифференцировать их по отдельным сезонам сельскохозяйственного года, по однородным экономическим районам, по социально-экономическим группам, а также и по валовому и чистому отчуждению, не ограничиваясь каким-либо одним из них. Все эти вопросы уже стоят на очереди, но пока по тем или иным обстоятельствам крестьянский индекс строится не столь дифференцированно, а дкя крестьянства целиком, без подразделения на группы, сезоны и пр., мы не видим необходимости отказываться от индексов чистого отчуждения, ибо они не только не страдают большей условностью, по сравнению с индексами валового отчуждения, но в некоторых вопросах, несомненно, вернее отражают экономическую конъюнктуру.

Индекс по приобретению сельскохозяйственных продуктов исчислялся нами только по валовому приобретению. Делалось это из тех соображений, что приобретение крестьянством сельскохозяйственных продуктов в Одесском округе, как районе производящем — незначительно и потому сальдо приобретения выражается отрицательной величиной.

Технически мы исчисляли веса для индексов таким образом: рыночный оборот обследованных хозяйств подсчитывался по 5 посевным группам, представляющим сжатую группировку весенних опросов. Полученные данные по каждой посевной группе умножались на число хозяйств в этой группе по весеннему опросу соответствующего года. «Обобщенные» таким образом, цифры по посевным группам суммировались в окружные данные и по этим взвешенным данным исчислялись валовые веса отчуждаемых и приобретае-

мых товаров, а по сальдо отчуждения и приобретения — чистые веса отчуждаемых товаров.

После этих замечаний мы можем уже перейти к основной теме нашей статьи — к вопросу о значении постоянных и переменных весов для исчисления индексов крестьянского товарооборота.

Изменение весов по годам

До настоящего времени при исчислении крестьянских индексов веса обыкновенно выводились по рыночному обороту одного из предшествовавших лет, и, как уже было указано выше, будучи раз вычислены, не менялись затем в течение нескольких лет. В связи с этим, нас прежде всего, заинтересовал вопрос о том, как меняется состав рыночного оборота крестьянских хозяйств,— или «веса» их по годам, и в какой связи находятся эти веса с конъюнктурой года.

В таблице 1 (стр. 309) приведены весы отчуждения сельскохозяйственных продуктов крестьянством Одесского округа за последние 5 лет.

Как видно из этой таблицы, колебание весов по годам чрезвычайно, велико. Основной продукт отчуждения Одесского округа — зерно дает колебание веса от 14 до 64%, по валовому отчуждению и от 7 до 70% по чистому. Резкие скачки дают и продукты животноводства и реализация живого скота.

Такое значительное изменение состава рыночного оборота по годам находится в зависимости, главным образом, от изменения размера и состава зерновой продукции приведенных лет. В условиях южной засушливой полосы пестрота урожаев стала почти нормальным явлением. При зерновом же направлении хозяйства колебания урожаев очень сильно влияют на состав товарной части продукции. Это вполне подтверждается анализом сельскохозяйственной конъюнктуры указанных лет.

В 1923/24 г., на Одессщине был первый, за время революции, высокий урожай. Крестьянство после неурожайных и во всех прочих отношениях неблагоприятных предшествующих лет, особенно после голодного 1921 г., начало восстанавливать свое хозяйство. На рынок выбрасывалось зерно и частью продукты животноводства (поскольку позволил численно сильно сократившийся продуктивный скот). Живой скот реализовался в минимуме. Его наоборот покупали для восстановления стада.

В 1924/25 г. урожай был слабый, роль зерна в валовом отчуждении сельскохозяйственных продуктов падает с 64 до 41%, и в чистом — от 70 до 45%. Повышается, относительно, отчуждение продуктов животноводства и птицеводства. Реализация скота пока остается на том же уровне, что в 1923/24 г. Крестьянство всеми силами удерживает скот в хозяйстве, все еще стараясь восстановить утраченную за 1921/22 г. часть своего стада.

1925/26 г. является также годом неурожайным. Запасы зерна в виду низкого урожая предшествующего года исчерпаны и состав реализации сельскохозяйственных продуктов резко изменяется. Вес зерна в валовом отчуждении снижается с 41 на 14%, в чистом — с 45 на 7%. Реализация скота наоборот, сильно растет из-за бескормицы, вес его в валовом отчуждении с 19% повышается до 54%, а в чистом с 10 — до 45%.

1926/27 г., является годом хорошего урожая. Веса отчуждаемых товаров снова меняются: вес продуктов полеводства увеличивается, вес прочих продуктов уменьшается.

В 1927/28 г. конъюнктура для сельского хозяйства сложилась неблагоприятно во многих отношениях: во-первых — урожай был ниже среднего; во-вторых — осенью 1927 г. были чрезвычайно неблагоприятные условия для сева озимых на 1928 г., что ставило крестьянство под

угрозой неурожая и в следующем году. Это обстоятельство, усугублявшееся неблагоприятной весной, не могло не повлиять на характер реализации сельскохозяйственных продуктов. Наконец, имели влияние и низкие конвенционные цены на хлеб, и запрещение частной продажи зерна. Все эти обстоятельства опять-таки вызвали изменения весов в 1927/28 г., в направлении уменьшения веса зерна и увеличения веса продуктов животноводства.

Таблица 1

Средние годовые веса отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу

Наименование товаров	По валовому отчуждению					По чистому отчуждению				
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Рожь и суржик	8,3	3,0	1,8	3,7	0,9	8,4	3,1	—	5,2	—
Пшеница . . .	50,5	20,0	9,4	28,7	16,8	57,6	21,4	6,5	40,9	22,1
Ячмень	2,1	7,3	1,3	1,3	3,2	1,0	8,2	0,2	1,4	3,4
Кукуруза . . .	2,8	10,4	1,2	4,4	2,7	2,8	12,5	0,2	5,8	1,9
Итого зерна. . .	63,7	40,7	13,7	38,1	23,6	69,8	45,2	6,9	53,3	27,4
Подсолнух . . .	2,8	4,7	0,5	2,8	1,8	3,4	5,6	0,8	4,2	2,9
Картофель . . .	0,1	1,3	0,3	3,1	6,4	—	1,0	—	2,3	2,7
Грубые корма .	1,1	5,6	3,8	1,4	4,3	0,7	5,3	3,8	0,6	1,6
Итого продуктов полевод. и луговод.	67,7	52,3	18,3	45,4	36,1	73,9	57,1	11,5	50,4	34,6
Молоко	2,3	5,1	8,2	5,7	10,4	2,9	5,5	12,9	8,4	16,2
Молочн. прод. перв. пер. . .	8,1	12,5	10,5	4,6	4,4	9,8	15,0	16,7	6,3	6,1
Прочие продукты животноводств.	0,4	3,6	0,5	0,8	1,6	—	3,5	—	—	—
Итого продуктов животноводства	10,8	21,2	19,2	11,1	16,4	12,7	24,0	29,6	14,7	22,3
Птица	0,5	3,1	3,3	3,0	5,2	0,5	3,7	5,3	4,0	7,8
Яйца	1,8	3,9	5,4	3,4	4,8	2,2	4,8	8,6	5,0	7,4
Итого продуктов птицеводства .	2,3	7,0	8,7	6,4	10,0	2,7	8,5	13,9	9,0	15,2
Лошади	3,0	9,6	19,5	16,9	13,2	0,7	3,4	8,2	2,8	5,2
Крупн. рогат. скот	11,4	5,0	25,5	10,3	17,2	5,0	2,5	24,3	5,9	18,5
Овцы	1,1	3,3	5,2	1,6	5,3	1,0	3,7	8,3	2,2	3,2
Свиньи	3,7	1,6	3,6	8,3	1,8	4,0	0,8	4,2	5,0	1,0
Итого живого скота	19,2	19,5	53,8	37,1	37,5	10,7	10,4	45,0	15,9	27,9
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Довольно значительное колебание дают по годам и веса по приобретаемым крестьянством товарам: (см. таб. 2, стр. 310).

Итак, погодные изменения весов, по крайней мере, в условиях засушливой степной полосы несомненны. Остается выяснить, в какой степени вли-

Таблица 2

Годовые веса[1] приобретаемых крестьянством товаров по Одесскому округу

Наименование продуктов	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.[2]
Сел.-хоз. товары:					
Сырые продукты полеводства и луговодства	33,1	24,9	43,7	13,9	32,6
Мука и крупа	1,2	8,0	11,1	2,1	10,1
Прод. животноводства	8,4	11,7	7,6	13,0	17,4
Итого	42,7	44,6	62,4	29,0	60,1
Живой скот	57,3	55,4	37,6	71,0	39,9
Всего с.-х. товаров	100	100	100	100	100
Промтоваров:					
Тов. хоз. потреб.	37,5	16,9	14,2	21,2	22,0
В том числе с.-х. машин и орудий	10,7	9,5	5,3	7,8	3,4
Товар. личн. потребл.	62,5	83,1	85,8	78,8	78,0
В том числе продов. пр.	14,7	16,3	18,6	15,5	33,9
„ „ „ галантер. обувь, ма-					
Мануфактура и готовое платье	35,1	55,2	54,5	54,7	44,1
Всего промтоваров	100	100	100	100	100

яют эти изменения весов на высоту крестьянского индекса. В приводимой ниже таблице, мы исчислили годовые индексы отчуждения сельскохозяйственных продуктов по трем годам в двух вариантах для каждого года, а именно: по весам характеризуемого года и по весам предшествующего года.

Полученные индексы вполне определенно говорят о том, что введение весов другого, нехарактеризуемого года, значительно влияет на размер индексов как общих, так и групповых.

Проанализируем подробнее 1926/27 г. и установим для него причины расхождения индексов по разным весам. Мы остановились на этом годе, как на наиболее нормальном в ряду прочих лет. Для простоты будем индексы, исчисляемые по весам характеризуемого года, называть первым вариантом, а по весам прошлого года — вторым вариантом.

Общий индекс валового отчуждения по второму варианту составляет 113% индекса по первому варианту.

Из групповых индексов наибольшее расхождение наблюдается в индексах продуктов полеводства и луговодства и в живом скоте.

Объяснения расхождения индексов отчуждения как общего, так и групповых, следует искать исключительно в отрыве цен товаров от их веса, который допускается при исчислении индексов по второму варианту. Как мы уже говорили, 1926/27 г. был годом высокого урожая; продуктов полевод-

[1] В целях экономии места, веса по покупке товаров нами сокращены путем укрупнения групп.

[2] Веса приобретаемых товаров по 1927/28 г. относятся не к сроку с августа по июль, а с июля по июнь. По недостатку времени сделать пересчет было невозможно.

Таблица 3

Годовые индексы отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу

(по валовому отчуждению)

Наименование товаров	1925/26 г.			1926/27 г.			1927/28 г.		
	По весам 1925/26 г.	По весам 1924/25 г.	Прин. первые за 100	По весам 1926/27 г.	По весам 1925/26 г.	Прин. первые за 100	По весам 1927/28 г.	По весам 1926/27 г.	Прин. первые за 100
Общий индекс отчуждения	1,32	1,45	109,8	1,58	1,78	112,8	1,81	1,89	104,4
По группам:									
I. Продукты полевод. и луговодства	1,79	1,63	91,2	1,11	1,03	92,8	1,99	1,97	98,9
а) Зерно	1,72	1,65	94,9	1,06	1,05	99,0	1,99	1,99	100
II. Продукты животн. птицеводства	1,22	1,26	103,3	1,58	1,61	101,9	1,54	1,61	104,5
III. Живой скот	1,24	1,32	106,4	2,44	2,26	92,4	1,84	1,95	106,0

ства на рынке было много, и в составе отчуждаемых продуктов они занимали большее место, чем живой скот. Сообразно с увеличением товарной массы значительно снизились и цены на продукты полеводства, по сравнению с предшествующим годом. Цены же на скот, наоборот, значительно повысились, так как в связи с благоприятными условиями уменьшилось предложение и повысился спрос на скот. В общем, все это привело к тому, что индексы цен на зерно в 1926/27 г. оказались в два с лишним раза ниже индексов цен на живой скот.

В 1925/26 г., как мы знаем, конъюнктура сложилась для сельского хозяйства неблагоприятно и соотношение индексов цен на зерно и скот — точно так же, как и соотношение их весов,— было как раз обратное, вес продуктов полеводства был ниже веса живого скота, а индекс цен на зерно был выше, чем индекс на скот. При такой ситуации, придавая ценам 1926/27 г. веса 1925/26 г., т.-е. отчуждаемому зерну вместо 38,1%—13,7%, а группе живого скота вместо 37,1%— 53,8%, мы искусственно п о в ы ш а е м общий индекс отчуждения, отрывая его этим самым от действительной конъюнктуры этого года. Такое же явление наблюдается и в групповых индексах.

Извращение индексов от неправильных весов мы наблюдаем и по двум соседним годам, несмотря на то, что конъюнктура там складывается совершенно иначе.

В 1925/26 г., благодаря неурожаю, на рынок было выброшено чрезвычайно мало продуктов полеводства, в частности зерна и много живого скота, что соответственным образом повлияло на высоту цен этого года. Придавая ценам 1925/26 г. веса 1924/25 г., мы зерну вместо веса 13,7%, который увязан с ценами этого года, придаем вес в 40,7%, а живому скоту вместо 53,8 — 19,5%. Этим мы опять искусственно п о в ы ш а е м общий индекс отчуждения и неблагоприятную для сельского хозяйства конъюнктуру делаем относительно благоприятной.

Точно так же введение весов предшествующего года искусственно повышает общий индекс отчуждения в 1927/28 г., так как этим увеличи-

вается вес зерна цены которого в 1927/28 г. настолько повысились, что индекс их перегнал индекс продуктов животноводства и даже индекс живого скота.[1] Следует отметить, что влияние весов 1926/27 г. на индекс 1927/28 г., еще несколько смягчено тем обстоятельством, что разница между индексом цен на продукты полеводства и живой скот в последнем году сгладилась.

Еще резче влияние несоответствующих характеризуемому моменту весов выявляется в индексах чистого отчуждения:

Таблица 4

Годовые индексы отчуждаемых крестьянством товаров по одесскому округу

(по чистому отчуждению)

Наименование товаров	1925/26 г.			1926/27 г.			1927/28 г.		
	По весам 1925/26 г.	По весам 1924/25 г.	Прин. первые за 100	По весам 1926/27 г.	По весам 1925/26 г.	Прин. первые за 100	По весам 1927/28 г.	По весам 1926/27 г.	Прин. первые за 100
Общий индекс отчуждения	1,26	1,45	115,2	1,34	1,74	130,0	1,73	1,86	107,3
По группам:									
I. Продукты полевод. и луговодства	1,85	1,61	87,0	1,10	1,05	95,3	1,96	1,96	100,0
а) Зерно	1,82	1,65	90,8	1,06	1,11	104,8	2,00	1,99	99,5
II. Продукты животн. .	1,19	1,27	106,6	1,57	1,61	102,3	1,54	1,61	104,5
III. Живой скот . . .	1,21	1,28	107,8	2,23	2,13	95,4	1,73	1,92	110,9

Комментировать эту таблицу значило бы повторить всю сделанную выше характеристику только в еще более сильных выражениях.

Итак, приведенные нами данные о погодном изменении весов отчуждаемых и приобретаемых крестьянством товаров и о влиянии их на высоту индекса, свидетельствуют о неразрывной связи между весами и ценами сельскохозяйственных товаров, и, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что при построении крестьянских индексов веса и цены должны относиться к одному и тому же сельскохозяйственному году, и, что, следовательно, при исчислении индексов по годам веса должны соответственно меняться, а не быть неподвижными для ряда лет.

Сезонные веса

Меняясь по годам, характер сельского оборота не остается однообразным и в течение года. Влияние смены времен года, или, так называемых сезонов на рыночный оборот села сказывается, главным образом, временем массового поступления продукции отдельных отраслей в хозяйство и на рынок, и погодой, затрудняющей или благоприятствующей сообщению с рынком и определяющей виды на урожай следующего года.

Изменение сельского оборота по сезонам хорошо иллюстрируется следующими цифрами:

[1] Индекс исчислялся по взвешенным ценам кооперативным и вольного рынка. Годовая цена получалась взвешиванием цен по месяцам.

Таблица 5

Отчуждение и приобретение товаров по сезонам крестьянством Одесского округа в процентах

Наименование товаров	1926/27 г.					1927/28 г.				
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Итого за год	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Итого за год
	август—октябрь	ноябр.—январь	февр.—апрель	май—июль		август—октябрь	ноябр.—январь	февр.—апрель	май—июль	
Валов. отчужд.										
Зерно	40,0	28,9	15,9	15,2	100	51,3	19,1	25,7	3,9	100
Прод. животн. .	23,0	16,6	30,2	30,2	100	28,4	21,2	18,7	31,7	100
Живой скот . . .	17,8	47,9	15,7	18,6	100	31,7	24,2	22,6	21,5	100
Приобр. с.-х. товаров:										
Зерно	37,1	13,4	26,8	22,7	100	23,7	29,9	19,0	27,4	100
Мука и крупа . .	0,9	8,0	23,1	68,0	100	4,1	21,7	37,8	36,4	100
Прод. животн. . .	16,5	24,2	23,5	35,8	100	28,2	27,8	19,6	24,4	100
Живой скот . . .	15,0	50,4	27,6	7,0	100	21,5	31,5	29,7	17,3	100
Приобрет. промтоваров:										
Хоз. потребл. . .	23,6	12,1	15,1	49,2	100	56,7	16,3	12,6	14,4	100
Личного потребл.	27,8	26,8	25,5	19,9	100	31,5	28,8	17,8	21,9	100
В том числе мануфакт., обувь и галантер. . .	31,3	28,4	23,5	16,8	100	37,5	29,4	13,4	19,7	100

Как видно из приведенных данных, распределение отчуждаемой и приобретаемой в течение года продукции, по сезонам, неравномерно. В одном сезоне идет усиленное поступление на рынок зерновых хлебов; в другом — живого скота; в-третьем — продуктов животноводства. Точно также меняется по сезонам и характер приобретения товаров; весной и летом приобретаются хозяйственные товары; осенью мануфактура, обувь и т. д.

Конечно, количество и состав оборачивающихся на сельском рынке товаров меняется по сезонам не только под влиянием природных условий; многие другие условия, например, изменение общей экономической конъюнктуры народного хозяйства, государственные мероприятия и прочее, не являясь сезонными факторами, могут случайно прийтись на тот или иной сезон и оказать влияние на строение рынка в этом сезоне. Такие явления наблюдались в 1927/28 г., когда факторы несезонного характера (низкие конвенционные цены в связи с усилением хлебозаготовок, в последних двух сезонах, и некоторые другие условия) совершенно изменили сезонный характер отчуждения.

Так или иначе, изменения характера сельского оборота по сезонам,— влияют ли на него причины только сезонные или еще и другие факторы, в обоих случаях влекут за собой изменение удельного веса отчуждаемых и приобретаемых крестьянством товаров и цен на эти товары. Изменение соотношения товаров[1] по сезонам видно из следующего: (см. таб. 6, 7, стр. 314, 315).

[1] Сезонные веса строились по бюджетно-счетоводным записям и взвешивались по посевным группам.

Таблица 6

Сезонные веса отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу по 1926/27 г.

Наименование товаров	По валовому отчуждению					По чистому отчуждению				
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	
	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год
Рожь	5,4	2,3	3,9	3,3	3,7	5,9	3,9	6,3	3,7	5,2
Пшеница	47,9	21,6	18,5	23,4	28,7	53,9	36,8	29,2	26,5	40,9
Ячмень	0,5	1,1	3,0	1,1	1,3	0,6	1,6	3,0	0,8	1,4
Кукуруза	1,2	7,3	6,0	2,1	4,4	1,4	12,5	7,1	1,5	5,8
Итого по зернов.	55,0	32,3	31,4	29,9	38,1	61,8	54,8	45,6	32,5	53,3
Подсолнух	4,5	2,2	3,7	0,5	2,8	5,4	3,9	6,0	0,6	4,2
Прод. огородн. и бахчеводства	1,7	2,1	4,7	5,5	3,1	0,8	1,7	2,3	4,6	2,3
Грубые корма	0,3	2,1	2,2	0,8	1,4	—	2,9	—	0,2	0,6
Итого продукт. полевод. и лугов.	61,5	38,7	42,0	36,7	45,4	68,0	63,3	53,9	37,9	60,4
Молоко	1,1	1,6	11,7	13,4	5,7	1,3	2,8	19,0	15,6	8,4
Молочн. продукт. первичн. перер.	8,9	2,0	2,7	4,7	4,6	10,3	3,4	3,1	4,9	6,3
Проч. прод. животнов. без молочных	0,4	1,0	1,6	0,4	0,8	—	—	—	—	—
Итого продуктов животноводств.	10,4	4,6	16,0	18,5	11,1	11,6	6,2	22,1	20,5	14,7
Птица	2,1	3,5	2,8	3,4	3,0	2,2	5,7	3,6	3,9	4,0
Яйца	2,0	0,4	8,6	15,4	3,4	2,4	0,7	13,9	6,1	5,0
Итого продуктов птицеводства	4,1	3,9	11,4	8,8	6,4	4,6	6,4	17,5	10,0	9,0
Лошади	5,0	35,8	6,0	11,3	16,9	—	15,9	—	8,4	2,8
Крупн. рогат. скот	6,7	8,3	17,9	12,8	10,3	7,0	—	5,7	13,1	5,9
Овцы	1,7	1,9	1,0	1,6	1,6	2,1	3,1	0,8	1,9	2,2
Свиньи	10,6	6,8	5,7	10,9	8,3	6,7	5,1	—	8,2	5,0
Итого живого скота	24,0	52,8	30,6	36,0	37,1	15,8	24,1	6,5	31,6	15,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Для дальнейшего анализа влияния сезона на сельскохозяйственную конъюнктуру мы остановились на 1926/27 с.-х. годе, как на наиболее нормальном в ряде прочих лет. Приведенные нами параллельные данные для иллюстрации изменения сезонных весов по 1927/28 г., для анализа, не подходят, так как влияние сезонных факторов в этом году, как мы уже говорили, сильно затушевано рядом привходящих факторов иного порядка, нарушивших нормальное строение крестьянского рынка.

Таблица 7

Сезонные веса отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу по 1927/28 г.

Наименование товаров	По валовому отчуждению					По чистому отчуждению				
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	
	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год
Рожь	1,1	1,4	1,1	—	0,9	—	1,5	0,4	—	—
Пшеница	29,6	17,6	11,2	0,4	16,8	36,7	20,3	18,0	—	22,1
Ячмень	4,9	2,9	3,1	0,5	3,2	7,0	2,5	—	0,4	3,4
Кукуруза	0,6	5,4	4,2	1,9	2,7	0,3	4,6	4,2	—	1,9
Итого по зернов.	36,2	27,3	19,6	2,8	23,6	44,0	28,9	22,6	0,4	27,4
Подсолнух	3,5	1,6	0,9	0,3	1,8	4,8	2,5	1,4	0,4	2,9
Прод. огородн. и бахчевод.	6,7	4,2	6,1	8,3	6,4	5,5	—	—	3,8	2,7
Грубые корма	3,0	5,3	6,1	3,6	4,3	3,8	2,3	—	2,6	1,6
Итого продукт. полевод. и лугов.	49,4	38,4	32,7	15,0	36,1	58,1	33,7	24,0	7,2	34,6
Молоко	8,3	10,2	10,1	14,8	10,4	11,6	15,8	17,3	20,8	16,2
Молочн. продукт. первичн. перер.	2,9	1,0	2,3	12,8	4,4	3,2	0,8	3,0	17,9	6,1
Проч. прод. животнов. без молочных	1,4	1,9	1,2	1,8	1,6	—	—	—	—	—
Итого продуктов животноводств.	12,6	13,1	13,6	29,4	16,4	14,8	16,6	20,3	38,7	22,3
Птица	4,3	5,9	4,8	6,0	5,2	5,8	8,5	8,4	8,7	7,8
Яйца	2,9	2,3	8,1	6,7	4,8	3,9	3,6	12,8	9,8	7,4
Итого продуктов птицеводства	7,2	8,2	12,9	12,7	10,0	9,7	12,1	22,2	18,5	15,2
Лошади	16,6	5,4	15,6	12,2	13,2	3,8	—	11,2	13,4	5,2
Крупн. рогат. скот	5,6	27,6	18,4	25,9	17,2	6,0	37,0	19,9	19,4	18,5
Овцы	1,3	0,9	3,2	2,1	1,8	1,7	0,6	—	1,0	1,8
Свиньи	7,3	6,4	3,6	2,7	5,3	5,9	—	2,4	1,8	3,2
Итого живого скота	30,8	40,3	40,8	42,9	37,5	17,4	37,6	33,5	35,6	27,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

По данным 1926/27 г., состав валового отчуждения сельскохозяйственных товаров по сезонам, может быть охарактеризован таким образом.

Первый сезон: характеризуется максимальным, по сравнению с прошлым сезоном, весом реализуемого зерна, средним весом продуктов животноводства и птицеводства и низким весом живого скота.

Второй сезон: значение зерна в отчуждении падает ниже среднего за год; вес продуктов животноводства и птицеводства становится не-

значительным (период сухостоя, прекращение носкости кур); вместо них максимально возрастает вес отчуждаемого живого скота (отчуждение живого скота перед постановкой в стойла на зиму).

Третий сезон: вес зерна стоит на том же уровне, что и в предшествующем сезоне; вес прочих продуктов полеводства и грубых кормов несколько возрастает; максимально возрастает отчуждение продуктов животноводства (начало лактации и носкости кур); вес реализуемого живого скота падает ниже среднего уровня отчуждения за год.

Четвертый сезон: вес зерна, а также продуктов полеводства падает до минимума (истощение запасов к концу года); продукты животноводства стоят на том же уровне, что и в предшествующем сезоне, реализация скота, в сравнении с предшествующим периодом, возрастает.

Если от групп товаров обратиться к отдельным товарам, то колебание отчуждения их по сезонам выявится еще резче: меняется соотношение отдельных видов зерна; соотношение между молоком и продуктами его переработки и, наконец, между отдельными видами скота. Почти аналогичную картину значительного колебания по сезонам дают и веса по чистому отчуждению.

Не менее сильно сказывается влияние сезона на веса приобретаемых крестьянством товаров — одинаково как сельскохозяйственных, так и промышленных, о чем свидетельствует ниже приведенная таблица:

Таблица 8

Веса приобретаемых крестьянством товаров по сезонам 1926/27 г. [1]

Наименование товаров	Сезоны: I кв. август — октябрь	II кв. ноябрь — январь	III кв. февр. — апрель	IV кв. май — июль	Итого за год
Приобретение с.-х. товаров:					
Сырых прод. полеводства и огородничн. без грубых кормов	20,0	4,6	12,8	17,4	11,3
Грубые корма	4,0	0,9	4,2	2,6	2,6
Мука и крупа	0,1	0,4	1,7	10,3	2,1
Продукты животноводства и птицеводства	12,7	7,7	11,1	33,9	13,0
Итого продуктов сельского хозяйства	36,8	13,6	29,8	64,2	29,0
Лошади	37,4	58,8	26,8	16,0	40,3
Прочий скот	25,8	27,6	43,4	19,8	30,7
Итого скота	63,2	86,4	70,2	35,8	71,0
Всего	100	100	100	100	100
Приобретен. промтоваров:					
Промтоваров хоз. потр.	18,6	10,8	13,8	40,0	21,2
„ личн. „	81,4	89,2	86,2	60,0	78,8
В том числе обувь, мануфактура и галантерея	63,3	65,8	55,4	35,3	54,7
Всего	100	100	100	100	100

[1] Группы продуктов для таблицы укрупнены.

В общем из всех приведенных данных следует, что каждый сезон года характеризуется своим, отличным от прочих сезонов, строением крестьянского рынка и своими весами. При этом колебания сезонных весов и отклонение их от средне-годовых, довольно значительны.

Соответственно изменению характера сельского оборота по сезонам меняются и цены, отличающиеся чрезвычайной чувствительностью к изменению конъюнктуры. Во время массового поступления того, или иного продукта на рынок цены на него падают; по мере уменьшения товарной массы — они возрастают. [1]

Эти изменения цен по сезонам в Одесском округе имеют следующее количественное выражение:

Таблица 9

Средние сезонные цены 1926/27 г. в руб.

Наименование продуктов	Един. меры	I сезон	II сезон	III сезон	IV сезон	За год в средн.
Рожь	центнер	7,1	7,2	7,5	8,3	7.5
Пшеница	„	11,0	11.3	11,6	12,3	11,6
Ячмень	„	6,6	6,8	7,4	8,5	7,3
Кукуруза	„	5,6	4,6	4,8	6.1	5,3
Молоко	„	11,5	15,2	12,1	9,3	12,0
Масло	„	5,4	6,8	6,8	5,8	6,2
Яйца	дес.	0,34	0,45	0,33	0,27	0,35
Рабоч. лошадь	гол.	186,0	175,0	184,0	174,0	180,0
Корова	„	89,0	92,0	110,0	110,0	100,0

Если сопоставить динамику цен по сезонам с сезонными весами различных товаров (табл. 6, стр. 314), то между ними окажется несомненная связь.

Учитывая эти сезонные колебания весов и цен, естественно поставить вопрос, можно ли выявить сезонную конъюнктуру индексом, исчисленным по средне-годовым весам? Как-будто нет. Ведь, при наличности значительного уклонения, некоторых сезонных весов от средне-годовых, мы, пользуясь для сезона годовыми весами, также отрываем динамику цен от динамики весов, как и в том случае, если пользуемся одними весами для ряда лет. Кроме того, индексы цен, некоторых товаров, в частности для Одесского округа, зерна и живого скота — настолько резко различны по величине, что незначительное изменение их соотношения значительно влияет на высоту общего индекса: так, если индекс валового отчуждения зерна, в среднем за 1926/27 г. принять за 100, то индекс продуктов животноводства за этот год будет составлять 149%, а индекс живого скота 230%. При таком резком колебании индексов цен отдельных товаров изменение весов может, в некоторых случаях, оказать большее влияние на индекс, чем изменение цен, что и подтверждается нижеследующей таблицей.

Общие индексы по сезонам 1926/27 г., исчисленные на основании постоянных (годовых) весов и сезонных цен, дают значительно меньшие отклонения от годового индекса, чем индексы, исчисленные по сезонным весам и постоянным средне-годовым ценам, т.-е. изменение весов дает больший эффект, чем изменение цен.

Чтобы конкретно проследить влияние сезонных и годовых весов на крестьянский индекс, мы исчислили сезонные индексы за 1926/27 г., по тем и другим весам. (См. табл. 10 и 11, стр. 318).

[1] Нам могут возразить, что с введением нормированных цен государством этой зависимости не будет. Мы думаем, что связь между ценами и строением рынка останется, так как она создается и моментами производственного характера.

Таблица 10

Общий индекс отчуждения сельскохозяйственных товаров по 1926/27 г., исчисленный на основании:

Сезоны	Показатели	Постоян. годов. весов и средн. сезонных цен	Перемен. сезон. весов и средн. год. цен	Перемен. сезонных весов и средн. сезон. цен	Годов. весов и средн. годовых цен
I	Сезон. индекс	1,48	1,43	1,31	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	— 6,3	— 9,5	— 17,1	—
II	Сезон. индекс	1,57	1,79	1,74	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	— 0,6	+ 13,3	+ 9,9	—
III	Сезон. индекс	1,60	1,51	1,48	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	+ 1,3	— 4,4	— 6,3	—
IV	Сезон. индекс	1,63	1,64	1,59	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	+ 3,2	+ 3,8	+ 0,6	—
	За год	—	—	—	1,58

Остановимся в первую очередь на индексах отчуждаемых товаров.

Таблица 11

Индексы отчуждения сельскохозяйственных товаров по сезонам 1926/27 г.

Наименование индексов	Первый сезон			Второй сезон			Третий сезон			Четверт. сезон		
	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100
Индексы валового отчуждения:												
1. Общий	1,31	1,48	113,1	1,74	1,57	90,3	1,48	1,60	108,0	1,59	1,63	102,5
По группам:												
1. Прод. полевод. и лугов	1,05	1,04	99,0	1,0	1,04	104,0	1,07	1,09	102,0	1,28	1,23	96,2
а) Зерна	1,04	1,02	98,2	0,97	1,02	105,3	1,0	1,05	105,0	1,15	1,14	99,1
2. Прод. животнов. и птицеводства .	1,58	1,48	93,8	1,74	1,83	105,2	1,54	1,62	105,2	1,24	1,37	110,4
3. Живого скота . .	2,04	2,29	112,1	2,61	2,41	92,4	2,25	2,56	113,3	2,40	2,50	104,0
Индексы чист. отчуждения:												
1. Общий	1,22	1,25	102,4	1,37	1,34	97,8	1,28	1,35	105,3	1,52	1,38	90,9
2. Прод. полевод. и лугов	1,05	1,03	98,2	1,01	1,04	102,8	1,07	1,09	102,0	1,27	1,22	96,0
а) Зерно	1,04	1,02	98,1	0,98	1,02	104,1	1,02	1,05	102,9	1,16	1,15	99,1
3. Прод. животнов. и птицеводства .	1,57	1,48	94,4	1,77	1,84	104,0	1,54	1,61	104,5	1,22	1,34	110,0
4. Живого скота . .	1,80	1,99	110,1	2,76	2,21	80,1	2,02	2,37	117,0	2,35	2,33	99,1

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что индексы обоих вариантов значительно расходятся между собой.

В некоторых сезонах они выше по одному варианту, в других по другому. В общем тотальный индекс валового отчуждения по сезонам, исчисленный по годовым весам, дает отклонение от индекса, исчисленного по сезонным весам, от 2,5% до 13,1%, в ту и другую сторону.

Приблизительно такое же отклонение дает и общий индекс по чистому отчуждению от 2,2% до 9,1%.

Что касается групповых индексов, то наибольшее отклонение дают индексы по группе продуктов животноводства и живого скота, особенно, последнего.

Вышеуказанное расхождение индекса по обоим вариантам об'ясняется, конечно, влиянием весов. Остается выяснить, какой же индекс правильно отражает сезонную конъюнктуру, индекс, исчисляемый по сезонным весам или по годовым.

Чтобы исчислить для Одессщины индекс валового отчуждения сельскохозяйственных товаров, для первого сезона 1926/27 г., нам нужно вместо сезонного веса отчуждаемого зерна в 55%, взять годовой вес в 38%. Между тем, как известно, первый сезон года характеризуется не только максимальным весом зерна (осенние месяцы, когда производится массовая реализация зерновой продукции), но также и минимальными ценами на него. Так, например, весу зерна в первом сезоне в 55% соответствует цена пшеницы — 11 рублей, и ячменя — 6 руб. 60 к. за центнер (главные зерновые культуры Одессщины), а годовому весу зерна в 38% отвечает цена пшеницы в 1 р. 16 к. и ячменя — 73 коп. Придавая цене первого сезона годовой вес, мы отрываем цены от веса товаров, а следовательно, и от сельскохозяйственной конъюнктуры. Кроме того, уменьшение веса зерна с минимальным среди прочих товаров индексом увеличивает вес тех товаров, индекс которых значительно выше: продуктов животноводства и живого скота. Особенное влияние оказывает последняя группа с максимальным индексом (выше 2), вес который с 24% (вес I сезона) повышается до 37% (средний вес за год). Таким образом, введение годовых весов вместо сезонных повышает общий индекс валового отчуждения по первому сезону и, возможно, даже извращает конъюнктуру этого сезона.

Не лучше будет обстоять дело и со следующими сезонами. Например, со вторым. Второй сезон характеризуется падением веса зерна ниже среднего за год, минимальным весом отчуждаемых продуктов животноводства (конец лактации и наступление сухостоя, прекращение носки яиц), максимальными ценами на них и максимально высоким весом отчуждаемого скота. Мы же, пользуясь годовыми весами для сезонного индекса, придаем продуктам животноводства вместо 8,5% — 17,5% веса, а живому скоту вместо 53% — 37% веса. Благодаря этому во втором сезоне общий индекс валового отчуждения не будет отражать сезонной конъюнктуры: группа продуктов животноводства будет его искусственно повышать, группа живого скота — понижать, но, так как последняя группа благодаря своему высокому индексу влияет сильнее, то общий индекс по второму сезону будет искусственно снижен.

Такие же несообразности получаются и по остальным двум сезонам.

Отмеченное нами извращение сезонного индекса отчуждения при введении годовых весов, не только меняет величину самого индекса, неправильно отражая тем самым конъюнктуру сезона, но и меняет совершенно динамику индексов в течении года, что видно из следующего: (см. таб. 12 стр. 320).

Сезонные индексы, исчисленные по годовым весам, дают правильно возрастающий ряд, отражающий только движение цен. При чем это дви-

Таблица 12

Общий индекс отчуждения сельскохозяйственных продуктов по сезонам 1926/27 г. в процентах к первому сезону

Индекс отчуждения	Наименование весов	I сезон	II сезон	III сезон	IV сезон
Валовой	годовые	100	106,1	108,1	110,1
	сезонные	100	132,8	113,0	120,6
Чистый	годовые	100	107,2	108,0	110,4
	сезонные	100	112,3	104,9	123,8

жение цен складывается под влиянием динамики цен по группе полеводства и живого скота, имеющих тенденцию увеличиваться к концу года. Индексы, исчисленные по сезонным весам, дают картину совокупного изменения цен и соотношения товаров по сезонам,— их, так сказать, равнодействующую. Вот почему их изменения в году выражаются неправильным рядом, высшая точка, которого приходится на тот сезон, в котором преобладает отчуждение живого скота, имеющего максимальный индекс.

Исчисленные нами по указанным вариантам сезонные индексы приобретаемых товаров, в общем повторяют ту же картину, что и индексы отчуждения. Для краткости мы приводим ниже только общие индексы приобретаемых сель-хоз. и промышленных товаров, опуская групповые.

Таблица 13

Индексы приобретаемых товаров по сезонам 1926/27 г.

Наименование индексов	I сезон			II сезон			III сезон			IV сезон		
	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100
Инд. приобр. с.-х. товаров	1,95	2,03	104,0	2,35	2,09	89,1	2,06	2,20	106,9	1,85	2,20	119,0
Инд. приобр. промтоваров	2,40	2,32	96,8	2,32	2,24	96,6	2,05	2,07	100,9	1,77	1,84	103,9
Отношен. инд. отчужд. с.-х. товар. к индексу приобрет. промтоваров . .	0,55	0,64	118,5	0,75	0,70	93,4	0,72	0,77	106,9	0,90	0,89	99,0

Введение годовых весов в исчисление сезонных индексов, меняя размер и динамику индексов, естественно, отражается и на соотношении индексов между собой. Таким образом, годовые веса представляют нам в несколько ином свете и сезонные взаимоотношения между городом и селом.

В общем, из приведенных нами данных о влиянии сезонного изменения строения сельского рынка на размер и динамику крестьянского индекса следует, что этот индекс только тогда будет правильно отражать конъюнктуру, если он будет исчисляться по сезонным весам.

В настоящее время, когда в работе планирующих органов регулирование цен занимает такое большое место, введение переменных весов в исчисление крестьянских индексов приобретают особенную важность, так как только таким путем можно, более или менее точно, определить увязку между ценами на сельскохозяйственные продукты и промтовары и выяснить эффект их снижения для определенной части года.

Э. И. Квиринг

Предварительные замечания к контрольным цифрам 1929/30 г.

В мае 1929 г. V С'езд советов утвердил пятилетку. При прохождении разработанной Госпланом пятилетки в СНК и на С'езде советов по ряду разделов народнохозяйственного плана были приняты дополнительные задания. Прошло всего несколько месяцев со времени утверждения пятилетки, а за это время принят уже ряд дополнительных решений правительства, которые по отдельным отраслям значительно увеличивают темпы, принятые в пятилетке.

За эти месяцы рассмотрены детализованные пятилетние планы по лесному и рыбному хозяйству, по цветной металлургии, по хлопководству. По всем этим планам намечено значительное увеличение пятилетки. По цветной металлургии намечается удвоение капитальных вложений против пятилетки и полное удовлетворение к концу пятилетки потребности страны в цветных металлах советского производства.[1] По хлопководству пятилетка должна быть выполнена в четыре года, по рыбному хозяйству продукция, намеченная к 1933 г., должна быть получена в 1931 г.

Несомненно дальнейшее увеличение пятилетки будет произведено по черной металлургии, нефтедобыче, машиностроению и в частности сел.-хоз. машиностроению и тракторостроению. Для лучшего удовлетворения потребности широких масс несомненно будут повышены также отрасли легкой промышленности.

Более ускоренным темпом, чем пятилеткой намечено, совершаются также процессы коллективизации и совхозного строительства.

Словом, детальное и глубокое рассмотрение перспектив отдельных отраслей хозяйств убеждает нас не только в реальности утвержденной пятилетки, но и в том, что по целому ряду отраслей эта пятилетка будет превышена.

Однако, кроме убеждения нужны доказательства.

Наши враги, как известно, убеждены как-раз в обратном.

Неудачный герой российской, послефевральской „демократии", А. Керенский, который никак не может забыть свое кратковременное премьерство и главковерхство, 23 мая выступил на очеред-

[1] Нужно однако считать, что при общем увеличении темпов всего народного хозяйства потребности в цветных металлах также вырастут и импорт в известной части будет иметь место.

ном собрании тусклых эмигрантских „Дней“ с докладом на тему: „После XVI конференции ВКП“.

В этом докладе Керенский разделался с пятилеткой очень просто, заявив: „Я этого их плана „индустриализации промышленности“ и „машинизации сельского хозяйства“ не буду излагать, ибо ясно, что ничего из этого плана не выйдет. С практическо-хозяйственной точки зрения этот пятилетний план — сущий вздор“.

Дальше Керенский пытается об'яснить, почему именно реализация пятилетки невыполнима. Он говорит: „Преступление Сталина не в том, что он хочет индустриализации — это задача, давно ставшая перед Россией и все еще ждущая своего разрешения. Преступление его в том, что задача поставлена им вверх ногами. Америка показывает, что индустриализация возможна лишь на фундаменте высоко развитого сельского хозяйства, что ее необходимым и предварительным условием является высокий уровень благосостояния трудящихся. Хозяйственная нелепость большевистской индустриализации заключается именно в том, что они требуют сначала осуществления сверх-индустриализации, а потом уже аграризации, а не наоборот, как это имело место в Америке. Вот почему основанный на таких порочных предпосылках план я считаю практически неосуществимым“.

В другом месте Керенский говорит, что „перевооружение сельского хозяйства было основной идеей графа Витте и что эту программу старалась осуществить Россия в течение всего десятилетия 1907—1917 гг.“

Всякий комсомолец легко поймет разницу между тем „перевооружением“ сельского хозяйства, которое „проводилось Россией в десятилетие 1907—1917 гг.“ и тем „перевооружением“, которое происходит в советском Союзе сейчас. В царской России перевооружалось хозяйство помещиков, кулаков. Именно в этих хозяйствах вводилось машинное оборудование, применялись удобрения и другие агрикультурные мероприятия.

Многомиллионная крестьянская масса нищала и задыхалась в сетях помещичьей и ростовщической кабалы. Такое перевооружение сельского хозяйства вело к укреплению крупного капиталистического сельского хозяйства и обнищанию широких масс крестьянства.

Теперь же мы производим социалистическое перевооружение сельского хозяйства, направленное к тому, что бы перевести мелкое крестьянское хозяйство на рельсы крупного в порядке кооперирования.

Капиталистическое перевооружение сельского хозяйства гонит мелкого крестьянина с земли — превращает его из самостоятельного крестьянина в наемного рабочего. Социалистическое перевооружение об'единяет мелкие крестьянские хозяйства в единое социалистическое крупное хозяйство, которое каждому участнику дает во много раз больше выгод, чем собственное мелкое хозяйство.

Об этой разнице забывают не только контрреволюционные социалисты типа Керенского, об этом забывают и правые элементы внутри нашей партии, недооценивая значение курса на колхозы и совхозы и преуменьшая кулацкую опасность.

Рассуждения Керенского о том, что сначала нужно укрепление сельского хозяйства, а затем индустриализация также не новы.

Они неоднократно приводились внутри партии анти-индустриалистами еще со времени XIV партс'езда.

Анти-индустриалисты никак не могут понять, что в наших условиях нужно одновременно проводить и усиленную индустриализацию и решительное укрепление сельского хозяйства на базе его социалистической реконструкции. Нам не даны десятилетия для медленной эволюции хозяйственных форм. Вся хозяйственная обстановка показывает взаимную зависимость этих двух процессов.

Конечно, социалистическая индустриализация страны несовместима с капиталистическим ростом сельского хозяйства.

Так как Керенский верит только в возможность роста капиталистического кулацкого сельского хозяйства — вся пятилетка для него сущий вздор. Тут уже ничего не поделаешь.

Опыт последних лет убеждает нас в огромных возможностях социалистической реконструкции сельского хозяйства. Узким местом в коллективизации крестьянского хозяйства сейчас безусловно являются технические возможности и, в первую очередь тракторы, а не организационные возможности.

Крестьянство уже подготовлено к массовой коллективизации. Можно сказать, что именно массовые формы коллективизации, в частности машинотракторные станции и тракторные колонны, захватывающие целые села и районы, встречают наиболее сочувственное отношение крестьянства. В текущую посевную кампанию колхозы дали прирост посевной площади около 3 млн. *га* и совхозы около 0,3 млн. *га*. Это больше чем намечалось пятилеткой и сейчас уже можно утверждать, что программа социалистической реконструкции, намеченная пятилеткой, будет перевыполнена и сельское хозяйство пойдет в уровень с индустриализацией, обеспечивая необходимый рост продовольственных продуктов и сырья для промышленности.

Как мы уже отметили, одним из важнейших условий роста коллективных хозяйств является машинизация сельского хозяйства и, в первую очередь, тракторизация.

Решающую роль тракторов для коллективизации крестьянского хозяйства подчеркнул еще в 1919 г. В. И. Ленин.

„Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „я за коммунию“ (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию,

надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен вопрос.

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплоататоры, не помещики, а такие же товарищи—труженики, которых он ценит чрезвычайно глубоко. Но ценит практически, ценит их фактическую помощь, отвергая — и вполне справедливо отвергая—командование, „предписания сверху". [1]

То, что в 1919 г. еще было фантазией, осуществляется в пятилетнем плане с превышением.

По пятилетке намечалось к 1933 г. довести количество тракторов в стране до 180.000 штук. В этом числе собственное тракторостроение давало за 5 лет 91.000 тракторов, из них в последний год пятилетки 10.000 тракторов намечалось к выпуску на заводе Красный Путиловец в Ленинграде, 40.000 на Сталинградском тракторном заводе, 4—5 тыс. на Харьковском заводе.

Эта программа собственного тракторостроения будет сильно превышена.

Так, на заводе Красный Путиловец намечалось довести выработку до 10.000 тракторов в 1932/33 г. В текущем 1928/29 г. выработано около 3.000 шт., а на будущий год уже намечено увеличить производство до 10.000 шт.

Такой рост представляется реальным при использовании для производства некоторых частей трактора на других незагруженных Ленинградских заводах. Это ломает пятилетку тракторостроения, и совершенно правильно ленинградские хозяйственные и плановые органы намечают в конце пятилетия довести выработку завода Красный Путиловец до 20.000 тракторов в год. Сталинградский тракторный завод даст также значительное превышение. По плану Сталинградский тракторный завод должен был вступить в работу лишь в последний год пятилетки и дать 40.000 тракторов. Строительство завода в текущем году ведется таким быстрым темпом, что завод может быть закончен в конце 1930 г. Ускорение получается почти на два года. Это значит, что уже в 1930/31 г. новый Сталинградский завод начнет работать. Считая организационные недочеты первого года работы, он все же должен дать не менее 10.000 тракторов. В последующие два года завод должен приблизиться к работе на полную мощность и дать около 70.000 тракторов.

Помимо Сталинградского тракторного завода в 1929/30 г. на Урале будет приступлено к сооружению второго тракторного завода также с выработкой 40.000 тракторов в год.

[1] В. И. Ленин. Собр. сочин., том XVI, стр. 153.

Судя по опыту Сталинградского завода, Уральский может быть закончен в 1932 г. и последний год пятилетия может дать тракторов хотя бы 25% своей мощности, т.-е. 10.000 тракторов.

При таком развертывании тракторостроения на указанных 3 заводах производство может составить за пятилетие около 150.000 тракторов. К этому надо еще прибавить производство Харьковского завода, который в 1929/30 г. может дать около 800 мощных 50-сильных машин, а к концу пятилетия должен будет дать 5.000. Его продукция также может быть расширена, и по всем заводам СССР за пятилетие мы сможем иметь вместо 90.000 тракторов — почти удвоение этого числа (примерно 160.000 тракторов). Если ввоз иностранных тракторов не сокращать против намеченного пятилеткой, а это нужно провести обязательно,— мы будем иметь на протяжении пятилетия на 70.000 тракторов больше, чем предусматривал пятилетний план.

А семьдесят тысяч тракторов — это значит дополнительный охват примерно 20 млн. *га* посевов.

Что при этом особенно важно — ускоренное развертывание производства тракторов дает эти тракторы в ближайшие годы, а не в самый последний год пятилетки. Из 90.000 тракторов в первые четыре года пятилетки намечалось выпустить 35.000 и 55.000 с началом работы Сталинградского завода в последний год.

При намечающемся ускорении плана за четыре года будет произведено около 80.000 тракторов и столько же в последний год.

Каждый знающий условия роста нашего сельского хозяйства понимает, какое огромное значение это имеет и для сельского хозяйства и для всего народного хозяйства.

Дело к тому же ограничивается не только ускорением тракторостроения. Производство всех сел.-хоз. машин несомненно пойдет также выше темпов, намеченных пятилеткой. Производственная мощность заводов растет быстрее, чем мы учитывали.

Ряд новых заводов должен быть готов раньше сроков, установленных планом. Если можно тракторный завод построить в 3 года, почему Ростовский завод сел.-хоз. машин может быть закончен лишь в 1931/32 г., а не годом — полутора раньше? Этого нужно добиться.

Нужно ускорить темп машинного вооружения сельского хозяйства. Это одно из важнейших условий выполнения пятилетнего плана.

Только крупная индустрия может перевооружить сельское хозяйство. Поэтому не приходится противопоставлять задачу индустриализации страны задаче восстановления сельского хозяйства.

Социалистическая крупная промышленность, и только она может создать машинную базу для крупного социалистического производства в сельском хозяйстве.

Только для тех, кто этого не понимает, наша пятилетка—„невыполнимый вздор". Для нас же это далеко еще не законченный и несовершенный план строительства социализма, который реально

осуществляется в жизни. Развитие это совершается настолько быстро, что мы на ходу должны корректировать планы, исправлять их.

Но если наша пятилетка не только выполняется, но и перевыполняется, если мы ее по целому ряду отраслей уже пересмотрели в сторону увеличения,— то не является ли эта пятилетка минималистской? Не нужно ли снова приступить к ее генеральному пересмотру?

Руководителям плановой работы неоднократно приходилось отмечать, что пятилетку даже после утверждения С'ездом Советов нельзя рассматривать как законченный план, не подлежащий корректированию. Наоборот, работа по уточнению и корректированию пятилетнего плана должна вестись непрерывно. По важнейшим отраслям хозяйства проводится более углубленная проработка планов реконструкции. При более конкретном изучении отдельных проблем выявляются дополнительные резервы, которые ранее не были учтены. Поэтому годовые контрольные цифры народного хозяйства должны учесть все новые явления, которые вносят изменения в годовые отрезки пятилетнего плана. Некоторые даже значительные изменения плана вовсе не опорачивают пятилетку.

Весь вопрос в том, по какой линии идут эти поправки. Идут ли они по линии укрепления основных установок плана или по линии срыва этих установок? Отстаем мы от выполнения хозяйственных задач или опережаем их выполнение во времени?

Это первый и основной вопрос, который мы должны ставить каждый год при составлении очередного годового плана. Ответ на этот центральный вопрос для предстоящего хозяйственного года можно дать уже сейчас.

По всем важнейшим разделам хозяйственного плана мы идем несколько выше темпов утвержденной пятилетки, если не произойдет каких-либо крупных внешних осложнений.

Уже сейчас можно сказать, что и второй год пятилетия намечен вполне реально, что темпы индустриализации страны и роста социалистических элементов, по всей вероятности, будут не только выполнены, но и перевыполнены.

Остановимся на главных разделах контрольных цифр народного хозяйства на 1929/30 г. и прежде всего на тех дополнительных резервах, которые не учтены полностью в пятилетке и которые постепенно будут выявляться как при составлении годовых контрольных цифр, так и при составлении детальных пятилетних планов по отраслям.

К этим резервам относятся:

1) ускорение строительства заводов, намеченных в пятилетке;

2) полная нагрузка существующего оборудования в результате рационализации и реконструкции;

3) переход на беспрерывное производство.

В итоге мы получаем дополнительный рост продукции, рост прибылей, рост рабочей силы, общее улучшение народного хозяйства.

Выше мы уже говорили о том, как ускорение реконструкции существующих заводов и строительство новых резко изменяет производство тракторов, этого важнейшего орудия социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Пример Сталинградского тракторного завода отнюдь не является единичным. То, о чем мы говорили, чего добивались, становится фактом. Если в предыдущие годы, как общее правило, строительство тянулось дольше непомерно больших сроков, установленных в планах, то теперь мы подошли к переломному моменту.

В планах приняты определенные сроки, а в жизни их удается опережать. За несколько лет мы уже накопили значительный опыт. Привлечение иностранных экспертов и широкое применение механизации строительства приводят к значительному улучшению строительных работ и, в частности, темпов работ и это не только в промышленном строительстве, но и в железнодорожном строительстве, а также и в других отраслях. Существенное значение будет иметь ускорение окончания Туркестано-Сибирской железной дороги.

По плану сквозное движение на Туркестано-Сибирской железной дороге должно было начаться в конце 1930 г. При удержании взятого теперь темпа строительства, движение может быть открыто в середине лета 1930 г., и уже в будущем году хлеб из Сибири может быть доставлен в Среднюю Азию с перевозкой на небольшом участке на автомобилях. Уже сейчас линия закончена до Алма-Аты.

Как выдающееся по быстроте строительство можно отметить постройку элеватора на ст. Целина высотой 38,6 метров в 19 дней. Это значит, что за время меньше одного строительного сезона мы уже научились строить очень крупные сооружения.

В промышленном строительстве сейчас идет серьезная подготовка к ускорению темпа строительства крупнейших предприятий. Социалистическое соревнование и здесь дает значительные результаты.

Из наиболее крупных строительств можно указать на возможное ускорение окончания металлургических заводов.

Кузнецкое (Тельбесский завод) строительство приняло на себя обязательство дать первый чугун не через 3,5 г., а через 2,5 г., т.-е. не позднее 1 октября 1931 г. Обязательным условием является полная готовность электрической и воздуходувной станции к этому же времени, т.-е. к моменту ускоренного пуска первой домны и первой батареи коксовых печей.

Все новостроющиеся металлургические заводы по пятилетке намечались к пуску в производство в последний год пятилетки. Если только на один год ускорить строительство этих гигантов — продукция чугуна в пятилетие значительно увеличится.

Ускорению темпа строительных работ, помимо улучшения организации дела и механизации строительства, поможет также переход на непрерывное производство строительных работ.

Конечно, такое уплотнение строительной программы во времени требует также усиления финансирования. Так например, чтобы выдержать принятый сейчас на Турксибе темп строительства, надо прибавить в текущем году 7 млн. руб., то же Тракторострою—около 3 млн. рублей.

Это находит свое отражение на об'еме капитального строительства на 1929/30 г., о чем речь будет несколько ниже.

Главный вывод из опыта капитального строительства последних лет сводится к тому, что мы уже научились строить крупнейшие производственные гиганты в 2—3 г. Это значит, что ряд крупнейших строительств, которые в пятилетнем плане имелись в виду закончить в 4—5 лет должны быть закончены раньше намеченных сроков. Для 1929/30 г. в отношении заводов, которые уже начаты строительством в предыдущие годы, это значит ускорение темпа и увеличение размера вложений.

Если по техническим условиям строительство может быть закончено в один год, то нельзя растягивать работы на два года по финансовым соображениям. Лучше отложить начало строительства ряда других заводов на один год, чем растягивать окончание строительства уже начатых заводов.

К этому необходимо еще прибавить следующие соображения относительно готовности проектов нового строительства. Существует закон, по которому в строительный план могут быть внесены лишь такие сооружения, по которым имеются утвержденные проекты. Однако, от закона до проведения его в жизнь чаще всего расстояние не малое. Это особенно относится к данному случаю. В прошлом году мы еще не могли требовать точного применения указанного закона. В статье „Основные вопросы плана капитального строительства на 1928/29 г." мы писали:

„Таким образом, следовало бы поставить требование, чтобы к 1 января соответственного года были утверждены проекты по всем строительствам, включаемым в план текущего года. Пред'явить такое требование в 1928/29 г. мы еще не можем.

Положение в промышленности по сравнению с 1927/28 г. значительно улучшилось, но все же по справкам ВСНХ к 1 января 1929 г. по союзной промышленности будет утверждено всего 74% проектов и к 1 мая—97%".[1]

В действительности получилось хуже. К 1 мая, когда СТО рассматривал доклад ВСНХ о строительствах, не имеющих законченных проектов, то по одной союзной промышленности таких строительств оказалось 25%, а по республиканскому строительству даже не удалось получить необходимых данных.

[1] „Контрольные цифры народного хозяйства на 1928/29 г.", стр. 118.

Капитальное строительство в 1928 г. в значительной части ведется попрежнему без законченных проектов.

Это огромное зло, но и в предстоящем году нам придется для некоторых строительств допустить некоторые послабления, внеся в строительство максимальную плановость.

Как общее правило нужно добиваться, чтобы в контрольные цифры вносились лишь строительства, на которые имеются окончательные проекты. В виде исключения придется включать в план и строительства, по которым имеются утвержденные эскизные проекты.

Общая схема нам представляется в следующем виде.

Ежегодно в контрольных цифрах народного хозяйства предусматриваются значительные суммы на проектирование, без включения проектируемых сооружений в перечень строительных об'ектов. К началу строительства может быть приступлено лишь по утверждении окончательного проекта. Однако, в отдельных случаях может быть приступлено к подготовительным работам по строительству при утверждении эскизных проектов. К подготовительным работам относятся такие, как проведение под'ездных путей, жилищное строительство, необходимое для самого строительства, подготовка места, заказ оборудования в том случае, если оно точно определено в эскизном проекте, так как производство оборудования требует довольно длительных сроков. Вместе с тем этот год должен быть годом основательной работы по проектировке таким образом, чтобы к следующему году был готов не только окончательно утвержденный проект, но чтобы были готовы все рабочие чертежи. Тогда уже следующий строительный сезон может быть проведен во всеоружии. Среднее довольно крупное сооружение миллионов на 15—20 мы можем вполне кончать в два строительных сезона, если принять указанный порядок. Один год при этом условии может быть подготовительным, а второй — годом, в котором строительство развивается полным темпом и в этом же году кончается. К этому мы технически сейчас подготовлены. Конечно, более крупные сооружения, очевидно, потребуют 3 лет, а в исключительных случаях и больше.

Сказанное о строительстве новых заводов в полной мере относится к реконструкции существующих предприятий. Эта реконструкция в большинстве случаев обозначает коренную перестройку существующих предприятий. Так, стоимость нового крупного металлургического завода мощностью в 650 тыс. тонн в год определяется в 190 млн. руб. а реконструкция среднего старого металлургического завода по Югостали обходится от 40 до 80 млн. руб. В реконструкцию металлообрабатывающих заводов также вкладываются огромные суммы. По пятилетке на перестройку заводов ГОМЗЫ намечается 213,6 млн. руб. Вложения на реконструкцию завода Красный Путиловец, составляют 49 млн. руб. Эти примеры характерны и для прочих отраслей промышленности. Отсюда понятно громадное зна-

чение правильной проектировки реконструкции существующих заводов, правильной их специализации для наиболее эффективной затраты капитала. Нужно отметить, что до сих пор в этой части обстоит наиболее неблагополучно.

При рассмотрении контрольных цифр на 1928/29 г. руководители промышленности и руководители плановой работы отмечали фактическое отсутствие законченных планов реконструкции по важнейшим отраслям промышленности. Таким образом, за последние несколько лет вложения в существующие предприятия производились не всегда достаточно рационально. Уже сейчас можно указать на неправильные проектировки в области паровозо-и вагоностроения. Позднейшие пересчеты показали, что в пятилетие на существующих заводах даже с прекращением производства на некоторых из них и при некоторой реконструкции других заводов потребность страны в паровозах может быть удовлетворена. В отношении вагонов представляется также возможным удовлетворить потребность страны без постройки намеченных в пятилетке новых вагоностроительных заводов. По ориентировочным подсчетам потребность НКПС в паровозах и вагонах сможет быть удовлетворена и в пятилетии 1933/34—1937/38 гг. без постройки новых заводов. Проверка РКИ состояния судостроительных трестов показала крайне недостаточное использование существующего оборудования этих трестов, возможность значительно большей нагрузки судостроительных заводов, следовательно, и значительно большего выпуска судов, чем это было намечено в пятилетке без дополнительных капитальных вложений. Пример „Красного Путиловца", который уже в предстоящем году сможет дать 10.000 тракторов, в то время как по ранее намеченному плану развертывание до 10.000 должно было иметь место лишь в 1932 г., показывает, в какой мере у нас до сих пор недостаточно нагружено оборудование существующих предприятий в какой мере мероприятиями по рационализации и реконструкции, заводов можно расширить их производственную мощность. В наших условиях этот вопрос приобретает еще специфическое значение, так как в последние годы нам приходилось преодолевать не только консерватизм, неповоротливость, отсталость определенных технических кругов, но приходилось преодолевать в работе по правильному использованию и расширению отраслей народного хозяйства страны вредительскую работу представителей враждебных нам классов.

Вредительская работа в народном хозяйстве велась в гораздо более широком масштабе, чем это до сих пор представляется многим хозяйственникам-коммунистам и честным советским специалистам. Если в период шахтинского дела и после него нередко приходилось слышать жалобы коммунистов-хозяйственников на то, что у них „дезорганизуют" работу арестом отдельных, изобличенных во вредительстве специалистов, то теперь приходится констатировать, что некоторые вредители, занимавшие довольно видные технические и руководящие посты, слишком долго оставлялись на свободе.

Классовая борьба—вещь жестокая. За границей работают организации крупнейших капиталистов, имущество которых у нас национализировано. С поддержкой капиталистических стран они тратят огромные деньги на подкуп специалистов, работающих у нас. Чаще всего специалист-вредитель принадлежит к кадру высшего командного состава старой капиталистической промышленности и крепкими узами был связан с капиталистическим миром, получая многотысячные оклады и тантьемы. Многие из них были также акционерами.

В последнее время в ряде отраслей работа вредителей сводилась к тому, чтобы преуменьшать производственную возможность существующих заводов, раздувать капитальные затраты в таких отраслях, где это менее всего нужно, и задерживать капитальные затраты в других — способствовать неравномерному развитию отдельных частей народного хозяйства с таким расчетом, чтобы в результате создавались узкие места.

Эта работа вредителей была тем более опасна, что она проводилась не только на заводах и в трестах, но и в высших руководящих хозяйственных органах. Вредительские организации стремились портить наши планы по отдельным отраслям.

Преимущества планового хозяйства огромны, если планы составлены правильно. Если бы вредителям удалось провести вредительский план — это привело бы к серьезным хозяйственным потрясениям. Поэтому необходимо особенно внимательно отнестись к планам реконструкции крупнейших трестов и отраслей промышленности. Специалисты-вредители, опираясь на свой большой опыт работы и авторитет в среде более молодых специалистов, часто могли оказывать влияние на вполне честных советских специалистов. Вредительство, технический консерватизм нередко преподносится как строго научное обоснование. Опасения производственного риска также часто приводили к проектировкам с очень большими резервами. С таким положением нужно покончить.

Правильное и полное использование существующего оборудования является очень крупным дополнительным резервом для ускорения нашего роста. Каждый день приносит здесь новые возможности. Технический прогресс развивается непрерывно. Мы так отстаем на этом фронте, что догонять здесь нужно форсированным темпом.

Эти задачи особенно резко ставят вопрос о технических кадрах. Необходимо энергичное выдвижение более молодых кадров, не зараженных скептицизмом и техническим консерватизмом, способным учиться у европейской и американской техники и проявлять инициативу.

В числе резервов дополнительной производственной мощности особо следует сказать о непрерывном производстве.

Нужно отдать должное инициаторам этой идеи—работникам ВСНХ и т. Ларину, который сумел ярко поставить вопрос и перед V С'ез-

дом Советов и в печати. Переход на непрерывную производственную неделю и почти непрерывный производственный год затрагивает целый ряд крупных производственных, организационных и бытовых вопросов. Имеется не мало препятствий для его проведения—однако, все это отступает перед огромными производственными выгодами, которые получаются от перехода на непрерывное производство. Поэтому широкая советская общественность встретила эту идею весьма сочувственно. Не дожидаясь решения вопроса в государственном масштабе, целый ряд предприятий проявил самостоятельную инициативу в деле перехода на непрерывное производство. Однако, такой самотек допустим лишь на первых порах, для проверки опыта. Переход на непрерывную неделю может выполнить свою роль дополнительного производственного резерва лишь при плановом проведении его в общегосударственном масштабе. Поэтому с предстоящего 1929/30 г. переход на непрерывное производство должен проводиться в плановом порядке с учетом результатов в контрольных цифрах. Плановое хозяйство не допускает случайных скачков, даже в том случае если они ведут к более быстрому исполнению плана в отдельных его частях.

В настоящее время уже имеют место случаи, когда непрерывное производство строительных работ срывается за недостатком строительных материалов.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. должно быть точно установлено, какие отрасли, в каком об'еме переводятся на непрерывную неделю чтобы связать концы с концами и не допускать заскоки в отдельных производствах, которые могут кончиться срывом. Как известно, переход на непрерывное производство может дать значительное увеличение выпуска продукции без производства новых капитальных затрат или при минимуме этих затрат.

Это значит, что переход на непрерывную неделю может дать при тех же капитальных затратах увеличение продукции или же, при известном сокращении капитальных вложений, намеченную продукцию.

Следовательно, в одном случае переход на непрерывное производство может быть использован для экономии капитальных вложений, в другом же — для значительного увеличения продукции против размеров, намеченных пятилеткой.

Мы считаем, что в 1929/30 г. переход на непрерывное производство должен быть использован в обоих направлениях исходя из учета реального положения в каждой данной отрасли.

Вопрос этот должен быть основательно проработан ВСНХ, а также другими хозяйственными органами и всей системой плановых органов. Необходимо начать прежде всего с лимитных отраслей народного хозяйства. Такими являются топливная и сырьевая отрасли промышленности, а также промышленность строительных материалов.

Прежде всего здесь нужно учесть, какое количество топлива и промышленного сырья может дать переход на непрерывную неделю, оставаясь в рамках проектировок пятилетки и учитывая производственные итоги 1928/29 г. Получив таким образом дополнительное количество топлива, сырья и строительных материалов, нужно учесть, какие отделы перерабатывающей промышленности и строительства и в каком об'еме можно перевести на непрерывное производство.

По большинству сырьевых и топливных производств ведутся уже подготовительные работы к переводу на непрерывное производство. По расчетам Главчермета, добыча железных руд в 1929/30 г. с переходом на непрерывное производство может дать дополнительный рост на 7%, по Югостали по углю —на 5%. Тов. Ломов в своей статье, посвященной вопросу о переходе на непрерывное производство, указывает, что по Донуглю представляется возможность получить примерно 10% роста при полном осуществлении непрерывного производства. Эти отрасли в известной мере являются лимитными для многих других отраслей. Большой рост продукции может быть получен также по таким строительным материалам, как цемент, кирпич, стекло, алебастр, черепица и т. д., в результате чего может быть смягчен дефицит в строительных материалах.

По некоторым наиболее дефицитным товарам как чугун непрерывное производство уже введено, почему дальнейшее увеличение продукции здесь возможно лишь за счет рационализации процесса производства и его расширения.

Для того, чтобы эти отрасли могли итти вровень с ростом продукции, получаемой от непрерывного производства, требуется увеличение капитальных вложений.

Обрабатывающая промышленность может перейти на непрерывное производство почти во всех отраслях. При этом в тех отраслях где имеется достаточно сырья, непрерывное производство дает дополнительную сверх плана продукцию, а в тех, где сырье не позволяет дополнительно расширять производство, можно получить экономию на капитальных вложениях.

В некоторых отраслях, работающих на дефицитном сырье, где наличное сырье может быть переработано на действующих заводах без перехода на непрерывное производство, этот переход все же частично может быть произведен за счет прекращения производства на наиболее изношенных и нерентабельных заводах.

Вопрос отбора лучших заводов и прекращения производства на худших может быть поставлен не только для отраслей, не могущих расширить производство из-за недостатка сырья, но и для производств, продукция которых по условиям рынка не может быть особенно расширена. К таким производствам относится, например, бутылочное. Об этом конкретно говорит обращение рабочих Уршельского стеклозавода о переходе на непрерывное производство.

Таким образом, переход на непрерывное производство ставит целый ряд общих народнохозяйственных вопросов, заставляет под этим углом пересмотреть вопрос о капитальных вложениях по отраслям для соответствующей перегруппировки.

Мы здесь не затрагиваем целый ряд культурных, бытовых вопросов, которые должны быть поставлены в этой связи. Но уже сейчас ясно, что например в области торговли праздники должны быть также отменены.

Наша торговая сеть крайне перегружена. Обслуживание потребителя плохое. Приходится на каждую покупку затрачивать много лишнего времени. Непрерывную торговлю, с удлинением ее часов следует ввести в городах полностью для того, чтобы использовать существующую торговую сеть для улучшения обслуживания потребителя. На ряде работ в транспорте непрерывное производство также может дать хорошие результаты.

В производстве сельскохозяйственного сырья непрерывное производство не может дать результатов. Сбор хлопка, свеклы, подсолнуха и т. п. зависит от другого сложного комплекса причин. Поэтому в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, мы не можем получить добавочную продукцию против пятилетнего плана в результате перехода на непрерывное производство.

Стало быть значительное количество отраслей промышленности не дает дополнительной продукции без увеличения капитальных вложений или в сырьевую базу, или непосредственно в промышленность (черная металлургия).

Сейчас еще нельзя точно сказать, какой же дополнительный прирост промышленной продукции можно получить в 1929/30 г. от перехода на непрерывное производство. Некоторые предварительные подсчеты позволяют рассчитывать на 3—4%.

В какой же мере указанные выше дополнительные резервы сказываются на контрольных цифрах 1929/30 г.?

По промышленной продукции ВСНХ это дает возможность запроектировать дополнительный против пятилетки рост.

В пятилетие на 1929/30 г. намечен рост в 21,8%. Предварительные подсчеты позволяют сейчас говорить о цифре примерно в 30—35%. Увеличение это идет преимущественно по группе А, так как размер продукции в важнейших отраслях группы Б (текстильной, сахарной) ограничен сырьевыми лимитами, но и тут, вместо запроектированного пятилеткой прироста в 18%, можно уже говорить о 22—25%.

При этом необходимо добиться максимального расширения продукции предметов домашнего обихода (кровати, мебель, примуса, часы и т. п.) и таких предметов широкого потребления, как радио, принадлежности спорта, фото и т. д. Инициатива в постановке этих производств имеет очень большое значение. Расширению этих производств в 1929/30 г. должно быть уделено особое внимание.

Указанное выше ускорение темпов выполнения пятилетнего плана, ускорение строительства — вызывает необходимость увеличить в 1929/30 г. план капитального строительства.

В 1928/29 г. будет выполнено капитальных строительств без электростроительства на сумму в 1.650 млн. руб. На 1929/30 г. намечалось по пятилетке 2.360 млн. руб.

Предварительные директивы ВСНХ его органам по составлению контрольных цифр на 1929/30 г. намечали капитальных вложений по планируемой ВСНХ промышленности на сумму в 2.600 млн. руб., т.-е. на 250 млн. руб. больше, чем это предусмотрено в пятилетке.[1] Увеличение это приходится главным образом на металлургическую промышленность (800 млн. руб. вместо 670 млн. руб. по пятилетке), при чем оно достаточно обосновано необходимостью форсировать строительство крупнейших металлозаводов и сырьевой базы как для черной, так и для цветной металлургии. Вместе с тем особо тщательному рассмотрению подлежат вложения в машиностроение. У нас до сих пор нет планов реконструкции крупнейших машиностроительных заводов. Затрачивая на них ежегодно огромные средства, мы не имеем твердой уверенности в том, что деньги вкладываются наиболее целесообразно.

Если сейчас нельзя говорить, что в металлообрабатывающую промышленность вкладываются лишние деньги и что эти вложения можно сократить, то следует добиться, чтобы эти вложения пошли наиболее целесообразно и дали быстрый и полный производственный эффект. По остальным отраслям промышленности ВСНХ придерживается наметок петилетки с увеличением резервов с 25 млн. руб. до 200 млн. руб.

Уже сейчас можно сказать, что по ряду отраслей и прежде всего — по топливной эти вложения недостаточны. ВСНХ для последней включил в пятилетку 460 млн. руб. Но ведь при утверждении пятилетки СНКомом были даны директивы увеличить добычу по нефти, углю и торфу. Программу по нефти придется еще потому расширить, что количество тракторов и автомобилей растет сверх пятилетки. В пятилетке намечалась добыча нефти в 1932/33 г. 22 млн. тонн СНК повысил задание до 23,5 млн. тонн, а теперь приходится повышать до 26 млн. тонн.

Поэтому на будущий год вместо 470 млн. руб. по пятилетке в топливную промышленность придется вложить значительно больше средств (около 550—580 млн. руб.). Нельзя также принять проектировку ПЭУ ВСНХ по строительным материалам. По пятилетке намечалось дать 180 млн. руб.— ПЭУ ВСНХ же сокращает вложения до 155 млн. руб. Между тем, при наличии дефицита по ряду стройматериалов и росте строительства сверх пятилетки следовало бы не сокращать вло-

[1] Статья была написана тогда, когда еще не было последних цифр ВСНХ, дающих уже не 2.600 млн., а 3.000 млн. руб. с лишним и близко подходящих к наметкам Госплана, сделанным в июне—июле.

Особое расширение получают также формы производственной смычки, главным образом по линии контрактации. Выполнение контрактации в 1928/29 г. идет также на много выше плана. Контрактация на будущий год должна быть еще более форсирована с значительным превышением намеченных в пятилетке масштабов.

Наиболее остро в сельском хозяйстве на будущий год стоят вопросы скотоводства. По данным весеннего опроса количество скота в текущем году несколько сократилось. Нужно, однако, оговориться что этот материал является крайне спорным и охватывает весьма незначительную часть крестьянских хозяйств и поэтому едва ли может быть распространен на все сельское хозяйство в целом. Все же ряд кон'юнктурных показателей по отдельным районам говорит об очень значительной продаже скота, почему в некоторых местах не исключена возможность некоторого его сокращения. Поэтому в контрольных цифрах на будущий год должны быть предусмотрены специальные мероприятия по под'ему скотоводства. Эти мероприятия в частности должны предусмотреть значительный рост государственных скотоводческих совхозов, а также совхозов и кооперативных и коллективных ферм по молочному хозяйству в районах крупных городов, исходя из задачи полного удовлетворения потребности этих городов в молочных продуктах. В ряде городов в этом направлении уже сделаны значительные шаги. Необходимо эти меры максимально форсировать.

Все сказанное ставит вопрос о необходимости значительного увеличения финансирования сельского хозяйства и в первую очередь, его социалистического сектора.

Таким образом и по линии промышленности (капитальное строительство), и по линии сельского хозяйства (строительство крупного социалистического сельского хозяйства) мы получаем увеличение размера капитальных вложений против пятилетки, а следовательно и необходимость дополнительного финансирования.

Из каких же источников могут быть получены эти дополнительные финансы? Затрудняясь сейчас более подробно проанализировать весь финансовый план народного хозяйства на предстоящий год мы ограничимся лишь рассмотрением той части финансовых вопросов, которые связаны с госбюджетом, поскольку значительная часть госбюджета направлена на финансирование народного хозяйства. Теперь уже выяснилось, что госбюджет за 1928/29 г. будет выполнен с превышением на 100 млн. руб. и составит сумму, примерно, 7.850 млн. руб. государственных доходов. По утвержденной пятилетке, госбюджет на 1929/30 г. составляет 9.200 млн. руб., что дает рост против госбюджета 1928/29 г. на 19%. Сейчас уже установлено, что этот размер бюджета для предстоящего года является недостаточным и он проектируется в сумме около 10 мрд. руб. Совершенно необходимо дополнительное финансирование по линии промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства. Помимо этого необходимо также увеличение расходов по некоторым другим статьям. По линии административно-управленческих расходов остаются проектировки пятилетки.

По какой же линии можно получить для бюджета сверх установленных в пятилетке эти дополнительные суммы? Наркомфин выступил с проектом дополнительного обложения промышленности. Он предлагает принять снижение себестоимости в 8%, а снижение отпускных цен в 1,8% и полученную от этого разрыва между снижением себестоимости и снижением цен сумму, примерно, в 400 млн. рублей засчитать в приходную часть бюджета. Таким образом, изыскание дополнительных бюджетных источников подводит нас вплотную к вопросу финансового плана промышленности, политики снижения себестоимости и промышленных цен в будущем году. Однако, было бы сейчас неправильным предрешать вопрос так, как это делает Наркомфин. Мы исходим из того положения, что на будущий год промышленности необходимо пред'явить жесткие требования по усилению снижения себестоимости. В текущем году плановое задание по снижению на 7% промышленностью полностью не будет выполнено. Это сейчас уже можно считать доказанным. Неполное снижение себестоимости нужно отнести в значительной мере за счет организационных недочетов в работе, поэтому дополнительно к заданию по снижению себестоимости, намеченному на 1929/30 г. пятилеткой, необходимо прибавить то недовыполнение, которое имеет место в текущем году. Поэтому мы считаем правильным дать промышленности на будущий год задание снижения себестоимости, примерно, на 10% или даже выше. Достигнуть этого снижения вполне возможно, судя по достижениям третьего квартала истекающего года. Что касается политики снижения отпускных цен промышленности, то в отношении средств производства (машин, материалов, сырья и т. п.) необходимо строго придерживаться размеров снижения цен намеченных в пятилетнем плане.

Что касается ряда предметов широкого потребления, как например текстиль, сахар и др., то по условиям состояния рынка и финансового положения промышленности общее снижение отпускных цен в предстоящем году можно и не проводить в таких размерах, как это намечено пятилеткой, особенно в первую половину года. Таким образом, мы допускаем возможность использования разрыва между снижением себестоимости и снижением отпускных цен, однако, в настоящее время до более конкретного рассмотрения финансового плана промышленности было бы неправильно учитывать эти суммы как дополнительный доход бюджета.

Если капитальное строительство промышленности против пятилетки будет увеличено на 300 млн. руб., то это значит, что и план финансирования должен быть увеличен в большей мере, чем это в настоящее время предусмотрено в бюджете. Вот почему мы считаем

предложение Наркомфина не реальным. Если его принять в настоящем его виде, без увеличения финансирования промышленности по бюджету, то это будет означать, что мы заранее отказываемся от какого бы то ни было увеличения против пятилетнего плана капитальных вложений. Поэтому мы считаем, что поиски дополнительных средств, необходимых для увеличения финансирования сельского хозяйства, культурного строительства и других потребностей бюджета должны итти и в других направлениях. Необходимо думать о дополнительных доходных источниках. Нам представляется, что эти дополнительные доходные источники могут быть получены по линии дифференцирования акциза и промналога и отчасти от увеличения ставок подоходного обложения. Нужно отметить, что акцизное обложение является наиболее несовершенным для достижения более высокого обложения зажиточных групп населения. Однако, и здесь мы могли бы применить новые методы, которые переложат известную часть акцизных доходов на наиболее имущие группы населения. В текущем году при установлении порядка отпуска хлеба, сахара и других товаров по заборным книжкам в ограниченных размерах, принят принцип отпуска хлеба и сахара без карточек по повышенным ценам. Это дает возможность нетрудовым элементам, не имеющим заборных книжек, все же покупать эти продукты, но по повышенной цене. В отношении таких продуктов, как сахар, такой порядок дает возможность наиболее обеспеченным группам приобретать сахар по повышенной цене. Мы считаем, что в предстоящем году и по сахару и по текстилю необходимо сохранить порядок отпуска этих товаров по заборным книжках и по нормам. В этих условиях представляется возможным некоторую часть указанных товаров, примерно, в пределах 5—6% от общей товарной массы выпустить в свободную продажу на рынок без заборных карточек, по повышенным ценам. Мы считаем возможным из общего сахарного фонда в предстоящем году выпустить в таком порядке на рынок по двойным ценам около 6 млн. *кг* сахара, что даст дополнительных доходов около 70 млн. руб. Нам представляется, что и по текстильным товарам имеется возможность выделить такой фонд в пределах 5% товарной массы с продажей без заборных книжек и по повышенным ценам. При сохранении отпуска этих товаров для трудящихся города и для крестьянства по установленным нормам по твердым ценам, указанные товары по повышенным ценам будут покупаться главным образом нетрудовыми элементами и высшими группами служащих и, отчасти, рабочих.

Представляется также возможным на высшие сорта кожи установить акциз с расчетом получить в бюджет около 30 млн. руб. Возможно также повышение подоходного налога и получение по этой линии нескольких десятков миллионов рублей. Вместе с тем должна быть особенно тщательно проверена также программа реализации займов, чтобы и по этой линии наметить дополнительное увеличение доходов.

Мы считаем, что по указанным статьям можно получить в бюджет будущего года около 300 млн. руб. и таким образом обеспечить рост капитальных вложений по промышленности против утвержденных пятилетним планом, оставив возможность использования дополнительных накоплений в промышленности для обозначения ее плана капитального строительства. Финансовый план промышленности еще не сведен,— почему вопрос о размере средств, потребных для производства капитальных работ, еще подлежит дополнительной проверке.

Экспортно-импортный план является одной из важнейших составных частей народнохозяйственного плана.

Мы ввозим в нашу страну на сотни миллионов рублей сырья и полуфабрикатов для промышленности (хлопок, шерсть, кожи, цветные металлы и т. д.); мы ввозим ежегодно на сотни миллионов рублей оборудования для промышленности, транспорта и др.; мы ввозим на десятки миллионов рублей сел.-хоз. машин, тракторов, минеральных удобрений, племенного скота и т. д.; и мы ввозим медикаменты, научные приборы, оборудование, и, наконец, некоторые, предметы широкого потребления (чай, рис, фрукты, сельди и т. п.).

Во всех областях мы ввозим в обрез — голодные нормы.

Все ввозимые товары оплачиваются в иностранной валюте, которую можно получить лишь за вывозимые товары. Кредиты наши пока еще сравнительно малы, почему экспорт должен покрывать импорт. К тому же необходимо еще накопить некоторые резервные валютные фонды.

Между тем, экспорт является крайне узким местом нашего народного хозяйства. Отсталость сельского хозяйства находит свое отражение не только в продовольственных затруднениях, но также в сокращении продовольственного экспорта. Пятилетний план исходил из того, что хлебный экспорт будет поставлен лишь в последние три года пятилетки. На 1929/30 г. хлебный экспорт не предусматривался. Экспорт масла и яиц также намечался в незначительных размерах. Рост экспорта намечался главным образом за счет промышленного экспорта. Предварительные наметки на 1929/30 г. показывают правильность этой установки. — В области предметов продовольствия необходимо, прежде всего, добиться полного удовлетворения внутреннего рынка и преодоления продовольственных затруднений и уже после этого развивать экспорт. В текущем году необходимо не только правильно снабжать страну хлебом, но и создать значительный хлебный резерв. И таким образом, через год можно создать условия для хлебного экспорта. Точно так же приходится на предстоящий год очень осторожно наметить экспорт масла и яиц. В текущем году на этих рынках напряженное состояние. — Удовлетворительный урожай текущего года и поощрительные меры по молочному и яичному хозяйству — значительный рост молочных совхозов и колхозных ферм, а также промышленного производства — должно уже в 1929/30 г.

значительно улучшить положение. Однако, нужно прежде всего закрепить положение на внутреннем рынке.

В результате такого отставания сельскохозяйственного экспорта — на первое место выдвигается промышленный экспорт. Главное место в экспортных статьях плана занимают: лес, нефть, пушнина, руда. И по экспортному плану намечается некоторое превышение пятилетки. На 1929/30 г. по пятилетке промышленный экспорт намечался в сумме 1.130 млн. руб. Теперь НКТорг наметил 1.160 млн. руб. Госплан считает возможным повысить экспорт до 1.200 млн. руб. Конечно, эти расчеты еще предварительны, их нужно еще основательно проверить при сверке контрольных цифр на будущий год.

Во всяком случае пятилетка будет выполнена. В текущем 1928/29 г. промышленный экспорт составит 900 млн. руб., значит на будущий год намечается рост экспорта на 250—300 млн. руб., что составляет 28—33%. Такой рост экспорта возможен благодаря тому, что в последние годы на развитие экспортных статей было обращено большое внимание и затрачены большие средства. Точно также и в плане на 1929/30 г. на развитие указанных отраслей даются крупные средства. Все же выполнение этого плана представляет большие трудности. Особое значение имеют для экспортных статей вопросы себестоимости. На мировом рынке нашим товарам приходится конкурировать с технически передовой капиталистической промышленностью.

Поэтому целый ряд промышленных товаров за границей приходится продавать в убыток, который трестам покрывать очень тяжело, почему экспорт убыточных статей задерживается.

В ближайшие годы еще значительная часть экспорта будет убыточной, но мы должны итти на это, чтобы поддержать на нужном уровне импорт.

Но каждый процент снижения себестоимости в экспортных статьях имеет огромное значение именно потому, что это облегчает задачу форсирования экспорта.

Размеры импортного плана, помимо экспортной выручки и размера накопления валюты, зависят также от размеров иностранных долгосрочных кредитов. Это особенно важно для ввоза оборудования, тракторов и т. п.

Промышленное сырье (хлопок, шерсть, цветные металлы и т. п.) покупается или за наличный расчет, или с некоторым краткосрочным кредитом. Другое дело оборудование. Нам сейчас нужно ежегодно на сотни миллионов рублей оборудования. Это оборудование может дать новую продукцию лишь через несколько лет, поэтому платить наличными за оборудование невозможно. Если капиталистические страны предоставят нам достаточные долгосрочные кредиты на все оборудование, которое нам нужно заказать за границей, то мы сможем значительно расширить планы заказов и тем самым ускорить выполнение планов капитального строительства. Этот простой коммерческий расчет хорошо понят теми группами капиталистов (в частности в Англии), которые хотят поставлять нам машины и оборудование.

Смена твердолобых консерваторов правительством Макдональда может дать известную сдвижку вопросу о кредитах. Однако, не приходится забывать, что „рабочее“ правительство Англии лишь на словах отличается от консерваторов и на первом плане у него также, как у правительства консерваторов стоит вопрос о борьбе с „коммунистической опасностью“, что заслоняет реальные интересы народного хозяйства обеих стран.

Мы конечно, не составляем наши планы строительства социализма в расчете на кредиты правительства Макдональда. Мы лишь подчеркнули здесь, что капиталистические страны могли бы получить значительно больше заказов от Советского Союза при предоставлении значительных долгосрочных кредитов.

В импортном плане для нас имеет особо важное значение обеспечение необходимого оборудования для промышленности, тракторов и минерального удобрения для сельского хозяйства.

Уже сейчас можно сказать, что импорт может быть обеспечен в пределах утвержденных пятилеткой.

Стало быть и по экспортно-импортному плану мы идем на 1929/30 г. не отставая от пятилетки. Улучшение качества работы может во внешней торговле дать очень много и значительно улучшить положение.

* * *

Мы не остановились в нашей статье на ряде крупнейших вопросов плана будущего года, отчасти потому, что многие вопросы еще недостаточно ясны и требуют дополнительной проработки — отчасти из стремления уложиться в рамки журнальной статьи. Все эти вопросы требуют дополнительной всесторонней проработки и освещения как в печати, так и в общественных организациях и ведомствах. Но главные контуры плана будущего года нами все же даны и они сводятся к тому, что мы можем несколько опередить темпы, намеченные пятилеткой, и, что особенно важно, это опережение идет по линии социалистического сектора (в том числе по сельскому хозяйству).

Буржуазный германский журналист П. Шерфер написал в „Берлинер Тагеблат“ от 12 мая статью о пятилетнем плане. П. Шерфер не верит в выполнимость пятилетки, однако, он правильно оценивает ее значение. Он пишет:

„Если эксперимент этот удастся хотя бы на три четверти, уже нельзя будет сомневаться в окончательной победе. Это была бы победа социалистического метода, добытая силами неизношенного, способного верить, талантливого народа“.

Мы уверены что на три четверти наша пятилетка будет осуществлена уже задолго до установленных сроков, и г. Шерферу останется только констатировать победу социалистического метода. Но мы уверены также в том, что неизношенный, талантливый народ имеется не только в Советском Союзе, а во всех капиталистических странах. Этот народ — рабочий класс всех стран и, в частности, рабочий класс Германии — будет строить свое социалистическое хозяйство не менее талантливо, чем рабочий класс СССР.

Л. М. Сабсович

Проблема города

„Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время, в своем высшем развитии, он готовит элементы этой связи — соединение промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах)".

Ленин

Проблема города является одной из наименее разработанных проблем перспективного развития нашего Союза. И это совершенно понятно, ибо проблема города может быть разрешена лишь в связи с перспективами развития всех отраслей народного хозяйства и общими перспективами развития нашего государства. Между тем мы до сих пор не имеем еще сколько-нибудь разработанного проекта генерального плана развития народного хозяйства. Более того, мы только в самые последние месяцы закончили составление проекта пятилетнего плана народного хозяйства, в котором отдельные части также разработаны далеко неравноценно. В частности, недостаточно разработаны в пятилетнем плане вопросы культуры и быта, имеющие наиболее прямое отношение к проблеме города.

Поэтому естественно, что не только разрешение, но даже правильная постановка проблемы города представляет в настоящее время чрезвычайные трудности. При рассмотрении этой проблемы мысль является наиболее скованной, наиболее склонной к применению трафаретов, к проектированию на будущее наших современных представлений, питающихся нашим прошлым и настоящим и опытом современных капиталистических стран. Между тем такой подход к этой проблеме является совершенно неправильным. Он не учитывает тех грандиознейших, трудно представимых сдвигов, — экономических, социальных и культурных, которые нам предстоят в ближайшем будущем. Если мы хотим правильно подойти к постановке проблемы города, мы должны обратить нашу мысль в гораздо большей степени к этому будущему, чем к нашему прошлому и настоящему, или к опыту капиталистических стран, который мы должны, конечно учитывать, но в наименьшей степени копировать.

Проблему города мы должны решать только в плоскости генерального плана, а генеральный план развития народного хозяйства мы можем строить только, как план построения социализма. К этому нас обязывают те темпы нашего развития, которых мы достигли в настоящее время и которые мы должны удержать и превзойти в дальнейшем, и те неизбежные масштабы нашего роста, которые являются естественным следствием этих темпов. Как я показал в моей работе: „СССР через 15 лет", этот темп, — при условии мирного развития нашей страны, — обеспечивает нам возможность построения социализма в период примерно 15 лет. В связи с этим проблему города мы должны решать, как проблему социалистического города, как проблему перестройки наших городов применительно к общим требованиям развития страны в условиях построенного, осуществленного социалистического строя. И если мы можем поставить себе задачу построения социализма в нашей стране в период примерно в пятнадцать лет, то это значит, что и социалистическую перестройку наших городов мы должны осуществить в этот же период.

В такой постановке проблема города приобретает чрезвычайно важное значение в нашем генеральном плане. Ибо если развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта должно создать материальную базу для возможности построения социализма, то перестройка наших городов и сел должна создать непосредственные условия для осуществления социалистического быта.

Наши города подлежат радикальной перестройке. Ведь современный город является продуктом капиталистической эпохи развития человечества. Это — центр промышленности, торговли, транспортный узел, центр экономической мощи страны и центр наибольшего скопления населения; вследствие этого он является и центром управления, т.-е. административным центром, а также центром духовной жизни страны, центром культуры и т. д. И первый вопрос, который мы должны себе поставить, это вопрос о том, сможет ли и будет ли город и в дальнейшем играть такую же роль в стране, какую он играет в настоящее время.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего отдать себе отчет в тех изменениях, которые произойдут в основных отраслях народного хозяйства, т.-е. промышленности (включая энергетику), в транспорте, в сельском хозяйстве.

По тем подсчетам, которые сделаны мною в гипотезе генерального плана, промышленность в течение ближайших трех пятилетий может увеличить свое производство примерно в 25—30 раз. Весьма вероятно, что эти исчисления окажутся сильно преуменьшенными и в действительности мы сможем увеличить производство крупной промышленности в 45—50 раз. Если бы промышленность

развивалась у нас стихийно, то у нас действовал бы Веберовский закон агломерации. Наличие определенных путей сообщения, определенных рынков сбыта, наличие избыточного населения в городах и наличие в них жилого фонда и т. п. — все это заставляло бы строить новые предприятия преимущественно в существующих центрах или около них; а это в свою очередь вызывало бы усиление путей сообщения, ведущих к этим центрам, увеличивало бы приток населения в них, вызывало бы усиленное строительство жилых зданий и т. д. Таким образом, существующие города стихийно разростались бы, и мы имели бы процесс роста городов, аналогичный тому, который имеет место в капиталистических странах, но который происходил бы у нас значительно более быстрым темпом. Нужно сказать, что в настоящее время мы имеем именно такой процесс роста городов и до сих пор принуждены были с ним мириться, ибо мы весьма бедны путями сообщения и средствами, которые мы могли бы направлять на широкое транспортное строительство и на постройку новых городов в новых, мало заселенных местах. Однако, было бы большой ошибкой предполагать, что мы и в дальнейшем будем проводить такую же политику в нашем плановом хозяйстве.

Современные города менее всего могут быть признаны поселениями, создающими нормальные здоровые условия для жизни и здоровья трудящегося населения. Громадная скученность, жизнь в каменных клетках, оторванность от природы и т. д., — все это уродливости, созданные капиталистическим строем и неизбежно связанные с концентрацией промышленных и торговых предприятий в определенных пунктах. Будем ли мы принуждены и в дальнейшем таким образом концентрировать нашу промышленность, создавать крупные промышленные и заселенные центры по типу современных городов? На этот вопрос можно смело ответить отрицательно: мы не должны этого делать и мы сможем этого не делать!

Рабочий класс не может не дорожить каждой рабочей единицей, ибо при грандиозности задач и работы социалистического строительства (как в переходный период, так и в период развития уже в социалистических условиях), каждая лишняя рука, каждая лишняя голова — это новый ресурс для поднятия производительных сил, для построения и развития социалистического общества. Забота о жизни и здоровьи трудящихся явится одной из самых основных задач рабочего класса, при разрешении всех задач социалистического строительства, уже в самом ближайшем будущем. Затраты в этом направлении будут не менее производительными, чем во всех других областях народного хозяйства. Поэтому мы не должны создавать такие нездоровые условия для жизни трудящихся, которые неизбежно связаны с поселениями типа современных городов.

Но мы не только должны, но и сможем это осуществить! Условием, которое будет облегчать нам осуществление этих задач, явится

прежде всего „победа над расстоянием“. Технический прогресс последнего времени дает нам возможность добиться больших достижений в этом направлении. Правда, мы не имеем еще генерального плана развития транспорта и связи. Поэтому и здесь мне придется ориентироваться только на те примерные исчисления, которые я сделал в моей гипотезе генерального плана, как плана построения социализма. Согласно этим исчислениям, мы сможем за 15 лет произвести радикальный сдвиг в нашем транспортном хозяйстве, который может быть охарактеризован следующими примерными величинами.

Возьмем особый, специфический вид транспорта, чрезвычайно важный для нас,— транспорт энергии (передача энергии на расстояние). В настоящее время основной фонд электрификации оценивается в 840 млн. руб. (1927/28 г.); через 15 лет мы сможем довести его примерно до 30 мрд. руб. (в тех же ценах), т.-е. сможем увеличить примерно в 35 раз. При громадном количестве крупнейших электростанций, их кольцевании и возможности передавать энергию на большие расстояния, мы в значительной мере освободимся от привязанности промышленных предприятий к топливной базе и сможем значительно более свободно располагать промышленные предприятия, руководствуясь интересами наиболее целесообразного расселения трудящегося населения.

В этом же направлении будет действовать и значительное увеличение железнодорожной сети (примерно в 5 раз, т.-е. около 400.000 *км* жел.-дорожного пути вместо нынешних 75.000 *км*) и значительное расширение водного транспорта, основные фонды которого с 750 млн. руб. в настоящее время, смогут быть увеличены примерно до 10 мрд. руб., т.-е. почти в 15 раз. Наконец совершенно исключительное значение будет иметь полная реконструкция и громадное расширение местного транспорта — дороги местного значения, автомобили, трамваи и пр. — основные фонды которого смогут быть увеличены больше, чем в 60 раз (с 780 млн. руб. примерно до 50 мрд. руб).

Одновременно с этим, основные фонды авио-транспорта смогут быть доведены до величины порядка 5 мрд. руб. Больше, чем в 10 раз смогут быть увеличены основные фонды связи (с 280 млн. руб. примерно до 3 мрд. руб.).

Конечно, все эти цифры сугубо примерны и показывают лишь порядок величин, о которых может и должна итти речь. Но именно этот порядок величин, принимая во внимание также возможность громадного ускорения передвижения, показывает, что через 15 лет мы действительно сможем уже торжествовать большую „победу над расстоянием“ и возможности широко децентрализовать территориальное размещение промышленности будут действительно громадны. И если в настоящее время мы лишь в очень ограниченных размерах можем считаться с соображениями наиболее целесообразного

для жизни и здоровья трудящегося населения территориального размещения новых предприятий и размещения самого населения, то через 15 лет эти соображения могут быть учитываемы в полной мере. Так как здоровье и удобства жизни трудящихся будут являться одним из основных условий дальнейшего экономического, социального и культурного развития страны, то и с чисто экономической точки зрения такое размещение промышленных предприятий и населенных пунктов будет являться наиболее целесообразным.

Поэтому, увеличивая промышленное производство в несколько десятков раз и колоссально увеличивая и усовершенствуя средства передвижения и связи, мы будем новые фабрики и заводы строить по новому, не скучено, а разбрасывая их на большой территории, будем строить их ближе к природе, нередко комбинируя их с крупнейшим и научно-организованным сельским хозяйством, сельскохозяйственными фабриками: зерновыми, животноводческими, огородными, специальных культур и т. п. Побеждая расстояние, мы уничтожим экономические преимущества крупных городов, как промышленных и торговых центров. Свое преимущество культурных центров они также будут постепенно терять, поскольку воспитание и образование будут все более тесно связываться с производством (промышленным и сельскохозяйственным), и поскольку научная работа также будет все более непосредственно переплетаться с производством. Громадное увеличение средств связи (особенно — радио), тесно связывая самые отдаленные уголки нашей обширной территории, также будут все более сильно подрывать значение крупных городов, как культурных центров. Наконец, громадное численное увеличение кадров высоко квалифицированных культурных работников (ученых, артистов, педагогов, врачей, писателей и т. п.) и общий громадный культурный рост всего населения также лишат города той монополии на культуру, которой они пользуются в настоящее время.

Все эти соображения приводят к заключению, что города современного типа не будут иметь достаточных экономических и социально-культурных корней в условиях жизни нашего ближайшего будущего, в условиях социалистического строя и, что, строя социализм, мы должны создавать вместо нынешних городов поселения какого-то иного типа.

Однако, проблему социалистической реконструкции современного города нельзя рассматривать, не рассматривая одновременно и проблемы реконструкции поселений сельского типа, нынешних сел и деревень. Ибо резкое различие между современным городом и деревней об'ясняется громадной технической отсталостью сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями народного хозяйства. Такое положение не может и не будет иметь место в дальнейшем! Уже по нашему пятилетнему плану, в течение ближайших пяти лет, мы проектируем осуществление резкого технического, экономиче-

ского и социального сдвига в сельском хозяйстве, в сторону поднятия его на более высокий технический уровень и в сторону его обобществления. Естественно, что в ближайшее пятилетие мы сделаем лишь первые, хотя и достаточно крупные, шаги по пути к социалистической реконструкции сельского хозяйства. Но если уже в первое пятилетие, при крайней недостаточности наших ресурсов, мы можем поставить себе такую крупную задачу, как вовлечение в обобществленный сектор свыше 20 млн. душ крестьянского населения, то совершенно ясно, что в следующие 2 пятилетия мы можем поставить себе задачу осуществления полной социалистической реконструкции сельского хозяйства. В связи с этим, в своей гипотезе генерального плана, как плана построения социализма, я пришел к тому заключению, что за 15 лет мы сможем полностью изжить мелко-крестьянскую форму сельского хозяйства, полностью его обобществить, об'единив нынешние десятки миллионов мелких крестьянских хозяйств в крупные, обобществленные хозяйства, типа строющихся в настоящее время крупнейших государственных совхозов, сельскохозяйственных фабрик, на базе высочайшей техники и организации сельскохозяйственного производства.

Естественно, что нынешние села и деревни ни в какой мере не соответствуют новому типу организации сельского хозяйства. Работники этих крупных сельскохозяйственных фабрик будут преимущественно работниками при машинах и, в этом отношении, мало будут отличаться от работников промышленности. С „идиотизмом" деревенской жизни должно быть покончено раз и навсегда: сельскохозяйственная машина и научная организация сельскохозяйственного производства неизбежно поднимут культурный уровень сельского работника примерно до того уровня, которого достигнет городской рабочий через 15 лет, а такому высокому культурному уровню должны соответствовать и совершенно иные условия жизни. Индивидуальный быт и индивидуальная усадьба, неизбежно связанные с мелким индивидуальным крестьянским хозяйством, потеряют под собой всякую почву. Крупная сельскохозяйственная фабрика, охватывающая территорию в 50-100 тыс. *га*, а может быть и еще большую площадь, потребует значительной концентрации обслуживающего ее рабочего коллектива.

Таким образом, на место современных сел и деревень должны быть организованы более или менее крупные поселения, в которых должны быть сконцентрированы не только жилые здания, но и склады, и гаражи, и ремонтные мастерские, и электрические подстанции, и лаборатории, и фабрики первичной переработки сельскохозяйственного сырья, и школы, и больницы и т. д. Возможно, что такие поселения будут концентрировать в себе жилые и сельскохозяйственные постройки и население, обслуживающие одновременно несколько таких крупных сельскохозяйственных фабрик (2, 3, 4): тогда эти поселения будут еще более крупного размера. Более крупного размера будут поселения и в случае комбинирования сельскохозяйственного и промышленного производства на единой энергетической базе, на базе производства и переработки сельскохозяйственного (растительного и животного) сырья и т. п.

Благодаря такому противоположному процессу в городе (децентрализация нынешних городских промышленных и административных центров) и в деревне (концентрация поселений на базе крупнейшего сельскохозяйственного производства и комбинирования сельскохозяйственного и промышленного производства), различия между поселениями городского и деревенского типа должны будут все больше стираться.

Вместо нынешних гипертрофированных городов, скученных и нездоровых, и вместо нынешних совершенно диких и некультурных поселений деревенского типа, мы должны будем строить поселения какого-то иного типа, наиболее приспособленные как к типу экономической организации социалистического народного хозяйства, так и к наибольшему удовлетворению потребностей трудящихся в удобных, культурных и здоровых условиях жизни.

Вот это мы должны прежде всего отчетливо понять, ибо иначе все наши проекты реконструкции и расширения существующих городов, все наши проекты нового городского и сельского строительства (в том числе и рабочего жилищного строительства), будут иметь неправильное направление. Если мы не будем иметь перед собой правильной перспективы, мы рискуем затрачивать громадные средства нерационально, мы рискуем строить то, что в ближайшем же будущем нам придется ломать, мы рискуем не облегчить и не ускорить социалистическую реконструкцию городов, а сами создадим себе затруднения, которые нам в дальнейшем придется преодолевать.

Таким образом, определение нового типа поселений, вместо нынешних городов и деревень, является первой задачей, подлежащей тщательной разработке.

Не останавливаясь на вопросе об оптимальном размере таких поселений, тем более, что они могут быть различны в зависимости от различных условий, мы можем лишь сказать, что, как правило, они будут гораздо меньше современных крупных городов и значительно больше большинства нынешних сел и деревень центральной части Союза.

Все изложенное приводит к выводу, что за период примерно в 15 лет мы действительно принуждены будем почти буквально „снести с лица земли" все существующие города, села и деревни и построить вместо них другие поселения совершенно иного типа. В связи с этим

естественно возникает вопрос, сможем ли мы это сделать по состоянию наших ресурсов, откуда мы возьмем те поистине грандиозные средства, которые для этого необходимы.

Общий вопрос о нашей бедности или нашем богатстве и о масштабах тех ресурсов, которые мы сможем создать и которыми мы сможем располагать для построения социализма в этот период, освещен мною в моей гипотезе генерального плана. По исчислениям этой гипотезы мы сможем за 15 лет увеличить основной жилищный фонд примерно в 8 раз: с 24 мрд. руб. в 1927/28 г. до 200 мрд. руб. в 1942/43 г. Через 20 лет, т.-е. примерно к 1947/48 г. этот фонд сможет быть увеличен до 600 мрд. руб., т.-е. примерно в 25 раз. Одновременно с этим основные фонды коммунального хозяйства мы сможем за 15 лет увеличить в 16 раз: с 2,5 мрд. руб. в 1927/28 г. до 40 мрд. руб. в 1942/43 г. Через 20 лет, т.-е. к 1947/48 г. мы сможем довести их до 100 мрд. руб. (все в ценах исходного 1927/28 г., т.-е. по физическому об'ему).

Как и все приведенные раньше цифры, эти цифры являются сугубо примерными, показывают весьма грубо и примерно те масштабы затрат и работ, какие мы можем и должны поставить себе задачей осуществить на протяжении ближайших 15 лет. Но уже эти масштабы говорят нам с полной очевидностью, что задачу коренной реконструкции наших городов и деревень мы можем поставить себе, как задачу вполне осуществимую.

По оптимальному варианту пятилетки Госплана, за первое пятилетие в городское и сельское жилищное строительство может быть вложено около 15 мрд. руб. по физическому об'ему, при чем жилищный основной фонд с 24 мрд. руб. в исходном году повысится к концу 1 пятилетия примерно до 35 мрд. руб. По примерным исчислениям моей гипотезы генерального плана, за 2 пятилетие мы сможем вложить в жилищное строительство уже около 40 мрд. руб., а за 3 пятилетие — сумму порядка 150—180 мрд. руб. (по неизменным ценам исходного 1927/28 г.). В связи с такими вложениями, наш жилищный фонд через 10 лет составит по физическому об'ему сумму около 60 мрд. руб., а через 15 лет — около 200 мрд. Таким образом, по физическому об'ему сумма вложений в 1 пятилетии составит несколько больше половины от величины основного фонда жилищ к началу этого пятилетия, во 2 пятилетии — уже свыше 100% от величины основного фонда к началу 2 пятилетия и около 170% от основного жилищного фонда 1927/28 г., а в 3 пятилетии вложения в жилищный фонд превысят его величину к началу 3 пятилетия в 2,5—3 раза, а величину жилищного фонда исходного года превысят в 6—7,5 раз.

Эта динамика вложений показывает, что если в 1 пятилетии мы принуждены будем заниматься главным образом расширением существующего жилищного фонда, особенно в сельской его части, то уже во 2 пятилетии мы сможем повести большую реконструктивную перестройку жилищного фонда как в городах, так и в селах, а в 3 пятилетии мы сможем подвергнуть весь жилищный фонд радикальной реконструкции, сможем не оставить от существующего жилищного городского и сельского фонда ничего и создать для трудящегося населения города и деревни совершенно иные, здоровые и удобные условия жизни.

Таким образом, действительная „эпоха великих работ" в области создания новых жилищных условий для трудящихся, эпоха полной замены существующих городов, сел и деревень поселениями нового, чисто социалистического, типа начнется во 2 пятилетии, а полное свое развертывание получит в 3 пятилетии, так что в период ближайших 15 лет процесс радикальной социалистической реконструкции существующих городов и деревень может быть в основном осуществлен. На такую перспективу и должны мы ориентироваться во всех наших работах по расширению и реконструкции городского и сельского жилищного фонда.

Но если „эпоха великих работ" в этой области начнется лишь во 2 пятилетии, то уже в 1 пятилетку мы сможем и должны выполнить целый ряд подготовительных работ, а в некоторых случаях (в отношении новых поселков при вновь строющихся заводах, расположенных в мало заселенных местах, а также в отношении новых совхозов), мы должны будем начать постройку поселений социалистического типа уже в ближайшие годы. Поэтому, проблема новых городов и нового быта, проблема организации поселений социалистического типа, является проблемой не отдаленного будущего, а проблемой, которую мы должны разрешать уже в настоящее время. В связи с этим в высшей степени актуальное значение приобретают вопросы организации жизни в этих поселениях, вопросы нового социалистического быта, а следовательно и о типе этих новых социалистических поселений.

В отношении быта, весь строй жизни современных городов построен на базе индивидуального домашнего хозяйства. Наличие домашнего хозяйства, „домашнего очага", питает мелко-буржуазный индивидуалистический быт, закабаляя в то же время женщину, заставляя ее обслуживать бытовые нужды всей семьи, — свои, мужа, детей, иногда родственников и проч. Этот индивидуалистический мелко-буржуазный быт накладывает резкий отпечаток на все устройство современных городов. Исключительно преобладающей частью городских зданий, обслуживающих быт трудящихся, являются жилые дома. Эти жилые дома являются одновременно местом жилья в собственном смысле этого слова, местом приготовления пищи, местом принятия пищи, местом стирки белья, местом физического ухода за детьми и воспитания их, местом отдыха, местом занятий в свободное от обязательной работы время и т. д.

Соответственно индивидуальному удовлетворению этих многочисленных потребностей каждой семьи строются и современные дома. Дома делятся на обособленные квартиры, по идее — отдельно для каждой семьи; если в настоящее время в большинстве квартир живут по несколько семей, то это об'ясняется жилищной нуждой, недостатком жилых зданий и низким материальным уровнем благосостояния населения, не позволяющим оплачивать большую площадь жилого помещения и сразу же начать широкое жилищное строительство. Поэтому в новых домах (в том числе и в новых рабочих поселках) стараются строить маленькие квартирки отдельно для каждой семьи. Соответственно требованиям индивидуального быта, в каждой квартире устраивается отдельная кухня („очаг"), отдельная ванная, передняя, коридор, кладовая и пр. Для людей умственного труда, принужденных много работать дома, отводятся особые комнаты для занятий. То же помещение используется и для отдыха, и для воспитания детей, и для принятия пищи и т. д.

Эти современные дома, являясь продуктом индивидуалистического быта, приспособленным к его требованиям, в то же время и питают этот индивидуалистический, мелко-буржуазный быт, прививают его и новому поколению, которому придется достраивать социализм и в дальнейшем жить в условиях осуществленного социалистического строя.

Еще в большей мере все это верно в отношении быта наших деревень, в которых каждая семья, ведя свое обособленное мелкое крестьянское хозяйство, имеет свою усадьбу, свою избу, приспособленную (и весьма скверно приспособленную) к обслуживанию всех стоящих на весьма низком уровне бытовых нужд сельского населения.

Этот мелко-буржуазный, индивидуалистический быт находится в резком противоречии с задачами построения социализма, с задачами создания нового человека. Он чужд пролетариату, как классу, строящему социализм. Закабаляющий женскую половину человечества, коверкающий молодое поколение, он враждебен пролетариату и он должен быть уничтожен, как одно из наиболее тяжелых наследий капиталистического строя, сковывающее силы трудящихся, мешающее им строить социалистическое общество. Задачи социалистической культурной революции самым тесным образом связаны с уничтожением этого мелко-буржуазного, индивидуалистического быта. Без его уничтожения социалистическая культурная революция невозможна.

Для того, чтобы уничтожить этот мелко-буржуазный, индивидуалистический быт, нужно прежде всего выбить из-под него питающую его материальную базу, нужно обобществить удовлетворение бытовых нужд населения. Как индивидуальное мелкое крестьянское хозяйство, теряя под собой экономическую почву в связи с механизацией и химизацией сельского хозяйства, неизбежно подвергается процессу обобществления и исчезнет, как особая форма хозяйства, также неизбежно исчезнет и индивидуальное домашнее хозяйство и индивидуалистический, мелко-буржуазный быт по мере постепенного обобществления быта. Поэтому жизнь в поселениях нового типа должна быть организована на началах социалистического, обобществленного быта и к обслуживанию этого обобществленного быта должны быть приноровлены эти новые поселения, призванные заменить собою нынешние города, села и деревни.

Основные черты обобществленного быта, поскольку мы можем уже в настоящее время конкретно представить их себе и противопоставить господствующему в капиталистическом строе индивидуалистическому быту (а вопрос этот пока еще почти совсем не разработан и нуждается в тщательной проработке), могут быть в основном сведены к следующему: общественное обслуживание бытовых нужд трудящихся: — общественное приготовление пищи (фабрики-кухни), общественное питание (столовые, целиком обслуживающие все питание населения на манер нынешних домов отдыха, пансионов и проч.), общественные прачечные и бани, механизация и централизация уборки помещений и т. д.; общественное воспитание и обучение молодого поколения, начиная с младенчества и до трудового возраста, на государственный счет; социальное обеспечение и обобществленное обслуживание всех бытовых нужд трудящихся, выходящих из возраста, подлежащего обязательной трудовой повинности; полное раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве и о воспитании детей и использование ее наравне с мужчиной в качестве полного работника в общественно-обязательном труде; широкое общественное обслуживание культурных потребностей, которые значительно поднимутся количественно и качественно и удовлетворению которых трудящиеся смогут уделять все больше времени по мере сокращения продолжительности рабочего дня, уделяемого общественно-обязательной работе.

Для того, чтобы можно было организовать такой обобществленный быт, необходимо соответственным образом устроить новые поселения, необходимо под новый обобществленный быт подвести соответственный материальный фундамент. В этом по существу и заключается „проблема города" в настоящее время, проблема социалистической реконструкции современных городов и деревень в переходный к социализму период. Из этого же, с совершенной очевидностью, становится ясно, что ни наши города, ни тем более наши села и деревни совершенно не приспособлены к разрешению этих задач, и что для построения социализма, для организации социалистического быта их действительно нужно „снести с лица земли" и заменить поселениями совершенно иного типа.

Конечно, поскольку вопрос об организации социалистического быта является еще почти совсем неразработанным, поскольку правильный ответ на него связан с целым рядом самых основных и глубоких вопросов общественной жизни человечества (в том числе и с таким вопросом, как вопрос о семье, вопрос о более или менее устойчивом браке, вопрос о физическом и умственном воспитании детей, вопрос об общественно-обязательном труде и свободных занятиях трудящихся сверх этого общественно-обязательного труда, об их соотношении и удельном весе и т. д.), поскольку в этой области во всей мировой истории мы не имеем никакого опыта,— конкретизирование организации жизни в поселениях социалистического типа и, в связи с этим, проектирование организации этих новых социалистических поселений представляет исключительные трудности. Над этими вопросами нам придется еще много работать и, главное, проверять правильность тех или иных построений и проектов на опыте организации различных типов поселений такого рода. Поэтому и в настоящей статье я не ставлю себе задачей набросать хотя бы примерный проект такого поселения социалистического типа. Я считаю возможным, в настоящее время, несколько остановиться лишь на основных принципах и основных характерных чертах такого рода новых поселений.

Главное, что будет отличать поселения социалистического типа от современных городов и деревень, это то, что те многообразные различные функции обслуживания быта трудящихся, которые об'единены в едином домашнем хозяйстве каждой семьи, будут разделены и будут обобществлены. Организация каждой из этих функций будет представлять самостоятельную отрасль, самостоятельную задачу, которая будет выполняться специальной организацией, специальным общественным учреждением.

Поскольку все элементы нынешнего домашнего хозяйства будут отделены от жилья, жилищная проблема в тесном смысле этого слова, с одной стороны, приобретает своеобразные черты, отличные от этой проблемы в капиталистическом государстве, а с другой стороны, потеряет свой всеоб'емлющий характер и всеоб'емлющее значение. Собственно, жилые дома должны будут служить только для жилья и при том только для жилья взрослых, так как проблема жилья для детей должна быть разрешена особо,— в связи с вопросом об общественном воспитании детей. Идея постройки изолированных маленьких домиков для отдельных семей, обладающая весьма привлекательными чертами для мелкобуржуазного, индивидуалистического быта, в поселениях социалистического типа не будет иметь под собой почвы, и, как правило, не может быть применена. Таких отдельных домиков просто нечем будет заполнить, ибо с этими „домиками“ неизбежно

ассоциируется отдельная кухня, отдельная столовая, отдельная комната для детей и т. д. Устройство таких изолированных домиков будет невыгодно, а жизнь в них будет неудобна, а поэтому и мало привлекательна. Повидимому, основным типом жилищ (исключения, конечно, всегда возможны) будут громадные дома, снабженные всеми удобствами, электрифицированные и теплофицированные за счет энергии и тепла, получаемых от ближайшего предприятия (электро-теплоцентрали), оборудованные лифтами, приборами для механической уборки помещений (пылесосами и пр.), ваннами и душами, может быть площадками для физкультурных упражнений перед сном и после сна и т. п. Несомненно, можно будет вполне обеспечить каждому взрослому трудящемуся не менее одной отдельной комнаты, соответственным образом меблированной. Нужды в частной собственности на мебель, этой необходимой принадлежности мелко-буржуазного, обособленного быта, повидимому уже не будет, ибо каждый трудящийся за счет тех благ, которые ему будут в определенном количестве полагаться за выполняемую им общественно-обязательную работу, сможет пользоваться той или иной принадлежащей государству (общественному дому-жилищу) обстановкой по своему вкусу. Но, как было уже указано выше, вопрос о жилище в узком смысле значительно потеряет свою остроту, ибо жилой дом будет выполнять главным образом функции спальни и при том только для взрослых трудящихся.

Весьма важной отраслью работы будет организация питания населения. Несомненно, что в области приготовления пищи, поскольку „пищеварение“ сделается крупнейшей отраслью производства и отраслью крупного производства, техника самых методов приготовления пищи сделает значительные успехи. В газетах были сообщения, что уже в настоящее время делаются опыты мгновенного приготовления пищи при помощи электрического тока весьма высокого напряжения. Всякие такого рода усовершенствования и открытия могут внести в эту отрасль чрезвычайно большие изменения и сильно упростить организацию приготовления пищи и питания населения. Так как приготовление пищи является пока наиболее кустарным и преимущественно даже домашним видом производства и большого опыта в организации этого дела, в форме крупного производства, мы еще не имеем, то в настоящее время трудно намечать какие-либо крупные технические, а в связи с этим и качественно крупные организационные сдвиги в этой области. Поэтому, в смысле техники, приходится пока исходить из нынешнего ее уровня в ее наиболее совершенных достижениях настоящего времени. Приготовление пищи должно быть максимально централизовано в специально устроенной фабрике-кухне, которая должна обслуживать все население социалистического поселка и не только обедами, а всеми видами питания.

Также централизованно, в основном, должно быть поставлено и само питание населения. Как правило, оно должно быть организовано в общественных столовых, одной или нескольких, в зависимости от величины и территориального расположения социалистическото поселка, примерно так, как это делается в настоящее время в санаториях или домах отдыха,— с той разницей, что в отношении выбора пищи, сроков и порядка питания, трудящимся может быть предоставлена значительно большая свобода. В виде исключения (например для заболевших и т. п.) может быть предусмотрена возможность доставки пищи, что называется „на дом". При такой организации питания, наиболее здоровой и экономной, будет, повидимому, почти совершенно изжито индивидуальное приобретение пищевых продуктов, за исключением, может быть, да и то временно, каких-либо деликатесов, которые будут употребляться не в обычное, установленное время питания. В связи с этим, очевидно, значительные изменения претерпит и консервная промышленность, которая будет консервировать продукты питания преимущественно не для индивидуального приобретения, а для обобществленного потребления (в фабриках-кухнях и общественных столовых).

Совершенно исключительное значение и место должны будут занять учреждения и здания для обслуживания культурных потребностей населения. Общественное воспитание детей и обобществление обслуживания основных бытовых нужд трудящихся, освобождающие женщину от „домашних работ" и заботы о детях; сильное сокращение продолжительности рабочего дня, т.-е. времени, отдаваемого общественно-обязательному труду (в 3 пятилетии не больше 5 часов, а в 4 пятилетии вероятно до 4 и даже до 3 часов, в день, или вместо этого значительное сокращение числа месяцев в году отдаваемых общественно - обязательному труду, т.-е. весьма значительное увеличение продолжительности нынешних отпусков, может быть до 4—6 мес. в году); сокращение об'ема возрастной группы, обязанной нести общественно - полезный труд (вероятно от 21 до 49 лет),— все это предоставит гражданам социалистического общества возможность гораздо больше времени отдавать отдыху, свободным занятиям наукой и искусством, заботам о физическом развитии, т.-е. всем видам спорта, разного рода развлечениям и т. д. Понятие „профессия" уже не будет являться наиболее основной чертой, характеризующей трудящегося человека. Любой работник физического труда сможет преобладающее количество своего времени отдавать так называемым „посторонним" занятиям. Один будет заниматься преимущественно наукой, другой музыкой, третий — изобретательством в области своей основной работы или в иной отрасли, четвертый—скульптурой, пятый—спортом и. т. д. В связи с этим разница между работниками физического и умственного труда будет постепенно стираться.

Но не только все эти разнообразные виды занятий должны обслуживаться соответственной организацией общественной жизни. Должны быть соответственно организованы и условия для развлечения и отдыха трудящихся в нерабочее время. Нынешний отдых дома, т.-е. ничегонеделание, является наименее разумным употреблением времени. Едва ли такой отдых дома, т.-е. в своих комнатах в жилых домах, будет распространенным явлением в поселениях социалистического типа. Поэтому организации специальных учреждений для развлечения и для отдыха трудящихся должно быть также уделено весьма большое внимание.

В связи с этим резко изменится и самый тип поселений. Если в настоящее время в каждом городе преобладающими строениями являются жилые дома, то в поселениях социалистического типа удельный вес домов-жилищ упадет чрезвычайно сильно, как и значение их в обслуживании культурно-бытовых потребностей трудящихся. Преобладающую часть строений (кроме фабрик и заводов, общественных складов, распределителей и т. п.) будут составлять здания культурно-просветительного назначения (включая и спорт), научные институты и разного рода лаборатории и мастерские, библиотеки, читальни, кабинеты для занятий, залы для концертов, театры, кино, дворцы спорта, спортивные площадки и станции, дворцы отдыха и т. д., и т. п.

Наконец, совершенно исключительное внимание при создании поселений социалистического типа должно быть обращено на создание специальных организаций и соответственных условий для воспитания детей. Задача построения социализма заключается в создании социалистических условий жизни трудящихся и в создании нового человека, лишенного всех тех отрицательных черт, которые неизбежно порождают в нем буржуазный строй, условия буржуазного или мелко-буржуазного быта (а таким бытом живет еще почти весь наш рабочий класс, не говоря уже о массе крестьянства, служащих, и пр.) и нынешние условия воспитания детей. Ведь воспитание детей — не ремесло, и даже не только наука, а, в известной мере, искусство, искусство социалистической педагогики. Поэтому воспитание детей с самого раннего возраста, может быть рационально организовано и поставлено только как общественное воспитание. Как и большинство вопросов построения социалистического общества и социалистического быта, этот вопрос также является еще весьма мало разработанным. Это создает большие затруднения для правильной проектировки поселений социалистического типа, — тем более, что это связано с разрешением ряда весьма сложных общих проблем.

В настоящее время дети (во всяком случае в раннем возрасте) являются полной „собственностью" родителей, как бы „естествен-

ным" составным элементом современной семьи. Поэтому кажется естественным, что дети и живут вместе с родителями и воспитываются ими. В социалистических условиях, при обобществлении воспитания, дети уже не будут являться „собственностью" родителей: они будут „собственностью" государства, которое возьмет на себя все задачи и заботы о воспитании детей. Поэтому первым следствием обобществления воспитания, как это уже было указано выше, должно явиться то, что дети не будут жить вместе с родителями. С самого же рождения они должны быть помещены в специальные „дома ребенка", обставленные по последнему слову социалистической педагогики, в наилучшие условия для их физического воспитания и развития в них наилучших, наиболее здоровых задатков. Вопрос о кормлении матерью ребенка в первый год его жизни может быть разрешен без особенных трудностей. Уже в настоящее время женщина-работница имеет установленный законом перерыв в работе для кормления ребенка грудью. В социалистических условиях, если, или до тех пор, пока кормление грудью не будет заменено, может быть, более рациональным искусственным вскармливанием детей, — этот вопрос будет разрешаться много легче, чем в настоящее время. Этому, прежде всего, будет содействовать значительно сокращенный рабочий день, а возможно также и более продолжительный отпуск кормящим матерям после родов. С другой стороны, посещение „дома ребенка", для кормления грудью своего ребенка, может быть организованно так, что представит значительно меньшие трудности, чем бегание домой, или даже чем кормление детей в нынешних яслях, организованных при предприятии или учреждении. Во всяком случае, пока кормление детей грудью явится основным способом кормления детей в первые месяцы их жизни, „дома ребенка", один или несколько, в зависимости от количества грудных детей и места расположения предприятий, должны быть организованы в том же социалистическом поселении, в котором живут и работают матери этих детей.

Особые учреждения должны быть организованы для воспитания детей так называемого „дошкольного" возраста. Основой воспитания детей, начиная с самого раннего возраста, должно быть воспитание коллективное. Уже в настоящее время мы имеем начатки такого воспитания в виде детских садов, детских площадок и т. п. Но сейчас ребенок воспитывается под двойственным влиянием: под „коллективистическим" влиянием детского сада (большею частью далеко не блестяще поставленного) и под индивидуалистическим, большею частью вредным влиянием семьи, родителей. Последнее влияние в условиях обобществленного воспитания должно быть совершенно устранено: дети должны развиваться исключительно под влиянием коллектива детей, руководимых надлежаще обученными, любящими и понимающими дело социалистического воспитания педагогами.

Так как социализм имеет своей задачей максимально развить индивидуальность каждого человека, содействовать расцвету всех его способностей и общественно-благоприятных задатков, то воспитание детей с самого раннего возраста должно быть обставлено так, чтобы можно было эту задачу осуществить. Поэтому учреждения для воспитания детей должны являться учреждениями достаточно сложными и разветвленными. Вероятно, лучше всего эти учреждения могут быть организованы в виде специальных „детских городков". Поскольку дети, начиная с раннего возраста, будут воспитываться государством вне всякого влияния семьи, вовсе не обязательно, чтобы эти „детские городки" были организованы непосредственно при поселениях, в которых работают родители детей, и вовсе не обязательно, чтобы каждый такой городок обслуживал бы только одно социалистическое поселение. Эти „детские городки" должны организовываться в наиболее здоровых местах, нередко вдали от поселений взрослых трудящихся, и могут обслуживать ряд поселений. Более слабые дети вообще будут воспитываться в детских городках, специально организованных в климатически наиболее здоровых местностях нашего Союза. Нужно, однако, думать, что в большинстве случаев, во всяком случае, в начале социалистического периода развития нашей страны, „детские городки" будут организовываться сравнительно невдалеке от социалистических поселений, в которых будут жить и работать родители детей.

Вопрос об организации жизни в „детских городках" представляет сложную проблему, которая подлежит специальной детальной проработке и разрешению в зависимости от установления тех или иных методов воспитания детей дошкольного возраста в социалистическом обществе. В зависимости от этого будет разрешаться и вопрос о типе этих городков, характере построек в них и соответственном их оборудовании.

Во всяком случае, однако, ясно, что „детские городки" будут представлять собою довольно сложное хозяйство, в известной мере напоминающее собой хозяйство общих поселений социалистического типа. В них должны быть специальные дома для жилья детей, фабрика-кухня, столовые, разнообразные учреждения для физического и умственного развития детей, для ознакомления детей с музыкой и другими видами искусства; элементарные мастерские, лаборатории, огороды и пр. для привития детям трудовых навыков; музеи и зоологические сады для ознакомления детей с жизнью природы и т. д. В этих городках должно, естественно, быть соответственным образом организовано так называемое коммунальное обслуживание, т. е. водопровод, канализация, электрическое освещение, центральное отопление (теплофикация), удобные дороги и средства для сообщения и т. д. Разработка проектов постройки и устройства такого типа

„детских городков" должна явиться предметом большой специальной работы, специального научно-конструктивного исследования.

Воспитание детей школьного возраста, т.-е. примерно с 7—8 до 16—17 лет, также должно быть коллективным и также обособленным от жизни взрослых трудящихся. Воспитание детей этого возраста должно происходить в специальных „школьных городках", которые должны представлять собой как бы продолжение „детских городков". В „школьных городках" воспитание должно быть наиболее тесно увязано с производственными процессами (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и пр.) и с наукой: оно должно быть в значительной мере построено на базе практического познания природы и методов управления ею. В смысле организации, эти городки должны являться значительно более развитым типом „детских городков", но учреждения, имеющие назначение вырабатывать трудовые навыки и практические знания (лаборатории, опытные поля, мастерские, различные кабинеты для занятий и пр.) должны занимать в них значительно более преобладающее место. Значительное место в воспитании детей школьного возраста должны занимать путешествия для ознакомления с разнообразными условиями природы и жизни обширной территории нашего Союза (а может быть и других советских социалистических государств, если к тому времени социалистическая революция будет произведена и в других странах). „Школьные городки", так же как и „детские", могут быть организованы вдали от общих поселений социалистического типа, в специально выбранных, наиболее подходящих для этого местах.

Наконец, высшее образование подростков (в возрасте от 16—17 до 20—21 года) должно быть уже самым тесным образом связано с производством и научными институтами и лабораториями, которые в свою очередь неразрывно будут связаны с производством промышленным и сельскохозяйственным. Поэтому подростки должны жить в общих социалистических поселениях вместе со взрослыми трудящимися. Они уже будут, в известной мере, участниками производственного процесса, но центр тяжести их работы будет лежать еще в плоскости теоретического и практического изучения соответственных дисциплин и практической подготовки к работе.

Несколько слов следует сказать относительно многочисленных ныне торгово-распределительных предприятий (государственных, кооперативных и частных), обслуживающих отдельных граждан и снабжающих их всякого рода продуктами промышленного и сельскохозяйственного производства. В социалистических поселениях не только торговля, в нынешнем смысле этого слова, не будет иметь места, но весьма незначительную роль будет играть и распределение продуктов между индивидуальными потребителями. Выше уже было

указано, что полное обобществление питания почти совершенно уничтожит индивидуальное распределение пищевых товаров, которые в нынешней торговле занимают весьма важное место. Обобществление жилищ изымет из индивидуального распределения почти все предметы, относящиеся к группе мебельных товаров. Весьма вероятно, что в эту группу попадет и постельное белье, которое, как и мебель, будет являться принадлежностью комнат, предоставляемых трудящимся для жилья (как это делается в нынешних гостиницах или санаториях). Из'яты будут из индивидуального распределения и все посудные товары, которые будут являться принадлежностью общественных столовых. То же самое относится и к многочисленным предметам обихода, как-то: ведра, топоры, утюги, гвозди, лампы, дрова, керосин и т. п. Обобществление воспитания и образования в полной мере прекратит индивидуальное распределение („в собственность") всех учебных пособий и в значительной мере сократит индивидуальное распределение таких предметов, как бумага и писчебумажные принадлежности. Громадное распространение библиотек, читален, кабинетов для занятий и пр. относительно чрезвычайно сократит индивидуальное распределение книг, журналов и т. д., и т. п. Благодаря такому обобществлению быта, на долю индивидуального распределения останется сравнительно небольшое количество изделий промышленности, преимущественно готовая одежда, белье, обувь, мелкие предметы индивидуального обихода (галантерея и пр.), такие предметы, как фотографические аппараты, деликатесы и пр. Поэтому хозяйственный аппарат для индивидуального распределения продуктов производства будет весьма негромоздок и будет занимать весьма небольшое место в социалистических поселениях. Государственный распределительный аппарат будет иметь своей целью обслуживание главным образом обобществленного удовлетворения потребностей населения социалистических поселений (снабжение всем необходимым жилых домов, фабрик-кухонь, столовых, библиотек и т. д.).

Исключительно хорошо должен быть организован в социалистических поселениях местный транспорт. Пока не изобретен способ воздушного сообщения на весьма коротких расстояниях, преимущественным способом сообщений будут, повидимому, электрические дороги (трамваи и железные электрические дороги) и автомобили (легковые и автобусы). В индивидуальной собственности на легковые автомобили, повидимому, нужды не будет, хотя управлению машиной будет, вероятно, обучено большинство, если не все трудящиеся.

Наиболее экономно и целесообразно будет обслуживать все население автомобилями из общественных гаражей, откуда каждый трудящийся (в счет причитающихся ему за его общественно-обязательную работу благ) сможет получать автомобиль всегда, когда он этого захочет.

Мы обрисовали в общих чертах тот тип социалистических поселений, который должен сменить нынешние города и деревни. Как видно из всего изложенного, эти поселения весьма мало будут походить на нынешние города с их скученностью, неблагоустройством нездоровыми условиями жизни, преобладанием соответствующих индивидуалистическому быту жилых домов, многочисленных предприятий и учреждений административного и торгового характера и т. д. Еще более резко будут они отличаться от нынешних диких и некультурных поселений деревенского типа. Все это с несомненной ясностью показывает, что для организации социалистического быта мы должны совершенно заново построить все поселения, не оставив „камня на камне“ от существующих городов и деревень.

Выше уже было указано, что эту революцию в условиях жизни трудящихся нашего Союза мы будем производить в период примерно 15 лет, что мы будем обладать материальными ресурсами, необходимыми для осуществления этой задачи.

Нужно, однако, заметить, что все приведенные исчисления, основанные на возможных масштабах нашего развития, изложенных в моей примерной гипотезе генерального плана, отнюдь не могут считаться оптимальными. Уже принятый V С'ездом Советов пятилетний план развития народного хозяйства (оптимальный вариант Госплана с рядом дополнений в сторону увеличения) превышает первый пятилетний отрезок моей гипотезы генерального плана как в отношении роста продукции, так и в отношении размера капитальных вложений. Между тем уже сейчас, немедленно после принятия этого пятилетнего плана, становится ясным, что он не только не является оптимальным, но несомненно будет значительно превзойден. В моей статье „Новый решительный сдвиг в пятилетних перспективах нашего развития“, помещенной в № 133 „Торгово-Промышленной Газеты“, я показал, что только одно введение непрерывного процесса работы предприятия (включая праздники) и установление шестидневной недели позволит нам увеличить об'ем производства за это пятилетие не в 2,8 раза, а по крайней мере в 3,5 раза. При этом темп развертывания производства у нас пойдет за это пятилетие не по медленно восходящей кривой, запроектированной мною в гипотезе генерального плана, а по резко восходящей кривой, при чем в последний год пятилетки прирост продукции в отношении к предыдущему году достигнет примерно 37,5%, тогда как по гипотезе генерального плана я принял достижение темпа ежегодного прироста продукции в 27,5% только в третьем пятилетии. При этом эффективность основного капитала возрастает за пятилетие не на 35—45% (при принятии размера действующего основного капитала в исходном 1927/28 г. по восстановительной стоимости), а на 55—60%. Снижение себестоимости в первом пятилетии может быть достигнуто в размере 38—40%, против принятых

по моей гипотезе 33%, а увеличение производительности труда — примерно до 250%, против принятых мною 220%. Все это об'ясняется, в основном, значительно большими капитальными вложениями за пятилетие сравнительно с теми, что предположены мною в первом пятилетнем отрезке гипотезы генерального плана.

Все это показывает, что повидимому темп нашего развития будет значительно более быстрым, чем это запроектировано в моей гипотезе генерального плана, и потому все проблемы социального преобразования нашего общества, выдвинутые мною в этом плане, нам придется разрешать гораздо ранее и гораздо более быстрым темпом. В связи с этим значительно более быстрым темпом нам придется разрешать и проблему городов в той постановке, которая выдвигается мною в настоящей статье.

Какие практические выводы отсюда следуют?

Прежде всего — выводы так сказать „отрицательного“ порядка. Мы размещаем наши новые предприятия (за исключением тех, которые из-за расположения сырья или энергии нам приходится строить в новых местах — Магнитогорский завод, Тельбесский, новый промышленный комбинат при Днепрострое и т. д.) в существующих городах, преимущественно крупных: в Москве, Ленинграде, Харькове Нижнем-Новгороде, Сталинграде и т. д. В связи с этим наши города быстро растут, население в них быстро увеличивается, они начинают быстро застраиваться, и чем дальше, тем в больших размерах. Коммунхозы наших крупных городов создают большие планы их расширения,— первой, второй, третьей очереди. Проектируются грандиозные коммунальные сооружения вроде метрополитена в Москве. Строются многочисленные новые коммунальные дома, всячески поощряется кооперативное и частное жилищное строительство и т. д. и т. п. И мало кому приходит в голову вопрос: правильно ли мы делаем, увлекаемые стихией нашего роста, идя по пути, проторенному капиталистическим развитием городов? Не строим ли мы того, что нам самим придется разрушать в ближайшем же будущем? Не создаем ли мы сами себе затруднения, которые нам придется затем преодолевать, не идем ли мы по наиболее дорогому, по наименее экономному для народного хозяйства пути?

Все эти вопросы, конечно, совершенно законны и более чем своевременны. Мы уже сейчас, не откладывая, должны разрешить вопрос,—должны ли мы итти по пути дальнейшей централизации жизни в крупных городах, или мы должны немедленно же стать на путь их децентрализации. Вопрос этот не теоретический, а сугубо практический, так как с ним связано громадное строительство фабрик и заводов и большое жилищное строительство, осуществляемое нами уже в настоящее время. Из рассмотренных перспектив нашего развития на этот вопрос может быть только один ответ: мы должны прекратить проектирование большого рас-

ширения существующих городов, мы должны радикально пересмотреть под этим углом зрения размещение новых промышленных предприятий и расширение существующих, мы должны с этой же точки зрения подойти и к транспортному строительству, в особенности к развитию местного транспорта.

Мы должны немедленно же приступить к составлению планов не дальнейшего расширения, а децентрализации наших городов. Конечно, задача это — не легкая. Экономика прошлого тянет нас по старому капиталистическому пути размещения промышленности и развития наших городов. Этот путь, для близорукого взгляда, кажется более выгодным, более экономным: имеется магистраль и под'ездные пути к ней, доставка сырья удобнее и как будто дешевле: имеется сконцентрированное население, в том числе достаточно безработных; вблизи находятся всякого рода обслуживающие учреждения и т. д. Но то, что с частнохозяйственной точки зрения кажется более выгодным, с общегосударственной, народнохозяйственной точки зрения является в конечном счете наименее выгодным. Всякое развитие имеет свою неумолимую логику,— в том числе и развитие городов по обычному капиталистическому пути, по которому мы шли до сих пор и который нас тянет и дальше в свою сторону. Мы должны переломить эту стихийную тенденцию и противопоставить ей плановое строительство новых поселений социалистического типа.

Строительство новых предприятий мы должны безусловно выносить далеко за пределы существующих городов. К расширению существующих предприятий мы также должны подходить осторожно, т.-к. под видом расширения фактически нередко скрывается постройка нового предприятия, во много раз превышающего старое „расширяющееся" предприятие и по размерам продукции, и по стоимости основного капитала: в таких случаях нередко более целесообразным окажется перенос предприятия далеко за город (с использованием, по возможности, годного старого оборудования и части строительных материалов),—в место проектируемого нового поселения социалистического типа. Схему децентрализации современного крупного города можно себе представить в виде постепенной организации вокруг него, по определенному плану,— на расстоянии 30—50 *км* — новых поселений социалистического типа, в которых и должны строиться все новые предприятия, так или иначе связываемые в настоящее время с существующими крупными городами. Эти социалистические поселения должны быть и центром организации крупных сельскохозяйственных предприятий, создаваемых путем коллективизации окружающего крестьянского населения и в конечном счете, вероятно, сделаются и местом поселения трудящихся, которые будут заняты в этих крупных сельскохозяйственных предприятиях. Эти новые поселения должны постепенно делаться и культурными центрами: в них должны строиться и те новые культурные учреждения, которые в настоящее время намечены к постройке в существующих городах. В них могут постепенно переноситься и те административные учреждения (в том числе и центральные), которые в настоящее время сконцентрированы в наших крупных городах.

К осуществлению этих проектов можно приступить уже в ближайшие годы и очень многое можно сделать уже в текущем пятилетии. Намеченное пятилетним планом крупное строительство энергетических станций, которое несомненно будет в действительности значительно усилено; значительно более широкое и значительно ускоренное автостроительство, которое намечается сейчас, уже после принятия V С'ездом Советов пятилетнего плана; значительное ускорение постройки тракторных заводов и, несомненно, большее расширение (по сравнению с пятилетним планом) производства тракторов и сельскохозяйственных машин и возможность, в связи с этим, значительного форсирования процесса коллективизации крестьянского хозяйства, необходимость чего неизбежно вытекает и из общих складывающихся условий нашего развития; выясняющаяся возможность значительно больших накоплений,— в особенности в промышленности; возможность большего поднятия заработной платы, в связи с несомненно большим поднятием производительности труда (как указано выше) и необходимость и возможность, в связи с этим, больше поднять материальные и культурно-бытовые условия жизни рабочих, что наиболее достижимо при значительной социализации заработной платы,— все это, во-первых, значительно облегчит создание новых культурных поселений социалистического типа, как новых центров крупного индустриально-аграрного хозяйства, а, во-вторых делает скорейшую организацию их делом все более настоятельным, все более неотложным.

Поэтому, к разработке таких планов децентрализации наших крупных городов,— в связи с планами индустриализации отдельных районов, вопросами географического размещения промышленности и планами коллективизации крестьянства и организации крупных государственных сельскохозяйственных предприятий,— должно быть приступлено в самое ближайшее время.

Поскольку так ставится вопрос о социалистической реконструкции современных городов, в которых увязаны „на капиталистический образец" громадные капиталы и в отношении которых мы обязаны в первую очередь поставить вопрос о прекращении их дальнейшего роста по капиталистическому пути и постепенном переводе его в социалистическое русло,— постольку зна-

чительно решительнее должен быть поставлен вопрос об организации рабочих поселков, возводимых при новых крупных заводах, строющихся в новых, сравнительно мало заселенных местах. По этому поводу мне уже пришлось высказаться в статье „Проблемы рабочего быта в пятилетке", помещенной 8 марта 1929 г. в № 56 „Торг. Пром. Газеты". В этой статье мною развита следующая аргументация:

„Пятилетка промышленности запроектировала целый ряд таких заводов, как-то: Магнитогорский, Криворожский, Тельбесский, металлургические комбинаты, крупнейший промышленный комбинат при Днепровской электрической станции, Свирская районная электроцентраль и т. д. В местах постройки этих заводов по большей части не имеется готовых поселков, в которых могли бы разместиться рабочие, которые должны работать на этих заводах; рабочие поселки приходится возводить совершенно заново, — почти на чистом месте; в жилых постройках и зданиях никакие капиталы еще не увязаны; в эти места придется нередко привлекать рабочих из других мест, нередко создавать новые кадры рабочих.

Поэтому в отношении новых заводов вопрос несколько упрощается.

Однако, и в отношении новых заводов основной вопрос все же остается: можем ли мы позволить себе уже в настоящее время, на уровне еще низкой техники и невысокой производительности труда, строить социалистический быт, который предполагает значительно большие культурные удобства жизни рабочих?

Ведь удобства стоят денег, а денег у нас еще мало, и в первую очередь мы должны направлять их по производственному назначению, на увеличение основного капитала и переоборудование промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д. Не задержим ли мы этим развитие производительных сил страны, а следовательно и переустройство ее на социалистических началах, т.-е. не задержим ли мы, в конечном счете, улучшение положения всего рабочего класса, занимаясь значительным улучшением условий жизни отдельных сравнительно немногочисленных групп рабочих?

Конечно, если бы эти соображения были правильны, мы должны были бы отказаться от постройки поселков социалистического типа при новых крупнейших заводах, расположенных в новых местах, так как интересы всего рабочего класса не должны быть принесены в жертву интересам отдельных его групп. Если я выдвигаю в настоящее время эту идею, то только потому, что считаю, что без чрезмерного напряжения мы можем приступить к постройке поселков социалистического типа уже в текущем пятилетии, если правильно подойдем к разрешению этой задачи.

Конечно, до более детальной проработки этого весьма сложного вопроса на него трудно ответить вполне определенно; однако, целый

ряд весьма веских соображений заставляет признать, что строительство таких социалистических поселков, при крупнейших новых заводах, может оказаться с народнохозяйственной точки зрения наиболее выгодным и целесообразным. Доводами в пользу постройки в этих случаях поселков социалистического типа являются следующие соображения.

Проектируя постройку новых крупнейших заводов по последнему слову иностранной науки и техники, наши специалисты сплошь и рядом проектируют выработку на 1 рабочего на этих заводах ниже, чем в капиталистических странах, исходя из того, что наш рабочий-де недостаточно культурен и т. д. Между тем, строя новые технически совершенные заводы, мы должны ставить себе задачей добиться на них производительности труда не ниже заграничной; это значит, что нередко мы должны проектировать производительность труда вдвое более высокую, чем та, которая намечена в наших пятилетних планах. При такой производительности труда, для работы на данном заводе потребуется значительно меньше (нередко вдвое меньше) рабочих чем намечено в наших пятилетках; это значит, что, при той же сумме затрат на жилищное строительство, мы сможем затратить на каждого рабочего вдвое больше средств и, следовательно, предоставить ему значительно более культурные условия жизни.

Далее, освобождая, благодаря полному обобществлению быта, женщину от необходимости заниматься домашней работой и уходом за детьми, мы освобождаем полного работника, который может и должен быть занят производительным трудом; ибо в социалистическом поселке всякая женщина в трудоспособном возрасте должна быть использована на производительной работе так же, как и всякий трудоспособный мужчина. Значительная часть женщин-работниц может быть занята на производстве в заводе; остальная часть женщин может быть занята в учреждениях и предприятиях, обслуживающих бытовые нужды всех членов социалистического поселка (на фабрике-кухне, в общественных столовых, яслях, в общественном воспитании детей и пр.). Это еще больше уменьшит число лиц, которые должны быть устроены в социалистическом поселке при новом заводе и даст возможность еще больше увеличить затраты на строительство, падающее на 1 душу (считая и взрослых и детей).

Но, конечно, не во всех производствах, по крайней мере в настоящее время, можно использовать женский труд наравне с трудом мужчины, — особенно в тяжелой индустрии, где пока от рабочего требуется большая физическая сила. В связи с этим своевременно было бы выдвинуть задачу комбинирования новых крупных заводов, строящихся в новых, мало заселен

ных местах, с крупным, научно поставленным и технически рационально организованным сельским хозяйством: — с зерновой или, еще лучше, комбинированной сельскохозяйственной фабрикой. Проблема такого комбинирования вообще представляет для нас весьма большой интерес и может сыграть в дальнейшем нашем развитии весьма крупную роль. В разбираемом случае, такое комбинирование также может сыграть очень большую роль в двух отношениях: оно даст возможность наиболее правильно использовать всех без исключения работников — мужчин, женщин и подростков — на производственной работе на заводе и в сельском хозяйстве; кроме того оно даст возможность рационально поставить и значительно удешевить снабжение рабочих продовольственными продуктами сельскохозяйственного производства.

Значительное повышение производительности труда рабочих, занятых в технически совершенных предприятиях и живущих в культурных условиях социалистического поселка, даст возможность увеличить расходы на рабочего (номинальную заработную плату) при уменьшении доли заработной платы в общих издержках производства, т.-е. повышении рентабельности и увеличении накоплений предприятия. Уже одно это позволит существенно повысить жизненный уровень рабочих на этих новых, технически совершенных заводах. Кроме того, положение рабочего очень значительно улучшится вследствие того, что все трудоспособные члены его семьи будут заняты производительным трудом и будут получать заработную плату. Благодаря этому, расходы, падающие на 1 душу населения социалистического рабочего поселка, могут быть увеличены в 2—3 раза.

Наконец, общественное производство пищи на фабриках-кухнях и массовая заготовка предметов питания дадут еще добавочную экономию и позволят еще больше увеличить расходы на 1 душу населения.

Все приведенные соображения показывают, что при тех же абсолютных затратах на жилищное строительство, при постройке социалистического поселка, мы сможем увеличить расход на 1 душу в 2—3 раза; это должно дать возможность как увеличить жилищную норму, падающую на каждую душу, так и построить здания и учреждения, обслуживающие культурно-бытовые нужды трудящихся и членов их семьи. С другой стороны, указанное увеличение расходов на 1 душу населения позволит в 2—3 раза (в денежном выражении, а фактически в значительно большее количество раз) повысить реальный уровень жизни рабочих, создать для них вполне культурные условия жизни,—не хуже, а вероятно лучше условий жизни среднего американского рабочего,— естественным результатом чего будет требуемое значительное повышение производительности труда рабочих на наших новых, технически совершенных заводах. Заработная плата, при этих условиях, может быть в значительно преобладающей части социализирована".

Естественным вопросом, который неизбежно возникает в связи с проблемой социалистической реконструкции наших городов и постройки социалистических поселений уже в ближайшее время, является вопрос об избыточном населении в городе и деревне.

В своей работе по генеральному плану („СССР через 15 лет") я показал, что при громадном поднятии производительности труда нам, примерно с середины второго пятилетия, не только не угрожает избыточность населения, но есть все основания полагать, что мы будем испытывать известный недостаток в рабочих руках и что этот недостаток будет нас толкать в сторону дальнейшей рационализации промышленного и сельскохозяйственного производства, в сторону дальнейшего повышения производительности труда. Я считаю, что нет основания опасаться увеличения избыточного населения и в том случае, если мы приступим к организации социалистических поселений уже в текущем пятилетии,— и именно в связи с одновременной и совместной реконструкцией и промышленности и сельского хозяйства.

Новые социалистические поселения, организуемые вокруг вновь возводимых промышленных предприятий, могут и должны одновременно явиться организующими центрами для коллективизации окружающего крестьянского хозяйства,— и не только, конечно, зерновой его части, но и других полевых культур: огородничества, животноводства и промышленной переработки сельскохозяйственных продуктов. Организованное по последнему слову техники промышленное предприятие, на котором работают рабочие, живущие в культурном социалистическом поселении, и коллективизированное, машинизированное и электрифицированное сельское хозяйство являются наиболее высокой формой хозяйства, а потому и наиболее продуктивной и выгодной. Они будут создавать не меньше, а больше продуктов, чем существующая ныне более примитивная форма хозяйства, а следовательно, в общем и целом, больше обеспечат население промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Вопрос идет лишь о том, что на этих предприятиях может быть занято меньше трудящихся, чем занято в настоящее время. Но такое соображение неправильно и исходит из рассмотрения вещей в их статике, а не в динамике. Обобществление крестьянского хозяйства, при организующем влиянии первоначально только промышленного социалистического поселения, освобождая часть рабочих рук, будет немедленно же создавать условия для их трудового применения. Ведь уровень жизни рабочих в социалистических поселениях будет значительно выше, чем уровень жизни рабочих в настоящее время, и их необходимо будет в значительно большем размере снабжать продук-

тами интенсивного сельского хозяйства (овощи, мясо, птица, яйца масло, молоко и пр.). С другой стороны, и крестьяне, об'единившись в крупное машинизированное и научно поставленное сельскохозяйственное предприятие, также быстро поднимут свой уровень жизни и в значительно большей мере явятся потребителями этих продуктов интенсивного сельского хозяйства. Поэтому, организация социалистического поселения, как центра крупной промышленности, и организация вокруг этого поселения одного или нескольких крупных коллективных земледельческих хозяйств, в первую очередь зернового типа или типа специальных культур (свекла, лен и т. п.), неизбежно вызовет необходимость организации и крупных обобществленных огородных, животноводческих, птицеводных, садоводных и прочих хозяйств, которые поглотят избыточное население, освобождаемое при коллективизации крестьянских хозяйств и организации крупных рационализированных промышленных предприятий с очень высокой производительностью труда. Это — совершенно естественный диалектический процесс одновременного быстрого развития промышленности и сельского хозяйства, организуемых на подлинно социалистических началах и на базе быстрого поднятия материального и культурного уровня трудящихся.

Процесс децентрализации территориального размещения промышленных предприятий и организации при них социалистических поселений, как центров социалистической реорганизации не только промышленности, но и всех отраслей сельского хозяйства, явится могучим хозяйственным и культурным походом пролетариата социалистического города на мелко-буржуазную деревню, походом социалистического сектора на сектор частно-хозяйственный, капиталистический с целью его реорганизации на социалистических началах и уничтожения, совместными силами пролетариата и вовлеченной на новый социалистический путь развития бедняцкой и середняцкой массы крестьянства, последних корней капитализма в нашей стране. Строительство социалистических поселений при организуемых крупных промышленно-сельскохозяйственных комбинатах явится могучим рычагом для быстрой реорганизации нашего хозяйства и нашего общества на социалистических началах, для подлинного превращения нашей страны „из России нэповской в Россию социалистическую".

Именно поэтому социалистическая реконструкция наших городов, организация новых поселений социалистического типа на место современных городов и деревень является проблемой весьма актуальной, проблемой не завтрашнего, а сегодняшнего дня. И чем скорее мы приступим не только к разработке этой проблемы (а она нуждается еще в большой разработке и большой конкретизации), но и к ее разрешению, тем скорее мы построим социализм в нашей стране.

С. Г. Струмилин

К проблеме эффективности капитальных затрат

Эффективность накопления

В наше время нельзя себе мыслить общественного производства путем использования одного лишь невооруженного человеческого труда. Возрастающая роль материальных средств производства, т.-е. уже обвеществленного, „мертвого" труда на ряду с трудом живым в процессе общественного производства выдвигает перед нами проблему огромного, я бы сказал, решающего значения для планового хозяйства в такой стране, как в СССР. Это проблема оптимальных темпов хозяйственного накопления и его производственной эффективности.

Более вооруженный за счет накопления средств производства труд эффективнее менее вооруженного. Это положение в достаточной степени бесспорно. Недаром же закон и пророки капиталистического общества именно на этом основании без всяких колебаний и ограничений всю свою хозяйственную мудрость выражали в едином все обнимающем выводе: накопляйте! Но мы не должны забывать, что для них этот вопрос разрешался так просто только потому, что накопление капиталистического общества совершалось за счет чужого труда.

В трудовом обществе накопление не может стать самоцелью. Для нас производственное накопление в последнем счете есть только средство для увеличения непроизводственного потребления. И если мы в порядке хозяйственной предусмотрительности готовы увеличить затраты труда или сократить свое личное потребление ради производственного накопления на сегодня, то лишь постольку, поскольку это накопление гарантирует нам сокращение труда или расширенное потребление на завтра и послезавтра. Отсюда задача: какое самоограничение наличного в каждый данный момент населения ради накопления на сегодня дает оптимальный для него эффект в облегчении его труда и суммарном потреблении на сегодня, завтра и послезавтра или, говоря общее, в течение всей жизни данного поколения? А для того, чтобы разрешить такую задачу, следует заранее знать точную меру эффективности наших производственных накоплений или так называемых „капитальных" вложений в основные и оборотные производственные фонды.

Термин капитальные вложения или затраты в отношении к нашему обобществленному хозяйству применяется здесь, конечно,

только по инерции общепринятого словоупотребления и за отсутствием другого, более точно отражающего нашу советскую экономику переходного периода.

В чем же может быть найдена мера эффективности капитальных вложений?

Прежде всего можно различать три типа капитальных затрат: 1) наиболее экстенсивный, обеспечивающий максимальное привлечение в производство новых кадров труда даже ценой понижения средней нормы его вооруженности, т.-е. употребляя категории капиталистического хозяйства, со снижением среднего органического состава капитала в стране, 2) наиболее интенсивный, главная задача которого не столько расширение производства, сколько экономия в труде за счет повышения средней нормы его вооруженности, и 3) средний тип, расширяющий производство в той же мере, в какой расширяется применение труда, т.-е. при постоянной норме его вооруженности и, стало быть, неизменном строении капитала.

Во всех этих случаях новые вложения влекут за собой и новое расширение продукции, т.-е. сопровождаются известным положительным с этой точки зрения эффектом. Но если бы мы приняли за меру этого эффекта количество добавочной продукции на единицу новых капитальных вложений, то получили бы довольно неожиданный на первый взгляд вывод: чем совершеннее с точки зрения современной техники то производственное вооружение труда, на которое мы обращаем наши капитальные затраты, тем меньше по общему правилу их эффективность на единицу капитала. Например, простой кустарь сапожник затрачивает меньше „капитала" на пару обуви, т.-е. работает в этом смысле „эффективнее" крупной механической мастерской, ручное ткачество по той же мерке „эффективнее" фабричного, второстепенная тепловая станция „эффективнее" первоклассной гидростанции и т. д.

Почему же это так?

Об'яснение найти не трудно. Продукция — ни в ценностном, ни в натуральном своем выражении — сама по себе не может служить мерою эффективности „капитальных вложений" уже потому, что размер ее определяется не только мертвыми средствами производства, но и живым трудом. При ценностном измерении продукции это особенно ясно. Ведь ценность продукции определяется только трудом. Правда, в эту ценность входят не только элементы живого труда, но и амортизация, т.-е. накопленный труд, овеществленный в снашиваемой части основного капитала. Но, как известно, амортизация обычно составляет весьма небольшую часть вложенных в производство средств производства, а живой труд переходит в ценность создаваемого им продукта полностью и потому определяет ее в большей мере, чем „капитализированный", т.-е. накопленный мертвый труд. При количественном измерении продукции, т.-е. когда мы имеем дело только с ее полезностью, а не ценностью, производственная роль технической вооруженности труда, т.-е. накопленного богатства, значительно больше роли живого труда. Уже из этого следует, что в качестве мерила эффективности вложений „об'емные" измерители продукции гораздо более показательны, чем ценностные. Но и они сами по себе для этой цели мало пригодны, ибо если в производствах с высоким строением „капитала" решающую роль в определении количества создаваемых благ играет вооруженность труда, т.-е. „капитальные" затраты, то при низком строении эта роль выпадает, наоборот, почти всецело на долю затрат живого труда.

Из сказанного ясно, что без учета строения „капитала" построить учет его эффективности было бы невозможно. Чтобы получить в продукции меру эффективности одного лишь накопленного труда, необходимо было бы изолировать действие другого фактора, т.-е. живого труда, а это тем труднее, что совокупное их действие определяется не только абсолютными размерами каждого, но и их отношением друг к другу.

На ряду с продукцией в качестве измерителя эффективности капитальных вложений предлагался за последнее время и целый ряд других, например, производительность труда, снижение себестоимости, повышение рентабельности. И, конечно, каждый из этих показателей, как и продукция, находится в несомненной функциональной связи с ростом капитальных затрат. Но все они определяются не только величиной затрат, но и совокупным действием целого ряда других независимых между собой факторов, а потому принять их изменения за меру действия одного лишь из этих факторов невозможно.

Я думаю, что абсолютной меры эффективности капитала и вообще искать не следовало бы. Это было бы, повидимому, столь же неразрешимой задачей, как задача найти абсолютную меру сравнения уровня производительности труда в производстах различных незаменимых между собой благ. И, пожалуй, по одной и той же причине. Производственный эффект и живого и накопленного труда, т.-е. „капитальных" вложений в последнем счете один и тот же. И тот и другой направлены в последнем счете на создание потребительных ценностей различного значения. Но мерила соизмеримости между собой этого рода ценностей мы не имеем. А потому и абсолютной меры тех факторов, которые предполагают соизмеримость их эффекта, — т.-е. созданных этими факторами полезностей, едва ли найти возможно.

Но на худой конец, мы могли бы удовлетвориться и методами относительного измерения интересующей нас эффективности. Мы не можем соизмерить производительности труда, скажем, электромонтера и пахаря или ткача и сапожника, а потому не можем определить и среднего уровня производительности для всех видов труда в какой-либо момент без отношения к какому-либо другому моменту. Но построить индекс производительности труда, измеряющий ее динамику за тот или иной период, мы вполне можем. Точно так же

едва ли нам удастся измерить в каких-либо показателях абсолютный уровень эффективности капитальных затрат за какой-либо момент, но сопоставить этот уровень динамически для различных моментов при известных условиях мы несомненно смогли бы.

Нужно лишь какой-то момент и характерный для него уровень эффективности капитальных вложений принять за условную базу динамических сопоставлений. А затем, поскольку всякие сопоставления этого рода могут быть выражены лишь в относительных числах по отдельным вполне сравнимым между собой во времени отраслям труда и производствам, то необходимо еще условиться о методах взвешивания таких частных показателей эффективности для перехода к обобществленному индексу, обнимающему более широкие сферы труда или даже все хозяйство в целом.

Простейшим случаем, наиболее доступным для динамически сопоставлений, можно считать такой, когда новые вложения не изменяют пропорции между живым и накопленным трудом в производстве. Здесь, стало быть, прирост продукции, следующий за одинаковым увеличением масштаба вложений и живого и мертвого труда может быть с полным правом принят за общую меру эффективности и того и другого. Если при этом, с увеличением в n раз всего капитала, при неизменном его составе, и продукция возрастет в такое же число раз, то мы в праве будем заключить, что эффективность единицы капитала, а вместе с тем и живого труда, осталась неизменной.

Конечно, такой рост продукции в прямой пропорции с ростом капитала даже при неизменном его органическом составе отнюдь не может быть установлен на основе каких-либо априорных соображений. Дело конкретного исследования установить, будет ли имеет место на деле такая пропорциональность или в связи с ростом предприятия аккумулированный капитал даже при постоянном органическом его строении будет до известных пределов повышать свою производственную эффективность, а затем, достигнув своего оптимума, начнет снова снижать ее в той или иной мере. Я лично думаю, что вполне вероятной является последняя гипотеза. А тогда перед нами встанет новая задача: на каждой технической ступени развития того или иного производства определить оптимальный масштаб отдельного предприятия с капиталом заранее заданного органического строения.

Более сложными для технико-экономического анализа придется признать те случаи, когда новые капитальные вложения сопровождаются более или менее существенной реконструкцией не только масштабов предприятия, но и норм вооруженности труда, т.-е. органического строения капитала.

Если при среднем строении капитала в стране ($H + C$ [illegible]) для производства P единиц годовой продукции требуется овеществить в ней t часов труда, то положительный эффект новых капитальных

вложений, изменяющих данное строение капитала, по сравнению с ранее достигнутым уровнем, может найти свое отражение только в двух направлениях: либо в повышении P при неизменном t, либо в сокращении t при неизменном P. Говоря общее, в обоих случаях этот эффект выразится в увеличении отношения $\frac{P}{t}$, т.-е. в повышении производительности труда. Соответственно этому, отрицательный эффект новых капитальных затрат нам пришлось бы констатировать в том случае, если бы результатом их явилось известное снижение средней производительности труда в стране.

Нет нужды пояснять, что положительный в указанном отношении эффект должны, по общему правилу, дать такие вложения, которые повышают средний органический состав „капитала“ в стране, и отрицательный те, которые понижают его.

В качестве наиболее частого примера вложений, понижающих средний органический состав капитала в стране, можно указать многообразные вложения в индивидуальное крестьянское хозяйство, и в частности, в переселенческое дело для рассасывания аграрного перенаселения деревни, в разного рода примитивные по вооруженности труда, но тем более трудоемкие „общественные работы“ — для использования труда безработных и т. д. Такого рода вложения в условиях значительных избытков неиспользованного труда и недостатка капиталов могут оказаться неизбежными. Но все же общество, накоплений которого хватало бы только на такого рода вложения — для обеспечения естественного прироста населения самыми примитивными видами труда — такое общество несомненно очень скоро пошло бы по пути самой полной хозяйственной деградации. Такого рода вложения, как уже было указано, ведь смогут только понизить средний уровень производительности труда в стране, а стало быть, вместе с тем неизбежно понизится и душевой уровень народного дохода, что приведет либо к непосредственному снижению потребления, либо к дальнейшему снижению и без того недостаточных норм производственного накопления и, значит, дальнейшей хозяйственной деградации общества.

Прямой и очень важный вывод, вытекающий из сказанного, сводится к следующему. Если мы не хотим итти по пути хозяйственной деградации, то должны выделять из народного дохода в производственное накопление такую его долю, которая превышала бы потребность всего естественного прироста трудоспособного населения в средствах производства по средней для всей страны норме трудовооруженности. Например, в СССР к 1928/29 г. числилось на 82,4 млн. душ в рабочем возрасте 82,2 мрд. руб. в основных и реальных оборотных фондах страны, что дает в среднем по 1.000 рублей на работника.[1]

[1] „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР“. М. 1929 г., т. II, ч. 2, стр. 48, 36.

Годовой естественный прирост числа таких работников мы определяем в 1,8 млн. душ. Значит, говоря грубо, в производственное накопление мы должны ежегодно обращать не менее 1,8 мрд. червон. руб.

Конечно, это только минимальный предел. На самом деле, мы намерены увеличить наши основные и оборотные фонды за 1928/29 г. по пятилетнему плану на 6,2 мрд. руб., т.-е. значительно выше только что указанной минимальной нормы. Но и в качестве такого минимума эта норма очень показательна. Она позволяет нам конкретно видеть насколько мы уже в общем далеко шагнули от этого порога хозяйственной деградации к хозяйственному прогрессу.

Рост производительности труда может служить наилучшим показателем хозяйственного прогресса. В то же время, если не прямо то косвенно, он отражает в себе и уровень эффективности капитальных вложений. Но вполне точной мерой этой эффективности он служить не может уже потому, что определяется он не только степенью капиталовооруженности труда, но в известной мере, и другими факторами, например, интенсивностью и дисциплиной труда уровнем культуры и квалификации рабочих и т. п.

Наиболее адекватное мерило эффективности капитальных затрат мы найдем лишь тогда, если учтем прямое и непосредственное их назначение — вооружить или перевооружить живой труд. Для чего это делается, если не для того, чтобы облегчить или сократить этот труд при прочих равных условиях, т.-е. при достижении тех же производственных результатов? А если это верно, то непосредственный эффект от всяких капитальных вложений должен измеряться достигаемой за счет этих вложений общественной экономией труда и только ею.

В капиталистическом обществе, где хозяин средств производства эксплоатирует по общему правилу чужой труд, эта простая истина сильно затемняется. Капиталиста интересуют не столько сбережения в труде, сколько экономия в зарплате и других издержках производства, повышающая рентабельность его вложений. Для него рентабельность во всяком случае высший, если не единственный, критерий эффективности капитальных затрат. Но для нас этот критерий — в условиях нормируемых государством товарных цен и зарплаты — совершенно теряет свое прежнее значение. Рентабельность тех или иных из наших предприятий является зачастую в гораздо большей мере следствием нашей политики цен, зарплаты, налогов и акцизов, попенной платы и т. д., т.-е., говоря общее, нашей политики перераспределения народного дохода, чем условий производства и степени вооруженности труда. Именно поэтому, в нашей политике вложений с „рентабельностью“ затрат мы зачастую совершенно не считаемся. Например, искусственные удобрения и земледельческие машины мы склонны продавать ниже себестоимости, и все же капитальные вложения в эту „нерентабельную“ область труда усиливаем, а весьма

„рентабельное“ производство водки сокращаем. Тем большее для нас значение в качестве мерила эффективности вложений приобретает критерий связанной с ними общественной экономии в труде.

Как же мы должны использовать этот критерий?

Изменения уровня эффективности капитальных затрат за счет новых вложений на любом уровне вооруженности труда, на наш взгляд, могут быть измерены той дополнительной экономией в труде, которая получается при новой структуре производства и новом физическом об'еме продукции по сравнению с трудовыми затратами, необходимыми для создания того же об'ема продукции на прежнем уровне вооруженности труда.

Мы говорим здесь, пока только о дополнительной экономии (e) за счет вносимой новыми вложениями реконструкции производственных процессов или, говоря иначе, за счет повышения уровня структуры накопленного и живого труда в производстве ($C:r$). И такую дополнительную эффективность можно было бы назвать дифференциальной. Лишь в том случае, если бы мы могли начать наше исследование с такого момента, когда вооруженность хозяйственного труда в стране была близка к нулю, экономия в труде полученная от вложения тех или иных капитальных затрат, дала бы показатель полной их эффективности. Но такой возможности мы не имеем. На любом уровне структуры производства, который мы можем наблюдать, в нем используется не только живой, но и накопленный мертвый труд. И, конечно, использование второго экономизирует в какой-то степени первый. Только нам неизвестно в какой.

Если эту неизвестную нам величину годовой экономии в труде от действующего в данный момент капитала C обозначить через e, а возможный срок действия этого капитала до износа исчисляется в n лет, то полная экономия труда, обеспеченная наличностью такого капитала, выразится величиной ne, а средний уровень его эффективности на единицу капитала будет $E=\frac{ne}{C}$. Если мы к этой величине добавим эффект новых ΔC единиц капитала, то при прежнем уровне его эффективности получим еще $\Delta C\frac{ne}{C}$ единиц с'экономленного труда за счет этих добавочных затрат. Однако, при невозможности измерить основную величину e и эта производная от нее величина по необходимости остается неизвестной.

Гораздо легче определить дифференциальную эффективность или, говоря иначе, прирост эффективности новых затрат, по сравнению с нормой эффективности действующих вложений, так как здесь есть определенный масштаб для сравнений.

В самом деле, разберем несколько теоретически наиболее интересных случаев.

Допустим, прежде всего, что новая годовая продукция (P') после дополнительных затрат ΔC единиц капитала равна по общему раз-

меру старой (P), но овеществляет t' часов живого и мертвого труда, а при прежних условиях производства она содержала бы t часов труда. Заключаем, что общий годовой итог экономии в труде, полученный в результате реконструкции производства $e = t - t'$, а из расчета на единицу новых капитальных затрат $\frac{t-t'}{\Delta C}$. Если вложенный капитал способен функционировать за время полного своего оборота n лет и, таким образом, обеспечивает возможность получить означенную годовую экономию в труде n раз, то полный прирост эффективности данных затрат на единицу капитала

$$\Delta E = \frac{ne}{\Delta C} = \frac{n(t-t')}{\Delta C}.$$

В качестве второго случая допустим, что после вложений и реконструкции производства общая сумма трудовых затрат в производстве не изменилась, т.-е. $t = t'$, но P', стало больше по своему физическому об'ему по сравнению с P, тогда применимо следующее рассуждение. При прежних условиях производства на единицу продукта затрачивалось $\frac{t}{P}$ часов труда, для производства P' единиц новой продукции при тех же условиях потребовалось бы в P' больше труда, т.-е. $\frac{P'}{P}t$, а, на самом деле, в результате новых вложений потребовалось только $t = t'$ часов, стало быть, годовая экономия $e = \frac{P'}{P}t - t' = \frac{P't - Pt'}{P}$, что при условии $t = t'$ дает $\frac{t(P'-P)}{P}$. А полный прирост эффективности сделанных затрат против прежнего уровня получится по той же формуле $\Delta E = \frac{ne}{\Delta C}$, как и в первом случае.

Наиболее общим случаем мы считали бы такой, когда за счет новых вложений мы получаем одновременное изменение и продукции и труда. При чем и здесь следует различать особо 3 возможности: 1) когда P' возрастает быстрее чем t', 2) когда оно отстает в своем росте от t и 3) когда оба они возрастают пропорционально.

Во всех этих подслучаях мы можем выразить экономию в труде, как и выше, одной и той же формулой:

$$e = \frac{P't - Pt'}{P}$$

но только в зависимости от различного значения входящих сюда величин, искомая величина e может получить и положительное, и отрицательное, и нулевое значение. Если P' и t' возрастают в одной и той же пропорции, т.-е. $\frac{P'}{P} = \frac{t'}{t}$ то $P't = Pt'$ и числитель дроби, в вышеприведенной формуле, обращается в нуль. Если продукция (P')

возрастает быстрее трудовых затрат (t'), т.-е. $\frac{P'}{P} > \frac{t'}{t}$, то $P't > Pt'$ и числитель нашей дроби становится положительным. И, наконец, при более быстром росте трудовых затрат по сравнению с продукцией этот числитель, а вместе с ним и величина e становится отрицательной.

Спрашивается, какой же экономический смысл можно придать нулевому и отрицательному значению этих показателей эффективности капитальных затрат.

На первый взгляд отрицательный или даже нулевой результат капитальных затрат представляется совершенно непонятным. Кто стал бы делать такие затраты, не ожидая от них никакого положительного эффекта. Разумеется, никто. Но, в данном случае, наши показатели измеряют не самую эффективность, а лишь прирост ее или сокращение против ранее достигнутого уровня. А этот уровень, несомненно, может не только повышаться, но и снижаться или оставаться стабильным, несмотря на новые вложения.

Нормой эффективности капитальных затрат мы называем частное от деления экономии в труде, которую нам сулят данные вложения, на сумму этих вложений. Но сумма вложений может быть дана либо в номинальной их величине, т.-е. в денежном выражении, либо в реальном трудовом их значении, т.-е. выраженная числом часов или дней труда, затраченных на их производство.

Особенный интерес представит для нас второй случай, ибо здесь норма эффективности капитальных затрат дает нам сопоставление этих затрат с их эффектом в совершенно однородных величинах.

Чтобы иллюстрировать это нагляднее, приведем следующий примерный расчет. По пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР чистая продукция или народный доход СССР за 1927/28 г. оценивается в 24,7 мрд. черв. руб., а через 5 лет — в 1932/33 г. — он должен достигнуть по тем же ценам 44,8 мрд. Этот эффект по плану должен получиться в результате увеличения затрат живого труда с 48,0 до 58,2 млн. человеко-лет полноценного мужского труда в год и повышения основных и оборотных фондов на $37{,}7 + 14{,}2 = 51{,}9$ мрд. руб. в ценах 1927/28 г. при среднем амортизационном сроке службы этих фондов около 20 лет. Допуская в первом приближении, что квалификация и интенсивность труда в СССР за 5 лет существенно не изменится, мы можем определить по вышепринятой формуле годовую экономию в труде за счет новых вложений к 1932/33 г. в 29 млн. человеко-лет труда [1], а за 20 лет эта экономия возрасла бы до 580 млн. лет труда. Если разделить

[1] Если $P' = 44{,}8$, $P = 24{,}7$, $t = 58{,}2$ и $t = 48{,}0$, то

это на прирост фондов в 51,9 мрд., то получим эффект от затрат каждого миллиона рублей, вновь вложенного в эти фонды, в сумме около 11,2 тыс. лет сбереженного труда. Если же принять по данным той же пятилетки, что 51,9 мрд. вложений эквивалентны, примерно, 80,6 млн. лет труда средней квалификации, то эффективность затраты этого труда выразится коэффициентом 580 : 80,6 = 7,2.

Это значит, что каждый час труда, затраченный в течение ближайшего пятилетия в целях капитальных накоплений, обеспечит нам возможность сберечь или использовать производительно на различные нужды не менее 7,2 часа в последующие пятилетия.

Такая норма эффективности наших трудовых затрат, направленных на перевооружение труда, может в достаточной степени стимулировать то самоограничение, какого требует от нас задача накопления средств производства в настоящем, ради расширенного удовлетворения своих потребностей в ближайшем будущем.

Сопутствующие факторы

Однако, здесь необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, следует предостеречь от возможного смешения понятия эффективности капитальных вложений, в том смысле, как мы ее здесь определяем, от понятий „производительности" капитала или „рентабельности" его, о которых обычно трактуют буржуазные экономисты. Капитальные вложения, согласно вышеизложенному, повышают только производительность труда, т.-е. сумму полезностей, которые могут быть созданы данным трудовым коллективом в единицу времени, но в то же время они не создают ни грана добавочной ценности за счет увеличения физического об'ема новой продукции, ибо ценность ее снижается в меру возрастания производительности труда. Таким образом, не производя никакой добавочной ценности „капитальные" вложения сами по себе отнюдь не могут об'яснить или оправдать в какой-либо мере тот или иной уровень „рентабельности" этих вложений. А значит и, наоборот, уровень рентабельности, определяющийся совершенно иными факторами, отнюдь не может быть мерою эффективности тех или иных вложений.

И другая оговорка. Капитальные затраты, в целях перевооружения труда, повышают его производительность. Но это отнюдь не единственный фактор ее роста. А потому, вышеприведенный расчет, в котором весь прирост производительности за пять лет отнесен целиком за счет одного лишь капитального перевооружения труда, допустим только в качестве первого приближения. Несомненно, нам скажут, что на ряду с ним следовало бы учесть также известную долю влияния на производительность и огромной рационализации производства, столь характерной для периода реконструкции и не

менее крупного сдвига в уровне квалификации рабочей силы, и целого ряда других моментов, запроектированных в нашем пятилетнем плане.

В какой же мере поддается учету эта доля влияния сопутствующих факторов? И в какой мере ее можно и нужно измерить?

Ответить на эти вопросы нелегкая задача. Однако, попробуем все же до известной степени проанализировать роль названных факторов. И, прежде всего, спросим себя, где кончается рационализация производственных процессов и начинается капитальное перевооружение труда.

Мне кажется, что грань, разделяющая эти понятия, чрезвычайно условна. Повидимому, всякая рационализация только до тех пор может быть оторвана от связанных с ней более или менее значительных вложений, пока она существует лишь в идее, т.-е. пока она не осуществляется на деле. Но ведь любая рационализаторская идея, как и всякое другое, хотя бы самое великое и остроумное изобретение, реально повышают производительность труда не с того момента, когда они запатентованы, а лишь с того, когда они вводятся в производство.

Возьмем какие угодно рационализаторские идеи. Вот, например, плодотворнейшая идея конвейера или непрерывного потока в производстве. Разве для своего осуществления она не требует очень значительных затрат. В особенности, когда ее желательно применить в порядке реконструкции уже действующих предприятий. Недавно на Сталинском металлургическом заводе мы наблюдали как в одном корпусе жидкая сталь отливается в болванки, а затем, эти болванки в холодном состоянии доставляются в соседний корпус и снова там нагреваются для проката. Огромные потери энергии на совершенно нерациональное повторное нагревание металла взывают к небу о необходимости рационализации. Но, чтобы ее осуществить, нужно совершенно по иному перепланировать весь завод. А это стоит огромных затрат.

Конечно, для того, чтобы осуществлять творческие рационализаторские идеи, ими надо располагать сначала. Выработка таких идей стоит не малого труда. И в соответствии с этим, они имеют определенную рыночную стоимость.

Мы делаем эти идеи предметом импорта из-за границы, очень недешево оплачивая патенты и техническую помощь иностранных инженеров и изобретателей, но в то же время организуем в крупном масштабе и отечественное производство рационализаторских идей, ассигнуя большие суммы на организацию целого ряда проектировочных учреждений, комитетов по стандартизации, гипромезов, гипрошахт и т. п. фабрик, изготовляющих готовые проекты реконструкции производства и рационализации труда в стране. Конечно, эти фабрики могут давать свой готовый продукт только опираясь на организованное в широком масштабе производство соответствующих

щих полуфабрикатов и материалов в разного рода научноисследовательских институтах, опытных станциях, химических лабораториях и т. д. Огромная масса творчески-рационализаторских идей фабрикуется у нас и непосредственно в процессе производства на каждом отдельном предприятии. Так, недавно, на одном только небольшом кабельном заводе в г. Киеве имели случай видеть целый ряд уже осуществленных интереснейших изобретений такого рода, а всего рабочими этого завода запатентовано не менее 40 изобретений. Однако, и такой творческий, как и всякий другой общественно-полезный, труд по общему правилу находит свою расценку на рынке.

Эта расценка в одних случаях, когда наука составляет монопольную привиллегию немногих счастливцев, повышается значительно выше затраченных ими трудовых усилий, в других — при достаточной демократизации знаний — приближается к уровню общественно-необходимых трудовых затрат. Но, во всех случаях, стоимость этих идей входит на ряду со стоимостью машин и орудий в ту сумму затрат овеществленного труда, которая учитывается нами в общем итоге капитальных затрат, необходимых для перевооружения живого труда.

Тот, кто захотел бы на ряду с эффективностью капитальных затрат учесть особо, как самостоятельный фактор, эффективность рационализации производства, поставил бы перед собой совершенно иррациональную задачу. Всякая реконструкция производства, требует ли она огромных новых сооруженнй или ограничивается простой перестановкой двух-трех наличных станков, означает прежде всего овеществление известных творческих идей человеческого разума. И с этой точки зрения весь эффект всякой реконструкции, независимо от суммы связанных с нею затрат, можно бы рассматривать как эффект рационализации. Но это никуда бы нас не подвинуло, ибо измерять степень „разумности“ или, что то же „рациональности“ любой из этих идей мы все равно не смогли бы не чем иным, кроме их полезного эффекта с точки зрения верховного принципа экономии человеческого труда, т. е. путем сопоставления овеществленных при реализации каждой из этих идей затрат умственного и физического труда с той экономией в труде, которую эти затраты нам обеспечивают. Но ведь именно этою мерою мы до сих пор и собирались измерять эффективность так называемых „капитальных“ вложений. Таким образом, оба понятия и рационализация производства и эффективность вложений в этом отношении сближаются до полной неразличаемости.

Несколько иначе приходится рассматривать такие факторы, как переход на семичасовой день, двухсменную и трехсменную работу или на непрерывную производственную неделю и т. п. рационализаторские мероприятия, изменяющие условия нагрузки действующего оборудования. Совершенно бесспорно, что проведение

в жизнь таких переходов невозможно без большой организационной подготовки и материальных затрат, иной раз весьма значительных. Ведь даже сокращение рабочего дня у нас ни в коем случае не предполагает сокращения производства. Наоборот, в наших условиях оно рассматривается, как непосредственная предпосылка его дальнейшего расширения либо путем перехода на многосменную работу, либо путем иных изменений в условиях производства, повышающих производительность труда, например, путем конвейеризации известных процессов, перехода на большее число станков и т. д. Но расширение производства, прежде всего, предполагает увеличение оборотных средств; увеличение числа рабочих даже при старых машинах требует новых вложений в жилищное строительство, а при реконструкции производственных процессов эти вложения неизбежны и по всем другим линиям.

И все же при изучении эффективности такого рода вложений, связанных с изменением периода нагрузки наличных средств производства, вполне возможно и целесообразно влияние этого момента различной нагрузки исключить на время из поля зрения наблюдателя и помимо суммарного коэфициента эффективности, обнимающего всю совокупность рационализаторских действий, получить и специальный коэфициент эффективности данных вложений в условиях неизменной нагрузки действующих средств производства.

В отношении уровня квалификации рабочей силы и ее влияния на эффективность перевооружения труда мы должны сказать следующее. Известный под'ем культурно-квалификационного уровня рабочей силы является совершенно неизбежной предпосылкой сколько-нибудь значительного технического перевооружения труда. Вот почему, мы уже давно пришли к выводу, что культурное перевооружение труда ни в коем случае не должно отставать от технического. Но вместе с тем, мы пришли к выводу, что затраты нашего бюджета на повышение культурного уровня страны следует рассматривать наравне с затратами на техническую реконструкцию производства, как совершенно равноценные по своему значению для нашего хозяйства капитальные затраты.

В 1927/28 г. все затраты по линии социального воспитания, наук и искусств в СССР достигали по подсчетам Госплана 1.029 млн. черв. руб. Чтобы поддержать страну на том же культурном уровне на следующие 5 лет с учетом прироста населения, следовало бы затратить около 5,4 мрд., а пятилетний план даже по минимальному варианту ассигнует на это 9.844 млн. руб.[1] Таким образом, не менее 4,4 мрд. по этому расчету будет затрачено на повышение наличного культурного уровня страны. По сравнению с вышеучтенными затратами на техническое перевооружение хозяйственного труда (51,9 мрд.

[1] „Пятилетний план“. т. II, ч. 2, стр. 19.

эти дополнительные затраты на культурное его перевооружение составляют не более 8,5%, но все же это весьма заметная величина. И если при исчислении эффективности капитальных затрат учесть и ее, то вышеисчисленный коэфициент их эффективности понизится для нашей пятилетки с 7,2 до 6,6.

Однако, между затратами на техническое и культурное перевооружение рабочей силы имеется одно весьма существенное различие. Первые из них имеют только производственное значение и затраченный на них труд является чистой потерей, т.-е. известным лишением с точки зрения рабочего *как потребителя*, а вторые не лишены и потребительского значения. Приобретение всяких знаний, обучение искусствам, чтение книг и газет, посещение музеев, театров и вообще приобщение ко всем прочим благам культуры не только полезно, но в большей части и приятно. Во всяком случае все эти действия обладают вполне самостоятельной потребительской ценностью. Труд, затраченный на воспроизводство этих благ, т.-е. на постройку и обслуживание всякого рода школ, музеев, театров и т. п. учреждений относится к сфере производства предметов потребления, а не средств производства. И *с точки зрения накопления овеществленного, мертвого труда* для вооружения живого он едва ли подлежит учету, так как в конечном счете кристаллизуется не в вещном виде, а лишь в повышенном *качестве* живого труда.

Если уж для уточнения коэфициентов эффективности накопленного мертвого труда в наших условиях и нужно учитывать культурные затраты, то не в сумме мертвого, а в контингентах живого труда. В самом деле, при учете сумм народной продукции в 1927/28 г. и 1932/33 г. мы выше принимали, что на производство их затрачиваются такие-то массы человеческого труда. Но в этих массах вовсе не учитывался весь обслуживающий рабочую силу непроизводственный труд. Можно подойти к этому расчету однако и по иному. Квалификация производственной рабочей силы в 1932/33 г. несомненно будет выше, чем в 1927/28 г. Но почему? Потому, что на культурное ее обслуживание в течение ряда лет будет расходоваться больше труда, чем в прежние годы. Например, в 1927/28 г. культурно-просветительной работой было занято 737 тыс., а в 1932/33 г. по плану будет занято не менее 1.010 тыс. Но если размер народного продукта определяется не только количеством, но и качеством тех производственных кадров, которые его создают, то при учете определяющей эту продукцию массы труда может быть нужно учитывать не только производственный персонал, но и весь обслуживающий его просветительно-культурный персонал. А если взглянуть на это шире, то и вообще весь обслуживающий рабочую силу труд, включая сюда и медицинский персонал, занятый ремонтом рабочей силы, и труд, обслуживающий ее жилища и всякий другой домашний труд.

Тогда вышеприведенный расчет изменился бы следующим образом. Народный продукт 1927/28 г. и 1932/33 г. попрежнему составлял бы 24,7 и 44,8 мрд. руб. по одним и тем же ценам. Но затраты живого труда, соответствующие этим массам продукта повысились бы, примерно, до 69,6 и 81,1 млн. рабочих лет мужского труда при возрастании всех основных и оборотных фондов страны с 82,2 до 139,7 мрд. по неизменным ценам.[1] Годовая экономия в труде к концу пятилетки $e = \frac{P'l - Pl'}{P}$ составила бы при этих условиях 36,6 млн. лет труда, а за 20 лет — 732 млн. Эффективность накопления фондов из расчета на каждый миллион рублей выразилась бы при этом в $\frac{732}{57{,}5} = 12{,}8$ тыс. лет экономии труда или из расчета на каждый час труда, затраченного ради накопления этих фондов, в $\frac{732}{126{,}5} = 5{,}8$ часа возможной экономии труда.

Такой расчет, учитывающий не только производственный, но и весь обслуживающий труд, дает, конечно, пониженный коэфициент эффективности накопленного труда, но все же вполне достаточный для стимуляции намеченной программы вложений.

Из других сопутствующих техническому перевооружению труда моментов на ряду с под'емом квалификации рабочей силы особого внимания заслуживают изменения в норме интенсивности труда.

В известной своей части эти изменения определяются самой техникой производства и совершенно не зависят от воли рабочих. Например, если в порядке реконструкции производства, мы станем расширять применение конвейера, то уже тем самым вызовем соответствующее уплотнение рабочего времени, т.-е. повышение интенсивности труда. Но на ряду с конвейеризацией всякая реконструкция производства имеет перед собой еще более общую и важную задачу — механизации труда, т.-е. возможной широкой замены человеческого ручного труда машинным. В первую голову при этом машинизируется наиболее тяжелый, опасный и вредный ручной труд. И стало быть, если интенсивность труда измерять суммой затрат человеческой нервно-мышечной энергии в единицу времени, то в результате механизации труда эти затраты, несомненно, должны заметно снижаться.

Трудно указать более тяжелый труд, чем подземная работа забойщиков и саночников в рудниках, но вот уже на наших глазах врубовая машина энергично заменяет забойщиков, скрепер вытесняет саночников и через каких-нибудь 5—6 лет этот каторжный труд станет лишь предметом жутких воспоминаний. Еще недавно — вспомните красочный рассказ Гаршина — ужасным считался труд ручного глухаря — клепальщика, но механическая клепка сжатым воздухом и гидравлическими прессами столь радикально изменила условия труда

[1] „Пятилетний план", т. II, ч. 2. стр. 48 и 36.

в этом деле, что и Гаршинский „глухарь" в нашей промышленности становится очень редкой птицей. Высоко изнурителен труд рабочих, обслуживающих горячие цеха, — у домен, при коксовых установках, на прокатных станах и т. д., но и здесь одна операция за другой вытесняется автоматическими устройствами и процент рабочих, вынужденных жариться в этом нестерпимом пекле резко падает. Мы уже не говорим о том облегчении, какое приносят с собою в области то же крайне изнурительного земледельческого труда такие машины, как тракторы, жнейки, косилки, молотилки и т. п.

В общем итоге техника производства в результате новых капитальных затрат понижает затраты мышечной энергии рабочих, но зато пред'являет одновременно дополнительные требования к их вниманию, понятливости, находчивости, т.-е. повышает затраты нервной энергии. К сожалению, определить какая же из этих тенденций перевешивает в конечном счете мы пока не можем. Легче было бы измерить степень утомляемости от различных видов труда и ее положить в основу сравнения их интенсивности. Но утомляемость сама по себе не столь уже надежное мерило, ибо она изменяется не только от об'ективных условий труда, но и от суб'ективного состояния работника. Например, нелюбимый, скучный, вынужденный труд всегда утомляет значительно быстрее и сильнее, чем веселая, интересная, творческая работа. Горячая работа в порядке социалистического соревнования в СССР даже при повышенной ее результативности будет, несомненно, не столь тягостно-утомительной, как подневольный труд на своих классовых врагов — эксплоататоров в капиталистических странах.

Одним словом, мы не имеем еще надежных методов измерения интенсивности труда и, к сожалению, доныне очень мало еще работали над этой крайне важной проблемой. Но учитывая, что в этой области действуют одновременно противоборствующие тенденции, можно допустить, что в общем они до известной степени уравнивают друг друга: конвейеризацию мы уравновешиваем механизацией труда, социалистическое соревнование, уплотняющее рабочий день, сопровождается у нас одновременным сокращением этого рабочего дня и, стало быть, удлинением суточного отдыха и т. д. А если это так, то в общем по всему народному хозяйству в целом при учете эффективности перевооружения труда интенсивность труда можно принимать за величину постоянную.

Гораздо большие трудности возникнут у нас в этом отношении, да и в целом ряде других, когда мы от общего исчисления коэфициентов эффективности капитальных вложений по всей стране перейдем к более частным измерителям ее по отдельным отраслям труда и производствам. Но это уже особая тема, требующая специальной методологической разработки.

Е. С. Эфраимский

Порайонный план и его значение для кооперативного планирования

Вполне сознавая некоторую искусственность связи трактуемых нами элементов нашей темы, мы все же идем на это по ряду соображений. Основное и главное соображение заключается в том, что порайонный подход для кооперации (мы имеем в виду, главным образом, сельскохозяйственную) представляет собой такое Conditio sine qua non, без коего немыслим сам кооперативный план. Отсюда ясно, что малейшая неточность в трактовке районного подхода, неправильное понимание сути районирования чревато вреднейшими последствиями для всего планового строительства кооперации. Поэтому нам кажется вполне приемлемым и допустимым наш несколько длинный экскурс (вырастающий почти в самостоятельную тему) в область сущности господствующих у нас начал госпланов-ского районирования. Это еще диктуется и тем соображением, что районного разреза плана кооперативного строительства на селе мы еще не имеем, его предстоит еще в процессе дальнейшей работы над пятилеткой создать. Предварительным условием успешного выполнения этой работы может быть лишь вдумчивое и глубокое изучение грандиозного опыта работы Госплана, давшего в своем общем районном разрезе пятилетки образец единственного правильного материального воплощения, им же еще в 1921 г. провозглашенных принципов районирования.

Однако первая часть темы имеет и самостоятельное значение (что, как уже сказано, является наиболее уязвимым местом архитектоники статьи). Дело в том, что районный разрез пятилетки дает план развития „больших" районов Госплана без детализации их характеристики по различным их частям. Между тем за время, протекшее со времени установления госплановских районов, назрела потребность в более дифференцированном подходе к некоторым „большим" районам и, в особенности, к национальным республикам, имеющим свои внутренние районные различия. Эта внутренняя детализация районов и районная разработка планов крупных национальных республик, как отмечают авторы районного разреза пятилетки, являются уже задачей соответствующих областных и республиканских органов, разрешающих ее под руководством союзного Госплана. Эти задачи национальными республиками уже поставлены. Так,

украинский Госплан во вступительной части своей пятилетки пишет: „Вторая задача. Районирование в плане такой экономически развитой республики, как Украина, с ее разнообразными природными и экономическими условиями, которые в действительности (насправди) разделяют ее на ряд определенных экономических районов, является обязательным заданием...“ [1] Вряд ли нужно доказывать своевременность сейчас, перед этой большой работой, глубокого обсуждения самой методологии нашего районирования. Это тем более очевидно, что, по крайней мере, вне стен госплановской лаборатории, в нашей экономической литературе, методология районирования до сих пор еще не нашла себе правильного освещения. Отсюда — вскрыть богатейшее содержание созданной Госпланом и им же блестяще воплощенной в жизнь методологии районирования — задача безусловно актуальная.

I

Методология госплановского районирования образует собой часть общей методологии планирования. Это связь между обеими методологиями выражает в то же время и внутреннюю связь обеих проблем. Недаром поэтому та или иная трактовка сущности плана сопровождается и соответственным „изменением“ в трактовке сущности районирования. Ибо родственность обеих этих проблем не [illegible] не „роднить“ и уклонов от правильного понимания их. Как будет показано ниже, ошибки в понимании сущности районирования удивительно напоминали ошибки в трактовке сущности плана. Легко понять отсюда, насколько необходимо и важно перенесение критики этих ошибок и на область районирования, где всякие ложные концепции являются лишь иным выражением ошибочных представлений о плане и, об'ективно формой ревизии правильной методологии планирования. Обратимся к плану.

Основные принципы в методологии планирования были уже даны в исторической работе ГОЭЛРО. Представление о плане как об „инженерной проектировке новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий“ содержалось уже во всех построениях ГОЭЛРО. Однако, по целому ряду причин, лежавших на стороне экономики страны, в первые годы нэпа необходимых предпосылок проведения подлинного плана народного хозяйства не было, вследствие чего методология ГОЭЛРО фактически не нашла себе применения в общехозяйственном плане. В старых плановых построениях того времени правильная методология ГОЭЛРО нередко уступала место простым попыткам „предвосхищения“ будущего, попыткам предвидения результатов, статистически учтенных процессов, что внешне нашло себе выражение в методе так называемой статистической экстраполяции прошлых (даже довоенных) и настоящих

[1] „Шляхи й темпи розвитку народнього господарства УСРР“, Державна планова комісія, Харків, 1929 р., стор. 38.

темпов развития на будущее. Но уже в первых годовых „контрольных цифрах“ практика планирования целиком основывалась на правильной методологии, следовательно, отвергла противоречащий самой идее плана метод „предвидения“ и стала на путь программно-директивного проектирования будущего. Правда, как об этом сообщает Укргосплан[1], и настоящая пятилетка (Украинская), в ее начальном варианте, была целиком построена на пресловутой идее статистической экстраполяции. Однако эта методология была вскоре оставлена, чему, между прочим, не мало способствовал общий дух решений XV с'езда и, в особенности, ноябрьского пленума ЦК.

Идеология по обыкновению запаздывает; это касается и „плановой идеологии“, по крайней мере, в некоторой ее части. Изжитые уже недостатки прежнего планирования стали только теперь достоянием некоторых наших экономистов, пытающихся возвести в руководящий принцип планирования то, что являлось его недостатком на ранней ступени его развития (проф. Кондратьев, Н. П. Макаров).[2] Концепция Кондратьева, рассматривающего план как „предвидение“ результатов стихийных процессов, т.-е. дающего такую трактовку плана, которая по сути является отрицанием его, теперь уже теоретически тоже преодолена, а влияние ее на практику в настоящее время равно круглому рулю. Однако мы вспомнили о ней не даром; и не голой любознательности ради мы привели и эту справку о развитии „плановой идеологии“. Как видим дальше, принципиальное содержание большинства „уклонов“ от правильной методологии районирования по сути воспроизводит Кондратьевскую идею „плана — предзидения“, лишь в иной разумеется, форме. Чтоб убедиться в этом, нам придется обратиться сейчас к развитию взглядов на районирование. Здесь нам придется уже быть менее краткими.

Мы говорили, что в основном правильная методология районирования была уже выработана Госпланом еще в 1921 г. В чем же ее основное содержание? Прежде всего в том, что здесь Госплан впервые поставил самую проблему районирования. Как будет показано дальше, подлинное районирование начинается только с работами Госплана. То, что под названием „районирование“ известно было ранее (работы по „районированию“ многочисленной плеяды русских экономистов), по сути дела ничего общего с районированием в истинном смысле этого слова не имеет. Эта довольно очевидная истина странным образом прошла совершенно незамеченной в нашей литературе. Даже творцы новой „методологии районирования“ не отдавали себе полного отчета в характере тех различий, какие существуют между их работами и

[1] „Пути развития народного хозяйства УССР, материалы к пятилетнему плану„. Госплан УССР, Харьков, 1928 г.

[2] См. их статьи в № 2 журнала „Пути сельского хозяйства“ за 1927 г.

теми, что прежде незаслужено именовались тем же именем „районирования". Так, один из руководителей работ по районированию, проф. И. Г. Александров писал.[1] „Но прежний подход к проблеме (районирования. *Е. Э.*) требовал значительных изменений в самой постановке задачи. Поскольку районирование отходило от прежних задач, чисто показательного типа, становилось реальной оболочкой актуальной организации, приобретало телеологический, целевой характер, приходилось не только сделать выбор между методами, предложенными многочисленными авторами работ по интересующему нас вопросу, но и создавать свой метод". И далее: „...постановка (задачи районирования, *Е. Э.*) от прежней отличалась так, как статистический учет экономического процесса отличается от экономической политики" (разрядка моя, *Е. Э.*). Хотя проф. Асександров и связывает различие методов старого „районирования" и новых работ в этой области с различием в материальной части того и другого районирования, однако всей глубины различий их он не видит. В других работах участников комиссии Госплана по районированию (см. „Труды Госплана", цитируемые ниже) мы сплошь и рядом встречаемся с констатированием различий в методах старого и нового районирования. Между тем полярное различие методологии старого и нового районирования лишь выражает полярные различия самого предмета. В старом и новом районировании мы по сути дела имеем два совершенно различных содержания, лишь внешним, формальным сходством давшие основания к об'единению их одним названием. Что это так, об этом свидетельствуют нижеследующие определения самого понятия „район", даваемые старой и новой (госплановской) „теориями". „Классическое" (выражение Книповича „сел.-хоз. районирование". М. 1925) определение Фортунатова гласит:[2] „Районом следует называть точно обозначенную на карте часть земной поверхности, отличающуюся от других частей какими-либо признаками." Наиболее полное и законченное определение понятия „район", с точки зрения новой, госплановской, теории, мы находим в „тезисах доклада ВЦИК IX всероссийскому с'езду советов по вопросу об экономическом районировании России." „В основу районирования,— читаем мы там,— должен быть положен экономический принцип. В виде района должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная, территория страны, которая, благодаря комбинации природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности, представляла бы

[1] „Основы хозяйственного районирования СССР". М. 1924 г. Введение, стр. 4. См. также кроме указанных ниже, еще его ст. ст. в №№ 4 и 5 „Планового хозяйства" за 1928 г.

[2] А. Ф. Фортунатов. „К вопросу о сел.-хоз. районах в России". „Труды Вольно-Экономич. Об-ва". 1896, № 5, цит. у Книповича. „Сел.-хоз. районирование", стр. 18.

одно из звеньев общей цепи народного хозяйства. Этот принцип экономической законченности даст возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных ресурсов, капитальных ценностей принесенных со стороны, новой техники и общего плана народного хозяйства проект хозяйственного развития района на базе „наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах" (разрядка моя, *Е. Э.*). Менее полно, но зато более непосредственно, обнаруживает сущность нового понимания района следующее определение И. Г. Александрова.[1] „Район является крупнейшей единицей хозяйственной деятельности, выполняющей специальную роль по общему заданию федерации на основе своих природных богатств, навыков населения, находящихся в его распоряжении капитальных ценностей, связанный между собой таким образом, что при минимуме расходов энергии получается максимальная продукция". При этом необходимо помнить, что выделением упомянутой „своеобразной и т. д. территории" районирование отнюдь не заканчивается. Дело вовсе не заключается в том, чтобы по тем или иным признакам выделить часть территории и только: „Главная особенность, внесенная нами в понятие экономического района, заключается не в принятии того или иного экономического признака за исходный критерий, да и нет таких всеоб'емлющих критериев, для нас важно было выделить в виде района некоторую своеобразную, экономически законченную (но не замкнутую) территорию страны, которая благодаря определенной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т.-е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производственной и вообще хозяйственной деятельности представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны" (разрядка моя *Е. Э.*).[2] Само собой разумеется, что и выделением „потенциальных" районов, районирование не заканчивается. „Говоря об определенной потенции данной местности, авторы нового районирования имеют в виду ее реализацию в будущем в виде новой качественной характеристики этой местности, благодаря чему эта последняя становится определенным районом. Но эта качественная характеристика будущего района, хотя и связана с определенностью его потенциальных данных, на самом деле привносится извне, „придается" району. „Процесс проектирования экономического района, — читаем мы в докладе Госплана III сессии ВЦИК, — производится следующим образом: С самого начала мы задаемся определенной главной специализацией нашего района и в зависимости от нее получаем приблизительную его конфигурацию, относя в его состав местности, обладающие теми или

[1] „Труды Госплана", вып. I, 1922 г., введение (Александрова И. Г.), стр. 5.

[2] И. Г. Александров. „Экономическое районирование России", ст. в „Трудах VIII всероссийского электротехнического с'езда". Вып. II, изд. Госплана, М., 1921 г.

иными производственными элементами, необходимыми для выбранной цели". Таким образом, мы в новом районировании можем зарегистрировать следующие два действенных момента; первый, находящий себе выражение в самом процессе выделения определенных территорий и заключающийся в действенном отборе, в значительной мере на основе и в соответствии с народнохозяйственными заданиями, пригодных для разрешения определенных производственных проблем территорий, и второй, заключающийся в сообщении каждой выделенной территории определенной социально-производственной физиономии, указания ей ее будущей характеристики в качестве района.

Мы еще ниже вернемся к характеристике содержания госплановского районирования, а пока обратимся к определению Фортунатова. Для удобства сравнения его с только что приведенными определениями госплановской установки нам придется его немного развить и дополнить. О чем говорит его определение? Характеристика „района", даваемая этим определением, дает в то же время ключ к уразумению всего понимания районирования „старой методологией". Если район — часть территории, — характерен каким-либо одним (или несколькими, по мнению Фортунатова) признаком, то, очевидно, районирование сводится к отысканию пространственного размещения избранного признака. Конкретней говоря, дело при этом (например, сел.-хоз. районирование) сводится к следующему. На основании тех или иных критериев, тех или иных районообразующих признаков и факторов, признаваемых (выбираемых) тем или иным автором, отыскивается и устанавливается закономерность и пространственные формы размещения либо сел.-хоз. культур, либо систем сельского хозяйства, в зависимости от выбираемых автором признаков. Вот эта территориально-определенная локализация какой-нибудь сел.-хоз. культуры или системы хозяйства и определяла собой физиономию данного места; тогда констатировалось: здесь такой-то район (или зона). Как уже вытекает из определения Фортунатова, вопрос о районообразующих признаках был центральным вопросом старого „районирования", вокруг него сосредотачивались все основные элементы методологии. Так как район надо распознать среди прочих, то естественно, что здесь особое значение приобретает признак, по которому своеобразие данной местности легче всего распознается, констатируется.

Однако при этом предстояло решить еще один большой важности вопрос — о районообразующих факторах. Мало установить наличие известного размещения признаков (сел.-хоз. культур, систем хозяйства и т. д.) по территории, надо также знать и механизм, управляющий этим размещением, вызывающий его, чтоб, таким образом, хоть отчасти быть ориентированным относительно будущего данной местности (зоны „района"), хотя немного проникнуть в темное будущее ее. На базе этого учения о районообразующих факторах вырастает новое, динамическое представление о „районе": последний рассматривается, как „стадия эволюции" (Челинцев).

Ограничиваясь пока сказанным, отметим, что в „противоположность госплановскому районированию старое и в статическом и динамическом учении о „районировании" совершенно лишено, упомянутых выше, действенных моментов. В том и другом случаях старое „районирование" представляет собой чисто познавательный процесс, при чем статическому учению о районе, т.-е. простой статистической констатировке факта того или иного размещения принятых признаков соответствует пассивно-созерцательная форма познания, тогда как динамической точке зрения (проникающей в самую сущность явления географического размещения условленных признаков) соответствует, очевидно, более высокая форма познания путем мышления (абстрактно-теоретическое мышление). Но и только. Но тогда ведь совершенно очевидно, что предмет старого „районирования" отнюдь не выходит за пределы того круга проблем, который на Западе давно был известен под названием учения о штандорте, учения о географической локализации, а метод целиком соответствовал господствовавшему на Западе.[1]

Взятое с формальной стороны старое учение о „районировании" в России[2] также целиком совпадает с распространенным учением о географическом размещении. И здесь и там речь идет об изучении (в основном констатировании факта определенного размещения) явления, т.-е. причин и об'ективных результатов стихийного, помимо воли человека совершающегося, процесса размещения промышленности и сельского хозяйства по земной территории.

Различие между госплановским районированием и старым бросается в глаза уже своей чисто формальной стороной. Самый процесс установления района, с точки зрения госплановского представления о нем, осуществляется не через изучение, а построение; изучение земной поверхности, которое в качестве предварительного условия имеет место и в новом районировании, однако, проводится совершенно иными методами и также приобретает действенный характер. Однако центр тяжести различия лежит, конечно, не здесь. Изложенные только что формальные различия выражают лишь различия содержаний. Там, в старом „районировании", познающий суб'ект противостоит стихийно осуществляющимся процессам географического размещения систем хозяйств, сел.-хоз. культур и т. п. Здесь активно действующий суб'ект (в лице планового органа пролетарского государства) сам сознательно организует это

[1] С незначительными различиями в деталях, касающихся самого применения метода (что считать районообразующим фактором, что признаком и т. д. и т. п.).

[2] Речь идет, главным образом, о дореволюционной русской литературе, ибо в иностранной термин „районирование" был мало распространен. Там аналогичные работы правильно обозначались термином „географическая локализация, теория штандорт".

размещение в согласии с своими целями. Если, таким образом, старое „районирование“ было учением о локализации (и изучением ее как результата), то новое есть сама сознательно организуемая локализация различных отраслей народного хозяйства. Различия, как видим, „более чем полярные“, так как они лежат в совершенно различных плоскостях. Но если новое районирование представляет собой известную совокупность сознательно осуществляемых мероприятий, являющихся полным отрицанием стихийных законов, то ясно, что самое существование нового районирования предполагает определенный социально-экономический строй: национализацию промышленности, земли и т. п., т.-е. строй диктатуры пролетариата, строй планового хозяйства, существеннейшей частью которого, как мы далее увидим, районирование и является. Самая возможность районирования, как системы мер экономической политики,[1] в условиях стихийного капиталистического хозяйства, исключена. Она является элементом, „категорией“, точнее — проблемой, только планового хозяйства. В условиях стихийного хозяйства приемлемо и возможно лишь учение о географическом размещении, содержание которого в условиях планового хозяйства почти ограничивается его описательной частью. Отсюда ясно, сколь необходимо с научной (и, как увидим далее, с практической) точки звения разграничение обеих проблем. И поскольку речь идет о двух различных проблемах, мы считали бы необходимым и договориться относительно терминологии, а именно: считать совершенно неправильным (как это делают Книпович, Челинцев, Котов и многие другие) обозначение старых работ, занимающихся, как мы показали, только проблемой географического размещения, и новых, занимающихся той же проблемой, термином „учение о районировании“, сохранив его только за соответствующими работами Госплана и всеми другими, следующими провозглашенной Госпланом методологии.

* * *

Каково же значение районирования для народнохозяйственного плана? Оно огромно. Районирование является существеннейшей частью плана, его пространственным выражением. Районирование, т.-е. сообщение каждой определенной местности известной народнохозяйственной функции, которую она (местность) должна у себя в будущем реализовать, представляет собой план в пространственной детализации, подобно тому, как весь народнохозяйственный план представляет собой совокупность будущих характеристик намеченных районов. Однако, этим не все сказано, ибо план отличается еще одним моментом — длительностью во времени. Взятый с этой стороны, план также неразрывно связан с районированием

[1] И как науки, разумеется, ибо наука есть только обобщение конкретной жизни.

и представляет собой различные (в зависимости от времени, на какое рассчитан план) степени приближения к полному осуществлению предположенного будущего районов. Все это имеет особое значение для нынешней стадии планового хозяйства, характеризующейся еще незавершенным формированием районов. Между районированием и планом существует тесная связь. И это вполне понятно. Далеко идущая дифференциация общественного производства сопровождается и далеко идущими требованиями в отношении территориального размещения. В этих условиях совершенно неизбежна различная степень соответствия той или иной территории требованиям развития известных отраслей народного хозяйства. Отсюда вся важность правильного выбора подходящей для данной отрасли территории.

Новейшие достижения техники делают проблему выбора подходящей территории еще более значительной, так как от степени удачности выбора зависит решение основного вопроса о рационализации труда, под'ема его производительности, при помощи этих технических достижений. Районирование, задача которого заключается в территориальном размещении отраслей народного хозяйства, обеспечивающем максимальное соответствие данных выделенной территории потребностям намеченной к развитию здесь отрасли, таким образом, является существенным условием рациональной организации народного хозяйства и его отраслей. А так как народнохозяйственный план есть прежде всего план развития составляющих народное хозяйство отраслей то или иное сочетание их, та или иная степень равновесия между ними, то ясно, что все это не может быть разрешено без районирования. Следовательно, районирование является существеннейшей частью плана. Так именно и ставился вопрос в ставшей классической методологии ГОЭЛРО. „Переоценка соотношений основных подразделений нашего производства неразрывно связана с географическим перераспределением самих производящих областей и с новым намечающимся складом планомерно обобществленного хозяйства. РСФСР должна быть подразделена на новые экономические округи — предвозвестники будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда“.[1]

Далее, если основная идея плана заключается в максимально целесообразном и рациональном хозяйствовании, то, как мы видели уже выше, районирование[2] является одним из главных условий достижения этого. „Районная разработка,— пишет И. Г. Александров,— позволяет установить теснейшую связь между природными ресур-

[1] „План электрификации РСФСР“ (доклад VIII с'езду советов Государственной комиссии по электрификации России), М., 1920 г. Гостехиздат, стр. 15.

[2] И районная разработка плана, которая, собственно, и есть настоящая форма плана. Суммарные, лишенные районной разработки, планы могут рассматриваться лишь как предварительные директивы для руководства при составлении плана в районном разрезе.

сами, навыками населения, накопленными предыдущей культурой ценностями и новой техникой и получить наилучшую производственную комбинацию; проводя, таким образом, с одной стороны, целесообразное разделение труда между отдельными областями, а с другой, организуя область в крупную комбинированную хозяйственную систему, чем достигается, очевидно, лучший хозяйственный результат".[1]

Еще более сильно подчеркивает упомянутое значение районирования Г. М. Кржижановский: „Экономическое районирование РСФСР является опорным пунктом для создания новых высших форм организации народного труда".[2]

Приведенным, нам кажется, достаточно убедительно доказано громадное значение районирования для плана, теснейшая связь и взаимозависимость этих двух проблем. Из сказанного вытекает также и та мысль, что подлинный план может быть только районным (в районном разрезе составленным и на учете районных задач основанном) планом. Порайонный подход к плану диктуется в настоящий момент и соображениями, так сказать, кон'юнктурного порядка, требующими от нас в настоящий момент форсированного развития некоторых отраслей, что связано с необходимостью иной расстановки, имеющихся в нашем распоряжении средств и сил. Порайонный подход и означает решение задачи целесообразной расстановки наших средств, решение задачи о том, куда в первую голову бросить имеющиеся в нашем распоряжении средства и силы, чтоб обеспечить быстрый и максимальный эффект.

Все изложенное о значении районирования и порайонного подхода к плану, разумеется, верно лишь при условии современного (госплановского) понимания районирования. Представление о районе как о „стадии эволюции", т.-е. как о стихийно складывающейся и в более или менее предвидимом направлении изменяющейся территориально ограниченной совокупности признаков соответствует „плану", покоющемуся на идее „предвидения". Современному плану, покоящемуся на идее „инженерной проектировки... на основе плановых заданий" соответствует, покоящееся на этой же идее, районирование. Характерным тут является особенное подчеркивание значения телеологического момента... „легко видеть, что построение районов должно носить не только (следовало бы сказать: не столько *Е. Э.*) обективно аналитический, но и телеологический характер".[3] Район строится в соответствии с плановыми заданиями. Отсюда понятно, что его будущее не может быть прямо, путем некоей „качественной экстраполяции", выведено из настоящего, как это возможно в отношении какой-нибудь локальной зоны в условиях стихийного хозяйства. Забвение этих особенностей нашего понимания районирования района, возрождение старых взглядов на сущность района, при преломлении в плане, означает районную интерпретацию пресловутой идеи „предвидения" на основе статистической экстраполяции действительности. Но эта экстраполяция в применении к отдельным районам означает по сути дела экстраполяцию данного „качества": увеличиваются отдельные показатели, при чем в тех же отношениях и сочетаниях, но качественная физиономия района остается прежней.

[1] „Экономическое районирование России". „Труды VIII всероссийского электротехнического с'езда" Вып. II, изд. Госплана, М., 1921 г., стр. 23.

[2] „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии", М., 1921 г., стр. 94.

[3] И. Г. Александров. „Основы экономического районирования". Изд. „Экономическая Жизнь", стр. 55.

При таком подходе будущее, скажем, украинской степи вырисовывается в виде медленно понижающегося удельного веса зернового уклона, при медленно же возрастающем значении интенсивного животноводства и т. п. моментов, неизбежно наступающих в условиях стихийного развития сельского хозяйства, в связи с ростом промышленности, городов, т.-е новых рынков. Новое районирование, учитывая достижения современной техники, требования рационального труда, возможности, даваемые данными естественно-историческими условиями и т. п. решает, (именно решает, а не предполагает) судьбу украинской степи совершенно иначе: уже предварительные наметки будущей физиономии степи говорят о том, что после подготовки Сибири, Казакстана и др. зерновых районов к роли основных зерно-производящих районов, проведения грандиозных оросительных работ (от Днепровской запруды) украинская степь совершенно почти утратит свой зерновой характер и перейдет к интенсивным техническим (хлопок, кенаф) и садово-огородным (виноград, шелковица, бахчевые) культурам в сочетании с шерстоовцеводческим и молочным хозяйством.[1]

Задача индустриализации страны, эта важнейшая директива („плановое задание"), представляя собой резкое вмешательство в существующее положение вещей, требует в качестве условия своего разрешения такого же вмешательства в сельское хозяйство, сознательной перестройки его, чаще всего вопреки сложившимся и наметившимся тенденциям его. Эти же задачи создают потребность в ином сочетании отраслей сельского хозяйства, в установлении различных темпов развития для них, наконец, потребность в новых отраслях и культурах. Все это, в свою очередь, требует активного действенного начала в отношении к сельскому хозяйству, а не пассивно-созерцательного „предвидения" его будущего. Это будущее, как мы уже неоднократно подчеркивали, в соответствии с нашими задачами должно быт построено дифференцированно по районам.

[1] См. отчасти об этом в изд. Укргосплана: „Шляхи й темпи розвитку нар. госп. УСРР", 1929 г., стр. 21, 129. Уже на ближайшее пятилетие, которое украинская пятилетка считает переходным, намечаются солидные сдвиги в степи: усиление тонкорунного овцеводства, коневодства, молочного хозяйства.

Таким образом, мы видим, что отступление от правильного понимания районирования ведет к воспроизведению в районной политике старых ошибок планирования, распространение на районную политику Кондратьевской идеи „плана предвидения". Действительная эволюция взглядов на районирование показывает, что мы только сейчас начинаем освобождаться в области районирования от ошибочного подхода к нему с точки зрения „предвидения" и „качественной экстраполяции", от попыток, над прикрытием „маленькой ревизии" вопроса о районировании, протащить глубокую ревизию всей нашей методологии планирования.

Литературная оппозиция новой методологии районирования возникла одновременно с появлением в свет новой установки Госплана и при этом почти в недрах самого Госплана, среди привлеченных к этой работе старых специалистов. Новизна проблемы ошеломила даже некоторых непосредственных участников работы по районированию, которым, казалось, тем труднее давалось усвоение методологии и сути районирования, чем больше они в прошлом были связаны с работой над проблемами географической локализации. Это в некоторой степени понятно. Если в сравнительно новом вопросе о плане мы могли наблюдать довольно сильное давление идеологии стихийного хозяйства, обнаружившееся в выступлении Кондратьева и других, то в вопросе о районировании, в некоторой степени связанном с учением о географической локализации (как с одной из своих предварительных стадий), давление идеологии стихийного хозяйства, разновидностью которой упомянутое учение и является, должно было сказаться во много раз сильнее. Достаточно указать, что даже такой крупный участник работ по районированию (и в то же время — крупный знаток географического размещения), как покойный Книпович, принимавший непосредственное участие в работах Комиссии по районированию, просто не понял (не мог понять) сущности районирования. Его (безусловно искреннее) недоумение, с которым он встретил идею „будущего района", телеологический подход в его конструировании, „проектный метод" и т. п. Элементы госплановской методологии свидетельствовали о том, что Книпович еще далеко не освободился от власти старых представлений о предмете. Ему была чужда не только идея сознательного телеологического конструирования района, но даже простое „давление" на наметившиеся тенденции района он ставил в связь и зависимость от характера этих тенденций.[1] Еще резче эта совершенно неправильная точка зрения подчеркнута в выступлениях участников работ по районированию на Украине — В. М. Соловейчика и М. Б. Гуревича.

[1] Вот образец его постановки вопроса: „. . . только по вдумчивом изучении тенденций прошлого развития и современного состояния можно подойти к установлению закономерностей и тенденций будущего развития. А только зная вероятные тенденции будущей эволюции, можно подходить к вопросу о влиянии на это развитие". „Сел.-хоз. районирование", стр. 174.

Первый писал... „для тех практических задач, которые ставятся ныне районированию, важно, конечно, выяснение той стадии хозяйственной эволюции, в которой мы застаем район, чтобы из нее понять пути его дальнейшего развития и отсюда вывести нормы поведения для хозяйствующего суб'екта и государства".[1] Эта замечательная по своей путаности и глубочайшей ошибочности сентенция важна хотя тем, что помимо своей внутренней противоречивости она обнаруживает свою противоположность нашему пониманию сущности районирования с необыкновенной полнотой и ясностью, в то же время давая яркий образец идентичности идеи „предвидения" в плане с пониманием района как „стадии эволюции". Будущее района (т.-е. самый район, который, собственно и есть „будущее" данной местности, являющейся лишь фоном будущего района) выводится из его настоящего как неизбежный результат об'ективного процесса, действующего с силой стихийного закона; неприложность этого будущего настолько сильна, что ни о каком ее преодолении и речи нет (не может быть, очевидно) и „нормы поведения хозяйствующего суб'екта и (даже) государства так же выводятся, как детерминированная данными условиями форма приспособления к ним. Целесообразное изменение действительности на основе тех или иных плановых заданий, эта основная характеристическая черта районирования, заменяется „выведением" (по сути, „предвидением") будущего и приспособлением к нему. А так как выведенные, таким образом, нормы поведения etc", должны служить, очевидно, определяющими для экономической политики государства и в том числе для наиболее концентрированного выражения его экономической политики — для плана, то очевидно, что и план этот в целом, во-первых, не может быть оторван от районирования (что вообще верно) и во-вторых, может представлять лишь конкретизированное выражение стихийно складывающегося будущего и основанные на учете упомянутых норм формы приспособления к нему (что, разумеется, чистейшая Кондратьевщина). Мы не даром, таким образом, указывали на принципиальное сходство распространенных ошибок в оценке сущности районирования с ошибочной концепцией Кондратьева и др.

В той же комиссии украинского Госплана М. Б. Гуревич „не в видах полемики" следующим образом „разносил" госплановский подход к районированию. Взяв для примера характеристику (будущую, разумеется) Сев.-вост. области, как она намечается в госплановском районировании, Гуревич, замечает: „Итак, пока в указанной области ничего нет, но все ожидается", возможно, способно, вероятно... „Спрашивается, далека ли эта перспектива? Думается, что очень. А если эта перспектива весьма далекая, то как знать,

[1] Вл. Соловейчик. „К вопросу районирования", стр. 174. „Материалы к районированию Украины", Госплан УССР, 1923 г., стр. 154.

что удастся осуществить, чего нет, как предугадать ее реальные формы и как можно ломать действительность в угоду далекому, предполагаемому, надуманному (разрядка моя, *Е. Э.*)." Нужно ли доказывать, что Гуревич здесь обнаруживает совершенное отсутствие понимания основ госплановского районирования. Иначе нельзя об'яснить его чисто обывательскую аргументацию. Что же он предлагает? Приблизительно то же, что и Соловейчик: „... лишь голая неприкрашенная действительность даст базу и отправную точку для строения лучшего будущего. Проблема районирования всех видов, от областного до волостного, должна также строиться, главным образом, на реальных соотношениях с учетом перспективного элемента в самой необходимой ограниченной степени".[1] Комментарии тут явно излишни. Мы не знаем современных взглядов на районирование последних двух авторов, знаем лишь, что вдохновивший их (Соловейчика — в большей мере, Гуревича — в меньшей) А. И. Челинцев сам в последнее время проделал значительную эволюцию в сторону приближения к правильному пониманию сущности районирования и порайонного подхода к планированию. Поскольку эта эволюция не завершена, точка зрения Челинцева продолжает отдавать еще эклектикой, подчас выраждаясь в механическую смесь разнородных и противоречивых представлений об одном и том же предмете в одной и той же статье.[2] Совершенно правильно указывая на необходимость приспособления текущих мероприятий экономической политики к отдельным районам, характеризующимся локализацией в них (в каждом) определенных систем хозяйства, Челинцев и перспективный план рекомендует строить на учете данной, существующей локализации систем хозяйства. Постоянно оглядываясь на существующее, он самое изменение его в сторону желательного выводит не из „плановых заданий", не из общегосударственных, народнохозяйственных потребностей и задач, а из возможностей, даваемых существующим положением вещей. Поэтому телеологическое начало, местами довольно энергично защищаемое им, вследствие всесторонней (даже количественной) детерминированности его данным сочетанием условий, теряет свое подлинное значение у него, превращаясь в свое отрицание. Далее, однако, встречаются места, с которыми целиком можно согласиться и которые ничего общего с „равнением на узкие места" настоящего положения вещей не имеют. Так, говоря о необходимости индивидуализации мер экономической политики по районам, он добавляет: „но исходя из некоторых общих начал, координируя предположения о перестройке каждой отдельной единицы (района? *Е. Э.*) с точки зрения целого народного хозяйства"...[3]

[1] „Приемы и методы районирования Украины". Ст. в сб. „Материалы по районированию Украины", Госплан УССР, Харьков, 1923 г., стр. 11.

[2] См. его ст. ст. в №№ 2, 9, 11 журнала „Пути сельского хозяйства" за 1927 г., а также в №№ 1 и 2 „Планового хозяйства" за 1928 г.

[3] „Пути сельского хозяйства" № 9 за 1927 г., стр. 35.

Мы не можем здесь входить в рассмотрение сравнительно большой литературы о районировании, да это для наших задач и не требуется. Что касается взглядов противников госплановской методологии, то она с исчерпывающей полнотой представлена приведенными работами. Основной вывод, который можно сделать из обзора этих работ, сводится к следующему. В основном это работы, покоящиеся на методологии принципиально отличного предмета — учения о географической локализации. Отрицательное значение их методологической установки заключается не только в отрицании самой сути госплановского районированин, но и в том, что они находятся в резком противоречии и с господствующими началами методологии планирования. Вполне понятно, что практикой районирования они должны были быть отвергнуты. Обратимся теперь к этой последней.

Как известно, районный разрез пятилетнего плана представляет собой фактически первую попытку создания порайонного общесоюзного плана, первую попытку применения в таком всеоб'емлющем виде порайонного подхода к планированию. Отдельные работы Госплана, вроде „плана восстановления ЦЧО", „перспективного плана развития сельского хозяйства Полесья и лесостепи Украины" (Укргосплана) и др. являлись слишком узким плацдармом для применения порайонного подхода и поэтому практику порайонного планирования характеризуют не в достаточной степени. Правда, и эти работы не лишены значения, поскольку и в них, правда, не всегда выдержанно и последовательно, отразился изложенный нами госплановский подход. Однако, мы на них задерживаться не будем.

Выпуклое выражение сущности порайонного подхода к планированию, правда, не осуществленное еще на практике, мы находим в установке Укргосплана, который следующим образом осуществляет задачи дальнейшей работы по составлению районного разреза своей пятилетки: „На дальнейшей стадии проектирования пятилетнего плана нужно окончательно наметить систему экономического районирования, изучить и дать развернутую характеристику нынешним и будущим районам, как они вырисовываются теперь и как они сложатся в дальнейшем в пятилетнем плане, и подать их в виде системы определенных показателей хозяйственного развития. Такая работа значительно углубит представление о пятилетнем плане по линии всех отраслей народного хозяйства, при чем, в особенности, по сельскому хозяйству она даст возможность создать более крепкую базу для планов развития отдельных его отраслей и дифференцирует директиву о поднятии урожайности в программах мероприятий для отдельных сельскохозяйственных районов.[1] На первой стадии составления пятилетки принцип порайонного разреза не проведен; то, что с этой стороны содержится в плане, „представляет собой лишь слабую попытку только описать теперешние и вновь намечаемые хозяйствен-

[1] „Шляхи й темпи розвитку нар. госп. УСРР", Держплан, Харків, 1929 г., стр. 38,39.

ные районы — Донбасс, будущий район Днепровской электроцентрали, степь, лесостепь,— но не подать их в виде системы соответствующих показателей". [1] Причина этому — „новизна дела перспективного планирования и в известной мере недостаточное знание экономики страны".[2] Причины эти, как и следствия, как известно, общи большинству плановых органов и всем планам.[3]

Обратимся теперь к районному разрезу пятилетнего плана, составленному всесоюзным Госпланом. В нашу задачу, конечно, не входит детальный разбор этого капитального труда, поистине исторического значения. Мы возьмем оттуда лишь несколько штрихов, дающих классический пример применения классической же методологии районирования Госплана в практике планирования. Но сначала пару слов о самой методологии „районного разреза пятилетнего плана". Она выражена авторами следующим образом:[4] „Географическое разделение труда, протекающее в рамках капитализма, как стихийно совершающийся процесс, превращается в планомерно осуществляемый метод территориальной организации труда на основе порайонной его специализации в целях достижения максимально возможной его эффективности".

Далее, в соответствии с изложенным нами выше „процессом проектирования района", намеченным Госпланом еще в своем докладе III сессии ВЦИК, дается специализация каждого района. Однако, это — не голая констатация стихийно сложившейся специализации района, но основанная на руководящих народнохозяйственных директивах, „извне" данная району, привнесенная производственная характеристика. Ее базой являются природные, материальные, производственные и людские ресурсы, намеченной к превращению в определенный район территории, те или иные возможности применения на ней новейших технических достижений. Стихийные процессы размещения промышленности и сельского хозяйства,— утверждают далее авторы „районного разреза плана",— еще не обеспечивают рационального, с точки зрения интересов народного хозяйства и развития производственных сил, распределения их по территории. Примером этого может служить Украина, сельское хозяйство которой, благодаря близости к портам и высоким хлебным ценам, вызвавшим локализацию в ней известных сел.-хоз. культур и систем хозяйства, получило одностороннее развитие, обусловившее истощение ее почвы, а отсюда — периодические недороды и ухудшение благосостояния ее крестьянства. Вот почему не „продолжение наметившихся тенденций

[1] Там же, стр. 38.

[2] Там же.

[3] Выделяется, сравнительно далеко идущей попыткой проведения районного подхода, план колхозного строительства (Всесоюзн. колхозного совета). Однако, и здесь основное — в декларациях, практически осуществленного еще очень мало.

[4] „Пятилетний план народного хозяйства СССР". Т. III. „Районный разрез плана", изд. „Плановое хозяйство", М. 1929 г. стр. X.

отдельных районов" является задачей порайонного плана, а в большинстве случаев преодоление этих тенденций в соответствии с народнохозяйственными задачами плана. Поэтому „районный разрез плана", в частности для Украины, считает необходимой организацию иных форм использования ее природных и прочих условий. Примерно, такое же отношение плана и к ЦЧО: „Наблюдающиеся в последние годы процессы интенсификации сельского хозяйства (в ЦЧО *Е. Э.*), пишут авторы „районного разреза плана", следует признать недостаточными". Однако речь идет не только о „количественном" воздействии, с целью усиления уже наметившейся тенденции, наоборот, здесь больше всего имеется в виду именно качественное воздействие, выражающееся в определении качественной физиономии самого процесса интенсификации (такие-то именно технические культуры, такое-то именно интенсивное животноводство). Разумеется, не всегда специализация сопровождается ломкой уже обозначившихся тенденций: в случае, когда эти последние целиком отвечают видам планового хозяйства, потребностям всего народного хозяйства и требованиям целесообразности организации труда, они могут быть развиты. В таком случае задача плана заключается в ускорении темпа, в преодолении тех препятствующих быстрому развитию нового района причин, которые в условиях стихийного хозяйства обуславливают медленное и мучительное формирование его.

За изложением специализации каждого района следует конкретный план осуществления этой специализации в пределах ближайшего пятилетия. Само собой разумеется, что полная и окончательная реализация намеченной будущей характеристики района (его специализации) в пределах пятилетия невозможна; пятилетний план строительства хозяйства районов есть лишь большее или меньшее приближение к будущей их специализации. Во многих районах ближайшие пять лет явятся лишь предварительной стадией подготовки района к его будущей (совершенно отличной от настоящей) функции. В этом духе выдержаны все проектировки. Мы на них, по вполне понятным причинам, не останавливаемся.

Подведем итоги. В настоящее время, при наличии „районного разреза пятилетнего плана" и частично уже осуществленной специализации некоторых районов, целиком себя оправдавшей, вряд ли возможен изложенный выше рецидив оппозиции госплановской теории районирования, по крайней мере, реальная опасность его ничтожна. Гораздо вероятнее другая, не менее значительная опасность: недостаточно четкое усвоение плановыми работниками различных ведомств и отраслей основных принципов подлинно порайонного планирования, забвение необходимости строго научного и выдержанного подхода к проблеме. Вот почему тщательная проработка хотя бы новейшего воплощения госплановской методологии районирования в том виде, в каком оно дано в „районном разрезе плана" (том III пятилетки) так необходимо.

Если бы мы теперь захотели дать старую формулировку основных положений сущности порайонного подхода к планированию на основе всего изложенного выше, то она, очевидно, должна была бы принять следующий вид:

Самым общим и предварительным условием плодотворности порайонного планирования является точное знание и строгое следование главнейшим основаниям госплановского районирования.

Далее, в соответствии с этими основаниями следует признать совершенно недопустимой в перспективном плане такую трактовку порайонного подхода, которая выражается в простом дифференцировании плановых мероприятий по районам (пусть новым, госплановским), в соответствии с их современным качественным состоянием, без учета их будущей производственной характеристики. Такой подход, как показано выше, означал бы перенесение в область районной политики ошибочной практики статистической экстраполяции действительности (экстраполяции не только количественных моментов, но, в данном случае, и качественных, нынешней качественной физиономии района), забвение действенных моментов в нашем районировании.

В согласии с правильным пониманием советского районирования, как сознательной политики (плана) размещения индустрии и сельского хозяйства по территории страны, в соответствии с требованиями наибольшей целесообразности — максимальной рационализации общественного производства и т. д. — правильный порайонный подход в перспективном плане конкретно должен заключаться в следующем.

Прежде всего должна быть более или менее окончательно определена будущая характеристика района, его специализация.

Затем, в соответствии с этой характеристикой, должна быть в перспективном плане запроектирована система мероприятий по осуществлению этой характеристики.[1] Каждый определенный во времени план должен представлять собой известную степень осуществления будущей физиономии (производственной характеристики) района.

В самом осуществлении будущих физиономий районов, может быть, в зависимости от значения будущей народнохозяйственной функции района для настоящих потребностей народного хозяйства, установлена известная очередность, находящая себе выражение в различной интенсивности капиталовложений, реконструктивной работы и т. п. плановых мероприятий в различных районах.

Возможная в силу некоторых преходящих (иначе кон'юнктурных) обстоятельств, временная консервация какого-нибудь района (на извес-

[1] Районы, разумеется, не статические образования. Их характеристики также не вечны. Но сейчас, когда мы находимся в начальной стадии специализации районов, можно говорить об их будущих характеристиках, как достаточно незыблемой в течение, по крайней мере, ближайших 10—15 лет, цели, долженствующей направлять все наше проектирование по районам.

стной стадии его формирования) или замедление темпа его полного осуществления (как это мы имеем, например, в отношении украинской степи) должны обязательно сопровождаться рядом мероприятий подготовительного характера, могущих обеспечить потом быстрое развертывание реконструктивной работы. Так, например, отсрочка переустройства степи не должна отнюдь сопровождаться усугублением нынешнего зернового уклона, что впоследствии может сильно затруднить переход к почти беззерновому хозяйству. Сохранение временно настоящего зернового уклона, наоборот, должно сопровождаться постепенным включением уже сейчас в севооборот тех культур, которым впоследствии надлежит занять господствующее место. Такие мероприятия значительно облегчат переход в будущем к новым культурам, к новой системе хозяйства, и вместе с тем, к иному качественному существованию всего района.

(*Продолжение следует*)

А. Абрамов

Перспективы географического размещения текстильной промышленности

I

Завершение восстановительного процесса в текстильной промышленности и задачи большого развертывания нового строительства выдвинули как одну из важнейших народнохозяйственных проблем — проблему географического размещения текстильной промышленности. На период только пятилетия предполагается вложить в новое строительство текстильной промышленности свыше полумиллиарда рублей. Происшедшие в результате октябрьской революции большие изменения в экономике и политике нашей страны, на ряду с современными колоссальными изменениями в технике и экономике текстильной промышленности, не могут не отразиться на тех факторах, которые в прошлом определяли развитие текстильной промышленности, и не создать новых предпосылок для ее дальнейшего развития и для географического размещения нового строительства.

Задача настоящего очерка заключается в анализе определяющих факторов дальнейшего развития текстильной промышленности. Особое место предоставлено в первую очередь анализу условий развития текстильной промышленности в ЦПР, ибо наибольшие изменения, естественно, могут происходить именно здесь, в этом старом основном текстильном районе.

Развитие текстильной промышленности в ЦПР произошло по следующим причинам:

Наличие торгового капитала, который был здесь подготовлен всей предшествующей историей удельной Руси и, особенно, Московской Руси.

Раннее истощение природных богатств этого края, вследствие которого преобладающая часть населения его вынуждена была забросить земледелие и перейти к различного рода промыслам.

Наличие в этом районе густого, создавшегося здесь по историческим причинам, населения, представляющего большой потребительский рынок на изделия текстильной промышленности.

Расположение ЦПР на Приволжской системе рек, что в свое время представляло большое преимущество для распространения товаров.

Колоссальное значение домашней системы капиталистического производства, которая дала возможность здесь с небольшими средствами развить огромное производство сначала льняных, шерстяных, а затем и хлопчатобумажных тканей мануфактурным способом, и которая являлась основным источником для накопления капиталов, сыгравших позже решающую роль в переходе на механическое производство.

Колоссальный рынок, открывшийся особенно в XIX веке, благодаря присоединению к России части Польши, юга до Черного моря и Крыма, а затем Кавказа, Средней Азии и т. д., развитию парового транспорта (с 70-х годов), уничтожению крепостного права, разделению труда между городом и деревней и т. д.

Колоссальное предложение труда, особенно сильно увеличившееся после реформы 1861 года, затем разорение и обнищание кустарей, вызванное ростом механической фабрики, а в связи с этим — низкая зарплата и большая продолжительность рабочего дня создали здесь для фабрикантов необычайные возможности эксплоатации и получения прибыли.

Таким образом, развитие текстильной промышленности в ЦПР ориентировалось прежде всего на рабочую силу.

Дешевизна последней окупала все прочие затраты, в том числе и транспортирование на большие расстояния как сырья, так и готовых изделий. Все это вместе с благоприятными железнодорожными тарифами на сырье и готовые изделия и высокой покровительственной пошлиной на иностранные текстильные изделия обеспечило быстрый рост текстильной промышленности в ЦПР в течение последних десятилетий XIX и начала XX веков.

II

Восстановительный процесс в текстильной промышленности СССР протекал наиболее быстро в ЦПР, где сейчас сосредоточено свыше 80% ее основного капитала. Но помимо этого, в последние годы здесь происходило строительство новых фабрик, которое и в дальнейшем, в особенности в части прядения, в значительной степени будет продолжаться на ряду со строительством текстильных предприятий в новых районах.

В связи с этим приобретает интерес вопрос: сохранились ли в ЦПР те же благоприятные условия для дальнейшего развития текстильной промышленности? Не менее важен также вопрос, имеются ли у нас новые районы, которые имеют основания для успешного развития там текстильной промышленности? Без тщательного и всестороннего выяснения этих вопросов невозможно правильно разрешить проблему размещения текстильной промышленности.

Дальнейшее развитие текстильной промышленности в настоящее время происходит в условиях планового хозяйства и, стало быть, размещение промышленности обусловливается не задачей получения

наиболее высокой прибыли, как в частно-капиталистическом хозяйстве; промышленность будет размещаться только там, где это представляется целесообразным и выгодным с народнохозяйственной точки зрения, с учетом национальной политики советской власти.

Изменившиеся условия труда, уничтожение прежних методов и форм эксплоатации имеют также громадное значение. Переход с 8-часового рабочего дня уже на 7-часовой, уплотнение рабочего дня, увеличение производительности труда и зарплаты, задачи переоборудования предприятий на современной технической базе, курс на политически и технически развитого и хорошо оплачиваемого рабочего, таковы новые условия труда. В отношении социально-бытовых условий идет решительный курс на поднятие материального и культурного уровня нашего рабочего. Фабричная казарма, как наследие старого, доживает последние дни. На новое жилстроительство для рабочих и на клубы затрачиваются десятки миллионов руб. Отсюда ясно, что одно наличие свободных рабочих рук в ЦПР не может иметь уже того привлекательного значения для развития текстильной промышленности, какое оно имело в прошлом.

Плотность населения ЦПР, когда-то имевшая также большое значение для развития здесь текстильной промышленности, в настоящее время начинает его терять. В ЦПР насчитывается 19 млн. населения, что составляет к населению всего Союза, примерно, 13%. В то же время здесь вырабатывается свыше 80% всей продукции текстильной промышленности. Поэтому аргумент о необходимости дальнейшего развития текстильной промышленности в ЦПР, вследствие наличия в нем и в ближайших районах емкого потребительского рынка является мало обоснованным.

Существование одного текстильного центра, который выпускает свыше 80% всей продукции текстильной промышленности, с точки зрения рационального географического размещения промышленности в такой огромной стране, как наша, не может считаться экономически целесообразным, особенно, если принять во внимание, что второй значительный текстильный район, Ленинградский, еще более удален от всех остальных районов СССР. Помимо указанного, ЦПР не имеет ни собственного текстильного сырья, ни топлива, ни продовольствия и т. д. Во всех странах имеются такие промышленные районы, как наш ЦПР. Но чтобы где-нибудь также за несколько тысяч километров доставлялось сырье, топливо, хлеб и продовольствие и т. д. для переработки сырья в изделия на вывоз в отдаленные районы, а также обратно в районы сырья, этого в такой степени нет ни в одной стране, за исключением Великобритании, имеющей колонии и проводящей свою колониальную политику. У нас средний пробег грузов все больше и больше возрастает. Если в 1913 г. средний пробег грузов в Российской империи, которая занимала большую территорию, чем сейчас СССР, составлял 492 *км*, то в настоящее время (к концу 1928 г.) на основании данных НКПС,

средний пробег грузов составляет 613 *км*. Это самый высокий средний пробег грузов, какой не имеет, кроме нас, ни одна страна в мире.

Особенно сильно увеличиваются у нас пробеги текстильных грузов: с одной стороны, текстильного сырья, а с другой — готовых товаров. У нас в послереволюционное время сильно уменьшился выход товарной шерсти, и мы вынуждены ввозить ее из-за границы. Так, например, мы сейчас ввозим, примерно, половину всей потребной нам грубой шерсти из Монголии, Западного Китая и т. д. В настоящее время ввозится примерно 85% необходимой нам мериносовой шерсти и, понятно, что поэтому транспортные расходы значительно увеличились в сравнении с довоенными.

В отношении хлопка пробег тоже увеличился. Если раньше импортный хлопок преимущественно перерабатывался в Польском районе, расположенном сравнительно недалеко от Балтийских портов, то сейчас импортный (из Америки) хлопок приходится в значительно большей мере перевозить на большие расстояния, в частности, до ЦПР. Даже лен, вследствие плохих заготовок и вследствие того, что льноводство вообще передвигается на восток, сейчас приходится подвозить к фабрикам на значительно большее расстояние, чем прежде.

В отношении готовых товаров пробег грузов увеличился вследствие отхода от нас польского текстильного района, который раньше снабжал всевозможными текстильными товарами нашу теперешнюю западную часть СССР и, особенно, Украину. Даже Северный Кавказ и Закавказье снабжались преимущественно польским текстилем. Кроме того, раньше все же существовал еще ввоз готовых текстильных товаров из-за границы. И, наконец, раньше почти не приходилось снабжать столь отдаленные окраины, как наш Дальний Восток, который потреблял почти исключительно импортный текстиль.

Такое увеличение пробега грузов является вообще причиной удорожания товаров.

Последнее является одной из причин, вызывающих сильное оседание волокнистых материалов в крестьянском хозяйстве.

Существует теория, что текстильное сырье почти всем своим весом входит в вес готовой продукции и вследствие этого делает промышленность, перерабатывающую это сырье, независимой от районов его производства. По этой теории следует, что общее количество тонно-километров хлопка почти не меняется от того, будут ли прядильные фабрики находиться в ЦПР или, например, в Средней Азии. По этой теории Сибири все равно, что получать ткани из ЦПР или из Средней Азии, через ЦПР, или другим окружным путем, так как иного пути для соединения этих районов не было. Точно такое же положение было с Уралом. Теперь же эта теория приобретает совсем другое значение для Сибири, в связи с строительством Семиреченской жел. дороги и для Урала — железнодорожной

ветки Орск—Троицк—Челябинск, намного приближающих эти районы к хлопку.

„Транспорт,— по К. Марксу,— есть продолжение производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения", стало-быть, сокращение этого производственного процесса для сырья должно без сомнения явиться фактором, который может значительно повлиять на снижение себестоимости.

В настоящее время в ЦПР нет квалифицированной, нужной для текстильной промышленности, рабочей силы.[1] Это обстоятельство нужно особенно подчеркнуть для того, чтобы рассеять легенду о „колоссальных кадрах высокой квалификации рабочей силы ЦПР", которую как будто бы „не нужно обучать", а прямо, без каких бы то ни было предварительных расходов, допускать к производству и которая, как будто бы, делает ЦПР даже в настоящее время все же главным и наиболее выгодным районом текстильной промышленности. На самом деле в ЦПР уже сейчас создалось положение, когда, при отсутствии нужных промышленности квалифицированных рабочих, мы имеем много неквалифицированных и малоквалифицированных. Эта масса рабочих не может быть сейчас непосредственно использована текстильной промышленностью и определенно можно сказать, что в дальнейшем не сможет быть ею использована в сколько-нибудь значительных размерах: наша фабрика сейчас имеет, примерно, в 2 раза больше рабочих, чем английская и германская и в 3 раза больше, чем американская. Это значит, что производительность труда у нас, примерно, во столько же раз ниже. Зарплата же у нас, вместе со всеми социальными расходами, начинает приближаться к средней западно-европейской зарплате. Поэтому у нас доля зарплаты в единице продукции является самой высокой в мире. Мы не можем итти на снижение зарплаты, мы идем, главным образом, по линии большего уплотнения труда, рационализация производства и т. д., чтобы добиться увеличения производительности труда. Последнее вызывает сокращение числа рабочих. По перспективному плану намечается к концу пятилетия, при росте производства по текстильной промышленности больше, чем в 2 раза, рост количества рабочих всего на 18%. Кроме того, технические усовершенствования и новые виды оборудования вызывают сокращение подчас даже высококвалифицированных рабочих. Например, замена мюлей ватерами вызывает сокращение рабочих мюльщиков (очень высокая и сложная квалификация), которые на ватерах, по причине того, что там работа совершенно другая, не могут быть использованы. Можно было бы привести еще ряд примеров, показывающих сокращение

[1] Этот вопрос достаточно освещен в ежедневной прессе и специальной литературе. Смотри „Экономическая Жизнь", №№ 275, 278 за 1928 г., „Торгово-Промышленная газета", №№ 212, 253, 271 за 1928 г. и № 39 за 1929 г. Журнал „Известия текстильной промышленности", №№ 7, 11 за 1928 г., „Текстильные новости", №№ 3, 8, 9, 11 за 1929 г., „Шерстяное Дело", №№ 3, 4, 10, 11, 12 за 1928 г.

рабочих на единицу оборудования и на определенную производственную операцию, происходящих по ряду причин. И это обстоятельство в ЦПР будет ощущаться, конечно, значительно сильнее, чем в других районах.

Если ко всему этому прибавить, что в ЦПР предметы питания— самые дорогие в Союзе и, что зарплата рабочих, в частности, в текстильной промышленности, вследствие этого самая высокая, то делается совершенно ясным, что в настоящее время значение ЦПР, как района дешевой и квалифицированной рабочей силы, для текстильной промышленности окончилось и прежних преимуществ для дальнейшего развития текстильной промышленности перед другими районами ЦПР в этом отношении больше не имеет.

III

Изложенное приводит к бесспорному положению, что в настоящее время для развития текстильной промышленности в ЦПР возникли совершенно новые условия, весьма отличные от тех, которые там существовали раньше; что в главнейшем и важнейшем вопросе— рабочем,— который, как мы видим выше имел в ЦПР решающее значение в деле развития текстильной промышленности, произошли существенные изменения.

Возместить расходы, которые вытекали бы из монопольного расположения текстильной промышленности в ЦПР вдали от сырья и продовольствия, а также от рынка сбыта готовых изделий ряда районов, рабсила ЦПР больше будет не в состоянии, и поэтому транспортные расходы для ряда районов, особенно для тех из них, которые имеют собственное текстильное сырье, только напрасно удорожали бы готовые изделия.

Прежде чем перейти к другим районам, мы считаем необходимым остановиться на одном важном, общем для всех их, вопросе — о рабочей силе. Общее для всех этих районов положение заключается в том, что здесь нет или почти нет квалифицированных рабочих-текстильщиков. Мы указывали раньше, что и в ЦПР свободной квалифицированной рабсилы для текстильной промышленности нет и что для новых фабрик там идет подготовка путем предварительного обучения рабочих. То же самое придется делать для новых фабрик и в других районах и это, конечно, не сможет служить препятствием для создания и развития там текстильной промышленности тем более, что новичка легче обучить, чем переучивать малоквалифицированного или полуквалифицированного рабочего-текстильщика. Если раньше трудовые навыки приобретались в течение десятилетий, то сейчас, в срок от 2 недель до 2 месяцев, совершенно новый в этом деле человек делается квалифицированным рабочим.

Теперь перейдем к специальному рассмотрению каждого в отдельности нового района, где, по нашему мнению, должна получить свое развитие текстильная промышленность.

Сибирь. Текстильная промышленность Сибири находится в зачаточном состоянии (незначительная грубосуконная и льняная отрасли). В настоящее время снабжение из ЦПР окраин вообще и, в частности, Сибири текстильными товарами становится нерациональным.

Особенно сильно это скажется по окончании Туркестано-Сибирской жел. дороги, которая расстояние провоза хлопка до Сибири делает на 1.200 *км* более коротким, чем из Средней Азии до ЦПР. Стоимость хлопка для Сибири, благодаря этому, будет обходиться на 21 руб. на тонну дешевле, чем в ЦПР. Это удешевление получается, если считать по нормальному тарифу, но вряд ли при перевозках из Средней Азии в Сибирь может существовать нормальный тариф вследствие односторонности грузовых потоков и недостатка обратных грузов. Наличие Кузнецкого угля, выгодное географическое расположение Сибири, соседство с рядом наших национальных Республик—Бурято-Монголии, Якутии, а также близость к зарубежным странам востока (Монголии, Западному Китаю), куда мы сейчас ввозим ткани из ЦПР и куда значительно выгоднее будет вывозить из Сибири—все это благоприятные условия для развития в Сибкрае текстильной промышленности, в частности, хлопчатобумажной.

Несколько сложным для развития хлопчатобумажной промышленности представляется рабочий вопрос? Вообще свободных рабочих рук в Сибири достаточно: по данным Сибкрайплана в 1927/28 г. в Сибири имелось 70.000 безработных. В Ново-Сибирске, где предположено по 5-летнему плану развивать текстильную промышленность, на бирже труда стоят на учете свыше 15.000 безработных. Дело с обеспечением рабочей силой будет обстоять благоприятно. Другой вопрос—качество этой рабочей силы. Ее нужно предварительно подготовить путем специального обучения. Это является необходимым и неизбежным, как мы видели выше, также и для ЦПР. Что же касается среднего и высшего технического персонала, то при определенных мероприятиях особых препятствий для обеспечения ими производства не встретится.

Однако изложенные соображения еще не могут считаться достаточными для окончательного решения вопроса о целесообразности развития в Сибири хлопчатобумажной промышленности.

Мы считаем еще необходимым привести ориентировочную калькуляцию хлопчатобумажного производства в Сибири для сравнения с калькуляцией фабрики, расположенной в ЦПР. Для этого мы наметили себе тип фабрики (ориентировочный проект) на 50.000 веретен, 2.000 ткацких станков, с определенным планом производства. Приводим ориентировочную калькуляцию. (См. табл. 1, стр. 101).

Таким образом, фабричная стоимость пряжи и сыровья получилась на сибирской фабрике дешевле в сравнении с новой фабрикой в ЦПР несмотря на то, что в вышеприведенной калькуляции нами сознательно было допущено преувеличение стоимости сырья, провоз которого будет по пониженному тарифу, и зарплаты производственным рабочим и также служащим, которая исчислялась по ставкам ЦПР, в то время, как в Сибири жизнь дешевле, чем в ЦПР. Статья „двигательная энергия“ в Сибири может быть более дешевой, если строить собственную станцию на орешке, в виду близости Кузнецкого бассейна. Размер амортизации взят, как в ЦПР; на самом же деле, стоимость намечаемого нами кирпичного здания с деревянными перекрытиями или с железными будет дешевле, чем

Таблица 1

Сравнительная калькуляция хлопчатобумажного производства

Элементы себестоимости	Пряжа на 100 *кг*			Суровая ткань 100 *м*		
	Ср. № 20,86.	21,2	21,2	13,76	14,2	14,2
	Тверская Пролетар. м-ра	Сибирск. ф-ка	Новая ф-ка ЦПР	Пролетар. м-ра	Сибирск. ф-ка	Новая ф-ка в ЦПР
Сырье	131.03	120.96	123.47	28.01	24.34	24.87
Материалы	—	0.11	0.11	0.19	0.13	0.14
Зарплата производ. рабочим	14.87	12.0	12.0	4.65	2.44	2.44
Начисления на зарплату	3.84	3.06	3.06	1.21	0.62	0.62
Наклад. расход на раб. силу	4.11	2.10	2.10	1.17	0.43	0.43
Итого	22.82	17.27	17.27	7.22	3.63	3.63
Цеховые расходы						
Зарплата служащих	1.51	1.32	1.32	0.26	0.25	0.25
Начисл. и накл. расходы	0.72	0.57	0.57	0.13	0.11	0.11
Оплата простоев	0.84	0.70	0.70	0.18	0.10	0.10
Текущ. рем. и содерж. машин	11.43	2.72	2.72	1.03	0.65	0.65
Двиг. энергия	4.92	3.00	3.73	0.32	0.40	0.52
Пар и топливо технол.	0.30	0.20	0.30	0.21	0.10,5	0.13
Освещение	0.19	0.13	0.23	0.3	0.3,6	0.4,6
Водоснабжение	—	0.6	0.75	—	0.1	0.1,6
Увлажн. и вентиляц.	0.41	0.35	0.40	0.4	0.3	0.3,5
Текущ. рем. и содерж. здания	1.59	0.41	0.44	0.10	0.7,2	0.7,2
Транспорт	0.36	0.23	0.25	0.3	0.2	0.2,8
Амортизация	6.21	5.80,2	5.80,2	0.71	1.27,4	1.27,4
Охрана труда	0.18	0.24	0.24	0.2	0.2,4	0.2,4
Страхование	0.12	0.21,4	0.21,4	0,1	0.4,7	0.4,7
Всего цеховых	28.51	5.79,6	16.72,4	3.07	3.13	3.30
Всего фабричных расходов	3.51	3.50[6]	3.43,6	0.62	0.75	0.70
Стоимость обработки	54.84	35.37	37.48	10.91,0	7.36,0	7.62,6
Фабричн. себестоимость	203.78	173.53	176.95	38.92	31.85	32.50

железобетонное в ЦПР. Кроме того, цена на кирпич в Сибири в 1927/28 г. составляла 29 руб., а в ЦПР средняя отпускная цена— 43 руб. 14 коп. за тысячу. Рабочие руки для строительства в Сибири дешевле; лес тоже в Сибири дешевле, и т. д.

Что касается отделки на Сибирской фабрике, то мы ее здесь не приводим лишь потому, что такое небольшое отделочное производство вряд ли может быть показательным вообще. Но, мы считаем, вследствие того, что топливо в Сибири является значительно более дешевым, чем в ЦПР и что химические материалы, как-то: кальцинированная сода, каустичная сода, хлор, белильная известь, хромовая соль и т. д. производятся на Урале, откуда доставка их до Ново-Сибирска более дешева, чем до ЦПР, потому отделка на сибирской фабрике будет также дешевле, чем на новой фабрике ЦПР. Здесь нужно еще учесть то обстоятельство, что в ближайшее время в Кузнецком бассейне должно получить большое развитие коксовое производство, отбросы которого являются ценнейшими материалами для выработки важных для текстильной промышленности анилиновых и ализариновых красителей. Таким образом, даже и в этом отношении сибирская текстильная промышленность будет полностью эмансипирована от центра, и притом с значительной выгодой.

Помимо того, есть еще одно важное обстоятельство, говорящее в пользу развития хлопчатобумажной промышленности в Сибири: доставка тонны хлопчатобумажной ткани из ЦПР до Ново-Сибирска стоит 277 руб. (а в другие пункты Сибири — еще дороже). В 1926/27 г. в Сибирь по данным Сибкрайплана было ввезено 2.070 вагонов хлопчатобумажной ткани, что составляет, примерно, 136 млн. метров. Считая по 7—8 тонн на вагон, стоимость провоза этих тканей составляла, примерно, 4,5 млн. руб. А между тем, по тем же данным Сибкрайплана спрос населения Сибири был удовлетворен тогда всего лишь на 50—60%. Следовательно, при достаточном снабжении Сибири хлопчатобумажными тканями, экономия на одном лишь провозе составляла бы, примерно, около 9 млн. руб. К концу 5-летия предполагается, что для Сибири потребуется, примерно, 400 млн. метров хлопчатобумажной ткани. Провоз только этой ткани до Сибири мог бы составить за один только год (1932/33) сумму, примерно, в 16 млн. руб.

Для организации производства на первой фабрике, нам потребуется обучить вначале, примерно, 900 рабочих. Если даже считать, что расход на обучение рабочего будет составлять 500 руб. (что, конечно, представляет собой сильно преувеличенную сумму), то тогда затрат будет всего на 450.000 руб. Вообще же затраты на обучение рабочих ничтожны в сравнении с экономией на транспорте готовых тканей.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: развитие хлопчатобумажной промышленности в Сибири экономически вполне обосновано и имеет большое народнохозяйственное значение. Поэтому мы считаем необходимым ускорить постройку в Сибири первой хлопчатобумажной фабрики с тем, чтобы она была закончена к началу 1931/32 г., т.-е. к тому времени, когда будет закончена Туркестано-Сибирская ж. д., а затем начать быстро развивать там хлопчатобумажную промышленность с тем, чтобы она в наиболее быстрый срок могла снабдить Сибирь своими тканями, и также начать работать на экспорт в Монголию и Западный Китай.

Только таким путем можно будет в Сибири и других новых районах в наиболее скорый срок достигнуть существенного сдвига в деле действительного развития в них текстильной промышленности.

Сибирь имеет все данные для успешного развития собственной шерстяной промышленности и не только грубосуконной, но и тонкосуконной. Сделанные в последнее время успехи в области механической сортировки грубых шерстей дают возможность из последней получать до половины количества ее пуха, который может быть употреблен для тонкосуконного производства. Если к этому еще прибавить, что Сибирь и прилегающий к ней Казакстан, обладают значительными количествами тонких и полугрубых шерстей, то сделается вполне очевидным, что в области этого производства здесь открываются большие перспективы. Последнее уже наложит известный отпечаток на развитие грубосуконной промышленности, которая, во-первых, вероятно не должна будет достигнуть такого развития, какое предполагалось раньше, а во-вторых, ассортимент ее также потерпит изменения в сторону ухудшения, так как она должна будет потреблять главным образом отсортированную шерсть.

В последние годы старые льноводческие районы (Центрально-Промышленный, Западный, Северо-Западный) переживают глубокий кризис. Здесь происходит беспрерывное понижение урожайности льна, ухудшение его качества, сокращение посевных площадей и также товарного выхода волокна и т. д. Льняная промышленность, сосредоточенная, главным образом, в этих районах, переживает за последние годы хронический сырьевой голод, и вынуждена сокращать производство. Для получения сырья приходится прибегать к повышению цен на льноволокно, что повышает себестоимость льняной продукции. А между тем, основным условием развития льняной промышленности является удешевление льняных тканей и конкуренто-способность их с бельевыми сортами хлопчатобумажных тканей. Кроме того, давно уже замечено, что лен перемещается на восток. Отсюда следует, что необходимо начать перемещать и льняную промышленность в том же направлении. В частности, в Сибири за последние годы происходит большой рост посевных площадей под льном-долгунцом. Сибирь в области льноводства имеет блестящие перспективы. Спрос на льняные мешки для перевозки

хлеба в Среднюю Азию по Турк.-Сиб. ж. д. также должен быть учтен. Определенно можно сказать, что организуя в Сибири льняное производство, с учетом всех достижений техники в этой области, можно получать наиболе дешевую продукцию, чем где бы то ни было в Союзе, особенно, чем в ЦПР.

По пятилетнему плану на строительство двух льнопрядильных и ткацких фабрик в Ново-Сибирске ассигновано 13.500 тыс. руб. На строительство грубосуконной—5 млн. руб., с началом постройки в текущем году и окончанием в 1931/32 г.

Урал. Важнейшим условием создания на Урале хлопчатобумажной промышленности является принятое в 5-летнем плане возобновление работ по строительству железнодорожной линии Троицк—Орск. Последняя дает Уралу кратчайший выход к Средней Азии, что открывает возможность получать хлопок непосредственно из Средней Азии, и при том получать примерно на 800 *км* ближе, чем получает ЦПР. Доставка тонны хлопка из Средней Азии до Урала обойдется на 18 руб. дешевле, чем из Средней Азии до ЦПР; доставка же тонны тканей из ЦПР до Урала стоит 205 рублей. Таким образом, только на провозе тонны этого груза можно с'экономить 223 руб. В настоящее время Урал имеет около 7 млн. населения. К концу 5-летия оно возрастет, примерно, до 8 млн. ч. Средняя душевая норма потребления хлопчатобумажных тканей к концу 5-летия по Союзу будет составлять 30 *м*. Таким образом, для снабжения Урала потребуется 240 млн. *м* хлопчатобумажных тканей. Один только провоз их из ЦПР до Урала будет стоить около 6 млн. руб. (29 тыс. тонн по 205 руб.) в один только 1932/33 г. Но это еще не все: Урал имеет по сравнению с ЦПР (помимо того, что сырье там дешевле, чем в ЦПР) еще ряд других преимуществ: средняя зарплата на Урале значительно ниже и в конце 5-летия будет также ниже, чем в ЦПР. Двигательная энергия на строящейся сейчас в районе Челябинска районной электростанции, по справке Главэлектро, будет не дороже 2,5 коп. за киловаттчас, в то время как средняя по ЦПР стоимость киловаттчаса составляет 4—5 коп. В отношении топлива Челябинская ф-ка будет находиться в исключительно благоприятном положении: в 20 верстах от города находятся залежи каменного угля, и стоимость тонны его франко-фабрика в 1926/27 г. обходилась в 10 руб., что при переводе на условную единицу составляет около 16,5 руб. за тонну 7.000 калор. топлива, в то же время средняя цена горючего, при переводе на 7.000 калор. единицы, в ЦПР, составляла 27 руб. франко-фабрика за тонну. И, наконец, строительство вообще на Урале дешевле, чем в ЦПР, так как Урал имеет все виды своих собственных строительных материалов, значительно более дешевых, чем в ЦПР. Так, например, средняя продажная цена 1.000 шт. кирпича на Урале в 1927/28 г. была 35 руб. 94 коп., а в ЦПР—43 руб. 14 коп., средняя оптовая цена цемента за 1927/28 г., хотя и весьма незначительно, но все же была дешевле на Урале. Железо на Урале, без

сомнения, дешевле; лес также; рабочие руки для строительства на Урале тоже дешевле. Таким образом, на Урале имеются все данные для того, чтобы создать более выгодное производство, чем в ЦПР. И это ясно видно из сравнения нижеприведенных калькуляций производства на Челябинской ф-ке со старыми фабриками ЦПР, с одной стороны, а с другой стороны, с новой фабрикой, мыслимой по такому же проекту, как и Челябинская, но расположенной в ЦПР. Проект Челябинской ф-ки уже составлен группой крупных специалистов (проф. Державин, проф. Федотов и др.). Приводим некоторые расчеты из этого проекта (смотри таблицы 2 и 3 на стр. 105, 106).

Таблица 2

Сравнительная калькуляция (на обезличенный метр) по отделке: Челябинский комбинат, Пролетарская м-ра, Победа Пролетариата, новая фабрика Центр. района.

Элементы себестоимости	За 1927/28 год			
	Тверск. Пролет. М-ра	Победа Пролетариата	Челябинский комбинат	Новая ф-ка в Центр. р
Сырье (суровье)	34.64	44.63,2	31.98.2	34.89
Обработка				
Материалы, идущие в производство	2.52 [1]	3.46,2	2.62	2.75
Зарплата производств. рабочим	1.04	1.36,8	—.56,2	—.79
Начисления на зарплату	—.28	—.37,4	—.14,3	—.20
Накладн. на рабсилу	—.26	—.31,3	—.09,8	—.13
Итого	4.10	5.51,7	3.42,3	3.87
Цеховые расходы.				
Зарплата служ. и техперс.	—.13	—.15,7	—.10,3	—.14
Начисл. и накл. на зарплату	—.06	—.06,2	—.04,5	—.06
Оплата простоев	—.04	—.01,2	—.02,5	—.04
Текущий ремонт и содержание машин	—.56	—.76,8	—.23,1	—.23,1
Двигательная энергия	—.11	—.24,0	—.11,0	—.18
Пар и топливо технолог.	—.83	1.42,8	—.61,0	—.78
Текущий ремонт и содержание здания	—.16	—.23,9	— 08.7	—.09
Водоснабжение и отвод кр. вод	—.07	—.26	—.09,0	—.09
Освещение	—	—.01	—	—
Увлажнение и вентиляция	—	—	—	—
Транспорт	—.02	—.02,8	—.01,0	—.01,0
Амортизация	—.46	—.46,3	—.51,0	—.51
Страх. производств. зданий и машин	—.01	—.00,3	—.02,2	—.02,2
Охрана труда	—.03	—.07	—.04,2	—.04,7
Разные	—.28	—.04	—	—
Итого	2.76	3.77	1.88,5	2.20
Обще-фабричн. расходы	—.31	—.36,9	—,37,0	—.37
Фабричная себестоимость	41.81	54.28,8	37.66,0	41.33
Стоимость обработки	7.17	9.65,6	5.67.8	6.44

[1] В ассортименте „Пролетарской Мануфактуры“ имеется значительный процент ситца, который требует значительно меньше красителей.

Таблица 3

Сравнительная сортовая калькуляция

(на хлопчатобумажную пряжу и суровую ткань) Челябинской фабрики с фабриками Центрального района (старой и новой)

№ пряжи	Сорт	Наименование фабрики	Сырье	Материал	Зарплата	Начисленность и накладн.	Цеховые	Обще-фабричные расходы	Стоимость обработки	Акциз	Фабричная себестоимость
				Пряжа на 100 кг							
24	Основа ват.	Челябинская . . .	123.81	—.11,5	9.81,1	4.21,9	16.47,7	3.84,1	34.45,8	16 —	174.26,8
„	„ „	Ярославская . . .	125.56	—	17.15	8.74	16.80	3.15	45.84	16 —	187.40
„	„ „	Владимирская . .	128.52	—.52	14.65	7.55	25.85	2.82	51.38	16 —	195.90
„	„ „	Нов. фаб. ЦР . . .	125.95	—.12	13.76	5.91	19.19	4.—	42.98	16 —	184.93
16	Уток „	Челябинская . . .	105.12	—07,1	6.10	2.62,3	10.24,3	2.38,8	21.42,6	16 —	142.54,6
„	„ „	Ярославская . . .	114.95	—	13.64	7.31	11.21	2.80	34.96	16 —	165.91
„	„ „	Нов. фаб. ЦР . . .	107.30	—08	8.55	3.67	11.93	2.48	26.71	16 —	150.01
				Суровая ткань на 100 м							
Станд. 42	Бязь суровая	Челябинская . . .	17.53,5	—.10,1	1.36,9	—.58,9	2.39	—.47	4.91,9	—	22.45,4
„	„ „	Владимирская . .	21.03,7	—.25,4	2.68,3	1.20,5	2.27	—.60,9	7.02,4	—	28.06,1
„	„ „	Нов. фаб. ЦР . .	18.54	—.10 6	1.92	—.83	2.59	—.55	5.99,6	—	24.53,6
41	Молескин	Челябинская . . .	29.22	—.24,6	3.35	1.44	5.84,6	1.14,9	12.03,1	—	41.25,1
„	„	Нов. фабр. ЦР . .	30.89	—.26	4.70	2.02	6.33	1.34	14.65	—	45.54,0
15	Шерстянка	Челябинская . . .	20.05,3	—.09,2	1.25,5	—.53,9	2.19,1	—.43,1	4.38,8	—	24.56,1

Примечание: Данные о себестоимости по фабрикам ЦПР взяты в планово-экономическом отделе хлопчатобумажного управления.

Фабрики: Тверская Пролетарская и Победа Пролетариата взяты, как наиболее близкие по своему ассортименту к Челябинскому комбинату.

Мы видим, что по прядению, ткачеству и готовой ткани Челябинская ф-ка даст более дешевую продукцию, чем такая же новая фабрика в ЦПР. К этому нужно еще прибавить, что провоз хлопка из Средней Азии на Урал, особенно в части пути—с Оренбурга до Челябинска,—будет носить характер обратного груза. В отношении рабочей силы Урал находится в таком же, примерно, положении, как Сибирь.

По данным Уралплана в 1926/27 г. на биржах труда и профсоюзах числилось безработных до 72.000 человек. В частности, в Челябинске и окрестностях наличие свободной рабочей силы, по данным Уралплана, исчисляется в количестве свыше 10.000 чел.

Для хлопчатобумажной же промышленности рабочих нужно будет предварительно подготовить путем специального обучения, как это делается и в ЦПР.

Все вышеизложенное говорит о том, что создание и развитие хлопчатобумажной промышленности на Урале является вполне экономически обоснованным и целесообразным с народнохозяйственной точки зрения. Поэтому мы считаем необходимым немедленно приступить к строительству фабрик на Урале с тем, чтобы закончить в первую очередь к концу 1930/31 г.; затем, начиная с 1931/32 г., начать быстрое развитие хлопчатобумажной промышленности для того, чтобы в наиболее короткий срок Урал был в состоянии снабдить себя преобладающим количеством собственных хлопчатобумажных тканей.

В последние годы на Урале замечается весьма значительный рост посевных площадей под льном. Товарный выход последнего растет; качество уральского льна—высокое, цены же на него значительно ниже, чем в старых льняных районах и, самое главное, здесь имеются для промышленности нужные ей количества льноволокна. Все это вместе взятое создает благоприятные условия для развития льняной промышленности. Мы считаем, что Урал должен сделаться одним из тех новых центров льняной промышленности, образование которых неизбежно в течение ближайших лет.

На Урале уже имеется льняная промышленность, но она преимущественно груботканная. Дальнейшее развитие ее должно происходить, главным образом, по линии тонкотканного производства. Высокономерность уральского льна и последние достижения в области техники и технологии обработки льна дают полную возможность это выполнить наилучшим образом.

Пятилетним планом принято строительство в Свердловске тонко-льняного комбината общей стоимостью в 9 млн. руб. с началом постройки в 1930/31 г. и окончанием ее в 1932/33 г. Строительство это необходимо еще приблизить по срокам и ускорить.

АССР немцев Поволжья. В отличие от вышеупомянутых районов, АССР немцев Поволжья — старейший район хлопчатобумажной промышленности. Ткацкий промысел был завезен сюда первыми немцами-колонистами еще во второй половине XVIII века из Германии. В течение XIX века производство хлопчатобумажных пестротканей, так называемой сарпинки, получило здесь большое развитие и приняло, как это всюду бывало в истории текстильной промышленности, форму мануфактуры. Развитию здесь текстильной промышленности способствовали следующие факторы: наличие по причине аграрного перенаселения, свободных рабочих рук, выгодное географическое положение на берегу Волги, в отношении получения сырья, и также в отношении рынка сбыта.

Здесь была широко развита домашняя система капиталистического производства со всеми свойственными ей характерными чертами, какие имелись и в ЦПР. Здесь так же, как и в ЦПР, правда, только значительно позднее, наметился кризис ручного производства. Этот район не развился в более крупный текстильный центр потому, что здесь не было того торгового капитала, какой был подготовлен в ЦПР, а также по причине отсутствия, в сравнении с последним, густого населения. Но все же здесь был довольно значительный текстильный район, в котором было занято до 20 тыс. кустарей, изделия которых имели широкое распространение далеко за пределами своего края и находили себе сбыт даже в Персии.

В настоящее время этот район выбрасывает на общесоюзный рынок свыше 20 млн. метров хлопчатобумажных тканей. Теперь там имеется хлопчатобумажный трест „Нижволтрест“ в составе прядильной ф-ки на 44 тыс. веретен, так называемая „Саратовская мануфактура“, 3 механических ткацких ф-ки, красильная, трикотажная и т. д., и, кроме того, там еще работает мощная промыслово-кооперативная организация „Сарпинсоюз“, об'единяющая до 16 тыс. кустарей. Словом, здесь есть прочная, исторически сложившаяся, база для развития хлопчатобумажной промышленности. Но не только поэтому мы считаем этот район удобным для создания крупного центра хлопчатобумажной промышленности. Для новых фабрик здесь также придется подготовлять рабочих, так как без этого совершенно немыслим переход на новую, более производительную систему труда.

Мы обращаем внимание на этот район, главным образом, потому, что он имеет, помимо больших кадров свободной рабочей силы, еще ряд других преимуществ перед ЦПР, а главное, он лежит ближе к сырью. В настоящее время географическое расположение этого района совершенно не использовывается. Ф-ка „Саратовская мануфактура“, расположенная в 25 — 30 *км* ниже Саратова, получает наш хлопок из Москвы, в то время, когда этот же хлопок проходит мимо нее вверх по Волге до Нижнего-Новгорода и перегружается на ж. д. и т. д. Это нелепое, антинароднохозяйственное

явление приводит к тому, что „Саратовской м-ре“ доставка тонны хлопка обходится намного дороже, чем ЦПР. При распространении льготных тарифов и на район Нижней Волги, доставка тонны хлопка водным путем обойдется в 82 руб. с тонны, а железнодорожным— 85 руб., т.-е. дешевле, чем до ЦПР примерно на 15%.

Зарплата здесь ниже, чем в ЦПР. Все это вместе взятое создает здесь возможность выпускать продукцию значительно более дешевую, чем в ЦПР.

В настоящее время район Нижней Волги имеет около 6 млн. населения. Потребность только этого одного района составит к концу 5-летия, примерно, 180 млн. метров тканей. А несомненно, что размер развития хлопчатобумажной промышленности этого района должен достигнуть такой степени, чтобы не только снабжать себя тканями, но чтобы и обслуживать еще другие прилегающие к нему районы.

Район немцев Поволжья имеет все для того, чтобы этого достигнуть, и, с точки зрения целесообразности, это не подлежит никакому сомнению. Экономия в одном транспорте будет заключаться помимо доставки сырья еще в 110 руб. с тонны готовых изделий из ЦПР до Саратова. Это составляет, при снабжении тканями только одного населения Нижне-Волжского края, сумму около 2,5 млн. руб. в один только 1932/33 г.

Помимо всего вышеизложенного, этот район обладает еще старым организационным и технико-производственным опытом, а также подготовленным кадром организационно-технических сил. Для подготовки среднего технического персонала существует текстильный техникум в Бальцере.

Пятилетним планом запроектировано крупное строительство текстильной промышленности в Нижнем Поволжьи, при чем на хлопчатобумажную промышленность намечено 25,4 млн. руб. Строятся бумаго-прядильни в Саратове, Бальцере и для третьей пока место не определено. Ткацкие фабрики строятся в Саратове, Мессере и Денгофе. Красильная намечена также в АССР немцев Поволжья, место пока точно не определено.

Кроме того, в Нижнем Поволжье в течение пятилетия намечена постройка двух трикотажных фабрик (одна из них в Бальцере) общей стоимостью в 6.500 тыс. руб.

Дагестанская ССР. Маленький Дагестан представляет собой, по своему кустарно-промышленному развитию, одно из замечательных мест не только в СССР, но и, пожалуй, на всем земном шаре. С древнейших времен Дагестан обслуживает своими изделиями, особенно металлическими и текстильными, Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию и т. д. Еще во время покорения Кавказа, Дагестан снабжал всю армию Шамиля оружием (там отливались даже пушки). Что касается текстильных изделий, то также с древних времен Дагестан снабжает своими сукнами, бурками и т. п. изделиями весь

Сев. Кавказ и Закавказье и т. д. В настоящее время дагестанские кустарные сукна имеются в продаже даже в Москве. Эти промыслы там широко развиты и целые селения горного Дагестана специально занимаются этим. Развитие в столь большом размере кустарных промыслов в Дагестане произошло по причине необычайного аграрного перенаселения. Дагестан, имеющий всего 800 тыс. душ населения, не может все же прокормить всего своего населения, и до 20% его в рабочем возрасте не может найти в настоящее время применения своего труда. Таким образом, в Дагестане мы имеем не только рабочие руки, но еще рабочие руки, имеющие определенные трудовые навыки в области текстильного производства. В Махач-Кала есть прядильно-ткацкая хлопчатобумажная фабрика на 15 тыс. веретен и 480 ткацких станков. Эта фабрика существует лет 30—35, оборудование ее сильно устарело и изношено; до сего времени на нее почти никакого внимания центральными органами не обращалось и она влачит довольно незавидное существование. Но все же зародыш хлопчатобумажной промышленности там уже имеется; есть также ядро квалифицированной местной рабочей силы, а также определенный организационный опыт. Помимо вышеизложенного, Дагестан имеет еще следующие, весьма благоприятные для развития хлопчатобумажной промышленности, условия.

В Дагестане начинает создаваться собственное хлопководство. В конце 5-летия должно засеваться не меньше 15 тыс. *га*, что должно дать не менее 4,2 тыс. тонн зрелого хлопка. Для переработки его потребуется фабрика не менее, чем на 70 тыс. веретен при работе в 3 смены. Кроме того, через Махач-Кала проходит в центр преобладающая часть хлопка из Средней Азии и из Закавказья. Стоимость тонны последнего обходится там на 75 руб. 58 коп. дешевле, чем для ЦПР. Затем в настоящее время провоз тонны тканей из Центра в Дагестан стоит 221 руб. 31 коп. Таким образом, экономия только на одном транспорте составляет не менее 297 руб. на тонну. Помимо этого, зарплата в Дагестане всегда будет значительно ниже, чем в ЦПР: жизнь там намного дешевле и т. д.

Топливо (жидкое из Грозного) в Дагестане также дешевле, чем в Центре, например, моторная нефть в Москве 5 руб. 55 коп., а в Махач-Кале—4 руб. 30 коп. за 100 *кг* (в цистернах), топочный мазут в Москве—4 руб. 88 коп., в Махач-Кале—2 руб. 52 коп. за 100 *кг*.

Все это, вместе взятое, создает намного более благоприятные условия для развития хлопчатобумажной промышленнности в Дагестане, чем в ЦПР. В отношении же рабочего вопроса там придется, так же, как и в ЦПР, для новых фабрик предварительно подготовить рабочую силу.

В отношении шерстяной промышленности мы не отделяем Дагестан от Сев. Кавказа. Мы считаем вполне рациональным создать в этом основном тонкорунном районе (Сев. Кавказ и Дагестан), тонкосуконную фабрику. Конечно, здесь речь может итти пока только

об одной из тех новых фабрик, которые намечаются вообще к строительству в пятилетнем плане.[1] Эта фабрика должна обслуживать район Сев. Кавказа, Дагестана и прилегающие к ним районы и должна выпускать, примерно, 3—4 млн метров тонких сукон. Для этих районов она всегда, без всякого сомнения, будет выпускать дешевую продукцию, примерно, на 10—15% дешевле по сравнению с промышленностью ЦПР.

Это удешевление получится за счет более дешевого сырья, за счет более дешевого топлива и за счет отсутствия транспортных расходов.

Клинцовский район. По своему промышленному характеру Клинцовский район напоминает ЦПР. Промышленное развитие его происходило по тому же пути, и в частности, суконное производство представляет одну из самых старых специальностей этого района. При сем характерной чертой рабочей силы этого района является то, что она в преобладающей части давно совершенно порвала с деревней и представляет собой городской пролетариат. Последнее обстоятельство является главной причиной того, что этот район обладает большими кадрами высококвалифицированных рабочих, которые культурны, технически грамотны в своей массе, и которые, поэтому, быстрее и лучше охватывают более передовые способы работы. Все это, конечно, сказывается на работе текстильной промышленности Клинцовского района. Ниже мы приводим данные о работе тонкосуконной промышленности по отчетным материалам за 1927/28 г. Клинцовского суконного треста и 1 Госшерсттреста в его тонкосуконной части.

Следующие технико-экономические показатели свидетельствуют о работе этих трестов. (см. стр. 112).

Мы видим, что, абсолютно по всем показателям, работа Клинцовского треста стоит значительно выше 1 Госшерсттреста, несмотря на то, что первый находится в значительно худших условиях в отношении снабжения сырьем и удовлетворения в капитальных затратах.

Эти показатели, наиболее точно и правильно рисующие работу промышленности, являются, конечно, не случайными. Здесь сказывается, несомненно, то положение с рабсилой в ЦПР, на которое мы выше указывали. Кроме того, в г. Клинцах рабочая сила вследствие того, что она почти вся является коренным населением этого города и живет там в своих квартирах, а не в фабричных зданиях, не ложится таким большим расходом на промышленность, в отношении

[1] В настоящее время согласно пятилетнего плана в Дербенте уже строится шерстяная фабрика общей стоимостью в 4,6 млн. руб. с окончанием в 1929/30 г. Вторая грубосуконная запроектирована в Невиномысской (на 6 млн. руб.) с окончанием в 1932/33 г. Там же в 1929/30 г. будет начата постройка и шерстечесальной фабрики стоимостью в 8 млн. руб. с окончанием в 1931/32 г.

содержания рабочих жилищ и т. д., как это имеет место в ЦПР, особенно в Москве и губернии. Поэтому мы считаем, что если развивать тонкосуконную промышленность, то это наиболее целесообразно делать не в ЦПР, а в Клинцах. По своему географическому расположению, Клинцовский район имеет определенный радиус обслуживания, в известной степени замещающий польский район.

Выработка	1 Госшерсттрест (Москамсукно)	Клинцовский
На 1.000 веретен *км* №№ в час .	219	224,8
На 1 тк. станок *м* суровья	2,01	2,55
Простои:		
Веретен (в %%)	4,57	4,23
Ткацких станков (в %%)	8,6	3,23
Расход рабсилы:		
На 1.000 веретен	17,17	16,76
На 1 станок	0,04	—
Выход пряжи со смески (в %%) .	83,3	85,44
В смеске (в среднем) искусственной шерсти (в %%)	28,3	38,5

На этом мы заканчиваем рассмотрение районов, пригодных для развития текстильной промышленности на территории РСФСР. Ряд районов мы здесь, в виду бесспорности развития там текстильной промышленности, особенно льняной, не затрагиваем.

Но из всего этого, конечно, не следует, что текстильную промышленность следует развивать только в РСФСР. Мы, без всякого сомнения, считаем, что и в других республиках имеется достаточно благоприятных условий для развития там текстильной промышленности.

В частности, хлопчатобумажную промышленность представляется возможным создать и успешно развивать в Средней Азии. Мы считаем так не потому, что там есть хлопок, а, главным образом, потому, что транспортирование хлопка в центр за 4000 *км*, а затем обратно туда готовых тканей на то же расстояние, является совершенно нецелесообразным; рабочая сила в центре теперь, как выше указывалось, не в состоянии окупить все эти (даже при существующих низких тарифах) расходы. Поэтому, несмотря на то, что Средняя Азия не имеет своего продовольствия (в этом отношении подобна ЦПР), все же она в состоянии будет там выпускать ткани по себестоимости, во всяком случае не дороже, чем ЦПР, а если еще считать экономию на транспорте, то еще примерно на 10% дешевле.

Для обслуживания собственного рынка, Средне-Азиатского, хлопчатобумажная промышленность Средней Азии будет, несомненно, более рациональной и выгодной, чем это может делать сейчас промышленность центра. Экономия на одном транспорте ежегодно будет составлять десятки миллионов рублей.[1] Никаких препятствий для развития ее там в настоящее время нет и никаких серьезных возражений против этого привести тоже невозможно.

В Закавказьи условия развития текстильной промышленности примерно аналогичны с условиями Средней Азии.

Украина. Рынок ее составляет больше 25% всесоюзного рынка. Помимо этого мы считаем, что Украина имеет еще ряд данных для создания и развития крупной текстильной промышленности. В довоенное время такая попытка была сделана, но, вследствие существовавших тогда там, главным образом, условий с рабочей силой, она оказалась неудачной.

Сейчас же в этом основном и важнейшем вопросе — рабсиле — создались совершенно другие условия. Безработных на Украине много, обучение рабочих теперь, особенно украинцев, должно занять немного времени. Остальные же вопросы развития текстильной промышленности на Украине складываются следующим образом:

Средне-Азиатский хлопок Украина может получать по маршруту Средняя Азия — Красноводск — Баку — Батум — Одесса (или другой порт). Стоимость этого транспорта составляет: Средняя Азия — Красноводск — 10 руб. (по тарифам специально для хлопка), Красноводск — Баку (морем) — 17 руб. 79 коп., Баку — Батум (жел. дор.) — 69 руб. 60 коп. и Батум — Одесса (морем) — 17 руб. 50 коп. Всего 110 руб. 89 коп.[2] за тонну, при чем, начиная от Красноводска по направлению на Батум и дальше, тарифы, не предусматривающие провоз хлопка и, следовательно, будут дешевле. Таким образом, провоз хлопка для Украины может быть даже более дешевым, чем для Центрально-Промышленного Района.

Расположение фабрик должно происходить, по нашему мнению, в местах по Днепру, начиная от Херсона до Днепропетровска, т.-е. находиться в районе распространения Днепростроевской электроэнергии. Затем, Херсон расположен примерно в 15 км. по Днепру от впадения последнего в Черноморский лиман и представляет собою порт, куда могут заходить океанские суда. Таким образом, доставка хлопка может происходить прямо из Батума в Херсон.

Безработица в этих районах очень большая и в рабочих руках здесь недостатка быть не может. Жизнь здесь значительно дешевле целого ряда других районов Украины, и поэтому зарплата здесь

[1] См. в № 12 „Известия Текстильной Промышленности“ за 1928 г. ст. Шляхтермана „О районировании текстильной промышленности“.

[2] Официальная справка „Кредит-Бюро“ о стоимости тарифов, по вышеупомянутым маршрутам.

должна быть ниже. Из Херсона начинается железная дорога, по которой через ст. Знаменка можно транспортировать изделия в любое место Украины.

Рабочих нужно будет, конечно, предварительно обучить, и тогда по трудовой обстановке и производительности труда эти фабрики ничем не будут отличаться от подобных фабрик центра, а изделия вследствие вышеуказанных причин, и особенно, если еще прибавить сюда экономию на транспорте от ЦПР до Украины (в среднем по 150 руб. на тонну), будут определенно значительно дешевле, чем ввозимые из ЦПР.

Следует, однако, заметить, что в связи с недостатком текстильного сырья, разрешение проблемы хлопчатобумажной промышленности на Украине, так же как и в Дагестане, следует искать в первую очередь на путях создания собственной сырьевой хлопковой базы, что отнюдь не находится за пределами досягаемости. С разрешением этой проблемы вопрос о создании хлопкопрядильной и хлопкоткацкой промышленности на Украине перестанет быть дискуссионным.

В настоящее время пятилетним планом принято строительство в текстильной промышленности на Украине общей стоимостью в 21.395 тыс. руб. В том числе строятся бумагопрядильная и чулочная фабрики в Полтаве, трикотажная—в Киеве, 2 грубосуконные—в Кременчуге и в Лубнах и одна пенько-джутовая (6 млн. руб.)—в северном пеньковом районе Украины.

В отношении развития шерстяной промышленности и, именно тонкосуконной, Украина представляет собой особенно благоприятное место. Примерно 85% всей потребности в тонких шерстях мы импортируем из Австралии. Эта шерсть в грязном виде привозится в СССР через Черноморские порты. В настоящее время эта шерсть выгружается в Новороссийске и отправляется по железной дороге в Невиномысскую, где находятся центральные мойки, и уже оттуда в мытом виде — в Москву, Ленинград и т. д. Между тем Сев. Кавказ и Дагестан — наши основные районы тонкорунного овцеводства, где в ближайшие годы должны в несколько раз возрасти стада этих овец. Кроме того, импорт шерсти на протяжении ближайших лет должен будет также возрасти. Все это колоссальное количество шерстей как внутреннего сбора, так и импортного, предназначается для мытья на Невиномысской мойке. Последняя, в связи с этим, намечается к большому расширению, но, очевидно, что до таких размеров ее расширить будет невозможно. Поэтому нужно построить новую шерстомойку в другом, благоприятном для этого, месте. Этим местом является г. Херсон. Мы уже выше указывали, что в Херсонский порт могут входить океанские суда, следовательно, шерсть из Австралии может следовать прямо в Херсон. Из Херсона по железной дороге она может отправляться куда угодно, и расстояние до Москвы даже меньше, чем от Невиномысской. Это избавляет от перегрузки шерсти из парохода на поезд, и затем — перевозки ее

до Невиномысской на расстоянии в 200 *км* по железной дороге. Последнее обходится свыше 18 руб. за тонну, при чем, так как грязная мериносовая шерсть содержит в себе 70% грязи, то это значит, что за провоз грязи уплачивается из 18 руб. 70%, т.-е. 13 руб., или, иначе говоря, на каждые 3 центнера чистой шерсти падает около 18 руб. расходов. Все это исключается при постройке шерстомойки в Херсоне.

Днепровская вода по своей мягкости не уступает воде р. Зеленчуг, на которой лежит Невиномысская. Температура воды в Днепре примерно должна быть такой же, в виду того, что оба эти места лежат на близкой друг к другу широте, и по климату весьма схожи. На Днепре у Херсона в старое время производилась холодная мойка шерсти. Здесь промывалась вся собираемая тогда шерсть из приднепровской части Херсонской губ. и всей Таврической губ. Наконец, в Херсоне можно создать и тепловые мойки как и на Невиномысской.

Следующие благоприятные обстоятельства для развития шерстяной промышленности на Украине будут заключаться: шерсть, помимо удешевления на мойке свыше 6 руб. на центнер, будет еще дешевле, чем для ЦПР, на стоимость провоза из Херсона до Москвы (или из Невиномысской до Москвы), т.-е. не менее, чем на 70 руб. за тонну.

Стоимость провоза тонны тканей из ЦПР в среднем по территории Украины обходится в 150 руб. с тонны.

Таким образом, для Украины экономия получается в 281 руб., а с перегрузками, подвозом и т. д.— не менее 300 руб. на тонну шерстного груза, или в среднем — до 25 коп. на метр, что составляет, примерно, 5% к себестоимости.

Принимая во внимание рынок Украины, который может поглощать десятки тысяч тонн груза всевозможных тканей (десятки млн. метров), то экономия только на одном транспорте будет составлять десятки миллионов рублей.

Шерстяные фабрики, нам кажется, нужно расположить примерно в том же районе, где и хлопчатобумажные.

Рабсилу, так же как и в ЦПР, нужно будет предварительно обучить.

* * *

Пятилетний план развития народного хозяйства делает решительный шаг, в отношении преодоления старой точки зрения и привычек в этом вопросе, в сторону осуществления такого размещения текстильной промышленности, какое больше всего соответствует интересам нашего народного хозяйства.

Необходимо немедленно и решительно приступать к осуществлению принятых проектировок. Начатое в пятилетнем плане, необходимо будет углублять в последующие годы.

В. Ф. Усольцев

К пересмотру тарифа социального страхования

Финансовое напряжение органов социального страхования заставляет пересмотреть действующие тарифы.

Намечая путь к реформе системы страховой тарификации, необходимо учесть интересы промышленности и увязать обложение на социальное страхование с общим планом развития нашего народного хозяйства. Только в таком случае предполагаемая реформа будет целесообразна и жизненна — ибо правильное распределение страховых взносов по отдельным отраслям промышленности, в смысле их увязки с финансовой мощностью отдельных предприятий и групп производств, должно сыграть существенную роль как в деле социального страхования, так и в деле развития и укрепления нашей промышленности, поскольку интересы того и другого неразрывно связаны друг с другом. В условиях капиталистического общества интересы социального страхования и промышленности находятся на противоположных полюсах, поскольку страховые взносы отнимают у предпринимателей часть прибавочной стоимости и поскольку капиталисты, при наличии резервной промышленной армии, не заинтересованы в физическом сохранении рабочего. Только под давлением рабочего класса капиталисты шаг за шагом уступают требованиям пролетариата и по необходимости вводят институт социального страхования, используя его как средство смягчения непримиримой борьбы труда с капиталом.

Совершенно иная установка социального страхования у нас, в условиях советской действительности, где хозяином и промышленности, и социального страхования является господствующий рабочий класс, а интересы обеих сторон не только не противоположны, но, наоборот, дополняют друг друга и ведут к одной цели — к социалистическому накоплению нашего хозяйства. Отсюда и вытекает единство цели организации промышленности и социального страхования, заключающиеся в том, что промышленность идет по пути социалистического накопления материально-производственных ресурсов, а социальное страхование ведет к накоплению живой производительной силы рабочего класса. Важность и необходимость этого накопления вытекает из того, что только физически здоровый и технически подготовленный рабочий класс может справиться с громадным сложным механизмом промышленности и ее организацией и руко-

водством и с не менее сложным и громоздким аппаратом государственного и хозяйственного управления.

Поэтому вся оперативная работа органов социального страхования имеет огромное значение для всего народного хозяйства и особенно для промышленности.

Вся совокупность мероприятий в области социального страхования, проводимая по линии лечебной, профилактической, социально-гигиенической и т. д. не может не отразиться на росте производительности труда, на сокращении расходов промышленности и, следовательно, и на снижении себестоимости продукции. Попутно с этим, нельзя обойти молчанием влияние социального страхования на поднятие производительности труда через укрепление устойчивости бюджета рабочего.

Социальное страхование и производительность труда

Как известно одним из главнейших факторов, обусловливающим максимальную производительность труда, является вполне устойчивый жизненный уровень рабочего. Неуравновешенное психическое состояние довольно существенно влияет на утомляемость и на производительность труда. Работник не уверенный в сохранении своего заработка на случаи болезни, увечья, инвалидности и т. д., никогда не дает максимум производительности труда. Когда же он знает, что органы социального страхования полностью возмещают его заработок, утраченный по болезни или увечью, он может дать максимум производительности труда. Еще одно непосредственное практическое значение вытекает из существа социального страхования. Мы имеем в виду роль социального страхования в бюджете застрахованного в качестве фактора, уравновешивающего его более или менее в дни различных материальных потрясений (периоды болезни, инвалидности, безработицы и т. п.). Переводя этот фактор на язык цифр, мы получаем следующую картину, рисующую в динамической перспективе рост абсолютного и удельного значения пенсий и пособий по социальному страхованию в общей сумме приходной части бюджета рабочих и служащих:

Таблица 1

Годы	Средняя годовая заработная плата		Средний размер[1] операц. расх. на 1 застр.		Проц. операц. расходов к средн. зарплате
	Р.	К.	Р.	К.	
1924/25	529	68	42	43	8,01
1925/26	643	68	56	98	8,08
1926/27	696	72	63	32	9,09

[1] Из суммы среднего размера операционных расходов на одного застрахованного исключены расходы на инспектуру труда и строительство.

Из этой таблицы виден, динамический, рост средней заработной платы, которая является основным доходом рабочей семьи, и параллельно с ним рост операционных расходов социального страхования на одного застрахованного. Вместе с тем, мы видим, что удельный вес пенсий и пособий, получаемых застрахованными из органов социального страхования, не только имеет существенное значение в бюджете, но и что это значение постепенно растет, достигая 9,09% в 1926/27 году.

Подтверждением того, что эти показатели очень близки к действительности служит целый ряд данных, позаимствованных из материалов бюджетных обследований рабочих и служащих, опубликованных в „Статистике труда“ №№ 1—2 и 5—6 за 1928 год. Данные эти следующие:

Таблица 2

Статьи прихода (в рублях)	1927 год					В процент. к зарплате главы семьи	В проц. к общ. сумме дохода
	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Годовой		
Зарплата главы семьи	205,74	225,14	213,55	229,20	873,63	100,0	73,07
Пособия соцстраха главы семьи . .	9,82	12,55	11,94	12,55	46,86	5,36	3,92
Пособия соцстр. и собеса чл. семьи.	8,74	9,26	8,44	7,47	33,91	3,88	2,83
Общая сумма дохода	268,43	306,91	304,80	318,41	1195,56	136,85	100,0

Эти данные с несомненностью убеждают нас в том, что социальное страхование играет очень важную роль в балансе жизненного уровня застрахованных, оберегая его в различные моменты от материальных потрясений. При чем, если мы будем рассматривать удельный вес социального страхования в бюджете рабочего в динамической перспективе, то увидим возрастающее значение его, ибо удельный вес пособий по соцстраху в отношении к основному доходу — заработной плате главы семьи — в 1925 году составлял 4,4%, в следующем 1926 году его значение достигло 4,5%, а в 1927 году, как это видно из нашей таблицы, он равнялся 9,24%. Такое увеличение, с одной стороны, об'ясняется ростом норм обеспечения по социальному страхованию, повышением обращаемости застрахованных, с другой стороны, тем, что в 1927 году в сумму пособий по социальному страхованию при обследовании были включены пособия, получаемые членами семьи застрахованных из органов социального обеспечения. Но, если даже эти пособия исключить, то удельный вес пособий по социальному страхованию все-таки будет очень близок к 8% заработной платы главы семьи.

Таким образом, социальное страхование вполне реально оберегает жизненный уровень рабочей семьи, а это имеет громадное значение для промышленности, поскольку он в свою очередь обеспечивает устойчивость интенсивности и производительности труда. Отсюда ясно, что в условиях планового регулирования народного хозяйства и при наличии обобществленной промышленности, расходы на социальное страхование совсем не являются накладными расходами, которые можно было бы приравнять к промысловому или подоходному налогу. По своей экономической сущности они являются издержками на рабочую силу и осуществляют собой социалистическое накопление биологической ценности рабочего класса в целом. Эти рационализаторские издержки, осуществляющие развитие производственных сил,— эквивалентны издержкам на амортизацию и на расширение материально-производственной базы нашего социалистического хозяйства.

Из сказанного не трудно установить, что целесообразность страховых взносов и их размеров определяется не общей доходностью или экономической мощностью отдельных предприятий и хозяйств, а возможной степенью вредности и опасности, обусловливающих изнашиваемость живой рабочей силы или влекущих за собой определенную сумму расходов, на амортизацию этой рабочей силы. В этом и заключается экономическая сущность взносов на социальное страхование, и только под таким углом зрения оно в СССР останется ценнейшим завоеванием Октябрьской революции и никогда не превратится в надстройку налогового аппарата.

Тяжесть расходов по социальному страхованию по отраслям промышленности

Прежде, чем перейти к анализу степени страховых рисков, по отдельным отраслям труда, установим предварительно степень фактической тяжести расходов на социальное страхование, которое при действующем в настоящее время законодательстве несет промышленность. В частности, удельный вес издержек на социальное страхование во всей учитываемой заработной плате и в дополнительных видах доплаты к ней определяется за 1926/27 год по учету ЦОС'а ВСНХ СССР в следующем виде: [1]

Таблица 3

Отрасли промышленности	Все виды дополнит. зарплаты в проц. к основной	Расходы на социальное страхование в проц. к зарплате	Расходы на соцстрахов. в проц. ко всем дополнительным видам зарплаты
По всей промышленности.	30,45	16,52	54,2
По добывающей промышленности	40,15	12,98	32,3
По обрабатывающей промышленности	28,55	17,23	60,0

[1] Смотри Забелин, Л. В. и Эмдин, Я. Р. „Промышленность и социальное страхование“.

Эти данные указывают на то, что дополнительные расходы на рабочую силу по всей промышленности достигают почти одной трети основной заработной платы и 40,15% по добывающей промышленности. При этом, расходы на социальное страхование в отношении к заработной плате дают минимум по добывающей промышленности —12,98% и максимум по обрабатывающей промышленности — 17,23%. В то же время расходы на социальное страхование в процентах ко всем дополнительным видам заработной платы в добывающей промышленности составляют только 32,3%, а в обрабатывающей почти в два раза больше —60,0%. Это обстоятельство должно быть в известной мере учтено при решении вопроса повышения тарифа для добывающей промышленности.

Теперь посмотрим более детально, как распределяется удельный вес страховых взносов по отдельным отраслям промышленности за тот же 1926/27 год (источник тот же):

Таблица 4

Отрасли промышленности	Расходы на соцстрах. в проц. к зарплате	В проц. к средней по всей промышленности
Бумажная	21,52	130,0
Селикатная	21,41	130,0
Текстильная	20 96	127,0
Химическая	20,88	126,5
Кожевенная	20,24	122,0
Пищевая	19,92	120,6
Швейная	18,64	113,0
Нефтяная	18,31	110,0
Полиграфическая	17,91	108,3
Деревообрабатывающая	17,54	106,0
Электротехническая	10,91	66,0
Каменноугольная	10,54	63,70
Металлическая	10,41	65,5
По всей промышленности	16,52	100,0

Эти данные позволяют проследить степень тяжести страховых взносов по отдельным отраслям промышенности и, при этом, констатировать большую амплитуду колебаний, поскольку минимум ниже максимума почти на 70%. Такое соотношение удельного веса страховых взносов по различным отраслям труда находит себе об'яснение в том, что добывающая и металлообрабатывающая промышленности проходят по льготному тарифу и платят страховые взносы в размере 10%, в то время, как другие отрасли обрабатывающей промышленности проходят в отдельных случаях по нормальному тарифу IV разряда степени вредности и опасности, уплачивая 22% страховых взносов.

Теперь проследим удельный вес страховых взносов в себестоимости продукции, чтобы тем самым определить экономическое значение социального страхования для отдельных отраслей промышленности. Для этой цели мы опять используем данные Забелина и Эмдина, дополнив наши производные величины, определяющие процент повышения доли заработной платы в средней выработке издержками на социальное страхование. Данные эти следующие:

Таблица 5

Отрасли промышленности	Доля зарплаты в проц. к средней выработке на 1 человеко-день в черв. руб.	Доля отчислений на соц. страхов. в проц. к той же средн. выработке	Процент повышения доли зарплаты в выработке издержками соцстраха
Каменноугольная	45,1	4,9	10,8
Силикатная	31,7	6,6	20,4
Металлическая	28,8	2,9	10,1
Текстильная	14,0	2,7	20,0
Кожевенная	10,7	2,1	19,6
Химическая	12,2	2,4	19,7
Пищевая	9,8	1,8	18,4
Деревообрабатывающая	15,6	2,6	16,7
Бумажная	16,0	3,3	20,6
По всей промышленности.	18,5	3,0	16,2

Первая колонка этих данных указывает на то, что заработная плата играет решающую роль в себестоимости продукции каменноугольной, силикатной и металлообрабатывающей отраслях промышленности. В остальных же отраслях удельный вес заработной платы не имеет такого большого значения, поскольку в них доминирующую роль играет расход на сырье, полуфабрикаты и фабрикаты.

Вторая колонка указывает что максимум издержек на соцстрах имеет силикатная промышленность, отнесенная к нормальному тарифу III разряда степени вредности и опасности. Затем идет каменноугольная промышленность. В виду того, что удельный вес заработной платы в себестоимости продукции составляет почти половину всех вздержек (45,1%) по добыче угля, значение социального страхования здесь достигает 4,9%, несмотря на то, что добыча угля тарифицируется 10% страховых взносов. Довольно высокий процент имеет бумажная промышленность, как отнесенная к третьему разряду нормального тарифа. Следующее место принадлежит металлической, текстильной, деревообрабатывающей и т. д.

Наконец, цифры третьей колонки показывают насколько процентов страховые взносы увеличивают удельный вес заработной платы в общей сумме издержек производства. Мы видим, что в каменноугольной и металлообрабатывающей отраслях промышленности страховые взносы повышают удельный вес заработной платы в себестоимости продукции всего лишь на 10%, в то время, как во всех остальных отраслях промышленности эта повышающая роль выражается от 16 до 20%. Это обстоятельство надо считать более или менее благоприятным в деле повышения страхового тарифа и при

пересмотре всей системы страховой тарификации его необходимо учесть.

При решении вопроса о повышении тарифа по каменноугольной и металлообрабатывающей промышленностям, необходимо учесть следующее обстоятельство: повышение страховых взносов по этим отраслям промышленности влечет за собой повышение себестоимости их продукции, а это в свою очередь должно отразиться на повышении издержек других производств, как использующих эту продукцию. Исходя из этого, казалось бы при существующей политике цен действительно не следовало повышать тарифа для каменноугольной и металлической промышленностей и переложить тяжесть расходов по социальному страхованию на легкую индустрию, как это фактически делается теперь. Однако, такое положение вещей нисколько не меняет дело по существу, а только запутывает технику его расчета и извращает экономическую природу самих расходов Когда мы говорим о повышении страхового тарифа каменноугольной и металлической отраслей промышленности, то мы этим хотим добиться того, чтобы расходы на социальное страхование соответствовали фактически необходимому расходу на ремонт и амортизацию живой рабочей силы; чтобы эти расходы с начала до конца сохраняли свою экономическую природу, как издержки на рабочую силу данного производства, которые должны входить составной частью в стоимость топлива.

Когда же мы эти расходы перебрасываем скажем в текстильную промышленность, повышая в ней расходы по социальному страхованию, мы этим опять искажаем экономическую природу расходов текстильной промышленности, что разумеется находит свое отражение во всей политике снижения цен на продукцию этой отрасли.

Отсюда мы делаем вывод, что в интересах всего народного хозяйства СССР и особенно в интересах промышленности необходимо существующую систему дифференциальной страховой тарификации уточнить за счет наибольшего ее соответствия степени страховых рисков по отдельным отраслям труда. Эта задача является актуальной задачей сегодняшнего дня.

Методы определения степени страхового риска

Степень страхового риска по временной нетрудоспособности мы определяем, исходя из числа дней трудоспособности по отдельным отраслям труда на 100 застрахованных с пересчетом на процент расхода по уплате пособий к сумме, заработной платы, по следующей формуле $\frac{X \cdot 100 \cdot Z}{360 \cdot Z \cdot 100} = t_r$,

где X — число дней нетрудоспособности на 100 застрахованных в год Z — средняя месячная заработная плата, 360 — коэфициент, определяющий число полных суточных пособий, подлежащих оплате; t_r процент тарифа по данной отрасли труда.

Страховой риск по инвалидности, за отсутствием соответствующих данных, мы определяем, исходя из коэфициентов заболеваемости, путем соответствующего пересчета, принимая во внимание следующие соображения. Число инвалидов, состоящих на обеспечении органов социального страхования в отношении к числу дней нетрудоспособности, дает довольно устойчивый показатель. За последние три года это соотношение выражалось —0,40%. Эту величину мы условно и положили в основу исчисления предполагаемого числа инвалидов по каждой отдельной отрасли труда, применяя следующую формулу: $\frac{X \cdot 0{,}40}{100} = У$,

где X — число дней нетрудоспособности на 100 застрахованных в год, 0,40 — указанное нами соотношение инвалидов к числу дней нетрудоспособности, У — предполагаемое число инвалидов по данной отрасли труда на 100 застрахованных. Исходя из этого предполагаемого числа инвалидов, мы делали соответствующий пересчет ценностного выражения страхового риска инвалидности по каждой отрасли труда, применяя следующую формулу: $\frac{У \cdot Z.N.100}{Z \cdot 100} = t_r$,

где У — интенсивный показатель инвалидов, выведенный по приведенной выше формуле, Z — средняя заработная плата, N — средняя норма пенсий, t_r — процент страхового тарифа. Сделав пересчеты по каждой отрасли промышленности, мы и получили ценностное выражение страхового риска инвалидности. При этом мы оговариваемся, что эти исчисления не претендуют на точность, они лишь грубо ориентировочны, и мы их используем исключительно только потому, что других более точных показателей нет.

Степень страхового риска на случай смерти, вдовства и сиротства нами определялась на основании коэфициентов смертности по отдельным отраслям за 1926 год, принимая во внимание, что за последние два года коэфициент смертности, в отношении к числу состоящих на пенсии семей умерших кормильцев, составлял 25%. Исходя из этого процента, мы определяем предполагаемое число семей умерших кормильцев по следующей формуле: $\frac{X \cdot 100}{25.} = n$, где X — коэфициент смертности на 100 застрахованных в год, 25 — указанный нами процент, n — число пенсионеров на 100 застрахованных.

Исходя из предполагаемого числа пенсионеров, мы определили страховой риск в ценностном выражении по следующей формуле: $\frac{n \cdot N \cdot Z \cdot 100}{Z\ 100} = t_r$, где n — число семей на 100 застрахованных N — норма пенсий, Z — средняя зарплата, t_r — процент тарифа.

Страховой риск по материнству нами определен, исходя из числа дней нетрудоспособности по нормальным родам (декретный отпуск)

на 100 застрахованных, взятых из углубленных разработок по отдельным отраслям промышленности за 1925 год, применяя ту же формулу, что и по заболеваемости $\frac{X \cdot Z \cdot 100}{360 \cdot Z \cdot 100} = t_r$.

В виду того, что кроме основного пособия, выдаваемого застрахованным женщин в период беременности и после родов, страховые органы еще выплачивают так называемые дополнительные виды пособия на предмет ухода за ребенком и на кормление, страховой риск по материнству должен быть соответственно повышен. В категорию дополнительных пособий, кроме того, входят пособия на погребение. Поскольку все три вида дополнительных пособий выдаются не только застрахованным женщинам, но и членам семьи застрахованных, постольку степень этого риска нами исчислена на всю застрахованную массу. Ценностное выражение его равно 0,50% заработной платы для застрахованных и 0,25% для инвалидов и безработных.

Страховой риск по безработице нами принят, исходя из фактического расхода страховых органов на пособие по безработице, равной 2% заработной платы по всем производствам независимо от степени вредности и опасности этих производств. Хотя было бы правильнее дифференцировать этот процент в зависимости от степени устойчивости отдельных производств в отношении найма и сокращения рабочей силы, но поскольку показатели рынка труда дают очень текучий состав безработных как абсолютно, так и относительно к занятой рабочей силе, мы сознательно воздержались от этой дифференцировки и приняли страховой риск безработицы одинаковым для всех производств.

Согласно действующего законодательства, страховые органы, кроме расходов на выдачу пенсий и пособий, передают большие средства в фонд лечебной помощи. Эти расходы на свое покрытие заставляют страховые кассы собирать соответствующие средства со страхователей. Их размер выражается в отношении к заработной плате такими коэфициентами: для IV разряда—6,5%, III разряда—6%, II разряда — 4,5%. Эти, установленные законом, нормы мы пока сохраняем и в наших пересчетах тарифных ставок для отдельных производств.

Кроме средств, передаваемых органам здравоохранения в фонд медпомощи, страховые органы тратят довольно солидные средства на профилактические мероприятия — устройство санаторий, домов отдыха и т. д. Поэтому, при определении степени страхового риска отдельных производств, эти расходы должны быть учтены и распределены в определенной пропорциональности к коэфициентам заболеваемости и инвалидности, поскольку наиболее вредные производства требуют больших мероприятий по профилактике. Принимая фактический расход на профилактику, мы распределяем его по разрядам тарифа в следующих соотношениях: IV разряд — 2% к заработной плате, III разряд — 1,5%, II разряд — 1% и первый разряд 0,5%. Кроме перечисленных расходов, страховые органы несут целый ряд дополнительных расходов по обеспечению учителей и их семей за выслугу лет, ими же обеспечиваются часть инвалидов и семей погибших от гражданской войны, ими же тратятся средства на переквалификацию безработных, на страховое просвещение, на мероприятия по охране труда.

Наконец, они несут так называемые организационные расходы. Вся совокупность этих дополнительных и организационных расходов нами условно исчислена в размере 15% всех расходов на пенсии и пособия по каждой отрасли труда.

Кроме этих методологических замечаний и условностей, принятых нами при определении ценностного выражения степени страхового риска по различным видам страхования и по отдельным группам производств, необходимо при разрешении вопроса перестройки всей системы страховых тарифов иметь в виду следующие положения: в целях максимальной простоты, мы считаем возможным и вполне достаточным сохранить ограниченную четырьмя разделами шкалу степени вредности и опасности производств, при чем это деление сохраняется и для предприятий, проходящих в настоящее время по льготному тарифу, но с необходимым условием скидки с этого нормального тарифа 50 или 33%. Кроме того, для частичного страхования должны быть установлены два особых тарифа для первой и второй группы.

Таким образом, основная предпосылка построения новой страховой шкалы заключается в том, что мы будем ее всецело строить на принципе учета степени страхового риска и в то же время, идя навстречу упрощению и рационализации страховой практики, мы заранее ограждаем себя от множественности страховых тарифов.

Измерителем страхового риска мы берем ценностное выражение его в следующем виде. К четвертому — высшему разряду должны быть отнесены все производства, у которых расход на покрытие страховых рисков выражается свыше 20% суммы заработной платы, к третьему разряду должны быть отнесены отрасли труда, в которых страховой риск колеблется от 18—20% суммы заработной платы; ко второму разряду должны быть причислены все производства с расходом на покрытие страховых рисков в пределах от 16 до 18% и, наконец, по первому разряду должны тарифицироваться все производства, у которых страховой риск имеет показатель меньше 16% суммы заработной платы. Исходя из этой наперед установленной шкалы, мы вынуждены будем следующим образом тарифицировать отрасли труда, проходящие по IV разряду степени вредности и опасности, принимая во внимание всю совокупность показателей страховых рисков, которая может быть представлена в такой сводной таблице:

Таблица 6

Отрасли труда IV разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	Безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операт. и организ. расходы	Всего
Производство хромпика и хромовых препаратов	6,12	2,87	0,39	0,40	2,0	0,75	2,00	6,5	2,41	23,44
Производство свинцовых красок	5,56	2,61	0,39	0,02	2,0	0,75	2,00	6,5	2,30	22,38
Начальная обработка волокнистых веществ	3,53	1,66	0,61	2,85	2,0	0,75	1,50	6,0	2,08	20,17
Производство взрывчатых и удушливых веществ . .	4,52	2,12	0,39	0,42	2,0	0,75	1,50	6,0	2,04	19,74
Добыча нефти	4,52	2,12	0,61	0,01	2,0	0,75	1,50	6,0	2,02	19,53
Лесопильные заводы	4,00	1,88	0,33	0,59	2,0	0,75	1,50	6,0	1,96	19,01
Начальная обработка металла.	4,04	1,90	0,67	0,02	2,0	0,75	1,50	6,0	1,94	18,82
Производство строительных материалов с большой пыльностью	3,85	1,82	0,39	0,33	2,0	0,75	1,50	6,0	1,91	18,55
Добыча минеральных углей .	3,31	1,56	0,51	0,21	2,0	0,75	1,00	5,0	1,84	17,78

Принимая во внимание установленные нами разряды степени вредности и опасности, мы должны в IV разряде оставить производство хромпика, хромовых препаратов, свинцовых красок и обработку волокнистых веществ; остальные отрасли труда, кроме добычи минеральных углей, должны быть переведены в третий разряд степени вредности и опасности, поскольку вся совокупность страховых рисков по ним имеет ценностное выражение в пределах от 18 до 20% суммы заработной платы. Добыча же минеральных углей по степени страхового риска может быть передвинута во второй разряд.

В этой группировке обращает на себя внимание текстильная промышленность,— (начальная обработка волокнистых веществ), которая дала очень высокий общий показатель за счет страхования материнства, в то время как заболеваемость и инвалидность здесь занимают среднее место. Таким образом, этот общий высокий показатель нельзя рассматривать, как показатель степени вредности и опасности данной отрасли труда. Затем, добыча минеральных углей оказалась отодвинутой даже во второй разряд по всей вероятности в силу того обстоятельства, что здесь имеется на лицо, с одной стороны, профессиональный отбор, а с другой, минимальное количество женщин.

Теперь перейдем к третьему разряду степени вредности и опасности, который представляется в следующем виде:

Таблица 7

Отрасли труда III разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	По безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операт. и организ. расходы	Всего
1. Обраб. щетины и проч. животных прод.	5,12	2,40	0,61	0,80	2,0	0,75	2,0	6,5	2,32	22,50
2. Автогужевые перевозки и ручная переноска	5,03	2,35	0,60	0,21	2,0	0,75	2,0	6,5	2,24	21,68
3. Производство деревянных изделий	4,88	2,28	0,56	0,46	2,0	0,75	2,0	6,5	2,24	21,67
4. Производство резиновых и гуттаперч. изделий	4,93	2,31	0,61	0,99	2,0	0,75	2,0	6,5	2,19	21,28
5. Керамическое производство	4,32	2,02	0,53	1,68	2 0	0,75	1,5	6,0	2,16	20,96
6. Производство спичек . . .	4,17	1,96	0,63	1,56	2,0	0,75	1,5	6,0	2,14	20,71
7. Прочие химические производства	4,52	2,12	0,61	0,98	2,0	0,75	1,5	6,0	2,12	20,60
8. Табачное производство . .	3,92	1,83	0,58	1,88	2,0	0,75	1,5	6,0	2,12	20,58
9. Производство кожи	4,21	1,97	0,59	0,60	2,0	0,75	1,5	6,0	2,02	19,64
10. Крупная металлообрабат. промышленность	4,33	2,04	0,68	0,21	2,0	0,75	1,5	6,0	2,01	19,52
11. Кирпичные заводы и прочие производства строит. материалов	4,16	1,95	0,61	0,39	2,0	0,75	1,5	6,0	2,01	19,36
12. Перегонка и переработка нефти	3,80	1,78	0,73	0,79	2,0	0,75	1,5	6,0	2,00	19,35
13. Добыча торфа	4,24	1,99	0,61	0,18	2,0	0,75	1,5	6,0	1,98	19,25
14. Трамвай	3,91	1,82	0,47	0,68	2,0	0,75	1,5	6,0	1,97	19,10
15. Обработка зерновых продуктов	3,63	1,71	0,84	0,68	2,0	0,75	1,5	6,0	1,97	19,08
16. Стекольное производство .	3,92	1,83	0,33	0,57	2,0	0,75	1,5	6,0	1,95	18,85
17. Основная химическая промышленность	3,93	1,84	0,58	0,25	2,0	0,75	1,5	6 0	1,94	18,79
18. Графическое производство.	3,60	1,69	0,56	0,73	2,0	0,75	1 5	6,0	1,94	18,77
19. Отделка и крашение волокнистых веществ	3,19	1,49	0,45	1,46	2,0	0,75	1,0	5,0	1,76	17,08
20. Бумажная промышленность	3,43	1,61	0,46	0,87	2,0	0,75	1,0	5,0	1,74	16,86
21. Суконные фабрики . . .	2,98	1,39	0,52	1,27	2,0	0,75	1,0	5,0	1,72	16,63
22. Прочие металлообраб. производства	3,48	1,63	0,52	0,15	2,0	0,75	1,0	5,0	1,67	16,20
23. Производство и передача электроэнергии	3,20	1,50	0,59	0,23	2,0	0,75	1,0	5,0	1,64	15,91
24. Производство сахарное и крахмало-паточное	3,14	1,47	0,61	0,23	2,0	0,75	1,0	5,0	1,63	15,83
25. Поверхн. добыча строительных материалов . . .	2,95	1,38	0,61	0,39	2,0	0,75	1,0	5,0	1,62	15,70

Исходя из установленной нами шкалы страховых тарифов, мы должны первые восемь отраслей труда — обработку щетины и прочих животных продуктов, автогужевую перевозку и ручную переноску, производство деревянных изделий, производство резиновое,

керамическое, спичечное и производства химическое и табачное перевести в высший — четвертый разряд, поскольку ценностное значение страхового риска в них выражается выше 20% суммы заработной платы.

Затем, начиная от производства кожи и кончая графическим производством, идут отрасли труда, которые не требуют передвижки, поскольку их страховой риск колеблется в пределах от 18 до 20% заработной платы и удовлетворяет III разряду установленной нами шкалы. Следующие четыре отрасли труда необходимо тарифицировать по II разряду, поскольку ценностное выражение страхового риска колеблется в пределах 16—18%.

Наконец, все остальные отрасли труда можно перетарифицировать в сторону снижения и перевести в первый разряд, исходя из того, что их ценностное выражение колеблется ниже 16% суммы заработной платы. Во втором разряде степени вредности и опасности картина совокупности страховых рисков вырисовывается в следующем виде:

Таблица 8

Отрасли труда II разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	По безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операц. и организац. расходы	Всего
Обработка пеньки и проч. волокн. веществ	4,64	2,18	0,45	1,37	2,0	0,75	1,5	6,0	2,17	21,06
Здравоохранение	4,40	2,06	0,61	1,08	2,0	0,75	1,5	6,0	2,12	20,52
Производство, основанное на брожении	4,32	2,03	0,67	0,74	2,0	0,75	1,5	6,0	2,07	20,08
Обработка животных жиров	4,12	1,94	0,44	0,80	2,0	0,75	1,5	6,0	2,02	19,57
Постройка и отделка зданий	3,93	1,84	0,58	0,62	2,0	0,75	1,5	6,0	1,98	19,20
Ткацкое дело	3,08	1,45	0,45	3,45	2,0	0,75	1,0	5,0	1,97	19,13
Обработка зерновых продуктов и хлебных изделий	3,64	1,71	0,84	0,68	2,0	0,75	1,5	6,0	1,97	19,09
Производство сахарное и крахмало-паточное	3,14	1,47	0,46	0,23	2,0	0,75	1,0	5,0	1,67	16,17
Консервн. и проч. пищевкус. производства	2,86	1,34	0,56	0,55	2,0	0,75	1,0	5,0	1,61	15,67
Добыча соли	2,89	1,35	0,21	0,32	2,0	0,75	1,0	5,0	1,56	15,08
Почта и телеграф	2,01	0,94	0,61	0,47	2,0	0,75	1,0	5,0	1,47	14,25
Охрана внутреннего порядка	2,22	1,05	0,61	0,14	2,0	0,75	1,0	5,0	1,47	14,24
Снабжение	2,10	0,99	0,61	0,24	2,0	0,75	1,0	5,0	1,46	14,17

Из этого перечня отраслей труда следует перетарифицировать первые три группы: обработка пеньки, здравоохранение и производство, основанное на брожении в сторону повышения на целых два разряда, поскольку ценностное выражение страхового риска здесь выше 20% суммы заработной платы.

Следующие четыре группы: обработка животных жиров, постройка и отделка зданий, ткацкое дело, обработка зерновых продуктов и хлебные изделия также должны быть повышены на одну ступень и переведены в третий разряд, поскольку ценностное значение страхового риска колеблется в пределах от 18 до 20% суммы заработной платы.

Затем, производства сахарное и крахмало-паточное по степени страхового риска могут быть оставлены во II разряде. Наконец, остальные пять отраслей труда имеют минимальную степень страхового риска и могут быть тарифицированы по первому разряду страховых тарифов.

Теперь перейдем к отраслям труда, проходящим по первому разряду степени вредности и опасности, действующей классификации труда, которые дают следующую картину страховых рисков:

Таблица 9

Отрасли труда 1 разряд	Стоимость страховых рисков в процентах к сумме заработной платы.									
	По заболеваемости	Инвалидности	По вдовству и сиротству	По материнству	По безработице	По дополнительным пособиям	Профилактике	Медпомощи	Прочие операц. и организац. расходы	Всего
Швейная промышленность	4,26	2,00	0,30	1,82	2,0	0,75	2,0	6,0	2,2	21,33
Телефон	2,55	1,20	0,61	0,91	2,0	0,75	1,0	5,0	1,62	15,64
Снабжение	2,10	0,99	0,61	0,24	2,0	0,75	1,0	5,0	1,46	14,15
Управление и контроль	1,80	0,84	0,61	0,38	2,0	0,75	0,5	4,5	1,31	12,69
Сценическая деятельность	1,64	0,77	0,61	0,32	2,0	0,75	0,5	4,5	1,27	12,36
Литературно - педагогическая деятельность	1,27	0,60	0,61	0,58	2,0	0,75	0,5	4,5	1,24	12 05

Швейная промышленность, повидимому, случайно отнесенная к первому разряду степени вредности и опасности, дает максимальный показатель ценностного значения срахового риска и ее следует отнести к IV разряду установленной нами шкалы тарифов. Это перенесение далеко не случайно. Московская Губстрахкасса еще в конце 1927 г. подняла вопрос о повышении страхового тарифа для швейников, поскольку они дают на протяжении ряда лет повышенную заболеваемость.

Остальные отрасли труда дают ценностное выражение ниже 16% суммы заработной платы; поэтому здесь не следует делать перегруппировки. Правда, телефон немного превышает установленную нами степень для I разряда, но это повышение настолько незначительно, что вряд ли следует переводить эту отрасль труда во второй разряд.

Таким образом, синтез всей совокупности страховых рисков по отдельным отраслям народного хозяйства привел нас, с одной сто-

роны, к тому, что мы вполне конкретно смогли констатировать несоответствие предполагаемой степени вредности и опасности фактическому установлению классификации производств по степени страхового риска; с другой стороны, этот же синтез дает возможность произвести новую группировку отраслей труда по фактической степени их вредности и опасности и наметить грубые вехи новой тарификации.

Такова должна бы быть картина, еслиб мы могли отказаться от льготного тарифа; поскольку же в данный момент этого сделать нельзя и обстоятельства вынуждают, на ряду с учетом степени страхового риска, учитывать и экономический базис для целого ряда производств, мы вносим в нашу четырехразрядную шкалу существенный корректив, путем выделения особой группы производств, проходящих по льготному тарифу, которая конкретно вырисовывается в следующем виде:

Таблица 10

Отрасли труда	Стоимость страхового риска в процентах к сумме зарплаты		
	При нормальном тарифе	При льготном тарифе	
		Снижение на 50%	Снижение на 33%
Здравоохранение	20,52	10,26	14,70
Добыча нефти	19,53	9,77	13,0
Крупная металлообраб. промышленность	19,51	9,76	13,0
Добыча торфа	19,25	9,63	12,85
Трамвай	19,10	9,55	12,75
Начальн. обраб. металла	18,82	9,41	12,58
Добыча угля	17,78	8,89	11,90
Суконные фабрики	16,63	8,32	11,14
Проч. металлообраб. производства	16,20	8,10	10,90
Телефон	16,02	8,01	10,71
Охрана внутреннего порядка	14,24	7,12	9,54
Почта и телеграф	14,25	7,12	9,54
Управление и контроль	12,65	6,35	8,50
Сценическая деятельность	12,36	6,18	8,27
Литературно-педагогич. деятельность	12,05	6,03	8,07

Поскольку по льготному тарифу проходят самые разнообразные отрасли народного хозяйства, которые резко отличаются друг от друга характером и условиями труда и, следовательно, и степенью вредности и опасности, постольку мы в этой таблице видели очень пеструю картину показателей ценностного значения страховых рисков. При этом разница между минимумом и максимумом настолько большая, что нет никаких оснований к тому, чтобы был установлен один льготный тариф для всей группы в целом.

Принимая установленную нами шкалу тарифов, мы должны здесь также произвести аналогичную группировку на разряды. Таким образом, здравоохранение пройдет по IV разряду степени вредности

и опасности; добыча нефти, крупная металлообрабатывающая промышленность, добыча торфа, начальная обработка металла и трамвай пройдут по III разряду; добыча угля, суконные фабрики, прочие металлообрабатывающие производства и телефон должны тарифицироваться по II разряду; наконец, все остальные непроизводственные группы с минимальными показателями страхового риска остаются в I разряде степени вредности и опасности.

Приняв эту основную установку, построенную на принципе учета страховых рисков, мы считаем возможным увязать ее с экономическим принципом путем снижения установленного для нормального тарифа фактического ценностного значения страхового риска на одну треть или на половину; что мы и делаем в нашей таблице, давая при этом и тот и другой вариант снижения для льготного тарифа. При этом наша точка зрения такова, что снижение льготного тарифа на одну треть является в данный момент приемлемым, потому что страховые органы в настоящее время переживают довольно напряженное финансовое положение и, вместе с тем, к ним пред'являются повышенные требования в области страхового обеспечения.

Такова грубая схема построения страхового тарифа, обнимающего собой все виды страхового риска, построенного на принципе классификации по степени вредности и опасности отраслей труда, с учетом экономического базиса и существующих директивных линий в области развития нашего хозяйства (индустриализация страны, всемерная поддержка тяжелой индустрии, политика снижения цен на промышленные товары).

Эти первые шаги в области научного обоснования постановки вопроса страховой тарификации имеют несомненно прямое практическое значение. Осуществление их привело бы к оздоровлению дела социального страхования. А что это действительно так, подтверждают даже наши грубые прикидки в отношении исчисления фондов заработной платы и причитающихся страховых взносов, которые мы сделали, принимая во внимание, с одной стороны, действующую систему тарификации как она есть в данный момент, а с другой стороны, исходя из той системы, которая наметилась в результате произведенного нами анализа всех видов страхового риска.

Для этих прикидок мы брали фонды заработной платы по отдельным отраслям труда, сгруппированным по разрядам действующей классификации по степени вредности и опасности, и исходя из них, определяли фонды причитающихся страховых взносов отдельно по каждому разряду тарифа. Затем аналогичную работу проделывали, расположив отрасли труда по установленной нами классификации и, при условии сохранения действующей системы страховой тарификации, у нас получились следующие результаты:

Таблица 11.

Отрасли труда	Фонды заработной платы
IV разряд	
Производство хромпика и хромпик. препаратов	144.421
Производство свинцовых красок	303.285
Производство взрывчатых веществ	707.667
Лесопильные заводы	2.195.655
Производство строит. матер. с больш. пыльностью	1.411.639
Начальн. обраб. волокнистых веществ	11.197.800
Итого	15.960.467
Сумма причитающ. взносов	3.511.302
III разряд	
Обраб. щетины и пр. животн. прод.	436.934
Перевозка и ручн. переноска.	2.607.859
Резинов. и гуттаперч. произв.	1.896.790
Производство деревянных изделий	1.147.695
Керамическое производство	982.701
Спичечное производство	367.316
Проч. химические произв.	288.842
Табачное производство	1.405.511
Производство кожи	4.030.905
Кирпич. зав. и пр. строит. матер.	151.826
Переработка нефти	200.058
Обработка зернопродуктов	5.314.353
Стекольное производство	1.961.613
Основная химическ. промышл.	1.213.878
Графическое произв.	4.699.943
Отделка и крашен. волокн. веществ	3.456.111
Бумажная промышленность.	2.227.440
Производство электроэнергии.	1.531.370
Сахарн. и крахмальн. произв.	746.471
Поверхностная добыча разных материалов	364.784
Итого	35.132.402
Сумма причитающ. взносов	7.026.480

Отрасли труда	Фонды заработной платы
II разряд	
Обраб. пеньки и пр. волокн. веществ	1.465.959
Производство основ. на брожении	1.729.490
Обработка животн. жиров	579.844
Постройка и отделка зданий.	5.170.077
Ткацкое дело	12.994.978
Консервное и проч. пищевое произв.	2.511.077
Добыча соли	253.102
Итого	24.704.527
Сумма причитающ. взносов	4.446.815
I разряд	
Швейная промышленность	1.445.705
Снабжение	16.520.764
Итого	17.966.469
Сумма причитающ. взносов	2.874.635
Льготный тариф	
Здравоохранение	5.881.117
Крупн. металлобраб. промыш.	15.453.934
Трамвай	1.920.178
Начальн. обраб. металла	5.821.824
Проч. металлобраб. произв.	8.080.997
Телефон	701.228
Охрана внутрен. порядка	2.917.650
Почта и телеграф	2.615.231
Управление и контроль	18.425.001
Сценическая деятельн	2.854.334
Литер.-педагогич. деятельн.	10.107.893
Добыча угля	2.395.283
„ нефти	710.972
Суконные фабрики	3.241.027
Добыча торфа	417.655
Итого	81.544.224
Сумма причитающ. взносов	8.391.542

Эта таблица дает картину распределения фондов заработной платы по отдельным отраслям труда, сгруппированным по разрядам предполагаемой степени вредности и опасности, положенным в основу действующей квалификации. Кроме того, по каждому разряду подсчитаны общие итоги фондов заработной платы и, путем соответствующего перечисления на установленный законом процент тарифа, выведены суммы причитающихся взносов. Поскольку наша задача заключается только в том, чтобы ориентировочно показать, какой будет финансовый эффект от пересмотра действующей системы социально-страховой тарификации, мы ограничиваемся самой

Таблица 12

Отрасли труда	Фонды заработной платы
IV разряд	
Производство хромпика и хромпик. препаратов	144.421
Обработка щетины и др. животн. препаратов	436.934
Производство свинцовых красок	303.285
Перевозка и ручн. переноска.	2.607.859
Производство деревянных изделий	1.147.695
Резиновое произв.	1.896.790
Обраб. пеньки и пр. волокн. веществ	1.465.959
Керамическое произв.	982.701
Швейная промышлен.	1.445.705
Спичечное произв	367.316
Пр. химич. произв.	288.842
Табачное произв.	1.405.511
Начальн. обработка волокн. веществ	11.197.800
Производство основ. на брожении	1.729.490
Итого	25.420.310
Сумма причитающ. взносов	5.692.468
III разряд	
Производство взрывчатых веществ	707.667
Производство кожи	4.030.905
Обработка животн. жиров	579.844
Кирпичн. зав. и пр. строит. материалы	151.826
Переработка нефти	200.058
Строительное дело	517.077
Ткацкое дело	12.994.978
Обработка зерна	5.314.353
Лесопильные заводы	2.195.655
Стекольное произв.	1.961.613
Основная химическ. промышленность	1.213.878
Графическое произв	4.699.943
Производство строит. матер. с больш. пыльностью	1.411.639
Итого	40.622.436
Сумма причитающ. взносов	8.126.462

Отрасли труда	Фонды заработной платы
II разряд	
Отделка и крашен. волокн. веществ	3.456.111
Бумажная промышлен.	2.227.440
Итого	5.683.551
Сумма причитающ. взносов	1.023.039
I разряд	
Сахарное и крахм.-паточн. произв.	746.471
Поверхностная доб. строит. материалов	464.784
Консервн. и проч. пищев. произв.	2.511.077
Производство электроэнергии.	1.531.370
Добыча соли	253.102
Снабжение	16.773.866
Итого	22.037.568
Сумма причитающ. взносов	3.526.010
Льготный тариф	
IV разр. Здравоохранение.	5.881.017
Измен. причитающ. взносов	852.747
III разр. Добыча нефти	710.972
Крупн. металлообр. промыш.	15.453.934
Добыча торфа	417.655
Трамвай	1.920.178
Начальн. обраб. металла	5.821.824
Итого	24.324.563
Сумма причит. взносов	3.162.293
II разр. Добыча угля	2.395.283
Суконные фабрики	3.241.027
Проч. металлообраб. произв.	8.080.997
Телефон	701.228
Итого	14.418.535
Сумма причит. взносов	1.658.132
I разряд. Охрана внутр. поряд.	2.917.656
Почта и телеграф	2.615.231
Управление и контроль	18.425.001
Сценическая деятельность	2.854.334
Литер. и педагог. деят.	10.107.893
Итого	36.920.114
Сумма причит. взносов	3.692.011

грубой схемой подсчета. Так, например, нами совершенно не выделена лесная промышленность, работающая на экспорт, частная лесная промышленность. Также пока не удалось нам выделить бесприбыльные коммунальные предприятия. Эти уточнения требуют особой дополнительной проработки, но мы еще раз оговариваемся, что для ориентировочных целей в нашей схеме эти уточнения большой роли не сыграют, поскольку мы хотим решить пока общий вопрос — стоит ли и выгодно ли перейти на новую систему тарификации. Кроме того, для нас важно определить выйдем ли мы с переходом на новую систему тарификации из полосы катастрофичности, которая угрожает финансовой базе органов социального страхования.

Чтобы решить эти вопросы, мы перейдем к рассмотрению фондов заработной платы и причитающихся страховых взносов в той группировке, которая установлена нами в процессе анализа всех видов страхового риска.

Данные эти приведены в таблице 12 (см. стр. 133).

Эта таблица позволяет проследить распределение фондов заработной платы по отдельным отраслям труда в той группировке по разрядам степени вредности и опасности, которую мы установили для новой системы тарификации. При этом исчисление причитающихся страховых взносов мы производили для нормального тарифа, по существующим для них процентам: 16%, 18%, 20% и 22%. Что же касается льготного тарифа, то для такового нами предположительно установлены следующие размеры: IV разряд — 14,5%, III разряд — 13%, II разряд — 11,5%, наконец, I разряд — 10%.

В результате такого перечисления у нас получился следующий финансовый эффект повышений в сумме причитающихся страховых взносов, который можно представить в небольшой сжатой таблице:

Таблица 13

Разряд тарифа	Фонд зарплаты				Фонд причитающихся взносов					
	По действующ. системе	В %% к итогу	По новой системе	В %% к итогу	По действующ. системе	В %% к итогу	По новой системе	В %% к итогу	Увеличение	Уменьшение
IV раз.	15.960 467	9,1	25.420.310	14,5	3.511 302	13,4	5.692.468	20,5	2.181.166	—
III „	35.132.402	20,0	40.632 436	23.2	7.026.480	26,9	8.126.462	29,3	1.100.182	—
II „	24.704.527	14,1	5.683.551	3,2	4 446.815	16,9	1.023.039	3.7	—	3.423.776
I „	17.966.469	10,2	22 037.568	12,5	2.874.635	10,9	3.526 010	12,7	651.375	—
Льготный тариф	81.544.224	46,6	81.544 224	46,6	8.391.542	31 9	9.365 183	33,8	973 641	—
Всего	175.308,089	100,0	175.308.089	100,0	26.250 774	100 0	27.733.162	100	1.482.388	3.423.776

Данные этой таблицы довольно рельефно подчеркивают разницу в причитающихся страховых взносах при действующей системе тарификации и при новой системе. При чем эта разница существенно увеличивает финансовую базу страховых взносов, давая в конечном

итоге повышение на 1.482.388 рублей в месяц. Правда, мы еще раз оговариваемся, что наши подсчеты лишь грубо ориентировочные, ибо целый ряд факторов в нашем общем обзоре совершенно не учтен, однако, эта грубая прикидка говорит о том, что предполагаемая перестройка системы тарификации имеет положительное, а не отрицательное значение для органов социального страхования и ее следует положить в основу при научном разрешении вопроса о системе страхового тарифа.

В обоснование того, что предлагаемая нами система является несомненно жизненной, мы еще остановимся на относительном изменении среднего страхового тарифа в связи с предполагаемым переходом на эту новую систему. Для этой цели мы сопоставим фонды заработной платы по всем отраслям труда с фондами причитающихся страховых взносов и в результате этого получим следующие показатели:

Таблица 14

Разряд тарифа	Фонд заработн. платы		Причит. страх. взносы		Процент тарифа	
	По действ. системе	По новой системе	По действ. системе	По новой системе	По действ. системе	По новой системе
IV разряд	15.960.467	25.420.310	3.511.302	5.692.468	22,0	22,0
III „	35.132.402	40.622.436	7.026.480	8.126.462	20.0	20,0
II „	24.704.527	5.683.551	4.446.815	1.023.039	18 0	18,0
I „	17.966.469	22.037.568	2.874.635	3.526.010	16,0	16,0
Льготн. тариф . .	81.544.224	81.544.224	8.391.542	9.365.183	10,3	11.5
Всего . . .	175.308.089	175.308.089	26.250.774	27.733.162	14,97	15,82

Здесь необходимо оговорить, что фонды заработной платы и причитающихся страховых взносов нами исчислены лишь в отношении цензовой промышленности, без учета влияния частичного страхования. В результате этого получилось то, что средний страховой тариф, исчисленный по действующей системе немного выше того среднего тарифа, который был в 1925 г. по всему кругу застрахованных в РСФСР. С точно такой же оговоркой мы исчисляем средний тариф и по новой системе. Сравнивая, подсчитанные таким образом итоги, мы получаем общее повышение страхового тарифа немного меньше чем на один процент — вместо 14,97% мы имеем 15,82%. Это повышение по нашему мнению не ляжет непосильным бременем на производство и, в то же время, безусловно оздоровит финансовую базу социального страхования.

С. Шахновская

Проблема единого финансового плана[1]

II

Метод финансового синтеза

Плановое хозяйство, используя бюджетный и кредитный методы, унаследованные от капитализма, неизбежно создает новый. Величайшей ошибкой было бы характеризовать метод финансового синтеза, в pendant к характеристике капиталистического бюджета. Он (метод финансового синтеза) является характерной чертой советского хозяйства.

Диалектический материализм обязывает нас рассматривать наличие закономерной связи в области финансовых соотношений, как условие для финансового обобщения. С признанием естественной методологии единого финансового плана — метода финансового синтеза — достигается единственно научная точка зрения.

Тем не менее, ни в коем случае нельзя сказать, что методологические проблемы, стоящие перед нами, уже до конца продуманы и разработаны.

Что же такое метод финансового синтеза? Строясь на базе более или менее испытанных обобщений и исчислений баланса народного хозяйства, народного дохода, накоплений и вложений, он имеет ряд отличительных особенностей. Обобщение, свойственное методу финансового синтеза, представляется в виде своего рода равнодействующей связей народнохозяйственных процессов и финансовых отношений. Присматриваясь к различным точкам зрения, следует, прежде всего, констатировать полное отличие и неясность мнений в отношении характеристики метода финансового синтеза.

В соответствии с своеобразным пониманием роли финансов в советской системе, авторы „Единого финансового плана“ считают, что „единый финансовый план завершает всю работу над пятилеткой, — без него получится только конгломерат отдельных отраслевых планов и не будет перспективного плана, внутренне цельного и увязанного. Без финансового плана пятилетка даст ряд принципиальных установок в развитии отдельных отраслей хозяйства, но не поставит надлежащим

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 6, 1929 г.

образом проблемы условий и возможностей их осуществления, внутренней их взаимосвязи и взаимозависимости“[1] (разрядка моя *С. Ш.*).

„И, наконец, единый финансовый план представляет собой синтетическую часть всего перспективного плана в целом, органически об‘единяя финансовые планы отдельных отраслей народного хозяйства“. (Там же, стр. 10.)

Тщетно искать в приведенных замечаниях систематического изложения принципов метода финансового синтеза. Отсутствие в книге специального раздела, посвященного данному вопросу, свидетельствует о том, какое место отводится методологическим, т.-е. научным приемам, обосновывающим целевые установки плана и отыскивающим оптимальные пути их осуществления.

По существу дела надо отметить, что финансовый синтез отнюдь не является единственным методом связи частей народнохозяйственного плана, как это представляется здесь.

Планирование всего народного хозяйства в целом действительно распадается на составление планов отдельных его частей, но с тем, чтобы дальнейшее обобщение завершилось единым хозяйственным планом. Метод финансового синтеза является лишь одним из моментов в этом обобщении.

Чтобы окончательно убедиться в том, что на всей принципиальной части „Единого финансового плана“ лежит печать упрощенного подхода, достаточно привести еще один пример из области так называемой „методологии“, а именно (на стр. 10): предлагается только на основе запроектированных уровней продукции и народного дохода установить систему финансовых мероприятий.

Таким образом, метод финансового синтеза приводит финансовую систему к единству и определяется в конечном счете поставленными задачами и целями финплана — вскрыть: а) финансовые соотношения плана не только с точки зрения аккумуляции средств, но и их перераспределения, б) внутренние соотношения финансовой системы (структуру ее), в) степень мобильности отдельных ресурсов и, наконец, г) степень маневренности финансовой системы.

Для количественного выражения системы равенств и зависимостей, присущих сфере финансовых отношений, нами принят метод финансового синтеза как система балансов финансовых планов.

Эта идея баланса ни в какой мере не отрицает характера финансового плана как синтеза и не придает ему значения простой арифметической сводки. Сводный баланс должен явиться следствием взаимодействия разного рода финансовых связей: между отдельными отраслями и секторами народного хозяйства, отраслями и финансовыми институтами и последними между собою. Следовательно, нет никаких оснований подменять „баланс“ арифметической сводкой и противопоставлять ему „органически целое“.

[1] „Единый финансовый план“. (Труды Госплана УССР), стр. 9.

Сказанное не означает, что „баланс" преобладает над социальным анализом системы финансовых отношений. Балансовый метод, как рабочий прием, вскрывает условия равновесия важнейших элементов плана, выявляет степень соответствия финансовой политики социально-политическим заданиям и необходимому народнохозяйственному равновесию. Его значение определяется выяснением об'ективных возможностей и темпа. Пользуясь системой балансов финансовых планов, мы выявляем всю совокупность народнохозяйственных ресурсов, получаем данные о том, как целесообразнее разграничить сферу ресурсов и использовать рычаги перераспределения, устанавливая границы их использования. За решением вопроса об об'еме и характере ресурсов всей финансовой системы встает вопрос о направлении их распределения и перераспределения. Здесь решается вопрос о взаимоотношениях бюджетной и кредитной систем в деле финансирования народного хозяйства и ресурсов отдельных отраслей народного хозяйства. Кроме того, метод финансового синтеза выявит внутренние соотношения всей финансовой системы—условия, методы и формы ее равновесия. В связи с этим может быть поставлен вопрос о реконструкции финансовой системы, о большем приспособлении ее структуры к задачам планируемого пятилетия.

Например, до сих пор бюджет, как метод „принуждения", в известной мере играет роль воспитания плановой дисциплины. С развитием же обобществления и плановости нашего хозяйства произойдет приближение к тому положению, при котором бюджетный метод, встречаясь с другими методами планирования, станет излишним в расчетах с обобществленным сектором, оставаясь в силе на стыке последнего и частного секторов.

Эта тенденция развития финансовой системы под влиянием социальной реконструкции подготовит почву для радикальной реконструкции ее. В конечном счете, метод финансового синтеза приведет к выявлению плана в социальном разрезе.

Таким образом, методом финансового синтеза является такое сочетание финансовых планов, которое дает возможность:

а) установить органическое единство государственного сектора народного хозяйства, разделенного на две различных системы: бюджетную и стоящую вне бюджета—систему финансов хозяйственных организаций, функционирующих на принципе хозяйственного расчета;

б) охватить финансовые отношения и за пределами государственного сектора, во всяком случае, захватить в пределы плана весь обобществленный сектор;

в) охватить те ресурсы народного хозяйства, которые, оставаясь вне круга обобществленного сектора, экономическими приводами направляются на обслуживание тех или иных целей общехозяйственного плана.

Наш опыт сводится к построению финплана в этих пределах. В конечном счете, стоит задача охватить движение средств и всего

частного сектора, т.-е. построить финплан, как „движение, всех ценностей в народном хозяйстве".

Лучший критерий правильности методологии единого финансового плана—это практическое построение его, что непосредственно приводит к той или иной схеме финплана.

Схема единого финансового плана

Первой попыткой составления финплана было построение баланса капиталонакопления и вложений в государственном секторе в пятилетней ориентировке. (Пятилетняя перспективная ориентировка Госплана СССР 1925/26—1929/30 гг. под руководством тов. Струмилина.)

Несмотря на явные недочеты этой схемы — простое сложение „накопления" (прибыли и амортизации) с суммой „эмиссии", „займов" с „долью из'ятия из бюджета", при чем без соответствующего перераспределения ресурсов, с указанием источников по отраслям и социальным секторам — ей должно быть отведено должное место, как прототипу единого финплана. Дальнейшей попыткой составления такой схемы явилась работа Госплана УССР („Труды Госплана УССР"). Основная результирующая таблица единого финансового плана, по этой схеме, сводится к определению реального накопления в стране (приросту основных и оборотных средств). Схема таблиц состоит из 3 разделов:

Раздел 1. Схема таблиц (1—12) преследует цель отобразить процессы распределения и перераспределения народного дохода для полного охвата организаций, финансирующих процесс создания народного дохода.

Раздел 2. Схема таблиц (13—24) преследует цель показать финансирование производства и обращения.

Раздел 3. Схема таблиц (26—27) показывает использование средств и реальное накопление.

Надо отметить одну отличительную черту всей схемы: ее чрезмерную дробность, наличие множества вспомогательных таблиц, характеризующих те или иные финансовые отношения, по существу не сведенных к балансу единого финансового плана. Схема не достигает цели—дать единую систему финансовых отношений. Из перечисленных разделов лишь второй может иметь подсобное значение, в части сводного баланса материальных и расчетных ценностей. Что касается первого и, в особенности, третьего разделов, то значение их для практических целей построения единого финансового плана ничтожно уже по одному тому, что они не отвечают основным задачам финплана.

Схема построения единого финансового плана, опубликованная НКФ („Вестник финансов", № 2, 1929 г.— „Единый финансовый план на 1928/29 г."), по преимуществу, пытается дать расчетные отношения

между финансовыми институтами, с одной стороны, ими и отраслями народного хозяйства—с другой. Результативная таблица, представляющая собою „платежи отраслей хозяйства и управлений в финансовую систему и получения из нее“, и построенная на финансовых планах отдельных отраслей и управлений, приводит к „балансу расчетных отношений отраслей народного хозяйства с финансовой системой, с учетом внутреннего накопления в обобществленном секторе“. Этот „баланс“ обеспечивается:

1) собственным накоплением хозяйственных организаций обобществленного сектора;

2) средствами, привлеченными этими организациями помимо финансовой системы (сальдо дебиторов и кредиторов);

3) ресурсами финансовой системы (сальдо платежей и получений из финансовой системы).

В качестве следующей ступени на пути от составления контрольных цифр на 1928/29 г. к пятилетнему плану на 1928/29—1932/33 гг. НКФ пользуется методом значительно упрощенным: финансовый план охватывает уже только „государственное хозяйство“.

При таком сокращении об'ема плана остаются неохваченными финансы кооперации (столь возрастающей в проектируемое пятилетие), финансы коллективных хозяйств в сельском хозяйстве и прочие народнохозяйственные ресурсы, которые экономическими приводами включаются в орбиту плана. В соответствии с характером и об'емом плана предлагается схема таблиц, состоящая, в доходной части, из:

1) налогов (за исключением прямого из'ятия из прибылей госпредприятий);

2) чистого дохода предприятий (прибыль и амортизация);

3) средств, привлеченных в государственном хозяйстве кредитными операциями;

4) прочих нераспределенных средств.

В основу этой схемы, как видно, положен известный уже нам „баланс капиталонакопления и вложений“, только несколько уточненный и развернутый.

Для пригодности этой схемы финплана необходимо произвести более обстоятельную детализацию и ряд дополнений к ней.

Госплан СССР исходит из следующих двух форм единого финплана:

1) брутто и нетто плана поступлений средств;

2) брутто и нетто плана использования средств.

Финансовый план брутто обнимает собой все источники и средства, аккумулируемые финансовой системой, и показывает, откуда притекают и как распределяются ресурсы в системе финансового плана. Он допускает двойной и многократный счет, охватывая источники без очистки их от взаимных расчетов. Финансовый план брутто гарантирует полный охват финансовых отношений и полную

обозримость всех финансовых источников, давая, таким образом, почву для выводов чисто финансового свойства.

Финансовый план нетто, т.-е. очищенный от взаимных расчетов, является необходимым для обслуживания задач, которые ставятся хозяйственным планом, дает ответ относительно роли финансовой системы, как рычага перераспределения народного дохода и регулятора народнохозяйственного равновесия.

Основные источники, аккумулируемые финансовой системой, могут быть представлены в виде следующих гнезд: 1) финансы хозяйственных организаций, 2) бюджетная система, 3) кредитная система, 4 бюджетнообразные организации, 5) общественные организации, 6) прочие, привлеченные на плановые цели, средства.

Нижеприводимая схема представляет брутто и нетто финпланы по источникам финансирования (см. стр. 142).

Таким образом, об'ем данной схемы значительно расширен по сравнению с вышеразобранными попытками практического построения финплана, ибо в планах поступления средств охвачены обобществленный сектор и те ресурсы народного хозяйства, которые экономическими приводами направляются на обслуживание плана. Эта схема, основанная на балансовом согласовании и об'единении в единый финплан планов поступления средств в финансовую систему и планов финансирования народного хозяйства, социально-культурного строительства, управления и обороны, отображает систему финансовых отношений. В результате дается не только количественно больший охват, но и возможность решить ряд проблем финансово-экономических связей и включить в орбиту плана до сих пор слабо регулируемые участки. Три типа финансовых отношений характерны для СССР:

1) финансовые связи внутри обобществленного сектора;

2) связи обобществленного и необобществленного секторов;

3) связи внутри частного сектора.

Финансовые связи обобществленного сектора являются основой для всей системы финансовых отношений. Финансовые связи внутри частного сектора не охваченные схемой и ограниченные в сфере деятельности, вплоть до полного их уничтожения, не могут сорвать систему финансовых отношений в целом.

Однако, и эта схема не претендует на исчерпывающий охват вопросов финплана.

В настоящее время комиссией Госплана СССР производится уточнение схемы для построения единого финплана на 1929/30 г. Основные поправки идут в направлении включения в финплан: а) частного сектора, б) потребных средств и в) платежей отраслей и сфер народного хозяйства в финансовую систему. Нижеприведенная примерная схема (на стр. 143, 144) также далеко не исчерпывает ряда вопросов, касающихся связей и зависимостей. Поэтому, на ряду с этой общей результирующей таблицей, предполагается

Схема финплана

Отрасли народного хозяйства и группы учреждений	Прибыль, амортиз. и собствен. средства долгосрочн. кредита	Бюджетная система			Коммун. долгосрочн. кредит	Возврат и прив. средств системы с.-х. кред. (произв)	Краткоср. кредит (прирост)	Соц. страхование	Прочие источники	Получает по другим планам	Итого брутто (по всем планам)	Передает другим планам	Итого нетто
		Госбюджет	Местные бюджеты	Итого									
1. Сельское хозяйство													
2. Ирригация													
3. Лесное хозяйство													
4. Промышленность													
5. Электростроительство													
6. Транспорт													
7. Связь													
8. Госторговля и кооперация													
9. Коммунальное хозяйство													
10. Городское жилстроительство													
11. Прочие расходы													
Итого 1—11													
12. Просвещение													
13. Здравоохранение													
14. Социальное обеспечение													
Всего 12—14													
15. Управление и оборона													
16. Система краткосрочного кредита													
Всего 1—16													
Из др. источников таблицы													
Итого сальдо													

Примерная схема финплана на 1929/30 год
Платежи в финансовую систему и накопления хозорганов

Отрасли народного хозяйства, управления и население	Бюджетная система			Кредит. система		Коммерч. кредит и вклады	Сберегат. кассы	Госстрах	Соцстрах	Фубры хозорганов	Самообл. сел.-хоз. населения	Спец. средства ведомств	Профсоюз. и др. общ. учрежден.	Прочие источники	Средства хозор.		Итого
	Госбюджет	Местн. бюджет	Итого	Долгосрочн. кредит	Краткосрочн. кредит										Остаток прибыли	Остаток амортизации	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
А. Отрасли нар. хозяйства (обобщ. сектор)																	
1. Сельское хоз-во (обобщ.)																	
В т. ч. с.-х. кооперация																	
2. Ирригация																	
3. Лесное хозяйство																	
4. Промышленность																	
в т. ч.: а) синдикаты																	
б) промкоопер.																	
5. Электростанц. (районн.)																	
6. Транспорт																	
7. Связь																	
8. Коммун. предпр.																	
9. „ имуществ.																	
10. Муницип. и кооп. жилфонд																	
11. Торговля																	
в т. ч.: потребкоопер.																	
12. Кредитная система																	
13. Прочие																	
Итого обобщ. сектор нар. хоз.																	
Б. Социальн.-культ. сектор																	
14. Просвещение																	
15. Здравоохранение																	
16. Соц. обеспечение																	
Итого 14—16																	
В.																	
17. Управл. и оборона																	
Всего 1—17																	
Г. Частный сектор (население)																	
18. Сел.-хоз. население																	
19. Рабочие и служащие																	
20. Проч. городск. населен.																	
Всего																	
Расчетн. отнош. между финансов. инстит. (сальдо)																	
Баланс																	

Примерная схема финплана на 1929/30 год
Платежи в финансовую систему и накопления хозорганов

(Продолжение)

Отрасли народного хозяйства, управления и население	Потребные средства: Капит. вложен.	Потребные средства: оборотные средства: в том числе: средн. произв. гот. изд. и касс.	Потребные средства: оборотные средства: в том числе: комм. кред. вкл. и тек. счета	Потребные средства: Расходы	Итого: 18+19+21	Итого: 18+19+20+21	Бюдж. сист.: госбюд.	Бюдж. сист.: местн. бюдж.	Бюдж. сист.: Итого	Кр. сист.: долгосрочн.	Кр. сист.: краткосрочн.	Коммерч. кредит и вклады	Сбербкассы	Госстрах	Соцстрах	Фубры хозорган.	Самообл. сел.-хоз. населения	Спец. сред ведомств	Профсоюз. и др. общ. организац.	Прочие источники	Ср. хоз.: остат. приб.	Ср. хоз.: остат. аморт.	Итого	Сальдо платежей и получен.
	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41
А. Отрасли народного хозяйства (обобщ. сектор)																								
1. Сельское хоз-во (обобщ.)																								
В т. ч. с.-х. кооперация																								
2. Ирригация																								
3. Лесное хозяйство																								
4. Промышленность																								
в т. ч.: а) синдикаты																								
„ б) промкоопер																								
5. Электростанц. (районн.)																								
6. Транспорт																								
7. Связь																								
8. Коммунальн. предпр.																								
9. „ имуществ.																								
10. Муницип. и кооп. жилфонд																								
11. Торговля: в т. ч. потребкоопер.																								
12. Кредитная система																								
13. Прочие																								
Итого обобщ. сект. нар. хоз.																								
Б. Социальн.-культ. сектор																								
14. Просвещение																								
15. Здравоохранение																								
16. Соц. обеспечение																								
Итого 14—16																								
В.																								
17. Управл. и оборона																								
Всего 1—17																								
Г. Частный сектор (население)																								
18. Сел.-хоз. население																								
19. Рабочие и служащие																								
20. Проч. городск. населен.																								
Всего:																								
Расчетн. отнош. между финансов. институт. (сальдо)																								
Баланс																								

дать расчеты, вскрывающие отношения между отдельными финансовыми институтами, отдельными отраслями народного хозяйства, а также таблицы рядов рентабельности отраслей производства, скорости оборота капитала и т. п.

Вместе с тем, в ряде журнальных статей и ведомственных выступлений проскальзывает мысль о необходимости построения об'ема и содержания финплана в форме единой таблицы.

„Таблица финплана, говорит т. Персиц („Плановое хозяйство", № 9, 1928 г., стр. 336—337), должна показать основные доходы и расходы государства и всех классов населения... Таблица так понимаемого финплана и должна практически быть суррогатом таблицы, рисующей механизм воспроизводства".

Безнадежным делом являются поиски какой-то единой, простой, универсальной таблицы и формы финансового плана, ибо финплан является не только суммой основных доходов и расходов государства и населения, но и планом финансовой политики, обусловливающим народнохозяйственный план, а также системой связей и зависимостей.

Задачи и проблемы единого финансового плана

Построение финансового плана базируется прежде всего на том, что в процессе технико-экономических и социальных результатов реконструкции, товарно-денежная форма нашего хозяйства на ближайшее пятилетие сохраняется. На ряду с изживанием товарно-денежных отношений допускается и их наростание (определение степени нарастания и изживания их должно составить особое научное исследование). Если не стоять на точке зрения абстрагирования финансов от экономики и не фетишизировать финансовые отношения, надо предвидеть развитие финансовой системы в соответствии с социально-экономическими задачами проектируемой реконструкции.

Руководящей идеей финансового плана является обеспечение равновесия народного хозяйства индустриального типа с наступательным движением социализма. Перед финансами стоит задача содействия социалистической реконструкции хозяйственных отношений. Проблемы финансового равновесия, обусловливающего здоровое развитие народного хозяйства, приобретают новое значение в планируемое пятилетие. Вместе с тем, принцип равновесия финансовой системы не является самодовлеющим. Реализм и напряженность финансового плана подчинены основным социально-экономическим задачам планируемого пятилетия. Тот план будет реален, который осуществит диалектический процесс развертывания новых хозяйственных форм. Новые производственные отношения, намеченные в плане, постепенное изжитие кризисных явлений — определяют собой и тип финансовых отношений.

Исходя из того, что финансовый механизм (бюджет, кредит и т. п.) является одним из методов регулирования расширенного

воспроизводства, построение единого финансового плана ведется под знаком достижения оптимального сочетания расширенного воспроизводства народного хозяйства и расширенного использования финансовых методов, его регулирующих.

В связи с неизбежными трудностями при осуществлении пятилетки, финансовая система должна проявить максимальную активность и маневренность. Активизация финансов, при систематическом росте индустриализации страны, будет выражать лишь здоровый процесс социалистического строительства.

Отсюда единый финансовый план:

1) показывает, как, какими путями, с применением каких организационных методов и форм, с какой аккумуляцией и каким использованием ресурсов достигается равновесие расширенного воспроизводства народного хозяйства и равновесие финансовой системы, как таковой;

2) дает единый план финансовой политики по линиям основных задач: налоговой политики, госзаймов, политики накопления и кредитной политики;

3) дает план финансирования народного хозяйства в соответствии с задачами экономической политики;

4) определяет условия выполнения социальных задач;

5) устанавливает оптимальный тип развития структуры финансовой системы, адекватной народнохозяйственной модели страны строящегося социализма (бюджет, кредит и цены в их оптимальном сочетании).

В общепринципиальной части „Единого финансового плана" („Труды Госплана УССР") мы находим следующие положения, характеризующие основные цели и задачи. „Единый финансовый план не планирует определенной отрасли хозяйства, а составляет синтетическую часть всего перспективного плана народного хозяйства".[1] И дальше: ... „в задачи финансового плана не входит определение самих целей по существу — последнее является содержанием всего общехозяйственного плана и его основных разделов".[2] „Целью единого финансового плана является осветить, каким путем и за счет чего может быть достигнута и практически осуществлена в жизни та или иная общеплановая установка".

В основу такого определения задач и целей единого финансового плана легла принципиальная установка, отказывающаяся, во-первых, от планирования финансовой системы, как таковой, во-вторых, от построения единого плана финансовой политики и установления системы финансовых мероприятий в целях бескризисного

[1] Стр. 8—9.
[2] Стр. 9.

развития и социалистического переустройства нашего хозяйства, а не только перераспределения народного дохода, в третьих, не видящая на деле диалектической связи финансовых рычагов с общеэкономическими и, в четвертых, признающая за единым финансовым планом лишь формальное значение плана финансовой кассы и ее распределения.

„Узкое" понимание целей единого финплана логически вытекает из тех „узких" задач хозяйственного плана, которые формулируются работой Госплана УССР, как задачи „осуществления намеченного плана капитального строительства и образования в стране резервных и запасных фондов". Не вдаваясь в дальнейшую оценку причин такого „узкого" понимания задач общехозяйственного и единого финплана, остановимся на других моментах, характеризующих такое построение единого финплана.

„Финансовая система по всей совокупности составляющих ее элементов служит средством перераспределения народного дохода и перемещения ресурсов, обращающихся в народном хозяйстве... Роль первичного фактора распределения народного дохода должна быть отведена политике цен.."

Взяв за базу единого финансового плана народный доход и его перераспределение, авторы „Единого финансового плана" упускают из сферы наблюдения роль финансового механизма, как одного из мощных регуляторов расширенного воспроизводства. Из указанного вытекает априорное решение вопроса о роли политики цен, как о первичном факторе вместо того, чтобы поставить вопрос об оптимальном сочетании бюджета, кредита и цены.

Таким образом, в свете общих постановок, первое место отводится следующим вопросам: 1) перераспределения народного дохода; 2) активизации накопления и 3) обеспечения производственных процессов необходимыми оборотными ресурсами.

В числе выдвинутых проблем отсутствуют такие, как проблема равновесия финансовой системы, эмиссии, усиления роли кредита, резервных фондов, проблема реконструкции финансовой системы, единства источников финансирования, мобильности капитала, распределения и т. п., решение которых необходимо для научного предвидения финансовых перспектив. Здесь мы касаемся еще неразрешенных проблем постольку, поскольку они обеспечивают правильные линии финансовой политики, как одной из необходимых предпосылок построения финплана. Поэтому, в первую очередь, должны быть рассмотрены вопросы а) равновесия финансовой системы, б) ее маневренности и в) путей ее развития.

Борьба за новый тип равновесия, новые производственные пропорции и ими определяемые рыночные отношения, должна характеризовать период социалистической реконструкции и содержание перспективного финансового плана. Например, будет ли укрепляться или нарушаться равновесие финансовой системы, пони-

маемое, как возрастание или падение финансово-экономической эффективности ее. Финансовый план, выяснив условия равновесия в данный исходный момент, определяет условия равновесия на будущее время. Вопрос о методах обнаружения равновесия или его нарушения требует особого исследования. На данной стадии работы можно отметить лишь некоторые основные направления по пути разрешения этого вопроса.

Такими способами могут быть: в отношении валюты, ее устойчивости или неустойчивости, ряд показателей из сферы производственного и рыночного равновесия и процесов обобществления; в отношении бюджета, его реальности или нереальности — соотношения в самом бюджете (резервы и т. п.) и соотношения с народным доходом.

Здесь должны быть сочетаемы такие факторы, как: а) уровень благосостояния населения, б) изменение структуры народного дохода в сторону его обобществления и повышения доли накопления в нем, в) рост или замедление перераспределительной роли бюджета внутри обобществленного сектора, г) степень финансового обслуживания отдельных отраслей народного хозяйства и т. п.

Таким образом, внешними признаками равновесия финансовой системы являются фонды, резервы, баланс кредита, бюджеты, отсутствие инфляции. Кроме того условия равновесия финансовой системы определяются наиболее рациональными финансовыми соотношениями механизма расширенного воспроизводства, с одной стороны, и самой финансовой системы, с другой. В последнем случае имеется в виду оптимальное сочетание отдельных звеньев и рычагов как, например, недопустимость гипертрофии бюджета за счет кредита, рациональное развитие отдельных систем последнего, госкредита и т. п.

В конечном счете, реализация курса на индустриализацию и обобществление явится высшим критерием равновесия всей системы хозяйства и финансовой в частности.

Недопустимо представление о равновесии, как о чем-то абсолютном. Равновесие проявляется, как определенная тенденция. В этом смысле динамическое равновесие финансовой системы не предполагает сохранения одного и того же соотношения частей.

Проблема равновесия финансовой системы подводит к анализу понятия финансово-экономической эффективности. Конечной задачей является определение степени эффективности финансовой системы в целом, в пределах последней — каждого финансового института в отдельности и в пределах отдельного финансового института — определение наиболее оптимального типа организации его финансовых отношений с отраслями народного хозяйства.

Финансово-экономическая эффективность характеризуется рядом показателей, свидетельствующих о степени активности и организационной четкости финансовой системы, эластичности и мобильности

народнохозяйственного плана в целом. Активность же финансовой системы характеризуется высотой этих показателей, социально-экономических пропорций и соотношений их обеспечивающих.

Теоретически мыслимо такое положение, когда с достижением необходимого финансовой системе равновесия, не достигается возрастание финансово-экономической эффективности и даже обратно. Отсюда — большое своеобразие характера финансового равновесия.

„Мы смеем утверждать,— говорит проф. М. И. Боголепов („Финансы и народное хозяйство“, № 44, 1928 г. стр. 7), — что имеющее самостоятельное значение финансовое равновесие в своем происхождении и в своем бытии несамостоятельно. Оно является финансовым выражением общеэкономического равновесия. Если нет равновесия в экономической системе, то не может быть истинного финансового равновесия. Финансы—лишь зеркало экономики. . Чисто-финансовые факторы способны вызвать лишь неравновесие отдельных частей финансовой системы, что при наличии общеэкономического равновесия не представляет сколько-нибудь серьезной угрозы. С другой стороны, нарушение равновесия всей финансовой системы вряд ли можно излечить чисто-финансовыми мерами, например, рестрикцией кредита или бюджетным зажимом“. Вряд ли ряд положений проф. М. И. Боголепова близок к истине. Советские финансы являются не только зеркалом экономики. Они, в свою очередь, активизируют хозяйственные процессы. Поэтому, если правильно утверждение, что финансовое равновесие является выражением общеэкономического, то только при условии, когда финансовая политика соответствует социально-экономическим заданиям. Неправильная финансовая политика способна вызвать не только расстройство отдельных частей финансовой системы, но и нарушить само хозяйственное равновесие. Поэтому, с утверждением бытия и происхождения финансового равновесия, необходимо указать методы, при помощи которых оно достигается. Именно, финансовая политика должна найти эти методы, вскрывая источники, могущие нарушить равновесие финансовой системы.

В наших условиях пределы нарушения равновесия ограничены. Минимализация противоречий в области товарных и финансовых отношений не способствует финансовому кризису, характерному для капиталистического хозяйства. У нас налицо все возможности и основы бескризисного развития.

Выше было уже показано, как проблема финансового равновесия решается не механически, а на основе генеральной политики в социалистическом строительстве.

Характеристика финансового плана

Вскрытие основных закономерностей, лежащих в основе равновесия финансовой системы, предполагает, прежде всего, анализ условий равновесия денежной системы.

Роль денежной системы в условиях сохранения равновесия финансовой системы является тем большей, чем неотложнее встает задача повышения покупательной силы рубля.

Директива XV с'езда партии о необходимости повышения покупательной силы рубля со всей настоятельностью требует реализации намеченного темпа снижения себестоимости продукции и цен. На ряду с этим должно иметь место рациональное регулирование денежного обращения, и реальная кредитная политика. Необходимость — и все большая — в успешности регулирования денежного обращения, определяется и ролью денежной системы в воздействии на частное хозяйство, извлечении накопления, с одной стороны, и приспособлении денежной политики к реконструктивным процессам, с другой.

Таким образом, устойчивость валюты обеспечивается в пятилетнем плане тем, что расширенное воспроизводство опирается на реальное накопление и рыночное равновесие.

В связи с этим, проектировка эмиссии (от 1 до 1,2 мрд. рублей за пятилетие) не должна послужить основанием к обесценению валюты, обеспечить проектируемое повышение покупательной силы ее на 15—20%.

Реализация повышения покупательной силы рубля явится условием реального выполнения бюджетного и кредитного планов.

Степень эффективности кредитной системы определяется снижением дисконтной ставки, уменьшением окаменелых кредитов, выравниванием отношений с бюджетом, уточнением и развитием функций, демократизацией кредитной системы.

Таким образом, кредитная система приобретает новое качественное лицо. Однако, возможности краткосрочного кредита ограничены условиями умеренного роста собственных капиталов, вкладной операции и эмиссии. Темп роста его за 1932/33 г. в отношении к 1927/28 г. даже по оптимальному варианту составит всего 163%, тогда как бюджетная система (госбюджет и местный) даст 221%.[1]

Пятилетний финплан предвидит более быстрый темп роста бюджета, чем кредита.

Это об'ясняется всей социально-экономической структурой проектируемого типа хозяйства. Реализация быстрого темпа индустриализации и соответствующее распределение народного дохода придают финансовой системе и путям ее развития четко выраженный классовый характер. Беспрерывно накапливающиеся и ликвидирующиеся противоречия между элементами нового и старого неизбежно порождают новые отношения между бюджетным и кредитным методами развития. В этих условиях принципиальное различие между бюджетом и кредитом, как это есть в условиях капиталистической системы хозяйства, не сохраняется и постепенно сходит на-нет. Нередко

[1] „Пятилетний план нар.-хоз. строительства СССР", т. II, часть 2, стр. 393.

указывают на то, что, с одной стороны, имеет место безвозвратная ссуда, а с другой, возвратная и т. п. Однако, это отличие — скорее технического порядка, а по существу бюджет и кредит по своим целевым назначениям—орудия, рычага перераспределения средств— весьма близки в наших условиях хозяйства.

В отношении из'ятия средств из частного сектора и перераспределения их между социальными секторами бюджетный метод, опираясь на известную принудительность, является более эффективным, точным и надежным, чем метод кредитного воздействия, основывающийся на принципах добровольности вкладов и т. п.

В эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства, когда требуются энергичное капиталонакопление и интенсивность перераспределения его, бюджетный метод следует предпочесть кредитному, ни в какой мере не гипертрофируя первый и не умоляя роли второго.

По существу дела, в финансовом плане решается проблема постепенного усиления роли кредита. Вопрос сводится к отысканию путей и методов воздействия на сбережения населения, с тем чтобы аккумулировать их в сфере кредитного оборота. Поэтому на участках, лежащих на стороне стихии, должна быть проявлена особая бдительность и маневренность.

Как справедливо замечает проф. И. А. Трахтенберг... „В условиях переходного к социализму хозяйства естестественно, возникают другие более совершенные методы организации хозяйства, в частности, более непосредственные методы распределения общественного труда... И бюджет не является еще вполне совершенным способом, но по сравнению с кредитом он дешевле, поддается большему воздействию и непосредственно регулирует процесс расширенного воспроизводства.

Рост бюджетного метода перераспределения капитала свидетельствует о росте социалистических элементов хозяйства; в росте кредитного метода отражается рост элементов капиталистических... и тот и другой метод должны расти, хотя относительное значение должно перемещаться в сторону бюджета. Но пока сохраняются „в той мере, в какой сохраняются и развиваются частно-хозяйственные и товарно-денежные отношения кредит не может быть вытеснен бюджетом".[1]

Что касается бюджетного плана, то степень реальности его определяется реализацией повышения покупательной силы рубля, снижением себестоимости, использованием „разрыва" в намеченных пределах и активной бюджетной политикой — в соответствии с социально-экономическими задачами пятилетнего плана.

Качественное лицо бюджета, если и изменяется на одних участках в сторону ухудшения, то на других и значительно более круп-

[1] И. А. Трахтенберг. „Современный кредит и его организация", стр. 304.

ных — в сторону улучшения. На ряду с тем, что возрастает роль косвенных налогов, акцизов, а также увеличение ставок, — падает роль питейного дохода, усиливается роль обобществленного сектора, как первого и последнего плательщика налогов, рост прямых налогов обгоняет косвенные, возрастает роль бюджета, как механизма, обслуживающего внутренние процессы обобществленного сектора, возрастает маневренность его. Запроектированные темпы роста бюджета свидетельствуют об использовании его с приближением к оптимуму, как непосредственного регулятора расширенного воспроизводства. Однако, чем больше растет в финансовом плане доля средств самих отраслей народного хозяйства, созидаемых путем крупного повышения качественных показателей, тем более становится напряженным весь финансовый план. Поэтому, вопрос о пределах антиципации предстоящих накоплений всецело связывается с вопросом создания резервов, при помощи которых усиливалась бы финансовая маневренность в нашем хозяйстве.

С точки зрения единого финплана, этот вопрос поставлен не только в плоскости создания денежных резервов, а увязан с общей проблемой создания товарных, хлебных, валютных резервов в отдельных секторах и отраслях народного хозяйства. Преимущества планового хозяйства, благодаря концентрации, централизации и обобществления средств, требуют сравнительно меньших резервов, чем любая капиталистическая система хозяйства. Маневрируя резервами, плановое хозяйство может превратить товарные резервы в денежные и обратно. Кроме того, оно имеет возможность использовать их для дальнейшего хозяйственного развития. Переживаемое в последнее время кассовое напряжение бюджета, кредитной системы и промышленности свидетельствует о недостаточности народнохозяйственных резервов в отношении общественно-необходимой нормы их.

Поэтому, финплан учитывает: во-первых, те видимые резервы, которые обеспечиваются реальным и денежным накоплением, и, во-вторых, те скрытые, которые заложены в системе отношений бюджета, кредита и т. п. Оставляя в данном случае в стороне конкретное решение вопроса и роль резервов в усилении финансовой маневренности хозяйства, мы переходим к характеристике последней.

Вопрос о маневренности финансовой системы тесно связан с вопросом напряженности ее. Последняя обусловливается тем основным замыслом плана, который требует значительных затрат ресурсов в первые годы планируемого пятилетия, чтобы обеспечить высокие темпы развития народного хозяйства. В связи с этим различная степень мобильности и эффективности финансовых ресурсов влияет в том же направлении.

Однако, напряженность финансового плана проектируется в пределах реальности, обеспеченной: а) производительным направлением мобилизованных средств; б) активизацией народнохозяйственных ресурсов; в) подчинением плану рычагов, до сих пор слабо используемых и г) усилением маневренности финансовой системы. В последнем случае надо отметить: использование цены, нахождение оптимальных пределов „разрыва“ между снижением себестоимости продукции и цены, решение проблемы „горба“ капитального строительства в погодном разрезе и нахождение оптимума между накоплением и потреблением.

С другой стороны, нахождение социального оптимума изъятия и перераспределения средств обеспечивает осуществимость напряженного плана.

Каковы же пути развития финансовой системы? В основе роста ресурсов финансового плана лежит общий под'ем народного хозяйства. Для реализации намеченных высоких темпов финансовая система должна опираться на новые методы в антиципации предстоящих накоплений и регулировании доходов населения. Две тенденции социалистической реконструкции накладывают свою печать на финплан: а) снижение промышленных цен и б) наличие разрыва между снижением себестоимости продукции и цены. Если первая действует в сторону снижения темпа роста финансовой системы, то вторая — в сторону его возрастания, при чем рациональное использование бюджетом, образующихся ресурсов в обобществленном секторе, достигающих крупных размеров благодаря „разрыву“, создает в конечном счете повышательную тенденцию, противостоящую влиянию сниженных цен. Таким образом, с точки зрения усиления ресурсов и методов планового перераспределения капиталов, наличие „разрыва“ и его использование является целесообразным. В наших условиях при политике прямого нормирования цены отклонение последней от стоимости может достигать более значительных размеров, чем в условиях капиталистического хозяйства.

Пределы „разрыва“ определяются степенью адэкватности рыночного и производственного равновесия.

Итак, новые формы прироста об'ема финансового плана обеспечиваются, с одной стороны, ростом народного дохода и удельного веса обобществленного сектора, а с другой, повышением налоговых ставок и использованием „разрыва“ между снижением себестоимости и цены.

Финансовый план нетто показывает прирост ресурсов в 243% за 1932/33 г. в отношении к 1927/28 г. при приросте народного дохода в 175%. В погодном разрезе этот прирост дает неуклонную тенденцию к падению с 125% за 1928/29 г. до 115% за 1932/33 г. (см. таблицу 1 и 1а на стр. 155, 157).

Решение проблемы очистки от взаимных расчетов между финансовыми институтами, отдельными отраслями народного хозяйства, избежание двойного и многократного учета, решение проблемы сводки отдельных несогласованных финансовых планов в известной

Финансовый план-нетто

Финансовая система	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Сводный бюджет. . .	3.046	4.289	5.400	6.355	7.723	8.935	10.308	11.657	44.978
2. Кредитная система. . .	916	1.058	772	1.158	1.430	1.626	1.781	2.018	8.013
3. Первичная сеть с.-х. кредита	27	48	56	88	108	134	194	202	726
4. Соцстрах	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130
5. Госстрах.	125	162	200	259	336	400	457	523	1.975
6. Специальные средства ведомств	106	156	156	185	210	240	270	330	1.235
7. Профсоюзы	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212
8. Самообложение сельского населения. . . .	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025
9. Обществен. организац. .	2	3	5	9	11	13	15	17	65
I. Итого. . .	5.164	6.911	8.032	9.777	11.830	13.729	15.878	18.145	69.359
% к итогу I—II . . .	72,5	79,4	77,6	75,6	75,5	74,4	73,9	73 1	74,3
Собственные средства хозяйствен. организац.									
1. Прибыль (за исключением из'ятий и отчислений в сводный бюджет, БДК, Фубры, ВТУЗы и т. д.	865	592	937	1.564	1.839	2.315	2.763	3.299	11.780
2. Амортизация (за исключением отчислений в БДК.)	819	877	933	985	1.187	1.361	1.603	1.908	7.044
3. Фубры	58	90	97	144	209	261	337	402	1.353
4. Фабзауч	25	27	31	36	63	76	90	105	370
Привлеченные средства населения производств. организаций									
1. Доход жилищн. арендн. кооперации	75	84	97	110	140	173	192	212	827
В т. ч. квартплата . . .	—	—	—	94	122	151	172	194	733
2. Паевые сборы кооперац. (потреб., с.-х., промысл., жилстроит., Жакт)	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025
3. Целевые взносы населен. на транспорт „Цутранпрос"	38	43	46	52	60	68	76	88	344
4. Целевые взносы населен. на сельск. электрифик. и на капит. стр во коопер. и торговли. . .	5	6	17	22	37	69	72	85	275
II. Итого. . .	1.919	1.779	2.321	3 163	3.848	4.718	5.622	6.667	24.018
% к итогу I—II . . .	27.5	20,6	22,4	24,4	24,5	25,6	26,1	26,9	25,7
Итого I—II . . .	7.083	8.690	10.353	12.940	15.678	18.447	21.500	24.812	93.377
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
III. Иностран. кредит .	—	—	—	100	200	230	270	300	1.100
Всего I—II—III .	7.083	8.690	10.353	13.040	15.878	18.677	21.770	25.112	94.477
В %% . .	—	122,6	119,1	125,9	121,8	117.6	116,6	115,4	242,6

Оптимальный вариант

(поступления средств)

Структура (в млн.черв. руб.)

Таблица 1

Удельный вес в %%									Примечания
1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	
59,0	62,1	67,2	65,0	65,3	65,1	64,9	64,2	64,8	1. Финансовый план (нетто) показывает ресурсы без взаимн. увязки средств. Очистка от взаимн. расчетов произведена следующим образом: отдельные финансовые институты показаны своими средствами.
17,7	15,3	9,6	11,8	12,0	11,8	11,2	11,1	11,6	
0,5	0,7	0,7	0,9	0,9	1,0	1,2	1,1	1,0	
13,2	12,3	13,0	12,8	12,5	12,8	13,3	13,9	13,2	
2,4	2,3	2,5	2,6	2,8	2,9	2,9	2,9	2,8	
2,1	2,3	1,9	1,9	1,8	1,7	1,7	1,8	1,8	2. Сводный бюджет нетто: без оборотных сумм по отчислениям из госбюджета в местный бюджет, доходов: транспорта, связи и коммунального хоз-ва:
4,3	3,8	3,7	3,5	3,2	3,2	3,1	3,2	3,2	
0,8	1,2	1,4	1,4	1,3	1,4	1,6	1,7	1,5	
0,04	0,04	0,06	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	
46,8	33,3	40,4	49,4	47,8	49,1	49,1	49,5	49,1	
42,7	49,3	40,2	31,1	30,9	28,8	28,5	28,6	29,3	
3,0	5,1	4,2	4,6	5,4	5,5	6,0	6,0	5,6	
1,3	1,5	1,3	1,1	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	
3,9	4,7	4,2	3,5	3,6	3,7	3,4	3,2	3,5	
—	—	—	3,0	3,2	3,2	3,1	2,9	3,1	
1,8	3,4	7,0	7,9	8,1	8,6	8,7	8,5	8,4	
2,0	2,4	2,0	1,7	1,6	1,4	1,4	1,3	1,4	
0,3	0,3	0,7	0,7	1,0	1,3	1,3	1 3	1,1	
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

Доход трансп., связи и Цутранспрос

1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
218,4	261,6	330,9	497,4	649,6

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
772,0	9.9,0	1.248,0	4.146,0

Доход коммун. хозяйства

1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
222	270	256	270	270

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
329	414	523	1.806

3. Подвергалась очистке, по преимуществу, кредитная система. Она очищена от взаимных расчетов с бюджетом, вложений Соцстраха, Госстраха, тек. счетов, сберкасс профсоюзов и отчислений в Фубры.
4. Первичная сеть сел.-хоз. кредита очищена от займов для ссудной работы.
5. Госстрах очищен от поступлений в бюджет.
6. Собственные средства хозяйственных организаций взяты без из'ятий и отчислений в Сводный бюджет, БДК, Фубры, ВТУЗы и т. п.

степени находит свое выражение в финансовом плане. Наиболее интересно проследить взаимные расчеты финансовых институтов с кредитной системой.

Взаимоотношения кредитной системы со сводным бюджетом в ближайшее пятилетие дают неуклонную тенденцию к падению средств в пользу ее.

Если в 1925/26 г. кредитная система давала бюджету, то затем она получала от него, достигая кульминационного пункта в 1928/29 г.

В какой мере запроектированные темпы роста финансовой системы обеспечивают народнохозяйственный и социальный оптимум? С точки зрения извлечения средств проектируются такие методы изʻятия, которые обеспечили бы ускорения темпа индустриализации на длительный период, которые бы не граничили с максимальной перекачкой средств из сельского хозяйства и которые соблюдали бы оптимум между накоплением и потреблением. Анализируя систему изʻятия в финплане, приходится констатировать, что изʻятие как из народного фонда потребления путем перелагаемых платежей, так и накопления частного сектора путем подоходного и сельскохозяйственного налогов приближается к оптимальному. Кроме того, запроектированы огромные темпы прироста привлечения средств — по сберкассам на 252%, паевому накоплению кооперации на 348% и первичной сети сел.-хоз. кредита на 360%.

Таким образом, лимиты финансового плана, при максимальном регулировании накопления и доходов населения, лежат в системе цен, себестоимости и заработной платы. Чтобы определить действительное наличие оптимума в изʻятии средств, необходимо сочетать его с активной частью использования их. Программа финансирования отраслей народного хозяйства, предусмотренная с темпом роста на 275%, финансирования социально-культурного сектора на 245%, управления и обороны на 140% и всего на 243%[1], свидетельствует о том, что финансовые оптимумы изʻятия достигаются с большим напряжением, что с аккумуляцией средств в среднем за пятилетие до 86 мрд. и с соответственным использованием их достигается равновесие механизма расширенного воспроизводства народного хозяйства и финансов. (См. таб. 2, 3 на стр. 158, 159).

Финансовый план дает единую систему финансовых отношений. Политика цен и себестоимости, политика заработной платы и налогов, политика накопления и займов обусловлены друг другом и взаимно связаны. Чем обеспечены основные линии финансовой политики в пятилетии? Политика цен, накопления, налогов исходит из основных социально-экономических процессов и развития производительных сил страны и тех результатов социально-экономической и технической реконструкции, которые намечаются в пятилетии. Основное

[1] „Пятилетний план нар. хоз.“, том II, часть 2, стр. 393.

Оптимальный вариант

Расчеты финансовых институтов по взаимной увязке средств
(Поступления средств в млн. червон. рублей)

Таблица 1а

Статьи	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Кредитная система									
1. а) Сальдо взаимн. расчетов со сводн. бюдж. по влож. в основн. капит., по подох. налогу и по отчисл. из прибылей	— 27	— 71	+ 60	+ 73	+ 113	+ 120	+ 125	+ 119	+ 550
б) Тек. счета НКФ	— 83	— 46	— 29	— 53	— 87	— 99	— 103	— 108	— 450
в) Расчеты с бюджетом и по фонд. операц.	+ 340	+ 88	— 109	— 185	— 72	— 50	— 40	— 28	— 375
Итого	+ 230	— 29	— 78	— 165	— 46	— 29	— 18	— 17	— 275
2. Специальные средства (сводн. бюджета)	— 348	— 641	— 1.007	— 858	— 684	— 858	— 1.031	— 1.174	— 4.328
3. „ вложения (Госстраха)	— 3	— 8	— 6	— 6	— 7	— 7	— 9	— 10	— 39
4. „ „ (Соцстраха)	— 30	— 77	— 105	— 114	— 129	— 152	— 174	— 191	— 760
5. Текущ. счета Госстраха	— 20	— 22	— 20	— 26	— 27	— 33	— 39	— 43	— 168
6. „ „ Соцстраха	— 10	— 20	— 35	— 53	— 62	— 71	— 81	— 98	— 365
7. „ „ профсоюзов	— (15)	— 25	— 30	— 22	— 29	— 36	— 48	— 60	— 195
8. „ „ сберкасс	— 2	— 3	— 4	— 6	— 7	— 9	— 11	— 13	— 46
9. „ „ проч. общ. организ.	— (1)	— 2	— 2	— 3	— 3	— 5	— 5	— 6	— 23
10. Отчисл. от банков. прибыли в фубры	— 10	— 14	— 16	— 28	— 28	— 32	— 35	— 35	— 158
Всего	— 209	— 841	— 1 303	— 1.004	— 1.022	— 1.232	— 1.452	— 1.647	— 6.357
II. Первичн. сеть сел.-хоз. кредита очищено от									
1. Займов для ссудн. работы	— 43	— 119	— 169	— 177	— 228	— 246	— 186	— 198	— 1 035

ПРИМЕЧАНИЕ: (+) в пользу бюджета; (—) в пользу кредитной системы.

Оптимальный вариант

Собственные средства хозяйственных организаций (чистая прибыль и амортизация за вычетом всех из'ятий и отчислений в сводный бюджет, БДК, ФУБРЫ, ВТУЗЫ и т. д.)

(в млн. руб.)

Таблица 2

Разделы \ Годы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Промышленность									
а) прибыль	292	76	232	618	599	824	841	866	3.748
б) амортизация	360	380	414	334	480	560	660	765	2.799
2. Торговля и кооперация									
а) прибыль	198	49	176	203	284	347	468	575	1.877
б) амортизация	10	13	16	33	44	56	70	88	291
3. Электростроительство									
а) прибыль	2	8	6	20	41	54	66	76	257
б) амортизация	13	11	20	51	54	68	84	103	360
4. Транспорт железнодорож.									
а) прибыль	127	205	247	410	558	676	871	1.118	3.633
б) амортизация	231	242	245	275	280	299	331	382	1.567
5. Транспорт морск. и речн.									
а) прибыль	4	7	11	10	20	29	35	44	138
б) амортизация	18	19	22	22	28	32	35	40	157
6. Связь									
а) прибыль	16	15	15	35	33	28	32	42	170
б) амортизация	11	13	15	14	17	19	22	25	97
7. Коммунальное хозяйство									
а) прибыль	226	232	250	265	283	327	402	509	1.786
б) амортизация	90	92	93	97	102	109	135	181	624
8. Совхозы									
а) прибыль	—	—	—	—	7	8	12	18	45
б) амортизация	—	—	—	26	31	42	49	63	211
9. Колхозы									
а) прибыль	—	—	—	3	14	22	36	51	126
б) амортизация	—	—	—	21	35	55	92	132	335
10. Жилстроительство [1]									
а) прибыль	—	—	—	—	—	—	—	—	—
б) амортизация	86	107	108	112	116	121	125	129	603
Всего	1.684	1.469	1.870	2.549	3.026	3.676	4.366	5.207	18.824
а) прибыль	865	592	937	1.564	1 839	2.315	2.763	3.299	11.780
б) амортизация	819	877	933	985	1.187	1.361	1.603	1.908	7.044

[1] Государственного и кооперативного секторов.

Оптимальный вариант

Отчисления и из'ятия из прибылей и амортизации хозяйственных организаций

(в млн. руб.)

Таблица 3

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Примечания
1. Из прибыли промышленности[1]										
1. В сводный бюджет	259	425	448	535	800	1.060	1.365	1.630	5.390	
2. БДК	9	61	125	174	289	383	495	594	1.935	[1] Из'ятия из прибылей, отчисления в подоходный налог, в 8% заем.
3. Фубры	38	54	55	77	129	167	224	270	867	
4. ВТУЗы	—	—	—	26	43	56	75	90	290	
Итого	306	540	628	812	1 261	1.666	2.159	2.584	8.482	
Из амортизац. промышл. в БДК	4	18	26	166	100	100	110	125	601	
Итого из прибыли и аморт. промышл.	310	558	654	978	1.361	1.766	2 269	2.709	9.083	[2] По железнодорожному транспорту — фубры имеют своим источником назначения по Госбюджету.
2. Из прибыли торгов. и коопер.[1]										
1. В сводный бюджет	31	54	54	70	84	107	126	150	537	
2. Долгосрочный кредит	6	18	12	23	31	35	37	37	163	
3. Фубры	3	18	12	23	29	38	47	61	198	
Итого	40	90	78	116	144	180	210	248	898	
3. Отчисления в фубры из прибылей морского и речного транспорта	1	1	1	1	1	1	2	2	7	
4. Отчисления в фубры из прибылей коммун. предприятий	1	2	3	5	7	8	12	14	46	
Всего отчислений и из'ятий	352	651	736	1.100	1.513	1.955	2.493	3.073	10.034	

плана — это максимально-высокое и эффективное использование производительных сил в направлении обобществления. Связь между материальным производством и социальными отношениями, осуществляемая рычагами политики цен, перераспределения средств по бюджету и кредиту, требует целостности установки.

„Нам необходима единая, строго определенная финансовая политика", говорил Владимир Ильич Ленин на I Всероссийском финансовом с'езде, 18 мая 1918 года.[1]

Общий критерий оценки, правильно запроектированной единой финансовой политики, определяется целевой установкой — переводом на социальные рельсы.

Если финансовый план должен создать предпосылки, обеспечивающие народнохозяйственный план и проявить в достаточной мере активность и маневренность, то это предполагает осуществление единой финансовой политики в оптимальном сочетании ее отдельных элементов.

Из 22 источников, обозримых по плану (см. таблицу 4—„брутто финплан" на стр. 161) в проектируемое пятилетие, становятся весьма мощными такие, как соцстрах, профсоюзы, фубры и т. п. Система краткосрочного и долгосрочного кредита аккумулирует средств менее, чем местный бюджет. Если сопоставить финансовый план нетто поступлений средств с их использованием по нетто планам финансирования отдельных отраслей народного хозяйства и социально-культурного строительства, то обнаружится следующее: в течение пятилетия из 94,5 мрд. аккумулируемых средств по финансовому плану нетто используется лишь 86 мрд. руб. Это происходит потому, что такие рычаги, как бюджет профсоюзов, который запроектирован в размере 2 мрд. руб. с лишним и бюджет фубров в размере 1.390 млн. руб. и специальные средства ведомств в размере 1.235 млн. руб., часть своих средств употребляют не на плановые цели, по которым расходуются они в составе 86 мрд. руб. Накопление колхозов и совхозов также не полностью учтено в плане. Бюджет Госстраха, годовой доход жилищно-арендной кооперации и т. п. также не учтены в планах финансирования отраслей народного хозяйства, поэтому 8,5 мрд. руб. остаются неучтенными планами. Это ставит вопрос о рациональном использовании средств названных и подобных им источников, которые в течение пятилетия приобретают достаточную мощность в связи с ростом фонда заработной платы, прибыли промышленности и т. п. Это ставит проблему о единстве и множественности источников финансирования.

[1] Цитировано по отчету, помещенному в „Народном Хозяйстве" № 5 от 15/VII 1918 г., стр. 43.

Оптимальный вариант

Финансовый план брутто

(Поступления средств в млн. черв. рублей)

Таблица 4

Финансовая система	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет	Примечания:
1. Госбюджет	4.216	5.626	6.682	7.752	9.187	10.556	12.141	13.839	53.475[6]	[1] Система краткосрочного и долгосрочного кредита (эмиссия, капиталы, прибыли (валовые), текущие счета и вклады), расчеты с бюджет. и по фондовым операциям, спец. капиталы и спец. средства). Отчетные годы взяты по балансам. Вложения государствен. и местн. бюджета в спец. капиталы не подвергались за отчетные годы очистке на основании постановления СНК СССР от 7/VII-28 г. Проектируемые годы предусматривают настоящее постановл.
2. Местный бюджет	1.238	1 663	1.779	2.019	2.489	2.950	3.485	4.127	15.070	
3. Кредитная система[1]	1.125	1.889	2.075	2.162	2.452	2 858	3.233	3.665	14.370	
4. Первичная сеть с.-х. кредита	27	48	256	88	108	134	194	202	726	
5. Сберегат. кассы[2]	58	96	128	170	183	220	268	323	1.164	
6. Соцстрах	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130	
7. Госстрах	144	180	220	290	360	430	494	565	2.139	
8. Спец. средства ведомств[3]	106	156	156	185	210	240	270	330	1.235	
9. Профсоюзы[3]	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212	
10. Обществен. организац.[3]	2	3	5	9	11	18	15	17	65	
11. Фубры[3,4]	58	90	97	144	209	261	337	402	1.153	
12. Фабзауч	25	27	31	36	63	76	90	105	370	
13. Жилищно-аренд. коопер. (год. дох.)	75	84	97	110	140	173	192	212	827	
в т. ч. квартирная плата	—	—	—	94	122	151	172	194	733	
14. Паевые сборы кооперац. [1) потреб., 2) с. х., 3) промыслов., 4) жилстроит., 5) Жакт]	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025	
15. Самообложение сельск. населения	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025	
16. Средства населения на сел. электриф.	1	1	2	4	7	13	16	20	60	
17. Целев. взносы населен. на трансп. „Цуткранпрос"	38	43	46	52	60	68	76	88	344	
18. Целев. взносы насел. на капит. строит. кооперации	4	5	15	18	30	46	56	65	215	
19. Возврат ссуд с.-х. в сел.-хоз. кред. систему	—	—	—	197	279	471	648	794	2.389	
20. Собств. средства хозяйств. организац.	2.036	2.119	2.606	3.649	4.539	5.631	6.859	8.180	28.858	
в том числе:					3.252	4.170	5.146	6.147	21.213	
а) прибыль	1.213	1.225	1.647	2.498						
б) аммортизация	825	894	959	1.151	1.287	1.461	1.713	2.033	7.645	
21. Товарный кредит	—	—	—	130	130	150	180	210	800	
22. Иностранный кредит[5]	—	—	—	100	200	230	270	300	1.100	

[2] Приток вкладов.

[3] За отчетные годы даны исчисления.

[4] Фубры исчислены по промышленности, банкам, госторгов. и коопер., трансп. (желдор., морск. и речн.), коммун. предприят. и госстраху.

[5] В том числе концесс. кредит в 400 млн. руб. за 5 лет.

[6] Госбюдж. взят без небаланса (прев. расх. над доход.) в 400 млн. руб. за 5 лет.

Структура финансового плана

В основу характеристики структуры финансовой системы положен один основной принцип — выявить относительное значение финансов хозяйственных организаций и собственно финансовых институтов. Произвольность взятых финансовых институтов всех в совокупности — очевидна. Методологически допустима и иная, более дробная, группировка финансовых „гнезд", как источников средств. Например, весьма приемлема следующая группировка средств финансовых институтов: госбюджета, местного бюджета, специальных средств ведомств, самообложения, Соцстраха и Госстраха. Однако, спорным остается причисление Госстраха к группе бюджетного гнезда; в равной мере есть основание относить его и к группе кредитной системы.

Дальнейшее изучение природы и функций отдельных финансовых институтов и их роли в аккумуляции средств, даст возможность перейти уже к более обстоятельной характеристике структуры финансовой системы.

На данной стадии работы допускается определенное ограничение задачи.

При анализе структуры финансовой системы (см. таблица 1— „Структура финансовой системы" на стр. 156) обнаруживается следующая картина: падение удельного веса сводного бюджета с 52,2% за 1927/28 г. до 47% за 1932/33 г. и стабильность кредитной системы, с тенденцией к повышению с 7.54% за 1927/28 г. до 8,1% за 1932/33 г. при росте соцстраха, госстраха, первичной сети сельскохозяйственного кредита в общем итоге средств. Тем не менее никаких радикальных сдвигов в сторону возрастания кредитной системы (и по оптимальному варианту) не намечается. В общем и целом можно констатировать, что установившаяся за истекшие последние годы формальная уравновешенность между отдельными финансовыми институтами переносится на 1932/33 г. лишь с небольшим отклонением в сторону падения роли сводного бюджета. Эта уравновешенность сохраняется не за счет поглощения одними институтами других, а за счет равномерного их развития.

На ряду с этим надо отметить, что удельный вес средств хозяйственных организаций возрастает в общем итоге средств с 22,4% за 1927/28 г. до 27% за 1932/33 г., в том числе прибыль и амортизация с 18% за 1927/28 г. до 21% за 1932/33 г., а удельный вес собственно финансовых институтов соответственно падает с 77,6% до 73%. Изменение пропорций между средствами финансовых институтов и финансами хозяйственных организаций в сторону возрастания последних происходит вследствие опережающего темпа роста их финансов. Такая картина вполне подтверждается анализом структуры финансовой системы в социальном разрезе (см. табл. 5, стр. 166). Здесь заслуживает особого внимания закономерно продолжающаяся

тенденция к падению роли частного сектора с 70,6% за 1927/28 г. до 64,5% за 1932/33 г. по финансовым институтам и с 57,9% до 51% по всей финансовой системе в целом, включая собственные и привлеченные средства хозяйственных организаций при соответственном возрастании роли обобществленного сектора. В падении роли частного сектора выражается прежде всего падение удельного веса сводного бюджета по из'ятию средств из частного сектора с 60,2% за 1927/28 г. до 57,2% за 1932/33 г. Таким образом, падает роль бюджета, как перераспределителя средств из частного сектора и возрастает роль финансовых рычагов, до сих пор менее регулируемых в деле перераспределения средств, что требует установления ряда финансово-экономических мероприятий. Например, роль Соцстраха в из'ятии средств из частного сектора возрастает с 17,4% за 1927/28 г. до 20% за 1932/33 г.; самообложения с 1,8% до 2,4%; паевых сборов кооперации с 2,7% до 4,5% и т. п.

Чтобы определить роль финансов в экономической системе, надо взять отношение аккумулируемых средств финансовой системой — к народному доходу (при этом берется только чистая прибыль хозяйственных организаций — без амортизации, исключенной также из части средств в БДК и народный доход — исчисленный по реальному методу (см. „Пятилетний план народ.-хоз. строительства" т. II, ч. 2 стр. 256. Полученное отношение свидетельствует о непрерывном росте доли из'ятия из народного дохода распыленных средств с 28,7% за 1925/26 г.; 34,4% за 1926/27 г.: 38,2% за 1927/28 г. и до 53,6% за 1932/33 г. В какой мере эти соотношения свидетельствуют о достижении финансово-экономического оптимума?

Прирост 1932/33 г. к 1927/28 г. составляет 40,3%, тогда как прирост 1927/28 г. к 1925/26 г. составлял 33,1%.

Если взять отношение аккумулируемых средств финансовой системой к мобильной (денежной) части народного дохода то все соотношения повышаются, примерно, на 10—45%).

Проектируемое замедление темпа из'ятия из народного дохода нельзя расценивать, как признак им мобилизации народных ресурсов, ибо кроме количественных границ существуют и качественные в деле перераспределения народного дохода. Вопрос сводится к тому, что беспредельно нельзя использовать метод финансового воздействия и необходимо проектировать одновременно мероприятия в деле экономической организации свободных денег частного сектора.

При проектировке финансовых перспектив мы исходили не только из учета социально-экономических результатов реконструкции и их влияния на финансовую систему, но и из учета элементов, определяющих статику и динамику финансов за прошлое время.

Отсутствие баланса народного хозяйства затрудняет и делает почти невозможным построение баланса единого финплана, как финансового выражения единого хозяйственного плана.

Отсюда вытекает необходимость построения балансов прироста реальных и расчетных ценностей за ряд лет, так как баланс за один год выражает результат на определенный момент времени, именно на конец года, и не дает нам динамических показателей.

По всей совокупности причин, настоящий баланс за прошлое время может служить лишь подсобным материалом для построения единого финансового плана и требует дополнительного анализа и использования всего имеющегося в нашем распоряжении материала пятилетки, характеризующего экономические связи между ростом производственно-экономических и финансовых показателей.

Построение баланса преследует следующие цели.

1) Установить экономические связи и условия равновесия между приростом расчетных ценностей и приростом основных и оборотных фондов народного хозяйства на данный отрезок времени.

2) Выявить степень соответствия финансовой политики социально-политическим заданиям и необходимому народнохозяйственному равновесию, на основе соотношений привлеченных и собственных ресурсов отдельных отраслей хозяйства в общем итоге.

3) Показать, как распределяются (по социальным секторам и отраслям) бюджетные средства, банковское кредитование, собственные средства отраслей народного хозяйства.

4) Выявить расчетные отношения отдельных отраслей народного хозяйства между собою и финансовой системой.

5) Выявить структуру финансовой системы: условия, методы и формы ее равновесия на основе динамики соотношений расчетных ценностей.

6) Выявить оптимальность пропорций основных и оборотных фондов на основе динамики соотношений реальных ценностей.

Таким образом, для того чтобы установить экономические связи и условия равновесия между приростом расчетных ценностей и приростом основных и оборотных фондов народного хозяйства в их динамике, найти опорные пункты и сдвиги для учета этих процессов в планируемое пятилетие, нами анализируется сводный баланс основных отраслей народного хозяйства (промышленность ВСНХ, электрификация, торговля и кооперация, траспорт, связь, коммунальное хозяйство, строительные организации и совхозы). Здесь мы охватываем более или менее обобществленный сектор в целом.[1] (См. табл. 6, стр. 167).

[1] Основными источниками являются отчетные, опубликованные и неопубликованные, балансы. Отдельные отрасли хозяйства охвачены не полностью.

Сводный баланс строительных контор на 1/X—25 г. об'единяет 4 конторы, на 1/X—26 г. 8 контор и на 1/X—27 г. 22 конторы.

Сводный баланс трестированных совхозов об'единяет совхозы по РСФСР, УССР и БССР.

Сводный баланс коммунального хозяйства охватывает хозяйство по РСФСР, на 1/X—25 г. по Москве.

Сводный баланс промышленности ВСНХ без синдикатов, функциональных управлений, Военпрома и электростанций.

Беря динамику за три года на 1/X—25, 1/X—26 и 1/X—27 гг. по всем вышеуказанным отраслям народного хозяйства, мы имеем неуклонную тенденцию к возрастанию с 34,9% на 1/X—25 г., 39,8% на 1/X—26 г. и 41,3% на 1/X—27 г. отношения оборотных фондов (товаров и материалов) к основным (имуществу с износом).

На ряду с этим соответствующее отношение по промышленности дает уже иную картину, возрастая на 1/X—26 г. с 43,7% до 50,1%, оно снова падает на 1/X—27 г., составляя 48,6%. В общем и целом мы должны констатировать следующее: в восстановительный период и на грани реконструктивного оборотные фонды возрастали, приближаясь к пропорции оптимального соотношения с основными. Этот процесс характеризовал и соответствующую структуру финансов: роль банковского кредита стояла на значительно более высоком уровне, чем роль прочих финансовых источников. Так, если мы возьмем, на основе динамики соотношений „расчетных" ценностей, удельные веса отдельных источников финансирования к общему итогу привлеченных средств, то картина представляется следующей:

	1/X—25 г.	1/X—26 г.	1/X—27 г.
Векселя к уплате	8,6	9,6	8,3
Банковский кредит	31,4	29,5	27,6
Ссуды НКФ, займы, дотации	6,7	8,4	12,8
Прочие кредиторы	53,3	52,5	51,3
Итого привлеченных средств	100	100	100
В т. ч. по промышленности:			
Векселя к уплате	22,4	20,9	17,5
Банковский кредит	28,1	31,8	28,0
Ссуды НКФ, займы, дотации	13,4	16,2	22,1
Прочие кредиторы	36,1	31,1	32,4
Итого привлеченных средств	100	100	100

Удельный вес банковского кредита постепенно падает, а удельный вес ссуды НКФина, займов и дотаций систематически возрастает. Здесь надо иметь в виду, что в разделе „ссуды НКФ, займы и дотации" доля займов начинает падать, составляя основную величину на 1/X—25 г., процентов 50 на 1/X—26 г. и ничтожную долю на 1/X—27 г. Что касается прочих кредиторов, то удельный вес их, равный половине итога привлеченных средств, показывает стабильность, скорее с тенденцией к снижению. Здесь надо отметить, что огромная доля прочих кредиторов падает на неоплаченные налоги и сборы.

Сводный баланс электростанций на 1/X—27 г. включая электростроительство.

Сводный баланс по Нарсвязи (без центра) по данным отчета НКПиТ.

Сводный баланс транспорта (без административных управлений), железнодорожный, морской (хозрасчетный) и речной (хозрасчетный).

В настоящее время в Центр. комис. персп. планир. ведется работа по уточнению и разработке этого еще сырого материала. Поэтому пользуясь первоначальной разработкой, следует придавать значение главным образом динамике.

Оптимальный вариант

Финансовый план нетто поступления средств в социальном разрезе
(в млн. рубл.)

Таблица 5

Финансовая система	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Итого за 5 лет
1. Сводный бюджет	3.046	4.289	5.400	6.355	7.723	8.935	10.308	11.657	44.978
Обобщ. сектор	985	1.340	1.788	2.071	2.624	3.184	3.893	4.416	16.188
Частный „	2.061	2.949	3.612	4.284	5.099	5 751	6.415	7.241	28.790
2. Кредитная система	916	1.058	772	1.158	1.430	1.626	1.781	2.018	8.013
Обобщ. сектор	710	731	460	1.018	1.245	1.441	1.556	1.755	7.015
Частный „	206	327	312	140	185	185	225	263	998
3. Первич. сеть сел.-хоз. кредита	27	48	56	88	108	134	194	202	726
Обобщ. сектор	3	5	7	13	18	27	43	51	152
Частный „	24	43	49	75	90	107	151	151	574
4. Соцстрах	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	681	852	1.041	1.250	1.483	1.762	2.106	2.529	9.130
5. Госстрах	125	162	200	259	336	400	457	523	1.975
Обобщ. сектор	53	68	74	83	104	124	137	152	600
Частный „	72	94	126	176	232	276	320	371	1.375
6. Спец. средств. ведомств	106	156	156	185	210	240	270	330	1.235
Обобщ. сектор	21	31	31	37	42	48	54	66	247
Частный „	85	125	125	148	168	192	216	264	988
7. Профсоюзы	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	221	263	295	333	379	434	497	569	2.212
8. Самообл. сельск. населен.	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	40	80	107	140	150	185	250	300	1.025
9. Обществ. организац.	2	3	5	9	11	13	15	17	65
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	2	3	5	9	11	13	15	17	65
I Итого	5.164	6.911	8.032	9.777	11.830	13.729	15 878	18.145	69.359
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обобщ. сектор	1.772	2.175	2.360	3.222	4.033	4.824	5.688	6.440	24.202
В %% к итогу	34,3	31,5	29,4	33,0	34,1	35,1	35,8	35,5	34,9
Частный сектор	3.392	4.736	5.672	6.555	7.797	8.905	10.195	11.705	45.157
В %% к итогу	65,7	68,5	70,6	67,0	65,9	64,9	64,2	64,5	65,1
10. Собств. средства-хозяйст. организац.	1.684	1.469	1.870	2.549	3.026	3.676	4.366	5.207	18.824
Обобщ. сектор	1.684	1.469	1.870	2.549	3.026	3.676	4.366	5.207	18.824
Частный „	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Фубры	58	90	97	144	209	261	337	402	1.353
Обобщ. сектор	58	90	97	144	209	261	337	402	1.353
Частный „	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Фабзауч	25	27	31	36	63	76	90	105	370
Обобщ. сектор	25	27	31	36	63	76	90	105	370
Частный „	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Доход жилищно-аренд. кооперац.	75	84	97	110	140	173	192	212	827
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	75	84	97	110	140	173	192	212	827
14. Паевые сборы кооперац. (потреб., с.-х., промысл., жилстроит., Жакт)	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	34	60	163	250	313	405	489	568	2.025
15. Целевые взносы населен. на транспорт „Цутранпрос“	38	43	46	52	60	68	76	88	344
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	38	43	46	52	60	68	76	88	344
16. Целевые взносы насел. на сельск. электриф. и на капит. стр-во кооп.	5	6	17	22	37	59	72	85	275
Обобщ. сектор	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Частный „	5	6	17	22	37	59	72	85	275
II Итого	1.919	1.779	2.321	3.163	3.848	4.718	5.622	6.667	24.018
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обобщ. сектор	1.767	1.586	1.998	2.729	3.298	4.013	4.793	5.714	20.517
В %% к итогу	92,1	89,2	86,1	86,3	85,7	85,1	85,3	85,7	85,5
Частный сектор	152	193	323	434	550	705	829	953	3.471
В %% к итогу	57,9	10,8	13,9	13,7	14,3	14,9	14,7	14,3	14,5
Всего I—II	7.083	8.690	10.353	12.940	15.678	18.447	21.500	24.812	93.377
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Обобщ. сектор	3.539	3.761	4.358	5.951	7.331	8.837	10.476	12.154	44.749
В %% к итогу	50,0	43,3	42,1	46,0	46,8	47,9	48,7	49,0	47,9
Частный сектор	3.544	4.929	5.995	6.989	8.347	9.610	11.024	12,658	48.628
В %% к итогу	50,0	56,7	57,9	54,0	53,2	52,1	51,3	51,0	52,1

Сводный баланс отраслей народного хозяйства обобществленного сектора

Таблица 6

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Актив			
1. Основ. имуществ. без переоц.			
2. Новые поступлен. и капит. рем.			
3. Разное (запасн. оборуд. и пр.)			
Итого по 1—3	10.754,3	12 257,3	15.444,7
4. Дооценка имуществ. с учетом износа	2.062,0	1.751,9	—
Итого имущест. с учет. износа	12.816,3	14.009,2	15.444,7
5. Материал топлива незак. заготовок	1.494,7	1.855,9	2.179,0
6. Полуфабрикаты и незак. производством.	684,1	808,8	949,7
7. Готовые изделия	2.293,8	2.908,4	3.232,7
Итого товаров	4.472,6	5.573,1	6.361,4
и материалов	75,5	101,6	99,9
8. Касса и текущие счета	480,4	494,2	543,7
9. Ценные бумаги, паи, акции	333,4	491,3	647,7
10. Векселя и докум. к получ.	666,9	979,1	1.252,3
11. Дебиторы и подотч. суммы	2.696,1	3 472,5	4.315,1
Итого к получению 10 и 11			
12. Уменьшен. устави. капит.	224,6	237,9	16,7
13. Прочие активы	271,9	382,2	493,8
14. Убытки отчетного года	70,6	160,7	80,0
15. „ прошлых лет	4,7	6,7	11,1
Баланс	22.037,4	25.806,9	29.166,5
Пассив			
1. Уставн. капитал (без переоц.)	12.157,5	13.159,1	15 574,4
2. Дооценка его	2.062,0	1.751,9	0,2
3. Аммортизационный	536,7	729.3	481.6
4. Резервный	109,8	178,6	284,4
5. Прочие фонды	659,6	859,8	1.473,7
Итого	15.525,5	16.678,7	17.814,3
6. Векселя к уплате	462,0	747,3	831,7
7. Банковские кредиты	1.695,9	2.290,4	2.762,9
8. Ссуды НКФ, займы, дотации	364,4	653,2	1.282,1
9. Прочие кредиторы	2.879,2	4.078,5	5.126,5
Итого привлеч. средств	5.401,5	7.769,4	10.003,2
10. Увеличение устав. капит.	292,6	270.2	166,2
11. Прочие пассивы	195,1	140,9	163.4
12. Прибыли отчетн. года	620,4	940,6	1.019,0
13. „ прошл. лет	2,2	7,1	0,4
Баланс	22.037,4	25.806,9	29.166,5

Если взять удельные веса отдельных отраслей народного хозяйства по привлеченным средствам в общем итоге, то почти половина средств падает на промышленность, при чем удельный вес в общем итоге неуклонно возрастает с 40% на 1/X—25 г. до 43,8% на 1/X—26 г. и 46,1% на 1/X—27 г. Промышленность занимает львиную долю, в векселях к уплате и ссудах НКФина, которые возрастают с 70,3% на 1/X—25 г. до 73,9% на 1/X—26 г. и 71,4% на 1/X—27 г. В общем же итоге банковского кредита промышленность составляет следующие удельные веса: 31,7% на 1/X—25 г., 41,2% на 1/X—26 г. и 41,9% на 1/X—27 г. Здесь интересно отметить то место, которое занимает торговля и кооперация в общем итоге привлеченных средств. В совокупности они опережают промышленность на 1/X—25 г., на 1/X—26 г. и уступают ей на 1/X—27 г., при чем как в торговле, так и в кооперации банковский кредит в общем итоге банковских средств занимает высокое место, падающее только на 1/X—27 г. На ряду с этим весьма интересно отметить роль собственных и привлеченных средств в обслуживании основных и оборотных фондов. Если взять сальдо прибыли (прибыль минус убытки), банковский кредит за исключением текущих счетов, бюджетное финансирование и дебиторы минус кредиторы, то в совокупности они все вместе, в отношении основных и оборотных фондов, дают следующие удельные веса — по всем отраслям народного хозяйства 11,6% на 1/X—25 г., 14,9% на 1/X—26 г. и 19,5% на 1/X—27 г. в том числе по промышленности 11,7% на 1/X 1925 г., 22% на 1/X—26 г. и 24,9% на 1/X—27 года.

Таковы условия и формы равновесия структуры финансовой системы на основе динамики соотношений „расчетных“ ценностей. Можно ли, исходя из анализа этих условий равновесия, вывести какую-нибудь закономерность для планируемого пятилетия? С совершенною бесспорностью надо признать резкие сдвиги в период реконструкции между оборотными и основными фондами в сторону возрастания последних, а в связи с этим и новую роль в их обслуживании отдельными источниками привлеченных средств.

Тесная зависимость в развитии основных отраслей народного хозяйства и финансов требует соответствия методов работы финансовой системы новым формам хозяйства.

Решающим моментом в деле изменения форм и методов финансовой системы в планируемое пятилетие является возростающая степень: обобществления, социальной реконструкции и социалистического накопления. В связи с этим, уже выявленная нами выше, тенденция к реконструкции бюджета представляет одну из предпосылок дальнейшего развертывания реконструкции финансовой системы. Роль цены, как она выявляется в пятилетнем плане, не послужит фактором, тормозящим это дело. Без реконструкции финансовых отношений не может быть решена проблема оптимального сочетания расширенного воспроизводства и расширенного использования финансовых методов, его регулирующих, сочетания методов экономического и финансового воздействий и выравнивания степени мобильности отдельных частей финансовой системы.

Построение единого финансового плана является первым шагом на пути к реконструкции финансовой системы.

Совокупность мер организационного и реконструктивного порядка разрешает проблему выявления, собирания, из'ятия и использования ресурсов. Колоссальную роль, таким образом, приобретает и организационный вопрос. Вопросы о формах связи между отдельными финансовыми институтами, о наиболее целесообразном размежевании функций между бюджетными и кредитными учреждениями, о рациональных формах взаимоотношений между государственными, республиканскими и местными бюджетами, о взаимоотношениях бюджета с финансами обобществленного сектора, о взаимных расчетах между отраслями и роли синдикатов в организации финансового хозяйства, реконструкции бюджета, о роли запасных и резервных капиталов в финансовом хозяйстве отдельных отраслей должны найти свое отражение в пятилетнем плане. Все более очередной задачей становится задача разбивки всей финансовой системы на отдельные ряды мобильности ресурсов, выявленные определенными цифровыми показателями. Ограничиться вопросами уничтожения многократных взаимных расчетов, избежания двойного учета, единства и множественности источников финансирования отдельной отрасли хозяйства означало бы не что иное, как отказ от решения вопроса реконструкции по существу.

Заключительные выводы

Во всяких исчислениях много условного; правильной может быть только общая тенденция, намечаемая планом. Было бы большой самоуверенностью думать, что финплан целиком построен на системе изложенных принципов и идей. Несовершенство методологии финплана, с одной строны, недостаточно полное освоение основных идей его, с другой, приводили в нашей работе, к тому положению, когда или практика доминировала над теорией, или последняя над практикой, и должной взаимосвязи их не было.

Сила и реальность целевых установок финплана будут тем большими, чем меньше основные идеи плана встретят противодействия и чем больше они будут освоены самой системой плана.

Два главных момента намечаются в финплане: 1) тесная зависимость выполнения финплана от реализации народнохозяйственного плана и 2) напряженность финансовых установок. Первый момент диктуется факторами общего и частного порядка. К ним должны быть отнесены: 1) реконструкция нашего хозяйства, заостряющая задачи социалистического накопления, требующие реализации высоких качественных показателей в области снижения себестоимости,

повышения производительности труда и т. п., 2) основной замысел плана, требующий значительных затрат ресурсов в первые годы планируемого пятилетия, чтобы обеспечить высокие темпы индустриализации. Отсюда, чем больше рост в финплане доли средств самих отраслей народного хозяйства, тем более выполнение финплана становится зависимым от реализации народнохозяйственного плана.

Поэтому, в связи с неизбежными трудностями при осуществлении плана, становится ударным второй момент — реализация напряженных финансовых установок. Финансовая система должна проявить максимальную активность и маневренность.

Обеспечение поставленной задачи активизации финансов, в целях охранения финплана от возможных прорывов народнохозяйственного плана, мыслимо лишь при проведении ряда мероприятий и заданий, намеченных планом. Определение основных идей и целевых установок финплана отвечает задачам социалистического строительства, и реализация их обеспечит народнохозяйственный и социальный оптимум.

Таблица № 5 настоящей статьи исчислена по последнему плательщику.

Арк. Виткуп

Проблема воспроизводства в СССР и баланс народного хозяйства[1, 2]

I

Задача баланса народного хозяйства — это изображение условий воспроизводства общественного продукта. Проблема воспроизводства в условиях СССР, как и проблема воспроизводства в условиях капитализма, должна быть изучаема как со стороны воспроизводства материальных элементов производства (орудий производства, сырья, предметов потребления), так и со стороны воспроизводства общественных производственных отношений.

Анализ воспроизводства общественного капитала, данный Марксом во II томе „Капитала", базируются целиком на законах развития капитализма, изложенных в I томе „Капитала". (Частично антиципируются выводы III тома „Капитала"). В частности схемы воспроизводства общественного капитала базируются на следующих трех основных тезисах:

1. В силу имманентных законов данной хозяйственной формации капиталистическое хозяйство воспроизводит на расширенной основе все основные противоречия капитализма.

2. Известны не только основные противоречия капитализма, но и формы движения этих противоречий: разрешены проблемы стоимости, денег, прибавочной стоимости, зарплаты и др.

3. Разлагая остатки докапиталистических производственных отношений и окрашивая в свой собственный цвет наиболее живучие из них (земельная собственность, ссудный процент), капиталистические производственные отношения превращают р е з у л ь т а т ы противоречивых форм своего движения в п р е д п о с ы л к и э т о г о д в и ж е н и я.[3]

---

[1] В порядке обсуждения проблемы построения народнохозяйственного баланса. *Ред.*

[2] Настоящее исследование выполнено по заданию Научно-исследовательского отдела ЦСУ УССР. Наше понимание марксистской трактовки условий воспроизводства общественного продукта при капитализме мы дали в нашей работе „К вопросу о рынках и кризисах в капиталистической хозяйственной системе". („Хозяйство Украины" №№ 2, 3, 1928 г.).

[3] Например: Капитал есть результат развитых товарных отношений. Однако, проникновение товарных отношений во все поры общества может явиться только в результате развитых капиталистических отношений. (См. продолжение стр. 172).

Указанные здесь три момента позволили Марксу построить абстрактную схему воспроизводства, исходя из наличия двух общественных классов, отвлекаясь от экономической политики буржуазного государства, кризисных явлений и т. д.

Анализ условий воспроизводства хозяйства СССР ставит ряд дополнительных трудностей. Эти трудности в основном могут быть сведены к следующему.

1. Мы не имеем той теоретической базы в области знаний основных закономерностей экономики переходного периода, которой пользовался Маркс при анализе капитализма и в соответствии с этим научно не освещены формы движения основных противоречий нашей экономики (не разработаны категории экономики переходного периода).

2. Если в отношении капиталистического хозяйства мы можем строить абстрактную схему воспроизводства системы определенного типа производственных отношений, то в отношении хозяйства переходного периода было бы бессмысленно говорить о схеме воспроизводства данной системы,— системы наличных отношений производства (хотя бы и на расширенной основе); бессмысленно строить схему воспроизводства, т.-е. непрерывного повторения наличных взаимосвязей и отношений, составляющих лицо нашей экономики на сегодняшний день. Тем самым мы как бы apriori отрицаем переходный характер нашей экономики и возможность перехода к социализму.[1]

Правильно подчеркнув то обстоятельство, что нельзя говорить о воспроизводстве системы наличных отношений в целом, автор делает в дальнейшем ряд ошибок: он выдвигает три положения, принятие которых оказалось бы роковым для любого исследования нашей экономики. Автор утверждает во-первых, что наша хозяйственная система не есть „единство"; во-вторых, что понятие „воспроизводство" вообще неприменимо к нашим условиям и, что поэтому, в третьих, схемы воспроизводства; аналогичные Марксовым, точно так же неприменимы к нашим условиям.

Так как тот или иной ответ на каждый из этих 3 вопросов является решающим для всего нашего анализа, мы и делаем их

Кредитная система — результат внедрения капиталистических отношений в сферу общественного трудового процесса. Однако, только в результате развитой кредитной системы капитал получает наиболее совершенные формы своего движения.

Точно так же и прибавочная стоимость происходит из капиталистического отношения, т.-е есть результат последнего, но в то же время создает его и т. д., и т. д. См. интересное освещение этого вопроса в статье Рубина „Производственные отношения и вещные категории". „Под знаменем марксизма", 1924 г., № 10—11.

[1] В „Торгово-промышленной газете" от 29 марта № 72 В. Роках справедливо указывает, что „В том именно и заключается переходный характер нашей хозяйственной системы, что она не стремится самое себя возобновить. Смысл и содержание ее именно не в воспроизводстве, а в переходе от ныне существующей временной системы к социалистической. Наша система не воспроизводит самое себя ни в целом, ни в ее планово-социалистической части, ни стихийно-товарной".

центром всего дальнейшего изложения. П. п. 1 и 3 мы посвятим нижеследующие страницы, здесь же нам необходимо договориться по п. 2.

Воспроизводство капиталистической хозяйственной системы имеет место тогда, когда воспроизводятся специфические противоречия капитализма. Эти противоречия могут (абстрактно рассуждая) воспроизводиться на данной, т.-е. стационарной или на расширенной основе. На определенном историческом перегоне промышленный капитализм воспроизводится расширенно; воспроизводится динамика системы, как таковой. Именно воспроизводство динамики промышленного капитализма и есть об'ект исследования схем воспроизводства II тома „Капитала".

В наших условиях имеет место расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, отрицательное расширенное воспроизводство капиталистических производственных отношений. При этом производственные отношения простого товарного сектора перерождаются в социалистические производственные отношения, но могут питать и капиталистические производственные отношения, что не мешает им (производственным отношениям простого товарного сектора) пока что воспроизводиться расширенно. Говорить при таких условиях о воспроизводстве системы производственных отношений переходной экономики, понимая под этим воспроизводство наличного сочетания социально-экономических отношений, значит просто не понимать переходного характера нашей экономики.

Тем не менее понятие „воспроизводство" не только применимо к нашим условиям,—оно составляет одно из основных орудий исследования трансформационного процесса. Но в наших условиях воспроизводится не система наличных отношений, воспроизводится именно трансформационный процесс; воспроизводится не динамика наличных отношений, не экономическая система, а динамика ее перерождения. Структурное лицо системы отношений переходного периода сегодня уже не похоже на состояние вчерашнего дня, а завтрашний день на сегодняшний. И в наших условиях воспроизводится общественный продукт в противоречивой общественной форме, но форма эта не только полна динамики, она полна динамики перерождения.[1] Поэтому не только можно, но обязательно должно исследовать проблему воспроизводства в СССР, но это не есть исследование условий воспроизводства нашей системы, это есть исследование условий воспроизводства форм становления социалистических производственных отношений.

Можно было бы возразить, что и воспроизводство промышленного капитализма есть воспроизводство „форм становления" моно-

[1] Термин Р. Вайсберга, см. „Плановое Хозяйство" № 9, 1925 г.

полистического капитализма, а воспроизводство этого последнего представляет собою воспроизводство „форм становления“ экономики переходного периода и т. д. [1]

Таким образом, нет якобы принципиальной разницы и дополнительных трудностей при анализе нашей системы в отношении капиталистической. Такое возражение было бы, однако, ни чем иным, как плодом непонимания характера динамики нашей и капиталистической одновременно.

Не имея возможности здесь подробно развить несостоятельность названного подхода, осветим вкратце, почему „переходность“ капитализма принципиально иного качества, чем „переходность“ нашей эпохи. Тем самым легко будет понять, почему проблема воспроизводства у нас получает те усложненные по отношению к капитализму формы, о которых мы говорили выше: воспроизводство уклада в одном случае, воспроизводство динамики перерождения в другом случае. При этом мы убедимся в том, что схемы воспроизводства Маркса должны быть соответственно модифицированы, прежде чем стать пригодными к использованию в качестве метода анализа советского хозяйства. (Характера этих модификаций мы коснемся ниже).

Во-первых, в силу имманентных законов развития товарно-денежных отношений страна, вставшая на естественный путь развития указанных отношений, не может пройти мимо необходимых фаз этого развития: [2] фазы — стоимость, деньги, капитал, далее — обособление отдельных частей капитала: торговый капитал, производительный, ссудно-денежный; далее — развитие форм финансового капитала и т. д. Но можно ли эти имманентные законы развития данного уклада назвать формами становления нового уклада? Это было бы чисто меньшевистской концепцией законов общественного развития. Верно, что в рамках данного уклада на основе роста имманентных противоречий его возникают предпосылки нового уклада. Не верно, однако, возникновение этих предпосылок смешивать с „формами становления“ самого нового хозяйственного уклада. [3]

[1] Так именно изображает дело проф. Юровский. „Все временно и все течет. Нынешний вид советской хозяйственной системы есть столь же преходящая категория, как и все системы, существовавшие в истории“. („Вестник Финансов“, 1926 г., № 12, стр. 78, ст. автора „К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе“).

[2] См. предисловие Маркса к 1 изданию I т. „Капитала“.

[3] Чем отличается одна хозяйственная формация от другой? Маркс на этот вопрос отвечает так: „тот особый характер и способ, каким осуществляется соединение средств производства и рабочей силы, различает отдельные экономические эпохи социальной культуры“ (Маркс, Капитал, т. II, стр. 10, изд. 1929 г.). Но изменение характера и способа, каким осуществляется это соединение средств производства и рабочей силы, требует более или менее длительного периода (которому, как правило, предшествует революционный переворот). Это и есть тот период, в течение которого новые общественные формы укрепляются и получают прочность „естественных“ форм.

В применении к экономике переходного периода ясно, что нельзя говорить о трансформационном процессе, как об имманентных фазах развития данного уклада, уклада экономики переходного периода прежде всего потому, что наша хозяйственная система не есть хозяйственный уклад, формация хозяйственная (вспомним тот признак, который Маркс кладет в основу определения хозяйственной формации). Наша экономика есть сочетание укладов или формаций, взаимное проникновение которых друг в друга, основанное и на сотрудничестве и на борьбе их (укладов) между собой, — служит формой становления нового социалистического уклада хозяйства. [1]

Во-вторых, так как результаты противоречивых форм движения производственных отношений в условиях трансформационного процесса, не превращаются в предпосылки этого движения — как это имеет место в условиях капитализма — нельзя говорить о воспроизводстве динамики системы у нас по аналогии с воспроизводством системы при капитализме. В наших условиях движение общественных противоречий создает предпосылки движения общественных форм без противоречий.

В третьих, в силу всего изложенного схема воспроизводства динамики социалистического переустройства нашего хозяйства должна быть настолько конкретной, чтобы охватить наиболее характерные формы движения к социализму:

а) динамику производственных и распределительных показателей по отдельным секторам и „множителей“ этой динамики;

б) формы и методы перераспределения народного дохода;

в) формы и пути движения торгового, производительного и ссудно-денежного „капитала“ и т. д. И вместе с тем, схема воспроизводства должна быть построена так, чтобы на базе этой схемы можно было бы представить в виде формул основные показатели нашего продвижения к социализму: например, формулу индустриализации, формулу обобществления и т. д.

Эти моменты в основном предопределяют те модификации, какие должна претерпеть схема воспроизводства Маркса, чтобы сделать ее пригодной к исследованию нашего хозяйства. Но вопрос о самой применимости схем воспроизводства к нашим условиям нуждается в дальнейшем обосновании.

II

Экономика переходного периода, как и экономика капиталистического хозяйства, представляет собою „единство противоположностей“. С точки зрения этого основного закона диалек-

[1] Мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, можно ли вообще выводить имманентные законы, присущие хозяйству переходного периода.

тики нам и надлежит исследовать динамику трансформационного процесса. [1]

Нам придется последовательно проследить, какие проблемы стоят перед нами: сначала при исследовании нашего хозяйства под углом зрения „единства", затем под углом зрения „единства противоположностей".

Предварительно, однако, необходимо остановиться на вопросе о том, в каком смысле можно говорить о единстве нашей системы хозяйства, отрицая за ним (хозяйством) характер единого хозяйственного уклада. Вопрос этот важен потому, что только единство нашей хозяйственной системы позволяет строить баланс народного хозяйства и в соответствии с этим пользоваться схемами воспроизводства Маркса, как методом построения баланса. Несомненно верно положение т. Рокаха, что наше хозяйство не есть структурное единство. Необходимо, однако, твердо помнить, что оно представляет собою единство структур хотя различных и противоречивых.

Формы движения всего сложного переплета нашей системы создаются через посредство взаимопроникновения и взаимообусловленности (на началах борьбы и сотрудничества) отдельных социальных секторов. [2]

В результате этой взаимообусловленности мы имеем целое, хотя и противоречивое, движение всего комплекса производственных отношений общества, материальное воплощение коего (движения) заключается в том, что общество в целом воспроизводит натуральные производительные элементы, элементы личного потребления и рабочую силу и в соответствии с этим воспроизводит (постоянно меняющуюся) систему пропорций в распределении труда живого и овеществленного между отраслями.

Ясно, что если единство телеологической установки суб'екта народного хозяйства в отношении всего народного хозяйства (наличие этой установки не только не исключает, а напротив предполагает острую классовую борьбу), не реализовалось бы в целостности движения общественных отношений, то экономическая борьба отдельных укладов должна была бы превратиться в войну гражданскую. Ибо в этом случае качественно различные производственные отношения, не увязываясь меж собой, не могли бы обеспечить себе своих особенных форм и путей движения, адекватных каждому укладу, необходимых даже для отрицательного расширенного воспроизводства.

Единство моментов производства, распределения и потребления, единство технико-производственного комплекса — все это было бы исключено вне целого и с этой точки зрения единого (хотя и противоречивого) движения общественных отношений. Внешним выражением этой целостности, единства движения общественных отношений служит единство формы связи между хозяйствами отдельных секторов и в пределах каждого из них. (Отметим, между прочим, что этот момент — стоимостная форма связи — свидетельствует о том, что вышеизложенное единство движения качественно различных типов производственных отношений таит в себе внутренние противоречия, которые мы исследуем ниже, ибо моменты „противоположностей" здесь пока еще нас не интересуют).

В изложенных выше рассуждениях, мы старались подчеркнуть ту мысль, что при анализе общественных явлений не только „единство" должно быть разложено на „противоположности", но и „противоположности" должны быть сведены к „единству" и это последнее всесторонне проанализировано. [1]

Если, с одной стороны, „раздвоение единого и познание противоречивых частей его [2] есть основная особенность диалектического подхода к общественным явлениям, то тот же самый подход требует, с другой стороны, понимания того, что „процессы, противостоящие друг другу, как самостоятельные, образуют известное внутреннее единство. [3]

Буржуазные экономисты при исследовании экономических явлений капитализма в апологетических целях отвлекались от моментов противоположностей, придерживаясь моментов единства, [4] все снова и снова стихийно себя утверждающих.

[1] Некоторые исследователи нашего хозяйства создают себе неразрешимые трудности в деле исследования характера трансформационного процесса, вследствие отрицания именно этого основного положения. В цитированной статье т. Рокаха пишет: „Отсутствие же такого единства (единства системы) приводит к тому, что действие каждого из регуляторов стесняется действием другого, поэтому для действительного эффективного проявления в обществе закона пропорциональности трудовых затрат экономика общества должна представлять собой структурное единство, должна вся подчиняться одному закону, должна быть органически единой системой". Отрицая за нашей системой характер единства, Роках категорически отвергает возможность использования схем воспроизводства Маркса для анализа характера хозяйственной системы СССР, отвергает возможность установления равновесия в нашем хозяйстве и т. д.

Другой автор, Петров (см. его статью в „Вестнике Статистики", № 2, 1927 г.), подчеркивая, напротив, элементы единства нашей системы, опускает из виду необходимость анализа всех противоположностей нашей экономики. (Об этом ниже).

[2] „Развиваясь, она (текучая действительность) творит свои элементы, которые в процессе взаимного превращения образуют целое движение..." (И. Вайнштейн — „Гегель — Маркс — Ленин", стр. 125, Гиз, 1928 г.).

[1] „Если в каждой группе явлений, образующих известное единство, необходимо появление противоположностей, то и обратно мы можем сказать, что группы явлений, обособившихся друг от друга, образуют известное единство, в пределах которого они и являются этими противоположностями". И. Рубин — „Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса" — „Под знаменем марксизма", № 4, стр. 96, 1929 г.

[2] Ленин — „К вопросу о диалектике" — „Под знаменем марксизма", № 5—6, 1925 г.

[3] Маркс, „Капитал", т. I, стр. 64, 65.

[4] „Апологетика заключается в том, чтобы, несмотря на наличие противоположностей, держаться единства". Маркс, „Теории прибавочной стоимости", том II—2, стр. 274, (немецкий текст).

Маркс, как известно, центр тяжести исследования буржуазного общества перенес на исследование противоречивых форм проявления этого внутреннего единства, форм проявления внутренней сущности основ капиталистического хозяйства. Однако, в ряде мест[1] Маркс возвращается к освещению характера и сущности „единства", неизменно подчеркивая всю важность этого подхода.

Наше хозяйство планируем мы сами, если не полностью, то в значительной части. Общественные формы проявляют не стихийные процессы (вернее не только их) развития „основ". Напротив, сознательно проводимая экономическая политика использует неадекватные данной социальной структуре формы для укрепления социалистических элементов нашей экономики. С ростом и укреплением этих последних (в перспективе) центр тяжести экономического исследования должен был передвигаться от анализа „форм" к анализу „основ", от „противоположностей" к „единству". В социалистическом хозяйстве, естественно, никакого другого об'екта изучения (имея в виду динамику народного хозяйства) кроме аспекта единства не будет. Из изложенного мы делаем вывод, что уже в настоящее время народнохозяйственный аспект единства приобретает и особенный интерес и особенное значение.

III

Какие же проблемы ставит этот аспект перед исследователем? „Вечные", „естественные" основы, к которым Маркс свел формы проявления капиталистического воспроизводственного процесса, это:

а) закон трудовых затрат и связанные с ним;

б) закон пропорциональности отдельных отраслей производства, другим выражением коих служат;

в) законы производства и потребления или динамика C, V, M, понимая под этими обозначениями элементы производительного потребления (C); личного потребления непосредственных производителей (V) и прибавочного продукта (M), выраженных в трудочасах и вытекающие отсюда;

г) законы роста производительности труда, основным выражением коих (законов) служит динамика роста $C:V$. Все эти пункты: а, б, в, г непосредственно связаны друг с другом, хотя и не растворяются друг в друге.

Из всех этих законов, ведущим является закон трудовых затрат. Если из категории стоимости исключить его социально-гетерогенное начало, мы обнаружим „вечную", „естественную" основу ее. [2]

[1] „Введение к критике политической экономии"; „Капитал", т. I, гл. 5, § 1, т. II — места, относящиеся к обороту капитала и т. д.

[2] См. известное письмо Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г.

Эта последняя сказывается в необходимости пропорционального распределения труда в народном хозяйстве и вместе с этим в наличии определенного стержня, вокруг которого эта пропорциональность утверждает себя. Так разрешается проблема народнохозяйственного равновесия под углом зрения аспекта „единства" со стороны статики, статического подхода.

Однако, обнаружив закон, в силу которого в каждый данный момент система поддерживается в состоянии равновесия, мы еще ничего не знаем о характере и причинах тех структурных изменений, которым подвержено народное хозяйство, мы ничего не знаем о законах динамического равновесия. Если мыслить себе равновесие народного хозяйства не как статическое, а как равновесие динамическое, то „параметры" этой динамики, лицо структурных изменений, даст нам категория „норма накопления", освобожденная от специфически-капиталистических черт. „Основа" этой категории — это отношение непроизводительно потребляемой части прибавочного продукта к накапливаемой в целях расширенного воспроизводства.

„Норма накопления" — это, однако, понятие частно-хозяйственное. Для того чтобы получить „параметры" народнохозяйственной динамики, недостаточно знать норму накопления по отраслям, а необходимо также знать, какое материальное воплощение получат накапливаемые средства. Этот момент является для наших „параметров" решающим. Разовьем эту мысль подробнее.

При одной и той же наличной массе средств производства и рабочей силы темп и тип развития народного хозяйства может быть совершенно различен.[1]

Решающим для темпа и типа развертывания производительных сил, для динамики роста $C:V$ по отраслям, для динамики темпа накопления и т. д. будет направление, которое получает развитие отраслей I подразделения.

Несмотря на взаимозависимость отраслей I и II подразделений, а также отдельных отраслей I подразделения — это последнее может развиваться:

А. В сторону „интенсивную". В этом случае производство больше замыкается в кругу обслуживающих друг друга отраслей I подразделения. Продукция растет не столько за счет тех масс (продукции), которые предназначены к обмену с II подразделением, сколько за счет масс, предназначенных к взаимному обслуживанию внутри самого I подразделения. Такое направление производства

[1] В своей статье „Равновесие производства" („Проблемы Экономики", № 1) тов. Кон пишет: „Правильные пропорции движения общественного производства постоянно меняются под влиянием ряда факторов. К числу главнейших из этих факторов относятся: 1) уровень развития производительных сил, 2) характер воспроизводства, 3) темп накопления, а следовательно, а) норма прибавочного продукта, б) норма накопления, 4) распределение накопляемой части прибавочного продукта между „C" и „I".

обычно связано с исключительно сильным ростом отдельных звеньев металлургического производства.

Б. В сторону „экстенсивную". В этом случае расширение отраслей I подразделения происходит, главным образом, за счет роста тех отраслей, которые обслуживают обмены или „размены" со II подразделением. Здесь круг производства значительно шире. (Однако, как мы сейчас увидим, оба эти пути — и экстенсивный и интенсивный — между собой тесно связаны).

Этот факт (который в рассуждениях Тугана-Барановского, как известно, был гипертрофирован и доведен до нелепости) роста народнохозяйственного производства за счет интенсификации взаимно обслуживающих друг друга отраслей I подразделения подготовляет путь к дальнейшей экстенсификации производства I подразделения: путь к производству новых видов машиностроения, прокладке новых железнодорожных путей, созданию новых видов средств производства для отраслей II подразделения и т. д. Нет надобности пояснять, что чем уже круг взаимно обслуживающих друг друга отраслей производства I подразделения и чем больше срок, в течение которого это взаимное обслуживание происходит (при небольшом „пространстве" требуется большое „время"), тем большее подготавливается поле к расширению диаметра этого круга, впоследствии, и к сокращению времени, в течение которого масса готовой продукции будет выбрасываться в потребительских целях.

Правда, это более широкое поле производства, подготовленное „узким кругом", создает новую возможность на расширенной основе направить производство тех же взаимно обслуживающих друг друга отраслей I подразделения. Этим, естественно, будет подготовлен путь к дальнейшей еще большей экстенсификации производства I подразделения и т. д.[1]

„Параметры пространства и времени" этого взаимного обслуживания отраслей I подразделения и являются решающими для типа и темпа реконструкции страны. Следующее место из II тома „Капитала" стоит в самой непосредственной и близкой связи со всей системой наших предыдущих рассуждений: „при простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I расходуется как доход, следовательно, на товары II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал П-с в его натуральной форме. Таким образом, для того, чтобы получить переход от простого воспроизводства к расширенному, производство I подразделения должно получить возможность создавать менее элементов для II, но в той же мере более для I".[1] Но то же самое безусловно верно и при переходе от данного темпа расширенного воспроизводства к более быстрому, от данной системы пропорций к новой.

Иметь наперед на какой-либо отрезок времени „траекторию" перехода к относительно большему росту производства средств производства в отношении производства средств потребления и в пределах I подразделения траекторию более быстрого развития отраслей с относительно долгими путями производства в отношении отраслей с более коротким путем—значит иметь „обоснованные" нормы потребления и накопления по отраслям.

По отношению к законченному социалистическому хозяйству наши рассуждения должны носить как бы обратный характер: нормы потребления и накопления будут исходными моментами, указанные нами „параметры времени и пространства", в течение и не протяжении которых заключается круг — определяемыми моментами.[2]

В наших же условиях, когда основная хозяйственная задача заключается в технической реконструкции народного хозяйства на основе социалистического способа производства — „в кратчайший срок догнать и перегнать" более развитые страны Запада — направление производства отраслей I подразделения должно быть выдвинуто во главу угла. (Конечно, это не значит предать забвению достигнутые темпы повышения уровня жизни рабочего класса).

Но этот момент: в каком порядке мы должны полагать обусловленность направления производства, с одной стороны, и нормы потребления и накопления, с другой, мы считаем к нашему изложению непосредственно не относящимся. На изложенных здесь страницах мы старались только подчеркнуть ту мысль, что проблема направления производства в отраслях I подразделения есть про-

[1] В немецкой буржуазной литературе этот вопрос — о направлении производства в I подразделении, был исследован Cassel'ем, Schumpeter'ом и Spieothot'ом, в особенности его статья „Krisen" в „Handwörterbuch d. Staatswissenschaften", Bd. VI в их основных работах. Известный интерес представляет работа Hans Mayer'a „Produktion" в „Hand. d. Staatswissenschaften". Буржуазный автор пытается решить вопрос о направлении производства в „социалистическом" хозяйстве, базируясь на основных предпосылках теории предельной полезности. См. также новое большое исследование „Der Kreislant d. Wirtschaft" von d. Wilken, Jëna, 1928 г. Из русской марксистской литературы — см. Митлянский — „Денежное обращение и товарооборот", гл. 9, п. 10; Преображенский — статья в „Вестн. Коммун. акад.", № 17.

[1] Маркс, „Капитал", т. II, стр. 363, Гиз, 1929 г. (Разрядка наша *А. В.*).

[2] „Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то дело сводится просто к тому, что общество должно наперед рассчитать сколько труда, средств производства и средств существования оно может без всякого ущерба обратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, долгое время — год или более — не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования". Маркс, „Капитал", т. II, стр. 221, Гиз., 1929 г.

блема динамики распределения живой рабочей силы и средств производства по отраслям, и что этим направлением производства предрешены и нормы потребления непосредственных производителей и масса средств, могущая быть пущенной в фонд личного потребления.

Но отвлекаясь все еще от моментов „противоположностей" классовых интересов и т. д., эта проблема — направления производства в отраслях I—есть проблема перераспределения народного продукта: А. перераспределение во времени — это ясно из предыдущего изложения; но и Б. перераспределение в пространстве (меж отраслями). Ибо переход от данного „пути" производства к более длинному не мог бы состояться только за счет прибавочного продукта интенсифицирующихся отраслей I. Необходимы дополнительные средства. Эти последние могут быть получены за счет других сфер, а именно за счет перекачки из отраслей II подразделения. Так как здесь в рассматриваемом нами аспекте нас интересует не форма проявления этой перекачки, а „основа" ее, то с точки зрения этой последней перекачка может быть представлена следующим образом: прибавочный продукт отраслей II подразделения перекачивается в I подразделение в большой мере, чем ей (этой перекачке) соответствует встречный поток средств производства из I во II. Но перекачка средств из II в I мыслима не только за счет прибавочного, но и за счет необходимого продукта II подразделения. С точки зрения натуральных элементов, II подразделение может получить в каждом новом производственном цикле большую массу „основных" и „оборотных" средств и в то же время недополучить, с точки зрения затрат труда, стоимостных величин. [1]

Для некоторой полноты изложения вопроса о направлении производства отметим в заключение следующее:

История капитализма может быть отмечена более быстрым ростом отраслей I в отношении отраслей II. Циклическая форма этого роста производительных сил в условиях капитализма нахо-

[1] Отметим, между прочим, что капитализм в своем развитии нашел в системе цен и в кредитной системе наиболее совершенные формы такого перераспределения, а именно: а) обмен товаров не по стоимостям, а по ценам производства; б) неравномерный рост цен на изделия I и II (более быстрый на изделия I, чем на изделия II); в) „сбережения" рабочего класса и I и II подразделений содействуют уменьшению спроса на изделия II и увеличению спроса на изделия I и др.

Что касается материальной основы этого перераспределения в условиях капитализма, то она дана в том, что множество товаров по своей потребительной стоимости может служить одновременно средствами производства средств производства и предметов потребления; в том, что многие товары могут служить и средствами производства и предметами потребления; в том, что предметы личного потребления могут служить предметами потребления как для рабочих I, так и для рабочих II; в том, что недогрузка основного капитала в I представляет не исключение, а правило. Поэтому „перенос" оборотного капитала в момент напряжения производственного процесса резко увеличивает производство в I. —

дится в непосредственной связи с выше рассмотренными переходами от относительно большей „интенсификации" к относительно большей „экстенсификации" производства в I подразделении. Эпоха подъема знаменует поворотный пункт в сторону интенсификации производства I. Расцвет — наибольший отрыв производства от личного потребления и в месте с этим наибольшее „сужение круга", какое только возможно в рамках сохранения системы. Кризис — поворотный пункт к экстенсификации производства („рационализация"). Оживление — период наибольшей экстенсификации прозводства.

Перед плановым хозяйством стоит задача этой интенсификации направления производства I придать форму непрерывной кривой. Всем известны те потрясения, которые приносит с собой прерывистость „кривой интенсификации" в условиях капитализма. Но сделать эту кривую непрерывной можно только на основе тщательного учета динамики всех тех „экономических количеств",[1] которые в своей взаимообусловленности дают данное направление производства.

Попытаемся резюмировать по возможности сжато и кратко все изложенное выше:

1) возможность построения баланса народного хозяйства СССР, положив в основание его (баланса) схемы воспроизводства Маркса — теоретически неоспорима. Эта возможность постулируется прежде всего, в виду того, что хозяйство переходного периода представляет собой реальное единство (несмотря на наличие противоположных и противоречивых хозяйственных структур);

2) хозяйство переходного периода не есть хозяйственная формация или уклад, а представляет собой сочетание укладов или формаций. Поэтому понятие „воспроизводства" в применении к хозяйству переходного периода должно быть понимаемо в том смысле, что в наших условиях имеет место воспроизводство самого трансформационного процесса, воспроизводство динамики перерождения или перерастания одних укладов в другие: несоциалистических в социалистические;

3) в силу изложенного, „переходность" нашего хозяйства выдвигает необходимость известным образом модифицировать схемы Маркса, прежде чем положить их в основу изучения динамики нашего хозяйства;

4) баланс народного хозяйства имеет своей целью дать картину динамического равновесия народного хозяйства на определенном отрезке времени и вместе с тем показать картину социальной и технической реконструкции производственного процесса. Трансформационный процесс должен быть изучаем с точки зрения аспектов как „единства", так и „противоположностей". Только в этом случае трансформационный процесс действительно встанет, как „единство противоположностей";

[1] Термин Шумпетера.

5) аспект единства вскрывает чрезвычайно богатые перспективы изучения основ народнохозяйственного развития, изучения направления производства отраслей I подразделения и характера связи его (направления) со всеми основными показателями народнохозяйственной динамики: нормами потребления и накопления, ростом $C:V$ и др., а также связи его с характером перераспределения народного продукта во времени и в пространстве. Вот тот богатый и интересный горизонт, который открывается аспектом „единства";

6) ответив на вопрос о возможности применения схем воспроизводства Маркса к изучению динамики нашего хозяйства, мы еще не решили вопроса о целесообразности и необходимости использования схем Маркса для изучения динамики народного хозяйства СССР.

Положительный ответ на этот последний вопрос можно будет дать лишь тогда, когда будет показано, что на основе схем воспроизводства мы можем дать изображение всех тех процессов, какие выдвигает народнохозяйственный аспект „единства", а затем и „противоположностей".

IV

Схемы воспроизводства Маркса в развернутом виде дают изображение баланса народного хозяйства (см. схема 1 стр. 185). Вопрос о возможности статистической реализации этих схем мы затронем ниже. „Натуральные формы" подлежащего могут быть расчленены вплоть до перечисления названий отдельных продуктов. При этом открывается возможность первую группу продуктов подлежащего расчленить на 1-а (средства производства, преимущественно обслуживающие отрасли I) и 1-в (средства производства, преимущественно обслуживающие отрасли II подразделения). Баланс народного хозяйства, построенный по типу указанной схемы, дает возможность вскрыть все основные процессы с точки зрения аспекта „единства", о котором мы говорили выше. В самом деле, статистически реализованная схема 1 дает возможность найти все основные показатели, могущие дать исчерпывающую картину динамики народного хозяйства, изучаемого под углом зрения аспекта единства: она дает реальное цифровое выражение функциональной зависимости направления производства и направления потребления. Далее схема показывает динамику роста производительности труда по отдельным отраслям, нормы потребления и накопления и т. д.

Мы можем построить следующую схему 2 (см. стр. 186), все основные элементы которой взяты из схемы 1.

В то же время, приведенная здесь схема 1 дает полное разрешение проблемы народнохозяйственного равновесия. С точки зрения аспекта „единства", нарушенное равновесие может означать только одно: нарушение пропорциональности в системе общественного воспроизводственного процесса или, что тоже: несогласо-

Схема 1

Схема баланса народного хозяйства

Типы производства	Капиталы к началу года		Валовая продукция		Простое воспроизводство				Народный доход и его распределение		Капиталы к концу года
					Производственное потребление, соответствующее простому воспроизводству		Непроизводительное потребление, соответствующее простому воспроизводству		Фонд расширенного воспроизводства (накопление)		
	в I подр.	во II подр.	I	II	I	II	I	II	I	II	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Пр-во средств произ-га.	$AC_1 + BC_1$	$AC_2 + BC_2$	$\frac{AC_1}{X} + BC_1 + DC_1 + \frac{AC_2}{X} + BC_2 + DC_2$	—	$\frac{AC_1}{X} + BC_1$	$\frac{AC_2}{X} + BC_2$	—	—	DC_1	DC_2	Тоже, что и гр.гр. 1 и 2
2. Пр во средств потребл.	V_1	V_2	—	$V_1 + V_2 + DV_1 + DV_2 + H_1 + H_2$	—	—	$V_1 + H_1$	$V_2 + H_2$	DV_1	DV_2	

A = Основные средства производства
C = Элементы производительного потребления.
B = „Оборотные“ средства производства.
X = Амортизированная часть „основных“ средств производства.
DC = Дополнительная часть „пост. капитала“, идущая на расширение производства.
DV = Дополнительный фонд продуктов потребления непосредственных потребителей.
H = Остальное непроизводительное потребление.

ванность направления производства и направления потребления. Методы восстановления равновесия будут различны в зависимости от тех конкретных задач, какие стоят перед народным хозяйством. Однако, из предыдущего изложения вполне явствует, что постановка вопроса о наличии или отсутствии равновесия в народном хозяйстве (изучаемого под углом зрения единства) бессодержательна.

Схема 2[1]

Динамика структуры „капиталов“	Доля „зарплаты“ во вновь созд. стоимости (темп прироста)	Отношение авансированных „капиталов“ I и II (темп прироста)	Темп интенсификации производства в I	Отношение накапливаемой части „M“ к непроизводит. потребляемой	Распределение накапливаемой части между C и V
$(C:V)$ 0I	$\left(\frac{V}{M+V}\right)$ 0I	$\frac{C+V\ (I)}{C+V\ (II)}$ (0I)	$\frac{P1\text{-а}}{P1}$ (0I)	$\frac{M11}{M12}$ (0I)	$\frac{M\text{-}а}{M\text{-}б}$ (0I)

Об'ект „проблемы равновесия“ — это изучение характера и типа динамического равновесия, определяемых направлением производства в I подразделении в своей взаимообусловленности с направлением потребления. Так поставленная проблема равновесия находит свое исчерпывающее изображение в схеме 3 (см. стр. 187). А именно: из схемы мы видим, во-первых, как обменивается в конце производственного цикла вся вновь созданная в этом цикле стоимость; во-вторых, как перераспределяется в процессе производства труд предыдущих лет и поколений (труд овеществленный); в третьих, прошлое неразрывно связано с будущим через настоящее. Во взаимном обмене продуктами I и II подразделений труд прошлых лет обменивается на труд овеществленный в данном производственном цикле. Схема 3, основные элементы которой взяты из той же схемы 1, дает освещение этих 3 моментов и иллюстрирует 4 момент, из каких отраслей в какие перекачиваются средства.

V

Баланс народного хозяйства, построенный только на началах „единства“, не может дать ответа на два наиболее актуальных вопроса нашей хозяйственной жизни:

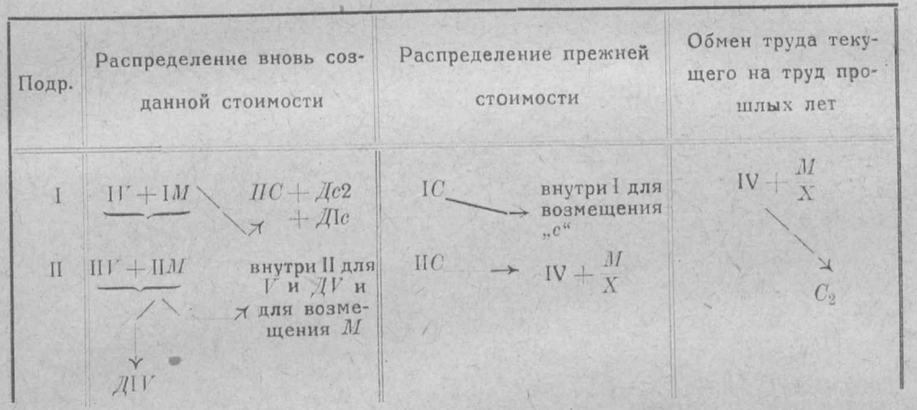
1) он оставляет не освещенным вопрос о динамике удельного веса социальных секторов;

[1] 0I = темп прироста за определенный отрезок времени;
$P1$-а = валовая продукция производств I подразделения, обслуживающих средствами производства преимущественно отрасли I подразделения;
$P1$ = валовая продукция отраслей I подразделения;
$M11$ = накапливаемая часть прибавочного продукта;
$M12$ = непроизводительно потребляемая часть прибавочного продукта;
M-$а$ = прибавочный продукт, принимающий форму средств производства;
M-$б$ = тоже средств потребления.

2) он оставляет в стороне вопрос о специфических формах, в которых реализуется рост производительных сил. Словом, в изображенном виде (схема 1 стр. 185) он не дает картины „противоположностей“ в единстве.

Каковы же эти основные, наиболее существенные, противоположности, динамика которых должна найти свое количественное выражение в балансе народного хозяйства?

Схема 3[1]



Основная и в этом смысле наиболее общая, ведущая противоположность нашей эпохи — это сосуществование различных социальных укладов внутри страны, при наличии капиталистического способа производства вне ее. Отсюда борьба отдельных укладов за адекватную каждому из них систему пропорций и вместе с этим борьба за перераспределение народного дохода между отдельными классами.

И так, первый новый элемент, модифицирующий схему, — это необходимость разбивки всего народного хозяйства по отдельным социальным секторам. При этом, эта разбивка по социальным секторам должна быть дана не в сказуемом, а в подлежащем. „Это дает возможность построить замкнутый баланс хозяйственного оборота не только по каждой отрасли труда, но и по каждому социально-экономическому сектору. Тем самым полностью вскрывается баланс взаимоотношений между социальными секторами“.[2]

Но разбивка по социальным секторам в подлежащем делает невозможным, основным определением подлежащего, оставить натуральную форму продукта.[3]

[1] Стрелки показывают направление движения масс продуктов. Статистически оформленная таблица показывает в чью пользу (I или II) происходит перераспределение производительных сил.

[2] Зейлингер и Гухман, „К методике построения баланса народного хозяйства“. „Плановое Хозяйство“, №№ 3 и 4, 1928 г.

[3] Поскольку дается движение товаров в их натуральной форме, очевидно, что не может быть речи о распределении их между социальными формами хозяйства: социалистической, капиталистической и т. д.

В подлежащем поэтому дается членение по отраслям труда, а натуральная форма товаров переносится из подлежащего в сказуемое.

В непосредственной связи с основной противоположностью нашей эпохи стоят противоположности, вытекающие из наличия рыночной формы связи отдельных хозяйств. Эта последняя противоположность в условиях капитализма (в „нормальной" социальной среде) приводит к дальнейшим противоположностям: к самостоятельному движению обособившихся частей общественного капитала: промышленного, торгового и ссудно-денежного. При этом движение совокупного общественного капитала есть результат взаимообусловленного движения, указанных здесь, обособленных частей капитала. Но и внутри каждой „части" общественного капитала: промышленного, торгового и ссудно-денежного, мы наблюдаем „самостоятельное" движение отдельных хозяйств. Поэтому, не только совокупное движение всего общественного капитала, но и отдельных частей его представляется результатом движения капиталов всех отдельных хозяйств к какой бы части эти последние не принадлежали бы.[1]

Имманентные законы капиталистического способа производства, со свойственной ему системой производственных отношений, наиболее глубоко исследованных Марксом, обусловливают воспроизводство индивидуальных промышленных предприятий по формуле (в зависимости от нашего подхода, мы можем принять вариант 1, 2 или 3).

$$1.\ Д — Т \overset{\text{ср. пр.}}{\underset{\text{р. с.}}{\ldots}} П \ldots Т_1 — Д_1$$

$$2.\ Т_1 — Д_1 — Т \overset{\text{ср. пр.}}{\underset{\text{р. с.}}{\ldots}} П \ldots Т_1 \qquad (1)$$

$$3.\ П \ldots Т_1 — Д_1 — Т \overset{\text{ср. пр.}}{\underset{\text{р. с.}}{\ldots}} \ldots П$$

Если, например, лен, вырабатываемый в крестьянском хозяйстве, при чем частью капиталистического типа, частью простого товарного, поступает на социалистическую фабрику, и затем готовый товар переводится частью социалистическим, частью частным транспортом, то очевидно, что отнесение этого товара к той или иной социальной форме хозяйства полностью или частично невозможно.

(А. Петров — „К вопросу о методах построения баланса народного хозяйства", „Вестник Статистики", № 1, 1927 г.).

[1] Если $Т$ — торговый капитал общества, с точки зрения статики, может быть представлен как:

$$\sum m_1, m_2, m_3 \ldots m_n$$

Промышленный капитал — $П$, как:

$$\sum n_1, n_2, n_3 \ldots n_n$$

Ссудно-денежный — $Д$, как:

$$\sum \partial_1, \partial_2, \ldots \partial_n$$

то со стороны динамического подхода

$Т$ есть результат движения $m_1, m_2, \ldots, m_n, n_1, n_2, \ldots, n_n, \partial_1, \partial_2, \ldots, \partial_r$

$П$ „ „ „ $n_1, n_2, \ldots, n_n, m_1, m_2, \ldots, m_n, \partial_1, \partial_2, \ldots, \partial_n$

$Д$ „ „ „ $\partial_1, \partial_2, \ldots, \partial_n, m_1, m_2, \ldots, m_n, n_1, n_2, \ldots, n_n$

Торговых предприятий по формуле

$$Д — Т — Д_1 \qquad (2)$$

и кредитных предприятий по формуле

$$Д — Д_1 \qquad (3)$$

Однако, на самой поверхности хозяйственной жизни „доступной" наблюдению неискушенного взгляда все процессы исчерпываются непрерывным превращением товаров в деньги и обратно

$$Т — Д — Т \qquad (4)$$

И в наших условиях в этой последней формуле (4) совершается процесс воспроизводства общественного продукта. Точно так же (со стороны внешней, формальной) мы могли бы представить процесс воспроизводства „индивидуальных" промышленных, торговых и кредитных „предприятий" в условиях СССР по формулам (1), (2), (3).

Однако, в наших условиях эти последние формулы лишены своего внутреннего содержания. Они не только не отражают тех специфических закономерностей, которые каждый марксист привык в них видеть; напротив, они служат внешней формой движения того комплекса производственных отношений, который свойственен нашей экономике и который мы исследовали в начале статьи.

В этих формулах (1,) (2), (3) происходит непрерывное укрепление социалистических производственных отношений и перерождение отношений простого товарного сектора и капиталистических в социалистические.[1]

Но если „обособление" и „самостоятельность" движения отдельных частей „капитала"[2] в наших условиях исключено, то тем не менее приведение в соответствие этих отдельных частей общественного капитала у нас наталкивается на значительные трудности вытекающие:

1) из исторически данных диспропорций отдельных отраслей и сфер производства;

2) из нарушений „естественного" порядка. Огромная часть народного хозяйственного производства — именно сельское хозяйство вследствие слабой технической базы и господства индивидуальных

---

[1] „Таким образом, рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры при правильной политике со стороны советского государства несут в своем развитии собственную гибель: способствуя вытеснению частного капитала, переделке крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства, они способствуют тем самым преодолению рыночных отношений вообще".

(„Программа Коминтерна", Гиз. 1928 г., стр. 64—65).

[2] Термин „капитал" к нашему хозяйству неприменим. Мы пользуемся этим термином условно в смысле обозначения реальных стоимостей или знаков последних.

форм в сельскохозяйственном производстве сильно зависит от условий естественного порядка: количества осадков и т. д.;

3) из формальной автономности огромного количества крестьянских хозяйств;

4) от того, что эмиссия, будучи одним из самых эффективных средств в перераспределении народнохозяйственного дохода, не всегда „усваивается" народным хозяйством в тех количествах, в каких это предположено эмитирующим органом;

5) от того, что товаропроводящая система, работающая на началах хозяйственного расчета, в силу своей распыленности чрезвычайно „центростремительна". Поэтому в условиях дезорганизации рынка мы много раз наблюдали самостоятельное движение „капиталов" торговли;

6) в борьбе за адекватную каждому сектору систему пропорций и в соответствии с этим в борьбе за перераспределение народного дохода огромное значение приобретает система цен — эквиваленты: а) эквиваленты предметов производства сельского хозяйства и промышленности; б) эквиваленты предметов потребления и средств производства как в самой промышленности, так и в сельском хозяйстве; в) эквиваленты других групп товаров сельскохозяйственного происхождения и т. д. Поскольку экономической политике правительства не удается сохранить желательную систему эквивалентов или желательную динамику этих последних, постольку, естественно, кладется начало известному „обособлению" отдельных частей капитала.

Итак, аспект „противоположностей" вносит новый элемент модификации нашей схемы 1 (см. стр. 185): движение совокупного общественного капитала должно быть представлено как сумма движений индивидуальных (или групп индивидуальных) капиталов „промышленной", „торговой" и „ссудно-денежной" сфер. Эти последние „отдельные" движения должны быть представлены в их взаимообусловленности и взаимопроникновении.

Только при таком подходе: при изображении движения всего народнохозяйственного капитала, как суммы движений индивидуальных капиталов в его „обособленных" частях — можно показать, каким образом накопление в индивидуальных хозяйствах приводится в соответствие с накоплением во всем народном хозяйстве. Только этим путем может быть проложен мост от исследования условий воспроизводства отдельных капиталов к условиям воспроизводства всего общественного капитала и только при наличии этого подхода аспект воспроизводства индивидуальных хозяйств не только возрождает аспект целого, но условия воспроизводства целого выступают в качестве условий воспроизводства отдельных единиц.

Такой подход показывает нам, что „превращение" (формы стоимости. *А. В.*) является результатом не просто формального перемещения, свойственного процессу обращения, но и результатом действительного превращения, которому подверглись в процессе производства потребительная форма и стоимость товарных составных частей производительного „капитала" („Капитал", т. II, стр. 53).

Однако, указанных модификаций недостаточно. В вышеприведенном анализе основ динамического равновесия народного хозяйства под углом зрения „единства", мы вывели ряд хозяйственных законов:

а) в отношении направления производства и направления потребления; б) в отношении направления „текущего" и „будущего потребления"; в) в отношении характера расстановки „экономических количеств" и связи этой расстановки с темпом и типом индустриализации и т. д. Мы там же отметили, что эти закономерности имеют универсальное хозяйственное значение, применимы mutatis mutandis ко всем хозяйственным формациям.

Необходимо, однако, помнить, что в различных общественных формациях эти закономерности проявляются по-разному. В условиях капитализма эти закономерности пробивают себе путь через колючую проволоку всей системы категорий буржуазной экономики. В наших советских условиях эти закономерности проявляются более явственно в силу роста социалистического сектора с его системой производственных отношений. В наших условиях эти универсальные хозяйственные закономерности точно так же проявляются сквозь социально-классовую призму противоречий. Но это уже есть специфические противоречия переходного периода.[1]

Какие же социально-классовые проблемы встают перед нами при нахождении оптимального сочетания направления производства и направления потребления? Одна из самых основных проблем — это проблема перераспределения народного дохода, проблема использования накапливаемых в стране средств. Именно по этой линии складываются отдельные концепции народнохозяйственного развития.

В то время, как одни авторы считают необходимым идущие в фонд расширенного воспроизводства средства распределять по принципу трудоемкости, т.-е. приходят в конечном счете к идеям с.-р. (Маслов П.), другие приходят к выводам о необходимости капи-

[1] Интересно отметить, что критики пятилетнего плана развития народного хозяйства из буржуазного лагеря (А. Вайнштейн, Кондратьев и др.) центр тяжести переносят на доказательство того, что пятилетка приходит в противоречие с универсальными хозяйственными законами. Но эти критики, однако, весьма мало последовательны. Обнаружив „естественное" противоречие между темпом накопления и нормой потребления и умолчав про „социальное" дополнение этого противоречия, они затем всю силу своих доводов и эрудиции направляют на то, чтобы доказать необходимость.. социальных, классовых изменений в нашей промышленной и экономической политике, изменений, которые полностью и целиком пойдут на укрепление враждебных нам классов и ослабление наших собственных сил.

талонакопление использовать, главным образом, в сельском хозяйстве (Шанин), третие, наоборот, считают, что в наших условиях — эпохи первоначального социалистического накопления — „социалистическое накопление вынуждено опираться в основном на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства“ (Преображенский). Каждая группа авторов добивается различных методов использования накапливаемых в стране средств, тем самым: 1) стоит за различный тип хозяйственной эволюции страны. В то же время эти различные методы использования накапливаемых ресурсов предполагают 2) различную динамику уровней благосостояния разных групп трудящихся: рабочих и крестьян, а в пределах последних, различных слоев крестьянства.

Баланс народного хозяйства в своем членении всего народного хозяйства по отраслям труда, по группам хозяйств и по социальным секторам бесспорно может дать картину того, каким образом используются накапливаемые в стране средства. Мы считаем, однако, что баланс народного хозяйства должен дать нечто большее: он должен дать пути, формы и методы этого перераспределения, он должен показать не только результат процесса, но и картину самого процесса.

Изучение наиболее важной и существенной проблемы нашей эпохи — форм и методов, в которых протекает процесс индустриализации — должно протекать именно в рамках общего синтетического исследования всех процессов народнохозяйственного целого в их взаимной связи.[1]

[1] Некоторые авторы думают иначе. Приводя на страницах большой советской энциклопедии нижеприводимую схему баланса народного хозяйства, А. Петров пишет:

Типы производства	Народное имущество к началу года	Производство по ценам производства	Торговые и транспортные накидки	Импорт	Итого	Потребление		Экспорт	Народное имущество к концу года	Итого	Накопление
						производственное	непроизводственное				
I											
II											

„схема даст нам представление об отношениях распределения, поскольку они выражаются в виде материального потребления, накопления в материальной форме и т. д., словом, по схеме мы получаем данные о результатах распределения, но не видим как всех путей и методов этого распределения, так и отношений, складывающихся на почве кредитных связей. Для того, чтобы получить представление о проблеме распределения в полном об'еме... необходимо дополнительное изучение этого вопроса“ (т. XIII, стр. 267).

Основные формы перераспределения народного дохода это: 1) система цен, 2) кредитная система, 3) бюджет. Начнем с системы цен. Так как одна из основных форм перераспределения народного дохода есть система цен, эквиваленты, то введение обменов представляется новым (третьим) элементом, модифицирующим схему.

Мерой „эквивалентности“ обмена различных товаров служит, как известно — общественно-необходимый труд. Сообразно с этим, обмен по ценам, не соответствующим общественно-необходимым затратам, — будет неэквивалентным или безвозмездным из'ятием в пользу той или другой стороны, участвующей в обмене. Эта форма перераспределения может быть охвачена балансом.[1]

Но баланс живой рабочей силы складывается чрезвычайно неблагоприятно для низко-структурных секторов еще и по другой причине.

Более высокий органический состав капитала в промышленности, чем в сельском хозяйстве, в интересующем нас аспекте, означает не что иное, как то, что одна и та же масса живого труда в одно и то же время дает в результате производственного процесса не одинаковые массы стоимости — в промышленности и в сельском хозяйстве. Рабочий города в единицу времени дает больше стоимости, чем рабочий деревни, потому что перенос ранее созданной стоимости здесь больше. С точки зрения проблемы темпа, это положение приобретает очень важное значение.

„Запас прошлого“ овеществленного труда дает возможность городу, обмениваясь эквивалентно с деревней, как бы „неэквивалентно“ перетягивать значительные массы труда живого, овеществляемого в данном производственном цикле. И чем быстрее рост „органического состава капитала“ промышленности по отношению к сельскому хозяйству, тем быстрее идет процесс „неэквивалентного“ улавливания трудом овеществленным труда

[1] Но эквивалентный обмен превращается в свою противоположность, т.-е. в неэквивалентный и при отсутствии таких безвозмездных из'ятий. С точки зрения воспроизводства отдельных укладов, пребывающих на различном уровне развития производительных сил, вопрос о действительных трудовых затратах, а не только общественно-необходимых, приобретает чрезвычайно важное значение. Если происходит обмен по общественно-необходимым, а не по индивидуальным затратам, то (возьмем пример из области обмена промышленности и сельского хозяйства) с ростом удельного веса коллективных хозяйств с их более мощной техникой при обмене продуктов промышленности на продукты сельского хозяйства, мы получим „неэквивалентное“ отчуждение из сферы индивидуального хозяйства в сферу общественного хозяйства определенных масс труда, овеществляемых в данном производственном цикле — ибо индивидуальные затраты в частных хозяйствах выше общественно-необходимых.

Мы видим, что низко-структурные секторы не могут в использовании живой рабочей силы поставить себя в те же условия, что и высоко-структурные, ибо они как бы неэквивалентно (с точки зрения индивидуальных затрат) отчуждают часть своей рабочей силы. Как этот момент учесть в балансе, подлежит особому рассмотрению вместе с другими вопросами, касающимися статистической реализации схем.

живого, тем значительнее та претензия, которую город пред'являет на наличный фонд труда живого, овеществляемого в данном производственном году.[1]

Могут возразить, что высоко-структурный сектор на „законном основании" должен получить за час живого труда значительно больше, ибо ему надлежит восстановить свой основной капитал. Но это означает не что иное, как то, что высоко-структурные секторы увековечивают свое техническое превосходство на „законном основании". Высоко-структурные секторы возмещают себе свои мощные орудия; мелко-структурные — свои нищенские орудия. Это в о-п е р в ы х. С другой стороны, это неравенство технических структур не только увековечивается, но и растет из года в год, ибо более крупный амортизационный фонд в высоко-структурных отраслях дает дополнительные средства к реконструкции технической базы и к более быстрому росту $C:V$ в высоко-структурных секторах по отношению к низко-структурным.

Если исходить из капитализма, сожительствующего с сохранившимися докапиталистическими формами производства в деревне, то эквивалентный обмен не только увековечивает неравенство технической базы города и деревни, но из года в год это неравенство увеличивается. Хозяйства простого товарного сектора не только увековечивают свою нищету, но и погибают вовсе. И все это, теоретически рассуждая, имеет место на базе полной „эквивалентности" обмена (отсюда, между прочим, мы видим, насколько упрощена постановка вопроса об эквивалентах в работе Е. А. Преображенского „Новая экономика").

В наших условиях все преимущества высоко-структурной сферы социалистический город развивает только по отношению к капиталистическим элементам деревни (и города). В отношении простого товарного сектора, хозяйство которого включается постепенно в коллективный сектор, эти преимущества могут быть использованы городом лишь в качестве источника дополнительных средств для финансирования коллективных сельских хозяйств и поддержки индивидуальных хозяйств в их начинаниях по мелиоративным и другим реконструктивным работам.

Указанные здесь преимущества высоко-структурных сфер в отношении низко-структурных, связанные с различием $C:V$ точно так же должны и могут быть охвачены балансом народного хозяйства, ибо

[1] К примеру: если, $C:V$ в промышленности равняется 3:1, а в сельском хозяйстве 1:1, то за час живого труда город получает 2 часа труда, затрачиваемого в сельском хозяйстве. На эту сторону обратил внимание Маркс, когда исследовал условия обмена аграрных и индустриальных стран.

„Относительно фабричных товаров известно, что 1 млн. человек в Англии производит не только гораздо большее количество продукта, н о и г о р а з д о б о л ь ш у ю ц е н н о с т ь, чем, например, в России, хотя единичный товар гораздо дешевле" („Теория прибавочной стоимости", т. II—2, стр. 151).

Схема баланса народного хозяйства ЦСУ УССР

Схема 4

	Капиталы к началу года	Производительное потребление	Народный доход	Получение из других хозяйственных сфер	Из'ятие в пользу других хозяйственных сфер	Фонд потребления и накопления	Непроизводительное потребление	Накопление	Обмен		В т. ч. внешний обмен		Денежный оборот		Капиталы к концу года	Население и труд		
									реализация	приобретение	реализация	приобретение	приход	расход		число занятых лиц	проработанное время	несамодеятельное население
I. Сельское хозяйство.																		
а) государственное																		
б) кооперативное																		
в) частное																		
II. Промышленность.																		
а, б, в.																		
III. Строительство.																		
а, б, в.																		
IV. Транспорт.																		
а, б, в.																		
V. Торговля.																		
а, б, в.																		
VI. Кредит.																		
а, б, в.																		
VII. Нематериальные услуги.																		
а, б, в.																		
VIII. Государственный бюджет.																		
IX. Лица наемного труда.																		
а) в сельском хозяйстве																		
б) „ промышленности																		
в) „ транспорте																		
г) „ торговле и кредите																		
д) „ госуд. и обществ. учреждениях																		
е) „ прочих отраслях																		
X. Рантьеры.																		

ПОЯСНЕНИЕ К СХЕМЕ.

1. Капиталы к началу года расчленяются по следующим видам: Средства производства — сооружения, орудия, скот, сырье, топливо и проч. Средства потребления — жилища, прочие предметы потребления, золото и др. драгоценные металлы. Кроме того, исчисляются: бумажные деньги, текущие счета и ценные бумаги, сальдо кредитных отношений.

2. Валовая продукция с расчленением по группам: Средства производства — сооружения, орудия, скот, сырье, топливо и проч. Средства потребления — жилища, проч. предметы потребления, золото и друг. драгоценные металлы; сюда же относятся услуги транспорта.

3. Производительное потребление с расчленением на рубрики: изнашивание основного капитала, сырье, топливо и др., потребл. услуг транспорта и друг.

4. Народный доход (см. п.п. 2—3).

5—6. Получение из других хозяйственных сфер и из'ятие в пользу других хозяйственных сфер расчленяется следующим образом: зарплата лиц, создающих стоимость; зарплата лиц, не создающих стоимость; дивиденд, земельная рента; торговые надбавки и скидки; процент по кредиту; оплата услуг, не создающих стоимости; налоги и сборы.

7. Фонд потребления и накопления (см. п.п. 4, 5—6).

8—9. Непроизводительное потребление, индивидуальное и коллективное, расчленяется по группам: жилища, прочие предметы потребления, золото, услуги транспорта.

10. Накопление (см. п.п. 7, 8—9).

11—14. Обмен, в том числе внешний обмен, расчленяется по видам: Средства производства — сооружения, орудия, скот, сырье, топливо и друг. Средства потребления — жилища, прочие предметы потребления, золото.

15—16. Денежный оборот: Приход — от отчуждения товаров, из бюджета, в порядке кредита. Расход — на приобретение товаров, налоги, в порядке кредита.

17. Расчленяется как п. 1.

структура капиталов к началу года в каждой группе хозяйства может быть учтена.

Если, далее, провести отдельными строчками подлежащего кредит и бюджет, то мы сможем проследить за всеми основными формами перераспределения народного дохода. Однако полная картина перераспределения народного дохода не может быть дана без включения в орбиту баланса отдельными строчками подлежащего — не материальных услуг, „хозяйств" наемного труда; „хозяйств" рантьеров.

Нам думается, что схема баланса ЦСУ УССР[1] (схема 4 стр. 196). может служить первым приближенным опытом построения такого баланса народного хозяйства, который мог бы дать картину „противоположностей в единстве".

Мы оставляем здесь в стороне детальное рассмотрение этой схемы; она несомненно потребовала бы некоторых изменений. В первую голову критическому рассмотрению подлежит вопрос о том, правильно ли „приводится в соответствие" накопление в индивидуальных хозяйствах с накоплением во всем народном хозяйстве. Затем подлежит выяснению—достаточно ли четко может быть поставлена в схеме проблема равновесия. Далее, схема не учитывает различную скорость оборота отдельных частей общественного капитала. Специальному изучению поэтому подлежит вопрос о том, насколько это обстоятельство упрощает нашу действительность. Наконец, специальному рассмотрению подлежит также методология статистической реализации каждой графы сказуемого.

Повторяем, однако, что в качестве первого приближения схема достаточно близко подходит ко всем тем проблемам, которые встали перед нами при изучении условий динамического равновесия народного хозяйства как под углом зрения аспекта единства, так и под углом зрения аспекта противоположностей.

Отметим в заключение, что статистическая реализация схемы 4 (см. стр. 195) наталкивается на ряд больших трудностей. В первую очередь эти трудности проистекают из той разницы, которая существует между абстрактными и конкретными категориями. В частности, мы можем оперировать пока что только ценами, а не стоимостями,—мы не можем дать четкого членения типов производства и т. д., и т. д.—однако, все это не затрагивает наших рассуждений по существу. Мы считаем, что исследование проблемы воспроизводства в СССР и изображение этого процесса методом баланса должно итти теми путями, какие намечены в настоящем исследовании.

[1] В. С. Мышкис — „Опыт составления баланса народного хозяйства Украины за 1923/24 г.". Харьков, изд. ЦСУ УССР, стр. XVIII — XIX.

Л. И. Фрейман

Экономический прогноз у американских концернов

Проблема экономического предвидения в капиталистическом обществе тесно связана с изучением хозяйственных циклов, давно уже привлекающих внимание исследователей. Интерес к изучению торгово-промышленных циклов особенно оживился за последние годы, в значительной мере в связи с наметившейся с конца прошлого столетия чрезвычайно характерной тенденцией к постепенному сжатию периода хозяйственного круговорота. Если в течение почти всего девятнадцатого века обычная продолжительность цикла достигла 10 — 11 лет, то уже с конца века она сократилась до 7 лет, а для Северо-Американских Соединенных Штатов в текущем столетии — даже до 3 лет. [1] Столь участившаяся смена приливов и отливов волн экономической жизни естественно возбудила как среди исследователей, так и у промышленных и широких общественных кругов живой интерес к пониманию механизма колебаний хозяйственной конъюнктуры. Особенное внимание привлек при этом уже ранее неоднократно отмечавшийся многими исследователями факт почти периодического характера чередования конъюнктурного цикла, [2] а также обнаруживавшаяся известная последовательная зависимость между отдельными показателями хозяйственной конъюнктуры. Для лучшей ориентировки в этих сложных вопросах назрела потребность в постановке соответствующих систематических наблюдений над экономическими процессами, на основе строго подобранных, достаточно чутких рядов конъюнктурных показателей. Такое научно организованное наблюдение за более или менее продолжительный период представило бы возможность выявить конкретный характер колебаний конъюнктурных волн и помогло бы решить существеннейший вопрос о симптомах прохождения народного хозяйства через ту или иную фазу конъюнктурного цикла. Тем самым было бы отчасти облегчено освещение столь же заманчивой, сколько и сложной задачи прогноза ближайшего направления хозяйственной конъюнктуры.

Навстречу этой потребности приподнять край завесы грядущей экономической конъюнктуры пошли многие научные, а за ними и хозяйственные организации в разных странах, задавшиеся целью построить так называемые «экономические барометры» для предсказания экономиче-

[1] Постепенное сокращение продолжительности промышленных циклов было предсказано еще Марксом. „До настоящего времени период этих циклов составляет 10 – 11 лет, но нет никакого основания считать эту величину постоянной. Наоборот, на основании развитых выше законов капиталистического производства, следует предполагать, что продолжительность циклов будет постепенно сокращаться". См. Карл Маркс. „Капитал". Т. I, изд. О. И. Поповой (2-е), стр. 455.

Известный американский экономист W. Mitchell, в недавно изданной работе американского Национального Бюро экономических исследований „Business Annals", определяет среднюю продолжительность промышленных циклов для Европы в 5,1—6,4 лет, для С.-А.С.Ш. — в 4 года. Однако, классификация циклов у Mitchell'a сильно отличается от обычной, включая более кратковременные колебания хозяйственной конъюнктуры, не всегда охватывающие фазу кризиса. (См. назв. соч. стр. 53).

[2] Периодический характер циклов признается не всеми исследователями. Из новейших противников периодичности следует назвать W. Mitchell'a. См. упомянутую работу „Business Annals".

ской погоды Таким «барометрам», обычно составленным из нескольких кривых, объединяющих основные более чуткие показатели народнохозяйственной конъюнктуры, было уделено за последние годы особенное внимание в Сев.-Американских Соед. Штатах. Здесь, помимо пользующегося заслуженной известностью научно-разработанного «барометра» Гарвардского Экономического Бюро, имеется ряд других аналогичных обобщающих индексов конъюнктуры — Babson'a, Brookmire'a, Standard Statistics Company и др.

Важно отметить, что самая возможность конструирования такого сложного и, при всех его недостатках, все же весьма тонкого орудия, как «экономический барометр» была в сильной степени облегчена значительными успехами хозяйственной статистики, наметившимися с 90-х гг. прошлого столетия. Эти успехи сказались в двояком отношении: во-первых, был накоплен огромный статистический материал из области хозяйственной статистики, особенно за период мировой войны и еще более — за послевоенные годы; во-вторых, была значительно подвинута вперед теория статистического метода (разработка теории корреляции трудами Galton'a, Person'a Edgewortha; развитие теории «временных» рядов и изучение методов элиминирования вековой тенденции („trend") и сезонных колебаний — преимущественно работами W. Persons'a и др.[1]

Однако, все достижения в области конструирования хозяйственных «барометров» относятся преимущественно к формально-статистической стороне дела; что же касается экономической интерпретации конъюнктурных кривых, то она оставляет желать многого. Различные организации как в Северо-Американских Соед. Штатах, так и в Европе, поставившие у себя такие обобщающиеся конъюнктурные индексы, чаще всего при истолковании их пользуются наиболее примитивным в методологическом отношении способом аналогии или же — что по существу является в конечном счете той же аналогией — применяют, разработанную на основании опыта прошлых наблюдений, определенную статистическую формулу о взаимозависимости отдельных кривых «барометра». Между тем, при всем своеобразии и сложном переплетении процессов конкретной экономической обстановки, решающее значение для правильного построения как диагноза, так и прогноза хозяйственной конъюнктуры имеет прежде все возможно более полный, всесторонний экономический анализ всего комплекса экономических явлений за данный отрезок времени. Этот анализ может и должен быть дополнен применением вышеуказанных двух методов, но ни в коем случае не может быть ими заменен.[2] В практике же интерпретации конъюнктурных кривых—основных компонентов «барометра»—сплошь и рядом наблюдается обратная картина. Этим обстоятельством в известной мере и объясняется та частая разноголосица, которую мы замечаем у разных организаций в пределах одной и той же страны при предсказании экономической погоды (наприм., в С.-А.С.Ш. в 1923 году и др.).

Но, если даже лучшие экономические «барометры», построенные в целях установления прогноза общего направления хозяйственной конъюнктуры страны, так далеки еще от совершенства и часто не оправдывают возлагающихся на них ожиданий, то тем менее эти общие индексы оказываются пригодными к выявлению конъюнктурных колебаний в отдельных сферах хозяйственной жизни и, в частности, в отдельных отраслях промышленности. Ибо вполне очевидно, что общие колебания конъюнктуры находят неодинаковое отражение в различных областях хозяйства.

[1] См. W. Persons. „Statistics and Economic Theory" в журнале „Review of Economic Statistics", July 1925.

[2] Это обстоятельство особенно подчеркивается Президентом Американской Статистической Ассоциации E. Day'ем см., например, „The Annals of the American Academy of Political and Social Science", September 1928.

Это расхождение в степени активности различных хозяйственных сфер сказывается еще более, когда амплитуда колебаний конъюнктурных волн несколько сжимается, как это и наблюдается, например, за последние годы в Сев.-Амер. Соед. Штатах (после тягчайшего кризиса 1920/21 г.).

Указанными причинами и было обусловлено появление среди отдельных хозяйственных объединений и крупных фирм, деятельность которых протекает в определенных отраслях промышленности, частных специальных «барометров», которые, на ряду с общехозяйственной конъюнктурой и в связи с ней, отображают особенности колебаний ее в данной торгово-промышленной области. Цель таких спациальных, частных «барометров» — узко практическая. В соответствии с их прогнозом хозяйственные организации намечают конкретные планы своей деятельности на ближайшее будущее.

Особенно благоприятную почву нашло применение этих частных «барометров» в сильно концентрированной промышленности Сев.-Амер. Соед. Штатов, где, отметим, кстати, вообще на исследовательские работы как в сфере промышленности, так и в других отраслях народного хозяйства, обращено весьма серьезное внимание и где, например, траты на разного рода научно-технические лаборатории и другие исследовательские аппараты, достигают колоссальных цифр — около 200 миллионов долларов в год (участие частных предприятий выражается, примерно, в $^2/_3$ этой суммы).[1]

Методы построения прогноза, применяемые различными американскими концернами, весьма пестры. Но их все же можно привести к небольшому числу наиболее характерных типов. С этими наиболее типичными примерами из американской действительности мы и попытаемся познакомить читателей, поскольку это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении неполные новейшие материалы в этой области.

Предварительно лишь отметим, что значительную роль в широком ознакомлении промышленных кругов с научными методами конъюнктурных наблюдений сыграли уже упомянутые нами организации по конструированию общих «барометров» и в особенности Гарвардское Экономическое Бюро. В целях лучшего уяснения дальнейшего изложения напомним, что в известном Гарвардском «барометре» основные показатели народнохозяйственной конъюнктуры объединены в 3 кривых, следующих одна за другой с известной закономерностью. Впереди всех движется кривая ценных бумаг (промышленных и железнодорожных акций), обозначаемая A — Speculation. За ней с известным отставанием („lag"), примерно, месяцев на 6, проделывает соответствующие фазы линия торгово-промышленной конъюнктуры (B — Business) составленная из данных о предъявленных к оплате чеках провинциальных банков и об оптовых ценах. Наконец, за этой кривой, почти с таким же полугодовым запозданием, следует линия кредита (C—Money), представляющая собой движение учетных ставок. Такая последовательность в движении кривых составляет «логическую и практическую основу для научного предсказания конъюнктуры».

Следует отметить, что для прослеживания ритмических колебаний конъюнктуры, указанные кривые не строятся непосредственно из конкретно данных в действительности статистических рядов, так как последние включают в себе разные типы колебаний. Обычно различают в них четыре рода колебаний: 1) длительное движение или вековую тенденцию, (trend), 2) сезонные вибрации (в месячных рядах), 3) конъюнктурные колебания и 4) нерегулярные или случайные колебания. При сопоставлении указанных кривых задача заключается в том, чтобы выделить из конкретно данных рядов чисто циклические колебания (неотделимые,

[1] См. „General Electric Review", February 1929.

правда, от нерегулярных), удаляя вековую тенденцию и сезонные моменты. Методы этой статистической операции, тщательно разработанные Гарвардским Бюро (главным образом — работами W. Persons'a), широко используются различными промышленными организациями при построении хозяйственных обобщающих индексов. [1]

Применение всех перечисленных методов, разработанных Гарвардским Экономическим Бюро и друг., мы наблюдаем в ряде «барометров», построенных отдельными американскими концернами. Характерна в этом отношении постановка наблюдения над конъюнктурой крупной фирмы по выработке стали и продуктов из нее Simonds Saw and Steel Company. Эта фирма, путем сопоставления за ряд лет динамики двух основных конъюнктурных кривых — кредита и спекуляции — с движением линии сделок по продаже своих товаров (вековая тенденция и сезонные колебания элиминируются), обнаружила интересную закономерность в их следовании. Оказалось, что кривая спекуляции антиципирует месяцев на 9 колебания линии сделок фирмы, а кривая кредита опережает ее на год. [2] С другой стороны, опыт также показал, что эта последовательность в движении кривых не является вполне устойчивой. Так, например, за 1924/25 гг. указанная зависимость претерпела некоторые изменения и отставание линии сделок от конъюнктурных кривых возросло: от линии спекуляции — до одного года, а от кривой кредита — до 1,25 года. Обнаружилось также, что как раз для критических моментов конъюнктуры — для фаз кризиса или депрессии, когда правильность прогноза приобретает особенно актуальное значение — последний часто не оправдывался. Так было в год тяжелого кризиса — 1920/21 г., так случилось и в год интенсивной хозяйственной депрессии — в 1924 г. [3]

Помимо отмеченных двух кривых, являющихся вестницами грядущих продаж за относительно длительный период, указанная фирма для кратковременного прогноза пользуется исследованием движения кривой строительства. Последняя получается путем исчисления средней арифметической из двух, отчасти условно разработанных, индексных рядов — невыполненных заказов United St. Steel Corporation и разрешений на постройки Dodge Corporation. [4] Эмпирически было установлено, что кривая строительства месяца на 2—4 опережает колебания сбыта рассматриваемого концерна. На основании всех перечисленных сопоставлений Saw and Steel Corporation учитывает грядущие изменения конъюнктуры и строит свои хозяйственные планы.

Интересно отметить, что фирма не довольствуется достигнутыми уже результатами и производит дальнейшие изыскания по нахождению зависимости между ходом продаж ее товаров и движением ряда других конъюнктурных показателей (движение банковских депозитов и др.).

Примером другой хозяйственной организации из отраслей, изготовляющих средства производства, пытающейся построить научно обоснованный прогноз для планирования своей деятельности, является крупная металлообрабатывающая фирма The Walworth Manufacturing Company. Характерно для этой фирмы, что ее исследования в области конъюнктуры не достигли еще того познавательного уровня, который позволил бы ей установить определенную последовательную зависимость в движении конъ-

[1] Мы здесь не останавливаемся на дальнейших деталях о методах построения Гарвардского „барометра", так как вопрос этот неоднократно освещался в нашей экономической литературе и в частности на страницах „Планового Хозяйства" (см., напр., №№ 1 и 10 за 1926 г. и др.).

[2] Industrial Forecasting, by C. White Annals of the American Academy etc. Sept. 1928.

[3] Ibidem, p. 116.

[4] По строительству при этом берется не индекс за данный месяц, а средняя за 3 месяца, которая повышается потом на 25% с целью повышения веса этого показателя.

юнктурных кривых и линии сбыта продукции концерна. Поэтому фирма использует как свои, так и иные конъюнктурные показатели (кривая торгово-промышленного рынка Гарвардского барометра, соответствующий индекс Snider'a) лишь для самой общей ориентировки в хозяйственной обстановке страны. При этом тщательно исследуются особые условия отдельных районов, как путем изучения соответствующих характерных показателей (особое значение фирма придает данным о движеини банковской задолженности по главнейшим городам района), так и при помощи ознакомления с провизорными исчислениями представителей компании в отдельных районах о реализации отдельных товаров. Длительный опыт по изучению общего индекса конъюнктуры показал, как именно состояние общей конъюнктуры народного хозяйства отражается на заказах фирмы. Особенно сильно сказывается на них состояние строительства — основного потребителя продукции фирмы. В связи с этим уделяется усиленное внимание статистическим показателям о движении разрешений на постройки (общие данные о строительстве, промышленное строительство и др.). Все это служит для выработки основной программы деятельности фирмы как кратковременной, так и более длительной. Первая разрабатывается в конце каждого квартала на следующее полугодие или год, вторая — менее детальная — на предстоящие 4 года. [1]

Еще больший интерес представляет опыт ряда организаций, производящих преимущественно предметы широкого потребления. Сюда относится, прежде всего, едва ли не крупнейший концерн в Соедин. Штатах — Американская телефонная и телеграфная компания, контролируемая Морганом. Эта гигантская организация выделяется среди ряда других в отношении конкурирования перспективных планов своей деятельности тем, что последние разрабатываются не на одни лишь ближайшие сроки, а (в общих чертах) на очень длительный период, охватывающий десятки лет (15—25 л.).

Для наблюдения за общей хозяйственной конъюнктурой компания самостоятельно исчисляет индекс (влияние цен элиминируется), представляющий собой взвешенную среднюю из 11 важнейших конъюнктурных показателей: продукция чугуна, стали, битуминозного угля, бумаги, строительного леса, кожи (подошвы), электрической энергии; потребление хлопка, деятельность шерстяной промышленности, продукция железных дорог (в тонно-милях) и железнодорожные погрузки. [2] Индекс охватывает продолжительный период, начиная с 1877 г. В ранние годы основанием индекса служили только показатели по чугуну. При исследовании этих кривых определяются: вековая тенденция (trend) и сезонные колебания, элиминируемые по методам, применяемым Гарвардским Экономическим Бюро.

Помимо этого обобщающего индекса, для кратковременных предсказаний концерн пользуется еще собираемыми им за ряд лет детальными месячными показателями по основным сферам народного хозяйства — по промышленности (включая состояние рабочего рынка и заработной платы), сельскому хозяйству, торговле, транспорту и кредиту. Одновременно концерном изучаются специальные месячные обзоры о состоянии рынка на местах, получаемые им от своих отделений. На основании всей совокупности этих данных строится прогноз конъюнктуры на предстоящий год. Прогноз этот намечает лишь основные тенденции конъюнктуры. Он несколько раз в течение года подвергается пересмотру и исправлению в соответствии с вновь поступающими сведениями.

[1] The Annals of the American Academy etc.

[2] См. „Business Forecasting in the United States: Recent Developments by Individual Companies" в журнале „International Labor Review", February, 1929.

Это предвидение направления конъюнктуры предопределяет для концерна выбор момента для расширения своих предприятий, для приобретения сырья в зависимости от складывающихся рыночных условий, для найма рабочей силы и др.

Не менее тщательно ведется работа по подготовке материалов для длительного планирования. Необходимость учета конструкции нового, сложного, рассчитанного на действие в течение ряда лет технического оборудования заставило концерн заняться изучением влияния более длительных факторов на объем спроса на изготовляемые им аппараты. Одним из наиболее существенных факторов является здесь рост населения. Опираясь на весь наличный статистический материал о естественном и механическом движении населения по отдельным городским пунктам (учитывая центры тяготения в связи с развитием промышленности и торговли) концерн определяет ожидаемую численность населения на 15—25 лет вперед. Далее, для более близкого определения предстоящего спроса на телефонные аппараты и др., концерн исчисляет — опять-таки по отдельным городским пунктам — вероятную группировку населения по размерам квартирной платы, так как различные группы населения являются не в одинаковой мере потребителями этих аппаратов. Наконец, учитывается и предстоящее развитие торговых и промышленных предприятий (с группировкой на мелкие и крупные) и учреждений по тем же пунктам, так как эти категории потребителей предъявляют значительный спрос на аппараты концерна. [1] Весь этот сложный комплекс данных, на ряду с учетом намечающегося прогресса в сфере телефонной и телеграфной техники, и составляет основную базу для ориентировки концерна в своих общих перспективных планах.

Обращаясь к другому гигантскому концерну — General Motors Corporation, занимавшему в 1928 г. первое место по автомобильной продукции среди других объединений, следует отметить, что в отличие от предыдущей хозяйственной организации, он не ставит себе целью построение так далеко заглядывающих прогнозов. Да это и вряд ли возможно в такой отрасли промышленности, продукты которой подвергаются сравнительно частым и сильным изменениям в связи с быстро шагающими вперед техническими усовершенствованиями. Характерным для данного концерна является и то обстоятельство, что для выяснения общей народнохозяйственной конъюнктуры, он не строит самостоятельных индексов, а пользуется уже существующими в стране и наиболее авторитетными «барометрами». [2] Эти индексы, дополненные некоторыми другими показателями (рост населения, и национальных доход), служат для общей ориентировки в рыночных условиях, складывающихся для продукции автомобильной промышленности на ближайший год. Такие годовые провизорные исчисления по реализации продукции всей автомобильной промышленности страны и касающиеся отдельных групп машин (дешевые, средние и дорогие) обычно производятся за период с 1 августа по 31 июля. Опыт исследования за прошлые годы показал, что спрос на автомобили находится в тесной корреляции с народнохозяйственной конъюнктурой.

Для определения доли участия концерна в удовлетворении общего спроса населения на авто-машины учитываются условия конкуренции со стороны других автомобильных объединений (Форд и др.), а также намечающиеся изменения в конструкции моделей у конкурентов (изменение модели Фордом в 1927 г., сопровождавшееся резким сокращением продукции его концерна и др.).

Кроме этих перспективных планов на год, намечающих только общую линию политики концерна, General Motors Corporation строит

[1] См. „Harward Business Review", April, 1923.
[2] См. „International Labour Review", February, 1929.

детальные программы своих работ на кратковременный период в 4 месяца. Основным источником здесь служат ежемесячные отчеты отделений фирмы, заключающие сведения о продукции текущего месяца, о вероятных размерах реализации основных видов машин в ближайшие месяцы, о наличных запасах и прогноз продукции на грядущие 3 месяца. На основании этих местных данных, в случае надобности корректируемых, строится общий для всего концерна план деятельности, подвергающийся время от времени исправлениям в соответствии с рядом дополнительных сведений. Последние получаются к а ж д у ю д е к а д у от весьма широкой сети корреспондентов-продавцов (18 тысяч чел.) и касается числа проданных машин, поступивших заказов и количества машин, оставшихся в запасе.

Располагая всем этим богатым источником сведений, концерн имеет возможность планомерно регулировать свое производство, несмотря на ярко выраженный сезонный характер спроса на автомобили. Повидимому, в связи с традицией, установившейся за прошлые годы, спрос на автомашины концентрируется преимущественно в весенние месяцы, хотя в настоящее время около 75% всех проданных машин снабжены закрытыми кузовами и население пользуется автомобилями в течение круглого года. Так, продажа машин за три весенних месяца, март — май, составляет 37,5% всей годовой реализации, при чем апрельский отпуск раза в 4 превышает декабрьский. И только обладание указанным богатым арсеналом сведений дает возможность концерну удовлетворить этот сезонный спрос, не отказываясь от равномерного распределения в течение года своей продукции, чем достигается значительная экономия в использовании оборудования и рабочей силы.

Не касаясь методов разработки прогнозов другими хозяйственными организациями, строящими их в основном по тому или иному из вышеприведенных типичных примеров, остановимся теперь на чрезвычайно интересном вопросе о результатах, достигнутых указанными концернами в области хозяйственного прогноза. К сожалению, относящиеся сюда сведения носят весьма отрывочный характер. Наличные данные на первый взгляд рисуют очень благоприятную картину. Так, если сопоставить по рассмотренному нами выше концерну Simonds Saw and Steel Company число кварталов, по которым каждая из изучаемых фирмой кривых правильно предсказывала направление линии сбыта с общим числом протекших 24 кварталов за шестилетний период (1920—1925 гг.), то получим следующие результаты [1]:

Кривые	Число кварталов, по которым предсказание оправдалось	В % % к общему числу набюдаемых кварталов
Кредит	22	91,6
Спекуляция	20	83,3
Строительство	17	70,8

Ошибочным прогноз оказался как-раз в моменты кризиса (1920 г.) и депрессии (1924 г.).

Другая фирма — Disston Company, производящая аналогичные товары, что и предыдущий концерн, указывает следующие результаты своих прогнозов за четыре года:

	% отклонения от исчисленного			
	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Заказы	5,1	3,2	7,0	8,0
Выручка от продажи .	0,6	3,0	6,0	7,0
Расходы	1,0	1,3	3,0	4,0
Вывоз	—	—	3,0	0,9

[1] См. цитированную статью в „The Annals of the American Academy" etc.

Для Американской телефонной и телеграфной компании достигнутая степень точности предвидения рисуется следующими данными:

Года	Предсказание изменений	Фактические изменения
1921/22	— 10	— 11
1922/23	+ 2	+ 1
1923/24	+ 3	— 1
1924/25	0	0
1925/26	+ 3	+ 6
1926/27	— 5	+ 5
1927 г. (апрель—декабрь)	+ 2	+1,5

Наконец, рассмотренная нами выше Walworth Company считает также свои прогнозы в общем оправдавшимися. Так, несмотря на резкий рост сбыта товаров этой фирмы за 1922/23 г., прогноз на 1924 г. указал падение продаж на 13,5%, что оказалось близким к действительности, так как фактически реализация понизилась на 10,5%. Неблагоприятный первоначальный прогноз фирмы на 1926 г. («без прибыли») дал ей возможность своевременно принять ряд мер по снижению себестоимости и тем самым обеспечить себе прибыль значительных размеров.

Приведенные данные показывают, что степень точности, достигнутая в ряде случаев при предсказании экономической погоды — изумительная. Однако, вряд ли можно сомневаться в известном преувеличении этих результатов, публикуемых заинтересованными статистическими аппаратами. Это обстоятельство подчеркивается и компетентным американским исследователем проблемы прогноза в промышленности.[1] С другой стороны, число концернов, по которым приведены соответствующие данные, столь незначительно, что делать отсюда какие-либо общие выводы было бы рискованно. Наконец, нужно еще учесть, что приведенные материалы являются иногда средне-годовыми величинами, так что остается еще открытым вопрос, как оправдался прогноз в т е ч е н и е г о д а. А что в ряде случаев в этом отношении обстояло неблагополучно и как-раз в самые критические моменты, когда ответственность прогноза особенно значительна, мы уже видели на примере Saw and Steel Corporation.

Невзирая на все это, достигнутые в ряде случаев успехи в сфере предсказывания хозяйственной погоды окрылили надежды многих буржуазных исследователей, а также предпринимателей на возможность преодоления промышленных циклов с неизбежными, чреватыми столь опасными для капитала в экономическом и социальном отношениях, фазами кризисов и депрессии. «Верно то, что зародыши депрессии не менее теперь непобедимы, чем туберкулезные палочки» заявляет серьезный американский экономический журнал „The Annalist.“ [2] «Депрессии и кризисы окажутся все менее возможными» с воодушевлением вторит ему орган крупнейшего электрического концерна General Electric Review. [3]

Однако, перспективы бескризисного развития капиталистического хозяйства в действительности не имеют под собой никакой почвы. Мы уже не говорим о недостаточности уровня современных знаний для построения безошибочных экономических прогнозов. Наша дальнозоркость во времени еще весьма ограничена (особенно в идиографическом разрезе). Возможность строить в настоящее время прогнозы на сколько-нибудь длительный период (на год и больше) отрицается даже рядом крупных концернов — Bell System, Walusith Company и др.

[1] Ibidem, p. 124.

[2] См. номер от 2 ноября 1928 г.

[3] В цитированной журналом статье из „New-Iork Times“ от 6 января 1929 г.

Вряд ли нужно много распространяться и на счет того, что вмешательство в «нормальное» течение стихийных процессов капиталистического хозяйства отдельных, разрозненных мероприятий регулирующего порядка, вроде проводимой в С.-А.С.Ш. системы регулирования кредита Federal Reserv System и др., не облегчает проблемы экономического прогноза, строящегося в условиях капиталистического производства обычно лишь на генетической основе.

Существенное и решающее значение имеет, однако, тот факт, что предсказывание и, следовательно, соответствующее хозяйственное планирование распространяется в Соед. Штатах лишь на небольшие участки народнохозяйственного целого — на отдельные банки, концерны, фирмы, в то время, как основные, важнейшие отрасли хозяйства предоставлены «игре» свободных стихийных сил. Поэтому народное хозяйство в целом неизбежно подвержено превратностям экономического цикла, имманентного капиталистическому способу производства. В лучшем случае научно-проработанный прогноз отдельных крупнейших концернов способен лишь ослабить амплитуду колебаний кризисных фаз экономического цикла, но не более. Для овладения же циклом полностью, необходимо, чтобы в е с ь народнохозяйственный организм или по крайней мере его важнейшие сферы («командные высоты») были пронизаны объединяющим плановым началом, предусматривающим полное взаимодействие отдельных элементов хозяйственной системы. Но такое плановое хозяйство по существу антагонистично капиталистическому способу производства. [2] Оно не может по вполне очевидным социально-политическим причинам сосуществовать с капиталистической системой. Оно явится лишь на смену ей.

[1] См. „Industrial Forecasting“ в упомянутом журнале Annals of the American Academy etc.

[2] Лишь в период мировой войны ряд капиталистических стран в р е м е н н о и ч а с т и ч н о могли прибегнуть к планированию народного хозяйства.

В. Ивановский

Теоретики районирования в Германии

I

В капиталистических странах нет той практической потребности в районировании, которая у нас, по выражению проф. Н. Н. Баранского, «является главным фактором перестройки экономико-географической методологии».[1] В усиленной степени это относится к хозяйственно развитым государствам с небольшой площадью, которые «не могут испытывать настоятельной потребности в разделении на постоянные хозяйственные районы уже вследствие незначительности размеров своих всесторонне изученных территорий».[2]

И с теоретической стороны работа над таким пространственно сгущенным материалом, как германский, встречает большие трудности. Если зашедший далеко процесс развития менового хозяйства и способствует вызреванию экономических районов, то, с другой стороны, постепенное сгущение хозяйства на небольшой территории приводит как бы к функциональному сращиванию районов, вследствие чего как их границы, так и сами районы становятся трудно различимыми. Для их успешного выделения надо иметь особенно хорошо проверенную методологию, которую легче выработать путем наблюдений над каким-то иным более разреженным материалом. Именно в этом направлении на ряду с попытками районирования самой Германии и работает сейчас теоретическая мысль германских исследователей, привлеченная к вопросам районирования рядом военных и послевоенных обстоятельств.

В довоенный период, при блестящей разработке прикладной экономией вопросов географического размещения сельского хозяйства и промышленности, в экономической географии господствовало почти безраздельно отраслевое направление при наличии лишь некоторых слабых ростков районных идей. Сюда относится накопление материала по хозяйству отдельных частей Германии отечество- и хозяйствоведением и появление некоторых районных элементов в курсах торговой географии.[3]

Поворотным пунктом в истории районирования оказалась война. Индустриальный организм Германии, оторванный от своих зарубежных сырьевых дополнений, должен был искать их замены в своих собственных недрах, что не могло не привлечь внимания к изучению хозяйственного значения отдельных частей Германии и их взаимодействия. Появилась

---

[1] См. предисловие к I тому „Хрестоматии по экономической географии“ Н. Морозова и И. Юньева.

[2] Проф. В. Г. Бажаев — „К вопросу о хозяйственных районах“, Киев, 1915.

[3] В курсе M. Eckert'a. „Grundriss der Handelsgeographie“— Германия делится по рельефу на 4 ландшафта. Дальше, по почвенно-климатическим условиям в пределах этих ландшафтов, устанавливается 7 сельскохозяйственных ландшафтов. В курсе E. Friedrich'a. „Geographie des Welthandels und Weltverkehrs“, Jena, 1911 — делается попытка намечения производственных районов земного шара, как предпосылок мировой торговли, путем использования схемы зонального деления земного шара, взятой по Herbertson'y („The geographical journal“, XXV, 1905, стр. 300–313).

литература по Средней Германии, выдвинувшейся во время войны благодаря своим запасам бурого угля, развернувшейся электрификации и производству азота и алюминия.[1] Обстановка голода привлекла внимание к сельскохозяйственным районам, что дало в конечном итоге первые попытки сельскохозяйственного районирования Германии.[2] Из разработки вопроса о взаимодействии частей Германии развились логически все работы Эрвина Шей.

Версальские отторжения вызвали появление ряда работ по отошедшим или угрожаемым территориям и, в частности, по Рейнской области.[3] Обострению партикуляризма[4] некоторых окрайных частей Германии мы обязаны появлением районной литературы, пытающейся противопоставить центробежным тенденциям идею хозяйственной связанности. Сюда относятся монографии — по Баварии[5], ее прирейнским соседям[6], Силезии[7] — и работы над различными видами социального сплетения[8], в том числе и над взаимодействием экономических районов, из которых логически вытекли районные построения Шлира.

Крутой подъем волны районного течения был вызван поставленным после революции вопросом о реформе административного деления.[9] С точки зрения интересов индивидуалистического хозяйства достаточное разрешение этой проблемы заключалось бы в простом выделении, в качестве административных единиц, районов торгового тяготения и их центров.

---

[1] G. Aubin. „Entwicklung und Bedeutung der mitteldeutschen Industrie“, Halberstadt, 1924, работы Баумана, Мюллера и др.

[2] Кроме разбираемой ниже работы Шей см. P. Hesse. „Die deutschen Wirtschaftsgebiete in ihrer Bedeutung für die landwirtschaftliche Versorgung Deutschlands“, Berlin, 1928. В общирной библиографии указан только один труд по с.-х. районированию: перевод работы Студенского, вышедший в Иене в 1927 году.

[3] Br. Kuske. „Volkswirtschaft des Rheinlandes u. s. w.“ Essen, 1924. O. Quelle. „Industriegeographie der Rheinlande“, Bonn, 1926.

[4] О значении его можно судить по записке, представленной Мин. Внутр. Дел в Zentralstelle, организованному в 1919 году, в целях проведения реформы административного деления в духе единства государства и подчиненному Рейхсрату. Верхняя Силезия проектировала либо превращение ее в самостоятельную провинцию, либо в самостоятельное государство. В Вюртемберге культивировалась идея Великой Швабии — от Пфальца до баварской Швабии включительно. В Гессене — Великого Гессена. В Ганновере—старая идея вельфов о независимом от Пруссии государстве и т. п.

[5] Fr. Zahn. „Bayern und das Reich“, 2 Aufl. München, 1925.

[6] A. Weitzel. „Südwestdeutschland, das Rhein-Mainische Gebiet im Deutschen Einheitsstaat“, Frankfurt, 1926.

[7] W. Volz. „Schlesien im Bahmen der wirtschaftgeographischen Lage Deutschlands“, Breslau, 1925.

[8] В работах: H. Potthof'a. „Die innere Verflechtung der Deutschen Wirtschaft, B.“ 1922 и Fr. Zahn'a: „Die raumwirtschaftliche Verflechtung der deutschen Volkswirtschaft“, Conrad's Jahrbücher, III F., 69 Bd., S. 286, Jena, 1926; „Die raumwirtschaftliche Verflechtung der deutschen Volkswirtschaft. Erde und Wirtschaft“. H. 1, 1927 — прослеживаются трояко вида связи: профессионально-производственные — между отраслями хозяйства; социальные — между классами и территориальные — экономико-географические, в смысле взаимодействия районов. Это учение привело Шлира к рассуждению о том, что такое экономический район?

[9] Деление Германии на сохранившиеся от средневековья самостоятельные государства с числом чересполосных владений свыше двухсот и образованные еще в 1815 году провинции Пруссии находилось уже давно в противоречии с потребностями промышленного капитализма. В системе управления наметились особые округа: финансовые, железнодорожные, профессиональные, страховые и т. п. Несовпадение их друг с другом политическим делением и дороговизна госаппарата отражались болезненно на хозяйстве. С устранением династий отпало главное формальное препятствие к реформе, но сохранилось другое—фискальные интересы отдельных государств, владеющих крупными имуществами и юридические трудности при их делении или передаче. Поэтому, до настоящего времени устранены лишь вопиющие случаи. Произведено об'единение Тюрингии, слияние Кобурга с Баварией, Пирмонта с прусским Ганновером и разделение Силезии на Верхнюю и Нижнюю.

Тем не менее, проекты районирования Германии развивались не только в этом направлении.

Первая по времени работа Баумана [1] делит Германию по составу грузооборота и характеру энергетического хозяйства на 11 областей, соответствующих, в общих чертах, укрупненным, включением инклавов, прусским провинциям и комплексам второстепенных государств. По Рейну намечены три области: Рейнско-Вестфальская, Рейнско-Майнская (оба Гессена) и Пфальц-Баден-Вюртембергская. Дунайский район, энергетически основывающийся на белом угле, охватывается Баварией. Буроугольная Средняя Германия фигурирует в составе Тюрингии и обеих Саксоний (прусской и самостоятельной). Везерский район охватывается Ганновером. Далее следуют районы северной низменности — Бранденбургский, Гамбурго-Шлезвигский, Приморский (Померания и Мекленбурги), Силезский и Восточно-Прусский. Несмотря на всю показательность такого фокусного признака, как состав грузооборота, и привлечение важного производственного момента — энергетики, эту схему приходится рассматривать только как первое приближение к «открытию» интегральных районов Германии, так как данные о товарообороте «могут служить вспомогательным материалом, наводящим на основную характеристику района, а в основу его выделения все же должна быть положена именно эта основная характеристика», [2] т.-е. учет природных условий, истории и всей совокупности хозяйства.

Его продолжателем, еще более односторонним, явился Рабе,[3] давший путем сводки округов, принятых транспортной статистикой, схему тех же областей с несущественными изменениями границ Силезии и Рейнско-Вестфальской провинции.

К этой же серии трудов должен быть отнесен набросок Франкфуртской торговой палаты, [4] основанный на работах отдельных торговых и промышленных палат, производившихся в связи с созданием Совета Государственного Хозяйства с целью выяснения тяготеющих к ним округов. Эта схема, построенная, преимущественно, на учете тяготения отдельных районов к крупным центрам, округляет несколько границы районов Рабе и намечает в качестве центров уже перечисленных областей: Кельн, Франкфурт, Штутгарт, Мюнхен, Лейпциг, Ганновер, Гамбург, Берлин, Штеттин, Бреславль и Кенигсберг. Как мы видим, германская практика обнаруживает явление аналогичное тому, которое было установлено в отношении нашего сельскохозяйственного районирования Книповичем: [5] совпадение у разных авторов центральных частей наиболее оформившихся районов. Рассмотренные схемы районирования дают в виде пятен или крупных районов тяготения, как бы туманное отражение существующих районов, тем более к ним приближающееся, чем более фокусный признак лежит в основе схемы. Все эти проекты, [6] конечно, не разрешают задачи, но наводят на ее разрешение, разрабатывая попутно отдельные виды отраслевого районирования.

Послевоенные обстоятельства, способствуя появлению в печати как монографий по районам, так и работ по районированию, вызвали в то же время значительный интерес к нему в широких кругах географов и экономистов, начавших работать над методологией районирования, накоплением наблюдений вне Германии и над синтетическим районированием самой Германии.

II

Примером первого направления работ могут служить методологические статьи Шлира и Брауна — первого по вопросу о концепции экономического района, а второго, о методологии географии.

Пытаясь обосновать понятие экономического района и найти методы его выделения, Шлир [1] указывает, что развитие обмена в современную эпоху заставляет хозяйственную территорию специализироваться как бы пятнами, связанными разделением труда нередко с очень отдаленными областями. Эти производственные пятна он и принимает за районы. При намечении их границ он рекомендует жертвовать второстепенными признаками в пользу главных, понимая это механически без учета функциональных связей. Восточную половину Германии он предлагает делить на сельскохозяйственные районы, жертвуя, например, промышленным Лаузитцем в пользу сельскохозяйственной Силезии. Западную Германию он советует, наоборот, делить на промышленные, жертвуя долиной Рейна в пользу Рейнской промышленной области. Изучение функциональных связей он переносит в описание районов, смешивая производственные и меновые связи в одной формуле хозяйственного сплетения. Таким образом, он не поднимается в практических предложениях выше стадии статистического районирования, несмотря на то, что в поле его зрения находятся не только различные виды хозяйственного сплетения, но и различные моменты, обусловливающие специализацию районов.

Непоследователен он и во взглядах на организующую роль политической границы. Он считает, что с политическими границами совпадают границы сельскохозяйственных районов, но не совпадают границы промышленных. Здесь он остается, повидимому, во власти общественно-исторической обстановки германского аграрного протекционизма и далек от того более приемлемого решения вопроса, которое имеется в нашей литературе: «Если существование политической и национальной границы не сопровождается никакими экономическими барьерами, то при переходе ее, и системы хозяйства, при одинаковых природных и рыночных условиях, тоже не изменяются» . [2]

С точки зрения популярности районных идей крайне интересен тот переворот, который произошел в настоящее время во взглядах на методологию географии у одного из видных представителей этой науки проф.

---

[1] Dr. Baumann. „Kraftquellen und Verkehr als bestimmende Faktoren für deutsche Wirtschaftsgebiete". „Verkehrstechnische Woche", 1923.

[2] С. Бернштейн-Коган — „Очерки экономической географии", М., 1923.

[3] В предисловии к докторской работе в ганноверской высшей технической школе.

[4] Опубликована отдельным приложением в статье Er. Obst'a.— „Zur Neugliederung des Deutschen Reiches" „Zeitschrift f. Geopolitik", H. 1. 1928, — с изменением границ Нижней Саксонии, вследствие нахождения там „слишком очевидных ошибок".

[5] Проф. Б. Н. Книпович. „К методологии районирования", М., 1921.

[6] Для полноты картины следует отметить и ряд других попыток районирования: официальный вариант прусского секретаря по внутренним делам Прейса (см. об этом: в 3—4 Heft 1928 г. „Erde und Wirtschaft". „Die Zentralstelle für Gliederung des D. R.") с делением на области не менее 2 млн. населения; схему Вайцеля (A. Weitzel Fr./м. „Die regionale Gliederung D. nach Wirtschafts und Verkehrsregionen", E. и W., H. 1, 1928), который, исходя из совпадения районной организации телефонного дела, радио, воздушного сообщения, передачи известий агентствами и т. п. и отчасти транспортного районирования, намечает набросок 12 областей, совпадающих с перечислением выше за исключением Баварии, разделенной на две части. Его „воздушный" метод — разновидность районирования по тяготению. Особняком стоит схема Тукермана (W. Tuckermann, Vorschlüge für eine Neugliederung des d. R. In B. Schmittman: „Preussen Deutschland, oder Deutsches D". Bonn, 1920), учитывающего преимущественно племенной признак. В ней фигурируют: Швабия, Франкония, целых три Саксонии (Нижняя—Ганновер, Северная—Шлезвиг, Верхняя — нынешние прусская провинция и самостоятельное государство) и т. п. Схему Фогеля и др.

[1] O. „Schli r. Grundsätzliche Fragen zur Abgrenzung von Landschaften". „Allgem. Statistisches Archiv", 17 B., 2 H., Jena, 1927. Большую ценность имеет его работа: „Der deutsche Industrie Körper seit 1860", Tübingen, 1922.

[2] А. Котов. „Проблемы размещения сельского хозяйства и промышленности", М., 1927, стр. 155.

Г. Брауна.[1] С 1921 года он перешел к разработке особого метода в землеведении, который он называет социологическим, но не геополитическим, от которого он отмежевывается. Разрабатываемая путем его применения новая дисциплина должна стать синтезом природы и человека, соединением социологии и землеведения В качестве конструктивной гипотезы он использует представление об органическом строении государства, а содержание предмета видит в точной локализации на карте его органов и тканей в их взаимной связи и в связи с их жизненными отправлениями. В следующем дальше конкретном изложении плана исследования государства это означает не что иное, как изучение составляющих его экономических районов и их взаимодействия.

В область социальной анатомии, использующей максимально картографические приемы и исходящей «от карты», входит рассмотрение природных богатств, транспорта и средств сношений, потом производства и, наконец, размещения населения в масштабе мельчайших административных единиц, принимаемых как бы за естественные клеточки социального организма. Наложением картограмм он думает установить хозяйственное деление жизненной территории, выделить органы питания (с.-х. районы), обработки, центры обращения и т. д., т.-е., говоря другими терминами, наметить экономические районы и рассматривать средства транспорта и сношений, как проводники их взаимодействия.

В область социальной физиологии он отводит изучение взаимодействия, с составлением индексов для регистрации «обмена веществ» — внутренней и внешней торговли.

Итак, в учении Брауна мы имеем интересный вариант районной экономической географии с плодотворной предпосылкой реального существования районов. Однородные начинания сделаны шведским ученым Волином[2] и германским Тиссеном.[3] В Грейсфальде в редактируемом им журнале «Земля и хозяйство» Браун ведет за собой значительную группу германских ученых, разрабатывающих районные проблемы,[4] а во втором томе своего труда «Северные государства» он предполагает дать результаты применения предложенной им методологии.

Образцом второго направления работ, которое названо выше наколением материала за границей, могут служить доклады, сделанные на очередном съезде географов 1927 года. Знаменателен сам по себе факт, что с 1881 года до 1927 года вопросы экономической географии, и при этом отраслевой, рассматривались только один раз на XIV кельнском съезде 1903 года в связи с сообщениями, сделанными Зигерсом, Фридрихом и тремя другими докладчиками. Между тем, на нынешнем съезде в Карлсруэ вопросы экономической, и при этом районной, географии составляли злобу дня.

В методологическом докладе д-ра Гартнака из Грейфсвальда экономической географии отводится центральное место в системе культурной географии. Вести изучение он рекомендует по районам, но придерживаясь границ государств, учитывая, таким образом, политический фактор. В современном успехе экономической географии таятся, по его мнению, две опасности: 1) что она сведется к плохой работе по национальной экономии и 2) что ее забудут, вследствие ее ограниченного значения, в общей системе географии.

---

[1] „Geographische Einführung“, „Erde und Wirtschaft“, H. 1, 1928. Его главный труд „Nordischen Staaten“, B. I.

[2] N. Wohlin. „Det svenska jordbrukets inrikes, avsättningsforhallanden“, Stockholm, 1914.

[3] E. Tissen. „Einheitskarten“. Peterm. Mitteilungen 64, 1918.

[4] См., например, статью F. Christiansen'a „Die Stellung Stettins im Handel der deutschen Seehäfen.

Д-ром Вайбелем из Киля сделан доклад о результатах путешествия в Мексику в область Сиера Мадре де Рианос, в котором он ставил себе целью, путем изучения форм предприятий и направления хозяйства отдельных ярусов, притти к морфологии хозяйственных ландшафтов и выработке специально географических методов трактования хозяйства.

Аналогичные цели главные или побочные ставились и другими докладчиками-путешественниками по Китаю, Чили и другим странам. Некоторые, как, например, д-р Крейцбург из Мюнстера, пытались примирить земледельческий ландшафт с экономическим. Выделенные им на острове Крите пять ландшафтов отличались, по его словам, в то же время и в экономическом отношении.[1] В этой натяжке, между прочим, обнаруживается то состояние пленения экономической географии общей географией, в котором она находится в германских условиях. Исключением является только грейфсвальдское гнездо, в котором общей, а практически, преимущественно, физической географии, противополагают социологическую и, кроме него, лишь немногие отдельные ученые. К числу наиболее выдающихся из них принадлежит Эрвин Шей, давший наиболее обоснованную попытку интегрального экономического районирования Германии, являющуюся лучшим образцом третьего направления работ германских экономистов-географов районного направления — работ над Германией.

Им написано три работы. Первая из них: «Экономико-географическая гармония Германии»[2] представляет собой первоначальную попытку изучения соотношения отдельных частей Германии по районам, устанавливаемым статистикой перевозок. В первой части этого труда рассматриваются причины образования районов и географическое размещение отраслей хозяйства. Разбирая причины образования районов, Шей учитывает и разнообразие природной среды, и особенности исторического процесса, подчеркивая значение для Германии меркантилизма и промышленного переворота. В части географического размещения дается своеобразное сельскохозяйственное районирование Германии, с делением ее на три класса местностей в зависимости от степени плодородия почвы и состава зерновых культур, и выделением производящих и потребляющих районов. Далее, с помощью промышленной карты, составленной кружковым способом,[3] демонстрируется географическое размещение промышленности. Во второй части ведется порайонная характеристика направления производства по провинциям и государствам, с учетом природных предпосылок и исторического генезиса, и подробная характеристика связей с другими районами. В заключении дается довольно неясная формулировка задач дальнейших исследований: «Будущие исследователи гармонии[4] должны обнаружить хозяйственные пространства с одинаковым направлением интересов»(?). При чем, выделение Бауманом Средней Германии на основе только двух признаков признается неправильным и ставится задача всестороннего охвата хозяйства.

---

[1] Область полукочевого животноводства на известковых горах; обводненные культурные оазисы в сланцевых гористых местностях; густозаселенные холмистые местности неогена с развитым земледелием; долинные ландшафты с развитой культурой оливкового дерева и земледелием; бедные в культурном отношении ландшафты известковых плоскогорий.

[2] Erw. Schen. „Deutschlands wirtschaftsgeographische Harmonie“, Breslau, 1924.

[3] По числу рабочих с указанием особыми знаками важнейших отраслей.

[4] Под этим подразумевается взаимная связанность частей Германии, достигающих хозяйственной законченности только в единстве народного хозяйства. В действительности, полная „гармония“ может быть достигнута Германией только в мировом хозяйстве.

Вторая работа: «Хозяйственное единство государства»[1] служит продолжением первой части «Гармонии», давая подробное исследование географического размещения отдельных отраслей.

Третья работа, статья помещенная в журнале «Земля и хозяйство», продолжает вторую часть «Гармонии» и содержит в себе попытку интегрального экономического районирования Германии на основе расширенного материала, собранного во второй работе, и с переходом к сводке по округам.

Схема деления Германии на хозяйственные области

Методологическое обоснование занимает в ней три страницы. По мнению Шей, в экономической географии надо исходить из природного ландшафта, с перенесением центра тяжести в хозяйство настолько, что, в случае принадлежности хозяйственного комплекса к нескольким ландшафтам, он не должен быть разрываем на части. Другими словами, экономические районы конструируются аналогично, но без совпадения с географическими ландшафтами.

Посмотрим, что он вкладывает в понятие района.[2,3] Точных границ у хозяйственных областей нет. Поэтому, надо установить признаки, которые определяют структуру хозяйственной области и ее характеризуют.

[1] „Des Reiches wirtschaftliche Einheit", Leipzig, 1926.

[2] Die wirtschaftliche Gliederung Deutschlands", E. und W., H. 1, 1927.

[3] Он почти не употребляет термина Wirtschaftsregion, а пользуется здесь и в дальнейшем двумя однозначащими с ним терминами: Wirtschaftsgebiet или, реже, Wirtschaftsprovinz для обозначения совокупности подрайонов, сходных по направлению специализации или связанных между собой взаимным тяготением, и Wirtschaftsbezirk для обозначения более мелких территорий — подрайонов, однородных в смысле направления специализации. Но эта терминология, как будет видно ниже в изложении, где мы передаем ее буквально, им не всегда выдерживается.

Наиболее просты структура и границы углепромышленной области. Если в ней представлены и другие отрасли, то все же в основном ее структура будет определяться горной промышленностью.

Чисто сельскохозяйственные области, которые имеют значение для целой страны, могут тоже считаться хозяйственными областями. Среди них надо различать по особенностям технической структуры чисто сельскохозяйственные и имеющие сел.-хоз. обрабатывающую промышленность, как, например, с трудоемкой культурой свекловицы и сахарной промышленностью. На способы ведения хозяйства влияет также величина предприятий. Поэтому, можно различать области с преобладанием мелких, средних и крупных предприятий.

Затем, необходимо выделять области с густым населением и без сельскохозяйственного базиса, отличающиеся сложной структурой, развитием разных отраслей обрабатывающей промышленности, притягиваемых дешевым трудом, в которых все основано на привозном сырье и топливе.

Однако, одним статистическим моментом — однородности структуры производства — при намечении границ ограничиваться нельзя. Области с однородной структурой будут не всегда едиными областями. Для этого необходимо еще известное чувство общей принадлежности у населения, что в значительной степени вызывается тяготением к одному торговому району. Поэтому, вспомогательное средство для определения границ — рынок. В средние века города обслуживались своей округой. После проведения железных дорог мелкие города, в свою очередь, тяготеют к средним, средние — к крупным. Образуются солнечные системы, в которых более крупным центрам населения соответствуют и большие размеры округов. Между этими системами можно наметить индиферентные зоны, тяготеющие к нескольким центрам. По этим зонам и следует, главным образом, проводить границы районов (см. схему на стр. 214).

В строгом соответствии с этим обоснованием находится и предложенная им схема деления Германии на хозяйственные области, которую, вследствие ее интересности, мы считаем полезным изложить в буквальной, но сжатой передаче, добавив лишь в выносках некоторый дополнительный материал, заимствованный отчасти из его предшествующих работ.

III

Северная равнина. Сама природа делит Германию на равнину и серединные горы.

От берега моря до границы среднегерманских гор тянется северная равнина. Диагональю от Силезии через Флеминг на Люнебургскую пустошь проходит песчаный пояс с пустошами, сосновыми лесами и скудным земледелием. Он заполняет большую часть территории Бранденбурга и северного Ганновера.

К югу от этой песчаной полосы: от Силезии через Саксонию и южный Ганновер проходит зона чрезвычайно плодородной, частью лессовой почвы, в которой располагаются цветущие земледельческие области Германии — центры возделывания свекловицы и сахарной промышленности.

Северней в пределах Бранденбурга она исчезает и появляется вновь в виде моренных плато и алювиальных почв устьев рек Померании и Мек-

ленбурга. В песчаном Бранденбурге 17% посева находится под картофелем. При этом и общий размер дохода от полеводства на единицу площади здесь значительно ниже. Поэтому, необходимо с сельскохозяйственной точки зрения различать Бранденбург [1] от обеих северных провинций и выделять в особую область, отделенную польским коридором, Восточную Пруссию.

Этому отграничению по производственным признакам соответствуют и различия областей по формам хозяйства. Померанско-Мекленбургская область имеет преобладающим типом хозяйства от 20 — 50 гектаров. Бранденбург свыше 50, иногда 100. Вся северо-восточная зона отличается наименьшей плотностью сельского населения и наибольшими размерами хозяйств.

На северо-западе, наоборот, преобладают средние размеры хозяйств. Здесь северный Ганновер и Ольденбург образуют особую область. Усиливающаяся в ней песчанистость почвы приводит к возделыванию картофеля. На побережье преобладает животноводство, а во всей области свиноводство, частью на картофеле, частью на привозных кормах. Здесь 50% населения занято сельским хозяйством. При скудном продородии почвы количество калийных удобрений на гектар превосходит 40 кг. [2]

Южная лессовая зона Ганновера должна быть отделена от северной его песчаной части. Здесь основной тон хозяйству дает сахарная свекловица и сахарная промышленность, развившаяся на буром угле Гарца и его предгорий. Среднегерманские горы дают цемент, идущий и в соседние области. На рудах Оснабрюка, в нем же, и в Пейне обосновалась металлургия. Эта область лежит в центре скрещения имеющих мировое значение железных дорог: меридиональной, из гессенской долины на север, и широтной, а также и водной системы Везера. Близость к морю и удобство сообщения создали предпосылки для развития легкой индустрии, основанной на местном или заморском сырье, как, например, резиновой промышленности. Стоимость жизни, рабочий рынок и уровень зарплаты резко отличны от вестфальского района.

Этим отличается и Кассель с его округом в составе Гессена. Судоходный приток Везера Верра соединяет его с Ганновером. Поэтому, он больше тяготеет к северу и должен быть присоединен к области южного Ганновера. [1]

Таким образом, в пределах северной равнины намечается шесть областей: Берлин, Бранденбург, Померания-Мекленбург, Вост. Пруссия, Северный и Южный Ганновер.

Особый хозяйственный округ образует Шлезвинг-Голштиния. На побережьи здесь основной тон задает судоходство и связанное с ним судостроение. Близость к морю и возможность подвоза хлеба и концентрированных кормов обусловливают специализацию сельского хозяйства на животноводстве. Сюда входят в качестве центров тяготения Гамбург с нижней Эльбой и Любек. Плотность населения высокая в Шлезвиге падает по направлению к Ганноверу. Следовательно, прирост остается за правым берегом Эльбы. Поэтому, нижне-эльбскую область следует относить к Шлезвигу, хотя правильней было бы выделить ее в самостоятельный округ.

Средняя Германия. Область образуется треугольником Гарца, Тюрингенского Леса и Рудных гор, в который глубоко вдается северная равнина в виде бухты, окружающей Лейпциг. Через него проходит дорога в Силезию. Благодаоя положению на этом пути, Лейпциг издавна развился в крупнейший торговый центр — сердце Средней Германии.

От силезского Лаузица по долине Эльбы, суживаясь у Гарца, проходит полоса плодородных лессово-глинистых почв, занимающая и лейпцигскую бухту. Здесь расположился главный пшенично-свекловичный район с молочным направлением животноводства и более мелкими размерами предприятий, чем восточней Эльбы.

Сами предгорья имеют скудные почвы и холодный климат. Здесь еще в средние века производилась добыча ценных металлов. Потом, после истощения рудников на почве излишков рабочих рук развилась обрабатывающая промышленность, сохранившаяся отчасти и сейчас в форме кустарной промышленности. Отсюда промышленность распространилась и в равнинную часть предгорий.

Историческим центром возникновения текстильной промышленности был четырехугольник, образуемый соседними городами Тюрингии (Гера), Саксонии (Глаухау и Вердау) и прусской Саксонии (Цейц). На почве овцеводства здесь возникло сукноделие, из которого развилась впоследствии шерстяная промышленность. Так как эти центры находятся в долине Эльстера, [2] на котором стоит Лейпциг, то он стал торговым центром и резиденцией правлений предприятий этой промышленности. Вокруг этого шерстяного пятна в тюрингенской Апольде и саксонских Хемнице, Лимбахе и других городах у богатых водной энергией склонов гор возникла хлопчатобумажная, трикотажная и бумажная промышленность. Развитие спроса на машины вызвало создание центра машиностроения в Хемнице. А каменноугольные копи дали энергию хемницкому текстильному и металлообрабатывающему району. К северу от этого текстильного гнезда характер промышленности меняется. Лейпциг, в связи с своим положением в центре

[1] На карте он выделяет в особый район Берлин с предместьями. В тексте он оставляет без освещения организующую роль этого центра в хозяйстве всего Бранденбурга, составляющего вместе с Большим Берлином, как бы единую область типа центрально-промышленных районов. При скудости результатов земледелия центр тяжести хозяйства в ней лежит, конечно, в промышленности Большого Берлина, насчитывающего более 4 млн. населения против 2 в Бранденбурге. Своим промышленным развитием Берлин обязан в первую голову своему центральному положению, благодаря созданной искусственно системе транспортных путей. Соединение Шпрее с Одером при Фридрихе Великом, потом Гавели с Штеттином сделало его центром водной системы севера. Нало-жившаяся позже сеть радиальных дорог, превратила его окончательно в германскую Москву. В промышленности занято сейчас более 0,5 млн. рабочих. Прежде всего, в металлической, из которой главная отрасль электротехническая дает 80% продукции Германии. Затем в химической, конфексионной, полиграфической (первое место по издательствам, второе по книгопечатанию) и др. Половина водного пробытия приходится на уголь из Селезии, остальное на лес и рожь из Познани, Зап. Пруссии и СССР через Штеттин, отчасти на пшеницу из Гамбурга. Железной дорогой прибывают: уголь из Силезии, камень из Саксонии, хлеб из Померании и Познани, мясо и свиньи из Познани и Зап. Пруссии. В настоящее время место Познани и Зап. Пруссии заняла Вост. Пруссия. На долю Бранденбурга остается, главным образом, снабжение молочными продуктами и овощами, в чем и выражается организующее влияние Берлина на строй сельского хозяйства, которое легче всего было бы выявить методом экономического профиля, проведенного в радиальном направлении.

[2] Осушением, обвалованием маршей и удобрением пустошей и гестов последние частью превращены в сельскохозяйственные земли. Однако, доля неудобных земель в Вост. Фрисландии доходит и сейчас до 58%. Не сельскохозяйственные возможности, а приморское положение задает здесь тон всему хозяйству. В условиях аграрного прогрессионизма оно создает возможность развития скотоводства, как отрасли с. х. „облагораживающей“ заморские корма. В портовых городах, таких, как Бремен, разместились также „облагораживающие“ отрасли премышленности: резиновая, мыловаренная, текстильная и т. д. на ряду с судостроением. В еще большей степени это относится к Гамбургско-Шлезвигскому округу, центры которого при большем подборе отраслей, среди которых крупная кожевенная, обладают и обслуживающей нужды машино- и судостроения металлургией тоже „облагораживающей“ заморскую руду и кокс. Общность в основе индустриальной структуры хозяйства этих округов делает их единой областью, выполняющей среди германских областей функцию облагораживания заморского и в значительной части русского сырья.

[1] Совершенно одинаковой специализацией и структурой хозяйства отличается соседний среднегерманский магдебургский округ, являющийся потому продолжением Южно-Ганноверского округа.

[2] Приток Заале эльбской системы.

плодородной земледельческой бухты, имеет преимущественно сельскохозяйственное машиностроение. На ряду с этим он главный центр германского книгопечатания, опирающегося на бумажную промышленность Саксонии, меховой промышленности и, меньшего значения, центр химической промышленности. То же и в западном направлении. Между Франконским Лесом и Рудными горами лежит Фогтланд, саксонская и баварская часть которого имеет текстильную промышленность, аналогичную хемницкой. Лежащие южнее Фихтелевы горы — исторический центр развития фарфоровой промышленности, откуда она распространилась на Франконский и Тюрингенский Леса, где к ней присоединяются: промышленность по изготовлению игрушек и мелких железных изделий. Севернее, в довольно плодородной тюренгенской котловине значение промышленности сильно убывает. Она стягивается здесь к линии городов, находящихся на широтной железнодорожной магистрали. Таким образом, в границы текстильной области необходимо включить восточную часть Тюрингии, западную Саксонию и юго-восточной угол прусской Саксонии.

Северный равнинный район имеет развитое сельскохозяйственное машиностроение, сахарную, калийную и, в последнее время, химическую промышленность. Одно предприятие Леунаверк у Мерзебурга сосредоточивает в настоящее время 30 тысяч рабочих. В виду колоссального развития добычи бурого угля, в связи с химической промышленностью и электрификацией, а также и развития калийной промышленности, прусскую Саксонию начали выделять в самостоятельную хозяйственную область. Это неверно. Калийная продукция южного Ганновера и Кассельского округа равна продукции всей остальной части Гарца, а бурый уголь употребляется в Тюрингией и Саксонией. Благодаря электрификации и электропередаче из 4,5 млн. тонн добываемых в Мерзебургско-Тюрингенских копях, 3,25 потребляется в Саксонии. Общность буроугольного хозяйства и высокая степень производственной связанности этих трех административных единиц находят свое выражение в громадном грузообороте между ними, который имеет локальный характер. Это заставляет считать их как бы частями громадной экономической области Средней Германии, отдельные хозяйственные округа которой не трудно наметить.

Центрально-саксонский — в составе: западной Саксонии, округов Геры и Грейца, Тюрингии и Цейца, Вейсенфельца [1] и Наумбурга, прусской Саксонии с центром тяготения Лейпцигом. С ним конкурирует прусский центр Гале, но он уступает в торговом и промышленном значении Лейпцигу и является локальным центром.

Дрезденский — в составе: восточной части Саксонии и Силезского Лаузица. Восточная часть Рудных гор отличается в ландшафтном и экономическом отношениях от западной. Здесь в районе Дрездена, на ряду с металлообрабатывающей и химической (главным образом фотографической и фармацевтической), на залежах бурого угля развилась стекольная промышленность, а благодаря удобству доставки леса из Чехо-Словакии, — бумажная промышленность. На востоке в районе Циттау и Лобау и в районе Герлица в Силезском Лаузице из льняной промышленности развилась хлопчатобумажная, воспринявшая льняные традиции (белье и т. п.) и опирающаяся на общие разработки бурого угля. На востоке, в Силезии, границу этого округа образует песчаный пояс, с началом которого население быстро падает.

Единство Тюрингенскому округу придает тюрингенская котловина. Благодаря характеру рельефа, позволившему провести здесь важнейшую

[1] Сапожная промышленность, тоже ориентирующаяся на рабочую силу.

широтную [1] и меридиональные [2] магистрали, округ является важным транспортно-транзитным районом Германии. Единственный крупный центр Эрфурт развился на месте пересечения широтной и меридиональной магистрали. В нем и в мелких городах на той же широтной магистрали сосредоточена металлообрабатывающая промышленность. [3] Особую промышленную полосу образует Тюрингенский и Франконский Леса с внегородской стекольной, фарфоровой, игрушечной, мебельной и т. д. промышленностью. На севере у Гарца разработка кали.

Плодородная равнина, тянущаяся между Гарцем и Флемингом, образует Магдебургский округ с цветущим земледелием и культурой свекловицы, с которой связано все хозяйство округа. К услугам ее имеется развитая сахарная промышленность, [4] энергетически опирающаяся на буроугольные копи. С ними, а также и с соляной и калийной промышленностью связана химическая, в свою очередь поставляющая удобрения под свекловицу. В последнее время и в виде азотистых удобрений, благодаря развитию производства синтетического аммиака. Северный Альтмаркский округ, отличающийся по структуре хозяйства, вследствие песчанистости почвы, не допускающей культуры свекловицы, должен быть отнесен к Бранденбургской области.

Силезия. Лесистая цепь гор, плодородная лессовая полоса и бесплодные песчаные пустоши правого берега Одера составляют поверхность Силезии. В первой размещается текстильная, стекольная и каменноугольная промышленность, [5] во второй земледелие с культурой свекловицы и в третьей части — скотоводство. Различие природных и хозяйственных условий приводит к развитому обмену внутри самой области. А организующая роль каменноугольной промышленности и Бреславля, как главного центра и места сосредоточения обрабатывающей промышленности, [6] придает ей вид законченной области, внешние связи которой при ее восточном положении идут в направлении Берлина и Бранденбурга. Ее целесообразно делить на два округа: Верхне- [7] и Нижне-Силезский.

[1] Эйзенах—Иена.

[2] По долине Заале через Иену и из долины Некара на Эрфурт.

[3] Паровозостроения, локомобили; в Иене оптическая.

[4] Работающая не только на местном сырье, но также и свекловице и песке, подвозимом из южного Ганновера. Эльбский центр — Магдебург по своей организующей роли для обоих округов может быть сравниваем с Киевом и его ролью в системе юго-западной области.

[5] Имеются в виду вальденбургский бассейн и остатки верхнесилезского.

[6] Сахарной, машиностроительной и др.

[7] В пределах германской части В. Силезии осталось 30% добычи угля и 20% цинка и стали. В довоенных границах этот район давал 0,25 германской добычи угля и 6% стали и обслуживал ими всю часть Германии восточнее Эльбы. В обмен он получал фабрикаты и железный лом (обратный груз для угля), составлявший вместе с шведской рудой, подымавшейся по Одеру, сырьевую базу силезской металлургии. С этой основной функцией связывались и все остальные элементы хозяйства Силезии: сельское хозяйство, покрывавшее потребности в продовольствии, обрабатывающая промышленность Бреславля, связанная органически с верхнесилезским углем и металлом, и судетская — с углем и машиностроением Бреславля.

С отнятием наиболее развитой части В. Силезии выпал основной стержень областного хозяйства. В современных границах Германии и района, В. Силезия давала перед войной лишь 9% угля и 1% стали. Вместе с тем порвалась и экономическая связь с отошедшей частью. Привоз из Польши, несмотря на снятие пошлин на продукцию отошедшей территории (на 15 лет), составляет лишь небольшую часть довоенного поступления. Это находится в связи, отчасти, с конъюнктурой германского рынка, отчасти с польской политикой премирования вывоза железа на Балканы, возможной при невхождении ее в европейский картель. Главная функция Силезии переходит к Руру, который вскоре получит и удобный проводник своего влияния к востоку от Эльбы в виде среднегерманского канала (Везер—Эльба). В связи с этим изменилась структура хозяйства Силезии Нижне-Силезский округ становится простым продолжением среднегерманской промышленной области, которую он снабжает излишками продовольствия и с которой он

Рейнско-Вестфальская хозяйственная провинция. На западе Германии серединные горы расширяются в виде веера пересекающих Рейн сланцевых гор. Среднее течение Рейна соединяет их, с одной стороны, с глубокой долиной Верхнего Рейна, а с другой — с нижнерейнской низменностью, далеко вдающейся в эти горы у Бонна. К нижнерейнской низменности тяготеет с севера вестфальская равнина, благодаря пересекающим ее судоходным притокам Руру и Липпе. Эти три ландшафта образуют предпосылки, из которых выросло хозяйство рейнских областей.

Область сланцевых гор самая бедная по природным данным. Ее население было вынуждено издавна заниматься промышленной деятельностью. Лес, руда и водная энергия содействовали раннему появлению железоделательной промышленности.

Нижнерейнская низменность отличается, наоборот, значительным плодородием. Особенно на левом берегу Рейна. Здесь рано развилось земледелие и, благодаря идущим во все стороны торговым путям, обрабатывающая промышленность. С открытием применения угля и паровых машин в Руре и, отчасти, в Ахене развился главный район германской тяжелой индустрии.

На ряду с этим Рейн притянул к себе и другие отрасли промышленности. Благодаря легкости доставки химсырья, кож, какао, табаку здесь развилась промышленность, перерабатывающая заморское сырье.

Таким образом, вся хозяйственная жизнь рассматриваемой провинции связана с Рейном. Границу ее на севере кладет Тевтобургский лес, так как отграничиваемый им Мюнстерский округ питает Рур продовольствием. Южную границу, на правом берегу, образует Вестервальд, так как лежащая к югу от него область шиферных гор с лесами, каменоломнями и месторождением железной руды Зига, Лана и Диля, продолжающимися и в ветцларском округе, при отсутствии угля и удаленности их от Рейна, оторваны экономически от нижнерейнской области. На левом берегу границу образует Эйфель, так как винодельческий район Мозеля и каменоломни со сбытом на верхний Рейн, объединяют интересы всей вышележащей области с верхним Рейном. Франкфурт является для нее центром большего притяжения по сравнению с Кельном. В пределах отграниченной, таким образом, Рейнской провинции намечаются по характеру специализации четыре округа.

В нижнем течении Рура и к северу от него резко отграничивается округ рурской тяжелой индустрии. В центре хозяйства здесь стоит добыча угля и выплавка железа. К этому прибавляются: изготовление оборудования для горной и металлургической промышленности и транспорта. В процессе развития этой промышленности намечается ее перемещение вдоль угольного пласта в район Липпе и округ Мерс на левом берегу Рейна, несмотря на большую глубину залегания угля.[1] Поэтому, границы округа,

связан разделением труда в текстильной промышленности (вследствие более низкого уровня зарплаты сюда поступают из центрального саксонского района сурьвые ткани для окраски и отделки). Только В. Силезский округ сохраняет структуру горнозаводского района, являющегося продолжением чешского и польского.

[1] По мере удаления от центров бассейна увеличивается глубина залегания, но качество коксового угля повышается настолько резко, что за счет падения топливных расходов оказывается возможным вести выплавку на дорогой зигерландской руде. Этим методом и расширением подвозки шведской руды осуществлена замена лотарингской руды, а в будущем может быть разрешена и задача полного замещения выплавки Саара, Лотарингии и В. Силезии. В настоящем при некотором участии саарской металлургии (имеющей беспошлинный доступ на 15 лет) и ничтожном—Лотарингии (в обоих случаях ввозимая квота устанавливается европейским картелом), при слабом проникновении внекартельного польского металла и огражденности пошлинами от английского, снабжение Германии осуществляется тоже, главным образом, Руром. Вместо 0,75 довоенной до-

исходя из учета перспектив, проведены несколько шире современной локализации центров тяжелой индустрии.

Гористый округ южнее Рура специализировался на легкой металлической индустрии, превращающий рурский металл в окончательные изделия. В отличие от рурской тяжелой индустрии в этих производствах[1] заняты обширные кадры квалифицированных рабочих. В районе Барман-Эльберфельда сосредоточена текстильная промышленность, ориентирующаяся на женский труд, не находящий себе приложения в металлопромышленности.

Значительным смешением отраслей промышленности отличается и Кельнско-Ахенский округ. Из ремесла развилась шелковая промышленность Крефельда и суконная Ахена. На ахенском угольном бассейне разместилась и старейшая на Рейне тяжелая индустрия, часть которой откочевала на берег Рейна. С ней связана металлообрабатывающая промышленность, изготовляющая, на ряду с машинами,[2] очень тонкие, мелкие изделия, как, например, швейные иглы. Здесь же в связи с цветущим сельским хозяйством левого берега разместилась на правом песчаном берегу, привлеченная сюда низкими земельными ценами, сельскохозяйственная индустрия.

Остающаяся на севере часть Вестфалии, Мюнстерский округ, имеет сельскохозяйственный характер. Его назначение — снабжение продовольствием Рурской области.

Кобленцкий хозяйственный округ. На северо-западе границу образует Эйфель и Вестервальд, на юго-востоке Таунус и Гунсрюк. Отличную структуру хозяйства от нижнего Рейна придает направление его специализации, связанное с ландшафтом сланцевых гор. Каменоломни, заготовка леса и дубителей в дубовых лесах, благодаря чему здесь обосновалась кожевенная промышленность. Хуже обстоит дело с разработкой руд по Лану и Дилю, возможной при удаленности от Рейна и отсутствии угля только благодаря значительным скидкам в железнодорожных тарифах по их провозу. Виноделие об'единяет интересы округа с верхним Рейном. Центр — Кобленц обязан своим торговым развитием положению при впадении Лана и Мозеля.[3]

Хозяйственные округа Рейнско-Майнского четырехугольника и юго-западной Германии. Главный стержень хозяйства этой области тоже долина Рейна. Со склонов гор и притоков Рейна к ней стягивается сухопутный и водный грузооборот. Благодатный климат создает предпосылки для цветущего виноделия. Однако, последнее встречается и севернее и не может служить признаком для выделения округов. Химическая, кожевенная и машиностроительная промышленности развиты в обоих округах и придают им еще больше сходства. Но динамические силы обмена отделяют их друг от друга.

Промышленные центры Мангейм и Людвигсгафен являются в то же время главными тогровыми центрами для Пфальца, Бадена и Вюртемберга,

бычи угля и 0,5 железа, он дает 0,9 угля и 0,75 железа. В будущем, говоря терминами органиков, из государства с несколькими желудками Германия должна будет стать страной с одним желудком.

[1] Литье, прокат, общее машиностроение и металлические изделия (Золинген). Особый комбинат образует основная химическая промышленность Дюссельдорфа — коксобензольная Рура и лакокрасочная Эльберфельда.

[2] Сел.-хоз. машиностроение и паровозостроение Кельна. Вместе с ним к округу отнесен и второй по мощности буроугольный бассейн, развивающийся центр электрификации.

[3] Если каменоломни Гунсрюка и работают на Франкфурт, то вся остальная часть снабжает строительным материалом: лесом и камнем, а также и рудой Нижне-Рейнскую область, получая вверх по течению недостающее продовольствие. Кобленцкий округ — неотделимая часть Рурского комбината.

которые образуют в совокупности юго-западную область. Характерная черта ее земледелия — мелкий крестьянский строй хозяйства с парцеллярным землепользованием.

Рейнско-Майнская область, благодаря судоходности Майна до Ашафенбурга, получает совершенно исключительную притягательную силу для развития промышленности с торговыми связями, охватывающими наиболее сильно оба Гессена, т.-е. тяготеющую к ней с севера гессенскую долину. [1]

Бавария. Франконская Юра разделяет ее на две естественных области — северную и южную.

Южная — с бассейном верхнего Дуная и повышающимися постепенно к югу от него предгорьями Альп с лесами, болотами, лугами и животноводственным направлением сельского хозяйства. На водной энергии здесь развилась промышленность [2] Аугсбурга, Мюнхена и других более мелких центров. Современное электростроительство превращает эту область в центр электрификации южной Германии.

Северная — имеет ландшафт котловины, образуемой горами. Центр этой котловины Нюренберг является местом сосредоточения товаров и развился в крупный промышленный центр.[3] Восточнее Франконской Юры [4] на лесистых склонах Франконского Леса и Фихтелевых гор развилась стекольная промышленность. Из Фихтелевых гор распространилась во всех направлениях фарфоровая промышленность. Кроме того, здесь представлены и различные отрасли, ориентирующиеся на рабочую силу, аналогично тюрингенской и саксонской стороне этих гор.

Поэтому, Баварию можно разделить на два хозяйственных округа. Граница их дана районами тяготения северного к Нюренбергу и южного к Мюнхену. Так, например, к северному отнесен район Гофа на северном склоне Франконского Леса, несмотря на оживленный обмен полуфабрикатами с соседними саксонскими и тюрингенскими предприятиями. Мотив — направление сбыта фабрикатов в Баварию и снабжение этого района продовольствием из северной Баварии.

[1] Южная Германия наименее разработанная часть очерка Шей, в котором ей посвящено только две страницы.

Промышленность Франкфуртского округа и северной части юго-западного (с Людвигсфен-Мангеймом) обязана своим существованием в значительной степени дистанционному фактору „великому соединителю“ Рейну. Им обусловлена промышленная специализация: химическая (встреча заморских колчеданов с вюртембергской солью), кожевенная (с местным дубителем), табачная (обязанная только своим возникновением местному табаку) и т. п. Центральный промышленный район Бадена и Вюртемберга (верховья Некара) только косвенно связан с Рейном получением металла и топлива (прежде из Саара — Лотарингии, теперь Рура) и ориентируется целиком на рабочую силу. Аграрное перенаселение, разрешавшееся до 70-х годов выселением и отходом на строительные работы (жел. дороги), дало впоследствии кадры пролетариата для металлопромышленности, текстильной и связанной с ней бумажной (на тряпье) промышленности. К машино-, паровозо- и вагоностроению Штутгарта и Эслингена и к мирового значения производству магнетто для автомобилей (Роб. Бош), паровых котлов, велосипедов и т. п. присоединяются в близком соседстве: производство карманных часов Штромберга (в манufактуре Junghanssche Werken занято 5 тыс. раб.), металлических украшений (в баденском Форцхейме) и т. п. Текстильная промышленность, вытянувшаяся от штутгартского центра в юго-восточном направлении, органически связана получением пряжи с баварской и швейцарской. В структурном отношении их сближает и сходство энергетики (белый уголь Некара). И в отношении снабжения продовольствием этот район связан с соседней Баварией. Поэтому, его можно считать как бы особым округом в составе южно-германской промышленной области, включающей, кроме него, и обе части Баварии. В свою очередь, одноструктурные мангеймский и франкфуртский округа можно рассматривать также как одну область, хозяйство которой вращается вокруг Рейна.

[2] Однородная по составу с вюртембергской с присоединением электротехнической. Придунайский сел.-хоз. район с его специальной индустрией (пивоварение, виноделие и т. п.) следует признать особым округом—началом чешского и австрийского В. Дунайского района.

[3] Машиностроение, электротехническая промышленность, производство карандашей из графита, добываемого у Пассау, и т. д.

[4] Этот район является простым продолжением среднегерманской области.

IV

Изложенного достаточно для суждения о методологии Шей и результатах ее применения.

По сравнению со своими предшественниками, Шей стоит на значительно большей высоте, пытаясь конструировать районы по всей совокупности признаков. Плодотворна и его исходная посылка — строить район из ландшафта, не стесняясь, вместе с тем, с землеведческой опекой. Этим гарантируется полнота учета природной обусловленности районов.[1] Почти всем районам им учитывается и действие исторического фактора, за исключением случаев воздействия его через дистанционный момент географического положения. В связи с этим от него ускользнула организующая роль промышленности, выросшей из центрального,[2] либо приморского положения.[3]

В концепции района он близко подходит к пониманию его как функционально-связанной производственной совокупности, отдельные, территориальные части которой могут различаться направлением производства, но сохранять в то же время единство, благодаря их общей увязке вокруг основной специальности. В некоторых случаях ему удается ухватиться в полной мере за этот главный рычаг интегрального районирования — организующую роль основной специальности. Это относится, главным образом, к сахарным и горнозаводским районам, где этот рычаг, так сказать, лезет в глаза.

Однако, в полной мере к этой концепции он не перешел, не рискнув порвать с статистическим районированием. А так как, идя в этом направлении, приходят неизбежно к производственно однородным «пятнам», а не районам, то для проведения границ он избрал в качестве вспомогательного средства рыночное тяготение к центрам первого порядка. Из этого вытекает и терминологическая путаница округов, районов, провинций и областей и конечный результат — выделение 22 округов, представляющих собой либо производственно однородные, либо законченные в торговом отношении территориальные элементы единых по структуре и обусловленности экономических районов.

Короче говоря, Шей не удалось выделить тех реальных хозяйственно-территориальных совокупностей, существование которых обусловливается устойчивой комбинацией факторов, а строй хозяйства определяется основным направлением производственной специализации, с которой фукционально связаны все остальные элементы хозяйства. Тем не менее, собранный им районный материал имеет громадную ценность и допускает дальнейшую его систематизацию, с целью получения приблизительного представления об экономических районах Германии. При этом, нельзя не отметить, что остается совершенно неразрешенной другая задача — изучение взаимодействия районов и транспортных проводников этого взаимодействия.

Подводя итог сделанному обзору, нельзя не квалифицировать современного состояния районной географии Германии, как состояния известного методологического тупика, объясняющегося слабой заинтересованностью

[1] А в будущем и возможность полного синтеза географии природы и человека, когда экономическая география продвинет основной участок социальной географии.

[2] Берлинско-Бранденбургский и, отчасти, Средне-Рейнский.

[3] Северо-западный район.

в ней общественной среды и трудностью германского материала. Тем не менее, послевоенные обстоятельства обеспечивают длительный интерес к районной географии со стороны германских ученых, которым нехватает «только» методологии. В этом отношении необходима подача «скорой помощи». В Германии не знакомы с нашими методологическими достижениями.[1] Ряд статей в «Земле и хозяйстве», а, может быть, и сводный сборник по методологии[2] в переводе на немецкий язык могли бы сильно помочь работам германских ученых. Было бы печально, если бы исполнился прогноз д-ра Гартнака относительно тех опасностей, которые таит в себе современный успех экономической географии.

---

[1] Знают только Студенского и Чаянова. О работах Госплана едва ли не главный источник информации статья Семенова. „Революция и внутренние границы России", „Zeitschrift für Geopolitik" 1927, S. 970 ff.

[2] Автор имеет в виду систематизацию методологических работ госплановского коллектива: Бернштейн-Когана, Баранского, Рыбникова, Котова и др.

И. А. Кан

Планово-организационные задачи в области стандартизации

Стандартизационное движение является одним из наиболее значительных проявлений рационализаторского потока, охватившего хозяйство Зап. Европы и Америки. Это движение можно расценивать, как своеобразный показатель тех глубоко монистических тенденций, которые вообще характерны для нашей эпохи, которые имеют свое отражение в различных областях практики и теории и, в особенности, в сфере научной мысли. Здесь этот монизм приобретает особое значение, потому что движение это имеет полем своего приложения важнейший фронт жизни — сферу техники.

В наши дни это движение, все более крепнущее и растущее, знаменует собой начало глубокой технической революции в современном мировом хозяйстве. Послевеликого технического переворота конца XVIII и начала XIX веков и сдвигов, связанных с использованием новых источников энергии в течение прошлого века, стандартизация является новым показателем намечающихся глубоких изменений в самой технико-организационной основе производства.

Одновременно с этим, стандартизационное движение является, выражаясь термином химическим, тем катализатором — ускорителем, который способствует стремительному росту производительных сил и более эффективному их использованию. Стандартизацию смело можно расценивать, как одну из ведущих идей в технической реконструкции хозяйства.

Если началом этого движения условно можно считать 1848 г. прошлого столетия, когда Витворт впервые выдвинул идею нормализации нарезок, то лишь теперь движение это получает свое необходимое развитие, и в дальнейшем процесс этот несомненно будет протекать с лавинообразным ускорением. И это неудивительно,— стандартизационное движение связано с самыми коренными особенностями структуры современного мирового хозяйства. Лишь на базе трестированного хозяйства, на базе монополистической фазы капитализма, это движение может получить столь стремительное развитие, имея опору в основных решающих тенденциях экономики современного хозяйства.

Для решения вопроса о том, как использовать это движение и развивать его дальше, как сообщить этому потоку необходимое направление, скорость и ускорение, необходимо исходить из следующего важнейшего момента: стандартизационное движение неотделимо от его планирования— вне плана не может быть стандарта, без планирования это движение обречено на неуспех.

Ни в какой другой области работы плановое начало не имеет такого решающего значения для ее эффективности, как в стандартизации и, если она будет и впредь протекать, как и до сих пор, полустихийно, она не сможет гарантировать высокого коэфициента полезного действия, а может приводить и к отрицательным результатам.

Для того, чтобы раскрыть картину усилий, имеющих целью ввести это движение в определенное плановое русло, необходимо установить, в чем

заключается глубочайшая специфическая особенность этого движения, неизбежно предопределяющая все его дальнейшие судьбы. Такой характерной особенностью, таким специфическим признаком является наличие глубокой цепной связи между явлениями, охватываемыми понятием «стандартизация». Подобно частям механизма, строго рассчитанным в своих размерах и связях, подобно строгим закономерностям любого технологического процесса, и в области стандартизации между входящими в ее круг явлениями объективно существуют определенные функциональные взаимозависимости. При стандартизации всегда на лицо по крайней мере два звена — продукт и пошедшее на его изготовление сырье. Число звеньев может быть и большим: продукт, оборудование, сырье и т. д.

При решении любой задачи по стандартизации приходится иметь дело с понятием функции и, можно, например, утверждать, что стандарт конторской книги, является функцией стандарта бумаги; стандарт чугуна является функцией стандарта руды, стандарт стекла — функция стандарта оконной рамы и т. д. Если цепная связь существует реально между самыми явлениями, то, очевидно, столь же глубокая цепная связь должна быть и между усилиями, целью которых явится направить это движение в определенное плановое русло. Правильно развертывать работу по стандартизации можно, если установить характер этих функциональных зависимостей. Без их раскрытия не может быть обеспечен необходимый эффект. Осложняющим фактором является то, что данный стандарт сплошь и рядом является сам функцией другого стандарта, который в свою очередь и является величиной переменной, зависящей от изменчивых природных условий. Так, например, в текстильной промышленности и в других отраслях, связанных с сельским хозяйством, стандарты не могут быть всегда стабильными, а подвержены изменениям: таковы, например, стандарт шерсти, ячменя для пива, стандарт свеклы для сахара и т. д. Таким образом, та «независимая переменная», которая должна предопределять соответствующую функцию, сама оказывается в состоянии динамической неустойчивости.

Осложняющим моментом при разработке стандартов является и то, что стандарт какого-нибудь продукта сам является функцией не одной зависимой переменной, а двух, трех или большего числа их. Если требуется установить стандарт, например, оконного отверстия, то надо иметь в виду, что он является функцией и высоты этажа и световой нормы на единицу пола и т. д. Так что, если необходимо разработать стандарты теоретически и организационно правильно, усилия должны быть направлены на раскрытие тех именно «независимых переменных», которые собой предопределяют направление и последовательность стандартизационных мероприятий. Всякая другая работа по стандартизации, вырывающая одно звено из общего механизма, не может дать уверенности в том, что действительно установлено то начало работы, от которого необходимо исходить и которое единственно может обеспечить нужный длительный эффект. Эта неумолимая логика взаимозависимостей должна соответственно определять собой цепную связь стандартных усилий, что вплотную приводит к принципу плана,— вне последнего не может быть стандартизации.

Нужна серьезно поставленная методологическая работа, без которой стандартизация будет носить характер кустарных, случайных усилий, мало плодотворных по своим результатам.

Как показано выше, установка всей этой работы должна иметь ориентацию именно на идею плана. Сопоставляя эту установку с характером работ, которые ведутся в настоящее время в Союзе ССР в области стандартизации, необходимо отметить их явное несоответствие.

До настоящего времени работы по стандартизации, захватывая тот или иной круг объектов, развертывались в значительной мере стихийно; детально и обоснованно разработанный план работ на более или менее значительный отрезок времени — отсутствовал: так, Комитет по стандартизации предполагает внести в Правительство свой пятилетний план работ лишь к 1 октября 1929 г. — т.-е. к началу второго года пятилетки. Оперативная работа по стандартизации важнейших ведомств, ведущих стандартизационную работу, протекает также в аналогичных условиях. В контрольных цифрах стандартизация не получает соответствующей разработки. Внимание работников стандартизации распределяется по целому ряду объектов, в выборе которых не всегда можно установить наличие большой генеральной плановой линии. Русла этого движения идут параллельно без того, чтобы те или иные более важные моменты приобрели необходимую большую актуальность. Не всегда берется то поле стандартизации, которое является в данный момент более важным и которое должно приобрести особое значение для хозяйства Союза.

Для решения вопроса относительно правильного направления этого движения, в первую очередь, нужно фиксировать внимание на том грандиозном поле стандартизации, которое раскрывается всем нашим строительством. Именно вследствие отсутствия в современном стандартизационном движении Союза единого планового начала приобретает особое значение проблема выработки критериев, при помощи которых становится возможным сознательно взвешенный выбор того или иного значительного участка работы. В силу этого особо важным представляются работы научно-изыскательного порядка о принципах отбора объектов, подлежащих стандартизации и об оптимальной очередности в проработке отдельных объектов в различных отраслях народного хозяйства, в данное время под углом зрения задач пятилетнего плана.

Открывается бесконечно широкое поле усилий, сеть различных организационных задач. Усилия должны быть направлены на то, чтобы выработать ту систему критериев, при помощи которых можно из общей суммы задач извлечь те именно, которые представляют наибольшее значение.

Какие же это критерии? Очевидно, это в первую очередь те, которые подсказывают целесообразность особого внимания отраслям промышленности, производящим массовую продукцию. Затем сюда следует отнести те отрасли промышленности, удельный вес которых в общей сумме продукции является значительным, как, например, текстиль, составляющий по ценности около 60% от общей стоимости предметов широкого потребления или 30% всей государственной промышленности. Усилия могут быть направлены затем на то, чтобы внутри данной отрасли отбирать наиболее важные объекты.

Изыскание и систематизация подобных критериев должны явиться первой стадией на пути введения стандартизационного движения в плановое русло. Задача заключается в том, чтобы создать специфические орудия экспертизы того, что подлежит срочной стандартизации и что может быть отложено во вторую очередь. Такая суровая работа отбора может дать очень многое, как дает она в других областях жизни и практики.

Задача отбора критериев почти совершенно не затронута и в соответствующей литературе по стандартизации. Без продуманного планового подхода, без отбора орудий экспертизы дело стандартизации, в лучшем случае будет стоять на уровне кустарного дела и не будет соответствовать тем грандиозным потенциональным ресурсам, которые в нем заложены.

Нельзя, однако, ориентироваться на критерии только чисто теоретического характера. Очевидно, к обще-теоретической постановке должны

быть отнесены определенные коррективы, идущие от конъюнктуры хозяйства, от живых практических нужд его развития.

В практике работ по стандартизации не в достаточной степени обеспечена органическая связь с текущим оперативно-хозяйственным строительством. Продукция новых строящихся заводов, предприятий не всегда заранее стандартизирована, и, если даже стандарт на соответствующую продукцию утвержден,— отсутствует гарантия того, что строительство и оборудование новых производственных предприятий приспособлено к выпуску стандартизированной продукции.

Эти коррективы должны быть найдены в следующих направлениях: необходимо зорко следить за тем, чтобы стандартизационное движение содействовало общим задачам индустриализации страны. В связи с этим выдвигается подсобная, но весьма существенного значения задача, связанная с капитальным строительством и в особенности с производством строительных материалов. В Америке стандартизация в этой области продвинулась чрезвычайно далеко, охватывая как стандартизацию материалов, подсобных для строительства приспособлений, так и чертежей и проектов, облегчающих работу конструктивной мысли, освобождающих творческую мощь за счет шаблонизации того оборудования, при помощи которого производится самое проектирование.

Особое внимание должно быть уделено стандартизации оборудования, связанного с расширением энергетической базы, с автомобильным, тракторным делом, турбиностроительством. Эта последняя задача носит тем более острый характер, что в текущей практике нередки случаи, когда строительство предприятий производится без того, чтобы самый тип продукции был окончательно твердо установлен. Необходимо поэтому, чтобы учреждения, дающие проектирующим организациям задание на проектировку до окончательного установления типа продукции, получили от Комитета по стандартизации или других соответствующих органов определенную справку о том:

а) необходим ли стандарт для изделия продукта, намеченного к производству;

б) установлен ли соответственный стандарт или таковой находится еще в стадии разработки, в случае, если соответствующие стандарты установлены или находятся еще в стадии разработки, проектировка должна вестись с расчетом на выпуск стандартной продукции.

Эта сторона дела должна быть особо учтена организациями типа НТС'ов ВСНХ СССР и другими аналогичными организациями по линии прочих ведомств. Органы, экспертирующие новое капитальное строительство, обязаны производить экспертизу также и под углом зрения стандартизации, координируя эту работу с соответствующими органами по стандартизации.

Безотносительно к этому нужны и другие критерии по выбору объектов стандартизации, связанные с экспортными и импортными задачами. В этой области должны быть установлены:

а) перечень стандартов для экспортных товаров и сырья, требующих особо срочной разработки;

б) перечень категорий импортных товаров и сырья, для которых должны быть в срочном порядке установлены технические условия и стандарты, в соответствии с требованием потребителей в СССР и с уровнем заграничного производства.

Обо всех принятых в СССР стандартах по объектам, имеющим отношение к экспортно-импортным операциям, должны быть немедленно осведомлены торгпредства, так как последние, судя по промелькнувшим недавно сведениям далеко не всегда в курсе тех стандартов, которые приняты у нас, — и это обстоятельство должно внушить определенную тревогу.

Не следует ни на мгновение упускать из виду той опасности, о которой в свое время говорил секретарь Британской ассоциации технических стандартов, и которую он образно назвал «битвой стандартов». Стандарты, принятые в одной стране, могут оказаться в противоречии со стандартами другой, и тогда, благодаря этому, на путях экспорта и импорта могут оказаться совершенно непреодолимые препятствия, коренящиеся в самой природе стандартов. Эти трудности, вызываемые различиями в сфере стандартов, могут оказаться в будущем куда более грозными, чем те или иные таможенные тарифы, или даже коренные различия в самом типе организации торгово-экономических связей между отдельными странами.

Для того, чтобы развернуть работу по стандартизации достаточно четко и эффективно, необходимо предварительно расчистить самое поле труда и в связи с этим значительное внимание уделить предварительным фазам — сокращению ассортиментов, типизации, унификации, как тем исходным мероприятиям, которые необычайно облегчают работу по собственно стандартизации. Ведь не случайным является то, что в Департаменте торговли на ряду с работами по стандартизации Герберт Гувер параллельно развернул высокоэффектную работу по так называемой «упрощенной практике».

Работа по стандартизации необходимо должна ориентироваться затем на насаждение стандартизационной культуры, на систему многосторонних усилий, направленных на ее глубочайшее внедрение во все стороны хозяйства, и обратно — на использование всех наличных ресурсов, которые могут содействовать выработке пятилетнего, генерального плана стандартизации и путей его реализации в хозяйственной практике.

В первую очередь, в этом отношении необходимо апеллировать к научно-техническим силам Союза. Активное участие всего коллектива научных работников, деятелей высшей и средней технической школы, может иметь решающее значение для эффективности стандартизации.

Необходимо, чтобы соответствующие союзные и республиканские органы, ведущие работу по подготовке кадров квалифицированных специалистов, обеспечили включение в курсы высших и средних технических школ сведений о состоянии и методологии стандартизационного движения за границей и в СССР, применительно к различным областям технического знания. Требуются организационные мероприятия по более широкому вовлечению преподавательского состава и студенчества в активную работу по стандартизации, в частности, при даче заданий на дополнительные проекты. Без высшей, без средней технической школы это движение не может получить необходимого размаха.

Надо, чтобы книги и журналы по вопросам стандартизации могли легко проникать в высшие школы, чтобы студенты и преподаватели могли получать их на льготных условиях. Значение стандартизации должно быть достаточно полно освещено на производственных совещаниях в высших школах, чтобы, наконец, эти работы были связаны с производственной практикой студенчества.

Необходимо, чтобы учащиеся высшей школы приложили в этом направлении усилия, инициативу и настойчивость.

Следует предъявить нашим издательствам требование, чтобы в издаваемых ими технических учебных книгах были представлены элементы стандартизации. Нужно озаботиться изданием популярной литературы по вопросам стандартизации.

Достаточно ли используется наша пресса для более широкой информации об успехах стандартизации? В какой мере содействует этому делу

телеграфное агентство, осведомляет ли оно о принятых стандартах? Очевидно, что недостаточно. Между тем, телеграммы относительно стандарта, например, кирпича или другого строительного материала должны внедриться в обычную практику прессы, стать бытовым явлением и это будет иметь большое производственное значение.

Нужны конференции: Союзные, республиканские, которые не только могли бы обобщить то, что сделано, но и стимулировать стандартизационное движение и облегчить возможности его дальнейшего развития.

Предпосылкой и непременным условием для того, чтобы придать стандартизационному движению необходимый размах, является организация широкой агитационно-пропагандистской кампании путем использования всех видов прессы, широких конференций, снабжения заинтересованных организаций и учреждений стандартами в натуре, если это окажется технически выполнимым.

Было бы целесообразным на всех выставках, которые происходят по различным линиям хозяйства, иметь уголок стандартизации. Нужны и специальные музеи или выставки, наглядно демонстрирующие, что сделано по линии стандартов, по линии сокращения ассортимента и т. д.

Идея стандарта, его практика, достижения, трудности, должна стать через систему партийных, профессиональных органов достоянием широчайших рабочих масс. Нужна неделя стандарта.

В порядке государственного регулирования этого движения требуется вместе с тем и создание таких условий, которые не только обеспечили бы разработку стандартов, но и гарантировали их проведение в жизнь.

Разработка стандартов должна сопровождаться установлением системы поощрительных мер, создающих стимулы к активному развертыванию этой работы и обеспечивающих в дальнейшем их облегченную реализацию на практике для предприятий, учреждений и организаций, участвующих в практическом осуществлении стандартов в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, в торговле, в кооперации и т. д. В частности, должны быть установлены льготные цены для стандартных продуктов по сравнению с соответствующими нестандартными.

Кроме стимулов материальных должны быть введены в практику и стимулы общественного характера: необходимо систематическое освещение в прессе достижений отдельных предприятий, которые перешли к сокращенному ассортименту, которые ввели тот или другой стандарт. С другой стороны, нужны мероприятия материального поощрения предприятий и отдельных лиц за разработку стандарта и производство стандартизированной продукции.

Стандартизационные начинания, выдвигаемые инициативой отдельных ячеек, должны получить поддержку и поощрение со стороны государства. Кропотливая и затяжная работа по установлению стандартов может быть осуществлена в порядке конкурсов, по крайней мере, в отношении тех стандартов, которые непосредственно отвечают текущим, а, следовательно, наиболее злободневным хозяйственным нуждам.

Необходимо, наконец, создание специальных организационных условий, которые могли бы обеспечить стандартизационному движению правильную установку в форме специальных бюро на предприятиях, стандартных камер и т. п.

Лишь комбинированные усилия по многостороннему охвату всех сторон стандартизационного движения как по линии разработки стандартов, так и их практическому осуществлению могут обеспечить настоящую постановку этого дела, соответствующую задачам реконструкции хозяйства.

Н. И. Сазонов

Реорганизация энергоснабжения городов на основе теплофикации и газоснабжения[1]

„Октябрьская революция создала предпосылки для возможности охватить современный город единым энергетическим планом. Проведение последнего в жизнь является необходимым условием в деле осуществления культурной революции в жизни трудовых масс".

(Из резолюции IX всесоюзного электротехнического с'езда)

Современное состояние вопроса энергоснабжения городов и тенденции развития

Современные, в особенности, крупные города, являясь большими потребителями топлива, в основном расходуют его для получения двух видов энергии: тепловой и электрической.

Расход топлива на производство механической энергии, на печах особого назначения и двигателях внутреннего сгорания, уже теперь играет относительно небольшую роль в топливном балансе городов, а в будущем, с развитием электрификации, неизбежно будет еще более снижаться за счет повышения расходов топлива для производства тепловой и электрической энергии. Каков же удельный расход топлива для получения каждого из указанных видов энергии? Наша топливная статистика, к сожалению, не ведет точного учета расхода топлива потребителями (промышленностью, коммунальным хозяйством и т. д.) на производство каждого из указанных видов энергии.

Тем не менее, косвенные подсчеты такого расхода для отдельных крупных городов уже теперь дают много материала для суждений о больных местах в топливных балансах городов и наметить правильные пути их лечения, учитывая при этом как моменты необходимости народнохозяйственной экономии топлива, так и социально-гигиенической проблемы городов.

По данным проф. В. В. Дмитриева,[2] из общего расхода условного топлива в Ленинграде в 1916 г. в 4,7 млн. тонн, на производство механической и электрической энергии было израсходовано около 1,9 млн. тонн, или около 42%, и 2,7 млн. тонн топлива, или 58% общего расхода, были израсходованы на тепловые процессы промышленного, коммунального и бытового назначения.

Произведенные нами подсчеты расходов топлива в Ленинграде в 1927/28 г. для получения отдельных видов энергии дали еще большее возрастание расходов топлива на получение тепловой энергии, которые повышаются до 65%. Последнее об'ясняется тем, что

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] Приведенные расчеты проф. В. В. Дмитриевым представлены автору настоящей статьи, в связи с проектом реорганизации топливоснабжения Ленинграда, базирующейся на основе газоснабжения с торфяных болот.

в истекшем году значительную роль в электроснабжении Ленинграда играла Волховская гидростанция, давшая последнему более 270 млн. *квтч* электроэнергии, что уменьшило расход топлива на производства электрической энергии, но не могло оказать никакого влияния на сокращение расходов топлива для получения тепловой энергии, для технологических процессов, отопления и бытового назначения.

По подсчетам инж. Л. Гинтера удельный расход топлива Ленинградскими тепловыми электрическими станциями, при выработке последними к концу пятилетия не менее 800 млн. *квтч* электроэнергии, не превысит 10% общего расхода топлива по Ленинграду к тому же времени, так как с развитием промышленности будет расти город, а следовательно, и его топливные нужды как для целей производства и отопления, так и для варки пищи.

Благодаря низкому коэфициенту использования топлива, в особенности в бытовом потреблении, абсолютный расход его настолько велик, что он всегда будет больше той экономии топлива в топливном балансе городов, какую дают районные станции подачей электрической энергии с гидро-или паровых районных станций.

Примерно такие же соотношения расходов топлива для получения тепловой и электрической энергии будут и для других городов. Так, по данным инж. Танер-Таненбаума [1] расход топлива на тепловые нужды по Москве за 1925/26 г. составил 84% и только 16% топлива израсходовано на производство электрической и механической энергии.

Небольшой коэфициент полезного действия получаемый в раздельных установках, производящих тепловую и электрическую энергию, был причиной того, что в практике американских и европейских городов, в настоящее время получили широкое развитие централизованное производство и распределение этих видов энергии. Высокий коэфициент использования топлива, достижимый при централизованном производстве тепловой энергии, обеспечил большое развитие как центральным отопительным станциям в Америке, так, в особенности, теплоэлектрическим станциям в Германии, разрешающим проблему энергоснабжения городов в соответствии с требованиями народнохозяйственной экономии топлива и социальной гигиены городов.

Каково же положение энергоснабжения городов у нас, в СССР.

В производстве электрической энергии в настоящее время, в соответствии с требованиями техники и экономики электроснабжения, твердо усвоен принцип централизованного снабжения, и новые станции строятся именно с таким расчетом. Но этого нельзя сказать про снабжение городов тепловой энергией: в этой области до сих пор проводится тот принцип, что снабжение городов тепловой энергией — дело отдельных учреждений, ведомств и самого населения, даже при наличии условий для централизованного снабжения как электрической, так и тепловой энергией с одних централей — энергоцентралей.

Существующее положение вещей, когда электрификация страны находится в руках двух ведомств — ВСНХ, занимающегося районными станциями, и НКВД, регулирующего строительство лишь городских станций, грозит тем, что тенденция к сохранению раздельного производства и распределения электрической и тепловой энергии обрекает наши города на такое положение и в будущем. Поскольку станции строятся на десятки лет и не могут быть переносимы, ненормальность такого положения, которое

[1] См. статью — „Районные электростанции или теплофикация Москвы“ — „Торгово-промышленная газета“ от 20/II-29 г. № 42.

теперь нужно доказывать, со временем, по мере роста городов и культурных запросов населения, станет очевидной и без доказательств.

Теплофикация с центральных электростанций и реорганизация их в энергоцентрали, даже при наличии благоприятных для этого условий, как, напр., в Москве, Ленинграде, Харькове и т. д., в СССР развивается исключительно медленно. Помимо осторожности, необходимой при осуществлении всякого дела, а тем более нового, основным тормозом в деле развития теплофикации в городах СССР являются ведомственные соображения и ложный взгляд, что вопрос теплофикации городов — дело отдельных предприятий или органов коммунального хозяйства и ни в какой степени не может касаться ВСНХ и промышленности.[1]

Поэтому в планах электрификации даже этих городов, не говоря уже о десятках меньших, энергетика городов остается вообще забытой. Нуждающиеся в тепле для производства и отопления промышленные и коммунальные предприятия, получая часто электроэнергию с районных станций, вынуждены обзаводиться своим тепловым хозяйством, со своим персоналом, большими расходами топлива на тонну пара и т. д., вместо перехода к централизованному снабжению электрической и тепловой энергией с энергоцентралей, которые тем дешевле смогут обслуживать потребителей обоими видами энергии, чем больше масштаб производства.

Ненормальность такого положения очевидна. Происходивший весной 1923 г. IX всесоюзный электротехнический с'езд подчеркнул необходимость при разрешении вопросов электроснабжения городов подходить к нему не только с точки зрения электроснабжения, но энергоснабжения в целом, рассматривая современный город как одно энергетическое целое.

«Во многих случаях,— говорит резолюция IX всесоюзного электротехнического с'езда — вопросы электро и теплоснабжения могут быть разрешаемы наиболее целесообразно, если рассматривать город со всеми расположенными в его пределах предприятиями, учреждениями и домовыми хозяйствами как одно энергетическое целое, и разрешать вопросы электрификации не как изолированную, сравнительно узкую задачу электро-хозяйства, а как часть общей проблемы энергетики населенных мест».

Несмотря на эту директиву электротехнического и энергетического с'ездов, вопрос энергоснабжения основных промышленных центров СССР как Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Тверь, Нижний-Новгород и др., не говоря уже о мелких городах, в ныне опубликованных [2] пятилетних планах электрификации ВСНХ никакого отражения не нашел. Планы электрификации строятся в направлении разрешения лишь вопросов электроснабжения этих центров с районных станций с максимальным сокращением фабрично-заводских блок-станций так как «они, как известно, менее экономичны и представляют с точки зрения планового хозяйства неоправдываемый расход». [3]

Под таким углом намечается ВСНХ разрешение даже вопросов промышленной энергетики, несмотря на то, что фабрично-заводские блок-станции, при наличии большого расхода тепла на нужды производства и отопления, во многих случаях

[1] Когда статья была написана, в „Торгово-промышленной газете“ появилась полемика по поводу перспектив теплофикации в Москве, лишний раз подтверждающая полное неблагополучие в этой области. Интересующихся подробностями этой полемики отсылаем к №№ 28, 31, 34, 40 и 42 „Торг.-пром. газеты“ за 1929 г.

[2] „Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29 — и 1932/33 г.г“, доклад В. В. Куйбышева на VIII с'езде профсоюзов М. 1929 г., стр. 152.

[3] Ф. Ю. Флаксерман, „Перспективы планирования и энергоплана“ — „Торгово-промышленная газета“, от 29 января 1929 г.

могут дать электроэнергию значительно дешевле, чем районные станции, так как электроэнергия в этом случае получается как «отбросная».

История и современное развитие теплофикации за границей и в СССР

Развитие городских отопительных устройств в Америке тесно связано с развитием электростанций. Оно началось 40 лет тому назад с использования отработанного пара с центральных электрических станций, по тому времени небольших и расположенных в центре потребления обоих видов энергии.

Быстрый рост развития электрификации, следствием которого было несоответствие между возможностями теплоотдачи и потребностью в тепле, а также транспортные затруднения с подвозом топлива для крупных электростанций, как и ряд причин организационного характера, привели к тому, что отопительные станции в больших городах обособились от электрических, при чем последние стали выноситься на окраины города.

Такие города, как Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Детройт и другие, на ряду с крупными электроцентралями имеют теплоцентрали для производства лишь тепловой энергии. Для того, чтобы судить о масштабе производства этих станций, скажем, что нью-йоркское отопительное общество—Nem-Vork Steam Corporation—имеет две установки для производства пара в общей сложности 83.000 кв. метров поверхности нагрева котлов, что соответствует, приблизительно, поверхности нагрева котлов электростанций около 350.000 квт. мощности, что превышает существующую мощность всех станций общественного пользования Ленинграда и Москвы. Указанное общество продало в 1925 г. 2.500. 000 тонн пара; отопительная установка в Детройте в то же время продала 1.500.000 тонн пара.[1]

Другие города С.-А.С.Ш., как Вашингтон и ряд городов Канады, часто с десятками тысяч населения, пошли по пути комбинированного производства электрической и тепловой энергии на теплоэлектрических централях. Электическая энергия используется для освещения и технической нагрузки, а тепловая — для промышленного и бытового потребления: отопления, бань, прачечных, варки пищи и т. д.

Специфические условия развития электрохозяйства в Сев. Америке, начавшись с комбинированного производства тепловой и электрической энергии, в крупных центрах пришли в процессе развития к раздельному производству обоих видов энергии. Вздорожание угля в период 1919—1921 гг. снова заставило вернуться к комбинированному способу получения тепловой и электрической энергии, и многие общества, поставлявшие до этого острое тепло, стали ставить паровые турбины для получения и электрической энергии, которую продают в общую сеть. Появились даже общества, исключительно занимающиеся перепродажей отходящего тепла электрических станций.

При других условиях развивалось электрохозяйство Германии. С техническим решением проблемы комбинированного производства тепловой и электрической энергии в одном нераздельном процессе и передачи тепла на расстояние, Германия в течение 3—4 лет в ряде городов переоборудовала свои электроцентрали в энергоцентрали для снабжения промышленности, городского хозяйства и населения не только электрической энергией, но и тепловой как для нужд производства, так и отопления.

[1] Данные взяты из „V. D. Y.“, № 46 за 1926 г.

В настоящее время в Германии работают следующие крупные энергоцентрали: Лейпцигская централь — 25.000 *квт*, Дрезденская — 30.000 *квт*, Шарлоттенбургская — 56.000 *квт*, и Альт-Маобит — 78.000 *квт*, (две последние в Берлине).

Город Берлин ввел в общий план теплоэлектроснабжения все старые электроцентрали, переоборудовав их в энергоцентрали (Шарлоттенбург, Альт-Маобит и др.). В параллельной работе с крупными термическими станциями теплоэлектроцентрали дают наилучшее разрешение энергетической проблемы современных крупных городов, с наибольшей народнохозяйственной экономией топлива, неся в отопительный сезон основную нагрузку и снабжая города дешевой «отбросной» электрической энергией. Летом, наоборот, основную нагрузку несут районные станции, а энергоцентрали находятся в резерве. Такое перераспределение нагрузок по сезонам дает громадную экономию топлива, разрешая вместе с тем и социально-гигиеническую проблему крупных городов.

Обычным доводом противников необходимости форсировать развитие теплофикации в СССР является ссылка на то, что такого типа станции хотя и рентабельны, но не разрешают вопроса электроснабжения крупных центров, будучи незначительными по мощности, и потому не имеют места в планах Главэлектро. Пример Берлина говорит другое: теплоэлектрические станции могут в крупных городах — Москве и Ленинграде — иметь такие мощности, что их нельзя игнорировать в общем плане электроснабжения.

По подсчетам группы инженеров Главэлектро: Дмитриева, Танер-Таненбаума, Шефтель и др.,[1] потребная теплоэлектрическая мощность для обслуживания промышленных и коммунальных потребителей только двух районов Москвы — Хамовнического и Дербеневского — составит около 150 тыс. квт.

Общая современная потребность теплоэлектрической мощности в Ленинграде составляет около 80 тыс. квт. при мощности всех станций общего пользования в том числе и Волховской гидростанции в 143 тыс. *квт*. В отдельных районах, как М.-Нарвский и Выборгский, уже теперь имеется потребность в тепле для мощности в первом районе на 30 тыс. *квт* и во втором — на 20 тыс. *квт*, с учетом развития предприятий в этих районах в ближайшее пятилетие.

В СССР мы стоим перед началом применения отопления на дальнее расстояние с теплоэлектрических станций. Судя по западно-европейской и американской практике, оно в ближайшие годы распространится всюду, где сосредоточенный расход тепла уже существует. В первую очередь оно распространится в таких городах, как Ленинград, Москва, Харьков, Ростов н/Д, Одесса и т. д., где имеются промышленные и коммунальные предприятия с большим расходом тепла и целые кварталы жилых домов уже сейчас широко снабженных системами центральных отоплений.

Теплофикация в СССР в настоящее время осуществлена только в Ленинграде с III ГЭС, где горячая вода по трубопроводам передается для бань и отопления домов на расстояние в радиусе до 4 *км*, давшая хорошие результаты и на практике доказавшая выгоды и преимущества для потребителей перехода к централизованному снабжению тепловой энергией.

В основном — эти преимущества сводятся к следующему:

а) легкость регулирования тепла;

б) чистота дворов, вследствие отпадения надобности в доставке топлива;

[1] См. отчет о дискуссии в Ком. академии, „Торг.-пром. газета“ № 31 от 7/II 1929 г.

в) уменьшение порчи крыш вследствие отсутствия дыма (серы в каменном угле);

г) сохранение дворовых мостовых, в особенности портящихся при завозах угля в грузовиках;

д) сбережение расходов на освещение кочегарок и вывозку шлаков и золы;

е) отсутствие расходов на кочегаров, а также экономия в жилой площади для них;

и) уменьшение расходов на отопление, которое большинством самих абонентов оценивается в 25%.

Перечисленные удобства отмечены при далеко неиспользованных возможностях от присоединения к энергоцентралям, в частности, на подогрев воды для бытового пользования в кухнях, в домовых прачечных и т. д.

Несмотря на указанные, теперь уже очевидные, выгоды от теплофикации с энергоцентралей как для электростанций, так и потребителей, достигаемые при наличии в крупных центрах теплоэлектрических централей, последние все же строятся не в центрах большого потребления тепловой и электрической энергии, какими являются Москва, Ленинград, Харьков, Ростов н/Д и т. д., где имеются для этого исключительно благоприятные условия, а в средних, как Омск, и мелких городах, как Псков, где эти условия несравненно хуже. Тем не менее, и здесь теплоэлектрические станции, как показывают расчеты, оказываются значительно более выгодными против чисто конденсационных станций, окупающих все расходы по теплофикации, как максимум, в 4—5 лет.

Теплоэлектрические станции, их место в системе электроснабжения и их роль в энергоснабжении городов

В настоящее время, после решений IX всесоюзного электротехнического с'езда, подтвердивших большое значение теплоэлектрических станций, нет особой необходимости подробно останавливаться на доказательстве большой их роли в энергоснабжении городов.

«Экономичность теплоэлектрических станций в особенности в таком городе, как Ленинград, где, с одной стороны, топливо очень дорого, с другой, — большая часть промпредприятий расположены в самом городе, не подлежит никакому сомнению. Такие установки, кроме того, дают большие преимущества в том смысле, что значительные машинные мощности имеются в главном районе потребления и, таким образом, надежность снабжения всей сети увеличивается». Так оценил роль теплоэлектрических централей для Ленинграда проф. Dettmar, консультант НК РКИ СССР, обследовавший электроснабжение Ленинграда в октябре 1928 г.[1]

Существует широко распространенное мнение, что сооружением станций, работающих на местном топливе или гидростанций, может быть уменьшен завоз топлива в города, получающие электроэнергию с районных станций. В действительности же вопрос обстоит так: крупные районные тепловые станции не только не упрощают проблему топливоснабжения крупных городов и промышленных центров, но ее усложняют. И вот почему: развитие промышленности на базе дешевой электроэнергии сопровождается ростом населения городов. С ростом промышленности и населения растет и абсолютный расход топлива на технологическое тепло и нужды отопления фабрично-заводских

[1] Из доклада проф. Dettmar „Заключение о результатах обследования электроснабжения Ленинградского района".

зданий, жилищ, варки пищи и санитарно-гигиенические потребности населения. Благодаря низкому коэфициенту использования топлива, в особенности в бытовом потреблении, расход его настолько велик, что он, обычно, значительно превышает расход топлива на нужды производства электрической энергии.

Для крупных центров, как Ленинград, и Москва, расход топлива на тепловые процессы, как мы указывали выше, составляет по Ленинграду, около 65%, по Москве — 84% и только около 10—15% общего расхода топлива в этих центрах расходуется на производство электроэнергии.

Без уменьшения расходов топлива на производство тепловой энергии, играющих главную роль в топливном балансе городов, уменьшение меньшей его части — расходов топлива на производство электрической энергии, сооружением районных станций, желаемых результатов не даст.

Значит ли это, что районные станции не нужно строить? Нет, не значит: районные станции строить нужно, в особенности при наличии благоприятных гидрологических условий для сооружения гидростанций, но при этом не следует забывать и проблемы энергоснабжения городов, которая ныне остается забытой и в пятилетке ВСНХ никакого отражения не нашла.

Только при наличии теплоэлектрических станций, работающих в параллельной нагрузке с районными станциями, будет удовлетворительно разрешаться проблема не только электроснабжения, но и энергоснабжения городов в целом, с действительной народнохозяйственной экономией топлива.

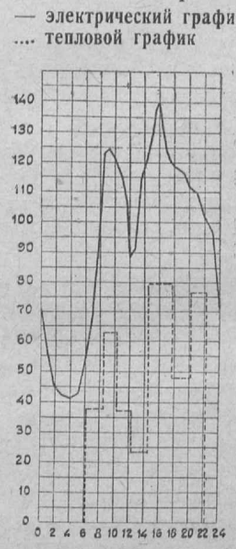
Поэтому для удовлетворительного разрешения вопроса энергоснабжения городов, по крайней мере, основных промышленных центров — Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска, Твери, Харькова и т. д., в ближайшие годы на ряду с окончанием районных станций, необходимо уделить, максимум внимания постройке теплоэлектрических станций и переоборудованию существующих в них ЦЭС, обычно расположенных в центрах городов в энергоцентрали для снабжения предприятий и домов не только электрической, но и тепловой энергией.

Говоря о развитии теплоэлектрических станций, мы считаем необходимым обратить внимание на две основных трудности, которые при этом будут иметь место: 1) несовпадение тепловых и электрических графиков нагрузок для станций и 2) несоответствие потребностей в тепле с возможностями выработки его электростанциями.

В городах с небольшой промышленной нагрузкой электрический и тепловой график не будет совпадать во времени: в то же время как зимний тепловой максимум будет между 12—4 часами дня, электрический будет между 7—11 часами вечера. Этот вопрос для небольших городов разрешается выбором оборудования и установкой агрегатов таких мощностей, чтобы они обеспечивали наилучший режим работы станций пуском в ход теплофикационных турбин при большом расходе тепла с сохранением в резерве конденсационных турбин или дизельных установок. При сокращении расходов тепла основную нагрузку будут нести дизельные установки или конденсационные турбины, а теплоэлектрические будут в резерве.

Эти моменты являются чрезвычайно важными, ибо достаточно несоответствия в расходе тепла и электрической энергии в интервале 3—4 часов, чтобы рентабельность теплоэлектрической станции была сведена на-нет.

В крупных городах, как Ленинград и Москва, положение лучше. Здесь имеется большее совпадение теплового и электрического графиков нагрузки, что показывает, например, следующий зимний график Ленинграда за декабрь 1928 г.



Черт. 1.

Электрический график является фактическим максимумом станций общественного пользования для декабря 1928 г. Тепловой график сделан на основе косвенных подсчетов расхода тепла всеми видами потребителей как промышленных, так и коммунального хозяйства и населения.

Приведенные графики дают возможность судить о следующем: во-первых, в крупных центрах совпадение теплового и электрического графиков нагрузки обеспечат наиболее выгодный режим работы теплоэлектрических станций и, во-вторых, в крупных центрах, как Ленинград и Москва, чисто тепловая нагрузка может быть весьма большой, в особенности в зимний период. Она, конечно, меньше возможностей теплоотдачи с районных станций, но во всяком случае она является такой, в особенности при практически решенной ныне проблеме передачи тепла в радиусе до 4 *км*, что дает возможность ставить вопрос о сооружении теплоэлектроцентралей в районах обслуживания в Москве и Ленинграде по 20—30 тыс. *квт* каждая, а при наличии промышленных потребителей, как показывают подсчеты, для некоторых районов Москвы и больше—до 70—75 тыс. *квт*.

Примеры городов Берлина, Лейпцига и Дрездена подтверждают, что такого рода расчеты не являются преувеличенными.

Говоря о теплофикации, в особенности, для нужд отопления домов и бытового потребления, необходимо сказать, что теплофикация с энергоцентралей начнется, несомненно, не с сплошных присоединений домов к теплопроводам, а с выборочных, уже сейчас имеющих системы центральных отоплений. В дальнейшем, к сети теплофикационных проводов присоединение будет безусловно сплошным, с переоборудованием для этой цели печных систем отопления на центральные, ибо теплофикация дает слишком большие преимущества как в экономическом, так и социально-гигиеническом значении, чтобы получить широкое распространение.

Газификация топлива, газоснабжение и их роль в реорганизации энергоснабжения городов

Транспортные условия, в особенности в крупных городах, являются причиной того, что электрические станции приходится выносить за город, удаляя их от центров потребления энергии. Переход к использованию низкокалорийных топлив способствовал тому, что крупные станции стали переноситься в районы топлива, удаляясь от районов потребления энергии иногда на сотни километров.

Но двадцатый век является не только веком пара и электричества: первая четверть его ознаменовалась громадными успехами химической технологии, открывающей новые, наиболее целесообразные пути использования топлива.

Путь этот ныне намечается в использовании топлива в виде газа как естественного, с нефтяных районов, так и получаемого путем газификации топлива и передаваемого с районных или городских газовых заводов в

топки электрических станций и промышленных печей, что при надлежащем развитии в ближайшие 20 — 25 лет должно значительно изменить облик городов, разрешая наилучшим образом проблему энергоснабжения населенных мест.

Применение естественного газа для нужд городского и промышленного снабжения у нас до сих пор не получало надлежащего развития, несмотря на то, что очень часто при бурении на нефть последней не оказывается, и громадные количества газа выпускаются на ветер.

Другое мы имеем в Америке. В 1926 г. применение естественного газа, в Америке, в С.-А.С.Ш., в виде топлива, составило 6% от всего количества потребляемого в стране топлива, что в абсолютных цифрах превышало общее потребление угля в СССР, которое составило за то же время 33.064 тыс. тонн.

Соответственно этим масштабам потребления газового топлива, большое развитие получили не только распределительные сети газопроводов, но газопроводы дальнего протяжения, по которым передается газ в районы потребления. Перечислим главнейшие и наиболее характерные из них.[1]

Главнейшие газопроводы дальних передач и количество качаемого в сутки газа

Местность	Фирма	Длина в *км*	Суточная подача газа в *куб м*	Трубопроводов *мм*
От Ventura Field (Калифорния) к Лос-Анжелос	The Ventura Field C°	120	1.250.000	375 (15")
От Panhandle Field в Техасе и к г. Канзасу	Hope C°	720	4.250.000	550 (22")
От Amarilio Field к Denver C°	Standart Oil C°	720	—	550 500 (20—22")
От Monroe к Baton Rouge	The Suterstate C°	275	2.000.000	550 (22")
От Laredo Field до порта Hauston	The Hauston Pipe Line C°	800	2.500.000	300 400 (12—16)

Мы привели наиболее характерные данные, касающиеся протяжения газопроводов и количеств качаемого в сутки газа. Общая же сеть газопроводов в 1926 г. составляла около 72 тыс. *км*.

Как быстро растет потребление газа, в частности, электростанциями, показывает следующий рост потребления газа американскими станциями за период 1919 — 1923 гг.; при росте выработки электрических станций, потреблющих топливо для производства электрической энергии на 79,4%, потребление угля увеличилось на 14,3%; потребление нефти сократилось на 10%, в то же время потребление газа увеличилось с 606 млн. куб. *м* до 1.316 млн. куб. *м*, или на 118%.

По сообщению «Торгово-промышленной газеты» от 17 февраля 1929 г., № 40, «акц. общ. «Газолин» представило проект по постройке газопровода из Львова в Варшаву на расстояние 460 *км*. для снабжения Варшавы природным газом. Проект одобрен правительством и в скором времени должны начаться работы по постройке этого газопровода».

[1] Oil and Cas Journal.

Это будет длиннейший газопровод высокого давления в Европе. В С.-А.С.Ш. такой длины газопроводы являются обычными и сооружаются в 5—6-месячный срок.[1]

На ряду с развитием применения естественного газа для целей газоснабжения, последнее десятилетие ознаменовалось широким применением для тех же целей как газов коксовых печей, так и газов, получаемых путем газификации для этих целей каменных и бурых углей и торфа.

Газификация топлива вещь не новая: она широко распространена на Западе и в Америке, имеющих большое количество газовых заводов. У нас в СССР ряд предприятий, в особенности стекольной и коксобензольной промышленности, также пользуется газообразным топливом в виде воздушного генераторного газа, газа доменных печей и силового газа.

Развитие газоснабжения на Западе характеризуется следующими цифрами: Германия имеет свыше 1.700 заводов светильного и смешанного газов, обслуживающих как крупные, так и мелкие города, не считая генераторных установок отдельных предприятий. Газ имеет применение как для нужд освещения, так и отопления, главным образом, в газовых кухнях. Общее потребление газа („Gesundheits Ingenieur“ 8/IX 1927 г.) в 1925 г. составляло 3,2 мрд. куб. метров. Среднее душевое потребление составило 51 куб. метров на человека в год.

В Англии, в том же году, душевое потребление составило 180 куб. метров, а общее потребление достигло 7,5 мрд. куб. метров.

Несмотря на обилие газовых заводов и распределительных городских сетей, развитие производства светильного газа приостановилось. Причиной этого явления, помимо электрификации, вытеснившей газ из освещения, является то, что производство светильного газа ограничивается известными пределами, обусловленными спросом топливного рынка на кокс, получаемый в газовых ретортах. Этот кокс, будучи по качествам ниже кокса коксовальных печей, продается по более дешевой цене, чем последний, и имеет поэтому ограниченный сбыт.

Кроме того, для получения светильного газа требуются высокосортные газовые угли, из тонны которых получается около 200 — 220 куб. метров газа, что является весьма незначительным по сравнению с тем, что можно получить при других методах газификации угля.

Небольшой выход газа из тонны угля и кокс, сбыт которого ограничивается рамками местного потребления, являются причиной того, что светильный газ является дорогим видом топлива, потребление которого ограничилось рамками бытового потребления и рост заводов светильного газа, с которым стала успешно конкурировать электрификация, приостановился.

Выходом, не только обеспечивающим дальнейшее существование газовой промышленности, но открывающим перед ней широкие перспективы, явился переход к методам газификации, при которых:

а) газовые заводы избавились от необходимости сбыта второстепенного кокса;

б) смогли дать потребителю значительно более дешевый газ по сравнению со светильным;

в) смогли дать газ в количествах, значительно больших, чем это могут дать заводы светильного газа;

г) возможность получать газ не только из высокосортных углей, но и низкокалорийных видов топлива, как бурый уголь и торф.

Из большого количества предложенных и испытанных методов, наибольшее значение начинают приобретать методы проф. Strache, который в газогенераторах двойного газа, так называемого Doppelgas, его системы — разрешил все эти вопросы получением двойного газа, представляющего смесь газа сухой перегонки и водяного газа.

[1] См. „Engineering News-Record“ 4/X 1928 г.

Предложенный им метод газификации принадлежит к числу методов безостаточной (полной) газификации топлива, при котором заводы избавились от кокса.

При полной газификации из тонны угля удалось получить около 1.500 куб. метров газа, теплотворной способности 3.200 — 3.500 калорий, в 6 — 7 раз больше по сравнению с количеством газа, получаемым на заводах светильного газа. Это, вместе с тем, решило и проблему получения дешевого газа.

И, наконец, что особенно важно, при этом решена проблема получения газа не только из высокоценных углей, но и низкокалорийных видов топлива, как бурые угли и торф, которые для наших условий могут иметь особенно большое значение.

Двойной газ, полученный Strache из разных видов топлива, менее теплотворен, чем светильный газ, но зато имеет все преимущества дешевого газа, так как топливо при этом газифицируется полностью, а получаемые при этом продукты газификации, в виде первичных смол и сульфат-аммония, обеспечивают ему большие перспективы развития.

В настоящее время ряд городов, как Вена, Рим, Фиуме, Грац, Гельсингфорс и др., имеют у себя газовые заводы двойного газа, оборудованные газогенераторами Strache.

Кроме светильного и двойного газа, применяемых в Европе для нужд местного и дальнего газоснабжения, в последние годы Германия приступила к осуществлению проекта использования в широком масштабе газов коксовальных печей, получаемых в виде побочных продуктов на коксовых заводах.

Идея использования этих газов, получающихся в огромных количествах в связи с ростом металлургии и необходимого для нее кокса, возникла около трех десятков лет тому назад. Однако, несовершенства техники газопередачи на далекие расстояния и, в особенности, большое сопротивление со стороны владельцев заводов светильного газа, в числе которых было много городов и городских общин, (газ коксовальных печей примерно такой же теплоценности, как и светильный газ — около 4.000 — 4.200 калорий в куб. метре,— но значительно более дешевый, грозил серьезной конкуренцией) задерживал развитие использования газов коксовальных печей.

С улучшением техники газопередачи, главным образом, с переходом к сварным трубам и высоким давлениям, в Германии разработан проект осуществления дальней газопередачи газа коксовальных печей с Рурского бассейна для Берлина через Ганновер и Магдебург с обслуживанием, лежащих по пути городов, по газопроводам протяженностью около 500 *км*.

Представление о стоимости сооружений дальних газопередач по немецкой и американской практике дают следующие цифры: стоимость километра газопередач с компрессорными станциями для газопровода диаметром 325 *мм* в Германии составляет 42 — 43 тыс. золотых марок или около 20 тыс. руб.; стоимость километра газопровода диаметром 550 *мм* составляет 78.500 золотых марок, или около 35 тыс. руб.

Американская практика, по данным журнала „Oil and Cas Journal“— дает следующие цифры: газопровод диаметром 375 *мм* и протяжением 120 *км* от Ventura Field — к Лос-Анжелосу стоит 2 млн. долл., что составляет стоимость километра 16.600 долларов, или около 33.000 золотых рублей.

Газопровод диаметром 550 *мм* и протяжением 720 *км* фирмы Hope C° для передачи газа от Panhandle Field — в Тексас и г. Канзас стоит около 20 млн. долл., что составляет стоимость *км* трубопровода около 27.700 долл., или около 55.500 руб. довоенных. Газопровод проложен в земле на глубине 1 метра. Иногда газопроводы прокладываются по земле, что удешевляет стоимость сооружений.

Из этих цифр видно, что стоимость километра газопровода в Европе дешевле чем в Америке, почти на 50%.

Что касается возможной стоимости газопровода дальнего протяжения в СССР, то принимая коэфициент вздорожания металлов и работ в СССР примерно в 2,5 раза по сравнению с немецкими стоимостями, приходим к выводу, что километр газопровода диаметром в 325 *мм* будет стоить около 45 тыс. руб., а диаметром 550 *мм*, около 70 тыс. руб., включая в эти суммы также стоимость компрессорных станций.

Широкое использование естественных газов и развитие газификации каменных и бурых углей, а также и торфа для нужд снабжения городов и промышленности газообразным топливом, будет иметь для городов прежде всего то значение, что их воздух не будет насыщен копотью и дымом, неизбежными спутниками индустриального развития городов при современных методах сжигания топлива.

Дым фабрично-заводских труб, являясь показателем индустриального развития, является бедствием как в теплохозяйственном, так и в гигиеническом значении, будучи следствием весьма несовершенных методов сжигания топлива, при котором 30—35% сжигаемого топлива вылетает в трубу. Еще больше топлива уносится в трубу в бытовом сжигании, достигая 80—85% сжигаемого топлива.

Использование топлива, в виде газа предоставляет возможности вести процесс горения с теоретически потребным количеством воздуха, исключая всякие потери на уносы в трубу как в случае избытка подачи воздуха, так и его недостачи. Это — одна сторона вопроса, которая будет иметь громадное значение для социально-гигиенического оздоровления городов.

Не меньшее значение имеет и другое: газификация топлива и в особенности дальнее газоснабжение, делая независимым постройку электрических станций от транспортных условий для подвоза топлива, наилучшим образом разрешает проблему постройки в центре потребления энергии теплоэлектрических станций для снабжения города и предприятий не только электрической но и тепловой энергией для нужд отопления и производства, с коэфициентом использования топлива в 65—70%, против 18—20% на лучших конденсационных станциях, что уменьшит потребность городов в топливе за счет более рационального его использования.

Кроме экономических выгод, которые получат города и население при переходе на газовое топливо и теплофикацию с электрических станций, по сравнению с существующими методами энергоснабжения городов, необходимо помнить также следующее: перед нами стоят колоссальной важности вопросы культурной революции, поднятия культурного уровня населения. Переустроить систему отопления жилищ, дать в жилище горячую воду в любое время дня и ночи по доступной цене, дать газ для кухни и дешевую электроэнергию для освещения это значит подвести материальный базис для разрешения в быту вопросов культурной революции.

Строя всякие планы благоустройства городов и жилищного строительства, нужно помнить, что кроме индустриальной армии, занятой в промышленности, есть армия в два раза большая — домашних хозяек и домашних работниц, труд которых незаметен и неблагодарен. Газификация и теплофикация поэтому будут иметь значение не только как факторы уменьшения расходов на топливо, но и как основное условие освобождения женщины от домашнего рабоства в сырой прачечной и чадной кухне.

Перспективы развития газоснабжения в СССР

Вопросы газификации топлива для нужд газоснабжения, как и использование для этих целей природного горючего газа, является для СССР делом новым. Это имеет и свои плюсы и свои минусы.

Наши преимущества заключаются в том, что в условиях планового хозяйства у нас исключаются возможности борьбы и тормозов, стоящих перед каждой капиталистической страной.

Наличие, как мы говорили выше, во многих городах заводов светильного газа, которым современные методы газификации и дальнего газоснабжения грозят смертельной опасностью, является напр, в Германии колоссальным тормозом в деле преодоления рутины и осуществления новейших установок для газификации топлива и прокладки дальних газопроводов.

Наша слабость заключается в том, что *своего опыта* мы не имеем и «детские болезни» всякого нового дела, в том числе и газификация топлива и дальнего газоснабжения, у нас будут иметь больше места, по сравнению со странами Запада и Америки. При надлежащем учете эксплоатационного опыта путем посылки для этого инженерно-технических сил для работы на заводах Европы и Америки по 1,5—2 года в значительной степени избавят нас от этого.

В вопросах использования отдельных видов газов у нас намечается такая последовательность:

а) использование естественных горючих газов;
б) использование для нужд дальнего газоснабжения газов коксовальных печей;
в) газификация топлива в водяной и двойной газ на районных заводах для нужд дальнего газоснабжения;
г) газоснабжение с заводов, построенных в городской черте для нужд промышленного и бытового потребления.

Перспективы реорганизации энергоснабжения городов на основе использования естественных горючих газов имеются в следующих городах: Баку, Махач-Кала, Грозный. Не исключена такая же возможность для Краснодара, Ставрополя и Бердянска, в связи с имеющимися в этих районах выходами естественного горючего газа, мощность которых должна быть проверена специальными разведками.

Перед городами, расположенными в каменоугольных районах, стоит задача в ближайшие годы использовать для нужд дальнего газоснабжения *отходящие газы коксовых печей* в комбинации с генераторными установками, обеспечивающими непрерывность снабжения в периоды разгрузки и загрузки коксовых печей.

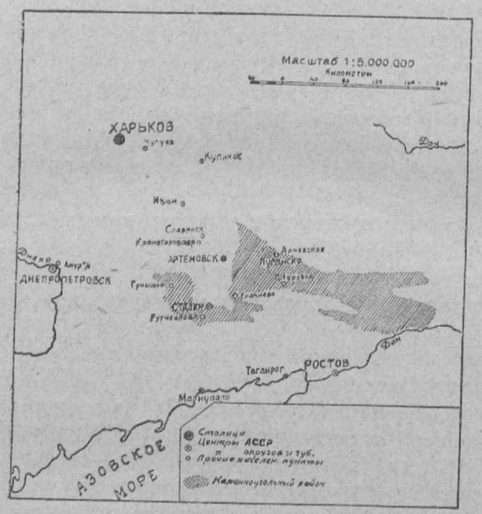
Эта задача стоит перед такими городами как Ростов-н/Дону, Харьков, Сталин, Днепропетровск, а также перед промышленными центрами с большими рабочими поселками, постоянно окутанных дымом фабрично-заводских печей и угольной пылью, невероятно загрязняющих и отравляющих города, делая весьма тяжелым пребывание в них, в особенности, летом.

Переход должен быть осуществлен не только по санитарно-гигиеническим соображениям, но и экономическим причинам, так как газовое топливо, как мы указывали выше, будет стоить дешевле по сравнению со стоимостью сжигания для этого каменного угля.

Дальнее газоснабжение южных городов и промышленных центров газом коксовых печей необходимо комбинировать с сооружением газовых заводов в районе шахт, оборудованием их газогенераторами типа Strache, Stein, Tully и т. п. Такие заводы будут играть роль районных заводов, аналогичную с районными электростанциями, покрывая «провалы» при загрузке и разгрузке коксовых печей и «пики» в часы и сезоны большого расхода газа, будучи резервными на случай аварий.

При использовании для целей дальнего газоснабжения коксовального газа, в том числе и сжигаемого ныне в коксовых печах и местных силовых установках Донбасса, могут быть получены еще следующие выгоды: на местах будут сжигаться низкосортные топливо и угольная мелочь, не выдерживающие перевозки, а промышленные центры будут снабжаться газом коксовальных печей. Таким путем может быть достигнута действительная рационализация использования углей.

Сбыт дешевого газа получит значительное распространение и, давая стимул к постройке новых коксовых печей, удешевит стоимость самого кокса, что неминуемо отразится на уменьшении цен на металлургическую продукцию.



Черт. 2.

Перспектива использования каменноугольного топлива, в виде газа для южных городов и промышленности намечалась более 30 лет тому назад гениальнейшим из русских людей Д. И. Менделеевым.

«По моему мнению» писал Д. И. Менделеев: «в будущем можно ждать очень крупного удешевления стоимости каменноугольного топлива только при условии его превращения под землей же, по возможности в самих пластах (не выламывая их), в генераторные (воздушные) газы при распределении их затем по трубам, для чего я не предвижу ни одной существенной трудности. Тогда отпадает вся текущая подземная работа, выломки и стоимость на 16,38 *кг* угля может упасть до 2—3 коп., тем более, что при этом в работу могут пойти и такие слои угля, которые ныне не вырабатываются вовсе. Переходом к этому желательнейшему способу пользования каменными углями может служить устройство подземных генераторов с выводом газа на ближайшие окрестные заводы. Но и далекое, на сотни *км*, проведение горючих газов не представляет практически непреодолимых трудностей, как видно из того, что в Соед. Штатах уже на несколько сот *км* к заводам отводят по трубам природные горючие газы и природную нефть, тем более, что глиняные и даже из бумажной массы трубы могут служить для провода генераторных и паровоздушных газов под малым перевесом давления». [1]

Современное состояние газоснабжения в Европе, в виде уже осуществленных дальних газопередач — завод в Гайденау (Саксония) имеет

[1] Д. И. Менделеев, „Основы фабрично-заводской промышленности", стр. 140, изд. 1897 г.

250 *км* высокого давления и 600 *км* низкого, районный завод в Алаберге имеет 75 *км* высокого давления и 250 *км* низкого и т. д. и намечающиеся Германией перспективы использования газа коксовальных печей Рурского района для снабжения Берлина на расстояние 500 *км*, является не только доказательством гениальности русского ученого, предусмотревшего тенденции технической реконструкции капитализма последних лет, но диктующим со своей остротой необходимость внимания этим вопросам у нас в СССР, в особенности в перспективе необходимости максимально ускоренным темпом перенять технические достижения капитализма для социалистического строительства.

Особенно же большое значение будет иметь газоснабжение для Москвы и Ленинграда, сжигающих уже теперь каждый свыше 4 миллионов тонн условного топлива, из которого более половины привозного Донецкого угля, перевозимого по железным дорогам для Москвы на расстояние 1.100—1.200 *км* и для Ленинграда 1.800—2.000 *км* по льготному тарифу.

Базой для газоснабжения Москвы будут подмосковные угольные районы, бурые угли которых являются нетранспортабельными, но вполне пригодными для газификации в газы для дальнего снабжения.

О перспективах использования подмосковных углей для целей газификации дальнего газоснабжения Д. И. Менделев писал: [1]

«Я полагаю, что в недалеком будущем широкое применение видов топлива, богатых золою (а таких местами очень много, напр. у нас на Урале, в киргизских степях и в подмосковном угольном бассейне) может совершиться при помощи превращения их в местах залегания в горючие газы (водяной и генераторный) или в тонкую пыль, которые легко могут быть далеко отправляемы по специальным трубопроводам» (курсив наш *Н. С.*).

Современное потребление топлива Москвой превышает 4 млн. тонн условного топлива, из которого около 80% расходуется на тепловые процессы со средним коэфициентом полезного действия использования топлива в 30—32%.

Поэтому масштаб потребления газа московским районом к концу пятилетия, минимально необходимо исчислять в 1,7—2,0 мрд. куб. метров, вырабатываемых на группе заводов, об'единенных общим газопроводом, передача которых на 200—250 *км* не превысит 0,5 коп. за куб. метр, так как стоимость транспорта уменьшается с ростом количества качаемого газа. Водяной и двойной газ из бурового угля из-за содержания большого процента окиси углерода без промывания не может быть пущен в газовую сеть для бытового потребления, но является идеальным промышленным топливом, что вместе с тем разрешит проблему перевода промышленности на местное топливо.

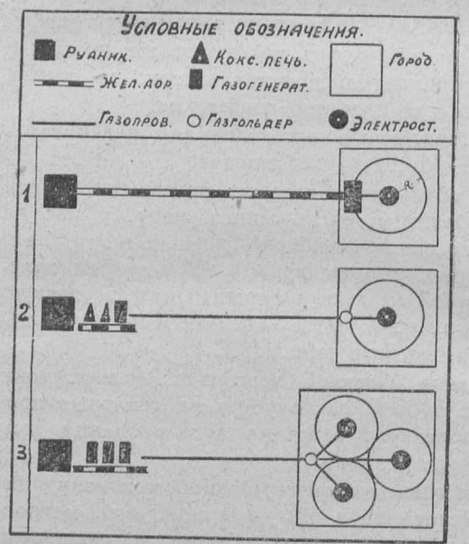
Дальнее газоснабжение упростит для Москвы вопрос развития теплоэлектрических станций для снабжения города не только электрической, но и тепловой энергией, делая возможным сооружение их в центре потребления тепловой энергии, за отпадением транспортной проблемы для подвоза топлива. Широкое развитие теплофикации в Москве для нужд производства, отопления, коммунального и бытового потребления может дать уже к концу пятилетия громадную ежегодную экономию топлива около 500 — 600 тонн стоимостью в 16.000 — 21.000 тыс. руб., что капитализирует все затраты по газоснабжению и теплофикации в 5 — 6 лет.

[1] Там же, стр. 70.

Газоснабжение Ленинграда должно будет базироваться на окружающих торфяных болотах, залежи которых в радиусе 50 *км* исчисляются в 100 млн. тонн условного топлива.

«Торфяной генераторный газ, — писал Д. И. Менделеев, намечая перспективы использования торфа — легко получаемый (при его образовании получается много дегтя и аммиачной воды), может быть по трубам распределяем на большие расстояния, и я думаю, что со временем этот способ окажется наиболее выгодным для пользования торфяниками в фабрично-заводском деле, тем более, что такой газ дает, сгорая в генераторных печах, высшие степени жара».

Произведенные по нашему заданию Всеобщей Компанией Газификации A. V. G. в Берлине опыты с получением из торфа северо-западных болот высококалорийного газа, дали весьма хорошие результаты. Ближайшей задачей будет разрешение этого вопроса сначала в опытной заводской установке, для того, чтобы избежать неожиданностей при осуществлении газоснабжения в крупном масштабе.



Черт. 3.

Газификация торфа для целей газоснабжения, в комбинации с теплофикацией с центральных городских электрических станций, превращенных в энергоцентрали, даст возможность перевести Ленинградское хозяйство на местное топливо, что не только для ленинграда, питающегося в основном донецким топливом, завозимым по ж. д. на расстоянии 1.800—2.000 *км*, но и государства, уже теперь ежегодно покрывающего убытки угольных перевозок для Ленинградского района в сумме 18—20 млн. руб. ежегодно, будет иметь исключительное большое значение.

Для большинства других городов, в особенности, для имеющих перспективы большого промышленного развития, переход на централизованное снабжение топливом, в виде газа, является весьма желательным и в будущем он будет единственным.

Такие города, не входящие в систему районных заводов с дальними газопроводами, будут иметь газовые заводы с генераторными установками в районе городской черты у ж.-д. станций или водных путей, по которым будет подвозиться топливо для газификации.

Схему будущего энергоснабжения городов можно представить в следующем виде. (См. черт. 3).

По первой схеме будет строиться энергоснабжение средних и мелких городов, не входящих в сферу действия районных газовых заводов. Генераторные установки будут сооружаться у ж.-д. станций или водных артерий. Газом будут снабжаться электрические станции, промышленные и коммунальные предприятия. Отходящим теплом электростанция будет обслуживать дома и предприятия в радиусе 1,5—2,0 *км*. Таким рисуется энергоснабжение таких городов, как Сталинград, Саратов, Самара, Казань, Тула, Курск, Киев, Чернигов и т. д.

По второй схеме намечается реорганизация энергоснабжения городов каменноугольного района, комбинирующих газоснабжение использованием газококсовальных печей и генераторных установок, с использованием отходящего тепла энергоцентралей для нужд отопления — бань, купальных бассейнов, прачечных и т. д. По этой схеме энергоснабжение намечается для городов УССР: Харьков, Сталин, Артемовка, Днепропетровск, Ростов н/Дону.

Такой же будет схема и для городов, использующих естественный газ для городского снабжения.

По третьей схеме рисуется энергоснабжение городов, газоснабжение которых будет базироваться на использовании местных топливных ресурсов: Москва—бурые угли, Ленинград, Тверь, Иваново-Вознесенск, и т. д.— торф.

Генераторные установки будут расположены в буроугольных районах или на торфяных массивах и газ будет передаваться по дальним газопроводам.

Вследствие территориальных условий, в особенности Москвы и Ленинграда, для снабжения городов тепловой и электрической энергией, они будут иметь по нескольку теплоэлектрических централей, поскольку теплопередачи наиболее рентабельными являются в радиусе до 3 *км*.

Выводы

В связи с указанными задачами и перспективами развития энергоснабжения городов, практическими мероприятиями ближайшего времени необходимо считать:

1. Должна быть составлена пятилетка по газобой индустрии. В первую очередь должна быть предусмотрена необходимость осуществления газоснабжения, базирующегося на использовании естественного газа — (Баку, Грозный, Махач-Кала) и др., а также на использовании газов коксовых печей Донбасса для снабжения Харькова, Ростова н/Дону, Днепропетровска и лежащих по пути промышленных районов и городов.

2. В ближайшее пятилетие должна быть практически решена проблема дальнейшего газоснабжения Москвы с подмосковных угольных районов и Ленинграда с торфяных болот в масштабах минимальной потребности до 2 мрд. куб. метров для каждого города.

3. В первые годы пятилетия должна быть организована промышленность для обслуживания оборудованием газовой индустрии.

4. Планы электрификации ВСНХ должны быть пересмотрены с учетом перспектив развития газоснабжения и необходимостью максимального внимания вопросам энергоснабжения городов, в которых электроснабжение является лишь небольшой частью, разрешаемых при системе теплоэлектрических централей, работающих в параллельной нагрузке с районными станциями. Москва и Ленинград минимально должны иметь к концу пятилетия, первая—120—150 тыс. *квт*. теплоэлектрической мощности и Ленинград — 50—80 тыс. *квт*. постройкой новых станций и переоборудованием существующих ЦЭС в энергоцентрали.

5. В плане развития городов должна быть предусмотрена необходимость перехода к централизованному снабжению тепловой и электрической энергии с энергоцентралей, пользующихся газовым топливом.

А. Авербух и А. Брюханов

Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР

(К построению системы сельскохозяйственных цен)

Зерновая проблема является одной из центральных, поставленных перспективным планом развития народного хозяйства. От правильного и удачного разрешения этой проблемы зависит целый ряд проектировок развития как отдельных отраслей, так и всего народного хозяйства в целом.

На протяжении последних лет мы имели ряд отрицательных моментов в развитии зернового хозяйства, которые в совокупности своей привели к замедлению роста производства хлеба в стране и частично к понижению его товарности. Причины, обусловившие эти явления лежали как в области изменившейся социально-экономической и производственной структуры крестьянского хозяйства (дробление и измельчание крестьянских хозяйств, переход к интенсификации и т. п.), так и в условиях реализации и отчуждения товарного хлеба. Это отставание зернового сектора сельского хозяйства от темпа развития других отраслей и потребностей страны особенно явно себя обнаружило в момент перехода от «восстановительного» к реконструктивному периоду. «Кризис» зернового хозяйства, перебои и недостатки хлебного снабжения с особой силой обнаружились как-раз в этот момент.

В основе своей эти затруднения, это отставание в производстве хлебов, находит свое объяснение в том, что сконцентрировав спрос в руках государственного заготовителя, преимущественно планового, само производство находилось и находится в распыленном, раздробленном состоянии в руках мелких и мельчайших индивидуальных крестьянских хозяйств, не поддающихся прямому и непосредственному планированию. Эти мельчайшие хозяйства, в массе своей производящие хлеб для собственного натурального потребления, являются мало товарными, с незначительными распыленными по множествам ячеек излишками хлебов, с примитивной «доморощенной» техникой производства.

Обобществленный сектор сельского хозяйства, в лице государственных совхозов, и всевозможных видов коллективных хозяйств, в силу своей слабости и недостаточного развития не мог восполнить этот пробел в производстве и снабжении хлебом страны. Обладая всего только около 5% всей товарной продукции сельского хозяйства, он не мог при таком малом удельном весе играть какую-либо заметную роль на хлебном рынке.

С другой стороны, мы имеем в деревне довольно заметную группу достаточно крупных зажиточных крестьян, которые сконцентрировав в своих хозяйствах производство товарного хлеба, в отдельные периоды диктовали рынку свои требования и заметно влияли на ход снабжения и удовлетворения потребностей страны в хлебе. Мы не имеем достаточно достоверных подсчетов о количестве этих хозяйств, и что особенно важно, о значении и удельном весе их в производстве товарного хлеба, но предварительные исчисления, которые сейчас имеются по различным источникам,

говорят, что при почти 10% от общего количества крестьянских хозяйств они обладают почти 30% средст производства и около 40% всего товарного хлеба.[1]

Обладая таким значительным удельным весом в хлебном рыночном обороте страны, зажиточная часть деревни, и особенно ее кулацкая часть, использовывала малейшие заминки на рынках реализации хлеба, играла на затруднениях, срывая хлебозаготовительные кампании, повышая уровни цен, создавая ажиотаж на рынке и перебои в снабжении.

Бесперебойное и достаточное снабжение поодовольствием городов и пролетарских центров является основной предпосылкой реализации громадного плана реорганизации и реконструкции всего народного хозяйства в предстоящее пятилетие. Поэтому, вопросы развития достаточной производственной хлебной базы являются делом основным и решающим.

Если в годы восстановления и первые годы реконструкции, задача планового сектора заключалась в том, чтобы сорганизовать рынок, объединить спрос, извлечь имеющиеся товарные ресурсы из деревни, то новые задачи предстоящего пятилетия требуют от него уже решительного внедрения в самое производство и его реконструкции изменяя как технический, так и социальный его профиль.

Принятый и одобренный правительством и партией, пятилетний план намечает целый ряд мероприятий организационно-технического и социального порядка, с тем, чтобы поднять эту отрасль на новую высшую техническую ступень.[2] Организация крупных зерновых совхозов (хлебные фабрики), обобществление бедняцко середняцких производителей хлеба в коллективы, коммуны, машинотракторные станции и т. п. — все это обеспечивает мощную производственную базу, повышает урожайность, увеличивает товарную массу и концентрирует последнюю до 40% в социалистическом обобществленном секторе сельского хозяйства, и тем самым в значительной мере освобождает страну от зависимости в хлебоснабжении от спекулирующей верхушечной части деревни.

Однако, следует иметь в виду, что к концу пятилетия основным массивом производящим хлеб все же будут индивидуальные крестьянские хозяйства, на долю которых придется до 60% товарного хлеба. Таким образом, мероприятия по подъему и форсированию производства хлеба в индивидуальном секторе сельского хозяйства должны сочетаться с системой мер направленных к изъятию, к извлечению из деревни этих товарных масс, все еще находящихся у отдельных товаропроизводителей.

Основным методом реализации производимой в стране продукции является метод рыночного обмена. Поскольку основными держателями товарного хлеба, как указывалось выше, будут индивидуальные крестьяне производители, постольку рыночные формы обмена являются и здесь главнейшими демонстрациями. Отсюда во всю ширь встает проблема ценностных соотношений, в которых протекает этот вид обмена.

Категория цены, в наших условиях, в условиях советской экономики, имеет специфические отличительные черты. Являясь в условиях капиталистического хозяйства результатом целого ряда взаимно перекрещивающихся стихийных сил, в формах которого протекает весь процесс капиталистического способа производства, цена, в наших условиях, при наличии мощного социалистического сектора, модифицируется и из фактора результирующего, чем дальше, тем все больше и больше превращается в рычаг активного воздействия через рынок на структуру и движение хозяйственного процесса.

[1] „Пятилетний план народнохозяйственного строительства", т. II, ч. 1, стр. 271.
[2] См. „Пятилетний план народнохозяйственного строительства", т. II, ч. 1. Раздел „Сельское хозяйство", стр. 270.

Распределение ресурсов, созданных в процессе производства в различных отраслях народного хозяйства, в основной своей массе происходит через посредство механизма цен, при чем пользуясь этой активной ролью цены, мы в своей политике строим такую систему ценностных соотношений, которая в наибольшей степени обеспечивала бы расширенное воспроизводство всего народного хозяйства, на путях его продвижения к социализму. В этой общей системе цен должны находить свое отражение и те специфические задачи, которые ставятся планом и планирующими органами перед отдельными участками хозяйственного фронта. Правильно построенная общая система цен на продукты сельского хозяйства, производимые в стране, сочетание этих цен по отдельным отраслям и дифференцированным товарам, должна стимулировать индивидуальных товаропроизводителей как к общему подъему и развитию сельского хозяйства, так и к такому перераспределению сил, средств и труда внутри своего хозяйства, которые отвечают отдельным специфическим наиболее важным заданиям перспективных установок.

В настоящем исследовании нас интересует, в какой мере истекшая политика государственных планирующих органов в области установления и регулирования цен на продукты сельского хозяйства оказала свое влияние на состояние и положение зернового хозяйства страны, с тем, чтобы на анализе прошлого наметить основные задачи в построении системы цен на ближайший отрезок реконструктивного периода.

Влияние цен на производство и товарность сел.-хоз. продуктов, в частности, в специфических условиях советской экономики, далеко не изучено. Полунатуральный тип хозяйства, являющийся преобладающим в массе крестьянских хозяйств, приводит к почти непреодолимым препятствиям не только в разрешении, но и в изучении этого вопроса. Степень влияния цен, повидимому, весьма различна не только в разных районах и для разных социальных группировок крестьянских хозяйств, но и для отдельных продуктов, обладающих разной степенью товарности. С другой стороны, влияние цен связано с рядом иных моментов, в частности, с влиянием налогов и т. п.

Одно представляется здесь несомненным: товаропроизводитель-крестьянин выступает далеко не плохим калькулятором своих продуктов, всесторонне учитывающим все моменты (как, например, трудоемкость данной культуры, ее урожайность, сравнительную доходность, соотношение цен и т. п.), устанавливающие для него выгодность их производства и продажи. В этом отношении, он на много вооруженнее нас — планирующих цены, пока что, преимущественно на-глаз, не зная ее элементов. Из практики нашего планирования мы имели примеры того, как чутко товаропродавец крестьянин реагировал на изгибы нашей заготовительной политики.

Основные черты хлебных кампаний 1923/24—1928/29 гг.

Истекшие годы новой экономической политики, годы восстановительного и переходного к реконструктивному периодов в области хлебного рынка, были периодом, возраставшего охвата рынка, овладения им обобществленным сектором и подчинения его плановому государственному регулированию. В этом отношении это был период тяжелой борьбы обобществленного сектора с позициями частного капитала, упорной организационной работы и конъюнктурных уроков.

Задача, которую поставило себе государство, выступив на рынке в качестве главного покупателя хлеба, заключалась в том, чтобы развязав рыночные отношения, допустив существование и работу частного капитала, в целях повышения товарности и насыщения внутреннего рынка хлебом,

организовать в мощных размерах государственную и кооперативную заготовку хлеба на коммерческих основах.

По ориентировочным подсчетам распределение всего отчуждения хлеба на внедеревенский рынок (включая ту часть обратных покупок крестьянского населения, которая происходит из видимых запасов) между отдельными социальными контрагентами хлебооборота за истекшие годы представляется в следующем виде (в процентах к итогу всей заготовки):

годы:	1923/24[1]	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Основные госуд. и кооперативн. заготовки	57	51	64	75	79	75
Местные	6	8	11	11	9	12
Итого обобществленный сектор	63	59	75	86	88	87
Частные заготовки	37	41	25	14	12	13
Все заготовки	100	100	100	100	100	100

В минимуме заготовки обобществленного сектора были в неурожайном 1924/25 г. В последующие годы, в особенности в 1926/27 г., происходит усиленное сокращение частных заготовок и возрастание удельного веса централизованных плановых заготовителей, увеличивающих свою роль также за счет местных государственных и кооперативных заготовок. Максимальное значение централизованные заготовки приобретают в 1927/28 г.

Заняв доминирующее положение на хлебном рынке, вливая все больше и больше средств в обобществленную торговлю, совершенствуя организацию хлебозаготовок, государство уже подчиняет стихийные процессы вольного рынка плановому регулированию, разрушает сложный механизм рыночной конкуренции и ценообразования.

1923/24 г. был первым годом заметного выступления государства, как крупного покупателя хлеба. Это был год среднего урожая, последовавшего за высокоурожайным 1922/23 г. Видимых запасов, пополнявшихся натурналогом, к началу года было вполне достаточно для удовлетворения первых потребностей городского спроса. Хлебная торговля находилась в зачаточном состоянии. На руках у производителей за вычетом той доли, которая шла на покрытие сел.-хоз. налога, имелись относительно значительные излишки хлеба, не находившие реализации, вследствие неналаженности хлебного оборота. Все эти моменты обусловили уже в предыдущем году значительное понижение хлебных цен. В сентябре 1923 г. цены достигли наинизшего уровня, оказавшись почти наполовину ниже довоенных.

В целях изъятия хлебных излишков и направления избыточного хлеба на экспорт, государство в этот период (вплоть до денежной реформы), ведет активную политику повышения хлебных цен и одновременно понижает цены на изделия госпромышленности, в целях улучшения эквивалентов хлеба в промтоварах.

В результате этой политики, на протяжении 1923/24 г. заготовительные цены на хлеб с сентября были подняты к концу года на + 153%.

Весной 1924 г. интересы денежной реформы потребовали изменения повышательной политики хлебных цен. Достигнутый весной уровень хлебных цен едва ли может быть признан чрезмерно высоким. Однако, необходимость добиться снижения розничных цен, косвенно, ставит государство на путь снижения заготовительных цен.

Наступивший 1924/25 г. неурожайный год проходит под знаком борьбы за укрепление, только что введенной новой твердой денежной единицы и против роста хлебных цен. Когда начинает вырисовываться территория, охваченная недородом, и размеры понижения урожая, обстановка на рынке резко меняется. В противоположность 1923/24 г., в 1924/25 г. мы имеем на хлебном рынке превышение спроса над предложением.

[1] Без учета натуральной части сел.-хоз. налога. С учетом этой части доля обобществленного сектора повышается до 70%.

В начале кампании, по директивам правительства вводятся максимальные лимиты заготовительных цен. Но форсированный экспорт предыдущих месяцев, хлебная интервенция и отправка хлеба в недородные районы, чрезвычайно снижают государственные запасы и тем самым лишают обобществленный сектор ресурсов для оказания воздействия на рынок и цены. Частный капитал, неограниченный в этот период никакими нормами, несколько переплачивая против государственных лимитных цен, успешно стягивает к себе хлеб. Несоответствие лимитов рыночной обстановке, в особенности, в неурожайных районах, обнаруживает себя очень скоро. Вскоре базарные цены в этих районах далеко отрываются от сентябрьских лимитов, превышая их на 30, 40 и более процентов. Государственные и кооперативные заготовки не получают возможного развития.

Все это приводит во втором полугодии к необходимости отмены лимитов и повышения заготовительных цен. Однако, поздняя отмена лимитов имеет ограниченные результаты, и к концу 1924/25 г. рынок переживает значительные затруднения.

Хозяйственные планы 1925/26 г. составлялись летом, когда виды на урожай, еще не вполне определились. Это способствовало тому, что народное хозяйство вступило в 1925/26 г. с преувеличенными планами главнейших отраслей, в частности, планами крупных хлебозаготовок и хлебного экспорта. Но вследствие дождей уборка урожая сильно запоздала и довольно значительная часть собранного хлеба (около 5% валового сбора) была уничтожена. Поэтому, действительные возможности, которые вытекали из урожая, оказались в несоответствии с разгоном, взятым, в некоторых частях хозяйственного организма.

Вторым, чрезвычайно, существенным моментом явилось то, что реализация нового хлеба происходила в обстановке резкого несоответствия между спросом и предложением промпродукции.

Вследствие раздутых планов хлебного экспорта и хлебозаготовок, мы имели перекредитование хлебозаготовительной системы. В течение первого полугодия хлебозаготовители, как правило, постоянно располагали, некоторым избытком денежных средств, по сравнению с той хлебной массой, которую они, по состоянию рынка, могли заготовить и реализовать.

Такое положение создало на рынке нездоровую атмосферу ажиотажа, быстро учтенную держателями хлеба.

С октября 1925 г. государственные органы начинают борьбу с начавшимся повышением хлебных цен, но реализуя, в эти месяцы (октябрь—декабрь), большинство других сел.-хоз. товаров, крестьянство в ответ на попытку снижения хлебных цен уменьшает реализацию хлеба.

Сокращением финансирования хлебозаготовителей, уменьшением экспорта, экономическим регулированием на транспорте, и усилением снабжения деревни промтоварами к весне 1926 г. было достигнуто восстановление равновесия на хлебном рынке. В весенние месяцы мы наблюдаем изменение рыночной конъюнктуры и появление объективных возможностей снизить хлебные цены, рост которых приостановлен.

В отличие от двух предыдущих лет в 1926/27 г. устанавливается относительное равновесие на хлебном рынке. В этом году вследствие значительного прироста посевных площадей под зерновыми культурами, несмотря на понижение урожайности, произошло большое увеличение валовой продукции зерна. Осенью проводится сильное снижение заготовительных цен, потянувшее за собой также и базарные цены. На сниженном уровне цены стабилизуется на протяжении года, без особого обычного

весеннего сезонного повышения. Значительные товарные излишки, успокоение на рынке промтоваров, влажное качество зерна этого года создают предпосылки для успешного хода хлебозаготовительной кампании, особенно, в ее первой половине. Но, если, достигнутая стабилизация заготовительных цен на протяжении года способствовала положительному развитию хлебной кампании, то низкий уровень их в условиях пониженного урожая, с гектара, наоборот, понизил доходность от производства хлеба и, как будет показано ниже, вызвал ряд отрицательных явлений в области зернового хозяйства.

Отрицательные моменты в зерновом хозяйстве, обнаружившиеся в предыдущем 1926/27 г., получили свое полное развитие в 1927/28 г. В этом году прирост посевной площади, не превышает естественного прироста населения. Невыгодные ценностные условия реализации зерна, в частности, неблагоприятные эквиваленты его с продуктами животноводства, действуют в направлении понижения товарности хлеба. Все это приводит к уменьшению предложения крестьянством зерна на рынок и «кризису» хлебозаготовок в октябре-декабре 1927/28 г. Усиление хлебозаготовок в следующем квартале было достигнуто «чрезвычайными мерами», которые привели к дезорганизации местного рынка, вплоть до закрытия местных базаров включительно. Цены «вольного» рынка резко отрываются от конвенционных, достигая к концу рассматриваемого года, уровня более высокого, чем уровень их в недородном 1924/25 г. «Кризис» зернового хозяйства, выразившийся в сокращении посевных площадей в 1928/29 г. (вследствие гибели озимых и недостаточного увеличения яровых посевов), побудил партию и правительство к ряду мероприятий, направленных на под'ем зернового хозяйства и упорядочение хлебного рынка. Были повышены заготовительные цены на хлеб. Вследствие такого повышения цен, для зерна были созданы иные более благоприятные соотношения с ценами других сел.-хоз. продуктов и более выгодные условия его реализации. Однако, кампания этого года проходит в исключительно трудных условиях. Причиной этому является недостаток хлеба в стране, напряженное состояние рынка, неблагоприятная география урожая и широко развернувшаяся, в результате развязывания местного оборота, конкуренция вольного рынка, принявшая крайне отрицательные формы (мешечничество). Отличительной чертой, в области цен в этом году, является чрезвычайное несоответствие между ценами частного рынка, которые в значительных размерах превышают цены обобществленных заготовителей, и их резкая порайонная дифференциация.

Движение уровня хлебных цен

По исчисленному нами индексу цен плановых заготовителей, уровень их на протяжении рассматриваемых лет изменялся так (табл. 1, стр. 259).[1]

В 1923/24 г. средне-годовой уровень заготовительных хлебных цен был ниже довоенного.

В результате повышения цен в течение этого года и нового повышения их в 1924/25 г., в связи с неурожаем, уровень цен 1924/25 г. оказался на +83% выше предыдущего года, и индекс их достиг высоты 157, т.-е. был максимальным за весь пореволюционный период. В 1925/26 г. общий индекс снизился на —4%, но высота его и в этом году еще значительна. В результате, уже выше рассмотренных нами условий, в 1926/27 г. произошло сильное снижение уровня заготовительных цен (—22%). В 1927/28 г. уровень цен был несколько повышен (на +9%). Но оба эти года характерны, как годы низкого уровня хлебных цен. В 1928/29 г.

[1] См. примечания к таблицам индексов цен в приложениях к настоящей статье.

Таблица 1

Динамика индекса цен плановых заготовителей по СССР

(Веса постоянные. Довоенные цены = 100)

культуры \ годы	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	% изменения к пред. году 1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Рожь	71,2	147,8	151,9	112,4	120,2	145,2	+108	+ 3	—26	+ 7	+21
Пшеница	93,9	163,9	157,8	125,3	132,5	157,4	+ 75	— 4	—21	+ 6	+19
Овес	86,4	168,5	156,0	113,4	120,8	146,4	+ 95	— 7	—27	+ 7	+21
Ячмень	70,8	134,5	117,8	87,5	134,6	166,1	+ 90	—12	—26	+54	+23
Кукуруза	96,4	144,6	100.0	100,0	136,0	137,1	+ 50	—31	— 0	+36	+ 1
Просо	43,3	122,7	118,0	104,3	116,3	118,1	+183	— 4	—12	+12	+ 2
Гречиха	80,2	147,5	152,3	126,9	131,4	168,7	+ 84	+ 3	—17	+ 4	+28
Среднее по всем хлебам	86,2	157,4	151,8	118,7	129,1	153,3	+ 83	— 4	—22	+ 9	+19

уровень заготовительных цен, в связи с повышением, проведенным в соответствии с решениями партии и правительства, поднялся до 153 (+19%), к 1927/28 г., и почти достиг высоты хлебных цен 1924/25 — 1925/26 г.

Динамика индекса цен плановых заготовителей на зерновые хлеба по СССР
(довоенные цены = 100)

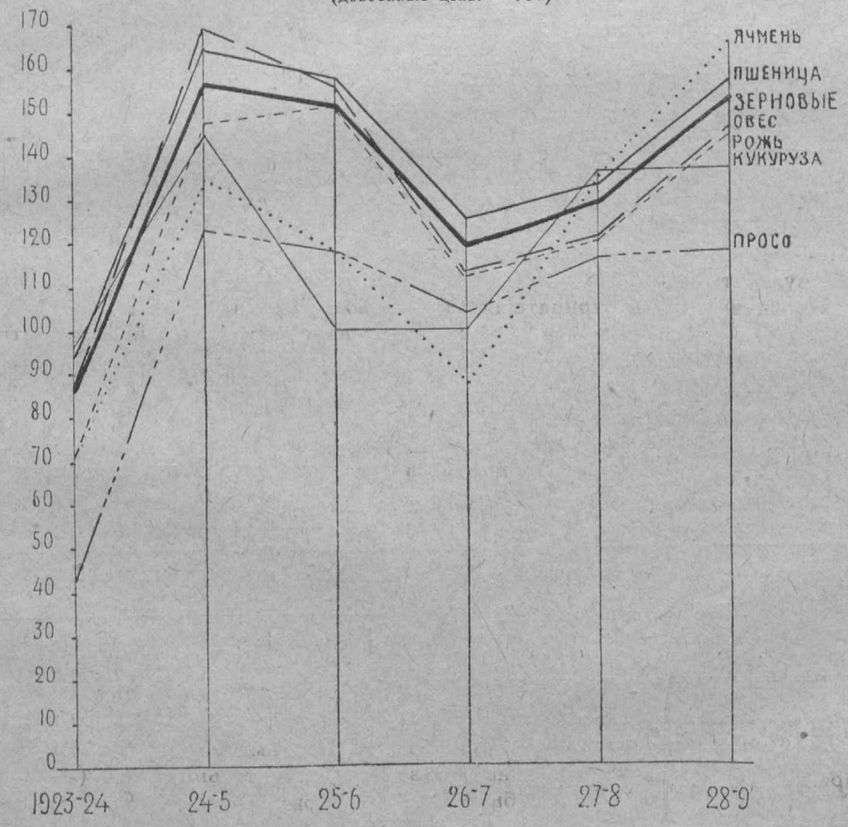


Диаграмма 1

По сравнению с довоенным периодом в уровнях цен отдельных хлебов произошли существенные сдвиги. Группа продовольственных хлебов имеет более высокий индекс, чем группа кормовых. Из продовольственных хлебов более товарная культура — пшеница, имеет более высокий индекс, а менее товарные хлеба — рожь и просо наиболее низкие. Из кормовых хлебов — овес, имеет высокий индекс, а ячмень и кукуруза — низкие индексы. Наиболее сильные колебания в рассматриваемые годы испытали цены на ячмень, кукурузу и просо, в 1926/27 г., опускавшиеся ниже уровня предвоенных лет. (См. диаграмму 1 на стр. 259).

Произведенное нами исчисление общих реализационных, для всей отчуждаемой на внедеревенский рынок товарной массы заготовительных цен на хлеб (взвешенных цен плановых, местных и частных заготовителей), показывает следующую динамику этих цен, в сравнении с ценами основных заготовителей (в коп. за центнер):

Группы цен	Рожь				Пшеница			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Общая заготовительная цена .	590	590	450	470	870	820	650	680
Цена планов. заготовителей . .	520	560	430	460	720	790	630	670
„ частн. „ . . .	710	720	670	700	1.060	900	780	840
Разница между общ. заготовит. ценой и ценой планов. заготовителей в %%	+ 14	+ 5	+ 5	+ 2	+ 21	+ 4	+ 3	+ 2
Разница между ценой частных и планов. заготовителей в %%	+ 37	+ 29	+ 56	+ 52	+ 47	+ 14	+ 24	+ 25
	Овес				Ячмень			
Общая заготовительная цена .	600	550	410	450	630	440	340	530
Цена планов. заготовителей . .	510	500	370	410	520	430	320	520
„ частных „ . . .	730	730	640	690	740	560	490	620
Разница между общ. заготовит. ценой и ценой планов. заготовителей в %%	+ 18	+ 10	+ 11	+ 10	+ 21	+ 2	+ 6	+ 2
Разница между ценой частных и планов. заготовителей в %%	+ 43	+ 46	+ 73	+ 68	+ 42	+ 30	+ 53	+ 19

Группы цен	В среднем по всем зерновым[1] культурам			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Общая заготовительная цена	720	670	550	580
Цена планов. заготовителей	610	630	530	570
Разница между общ. заготовит. ценой и ценой планов. заготовителей в %% . . .	+ 18	+ 6	+ 4	+ 2

[1] С учетом второстепенных.

Как видим, с усилением доли обобществленного сектора на заготовительном рынке, уровень общих реализационных цен отчуждаемого крестьянством зерна — все более приближается к уровню, назначаемых в плановом порядке цен.

Взвешенное по всем зерновым хлабам, превышение общей реализационной цены зерна над ценой централизованных заготовителей составляет: в 1924/25 г. — 18%; 1925/26 г. — 6%; 1926/27 г. — 4% и в 1927/28 г. — 2%.

Особый интерес представляют сезонные сдвиги в уровнях хлебных цен, имевших место в исследуемые годы. Особенностью движения хлебных цен в первый период является резкая разница осенних и весенних цен, превышавшая обычные размеры подобного разрыва, имевшего место в дозоенные годы. Отчасти этот разрыв находит себе об'яснение в том, что общее движение хлебных цен на протяжении трех лет было повышательное. Но основная причина, в частности, для 1924/25 и 1925/26 гг., заключалась в специфических моментах рыночной обстановки этих лет и в той роли, которую играл «вольный» рынок в эти годы. Нижеследующая таблица иллюстрирует выше сказанное: (см. таб. 2, стр. 263).[1]

В 1926/27 г., с установлением равновесия на рынке, удалось не допустить весеннего роста цен и достигнуть их стабилизации, на осеннем уровне на протяжении года как плановых, так и частных заготовителей. Как видно из таблицы, в ряде случаев весенние цены оказались даже ниже осенних. Те же явления можно отметить и для 1927/28 и 1928/29 гг., по отношению к ценам плановых заготовителей.

В 1927/28 и 1928/29 гг., как мы уже констатировали, имеет место отрыв частных цен от плановых, что связано с переживаемым напряжением хлебного рынка и хлебными затруднениями. В связи с этим, мы наблюдаем новые разрывы весенних и осенних базарных цен, движение, которых не связано с плановыми ценами.

* * *

На основе рассмотрения кон'юнктуры хлебного рынка, его структуры и движения хлебных цен за исследованный нами период, мы можем сделать следующий вывод. Выступление государства на рынке, как организованного заготовителя, принципиально изменяет характер советского хлебного рынка, в отличие от рынка довоенного периода и рынков капиталистических стран. Монополия внешней торговли, централизованный мощный заготовительный аппарат, регулирование на транспорте, национализированная банковская кредитная система, бюджетная налоговая политика, дают возможность государству, изменяя самый механизм ценообразования, вести активную плановую политику цен. Истекшие годы нэпа, в области овладения хлебным рынком и рыночной стихией, подразделяются на два этапа. Первый этап (с 1923/24 г. — до второй половины 1925/26 г.), проходит в непрестанной борьбе планового начала со стихией рыночных отношений. Недостаточный удельный вес централизованных заготовителей на хлебном рынке, отсутствие маневренных хлебных резервов в руках государства, парализованность хлебоснабжения, слабая организация государственных заготовок и, как следствие отсюда, наличие конкуренции между самими

[1] По 1926/27 г. по данным Г. М. Пистрака „Социалистическое хозяйство" за 1927 г., № 5—6 „Зерновое хозяйство и хлебный рынок СССР восстановительного периода" 1927/28 г. и 1928/29 гг. исчислены нами.

обобществленными заготовителями — все это имеет следствием, что, овладевая рынком и организуя его, государство в недостаточной мере подчиняет его плановому влиянию, и стихия рыночных отношений опрокидывает плановые установки.

Во втором этапе (со второй половины 1925/26 г. до этого года), вытеснив частника и заняв почти монопольное положение на хлебном рынке, организовав обобществленный заготовительный аппарат, наладив кооперативное хлебоснабжение, государство подчиняет рынок своему влиянию. Но, не имея длительных установок, как следствие отсутствия перспективных планов развития, планируя лишь процессы рыночных отношений и не реконструируя самого производства, государство ведет недостаточно устойчивую и недостаточно увязанную с условиями производства хлеба, политику цен. Вместе с налоговой политикой и на ряду с процессами, происходящими внутри крестьянского хозяйства, эта политика цен является одной из причин, приведших хлебное производство к современному состоянию. К концу этого этапа (1927/28 г.) и в 1928/29 г., мы имеем рецидивы прорывов плана стихией. Однако, в отличие от первого этапа, когда стихия выступает в лице частного капитала, природа этих прорывов заключалась в неналаженности самих рыночных отношений; к концу второго этапа, прорывы плана сигнализируют отставание развития хлебного производства, находящее свое проявление в рыночных затруднениях.

В связи со всем вышеизложенным, во всю широту выдвигаются три решающего значения, для развития зернового хозяйства, проблемы.

Во-первых, проблема доходности, ибо уровень государственных цен более и более определяет выгодность производства и продажи крестьянством своих продуктов, и общую сумму средств, вырученных от реализации продукции.

Во-вторых, проблема реальных эквивалентов, получаемых производителем, ибо обобществленный сектор, овладевая розничной торговлей промтоварами личного потребления, и снабжая крестьянство основными средствами производства, регулирует движение цен на эти товары и подчиняет их своему влиянию. Поэтому политика заготовительных цен, находящаяся в определенном соотношении и связи с промышленными ценами, приобретает актуальнейшее значение.

Таким образом, вместе с налоговой политикой, действуя, как фактор перераспределения народного дохода, цены своим уровнем и соотношением с уровнем цен на изделия промышленности устанавливают общую высоту капиталонакоплений в сельском хозяйстве и тем самым в значительной мере определяют общий темп развития сел.-хоз. производства на каждый данный период. Но с точки зрения реконструкции и расстановки производительных сил в сельском хозяйстве, распределения их между различными отраслями сел.-хоз. производства, основное значение имеет третья проблема соотношения цен внутри сельского хозяйства между отдельными его продуктами и отраслями, так называемые эквиваленты сел.-хоз. товаров между собой.

При этом необходимо иметь в виду, что как для понимания прошлого и, что особо важно, для планирования на будущее имеет колоссальное значение рассмотрение этих проблем в районном разрезе, ибо природно-географические и социально-экономические особенности каждого отдельного района столь разнообразны, что сплошной подход ко всему зерновому хозяйству в среднем по Союзу не может дать достаточно полной картины для анализа. К тому же, к рассмотрению в районном разрезе обязывают и те специфические задачи, которые поставлены пятилетним планом развития сельского хозяйства перед каждым районом в отдельности.

Процент превышения весенними ценами осенних

Таблица 2

Районы и культуры	1906/10 г. местн.	1909/13 г. местн.	1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
			Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные	Заготовит.	Базарные
Украина														
Рожь	+ 2	+ 13	+ 111	+ 82	+ 191	+ 140	+ 19	+ 12	+ 3	+ 18	— 2	+ 13	+ 2	+ 80
Пшеница	+ 4	+ 13	+ 106	+ 109	+ 139	+ 100	+ 12	+ 9	+ 2	+ 11	— 3	+ 6	— 4	+ 66
Поволжье														
Рожь	+ 5	+ 11	+ 76	+ 131	+ 78	+ 108	+ 28	+ 33	+ 1	0	+ 1	+ 31	+ 2	+ 59
Пшеница	+ 2	+ 11	+ 85	+ 121	+ 65	+ 62	+ 18	+ 29	+ 3	— 4	— 1	+ 8	+ 1	+ 33
Урал														
Рожь	+ 1	+ 12	—	+ 89	+ 120	+ 98	+ 51	+ 19	+ 3	— 17	— 7	+ 4	— 6	+ 53
Пшеница	+ 11	+ 20	—	+ 86	+ 115	+ 91	+ 12	+ 7	— 5	— 17	— 6	+ 15	— 1	+ 49
Сибирь														
Рожь	+ 11	+ 14	— 11	+ 49	+ 73	+ 62	+ 12	+ 2	— 4	+ 5	—	—	—	—
Пшеница	+ 11	+ 14	+ 16	+ 65	+ 87	+ 51	— 16	— 2	— 2	+ 4	— 2	0	+ 2	+ 1

Уровни хлебных цен по районам

Исчисленные нами индексы цен плановых заготовителей на зерновые хлеба (с постоянными весами), по основным производящим районам иллюстрирует динамику цен по районам за последние пять лет: (довоенные цены = 100).

Районы	Годы					Процент изменения к предыдущ. году			
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО	182	166	126	126	153	— 8,8	— 24,0	0,0	+ 21,4
Урал	125	148	116	119	149	+ 18,4	— 21,6	+ 2,6	+ 25,2
Ср. Волжский	158	172	119	132	152	+ 8,9	— 30,7	+ 10,9	+ 15,2
Н. Волжский	206	163	127	137	159	— 20,8	— 22,0	+ 8,0	+ 16,1
Сев. Кавказ	125	129	116	125	160	+ 3,1	— 10,1	+ 7,8	+ 28,0
Сибирь	124	123	117	119	147	— 1,0	— 4,9	+ 1,8	+ 23,5
УССР	174	162	119	130	150	— 7,0	— 26,6	+ 9,2	+ 15,4
СССР (в среднем) . .	156	152	119	129	153	— 2,6	— 21,8	+ 8,3	+ 18,6

В 1924/25 и 1925/26 г. имеет место резкая межрайонная дифференциация уровней цен. Максимальный индекс превышает минимальный в 1924/25 г. на + 68% и в 1925/26 г. на + 40%. Наиболее низкие индексы в этот период имеют восточные и юго-восточные районы.— Сибирь, Урал, Сев.-Кавказ (от 1, 2 до 1, 5). Наоборот, высокими индексами обладают недородные в 1924/25 г. районы (ЦЧО и Нижн.-Волж.), и близь расположенные к ним УССР и Ср.-Волжский, в 1925/26 г., вместе с Н. Волжским, характеризующиеся высоким урожаем.[1] В 1926/27 г., в результате резкого понижения, по всем районам, плановых цен, происходит выравнивание различных районных уровней цен.

В 1926/27 г. и в 1927/28 г. максимальный индекс превышает минимальный на + 9% и + 15%. В 1928/29 г., в результате осуществленного в соответствии с директивами правительства повышения цен, происходит дальнейшее сближение уровней цен по районам и аналогичная разница равна + 9%.

При динамическом рассмотрении порайонного движения цен за все пятилетие, мы можем в общем подразделить районы на две основные группы: 1 группа, — в которой уровень цен, в начале периода отличается значительной высотой (ЦЧО, Ср.-Волжск., Н.-Волжск. и УССР), и где в целом динамика цен была понижательной, поскольку снижение цен в 1926/27 г., не компенсируется для этих районов дальнейшим повышением; 2 группа — восточные и юго-восточные окраины (Сев.-Кавказ, Урал, Сибирь) — районы, где в целом, несмотря на снижение цен в 1926/27 г., тенденция изменения цен, на протяжении всего периода была повышательной.

[1] К этой же группе районов принадлежит Казакстан. В Башкирии динамика аналогична с Ср.-Волжским районом.

В общем итоге, мы можем притти к следующему заключению. В результате войны и революции наибольшую деформацию испытал хлебооборот восточных и юго-восточных районов. Поэтому, эти районы, мало втянутые в рыночные связи страны, имеют с самого начала низкие уровни индексов цен. Более высокие индексы имеют, центральные районы, произ-

Динамика индексов цен плановых заготовителей на зерновые хлеба по районам (довоенные цены = 100)

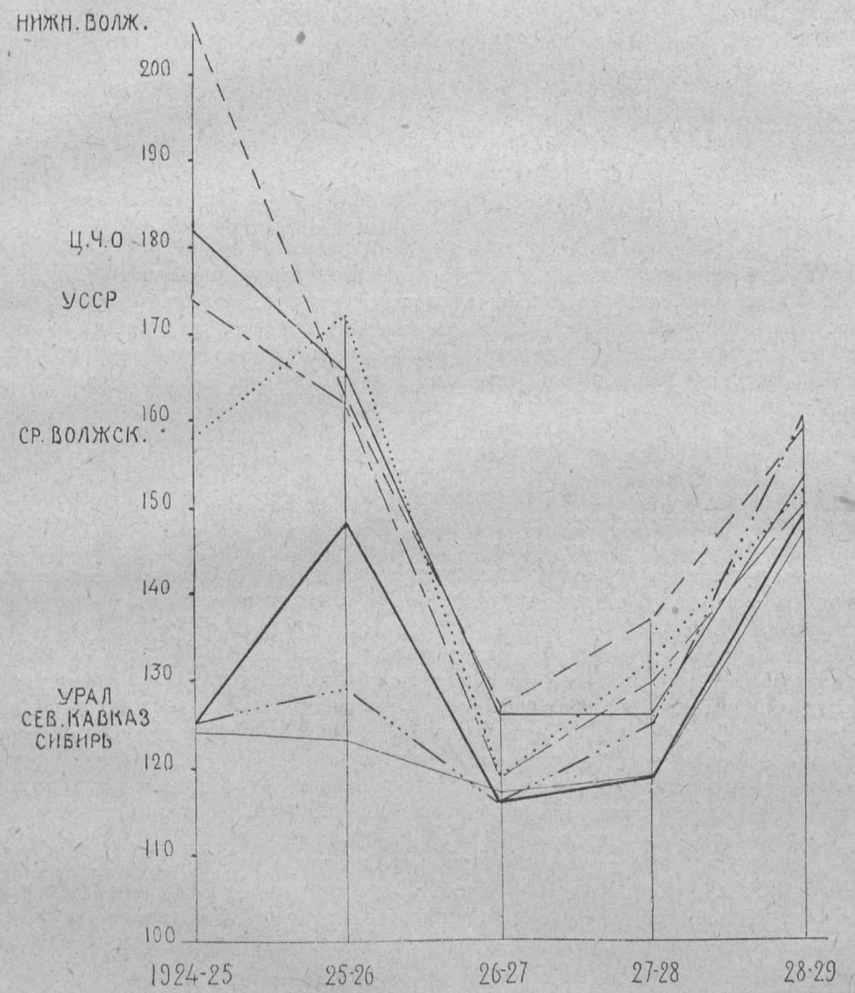


Диаграмма 2

водящей полосы (включая УССР), которые после гражданской войны и голода 1921 г. были в первую очередь привлечены к снабжению потребляющих центров. По мере увеличения товарности и вовлечения в товарный оборот восточные и юго-восточные окраинные районы поднимают свои индексы. В результате этого процесса к концу исследуемого периода (1928/29 г.), мы имеем географию цен близкую к довоенной, что проявляется в равной, примерно, высоте индексов в разных районах.

Нижеследующая таблица подтверждает вышесказанное:

Районы	Индексы цен Зерновых 1925/26 г.	1928/29 г.	% изменен. в 1928/29 г. по сравн. с 1925/26 г.
		(Довоенн. цены=100)	
Районы с понижением уровня цен			
Ц. Ч. О.	166	153	— 8
Ср.-Волжский	172	152	—12
Н.-Волжский	163	159	— 2
УССР	162	150	— 7
Районы с повысивш. уровнем цен			
Сев. Кавказ	129	160	+24
Урал	148	149	+ 1
Сибирь	123	147	+20

Но характерной чертой в географии районных уровней цен 1926/27—1928/29 гг., является то, что в то время, как в наименее товарных районах востока (Урал, Сибирь) мы имеем сравнительно более низкие уровни цен по отношению к довоенному времени, в наиболее товарных районах юга (Украина, Сев.-Кавказ), мы имеем уровни цен более низкие, чем в менее товарных районах центра (Поволжье и ЦЧО).

Себестоимость и цены

На ряду с данными о динамике уровней цен, в нашей работе мы привлекаем материалы по издержкам производства хлебных культур, их покупательной силе и конкурентоспособности их. В виду того, что материал по издержкам производства является новым, мы, прежде чем перейти к его рассмотрению, вынуждены предпослать некоторые методологические замечания и характеристику этого материала.

Основным критерием, учитывающим все разнообразие производственного процесса, служит учет издержек производства, которые в своей структуре, элементах и высоте уровня отражают, как влияние рынка (ценностные моменты), так и совокупность производственных и технических условий. Если в промышленности (государственной) учет издержек производства поставлен на достаточную высоту, то этого мы не можем сказать, в отношении сельского хозяйства, что об'ясняется целым рядом теоретических, методологических и статистических трудностей.

Когда мы говорим об учете издержек производства, то следует иметь в виду, что в применении к советской экономике, а к экономике советского сельского хозяйства, в особенности, категория издержек производства является чрезвычайно условной. Издержки производства в марксовом понимании являются категорией исторической, связанной с определенным капиталистическим способом производства. Являясь составной органической частью цены производства, издержки последнего целиком связаны с прибылью, с ее средней нормой. При этом Маркс неоднократно подчеркивает, что категория эта предполагает развитие отношения эксплоатации, найма рабочей силы, денежного рыночного товарооборота, т.-е. всю сумму условий характерных для капиталистического способа производства. В таких условиях применение ее является правомерным, и в промышленности и в сельском хозяйстве.[1]

[1] См. К. Маркс. „Капитал" т. III, ч. 1, гл. 1.

В наших условиях новых производственных отношений, при отсутствии элементов эксплоатации, оборота капиталов, цен производства, категория эта чрезвычайно условна и может быть принята лишь, как выражение определенных количественных затрат на изготовление того, или другого продукта. Следовательно, в наших условиях, эта категория принимает больше учетно-калькуляционный, чем социально-общественный характер. Условность эта еще более усугубляется при переходе к такой отрасли производства, как сельское хозяйство. Самый тип его — мелкие разрозненные производители, с простыми, пока что, мало развитыми товарными рыночными отношениям, не прибегающие в массе своей к найму рабочей силы, вкладывающие в свое производство ресурсы, силу и средства в большей мере в натуральной форме,— исключает, понятие издержек производства. И если мы употребляем здесь категорию издержек производства на ряду с другими категориями капиталистического хозяйства, то мы ни на минуту не должны забывать всю их теоретическую условность.

Целый ряд методологических и статистических трудностей при учете издержек производства в сельском хозяйстве еще более усложняют ее применение и исчисление. Как уже указывалось, ряд продуктов (сырье — семена, рабочая сила — труд и т. п.), входят в процесс производства в своей натуральной форме, и затем только, в целях учета итоговых результатов производства и их сравнимости, мы производим, на основе массового статистического материала, регистраций и наблюдений — их денежную оценку. С другой стороны, отсутствие отчетности, калькуляционного учета, того, что мы имеем в промышленности,— бухгалтерии с ее счетом производства,— статистически затрудняет задачу учета издержек на производство того, или иного продукта, производимого в сельском хозяйстве. На учет издержек производства и в довоенное и в современное время обращалось недостаточное внимание. В силу малой методологической разработанности этого вопроса, и подчас теоретической путаницы, материал этот страдает целым рядом дефектов, порою столь существенных, что сильно опорачивает полученные результаты.

В нашей статье, мы использовали исчисления себестоимости, проделанные на основе переработанных материалов ЦСУ СССР, в группе цен и ценообразования Госплана СССР, тов. Ш. Я. Турецким.

В приведенных ниже данных, оценка затрат труда в крестьянском хозяйстве произведена по средней, для каждого района поденной оплате батраков, занятых в крестьянских хозяйствах, нанимающих рабочую силу. Эта расценка в целом, по-нашему мнению, является несколько высокой, ибо наивысшей оплатой является именно поденная оплата, в то время как крестьянин занят в своем хозяйстве круглый год и уровень его действительной «заработной платы» скорее приближается к расценке труда рабочих, принимаемых на срок (сроковая оплата).[1] Поэтому уровень себестоимости, полученный в результате оценки труда, по поденной оплате, нужно считать в целом несколько преувеличенным против его действительной высоты.

В ЦСУ СССР себестоимость исчислена только лишь за 1925/26 г., поскольку она основана на бюджетах этого года. На основе учета изменения урожайности, Ш. Я. Турецким сконструирована динамика последующих лет. Таким образом, количественные выражения высоты себестоимости в разных районах, в особенности, для следующих за 1925/26 г. лет, где она условно исчислена, являются ориентировочными. Тем не менее, анализ этих уровней себестоимости, поставленных в связь с изуче-

[1] Материал по поденной оплате является более об'ективным и доброкачественным; материал же других видов оплат менее массов, более суб'ективен и менее пригоден для расценок; поэтому оценка по поденной оплате является статистически наиболее совершенной.

нием относительной динамики индексов и цен и с изучением процессов, имевших место как в области рыночной кон'юнктуры, так и производства и реализации зерновых хлебов, вскрывает новые моменты в ценообразовании.

Ниже мы приводим таблицу, дающую представление о динамике средней себестоимости 4 хлебов по отдельным производственным районам с постоянными весами: [1]

Районы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	% изменения к предыд. году 1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО	520	460	520	500	— 11,5	+ 13,0	— 3,8
Урал	540	550	590	530	+ 2,0	+ 7,3	— 10,1
Ср.-Волжский	530	440	600	520	— 17,0	+ 36,4	— 13,4
Н. Волжский	590	550	670	550	— 6,7	+ 22,0	— 18,0
Сев. Кавказ	390	480	530	570	+ 23,1	+ 10,5	+ 7,8
Сибирь	490	500	540	480	+ 2,0	+ 8,0	— 11,1
УССР	600	620	610	680	+ 3,5	— 1,6	+ 11,6
СССР (ср. по перех. районам)	520	530	580	580	+ 2,0	+ 9,5	0,0

Анализируя эту таблицу, мы можем наметить три основных группы районов, отличающихся различным характером изменения себестоимости на протяжении исследуемого периода. К первой группе принадлежат южные районы — Сев.-Кавказ, и УССР. Вследствие того, что в этих районах после высоко урожайного 1925/26 г.— в последующие годы мы имели понижение урожайности, себестоимость из года в год повышается. Так, по Сев. Кавказу, где этот процесс понижения урожайности выражен особенно ярко, себестоимость повышается в 1926/27 г. на +23,1%, в 1927/28 г. на +10,5% и в 1928/29 г. на + 7,8%; по УССР мы имеем повышение себестоимости в 1926/27 г. на +3,5%, некоторое снижение ее в 1927/28 г. на— 1,6% и повышение в 1928/29 г. на + 11,6%. На Украине во все последующие за 1925/26 г., мы имеем в общем средний урожай, но на Сев.-Кавказе в этот период мы наблюдаем урожаи, не превышающие средний и ниже среднего. Это понижение урожайности на юге связано, как с изменением метеорологических условий, так отчасти с процессами в организационно-производственной структуре крестьянских хозяйств, т.-е. с их дроблением и измельчанием.

Ко второй группе относятся центральные районы: Ср. и Н. Поволжье и ЦЧО. Особенностью этих районов является резкое колебание урожаев из года в год, в связи с чем мы здесь наблюдаем сильное колебание себестоимости за исследуемые годы.

В связи с высоким урожаем в этих районах в 1926/27 г. себестоимость понижается в пределах от 7 до 17%. В 1927/28 г. себестоимость резко повышается от 13 до 36% и вновь падает в 1928/29 г. в пределах от 4 до 18%.

Третья группа районов включает в себя Урал и Сибирь.[2] В этих районах на протяжении этих лет мы имеем устойчивые, повторные урожаи — средние и выше среднего, вследствие этого себестоимость их так же устойчива и мало подвержена колебаниям (см. диаграмму 3, стр. 269).

[1] Для взвешивания себестоимости приняты постоянные веса по средним за трехлетие (1925/26—1927/28 гг.) заготовкам.

[2] Казакстан принадлежит ко второй группе районов, а Башкирия занимает место между центральными и восточными районами.

В среднем по Союзу за эти годы мы имеем нарастающее движение себестоимости, приостановленное в 1928/29 г.

Перейдем теперь к рассмотрению соотношений, которые имели место между динамикой себестоимости и цен в изучаемые нами годы.

Динамика себестоимости 4 хлебов
(в руб. за центнер)

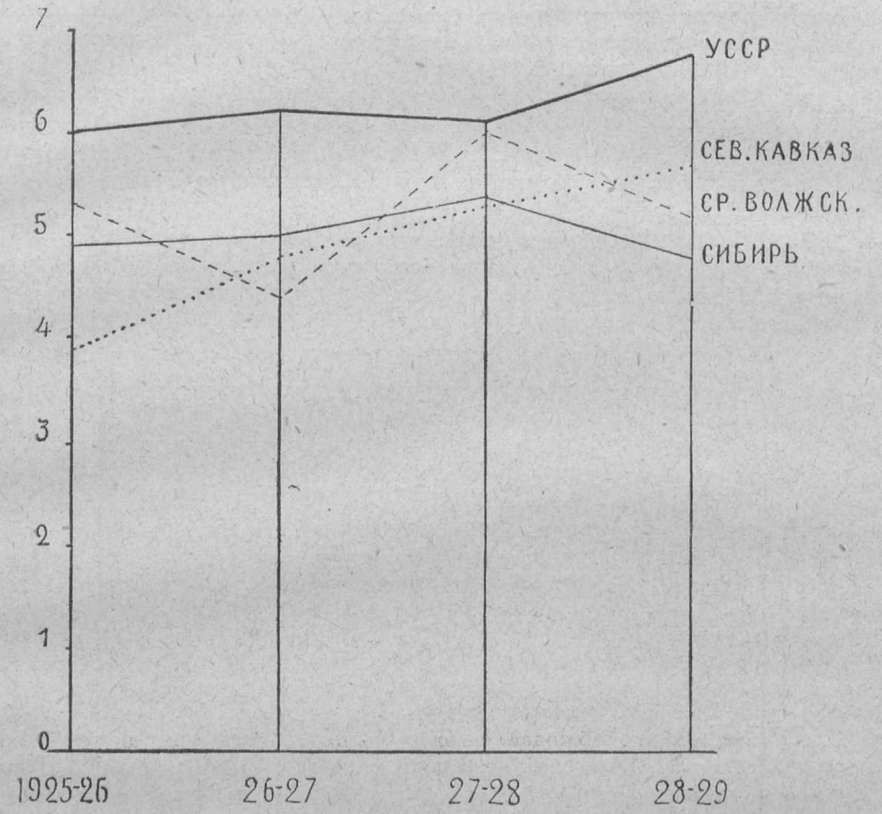


Диаграмма 3

В помещаемой ниже таблице, мы даем динамику средних по 4 главным хлебам цен плановых заготовителей (с постоянными весами):

Районы	1925 26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	% изменения к предыд. году 1926/27 г	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО	570	450	450	560	— 21,0	0.0	+ 24,4
Урал	650	50J	510	630	— 23,1	+ 2.1	+ 23,7
Ср.-Волжский	760	530	570	660	— 30,2	+ 7,6	+ 16,0
Н.-Волжский	730	560	600	700	— 23,3	+ 7,1	+ 16,9
Сев. Кавказ	630	560	600	780	— 11,1	+ 7,1	+ 30,0
Сибирь	510	480	490	610	— 5.7	+ 2,0	+ 24 6
УССР	810	590	620	740	— 27,2	+ 5,1	+ 19,5
СССР (ср. по перех. районам)	690	540	570	700	— 21,6	+ 5,7	+ 23,0

Как видно из этой таблицы, изменение цен в период 1926/27 и 1927/28 гг., не находится в соответствии с движением себестоимости. В то время, как в 1926/27 г., регулирующими мероприятиями было достигнуто сильное снижение плановых цен на хлеб во всех районах, составившее в среднем по Союзу около 22%, себестоимость производства этих хлебов в основном, в связи с происшедшим в этом году снижением средней урожайности, повышается по Союзу на + 2%. В следующем 1927/28 г., при повышении себестоимости по Союзу почти на + 10%, цены плановых заготовителей были повышены только на + 6%.

В результате таких соотношений разница между ценами и себестоимостью уменьшается. В 1925/26 г. эта разница составляла в среднем по Союзу + 32%, т.-е. цены значительно превышали себестоимость. В 1926/27 г. происходит сближение в уровне цен и себестоимости; разница составляет всего только + 2%.

В 1927/28 г. эта разница становится отрицательной, составляя—2%. Это свидетельствует о значительном снижении рентабельности зернового производства, происшедшем в эти годы. Вывод этот подтверждается следующими данными о динамики доходности 1 *га* главных хлебов (в % % по сравнению с предыдущим годом):

Районы	Урожай с 1 *га*		Стоимость в черв. руб.	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Пшеница				
УССР — Степь . . .	107	104	75	109
Сев. Кавказ	74	80	68	83
Ср. Волжский	163	26	115	29
Н.-Волжский	124	53	104	56
Урал	94	94	74	96
Сибирь	95	83	91	85
Рожь				
Ср.-Волжский	123	96	86	102
Овес				
ЦЧО	82	99	61	100

Следовательно, при происшедшем в 1926/27 г. в большинстве районов снижении урожайности, мы имеем резкое понижение доходности с 1 *га*, по своим размерам значительно превышающее размеры снижения урожайности. Даже в районах, где в этом году сбор с 1 *га* был выше предыдущего года, имело место снижение доходности (УССР — пшеница, Ср.-Волжск. районы — рожь), или повышение в значительно меньших размерах, чем повышение урожайности (Ср. и Н.-Волжск. районы — пшеница). В 1927/28 г. коэфициенты изменения доходности несколько превышают коэфициенты изменения урожайности, но разница так ничтожна, что не компенсирует разрыва, имевшего место в предыдущем году.

Перейдем теперь к рассмотрению итогов изменения себестоимости и цен за этот период (1925/26—1927/28) в различных районах:

Районы	% % изменен. в 1927/28 г. по сравнению с 1925/26 г.	
	Себестоим.	Цены
ЦЧО	0	— 21
Урал	+ 9	— 22
Ср. Волжский	+ 13	— 25
Н. Волжский	+ 14	— 18
Сев. Кавказ	+ 36	— 5
Сибирь	+ 10	— 4
УССР	+ 2	— 23
СССР	+ 12	— 17

Если мы возьмем в качестве отправного года 1925/26 г. и сравним те относительные сдвиги, в условиях производства и реализации главных хлебов, которые произошли за период 1926/27 и 1927/28 гг., то мы можем классифицировать районы по степени ухудшения ценообразующих условий.

В худших условиях находится Среднее и Нижнее Поволжье. Здесь, при повышении себестоимости на + 14%, мы имеем сильное снижение цен на — 25%, и — 18%. В несколько ином положении находятся районы юга. На Сев. Кавказе, при чрезвычайно резком повышении себестоимости на + 36%, мы имеем почти стабильность цен, за указанные годы (— 5%). Наоборот, на Украине, при стабильности себестоимости + 2%; имеет место значительное снижение цен — 23%. В восточных районах на Урале мы имеем положение анологичное Поволжью (себестоимость +9%, цена—22%). В лучшем положении со всеми другими районами находится Сибирь — при повышении себестоимости на + 10% мы имеем почти стабильность цен (— 4%).

Таким образом, во всех районах движение себестоимости и цен не находилось в соответствии между собой.

1928/29 г., первый год пятилетнего плана, является в этом отношении переломным годом. Повсеместно, за исключением Украины и Сев.-Кавказа, в этом году, происходит снижение себестоимости. Повышение цен 1928/29 г. выравнивает несоответствие, имевшее место в предыдущие годы. При стабильной в среднем по Союзу себестоимости, мы имеем повышение цен на + 23%; благодаря этому разница между ценами и себестоимостью становится положительной и цены превышают себестоимость на + 21%. Таким образом, этот год является годом благоприятным в отношении рентабельности зернового производства.

(Окончание следует)

Н. Березин

Лесоэксплоатация и колонизация сибирской тайги в связи с железнодорожным строительством[1]

Особенность железнодорожной сети Сибири[2] заключается в ее однобокости. Магистраль, пролегающая по лесостепной зоне Сибири, ответвляет от себя почти все линии на юг. К северу имеется лишь короткая линия Тайга — Томск с очень слабой пропускной способностью. На юг отходит целый ряд линий большого протяжения и крупного значения, которые намечены к продолжению: Петропавловск — Кокчетав, Татарская — Кулунда, Новосибирск — Семипалатинск и Бийск, Ачинск — Минусинск. В этом нет ничего удивительного — южная сторона заселялась и за последние десятилетия хозяйственно быстро развивалась, между тем, как северная таежная, и раньше была заселена слабо и впоследствии привлекала мало переселенцев.

В настоящее время положение меняется, и таежная Сибирь не может оставаться в прежнем положении. Но первым условием к оживлению ее является транспортная железнодорожная проблема. Пока железные дороги не врежутся в тайгу, ни заселение ее, ни вовлечение ее богатств в оборот не могут произойти. Между тем, и в пятилетнем и в генеральном плане железнодорожного строительства, транспортные вопросы таежной Сибири не нашли себе надлежащего решения. Освещению этого вопроса и посвящена настоящая статья.

Сибирская тайга является менее доступной и более трудно осваяемой, чем лесные площади Европейской части Союза. Вследствие всего этого заселение и освоение Сибирской тайги представляется задачей несравненно более сложной, чем на нашем Севере, и зависит в гораздо большей степени, чем там, от разрешения вопросов транспортных, главнейше, от проведения новых железных дорог. Ни водные пути, ни пути гужевые целям заселения тайги служить долее не могут. Дальнейшее расширение сети их в будущем может опереться лишь на новые железные дороги, без которых эти пути могут улучшаться и удлиняться лишь очень медленно.

Колонизация Сибири до конца XIX в. совершалась очень медленно. Лишь в конце прошлого столетия туда хлынули человеческие потоки из Европейской России. О размерах этого потока точных данных не имеется. За десятилетие 1906—1916 гг. туда переселилось, за вычетом обратных, кругло 3.700.000 душ. Считая от начала 60-х годов, полагают, что благодаря переселению население Сибири возросло на 5 млн. Цифра эта кажется большой, но в действительности для периода более, чем в 50 лет, она невелика, и переселение, за исключением отдельных годов совершалось в сущности медленно. Ярким контрастом может служить быстрое заселение Манчжурии, физико-географические особенности которой можно, до известной степени, сопоставлять с З. Сибирью.

[1] Помещая статью Н. И. Березина о лесовозных дорогах в Сибири, редакция обращает внимание читателей на то, что ж.-д. линии Ачинск (или Томск) — Енисейск и Тулун-Усть-Кут включены в план ж.-д. строительства на пятилетие 1928/29—1932/33 гг. Однако, эта программа строительства должна быть признана недостаточной в отношении размеров лесных богатств Сибири, до сего времени слабо изученных и обследованных. Редакция считает, что назрела необходимость в немедленном развертывании широких исследовательских работ по лесам Сибири и путям сообщения для них в целях подготовки строительства следующего пятилетия. В этом отношении чрезвычайно важно было бы привлечение знатоков севера Сибири к обсуждению этой проблемы в целом и направлений лесоэксплоатации в этом огромном районе, в частности. *Ред.*

[2] Термин „Сибирь" принят здесь в современных границах Сибкрая без Якутии и Д. Востока.

Хотя переселенческому движению в последние десятилетия уделялось немало внимания, тем не менее оно совершалось очень негладко, свидетельством чему является крайне высокий процент обратничества, составляющий для 1896—1911 гг. 27%, и возраставший для некоторых периодов (1910/15 гг.) до 40%, т.-е. за эти годы чуть не половина переселенцев возвращалась обратно.[1] За Уралом переселенческий поток растекался широким веером по З. Сибири и Степному краю, преимущественно на юг от магистрали и проходя в уменьшенном размере через среднюю Сибирь, докатывался до Тихого океана.

Переселенцы растекались, главным образом, по местам, где освоение земли могло совершаться с наименьшей затратой сил и средств, т.-е. по степи и лесостепи; слабее всего переселенческий поток направлялся в таежную Сибирь. Этим, вероятно, объясняется и то, что в таежную зону направлялся более бедный переселенец, так как капиталы, приносившиеся переселенцами на новую родину, для таежной зоны значительно в среднем ниже, чем для лесостепной и степной.

После войны и революции переселение не прекратилось. Вследствие того, что многие местности были закрыты для переселения, Сибирь сделалась едва ли не главным приемником их. Вместе с тем, нарушения в организации переселенческого дела и ряд других причин привели к тому, что переселение приняло более анархический характер, т.-е. увеличилась пропорция самовольцев. При этом изменился и социальный состав переселенцев; с места самовольно сдвигаются на ряду с малоземельными и бедными хозяйствами зажиточные семьи, которые устраиваются в Сибири, игнорируя переселенческие организации и нарушая порядок устройства так называемых плановых переселенцев.

Явление это приводит к тому, что и без того слабонаселенная таежная полоса заселяется слабее всего.

Действительно, по данным Сибирского переселенческого управления, за первый год открытия планового движения переселенцев в Сибирь (с октября 1925 г. по октябрь 1926 г.):

	Всех переселенцев	В том числе:		
		плановых	самовольных	% самовольных
Осело в Сибири, по данным жел.-дор. администрации (данные Омского перес. пункта без данных Иркутского п. п.).	100.411	26.741	73.670	73,4
Зачислено, по данным агентуры водворения	63.779	39.829	23.950	41,3
Фактически водворено	29.567	17.401	12.166	42,0

Из трех рядов параллельных цифр с цифрами довоенного периода могут быть сравниваемы лишь цифры первого ряда. Из них видно, что в первый год работы советской переселенческой организации удельный вес

[1] „Вопросы колонизации", № 20, стр. 51.

самовольчества значительно поднялся и приблизился к годам максимального развития его (период до 1885 г.). Чрезвычайно характерны цифры зачисления и водворения переселенцев в сопоставлении их с цифрами передвижения переселенцев по жел дор. Из всей массы самовольцев в 73.670 чел., учтенных по жел. дор. (притом не полностью), только 36.116 чел. или 49% связались с переселенческой организацией, а остальные 51% растеклись по Сибкраю, совершенно неведомо для последней.

Данные о зачислении плановых и самовольных переселенцев по округам Сибкрая приводят к следующим выводам:

1. Плановые переселенцы, в большей своей массе (61%), продвигаются в восточную Сибирь, самовольцы стараются устроиться в более обжитой западной и средней части Сибири и оседают здесь в количестве, равном плановым преселенцам (98%).

2. Самовольцы широко используют приписку к старожильческим обществам, имеющим свободный колонизационный фонд. Если пановх переселенцев, зачислившихся на землю, осело 11%, то самовольцев 42%, а по отношению к плановым — 24%.

3. Не менее показательно распределение плановых и самовольцев по трудно и легко осваяемым районам:

	Плановые	Самовольцы	% отнош. самовольцев
1. Трудно осваяемые округа			
Тарский и Томский (семей)	822	343	42
в %%	35	17	
2. Легко осваяемые округа			
Омский, Барабинский, Славгородский Кузнецкий, Новосибирский, Каменский (семей)	1.604	1.693	105
в %%	65	83	
	2.326	2.036	—

Данные эти указывают, что если ранее лишь малая часть переселенцев направлялась в таежную полосу, где было заготовлено достаточно колфондов, то теперь, когда временно усилился самовольческий элемент, охотников поселяться в тайге должно оказаться еще менее. [1] Набиваясь в обжитые районы, переселенцы приближают момент, когда прежнее вольготное экстенсивное использование земельных просторов должно претерпеть изменение.

В результате, в процессе переселения таежная полоса Сибири колонизуется мало и медленно. Заселенность ее возростала благодаря преимущественно естественному приросту населения, а не колонизации. Заселенность тайги, по сравнению с лесостепными и степными поясами, видна из следующих данных. (См. стр. 275).

При общей численности населения Сибирского края, по переписи 1926 г. в современных административных границах, равной 8.686.446 д.,

[1] „Вопросы переселения и колонизации Сибири", К. Козловский, „К вопросу о самовольном переселенческом движении", стр. 11—12, Новосибирск, 1928 г.

в т. ч. сельского 7.514.688 д., распределение последнего по таежным, лесостепным и степным округам, согласно переписи таково:

	Общая площадь *кв. км*	Площадь земель труд. польз. *кв. км*	% ее	Сельское население	На 1 *кв км*
Таежные	427.719	47.592	11,1	311.498	0,73
Лесостепные	633.789	256.611	40,52	913.650	4,6
Степные	192.431	154.510	80,0	2.548.908	13,3
Итого . .	1.253.939	458.713	36,1	5.774.656	4,5

По этим данным средняя плотность сельского населения составляет:

	Географическая на *кв. км*	Хозяйственно-экономическая на *кв. км*
Таежная зона	0,73	6,55
Наибольшая в Тарском округе . . .	3,72	6,5
Лесостепная	4,6	11,4
Наибольшая в Новосибирском округе.	13,76	18,04
Степная	13,3	16,8
Наибольшая в Каменском округе . .	15,25	20,56

По хозяйственной плотности, наиболее населенные степные округа приближаются к нижнему Поволжью, где эта плотность определяется в 27 ч. на *кв. км* удобной площади.

К таежной полосе можно отнести весь Тарский округ, северные части Барабинского и Новосибирского, части Томского, включая Нарымский край, сев.-зап. часть Ачинского, среднюю часть Красноярского, включая Туруханский край, северные части Канского, Тулуновского, Иркутского и весь Киренский округ. Согласно учету населения, численность сельского населения таежной полосы, в 39 районах ее составляет 833.813 д. и, кроме того, в 9 поселениях городского типа 28.896 д., а всего 862.709 д.

Исчисление населения по целым районам, включаемым в число таежных, несомненно, является грубым, но если принять, что численность сельского населения таежной полосы колеблется около 800.000 д., то ошибка в ту или другую сторону вряд ли велика. При площади таежной полосы в 1.460.000 *кв. км*, принятая выше цифра дает среднюю географическую плотность 0,73 ч. на *кв. км*.

Какой процент в этой массе составляют переселенцы, установить трудно, даже приблизительно. По данным подворной переписи переселенцев Томской губернии 1911—12 гг., в таежном районе Мариинского и Томского уездов проживало 15.501 д. переселенцев обоего пола. Эти уезды привлекали в свои таежные части переселенцев более всего вследствие близости культурных центров и более густого населения соседних лесостепных частей, где переселенцы легче находили заработок.

В приведенной цифре, кругло в 800.000 д., переселенцев насчитывается, вероятно, всего несколько десятков тысяч, надо полагать, менее 10%. Если даже принять цифру в 100.000 ч., то в сравнении с миллионами, осевшими в других частях Сибири, это очень мало.

Если заселение тайги шло медленным темпом, то трудно ожидать, чтобы эта полоса и впредь привлекала таковых, а посему, казалось бы, и нет оснований затрачивать средства на этот предмет, тем более, что расходы в расчете по устройству переселенцев в тайге гораздо выше, а проку от них для края и для государства как-будто меньше, чем это имеет место в отношении других частей Сибири.

Это было бы, может быть, так, если бы вопрос заселения тайги не был связан с двумя крупными вопросами, а именно:

1. Кризис сельского хозяйства в самой Сибири.

2. Лесной голод, остро чувствуемый не только в самой Сибири, но в сущности во всем Союзе.

Кризис сельского хозяйства явление новое, может быть для Сибири, но не новое по эту сторону Урала. Он существует уже давно.

С наплывом нового населения после проведения сибирской магистрали, сибирское сельское хозяйство непрерывно повышало свою товарность посредством расширения запашек в условиях увеличивавшегося применения машин. Восстановление плодородия почвы, посредством забрасывания земли в залежь в степной и лесостепной полосе и залежи и парования в таежной, должно было привести к сокращению сроков пребывания пашни под залежью. Результатом являлось: потеря почвой своей структуры, понижение урожайности, сокращение площади кормовых угодий, вследствие сокращения самой этой площади, отходившей к пашне, и вследствие ухудшения травостоя. Степень развития залежной системы характеризуется следующей таблицей (по данным сел.-хоз. переписи 1917 г.): [1]

Районы	Степень распаханности		Степень залежности	Степень парования
	на 100 *га* удобной площади пашни	на 100 *га* лучшей земли пашни	на 100 *га* посева приходится залежи	на 100 *га* посева приходится пара
Зап. Сиб. степной	45,1	83,3	97,1	14,7
„ „ лесо-степной	38,2	78,2	89,4	31,7
„ „ таежный	25,3	46,5	77,3	53,4
Вост. Сиб. таежный	сведения не полны		1,7	59,2

Из таблицы видно, что Восточный таежный район изжил стадию залежной системы и обратился к дву- и трехполью. Западные степной и лесостепной районы почти исчерпали наиболее пригодные под пашню площади, средний лесостепной приближается по размеру пара к трехполью. В этих районах переход к иной системе хозяйства неминуем. Западный таежный район еще не пережил залежной системы и восстанавливает плодородие почвы забрасыванием ее в залежь и парованием с применением навозного удобрения.

Нараставшая товарность сибирского сельского хозяйства складывалась из продукции полеводства и животноводства. Если валовая продукция полеводства превосходила таковую по животноводству (т. к. потреблялась в значительной мере самим населением), то, наоборот, товарная доля продуктов животноводства прежде далеко превосходила товарную продукцию полеводства. В последние годы, однако, соотношение это начало меняться в направлении сокращения товарной доли животноводства, как то видно из следующих данных (в %%): [2]

	1913/14 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Валовая продукция			
Полеводства	71,3	68,2	69,5
Животноводства	28,7	31,8	30,5
Товарная часть			
Полеводства	28,1	43,9	43,5
Животноводства	71,9	56,1	56,5
	100	100	100

[1] „Жизнь Сибири“, 1926 г., № 4, стр. 7.
[2] „Жизнь Сибири“, 1927 г., № 1, стр. 8.

Итак, несмотря на относительное редкое население и многоземелье, во многих районах Сибири кризис залежной системы хозяйства налицо, а другие районы, кроме туземно-скотоводческих, приближаются к нему.

Переход к новым формам хозяйства требует значительных капиталовложений и перевоспитания населения путем внедрения сел.-хоз. знаний и привития новых навыков. Какие бы рациональные меры ни принимались в этом направлении, надо быть готовым к тому, что хозяйство, в известной своей части, будет стремиться к переходу от залежной системы к двухполью, к трехполью, как то и наблюдается, и лишь частично к травополью. При росте населения и переселения в Сибирь, пройдет немало времени, прежде чем сибирское земледелие и животноводство перейдут к более рациональным формам. В ожидании этого, для приема новых масс переселенцев придется заготовлять колонизационные фонды, а это, за исчерпанием основных резервов, возможно, главнейше, в таежной полосе. Хозяйство этой полосы, при его промысловости, носит больше потребительский, нежели товарный характер; тем не менее, заселение таежной полосы необходимо, чтобы смягчить земельный голод, чтобы дать место переселенцам, которые сгущающимися толпами стремятся в Сибирь. Действительно, в текущем году наплыв самовольцев вновь возрос. В октябре 1928 г. в Сибирь пришло 40.000 вместо 10.000, пришедших в октябре 1927 г. В одном апреле 1929 г. самовольцев прибыло около 50.000. Всего к началу мая в Сибирь прошло более 120.000 самовольцев, и по предварительным подсчетам их в Сибирь ожидается не менее 160.000. Эта цифра, в 4 раза превышающая ожидавшуюся, ставит переселенческие и земельные органы в весьма затруднительное положение. При возможном дальнейшем росте прибытия переселенцев, необходимость заселения таежной полосы становится еще настоятельнее. Полоса эта должна стать преимущественно ареной размещения плановых переселенцев. С этим тесно связано сооружение в ней новых железных дорог, нужда в которых вызывается далее острой потребностью вовлечь в эксплоатацию сибирские леса.

Леса Сибири изучены крайне плохо. Если лесной фонд Сибирского края принять согласно обследованию НКПС районов Госплана в 260 млн. *га*, из которых лесов на свободных государственных землях — 76,5%; лесов в государственных лесных дачах — 22,2%; и лесов местного значения — 1,3%, то изученность их выражается в процентах следующими цифрами:

	Устроено	Исследовано	Неисследовано
Государственные лесные дачи	17,9	55,7	26,4
Лесов на свободных госуд. землях	4,4	12,1	83,5

В полной неизвестности находится более 80% лесной площади. Самая богатая лесом северная полоса изучена всего на 16%. Из общей площади лесов (за вычетом Туруханского края) 168,0 млн. *га*, в северной таежной зоне расположено 121,0 млн. *га*, т.-е. 73%. Лесные площади в остальных лесорайонах — (центральном и южном) залегают в недоступных горных частях. Наиболее выгодными для эксплоатации являются, следовательно, северные таежные леса (см. таблицу на стр. 278).

Из таблицы видно, что лесопокрытая площадь занимает почти 700.000 *кв. км* (лесистость 48%), раскинувшихся на 1.460.000 *кв. км* (не считая Туруханского края), т.-е. на каждое хозяйство приходится около 14 *кв. км* леса. При среднем приросте в 1,8 $м^3$ эта площадь может давать ежегодно 223,4 млн. $м^3$ древесины.

Распространить эксплоатацию леса на всю указанную площадь невозможно. В эксплоатацию могут быть введены только наиболее доступные и ценные площади, а именно: в Тарском и Барабинском округах по правым притокам Иртыша, в Томском округе в бассейне Кети и Тыма, в Ачинском — по среднему течению Чулыма и его притоков, в Краснояр-

ском и Канском — вдоль течений Ангары и ее притоков. Все эти наиболее ценные лесные площади располагаются продолговатыми островами в широтном направлении. Широтное расположение притоков Иртыша, Оби и Енисея чрезвычайно благоприятствует эксплоатации леса вдоль течения этих рек, особенно, если сеть мелких притоков по расчистке их будет приведена в сплавное состояние. По выходе из притоков, сплавляемый лес выходит в Обь и Енисей, откуда бревна и разделанный материал должны подыматься вверх до ж.-д. магистрали сотни километров против течения. Это делает использование исключительно водных путей при сезонности их работы крайне невыгодным для лесной эксплоатации, даже почти невозможным. Подобно лесным площадям, широтно расположены и колонизационные фонды, в виде островов среди моря леса, при чем наилучшие части фонда находятся на юге, прилегая к обжитой полосе.

Районы:	Площадь *кв. км*	Лесопокрытая площадь *кв. км*	Лесистость в %
Тарский	74.624	6.858	11
Барабинский	55.541	10.233	27
Новосибирский	—	2.820	27
Томский	360.665	105.598	39
Нарымский левобер	—	—	38
„ правобер.	—	—	79
Ачинский	18.818	10 061	55
Красноярский	158.967	88.893	60
Канский	160.524	78.002	52
Иркутский	630.800	395 172	69
Вся площадь	1.459.940	—	—
Лесная	1.215.767	697.637	—
в %	82	48	

Новые железные дороги в таежной полосе должны быть проектированы таким образом, чтобы при посредстве их для эксплоатации могли открыться возможно более значительные и ценные лесные массивы и наибольшие и лучшие колонизационные фонды. При планировании таких линий можно исходить из двух принципов: 1) принципа гребенки т.-е. сравнительно коротких линий, отходящих приблизительно под прямым углом от сибирской магистрали, 2) принципа продольных и сравнительно длинных линий, более или менее параллельных магистрали, расположенных в известном расстоянии от нее и связанных с нею в тех или иных пунктах.

Первый принцип получил свое осуществление в южной половине Сибири. Здесь имелась в виду не эксплоатация леса, а колонизация, выход товарной продукции сельского хозяйства на магистраль и эксплоатации ископаемых (Кузбасс). Несмотря на то, что в помощь этим линиям работают реки (Тобол, Иртыш, Обь, Томь, Енисей), надобность в широтных линиях здесь не следует считать исключенной.

Но возникает вопрос, выгоден ли первый принцип экономически для таежной полосы? Здесь, повидимому, он, если и выгоден, то условно, именно при подходе линий к устьям широтно текущих рек Тым, Кеть, Чулым, Ангара. Такими линиями являются из проектируемых Татарская (Барабинск) — Каргасок, Зырянское — Ижморская и Ачинск — Енисейск. В колонизационном отношении они, однако, малоценны потому, что линии трассируются по заболоченным междуречьям (Васюганье) или проходят по обжитым местам и вскрывают слишком малые колонизационные фонды.

Они еще малоценны потому, что каждую из них надо подвести к каждому из колонизационных районов. Выгоднее, следовательно, линии широтного направления, так как они трассируются по серии наиболее пригодных колонизационных фондов. Сочетание требований лесоэксплоатации и колонизации приводит к тому, что наиболее целесообразными представляются линии широтного направления с уклоном к диагональности. Этим надо об'яснить живучесть таких проектов, как линии Томск — Енисейск и Тайшет или Тулун — Усть-Кут.

Преимущество широтных линий находит себе подтверждение в расположении колонизационных фондов. В левобережном Нарымском крае фонды вскрыты в Чае-Иксинском и в Парабельском районах. Далее к западу их надо искать по течению рек Васюганья (Чежапка, Васюган, Чертанла, Ягыл-Яг) в направлении к Иртышу. В правобережьи фонды располагаются вдоль Чулыма и его широтно текущих притоков. За Енисеем фонды должны располагаться в направлении к верхней Лене. По положению наиболее удобны для заселения земли в Чулымском крае. Фонды Васюганья являются более отрезанными и менее ценными. Широтные или широтно-диагональные линии также лучше комбинируются с водными путями. Линия Томск — Енисейск пересекает Чулым и ряд его притоков. Кеть и далее получает в реке Ангаре при регулировании ее порогов прямое водное продолжение до Байкала, а посредством его, Селенги и линии Верхнеудинск — Кяхта до Монголии.

Проектов новых линий в таежной полосе было немало. Среди них следует отметить такие, как:

1) Петропавловск — Ишим — Тевриз, которая намечалась, как колонизационная и лесовозная (правобережье Иртыша) с тем, чтобы лес оттуда направлялся на юг за Петропавловск в Казакстан. Направление линии диагональное (ю.-з.— с.-в.). Колонизационное значение ее малое.

2) Ст. Называевская — Тара, которой придавалось по преимуществу колонизационное значение. Линия диагональная.

3) Татарская или Барабинск или Ново-Сибирск — Каргасок (устье р. Васюган); все варианты по преимуществу меридиональные, имеют в виду эксплоатацию лесов по Тыму, Кети и Васюгану для вывоза его на юг в Сибирь и Среднюю Азию. Колонизационное значение их малое. Варианты от Татарской и Барабинска технически обследованы и линия вошла в генеральный план Сибкрайисполкома, как второочередная.

4) Линия Томск—Енисейск, широтно-диагональная, была запроектирована и обследована экономически и технически еще в 1913 г. Технические изыскания 1928 г. произведены по новой трассе. Экономические изыскания того же года одновременно захватили ветку на Кеть, линии Тайга — Енисейск. Ижморское — Зырянское и Ачинск—Енисейск. Линии Томск—Енисейск всегда придавалось большое колонизационное значение, так как она вскрывает большие колфонды, именно свыше 500.000 душевых долей в Чулымском крае. Также велико ее лесоэксплоатационное значение, так как при наличии ее в экплоатацию вовлекаются леса бассейна Чулыма, верхней Кети и Ангары с притоками, дающий наибольший выход леса и лесоматериалов. В виду этого, линия вошла в генеральный план Сибкрая, как первоочередная. Линия эта, кроме ветки на ст. Тайга имеет в проекте выход на магистраль в Юрге или на Тутальской.

5) Линия Тайга — Енисейск отличается от предыдущей тем, что минует Томск, в западной половине проходит по обжитому району и слишком сближается здесь с существующей магистралью.

6) Линия Ижморская — Зырянское, короткая меридиональная, имеет очень малое лесоэксплоатационное и колонизационное значение.

7) Линия Ачинск — Енисейск меридиональная, совпадает в своем значении по лесоэксплоатации Приангарского района с линией Томск — Енисейск, оставляя почти совсем в стороне лесные богатства Чулымского края. Колонизационное значение ее невелико, так как линия пролегает по обжитому району.

8) Линия Тайшет (Тулун) — Усть-Кут широтная, вовлекает в эксплоатацию большие лесные площади, так же как колонизационные фонды и устанавливает давно необходимое соединение сибирской магистрали с бассейном Лены. По этим основаниям она принята Сибкрайисполкомом в генеральный план, как первоочередная.

В результае перед нами 8 проектов линий, врезающихся в таежную полосу. Это изобилие проектов имеет печальные результаты: в отношении каждого проекта высказалось много «за» и «против», и тем не менее все еще не решен вполне вопрос, какие же из них строить. Между тем без твердого железнодорожного плана нельзя строить и твердого общего плана колонизации таежной Сибири. Все колебания в отношении железнодорожных проектов отражаются и на планах колонизации. Проекты составляются, деньги тратятся, экспедиции бросаются туда, сюда, а переселенец, тем временем, прет, в значительной степени самовольный, путается сам и спутывает все переселенческое дело.

То же и в лесном деле. Лесной голод в Сибири обостряется. С проведением Туркестано-Сибирской магистрали возникнут возрастающие требования оттуда на сибирский лес. А между тем, сооружение линий, которые должны врезаться в лес и дать столь нужные лесные материалы, еще не установлено окончательно. Одни из перечисленных линий не вскрывают ни больших колонизационных фондов, ни лесных массивов и потому не удовлетворяют вполне намеченным целям — колонизации и лесоэксплоатации. Другие, наоборот, выдаются и в том и в другом отношении. К последней категории следует отнести три линии: Томск — Енисейск, Ачинск — Енисейск и Тайшет (Тулун) — Усть-Кут.

В 1928 г. были произведены технические изыскания линии Томск — Енисейск и экономические изыскания ряда Чулымских линий между Обью и Енисеем к северу от магистрали в целях установления, какая из конкурирующих линий наиболее целесообразна. Линии эти следующие: 1) Юрга (или Тутальская) — Томск — Енисейск а) с веткой на Кеть и б) без таковой. 2) Тайга — Енисейск, 3) ст. Ижморская — Зырянское и 4) Ачинск — Енисейск.

По размерам площади тяготения и сферы влияния первые 4 варианта различаются мало. По населению наибольшие перспективы к увеличению его имеет линия на Томск, благодаря положению и качеству своих колонизационных фондов. За пределами пяти лет заселение района этой линии, надо ожидать, будет происходить усиленнее, чем в районах других линий, и положение переселенцев имеет больше шансов скорее достигнуть хозяйственной устойчивости вследствие того, что район линии на всем протяжении располагается параллельно обжитой полосе. Кроме того, район располагается в достаточном расстоянии от магистрали, так что обе линии менее мешают одна другой. К северу лежит широтно расположенная полоса тайги в направлении судоходной р. Кети, так что это пространство в деле заселения опирается на всем своем протяжении на новую линию.

Результаты обследования дали следующие цифры:

I. Площади районов тяготения (тыс. *кв. км*) и численность населения

Линии	Юрга—Томск—Енисейск с веткой на Кеть 849 *км*	Юрга—Томск—Енисейск (653 *км*), а без участка Юрга—Томск (547 *км*)	Тайга—Енисейск (498 *км*)	Ачинск—Енисейск (296 *км*)	Ижморская—Зырянское (74 *км*)
К 1935/36 г.	629.100	603.900	520.100	369.300	176.300
Население					
Площадь в целом *кв. км* . . .	2.027,6	1.992,8	1.987,2	1.963,3	29,2
Без Туруханского края (1615 тыс. *кв. км*)	412	377,8	372,2	348,3	—
Лесопокрытия тыс. *га*	11.904	11.674	10.003	7.953	4.116
С Ангарским районом (8.002 *га*)	19.906	19.676	18.005	15.955	—

II. Грузооборот на 1935/36г. (в тыс. тонн)

Всего грузов	1.259,6	1.060,2	759,75	636,08	350,0
В том числе:					
лесных	1.083,15	893,9	701,1	578,6	283,86
в %% к общей сумме	86	84	92	91	81

III. Выход лесных материалов на линию и снабжение ими нуждающихся районов (в тыс. *куб. м*)

Всего	2.087	450	1.687	1.337	630
В том числе:					
На внутренний сибирский рынок	1.252	300	1.012	802	630
В Среднюю Азию	467	110	378	299	—
„ Казакстан	168	40	135	107	—
„ восточные части Уралобласти.	133	—	108	85,6	—
За Урал	67	—	54	42,8	—

IV. Финансовые результаты сооружения линий (тыс. руб.)

Валовой доход	8.982	7.839	4.920,1	2.869,9	783,9
Расходы эксплоатационные . .	7.900	6.906	5.114,3	2.952,8	536,8
Чистый доход от перевозки новых грузов по сети . . .	413	305	768,0	423,4	910,2
Результаты эксплоатации . . .	669	628	962	506,3	1.157,3
Амортизация	2.553	2.151	1.639,9	1.124,13	258,72
Результаты для линии	995	812	1.488,6	860,21	48,1
„ „ сети	889	711	1.114,11	770,23	850,48
Общий результат	1.884	1.523	2.602,71	1.630,44	898,58

V. Капиталовложения на 1935/36 г. (тыс. руб.)

	119.721	100.168	75.025,95	48.854,53	11.576,56

В отношении пространств по ту сторону Енисея (Приангарье) четыре первые линии имеют одну и ту же сферу влияния, но эта часть представляет интерес, главнейше, в отношении лесоэкплоатации, а не заселения.

Грузообороты линий были разработаны с особой тщательностью. Однако существенным недостатком их может явиться то, что результаты

большого лесоэкономического обследования по Приангарью не могли быть использованы полностью вследствие того, что экспедиции не были предоставлены к тому время и средства.

Характерной особенностью грузооборотов является крайняя неравномерность движения, что об'ясняется полным преобладанием лесных грузов. В наиболее благоприятном положении находится линия Томск — Енисейск без ветки на Кеть, и она же имеет наибольшие перспективы для смягчения этой неравномерности, так как колонизационные фонды у нее наибольшие, почему в будущем должны возрасти количества грузов прибытия и грузов на и за Енисей. Наибольшие количества лесных грузов дают обе Томские линии, значительно подавляя в этом отношении линию Ачинск — Енисейск, не говоря про линию Ижморская — Зырянская. Лес из Ангарского района имеет возможность выходить на рынок по всем линиям, кроме линии Ижморская — Зырянское.

Согласно данным генерального плана Сибкрая потребность Сибири в древесине составляет в *куб. м:* [1]

	1926 г.	1936 г.
Деловая	13.290	19.400
Дровяная	39.290	53.900

Дефицит по деловой древесине оказывается громадным. При возможном отпуске из Сибирских лесов исчисляемом планом в 174,6 млн. *м*, в 1936 г. предполагается возможным получить в сметном порядке (в тыс. $м^3$):

Деловой	11.000
Дровяной	10.000
Всего	21.000

Дефицит деловой древесины к 1936 г. ожидается таким образом кругло в 6,100 тыс. $м^3$ для одной Сибири. Если к этому присоединить потребности других рынков, то требование, пред'являемое к сибирской деловой древесине возрастает еще значительнее. Количества эти с распределением их по рынкам показывают, что и при проведении наиболее продуктивной по лесу линии Томск — Енисейск с веткой на Кеть ожидаемый к 1936 г. дефицит не погашается лесными грузами одной этой линии. Район ее не в состоянии дать столько леса, сколько требуется, что вызывает необходимость сооружения других лесовозных линий из которых наиболее целесообразной во всех отношениях является, повидимому, линия Тайшет — Усть-Кут.

Переходя к финансовым результатам сооружения этих линий, нужно сказать, что за исключением линии Ижморская — Зырянское они оказываются неблагоприятными. Четыре первые линии решительно дефицитны, и это, не принимая во внимание процента на капитал. Дефицитность еще более возрастает в отношении сети в целом, при чем наименьший убыток дает линия Юрга — Томск — Енисейск, линия же Ижморская — Зырянское доставляет даже крупный доход. Причина дефицитности первых 4 линий и доходности последней ясна. На всех линиях подавляющую массу грузов составляет лес, который в случае первых 4 линий следует на отдаленные рынки. Современные же тарифные ставки на лесные материалы таковы, что перевозка лесных грузов свыше определенной дистанции является убыточной. Линия Ижморская — Зырянское дает мало лесу, которого хватает лишь на удовлетворение спроса ближайших мест, потому перевозка его прибыльна.

[1] Сметные отпуска составляли в 1926 г.:
деловая — 5.103,0 тыс. $м^3$; дровяная — 6.410 тыс. $м^3$.

Если эксплоатацию лесов поставить рационально, то себестоимость его должна снизиться, и тариф на перевозку лесных грузов окажется возможным поднять до степени выгодности его для жел. дор. Кроме того, расчеты финансовых результатов эксплоатации линий сделаны согласно указанным НКПС формулам. К сожалению при этом не принимаются в расчет индивидуальные свойства проектируемых линий. Если сооружение и эксплоатацию их вести, применяя всевозможные облегчения, какие позволяют местные условия и техника железнодорожного дела, то как капиталы требующиеся на сооружение, так и расходы эксплоатации могут значительно снизиться, и лесовозная линия может стать или бездефицитной или даже доходной, особенно, когда район ее заселится и увеличатся грузы прибытия. Поэтому на исчисленные финансовые результаты эксплоатации линий не следует смотреть слишком пессимистически. Народнохозяйственный эффект в сравнительно короткое время с лихвой может возместить сделанные затраты. Необходимо лишь решительно остановиться на определенном проекте и столь же решительно приступить к сооружению линий, потребность в которых явственно ощущается уже второй десяток лет.

Мы полагаем, что такой линией между Обью и Енисеем является линия Томск — Енисейск, а за Енисеем — линия Тайшет — Усть-Кут.

„Проблемы энергетики". Материалы к пятилетнему плану промышленности ВСНХ СССР на 1928/29—1932/33 гг., том I, изд. ВСНХ СССР, 1929 г.

Рецензируемая нами книга представляет собою результат работ специальной комиссии при президиуме ВСНХ СССР, созданной для проработки энергетических вопросов пятилетнего плана.

Ставя проблемы энергетики во главу угла пятилетнего плана, ВСНХ этим самым одтверждает руководящее начало и торжество энергетической концепции в пятилетнем плане социалистической реконструкции народного хозяйства. Первый единый народнохозяйственный план ГОЭЛРО был создан на энергетическом костяке, а пятилетний план, являясь продолжением и завершением плана ГОЭЛРО не меняет этих вех, но лишь на опыте пройденного подтверждает их правильность. Пятилетний план народного хозяйства, вводя нас целиком в реконструктивный период социалистического строительства, с железной настойчивостью требует от энергетики конкретного выражения генеральной линии технической реконструкции.

Комиссия, назначенная Президиумом ВСНХ СССР для разработки энергобаланса страны в пятилетнем плане, сузила свою задачу, ограничившись вопросами энергетики по линии развития механической энергии, включая и электроэнергию, и тепловой энергии. На данной стадии нашего развития, можно сказать, что хотя комиссия исключила из своего поля зрения энергетику животных, но это в конечном счете не умаляет ее работы. Разработанный материал по энергетике достаточно обстоятельно охватывает широкую совокупность организации и рационализации процессов производства, энергетического вооружения живого человека в производстве на основе технического использования сил природы. Надо полагать, что проделанная работа даст возможность более точно с большим успехом подойти к разрешению проблемы энергобаланса страны в широком смысле слова.

Останавливаясь на отдельных вопросах энергетики, разработанных в данном материале, можно констатировать значительные достижения как в принципиальной их постановке, так и конкретно-практической проработке.

1. Особое внимание заслуживает топливная проблема, которой отведено подобающее место, и глубокая проработка среди других энергетических проблем. Топливо пока остается основным источником энергии в нашей стране. Далеко невыгодное расположение основных топливных ресурсов страны по отношению к исторически сложившимся промышленно-индустриальным районам, определяло и будет еще долго определять характер топливных затруднений. Под этим углом зрения определилось построение топливного баланса, который претерпевает значительную реконструкцию в своей структуре в смысле решительного увеличения удельного веса в топливном балансе местного нетранспортабельного топлива; как, например, при росте общей добыче топлива за пятилетие в стране в 184,0%, рост торфа теперь уже определен в 300%, подмосковного угля —500%. Запроектированы значительные достижения в области техники и рационализации сжигания топлива всякого рода низких сортов и отбросов, снижение удельных расходов топлива по промышленности до 35% и т. д.

Впервые мы здесь подходим к разрешению топливной проблемы и построению топливных планов по отдельным районам с широкой детализацией отдельных элементов этого плана, что дало возможность определить физиономию района с топливной стороны.

2. Превращение всякого топлива в электроэнергию в несколько раз повышает энерговооруженность труда и хозяйственный эффект. В материалах мы видим решительную установку на электрификацию народного хозяйства. Темп роста выработки электроэнергии, несомненно, отвечает задачам индустриализации страны и технической реконструкции, опережая все показатели народного хозяйства. Намечено интенсивное вытеснение электроэнергией других видов энергии, в частности, удельный вес электроэнергии в переводе на топливо составит к концу пятилетия до 21% топливного баланса промышленно-технической группы.

3. Особенно необходимо подчеркнуть структурно-качественные изменения электрификации, запроектированные в материалах. Гегемония в электрификации целиком переходит к районным мощным электростанциям. Удельный вес районных

электростанций в общей выработки энергии и темп развития значительно повышается и опережает общий темп и об'ем развития производства электроэнергии. Фабрично-заводская электрификация от мелких станций жестко ограничивается; она будет отдавать до 50% своей энергии в обще-распределительную сеть. Проблема использования местного топлива и отбросов получает идеальное разрешение в электрификации. Например, на 94% районные станции будут работать на низких сортах топлива, включая в т. ч. 25% гидроэнергии.

Выработка механической энергии от привода стабилизируется в промышленности, а коэфициент электрификации промышленности повысится с 55% до 82%, т.-е. дойдет до уровня высокоразвитых индустриальных стран Запада и Америки.

4. Особенно обстоятельно проработан раздел электрификации и энергобаланса промышленности. Впервые мы имеем всесторонне освещенную картину электрификации отдельных отраслей промышленности и отдельных экономических районов. Физиономия района и отдельные об'екты электрификации приобретают определенные черты и в это дело внесено очень много конкретной ясности. Но реконструкция силовых процессов промышленности на базе электрификации не разрешает целиком энергетической проблемы промышленности, ибо силовые процессы промышленности расходуют энергии от 30—35%, а остальные 60—65% составляют технологические-тепловые процессы, где в настоящее время электроэнергия почти совсем не имеет места. В наступающее пятилетие здесь намечены решающие сдвиги: потребление электроэнергии на тепловые процессы намечено с 2,0% в настоящее время до 18% к концу пятилетия, что составит больше 2,0 млн. тонн условного топлива. Конечно, это стало возможным лишь теперь с выработкой дешевой энергии, и в особенности гидроэнергии, для электрометаллургии и электрохимии. В частности, химия открывает новую страницу в энергетике и является основным фактором, разрешающим проблему внедрения электроэнергии в тепловые процессы и проблему утилизации энергетических отбросов.

5. Рецензируемый материал впервые практически открывает новый принцип построения дешевого энергетического баланса на основе т е п л о ф и к а ц и и. Принцип теплофикации по существу дополняет основы плана ГОЭЛРО, и ему в наступающее пятилетие в проблемах энергетики отводится подобающее место. Задача теплофикации заключается в глубокой рационализации тепловых процессов хозяйства, позволяющих комбинировать производство электроэнергии с производством тепла для технологических целей промышленности и тепла для коммунальных нужд городского населения, передаваемого на расстояние. Рациональному разрешению проблемы теплофикации и построению целостного энергохозяйства района кладут начало промышленно-энергетические, индустриальные комбинаты, как Днепрострой, Бобриковский комбинат и друг., использующие местные энергетические ресурсы, включая отбросы энергии. Метод организации производства на основе энергетического комбинирования открывает перед нами колоссальные перспективы производства дешевой энергии, а в этом методе также кроются наши преимущества перед капиталистической системой.

6. Впервые в настоящих материалах мы встречаем более глубокие попытки конкретного разрешения проблемы сельскохозяйственной энергетики, правда, более обстоятельно пока только со стороны разрешения проблемы силового хозяйства деревни. Но это по существу и является центральным звеном сельскохозяйственной энергетики. До сих пор, эта проблема не находила солидной постановки, более того, мы не знали даже элементарной физиономии этого вопроса. Богатый статистический материал по энергетике сельского хозяйства и достаточно удачная методологическая постановка этой проблемы дают основание отметить определенные сдвиги ее.

7. Нельзя не отметить значительных достижений в проработке раздела топливных ресурсов, как основного энергетического источника страны. До сих пор, мы имели данные о топливных ресурсах, составленные в 1924 г. применительно к Лондонской энергетической конференции, которые уже значительно устарели и в особенности по линии определения каменноугольных запасов. К настоящему времени выявлены новые каменноугольные и нефтяные районы, запасы каменного угля по ряду основных бассейнов, Донбасс, Кузбасс, Подмосковный и друг. значительно больше против цифр, до сих пор существовавших.

8. Из изложенного выше видно, что рецензируемый материал в значительной степени дает ответ на поставленный вопрос о том, каково конкретное выражение генеральной линии технической реконструкции хозяйства и каковы экономические эффекты этой реконструкции. Запроектированные мероприятия по энергетике в пятилетнем плане обеспечивают достижение громадных количественных и качественных показателей развития народного хозяйства и в особенности, по линии промышленности: рост валовой продукции промышленности на 170%; энерговооруженность труда механической плюс электроэнергией на одного рабочего растет на 252%, в том числе по электроэнергии на 434%. Энерговооруженность труда рабочих, являющаяся одним из мощных средств колоссального повышения производительности труда в промышленности, растет на 110% при увеличении числа рабочих всего на 34%. Высокий уровень энергофикации промышленности позволяет нам добиться колоссального снижения, до 35%, удельных расходов топлива, термический коэфициент использования топлива повышается с 26% в 1926 г. до 40% в 1932/33 г. При значительном обновлении и реконструкции котельного хозяйства, почти на 100%, мы переводим районные станции на сжигание местных низких сортов топлива и его отбросов. Все эти высокие технико-экономические показатели работы промышленности становятся возможными благодаря тому, что проводится твердый принцип собирания под одну крышу всего энергетического хозяйства страны.

Значительную реконструкцию, как это видно из материалов, претерпевает самое энергетическое хозяйство, энерготехника. Достаточно отметить, что в плане ГОЭЛРО мощность крупной станции проектировалась не свыше 60—80 тыс. *квт*. Теперь мы уже имеем в работе мощность свыше 100 тыс. *квт* и проектируем гиганты с полной мощностью до 600 тыс. *квт*. Наша мысль не осмеливалась тогда мечтать даже о таких аггрегатах, как в 75 тыс. *квт*.

Если в плане ГОЭЛРО мы говорили о 100 тыс. вольт напряжения, теперь мы видим проектировки на 200 тыс. вольт. Это дает дальнейший сдвиг в деле победы над пространством станции, находящиеся друг от друга на расстоянии 500 *км*, могут быть соединены стальными проводами; 12 тыс. *км* сети будут разносить энергию наших энергетических гигантов, этим самым облегчая разрешение транспортной проблемы, давая ежегодную экономию в 500 млн. руб. Намечены значительные сокращения в сроках строительства и стоимости строительства.

Необходимо все же отметить, что рецензируемая книга имеет и слабые места, которые в известной мере отметила и сама комиссия. Конечно, настоящие материалы нельзя назвать пятилетним планом энергетики. Совершенно правы авторы данной книги, когда они с сожалением отмечают, что организация аппарата, регулирующего и планирующего вопросы энергетики в народном хозяйстве, в настоящее время далеко не соответствует великому значению энергетики в народном хозяйстве.

Мы не имеем до настоящего времени единого энергетического органа в центре и его ячеек на местах. Отсюда, несмотря на глубину проработанных отдельных вопросов, все-таки получается определенное впечатление, что эта работа и материалы представляют собой труд определенной группы людей с некоторым оттенком индивидуального творчества. Очевидно это положение и определило тот характер материала, что он не получает логически стройной увязки всех освещаемых в нем вопросов и представляет некоторую раздробленность.

Как на слабые моменты работы по проблемам энергетики, можно конкретно указать на проблему энергетики транспорта.

Транспортная проблема в условиях СССР имеет решающее значение в рациональном разрешении проблемы энергетики страны, и радикальное разрешение транспортных проблем внесло бы коренную переоценку ценностей всей системы топливоснабжения страны. Например, открытым остается вопрос о сверхмагистралях Донбасс—Москва и Кузбасс—Урал-Волга. Остается поэтому неясным энергетическое положение ряда районов в текущем пятилетии, и еще больше теряются вехи второго пятилетия.

Равносильно этому слабо проработан и намечен размах электрификации жел.-дор. транспорта. К концу пятилетия эксплоатационная длина жел.-дор. сети будет электрифицирована всего на 0,5% от всей сети. В то время как уже в 1926/27 г. в Швейцарии электрифицировано 38% жел.-дор. пути, в Австрии 9%, Италии 10%, Германии 6% и т. д. Здесь мы неизмеримо инертны и недопустимо запоздали. Очень слабое изменение претерпевает структура топливного баланса транспорта и экономика ее.

Экономика топливоснабжения отдельных районов пока разработана примитивно и в ней превалирует больше всего количественный момент. Не видно также четкой и решительной концепции в проблеме географического расположения промышленности в текущем пятилетии. Энергетика недостаточно проявила здесь своей инициативы для воздействия на политику и принципы географического размещения промышленности. Кроме того, авторы материалов не дали ответа на то, как с организационной стороны обеспечено разрешение энергетических проблем в пятилетнем плане.

Все же надо определенно отметить, что настоящий материал займет солидное место не только среди других материалов и работ по пятилетке, но и среди всех работ по энергетике после плана ГОЭЛРО, Несмотря на ряд неблагоприятных условий, рецензируемая работа является успешным опытом освещения ряда энергетических вопросов, с глубоким методологическим и научным обоснованием. Богатый и прекрасно изложенный статистический материал и диаграммы дают полное основание и возможность углубить еще более разработку отдельных проблем, сделать его полнее и обоснованнее. Сборник отличается достаточной степенью популярности изложения.

В. Шемятовский.

В. Каврайский и И. Нусинов. — „Классы и классовые отношения в современной советской деревне“, Предисловие С. И. Сырцова, Сибкрайиздат, 1929 г., 215 стр. текста и 73 стр. таблиц, тираж 3000, ц. 4 р. 25 к.

Важность изучения классовых отношений в деревне излишне доказывать. Особенно ценным являются попытки подхода к разрешению этой задачи в районном разрезе.

Одной из таких попыток является рецензируемая книга, представляющая анализ классовых отношений в современной советской деревне на основе материалов динамических сел.-хоз. переписей 1927 и 1928 гг. по 6 гнездам Южной Сибири, охвативших 9.384 хозяйства. Интерес представляет эта работа потому, что она базируется на массовом статистическом материале за 2 года, дающем основания делать полновесные выводы по отношению к обследованному району.

Начиная свое изложение с краткой характеристики экономики района, авторы останавливаются на методологии изучения социального состава крестьянства. Правильный медологический подход при исследовании классового состава деревни имеет чрезвычайно важное значение. И в этом отношении авторы, следуя указаниям тов. Ленина по поводу методологии разработки статистических материалов и их группировки, применяют совершенно обоснованно комбинированную группировку.

В основу группировки крестьянских хозяйств, авторы кладут показатель по стоимости средств производства, дающий „в ценностном выражении совокупность всех элементов, определяющих и размеры и тип хозяйств“. Группировка по стоимости средств производства дополняется показателями, определяющими производственные отношения в деревне, т.-е. наем рабочей силы и сдача сложных сел.-хоз. машин, как наиболее характерных для сибирской деревни. И наконец, третий момент, который авторы вводят при группировке крестьянских хозяйств, считаясь с особенностью района—экстенсивно зерновой характер производства,— это размеры посева. Последний момент существенен для Сибири; авторы правы указывая на то, что применение более совершенной, по сравнению с группировкой по посевному признаку, группировки по стоимости средств производства не дает оснований для районов—где основной является зерновая продукция—„игнорировать посев в комбинации группировочных признаков“.

Условность метода пересчета дней сдачи средств производства в дни найма рабочей силы, так называемая „скользящая шкала“, применяемая для случаев комбинации обоих признаков кулацкого хозяйства, т.-е. найма рабочей силы и сдачи машин, оговорена самими авторами, поэтому мы не считаем нужным специально на этом останавливаться. В основном же методологию группировки статистического материала можно признать правильной, достаточно гибкой, позволяющей четко выявить классовую структуру южно-сибирской деревни.

Как же рисуется социальный состав южно-сибрской деревни? Данные за 1927 г. дают следующие выводы: пролетарские хозяйства составляют 11,4% общего числа хозяйств в деревне, из них сель.-хоз. рабочие — 7,9%, и проч. рабочие — 3,5%; бедняцкие хозяйства составляют 28,5%; середняцкие—53% и, наконец, предпринимательский слой деревни, составляют 7,1%, при чем 90%, т.-е. 6,5% этого состава являются сель.-хоз. предпринимателями-кулаками; удельный вес торговцев, и владельцев промышленных предприятий определяется в 0,3% для каждой из этих двух групп. Социальный состав деревни к 1928 г. изменился следующим образом: число пролетарских хозяйств понизилось с 11,4% до 8,6%, из которых сель.-хоз. рабочие составляют 5,7% прочие рабочие 2,9%; бедняцкие хозяйства вместо 28,5% дают 27,9%; группа середняцких хозяйств повысилась с 53% до 56%, и наконец, несколько, правда количественно незначительно, увеличился процент предпринимательских хозяйств с 7,1% до 7,5%.

Авторы, об'ясняя процесс изменения социального состава деревни, останавливаются на экономических сдвигах, которые происходят в крестьянских хозяйствах. Анализируя таблицу о выселениях, авторы отмечают положительный факт, уход в коммуны и колхозы 17,6% всех выселившихся (что к общему числу хозяйств обследованных составляют немногим более 1%), в то же время заостряют внимание на весьма печальном факте. Темп коллективизации кулацких хозяйств идет быстрее темпа производственного кооперирования середняков и пролетарских и полупролетарских групп деревни. Останавливаясь дальше на дроблении крестьянских хозяйств, авторы делают вывод, что „все происходящие в деревни, так называемые органические процессы и разделы и выселение в города и встречное течение — возврат из городов деревенских выходцов-неудачников, и приток переселенцов — факторы примерно одного и того же порядка: они в значительной мере способствуют углублению классовой дифференциации крестьянства“.

Отдельно авторы рассматривают материал об эволюции крестьянских хозяйств, не получивших никаких так называемых, органических изменений. Эти данные показывают совершенно ясно, что группа пролетарских и полупролетарских хозяйств сокращается вследствие хозяйственного под'ема, середняцкая группа увеличивается, а также незначительно растет предпринимательская верхушка деревни.

Если взять имущественный признак по стоимости средств производства, то оказывается, что 88,5% крестьянских хозяйств, имеющих средств производства до 1.000 руб. хозяйственно растут. „От 24% до 46% хозяйств каждой из этих групп в результате хозяйственного года перешли в высшие по мощности «классы.» Наоборот, процесс сползания вниз превалирует над процессами под'ема в группах со стоимостью средств производства в 1.250—1.500 руб. и выше. Если взять результат этого движения, то оказывается, что группа хозяйств без средств производства уменьшалась на 30%, группа со средствами производства до 300 руб. также понизилась на 10%. Группа по стоимости средств производства от 300 до 500 руб. уменьшилась на 2,3%. Одновременно произошло увеличение состава высших групп от 500 до 1.000 руб. на 13,8% и от 1.000 до 1.500 руб. на 11,9%. Группа со средствами производства в 1.500 руб. и выше увеличилась на 6,3%.

Проследив процесс образования в 1927 г. новых социальных групп, авторы приходят к совершенно правильному выводу, сделанному ими еще в работе „Классовое расслоение сибирской деревни“ (изд. в 1927 г.), на основе анализа косвенных показателей, а именно: „наличный темп под'ема маломощных хозяйств суживает поле приложения предпринимательской инициативы. На данном этапе, однако, оно все еще остается достаточно широким. Процессы хозяйственного под'ема бедноты и роста кулачества сибирской деревни пока еще развиваются параллельно (точнее было бы сказать одновременно *М. О.*). В этом противоречивость нашего развития, одна из существенных особенностей, отличающая его от обычных, т.-е. капиталистических форм хозяйственной эволюции деревни“.

Но простая констатация факта расстановки классовых сил еще недостаточна. Главная задача заключается в выяснении удельного веса капиталистических элементов в сел.-хоз. экономике и установлении основных тенденций развития, ибо только зная, куда идет наша деревня, мы сможем сказать на сколько четко действуют наши рычаги воздействия на деревню, которые мы используем с целью перестройки сельского хозяйства в сторону коллективизации.

Проследим удельный вес двух противоположных групп деревни в хозяйственной жизни деревни. Мелко-капиталистические хозяйства в 1928 г., составляя 7,5% общего числа хозяйств, владеют 19% всех средств производства, имеют 15,4% посева, 51,5% человеко-дней найма рабочих, 47,2% машино-дней сдачи сложного сел.-хоз. инвентаря, и сосредотачивают в своих руках до 22,2% товарной зерновой продукции. Если сопоставить с этим удельный вес бедняцких хозяйств, то мы получим, что 28% всего числа хозяйств сосредотачивают в своих руках всего только 9,2% средств производства, 13,2% посева и являются держателями всего 3,8% товарной зерновой продукции. Человеко-дней отпуска рабочих эта группа дает 11,5%, так как основным контингентом, из которого черпается наемная рабочая сила, являются пролетарские хозяйства, отпускающие до 60,3% человеко-дней рабочих. Не смотря на неблагоприятные для кулака условия развития при диктатуре пролетариата, он все же имеет довольно большой удельный вес в хозяйственной жизни южно-сибирской деревни.

Еще один важный момент необходимо отметить в дополнение к удельному хозяйственному весу кулацкой группы деревни. От одной пятой до одной трети всего усовершенствованного сложного сел.-хоз. инвентаря в деревне сосредоточено в руках этой верхушки. Понятно, что кулаки используют свой инвентарь капиталистически.

Отсюда, вполне правильным является твердый курс на изоляцию кулака, путем целого ряда мероприятий и, в особенности, путем усиления коллективизации и производственного кооперирования крестьянских середняцких и бедняцких хозяйств.

Подробный анализ хозяйственной эволюции деревни от 1927 г. к 1928 г., который дается в главе о дифференциации крестьянских хозяйств по средствам производства, устанавливает, что за этот год произошло увеличение средств производства, во всех группах хозяйств, кроме кулацко-предпринимательской верхушки, у которой средств производства стало, вместо 19,9% всех средств производства, 18,9%.

Как вывод из приведенного анализа, совершенно отчетливо рисуется усиление хозяйственной мощи основной массы крестьянства—середняка, безусловный хозяйственный под'ем пролетарских и бедняцких групп деревни и известное замедление темпа под'ема хозяйственой мощи кулацко-капиталистической верхушки деревни при его абсолютном росте.

Для того, чтобы показать насколько неправильны разговоры о деградации нашего сельского хозяйства, приведем данные о посевной площади и товарной продукции. Во-первых, мы имеем общий рост посевной площади на 9,3%, процент увеличения посевной площади крестьянских хозяйств, оставшихся без органических изменений, поднялся на одиннадцать с лишним процентов. Не останавливаясь здесь на рассмотрении вопроса о передвижках внутри каждой группы по посеву, отметим лишь, что прирост посева падает, главным образом, на середняцкие группы хозяйств, и несколько в меньшей степени прирост посева падает на бед-

няцкие хозяйства. Кулацкая группа потеряла в течении года 1,8% своей посевной площади, но это не значит, что группа кулацких хозяйств, благодаря пополнению ее некоторой частью середняцких хозяйств, не повысила в конечном итоге на известный процент своего посева. Учтя все изменения и перегруппировки в составе крестьянских хозяйств, происшедшие за год от 1927 к 1928 г., мы получим удельный вес различных социальных групп в посевной площади следущий: в середняцкой группе удельный вес повысился на 1,4% в батрацко-бедняцкой произошло уменьшение на 0,8% и в мелко-капиталистической уменьшение на 0,6%.

Чрезвычайно интересные выводы авторы делают из анализа социальной структуры хлебо-фуражного баланса и изменения его от 1927 г. к 1928 г. В результате урожая в 1928 г., прежде всего произошло увеличение общей валовой продукции в районе, и что особенно важно значительное увеличение товарной зерновой продукции. Распределение товарной зерновой продукции между различными социальными группировками показывает, что, с одной стороны, впервые в 1928 г. появилась товарная продукция в размере 3,8% от всей товарной продукции в руках бедноты, с другой стороны, у кулацко-капиталистической верхушки деревни вместо 27,7% товарного зерна стало 22,2% а середняцкий слой теперь держит — товарной зерновой продукции вместо 72,3% — 74%. Если в 1927 г. на каждый центнер кулацкого хлеба было 3 центнера хлеба середняцкого, то в 1928 г. хлеба бедняцко-середнякого стало 4 центнера на 1 центнер кулацкого. Таков итог этого года.

Конечно, не следует увлекаться этими итогами и преувеличивать наши успехи, но, с другой стороны, эти данные свидетельствуют, что никакой деградации такой район как Южная Сибирь не переживает. Отсюда, однако, вовсе не следует, что кулацкие хозяйства, как крупные, не имеют больших преимуществ по сравнению с более мелкими бедняцко-середняцкими. Напротив, нужно со всей серьезностью подчеркнуть, что „кулацкий хлеб — концентрированный хлеб, и что экономическое влияние кулачества, как говорит тов. Сырцов в предисловии, делает пока удельный вес одного кулацкого центнера выше по сравнению с центнером вышедшим из мелкого хозяйства. Поэтому перед нами во весь рост встает задача, особенно в связи с переживаемыми затруднениями в настоящее время, организация крупных социалистических государственных зерновых фабрик и коллективных крупных хозяйств.

Не останавливаясь на разборе других вопросов, затрагиваемых в книге, как напр., о производственных отношениях в советской деревне, характеристике типов хозяйств различных социальных групп, а также об основных расходах крестьянских хозяйств, так как это нас увлекло бы далеко за пределы рецензии, отметим, что вопросы эти чрезвычайно полно и интересно разработаны.

Очень ценным является в книге наличие материала о социальном составе общественно-политических, советских и кооперативных организаций на селе, тем более, что эти вопросы до сих пор остаются почти не освещенными, и в печати не имеется данных, разработанных в социальном разрезе, так, как это сделано в данной работе. Эти материалы лишний раз заставляют со всей категоричностью подчеркнуть, что кулак еще полностью политически не изолирован; достаточно указать на то, что он имеет 15% в составе сельсоветов и 9% в составе выборных органов низовой кооперации, составляя даже известный процент в рядах партийной и комсомольской организаций.

Не совсем благополучно обстоит дело до сих пор у нас и с социальным направлением кредита. На ряду с тем, что три четверти всей суммы кредита получили середняцкие хозяйства, кредитование кулацких хозяйств имеет значительное распространение, несмотря на указания руководящих партийных и советских органов. Не совсем правильно было и распределение кредита между отдельными прослойками середняков. „Как правило, чем крепче экономически середняцкие хозяйства, тем больший процент в общей сумме выданных ссуд приходится на их долю".

Более благополучно обстоит со снабжением крестьянских хозяйств семенами. В этом мероприятии классовая линия партии нашла достаточно отчетливое выражение. Хозяйства пролетарские и бедняцкие получили около 56% всего семенного фонда и две пятых получили середняки.

Вполне присоединяясь к автору предисловия в том, „что глава о колхозах не отличается той полнотой, которой заслуживают эти важнейшие организации", следует добавить, что в работе вообще нет почти материала о простейших формах сел.-хоз. кооперации и об охвате этими простейшими формами бедняцко-середняцкого массива деревни. Анализируя классовую структуру деревни, недостаточно показать рост удельного веса и хозяйственный под'ем бедняцко-середняцкого слоя деревни, важно вскрыть, куда идет этот хозяйственный рост и какую роль в этом процессе играют наши классовые приводы в виде сел.-хоз. кредитной кооперации. Особенно важно это в связи с теми задачами, которые мы возлагаем на сел.-хоз. кооперацию в деле переустройства деревни. При этом важно сказать не только о высших формах производственной сел.-хоз. кооперации—колхозах, но и о различных простейших видах ее.

Заслуга авторов заключается в том, что они, исходя из широкой политической народнохозяйственной установки, дают подробный анализ классовой структуры очень важного южно-сибирского района. Изложена книга удачно, легко читается, и дает ценный материал как для теоретиков, изучающих процессы происходящие в деревне, так и для практиков деревенских работников. Можно вполне присоединиться к оценке работы, данной в предисловии тов. Сырцовым, в след. словах: „значительное количество данных, наличие этих данных по двум смежным годам, типичность и характерность выбранных гнезд, позволяют с достаточной уверенностью сделать обобщающие выводы; большинство выводов с соответствующими коррективами вполне приложимы и к ряду других районов СССР и ко всей деревни в целом".

М. Орлова.

„Себестоимость продуктов сельского хозяйства". Сборник статей и материалов под ред. П. Н. Макарова; изд „Новый Агроном", 1929 г.

Перспективы индустриализации сельского хозяйства, проблема коллективизации и интенсификации сельскохозяйственного производства находятся в тесной связи с вопросом о размерах затрат, необходимых для воспроизводства отдельных сельскохозяйственных культур. Стимулирование развития той или иной культуры в условиях индивидуального хозяйствования должно получить свое отражение в системе цен, как активно воздействующего фактора на ход производственных процессов, должно получить свое отраженное в проблеме себестоимости производства. Наибольшую остроту этот вопрос приобрел в связи с кон'юнктурой текущего года, в последнее время. Проблема себестоимости в сельском хозяйстве не получила должного отражения как в советской, так и довоенной экономической литературе. Наиболее неразработанным и запутанным вопросом является методология анализа себестоимости. Отсутствие какой бы то ни было теоретической ясности распоясывает всякого рода исследователей в этой области.

Перед нами недавно вышедший сборник о себестоимости в сельском хозяйстве. Можно не колеблясь сказать, что если взвесить довольно ценные, помещенные в сборнике материалы, на ряду с теоретической затхлостью, то в балансе получается безусловно вредная книга, несмотря на тот интерес, который представляет эта проблема в настоящее время.

Мы остановимся исключительно на теоретической стороне сборника. Теоретико-политический профиль всего сборника дан в общей вводной статье проф. Макарова. Для проф. Макарова, почему-то оперирующего авторитетом Маркса, не существует разницы между капиталистическим, простым-товарным и натуральным хозяйством. Издержки производства, для него категория отнюдь не общественно-историческая. Он ставит знак равенства между издержками производства себестоимостью и затратами. Такое понимание издержек производатва профессору необходимо для доказательства, что Маркс, вкупе с Маршаллом, Касселем и Рикардо, несмотря на „принципиальное различие основных точек зрения", считает, что „цена строится в количественном соотношении с себестоимостью продукта". Подобный поистину чудовищный вывод „подкрепляется" цитатой из III тома „Кипитала", где Маркс и определяет категорию издержек производства, рассматривая ее, как категорию абстрактного капитализма, в связи с ценами производства и нормой прибыли. Именно здесь Маркс еще раз подчеркивает принципиальную разницу между всей созданной в процессе труда стоимостью, воплощенной в цене производства и прибавочной стоимостью; для этого и привлекается категория издержек производства. Из этого же проф. Макаровым делается вывод, что по Марксу „Цены отличаются от издержек производства на среднюю норму прибыли". Абстрактно-теоретические категории у Макарова приобретают лишь количественное значение. Проф. Макарову необходимо же во что бы то ни стало доказать, что „цена строится" на издержках производства, которые при всяких условиях идентичны с себестоимостью, а эта последняя с затратами. Мы знаем по Марксу, что издержки производства определяются $C+V$, т.-е. ни единого „атома" прибавочной стоимости здесь не „сидит". Касаясь элементов, из которых слагается себестоимость, проф. Макаров повествует: „Для того, чтобы то или иное экономическое явление (разрядка наша *Ш. Т.*) было элементом себестоимости, вовсе не требуется материальное физическое участие данного элемента в производственном процессе". И дальше: „таким образом, оплата „права пользования" становится элементом себестоимости (читай—„издержки производства"—*Ш. Т.*) если без такой оплаты не может быть получен продукт" (разрядка наша *Ш. Т.*). Отсюда логически следует вывод, что оплата права пользования землею и капиталом должна быть включена в издержки производства, как основной ее элемент. На этом, ока-

зывается, сходится „почти (хорошо. что „почти“ — *Ш. Т.*) любая (?!) теоретико-экономическая концепция“. Здесь, собственно говоря, вскрывается весь букет теоретико-экономической концепции всего сборника. Таким образом, в капиталистических условиях рента и процент за капитал, как продукт прибавочной стоимости, включаются и смешиваются прежде всего с постоянным и переменным капиталами, норма эксплоатации (правда, о какой здесь эксплоатации может итти речь у Макарова и К-о) и норма прибыли этим самым резко сокращается, а так называемые действительные „затраты“, или издержки производства увеличиваются за счет продуктов эксплоатации, вернее не эксплоатации, а „оплаты права“. Бем-Баверк, Туган-Барановский, Кассель и проч. вот кем дается истинная теоретико-экономическая позиция, на которой построен весь сборник. Зачем же было за уши притягивать Маркса в столь почтенный симбиоз?

Касаясь предпосылок уровня себестоимости в различных хозяйствах, Макаров привлекает все, вплоть до „организаторских способностей хозяина“, индивидуальных особенностей и предпринимательской деятельности. Социальный момент в уровне себестоимости не упоминается. Между тем известно, что уровень себестоимости в кулацком, середняцком и бедняцком хозяйствах—различен; и помимо природных влияний на уровень себестоимости социальный момент играет первостепенную роль. Себестоимость в середняцком, и бедняцком хозяйствах, как известно, выше, чем в кулацком, а это ведь имеет существеннейшее значение в вопросе товаризации и интенсификации этих хозяйств. Подобное умышленное игнорирование социального момента позволяет проф. Макарову без всяких оговорок делать сопоставление о разности между ценой и себестоимостью у нас теперь (1925) и до войны (1888 и 1913 гг.). При чем как известно в довоенные исследования вошли исключительно помещичьи хозяйства (1888 г.), либо частично крупные кулацкие хозяйства (1913 г.), где, понятно, выгодность „производства“ была несравненно выше нежели в крестьянском (хотя бы середняцком) хозяйстве, у нас же, как известно, в исследование 1925 г. помещичьи хозяйства попасть не могли и неособенно много в это обследование включено было и кулацких хозяйств. Проф. Макаров без зазрения совести сопоставляет уровень рентабельности помещичьих хозяйств до войны с рентабельностью нашего крестьянского хозяйства и делает вывод, что „в условиях СССР мы не наблюдаем вполне выдержанных прежних соотношений между ценой и себестоимостью“. А отсюда в СССР „цены не всегда достаточно учитывают те процессы накопления, которые являются основной предпосылкой для поступательного развития зернового хозяйства“. На этом, собственно говоря и основывается как скрытая между строк „теория деградации сельского хозяйства“, так и наступление со стороны авторов сборника (в особенности А. В. Чаянова) на проводимую нами политику цен. Проф. Б. Л. Брук исходит при этом из концепции, что политика хлебных цен государства должна быть построена „не только в соответствии с интересами народного хозяйства в целом, но также всемерно учитывая интересы товаропроизводителя“. Это уже более откровенная политическая установка. С одной стороны, у него народное хозяйство с государством, а где-то на другом полюсе — крестьянство; одно дело интересы народного хозяйства в целом, а другое, интересы товаропроизводителей—крестьян. Сей профессор упустил из виду, что интересов народного хозяйства в целом и вообще вне смычки города и деревни у нас нет. Развитие индивидуального хозяйства само по себе (а к этому и сводится философия Б. Л. Брука), вне связи с вопросами коллективизации не входит в сферу нашей политики. Недаром он считает, что себестоимость должна нас интересовать лишь в отношении „производящих товарный хлеб хозяйств“, что идет в разрез с политикой товаризации сельского хозяйства. Политические горизонты автора вполне гармонируют с его теоретической установкой. Если проф. Макаров еще пытается нажить на Марксе кой-какой теоретической капиталец, то проф. Брук гораздо более откровенен. Он через голову Маркса, копирует в оригинале Адама Смита. Что собою представляют издержки производства по Бруку? — „Стоимость труда, капитала и земля хозяина, оцененная по рыночным ценам, включается в себестоимость продукта“, как будто бы этого достаточно, но это не все. Проф. Брук задает вопрос: „не следует ли прибавить к себестоимости вознаграждение хозяина, как предпринимателя, риск предприятия и т. д.“ Этого по его мнению не следует делать, ибо „предпринимательская деятельность может быть вознаграждена“ прибылью. Говоря о предпринимательской деятельности, он конечно имеет в виду не крестьянина, работающего без наемного труда, а капиталиста фермера, труд коего должен оплачиваться и т. д. и т. п.

Вообще нужно признать, что авторы вполне свободно оперируют одними и теми же абстрактно-теоретическими категориями независимо от того, идет ли речь о высоко-капиталистическом или натуральном хозяйстве. В том то и дело, что „для вульгарной экономии как-раз характерно, что то, что на определенной пережитой ступени развития было ново, оригинально, глубоко и имело основания она повторяет в такое время, когда оно плоско, отстало и ложно“ (К. Маркс) К „новейшим теориям“ издержек производства в сельском хозяйстве нужно особенно осторожно подходить, дабы за счет интереса, окружающего эти проблемы в последнее время, кое-кто не спекулировал основными теоретическо-экономическими и политическими установками. И нужно со всей решительностью подчеркнуть, что изданная „Новым Агрономом“ книга является безусловно вредной книгой даже при наличии куцого предисловия, возлагающего всю ответственность на авторов сборника.

Ш. Я. Турецкий.

„География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов“, ЦСУ, 1928 г. стр. 31 + 52 и 42 картограммы. Цена 4 р. 50 к.

Это, кажется, первое издание ЦСУ, в заглавии которого есть слово география. И на этот раз заглавие не обманывает. Работа действительно дает для географии нашего сельского хозяйства больше, чем какое-либо другое из изданий ЦСУ, до сих пор опубликованных.

Самое важное, что имеется в настоящем издании, это таблица „погубернско-поуездного транспортного баланса главнейших групп сельскохозяйственных товаров в ценностном выражении за 1913 г.“

Ценность этой таблицы заключается в том: 1) что она поуездная; 2) что она дает избытки и недостатки транспортных балансов с разбивкой по четырем, очень удачно выбранным, категориям: а) хлебные грузы, б) технические культуры; в) продукты животноводства и г) плодоовощные продукты; 3) что в ней учтен сразу и железнодорожный и водный транспорт и наконец, 4) — что быть может самое важное — в том, что числа в ней даны в ценностном выражении (в довоенных рублях).

Само собой понятно, что совершенно особую ценность таблице придает совмещение в ней сразу всех четырех преимуществ. Если первое из них обеспечивает интересы географии, то остальные три— и особенно четвертое — обеспечивают интересы экономики. Давно пора было бы кажется признать, что экономика в статистике начинается только с того момента, как натура перечислена в какой-нибудь общий измеритель, например в рубль. Транспортная статистика в натуральных единицах (весовых) годится для характеристики работы транспорта, но для нужд экономического исследования она может дать, самое большее, лишь предварительную качественную ориентировку. Еще при исследовании узко отраслевом, где можно ограничиться данными по одному товару, она может дать — в предположении единой цены — ряды, пропорциональные ценностным, но при исследовании порайонном, где надо оперировать с транспортным балансом района по всей совокупности его избытков и недостатков, она не дает ничего.

Следующие таблицы II, III IV и V дают поуездные транспортные балансы в ценностном выражении по отдельным товарам внутри каждой из 4 указанных выше категорий. Эти таблицы, в части касающейся уездов Европейской России, положены на карту. Эти поуездные данные касаются только 1913 года, соответственно чему и уезды взяты в дореволюционных границах. Что же касается данных за 1924/25 и 1925/26 гг., то они не раскрыты ни по уездам, ни по отдельным товарам, а приведены лишь для сравнения с 1913 г. по четырем категориям и по так называемым статплановским районам, которые, будучи продуктом ведомственного соглашения, не выражают собою ничего, кроме компромисса, и стремясь удовлетворить всех, неудовлетворили никого. Эти таблицы имеют значение лишь для констатации в самых грубых и общих чертах тех сдвигов, которые произошли у нас по сравнению с довоенным временем, так что по отношению к данным за 1924/25 и 1925/26 гг. интересы географии резко нарушены, и в этом главный недостаток издания.

Текстовая часть, написанная редактором издания Н. А. Поплавским, об'ясняет методологическую сторону работы, что для сознательного пользования таблицами совершенно необходимо, и затем излагает выводы из таблиц. В приложении дан перечень административных делений в границах 1913 г., но только по Европейской части. Надо было дать такой же перечень, конечно, и по Азиатской части. И кроме того, в издании такого рода совершенно необходимо было бы дать и достаточно крупного масштаба поуездную сетку как Европейской, так и Азиатской части. Разыскивать такие уже весьма старые теперь документы не так легко, а голый перечень названий уездов, без нанесения их границ на карте, никакой еще „географии“ не дает.

Конечно, с первого же раза научиться удовлетворять интересам географического исследования трудно. Позволительно надеяться, что наша статистика скоро научится считать интересы географии своими собственными, к чему ее совершенно обязывает уже директива о нанесении планов на карту. Настоящую реботу можно считать хорошим началом на этом пути.

Н. Баранский.

Проф. А. Н. Саханов и М. Д. Тиличеев. Крэкинг в жидкой фазе (химия и технология). Нефт. изд. НТУ ВСНХ СССР, М. 1929 г., 371 стр., ц. 10 р.

Быстрое развитие автомобилизма и авиации в начале XX века оказало глубокое влияние на характер переработки нефти: сделав бензин из отброса производства рентабельнейшим товаром, оно поставило перед нефтеперерабатывающей промышленностью новую задачу максимального производства бензина. Это и послужило важнейшим поводом к форсированной эксплоатации недр с целью увеличения ресурсов нефтяного сырья. В технологическом же отношении первым этапом решения задачи было усовершенствование перегонки нефти и фракционировки получаемых погонов; вторым — возможно полное извлечение бензина из газа, выделяющегося из нефтяных и газовых скважин; этот способ, не давая сам по себе значительных количеств бензина в общей массе производства, ценен тем, что дает очень легкие бензины, позволяющие, путем смешения с более тяжелыми продуктами, вовлекать в бензиновый товар из нефти частично те фракции, какие в противном случае шли бы в товары с меньшей рыночной стоимостью. Тем не менее, рыночный спрос мог быть удовлетворен только благодаря изобретению и широкому распространению крэкинга, то-есть получения бензина путем разложения более тяжелых нефтепродуктов (керосина, соляровых масел, газойля, мазута), связанного с их молекулярным „расщеплением“ и, след., изменением химического строения углеводородов, входящих в состав нефти и ее производных. Такими путями американская нефтяная промышленность получила возможность довести свой общий выход бензина до 40% от количества перерабатываемого сырья, между тем как у нас этот выход — только 18% по Грознефти и около 7% по Азнефти (где нефть беднее бензином), причем еще не вся добываемая нефть пускается в переработку. Хотя дальнейшим улучшением заводской аппаратуры, более полным использованием бурового газа и рациональным комбинированием бакинских и грозненского производств общий выход „бензина прямой гонки“ может быть увеличен, тем не менее и для нас вопрос о крэкинге является весьма насущным и, в частности, необходимым для выполнения перспективных планов по бензину. При этом, помимо количества, имеет значение и качественная характеристика крэкинг-бензинов как антидетонирующих (детонация — преждевременные взрывы горючего в моторе в период сжатия горючей смеси, понижающие коэф. использования энергии и вредные для мотора).

В более широком смысле крекинг означает не только производство крэкинг-бензина. Для нас, в частности, является актуальной еще одна задача, разрешаемая крэкингом: именно, задача улучшения качества грозненских парафинистых мазутов, застывающих при довольно высокой климатической температуре (напр., для мазута марки „Г“ — уже при $+35^0$ С), что делает эти мазуты весьма неудобными в зимнее время даже на юге Союза и вызывает перерасход на их подогрев. Легкий крэкинг „в жидкой фазе“, как показывают лабораторные опыты (еще не претворенные в заводскую практику), представляет собою сравнительно простой и недорогой способ понижения застываемости таких мазутов.

Если, таким образом, экономическая необходимость крэкингового производства созрела и для СССР, то в техническом отношении мы для этого еще недостаточно вооружены. Первые попытки насаждения его в Баку (фирмой Виккерс) сопровождались неудачей. Дело еще и в том, что простая пересадка американских типов и конструкций затруднена как дороговизной аппаратуры, включающей дорогую оплату патента, так и отсутствием разработанной теории крэкинга. В С.-А.С.Ш. это производство выросло чисто эмпирическим путем; при ином нефтяном сырье иначе протекает и технологический процесс крэкирования, так что своеобразию сырья должны соответствовать целесообразно подобранные специфические условия конструкции аппаратуры, термические условия, время реакции и т. п. Поэтому экспериментальная и теоретическая подготовка является необходимой предпосылкой решения данной задачи. Вот с этой точки зрения и надо отметить перед лицом советской общественности появление рецензируемой книги, а еще более весь тот большой и систематический лабораторно-экспериментальный и научно-исследовательский труд, какой нашел свое отражение в данной книге. Книга содержит описание и данные многочисленных испытаний, произведенных в Центральной лаборатории Грознефти, и теоретические выводы и обобщения таковых. Она относится только к одной из форм крэкинга — так наз. крэкингу в жидкой фазе, т.-е. в жидком состоянии под давлением в 10—40 и выше атмосфер, что является в настоящее время наиболее распространенной формой крэкинга в С.-А. С. Ш. (весьма вероятно, что эта форма отступит перед крэкингом „в паровой фазе“, еще слишком мало изученным и испытанным, но обещающим ряд серьезных практических преимуществ).

Выводы и данные книги имеют бесспорно и научно-теоретическую ценность и большое прикладное значение. Они обнаруживают, что грозненские и бакинские нефти и их производные являются в общем более пригодным сырьем для крэкинга, чем большинство американских нефтей, обещая качественно более ценный состав продукции в результате разложения. На основе значительного количества опытов установлены законы влияния различных факторов — температуры, давления, времени реакции и рода сырья — на ход процесса, род и свойства получаемых продуктов, на процесс образования кокса, что имеет очень существенное значение для решения конструктивных вопросов и установления технологического режима крэкирования. Описание способов проведения лабораторных испытаний и приемов по анализу их результатов имеет и научно-методологическое значение. Наиболее важными и во многом оригинальными надо считать главу III, в коей авторы предлагают читателю более или менее законченную „химию крэкинг-процесса“, и гл. V — технологию крэкирования на бензин. При всем том, однако, далеко нельзя рассчитывать на тождественность заводских и лабораторных условий в особенности при некотором однообразии лабораторного метода (в автоклаве), так что решение технической задачи еще впереди.

Как видно из предисловия, в экспериментальных работах принял участие ряд работников Грознефти. Двоим из них принадлежит соавторство: А. И. Вороновым написана гл. VI о крэкировании на керосин и М. А. Бестужевым — гл. VII о крекировании на смазочные масла. Эти главы, не имея в настоящий момент злободневного прикладного значения, поскольку крэкинг преследует практически лишь задачи получения бензина или улучшения застывающего нефтетоплива, имеют несомненное научное значение, пополняя молодую науку о крэкинге.

Книга заканчивается кратким описанием распространенных систем крэкинга, и так как возникновение и развитие таковых шло эмпирическим путем, то ретроспективное освещение их с точки зрения произведенной авторами работы и предлагаемой ими теории является бесспорно поучительным.

Цена книги слишком высока, что вряд ли оправдывается даже небольшим тиражом книги (1150), рассчитанным очевидно лишь на ограниченный круг специалистов, и, может быть, и лиц, интересующихся нефтяными проблемами вообще.

А. С-ль.

„За реконструкцию сельского хозяйства“. Ежемесячный орган Наркомзема Узбекской ССР №№ 1,2 за 1929 г., Самарканд.

Вопросам экономики, техники и плановой реконструкции сельского хозяйства в Средней Азии значительное внимание уделяется, помимо старого (8-летнего) журнала „Хлопковое дело“, издающегося в Москве, целым рядом местных журналов („Народное Хозяйство Средней Азии“, „Вестник Ирригации“, отчасти „Туркменоведение“, а также журнал „За партию“ — орган Средне-Азиатского бюро ЦКВКП (б), в котором почти систематически помещаются статьи с обобщениями и теоретическим анализом условий реконструкции и социалистического строительства сельского хозяйства в Средней Азии). В виду огромной значимости сельского хозяйства во всем народном хозяйстве Средней Азии и сложности задач реконструкции его, естественно, напрашивается мысль о необходимости в настоящий период осуществления „плана великих работ“ (пятилетки), концентрации сил и средств, посвященных вопросам сельского хозяйства Средней Азии и до сего времени распыленных по разным журналам, вокруг одного солидного Средне-Азиатского журнала по сельскому хозяйству.

Однако, идея издания такого среднеазиатского сельскохозяйственного журнала полностью в жизнь еще не воплотилась, даже если принять со вниманием рецензируемый журнал „За реконструкцию сельского хозяйства“.

Общее представление о характере и содержании нового журнала „За реконструкцию сельского хозяйства“ дает беглый перечень статей, помещенных в обоих рецензируемых номерах; их можно разбить на 4 категории: 1) статьи руководящего характера, намечающие принципиальные линии развития сельского хозяйства в Узбекистане — и их немного; 2) ответственные статьи по основным — ведущим звеньям сельского хозяйства — кооперации, колхозному строительству и землеустройству, — при чем удельный вес такого рода статей также невелик; 3) статьи чисто агрикультурного и технического характера, содержание которых занимает не менее двух третей об'ема журнала и, наконец, 4) статьи библиографического характера. При общем обзоре статей в обоих номерах обращает внимание отсутствие статей по организационным вопросам, вопросам водопользования и ирригации, на которую государством тратятся колоссальные суммы, вопросам машинизации и подготовки кадров агроперсонала

и т. д.; также бросается в глаза отсутствие связи с работами научно-исследовательских учреждений.

Если вынести за скобки две небольшие официальные вводные статьи тов. Бурнашева „О перспективах развития сельского хозяйства Узбекистана“ и „Нам дозарезу нужен земельно-водный кодекс“,— в который руководитель Узбекского Наркомзема совершенно правильно, в духе постановлений XVI партконференции, определяет задачи реконструкции сельского хозяйства Узбекистана, то можно, назвать всего несколько статей (Н. Иванова — „Сельскохозяйственное районирование Узбекистана“, А. Давыдова „О кооперативной системе в нашем сельском хозяйстве“, П. Банатова — „Землеустройство, его цели и задачи на ближайший период“, Н. Кузнецова — „Географическая сторона реконструкции сельского хозяйства“), которые должны быть выделены.

В интересно задуманной статье Н. Иванова „О сельскохозяйственном районировании Узбекистана“, в которой подчеркивается важность и неотложность сельскохозяйственного районирования, автор довольно подробно останавливается на вопросах методики сельскохозяйственного районирования. Изложив методы районирования проф. Черданцева, Студенецкого и Кажанова, автор подчеркивает, что в силу разных соображений (главным образом, по мотивам технического характера и простоты выработки целесообразной системы мероприятий по развитию определенной отрасли хозяйства) Наркомзем Узбекистана остановился на методе районирования проф. Кажанова, как наиболее применимом в условиях республики, и заключающегося в том, что все элементы, характеризующие хозяйственный тип, выражаются в относительных цифрах (в процентах культур, количестве скота на 100 га посевов и проч.) и выписываются на ленту (по единицам районирования — сельсовет).

К сожалению, состояние начатых Наркоземом работ по сельскохозяйственному районированию не позволило автору иллюстрировать результаты, а также степень пригодности метода проф. Кажанова для сельскохозяйственного районирования Узбекистана.

Близкая по теме с предыдущей статьей, статья Н. Кузнецова — „Географическая сторона проблемы реконструкции сельского хозяйства“— пытается привлечь внимание читателя к неиспользованным производительным силам Узбекистана и возможностям отдельных его районов специализироваться на целом ряде модных культур: чае, какао, кофе, кока (для добывания кокаина), южно-американских бататах, сахарном тростнике и других видах экзотической флоры, а также на испытанных уже в Средней Азии сое, китайских орехах (врахис) и проч.

Автор следующей принципиальной статьи — „О целях и задачах землеустройства в Узбекистане на ближайший период“ — считает, что задача землеустройства в настоящий период будет сводиться — на ряду с организацией колхозов—к созданию таких переходных хозяйственных форм, которые в будущем обеспечивали бы безболезненный переход к высшим хозяйственным формам — колхозам и такой переходной формой, по его мнению, должно явиться земельно-водное общество оптимальных размеров. В соответствии с директивами высших органов, планом землеустройства предусматривается, что распределение земель должно производиться на основе классового принципа, то-есть, что колхозам, бедноте и совхозам землеустройство должно быть проведено в выборочном порядке (при обязательности сплошного землеустройства) и им предоставлены такие участки, которые в качественном и хозяйственном отношениях должны быть наиболее выгодны для освоения. Исходя из правильного положения о том, что основной задачей землеустройства в наших условиях должно явиться создание земельных обществ и колхозов оптимальных размеров и борьба, с участково-подворной формой землепользования в Узбекистане, автор, к сожалению, совершенно не выявил своего отношения ни к методам освоения массивов нового орошения, ни к вопросу об оптимальных размерах крупных колхозов и о методах землеустройства кустующихся мелких колхозов.

В остро написанной статье — „О кооперативной системе в нашем сельском хозяйстве“ автор ее, А. Давыдов, указывая на бесплановое размещение кооперации в Узбекской деревне, выступает с проектом полной реконструкции системы построения специальных видов кооперации, находя, что в условиях Узбекистана создано излишнее количество специальных ширкотов (низовых кооперативов), в соответствии с видами специальной кооперации (хлопководческой, садово-виноградной, животноводческой, сельскохозяйственной, кредитной, мелиоративной и колхозной) и неправильно понимается роль специального кооператива в кишлаке. Специальная кооперация, вместо того, чтобы обслуживать хлопководческое, садовое, рисовое и проч. хозяйства, в настоящее время обслуживает хлопок, сады, рис. В результате дифференциации кооперативной работы получается чрезмерное распыление организации сбыта, снабжения кооперированного дехканства, слабое агропроизводственное воздействие на дехканское сельское хозяйство, а также недостаточная нагрузка созданных специальных товариществ по слабо развитым отраслям хозяйства.

Указанная статья дает интересный конкретный материал, иллюстрирующий недочеты организации и работы отдельных видов специальной кооперации в Узбекистане, чрезвычайно нецелесообразное распыление средств населения, неувязку целевого кредитования с авансированием, контрактацией и наличие совершенно нездоровой конкуренции специальных видов кооперации во взаимоотношениях их с пайщиками. Но не следует забывать, что специализация кооперативной работы в полной мере соответствует современной экономике нашего сельского хозяйства вообще, а тем более специально хлопководческих районов; кроме того, предлагая свой проект построения в сельскохозяйственных районах единого специального ширкота (кооператива) в интересах производственного воздействия на дехканское хозяйство в целом и уничтожения конкуренции в деле заготовок и снабжения пайщиков, автор совершенно забывает, во-первых, что производственное кооперирование имеет своей целью в наших условиях, прежде всего, массовое переустройство сельского хозяйства на социалистических началах (а не только гармоническое развитие индивидуального хозяйства и техническую его реконструкцию) и обслуживание бедняцко-середняцких слоев деревни, с проведением особых мероприятий по поднятию бедняцких хозяйств и по содействию об'единению бедноты в производственные коллективы, а, во-вторых, что, подойдя в настоящее время путем системы контрактации, мы, тем самым, ближе, вплотную подошли к организованному производству и кооперированию в целых отраслях сельского хозяйства по государственному плану, к планомерной реконструкции сельского хозяйства, на основе более высокой техники.

В статье Серапихского довольно правильно ставится вопрос об условиях плановой агроработы по переустройству сельского хозяйства данного района. Автор считает наиболее правильным для осуществления задач агрообслуживания населения распределение труда между агроперсоналом различных организаций: земорганов, кооперации и колхозсистемы.

Прямым дополнением к предыдущей статье является статья И. Кортева о массовой работе по ликвидации агрономической неграмотности в узбекской деревне. Автор выдвигает вопрос о широкой агроучебе деревенского актива с таким расчетом, чтобы не получилось разрыва между мероприятиями, рекомендуемыми агроперсоналом по поднятию массовой урожайности и подготовленностью деревни к их осуществлению, и предлагает для этой цели подробно разработанную программу.

В ряде статей И. Карпова и Н. Дмитриева приводятся некоторые данные о результатах опытов Катта-Курганской сельскохозяйственной опытной станции со способами посева и культуры богарной пшеницы.

Единственная статья С. Стренкова, помещенная в №№ 1 и 2 журнала, по культуре хлопка — этой основы полеводства Узбекистана — представляет интерес в том отношении, что дает некоторое представление об эффективности рациональных поливов хлопка по сравнению с принятыми в практике туземного хозяйства разных районов Узбекистана поливами (Самаркандском, Бухарском, Кашка-Дарьинском и Зеравшанском); из приведенных в статье цифровых данных из опытов в 1928 г. (кстати сказать, в ряде случаев, несравнимых, благодаря плохой методики опытов) видно, что применение рационального полива хлопка дает увеличение сырца на 13—14% при рядовом посеве и на 6—7% при разбросном посеве хлопка.

В статье Александрова о виноградарстве небезинтересно отметить, что по приводимым автором данным продукция виноградарства и садоводства Узбекистана, несмотря на идеальные природные условия для развития здесь этих отраслей, находится в вопиющем противоречии не только с требованиями внутреннего и внешнего рынков, но и с потребностями населения самой Средней Азии: оказывается, что фруктов на жителя Средней Азии приходится меньше, чем на горожанина СССР, а последний в свою очередь потребляет их в 2,5 раза меньше, чем жители городов С. А.С.Ш.

В статье „Наши задачи в области крупного рогатого скота“, в которой автор — С. Давыдов — пытается установить, какие культурные породы молочного скота наиболее подходящи для массового разведения в Узбекистане, основываясь на опыте Америки, Японии и, отчасти, некоторых Туркестанских районов (бунгульский скот в Голодной Степи), автор считает, что в основу развития молочного скота в Узбекистане должны быть положены завозные культурные породы молочного скота, как дающие в несколько раз большие удои молока, чем местный примитивный скот (отродье индийского зебу), при чем наиболее подходящие для Узбекистана, чем рекомендуемые красная немецкая и швицкая породы.

Однако, поскольку результаты работ опытных станций по изучению вопросов метизации местного скота с культурными породами — могут быть даны не ранее, как через 5 лет,—автор полагает, что для производства молочных продуктов, в которых столь велика нужда вообще в городах Средней Азии, целесообразно теперь же, не дожидаясь конца этих опытов, организовать близь больших городов Средней Азии колхозные молочные фермы.

Последняя статья в журнале по животноводству касается разведения каракуль-

левой овцы в Узбекистане. Автор этой статьи К. Арасимович дает, на основании данных экономического обследования каракулеводства НКЗема Узбекской ССР в 1927 году, весьма обстоятельную характеристику современного положения каракулеводства в Узбекистане.

В заключение приходится сказать, что прекрасное намерение, выраженное в передовой статье, создать максимум согласованности в понимании принципиальной линии по вопросу о реконструкции сельского хозяйства Узбекистана — далеко не оправдалось. С другой же стороны, теоретически, журнал оказывается слабо вооруженным. Наиболее актуальные проблемы реконструкции сельского хозяйства не получили в нем своего надлежащего освещения. Из этого можно сделать один вывод; если редакция журнала не намерена оставить его на грани сухого ведомственного издания, а всерьез и надолго концентрировать все силы и средства на разрешении очередных боевых задач в области реконструкции сельского хозяйства Узбекистана, то ей придется, по нашему мнению, подумать об об'единении своих сил с назревающим новым периодическим журналом, который на подобие „Народного хозяйства Средней Азии“ должен освещать важнейшие вопросы сельского хозяйства в масштабе Средне-Азиатских республик.

М. Бушуев.

Г. Сраговичъ

Библиография плановой литературы[1]

III. Планирование промышленности

1. Методология и общие вопросы

77. Каменькович, Ю. С., Анализ баланса и промфинплан. Как проанализировать отчет за истекший период и составить оперативно-финансовый план на предстоящий период.— Л. „Наука и Школа“. 1928. 124 стр.

78. Лакин, Г. В. Как организовано управление промышленностью СССР. С предисл. А. М. Постникова. — М. „Техника управления“. 1929. 90 стр.

См. гл. 6. „Общее планирование промышленности“ 70—82.

79. Советское промышленное право. Очерки. Под ред. В. Н. Манцева и А. А. Шнеерова. Планирование промышленности. Тресты. Синдикаты. Акционерные общества. Генеральные договоры. — М. Гостехиздат, 1929. 208 стр.

Вопросам планирования промышленности посвящены следующие статьи: Аскиназ, С. И. „Правовые формы планирования промышленности СССР“. Фрадкин, М. М. „Правовая практика генеральных договоров“.

80. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Указания по заполнению форм пятилетнего плана 1928/29—1932/33 гг.— М. (Б. г.) 11 стр. Без тит. листа и обложки. Перед загл. „Издание официальное“.

2 Годовые планы

81. Азербайджанская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Промышленность Азербайджана по контрольным цифрам на 1928/29—г. Баку. ВСНХ АССР. 1928. 56 стр.

82. Промышленность СССР. К IV с'езду советов (материалы к докладу Председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева).— М. „Правда“ и „Беднота“. 1927 103 стр.

В книжке затрагиваются и вопросы планирования промышленности. Дан также перечень строящихся и проектируемых заводов и пр. по планируемой промышленности ВСНХ, включенный в промплан на 1927/28 год.

83. Украинская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Контрольні цифри розвитку українськоі промисловости на 1928/29 рік. Тези доповіди голови ВРНГ т. К. В. Сухомліна на IV сесіі ВУЦВК“у X скликания.—Харьков. „Техкнига“, 1928. 102, (2) стр.

84. Украинская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Дотаткові таблиці до контрольних цифр Українскоі промисловости на 1928/29 рік.— Харьков. „Техкнига“. (1928). 20 стр. Без тит. листа.

3. Перспективные планы

85. Азербайджанская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Промышленность Азербайджана в плане пятилетия 1928/29—1932/33 гг.— Баку. ВСНХ АССР. 11, 61 стр.

86. Белорусская ССР. Высший совет Народного Хозяйства. Промышленность БССР. Итоги и перспективы. (Предисл. С. Б. Карп). К годовщине десятилетия БССР — Минск. ВСНХ БССР. 1928. 126, 372, (4), стр. + 19 стр. фот., табл., диагр.

Книга состоит из трех отделов. Отд. I— Итоги и перспективы всей промышленности БССР. Отд. II — Итоги и перспективы отдельных отраслей промышленности. Отд. III — Приложения (список предприятий подведомственных ВСНХБ, балансы трестов и пр.). В отношении перспектив промышленности приводятся контрольные цифры ВСНХБ на пятилетие 1927/28—1932/33 гг.

87. Владивостокский Окружной С'езд Профессиональных Союзов, 3-й. Владивосток. 1928. Материалы к докладу т. Богданова на Окружном С'езде Профсоюзов. К пятилетнему плану на 1928/29—1932/33 гг. по Владивостокской окружной промышленности. — Владивосток. 1928. 16 стр. Без тит. листа и обложки.

88. Всесоюзный С'езд Профессиональных Союзов, VIII. Москва. 10 – 24 декабря 1928. Стенографический отчет. — М. 1928. Бюллетень № 1—12. Доклад В. В. Куйбышева „Пятилетний план развития (промышленности) и очередные задачи народного хозяйства“. Бюл. № 11, 125—154 стр. Прения.— Бюл. № 10, 76 — 125 стр. Бюл. № 11, 3—34 стр. Резолюция о контрольных цифрах пятилетнего плана (промышленности). Бюл. № 12, стр. 61—66.

89. Корнев, В., Новицкий, С., Лебедев, К., Пятилетний план развития Сибирской промышленности. 1928/29—1932/33 гг. (Сборник статей). — Новосибирск. Сибплан. 1928. 36 стр. (Труды Сиб. Краев. Плановой Комиссии по перспективному планированию. Вып. III).

90. Ленинградская Область. Совет Народного Хозяйства. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности Ленинградской Области на 1928/29 — 1932/33 гг.—Л. 1929. 212 стр. На правах рукописи.

91. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Материалы к докладу В. В. Куйбышева о пятилетнем плане развития промышленности. — М. „Торгово-Промышленная газета“. 1928. 31 стр. + 1 вкл. л. табл. (К VIII Всесоюзному С'езду Профсоюзов“).

92. СССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности СССР на 1928/29—1932/33 гг. Доклад Госплану СССР. Ч. 1—2 и таблицы.—М. Декабрь 1928. На правах рукописи. Напечатано на пиш. машине и стеклографировано.

Ч. I 1. Введение. 2. Проблема технической реконструкции. 3. Перспективы рационализации промышленности. 4. Производство. 5. Труд. 6. Культура и быт.— Разд. паг. (177 стр.).

Ч. II 1. Сельскохозяйственное сырье. 2. Себестоимость промышленных изделий. 3. Политика цен. 4. Топливоснабжение. 5. Электроснабжение. 6. Капитальные работы. 7. Организация промышленного строительства. 8. Финансовые проблемы. 9. Промышленность Союзных Республик. 10. Кустарная промышленность. — Разд. паг. (169 стр.).

Таблицы. — 40 табл.

4. Машиностроительная промышленность

93. Всесоюзная Конвенция сельскохозяйственной машиностроительной промышленности. Собрание уполномоченных. Москва. 1928. Перспективы пятилетнего развития с.-х. машиностроения СССР. Материалы к Собранию уполномоченных Сельмашконвенции 12—15 июня 1928 года. — М. НТУ ВСНХ СССР. 1928. 60, (3) стр. (ВСНХ СССР. Всесоюзная Конвенция сел.-хоз. машиностроительной промышленности „Сельмашконвенция“).

94. Гос. институт по проектированию новых металлических заводов. Ленинград. Отдел Проектирования судостроительных верфей. Ориентировочная программа судостроения на период до 1941 года. — М. Моск. Отд. Гос. инст-та по проектиров. новых металлич. заводов. 1929. 66 стр. + 1 л. табл. (Материалы к проектированию судостроительных верфей. Вып. 1). (Государственный институт по проектированию новых металлических заводов „Гипромез“. Отд. проектирования судостроительных верфей).

95. „Уралсельмаш, трест. Свердловск. Ориентировочный план развития сельскохозяйственного машиностроения по заводам Уралсельмаш с 1927/28 по 1932/33 операц. год (оценка продукции по продажным ценам). — Свердловск. Уралсельмаш. 1928. 31 стр. На обложке загл. „Об'яснительная записка к плану развития сельмашстроения по заводам Уралсельмаша с 1927/28 по 1932/33 гг“.

5. Металлопромышленность

96. Белорусский государственный трест металлообрабатывающей промышленности. Проект пятилетнего плана развития металлопромышленности Белоруссии 1928/29—1932/33 гг.—Минск. 1928. 14 стр. Без тит. листа. Описано по обложке.

97. Союз рабочих металлистов СССР, Центральный комитет и журнал „Металл“. Контрольные цифры пятилетнего плана металлопромышленности на 1928/29 — 1932/33 гг. — М. ЦК ВСРМ и журн. „Металл“. 1929. 96 стр.

Во исполнение приказа Предс. ВСНХ СССР и Президиума ВЦСПС настоящей брошюрой ставятся на коллективное обсуждение профсоюзных масс вопросы пятилетки металлопромышленности.

---

[1] Продолжение. См. „Плановое Хозяйство“, № 6, 1929 г.

98. Уральский горно-металлургический трест („Уралмет"), Свердловск. Проект контрольных цифр пятилетнего плана развития предприятий треста „Уралмет" 1928/29—1932/33 гг. — Свердловск. „Уралмет." 1928. 118, 129, (2) стр. + 7 л. прил.

99. Уральский горно-металлургический трест („Уралмет"). Свердловск. Итоги работы треста „Уралмет" за 1927/28 год и перспективы на 1928/29 г.—Свердловск. „Уралмет". 1929. 54 стр. На правах рукописи.

100. „Уралцветмет", трест. Свердловск. 5-тилетний план развития предприятий „Уралцветмета" 1928/29—1932/33 гг.—Свердловск. „Уралцветмет". 1928. 26 стр. На правах рукописи. Без тит. листа. Описано по обложке.

6. Пищевая промышленность

101. Сахаротрест. Правление. Материалы к контрольным цифрам пятилетнего плана развития сахарной промышленности. — М. НТУ ВСНХ СССР. 1928. 176, (1) стр.

102. Сахаротрест. Правление. Промышленно-финансовый план Сахаротреста на 1928 год.—М. Правл. Сахаротреста. 1928. 84 стр. На правах рукописи.

103. Султанов, Гамид. Маслобойная промышленность и ее перспективы в Азербайджане. — Баку. О-во обследования и изучения Азербайджана. 1928. 33 стр. с илл. (Труды О-ва обследования и изучения Азербайджана. № 13).

7. Полиграфическая промышленность

104. „Харьков-печать", трест. Харьков. Проект контрольных цифр на 1928/29 хоз. год. — Харьков. 1928. 19 стр.

8. Промышленность стройматериалов

105. Всесоюзный с'езд промышленности строительных материалов, 3-й и расширенное групповое совещание по производству кр. кирпича. Москва. 1925. Протоколы и резолюции III Всесоюзного с'езда промышленности строительных материалов и расширенного группового совещания по производству кр. кирпича при Стромбюро. — М. Стромбюро. 1925. 70 стр.

См. резолюцию по докладам—М. И. Кириллова: „Состояние промышленности строительных материалов и ее перспективы в связи с общей кон'юнктурой сбыта" и Л. Н. Бернацкого: „Строительные материалы в связи с планом строительства".

106. Всесоюзный с'езд промышленности строительных материалов, IV Москва. 1926. Труды IV Всесоюзного С'езда промышленности строительных материалов. — М.—Л. Центр. Управл. Печати ВСНХ СССР. 1926. 96 стр. (Стромбюро ВСНХ СССР). На правах рукописи.

См. следующие доклады: П. Е. Аппак—„Перспективы восстановления и развития кирпичной промышленности с 1926—1930 гг."—стр. 59. И. М. Самсонов—„О перспективах финансирования кирпичной промышленности"—стр. 60. М. В. Ченцов—„Потребность СССР в огнеупорных материалах на пятилетие 1925/26—1929/30 г. и перспективы ее удовлетворения продукцией советского строительства"—стр. 86.

107. Всероссийский с'езд промышленности строительных материалов, 5-й. Москва. Труды V Всероссийского с'езда промышленности строительных материалов и краткие данные о состоянии промышленности строительных материалов.— М. Совет с'ездов промышл. строит. материалов. ВСНХ РСФСР. 1928. 207, (3) стр. (Стромсовет ВСНХ РСФСР).

Из содержания: „Пятилетний план развития промышленности строительных материалов", доклад С. И. Копейкина, стр. 13—20. „Финансирование капитального и нового строительства промышленности стройматериалов на пятилетке", доклад инж. В. И. Обозненко и содоклад тов. Сазонова, стр. 20—22. „Состояние исследованности месторождений цементного и керамического сырья и пятилетняя программа Геологического Комитета", доклад проф. С. Ф. Малявкина, стр. 41—42.

9. Топливная промышленность

108. Грузинская ССР. Высший Совет Народного Хозяйства. Ткварчельская комиссия. Известия Ткварчельской комиссии. Вып. III. Ноябрь 1928. — Тифлис. Ткварчельская комиссия. 1928. VI, 282, (1) стр. + 5 л. прил.

Настоящий вып. „Известий" является пятилетним планом строительства Ткварчельского предприятия и экономической запиской к плану.

109. Ломов, Г. И. „Наши ближайшие задачи в Донбассе."—Харьков. Донуголь. 1928. 42 стр. (Донской государственный каменноугольный трест „Донуголь". Научно-издательское бюро).

Коснувшись вкратце вопроса о выполнении „Донуглем" задач, поставленных перед ним апрельским пленумом ЦК ВКП (1928 г.), автор переходит к характеристике задач „Донугля" в области производственной деятельности. Подчеркивает важность выполнения производственного плана 1928/29 г. Для обеспечения страны топливом на ближайшее пяти-и десятилетие необходимо форсировать новое шахтное строительство. Необходима механизация и рационализация производства.

С. Линецкая

К вопросу о методологии исчисления крестьянских индексов[1]

По методологии крестьянских индексов имеется еще много неразрешенных вопросов, ждущих своей проработки. Большое место среди них занимает вопрос о подборе и построении весов для исчисления индексов цен, отчуждаемых и приобретаемых крестьянством товаров. До сих пор роль весов при построении крестьянских индексов несколько недооценивалась. Главное внимание было обращено на цены и их движение. Веса же занимали место второстепенное и определяли удельное значение цены отдельных товаров лишь в чрезвычайно грубых пределах. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что веса товаров исчислялись по старым обследованиям и сохранялись в течение ряда лет, независимо от изменения экономической конъюнктуры.

Некоторое значение в этом вопросе имел, несомненно, недостаток статистических материалов, могущих лечь в основу построения весов. Но центр тяжести был не в этом, а в недооценке значения изменения весов.

Такой подход к роли весов при исчислении индексов цен вообще, а в крестьянском индексе особенно, по существу неправилен. Цена товара тесно связана с количеством его на рынке. Придавая неточные (несоответствующие характеризуемому моменту) веса товарам, мы, несомненно, извращаем величину индекса. Особенно это существенно для последних лет, когда, благодаря усиленному темпу жизни и экономическим сдвигам, имевшим у нас место, характер рыночного оборота страны претерпел большую ломку и значительно менялся во времени, что, конечно, не могло улавливаться неподвижными в течение ряда лет весами. С течением времени индексы, строящиеся по неподвижным весам, все дальше и дальше отходили от действительности.

Особую актуальность вопрос о правильном подборе весов приобретает, как уже сказано, при построении крестьянского индекса. Крестьянский индекс по характеру и задачам, которые ему ставятся, значительно сложнее простого индекса цен и потому среди прочих индексов он занимает особое место.

Если при построении индексов оптовых и розничных цен, главной задачей является изучение динамики цен как таковых, то в крестьянском индексе центр тяжести переносится с изучения цен на изучение рыночных отношений, в которые вовлечено крестьянство, как производитель сельскохозяйственных товаров и потребитель промтоваров. Какие бы частные задачи не ставились крестьянским индексом, как бы они не различались по содержанию и широте, во всех случаях целью изучения являются не самые цены, а общая конъюнктура сельского рынка. Характер же сельского оборота находится в тесной зависимости с количеством и составом товарной продукции, выбрасываемой на рынок в данный момент.

---

[1] В порядке постановки вопроса. *Ред.*

Сельскохозяйственное производство, по своему характеру, сильно реагирует на годовые и сезонные колебания конъюнктуры, складывающиеся для него, прежде всего, под влиянием факторов первичного характера, а затем и экономической обстановки данного года. Неблагоприятная годовая конъюнктура, например, неурожай, неблагоприятные климатические условия для сева на будущий год, неблагоприятная экономическая ситуация, политика цен и прочее прежде всего отражаются на количестве и составе сельскохозяйственной продукции и ее товарной части.

В таком же, приблизительно, направлении, но значительно менее резко, отражаются на товарной массе сезонные колебания конъюнктуры. Количество же товарной массы в совокупности с прочими факторами влияют на высоту цен; в годы больших урожаев, когда на рынок выбрасывается много зерна, цены на него падают; при неурожае и недостатке зерна — повышаются. Зимой, когда молока на рынке мало, цены на него растут, весной — падают. Точно также и искусственное повышение или снижение цен на те или иные товары влияет на товарную массу, поступающую на рынок, изменяя ее количество и состав в направлении наиболее выгодном для сельскохозяйственного производителя.

С другой стороны, цены тех или других товаров, оборачивающихся на сельскохозяйственном рынке только тогда влияют на сельскохозяйственную конъюнктуру, если роль их в обороте более или менее значительна. В годы, когда на рынке нет зерна, высокие цены на зерно не могут улучшить сельскохозяйственной конъюнктуры.

Поскольку крестьянский индекс должен отразить движение цен, оборачивающихся на сельском рынке товаров в их совокупности, необходимо, чтобы значение отдельных товаров было им точно взвешено и учтено.

Вот эта тесная взаимная зависимость между объемом и составом крестьянского оборота и ценами, навела нас на мысль, что при построении крестьянского индекса необходимо возможно ближе держаться фактического строения крестьянского рынка, т.-е. получать веса для индекса по рыночному обороту того момента, к которому относятся изучаемые цены.

В целях проработки этого вопроса мы исчислили по Одесскому округу крестьянские индексы за пять лет: 1923/24, 1924/25, 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг., меняя при этом веса таким образом, чтобы выявить их влияние на индекс.

Материалом для построения весов за первые три года послужил рыночный оборот крестьянских хозяйств по монографическим бюджетным обследованиям этих лет, а для 1926/27, 1927/28 гг. рыночный оборот по бюджетно-счетоводным записям и приходо-расходным листкам добровольных корреспондентов.

Задачи, которые мы ставили себе при построении крестьянского индекса можно, в общих чертах, формулировать таким образом:

1) Получение показателя, характеризующего динамику покупательной силы сельскохозяйственных товаров и, в связи с этим, степень выгодности вовлечения крестьянства, как производителя этих товаров в общий рыночный оборот страны.

2) Выяснение влияния рыночной конъюнктуры на изменение направления крестьянского хозяйства и, в частности, на строение товарной части сельскохозяйственной продукции.

Содержание исчисляемого индекса таково:

1) Индекс продаваемых продуктов сельского хозяйства общий и по группам продуктов объединенных по отраслям хозяйства.

2) Индекс покупаемых продуктов сельского хозяйства общий и по группам продуктов.

3) Индексы покупаемых продуктов промышленности общий и групповые.

4) Отношение индексов отчуждения сельскохозяйственных товаров к индексу покупаемых промтоваров.

За базу были приняты годовые цены 1913 г. Исчислялся индекс методом геометрической средней их относительных величин. Веса для индексов отчуждаемых товаров исчислялись и по валовому и по чистому отчуждению, соответственно чему и строились два параллельных индекса цен.

В виду того, что в литературе исчисление весов по валовому и чистому отчуждению вызывает возражения, мы хотим сказать по этому поводу несколько слов. Мы считаем, что сельскохозяйственная конъюнктура и, в частности, покупательная сила сельскохозяйственных товаров не может характеризоваться только валовым отчуждением. Вопрос о смычке города с деревней, о выгодности вовлечения крестьянства в общий товарооборот страны, наконец, пресловутые «ножницы» значительно больше выявляются индексом чистого отчуждения, чем валового, так как именно чистое отчуждение и представляет ту товарную массу, которая выбрасывается крестьянством на вне крестьянский рынок, в обмен на продукты промышленности.

В издании ЦСУ Союза «Движение цен», выпуск 13 и 14 в статье т. Зеленко, против введения весов по чистому отчуждению выдвигаются соображения о том, что этот метод затушевывает внутренние процессы, происходящие в различных социально-экономических группах крестьянства, и последнее, таким образом рассматривается «как одно целое» между тем, как продажа и покупка сельскохозяйственных продуктов может распределяться по группам крестьянства таким образом, что одни группы только продают какой-нибудь продукт, другие только покупают; наконец, одни и те же группы в одни сезоны продают, в другие покупают.

Несомненно, конечно, что нельзя рассматривать крестьянство, как одно целое. Это в равной мере относится и к чистому, и к валовому отчуждению крестьянского хозяйства и вообще ко всем выводам, которые делаются по отношению к большому отрезку времени, большой территории и большой группы населения. Чем большей дифференциации подвергается изучаемое явление, тем естественнее, менее условны и более точны делаемые выводы. Поэтому для получения более точных весов и индексов, необходимо дифференцировать их по отдельным сезонам сельскохозяйственного года, по однородным экономическим районам, по социально-экономическим группам, а также и по валовому и чистому отчуждению, не ограничиваясь каким-либо одним из них. Все эти вопросы уже стоят на очереди, но пока по тем или иным обстоятельствам крестьянский индекс строится не столь дифференцированно, а дкя крестьянства целиком, без подразделения на группы, сезоны и пр., мы не видим необходимости отказываться от индексов чистого отчуждения, ибо они не только не страдают большей условностью, по сравнению с индексами валового отчуждения, но в некоторых вопросах, несомненно, вернее отражают экономическую конъюнктуру.

Индекс по приобретению сельскохозяйственных продуктов исчислялся нами только по валовому приобретению. Делалось это из тех соображений, что приобретение крестьянством сельскохозяйственных продуктов в Одесском округе, как районе производящем — незначительно и потому сальдо приобретения выражается отрицательной величиной.

Технически мы исчисляли веса для индексов таким образом: рыночный оборот обследованных хозяйств подсчитывался по 5 посевным группам, представляющим сжатую группировку весенних опросов. Полученные данные по каждой посевной группе умножались на число хозяйств в этой группе по весеннему опросу соответствующего года. «Обобщенные» таким образом, цифры по посевным группам суммировались в окружные данные и по этим взвешенным данным исчислялись валовые веса отчуждаемых и приобретае-

мых товаров, а по сальдо отчуждения и приобретения — чистые веса отчуждаемых товаров.

После этих замечаний мы можем уже перейти к основной теме нашей статьи — к вопросу о значении постоянных и переменных весов для исчисления индексов крестьянского товарооборота.

Изменение весов по годам

До настоящего времени при исчислении крестьянских индексов веса обыкновенно выводились по рыночному обороту одного из предшествовавших лет, и, как уже было указано выше, будучи раз вычислены, не менялись затем в течение нескольких лет. В связи с этим, нас прежде всего, заинтересовал вопрос о том, как меняется состав рыночного оборота крестьянских хозяйств,— или «веса» их по годам, и в какой связи находятся эти веса с конъюнктурой года.

В таблице 1 (стр. 309) приведены весы отчуждения сельскохозяйственных продуктов крестьянством Одесского округа за последние 5 лет.

Как видно из этой таблицы, колебание весов по годам чрезвычайно, велико. Основной продукт отчуждения Одесского округа — зерно дает колебание веса от 14 до 64%, по валовому отчуждению и от 7 до 70% по чистому. Резкие скачки дают и продукты животноводства и реализация живого скота.

Такое значительное изменение состава рыночного оборота по годам находится в зависимости, главным образом, от изменения размера и состава зерновой продукции приведенных лет. В условиях южной засушливой полосы пестрота урожаев стала почти нормальным явлением. При зерновом же направлении хозяйства колебания урожаев очень сильно влияют на состав товарной части продукции. Это вполне подтверждается анализом сельскохозяйственной конъюнктуры указанных лет.

В 1923/24 г., на Одессщине был первый, за время революции, высокий урожай. Крестьянство после неурожайных и во всех прочих отношениях неблагоприятных предшествующих лет, особенно после голодного 1921 г., начало восстанавливать свое хозяйство. На рынок выбрасывалось зерно и частью продукты животноводства (поскольку позволил численно сильно сократившийся продуктивный скот). Живой скот реализовался в минимуме. Его наоборот покупали для восстановления стада.

В 1924/25 г. урожай был слабый, роль зерна в валовом отчуждении сельскохозяйственных продуктов падает с 64 до 41%, и в чистом — от 70 до 45%. Повышается, относительно, отчуждение продуктов животноводства и птицеводства. Реализация скота пока остается на том же уровне, что в 1923/24 г. Крестьянство всеми силами удерживает скот в хозяйстве, все еще стараясь восстановить утраченную за 1921/22 г. часть своего стада.

1925/26 г. является также годом неурожайным. Запасы зерна в виду низкого урожая предшествующего года исчерпаны и состав реализации сельскохозяйственных продуктов резко изменяется. Вес зерна в валовом отчуждении снижается с 41 на 14%, в чистом — с 45 на 7%. Реализация скота наоборот, сильно растет из-за бескормицы, вес его в валовом отчуждении с 19% повышается до 54%, а в чистом с 10 — до 45%.

1926/27 г., является годом хорошего урожая. Веса отчуждаемых товаров снова меняются: вес продуктов полеводства увеличивается, вес прочих продуктов уменьшается.

В 1927/28 г. конъюнктура для сельского хозяйства сложилась неблагоприятно во многих отношениях: во-первых — урожай был ниже среднего; во-вторых — осенью 1927 г. были чрезвычайно неблагоприятные условия для сева озимых на 1928 г., что ставило крестьянство под

угрозой неурожая и в следующем году. Это обстоятельство, усугублявшееся неблагоприятной весной, не могло не повлиять на характер реализации сельскохозяйственных продуктов. Наконец, имели влияние и низкие конвенционные цены на хлеб, и запрещение частной продажи зерна. Все эти обстоятельства опять-таки вызвали изменения весов в 1927/28 г., в направлении уменьшения веса зерна и увеличения веса продуктов животноводства.

Таблица 1

Средние годовые веса отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу

Наименование товаров	По валовому отчуждению					По чистому отчуждению				
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Рожь и суржик	8,3	3,0	1,8	3,7	0,9	8,4	3,1	—	5,2	—
Пшеница . . .	50,5	20,0	9,4	28,7	16,8	57,6	21,4	6,5	40,9	22,1
Ячмень	2,1	7,3	1,3	1,3	3,2	1,0	8,2	0,2	1,4	3,4
Кукуруза . . .	2,8	10,4	1,2	4,4	2,7	2,8	12,5	0,2	5,8	1,9
Итого зерна. . .	63,7	40,7	13,7	38,1	23,6	69,8	45,2	6,9	53,3	27,4
Подсолнух . . .	2,8	4,7	0,5	2,8	1,8	3,4	5,6	0,8	4,2	2,9
Картофель . . .	0,1	1,3	0,3	3,1	6,4	—	1,0	—	2,3	2,7
Грубые корма .	1,1	5,6	3,8	1,4	4,3	0,7	5,3	3,8	0,6	1,6
Итого продуктов полевод. и луговод.	67,7	52,3	18,3	45,4	36,1	73,9	57,1	11,5	50,4	34,6
Молоко	2,3	5,1	8,2	5,7	10,4	2,9	5,5	12,9	8,4	16,2
Молочн. прод. перв. пер. . .	8,1	12,5	10,5	4,6	4,4	9,8	15,0	16,7	6,3	6,1
Прочие продукты животноводств.	0,4	3,6	0,5	0,8	1,6	—	3,5	—	—	—
Итого продуктов животноводства	10,8	21,2	19,2	11,1	16,4	12,7	24,0	29,6	14,7	22,3
Птица	0,5	3,1	3,3	3,0	5,2	0,5	3,7	5,3	4,0	7,8
Яйца	1,8	3,9	5,4	3,4	4,8	2,2	4,8	8,6	5,0	7,4
Итого продуктов птицеводства .	2,3	7,0	8,7	6,4	10,0	2,7	8,5	13,9	9,0	15,2
Лошади	3,0	9,6	19,5	16,9	13,2	0,7	3,4	8,2	2,8	5,2
Крупн. рогат. скот	11,4	5,0	25,5	10,3	17,2	5,0	2,5	24,3	5,9	18,5
Овцы	1,1	3,3	5,2	1,6	5,3	1,0	3,7	8,3	2,2	3,2
Свиньи	3,7	1,6	3,6	8,3	1,8	4,0	0,8	4,2	5,0	1,0
Итого живого скота	19,2	19,5	53,8	37,1	37,5	10,7	10,4	45,0	15,9	27,9
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Довольно значительное колебание дают по годам и веса по приобретаемым крестьянством товарам: (см. таб. 2, стр. 310).

Итак, погодные изменения весов, по крайней мере, в условиях засушливой степной полосы несомненны. Остается выяснить, в какой степени вли-

Таблица 2

Годовые веса[1] приобретаемых крестьянством товаров по Одесскому округу

Наименование продуктов	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.[2]
Сел.-хоз. товары:					
Сырые продукты полеводства и луговодства	33,1	24,9	43,7	13,9	32,6
Мука и крупа	1,2	8,0	11,1	2,1	10,1
Прод. животноводства	8,4	11,7	7,6	13,0	17,4
Итого	42,7	44,6	62,4	29,0	60,1
Живой скот	57,3	55,4	37,6	71,0	39,9
Всего с.-х. товаров	100	100	100	100	100
Промтоваров:					
Тов. хоз. потреб.	37,5	16,9	14,2	21,2	22,0
В том числе с.-х. машин и орудий	10,7	9,5	5,3	7,8	3,4
Товар. личн. потребл.	62,5	83,1	85,8	78,8	78,0
В том числе продов. пр.	14,7	16,3	18,6	15,5	33,9
„ „ „ галантер. обувь, ма-					
Мануфактура и готовое платье	35,1	55,2	54,5	54,7	44,1
Всего промтоваров	100	100	100	100	100

яют эти изменения весов на высоту крестьянского индекса. В приводимой ниже таблице, мы исчислили годовые индексы отчуждения сельскохозяйственных продуктов по трем годам в двух вариантах для каждого года, а именно: по весам характеризуемого года и по весам предшествующего года.

Полученные индексы вполне определенно говорят о том, что введение весов другого, нехарактеризуемого года, значительно влияет на размер индексов как общих, так и групповых.

Проанализируем подробнее 1926/27 г. и установим для него причины расхождения индексов по разным весам. Мы остановились на этом годе, как на наиболее нормальном в ряду прочих лет. Для простоты будем индексы, исчисляемые по весам характеризуемого года, называть первым вариантом, а по весам прошлого года — вторым вариантом.

Общий индекс валового отчуждения по второму варианту составляет 113% индекса по первому варианту.

Из групповых индексов наибольшее расхождение наблюдается в индексах продуктов полеводства и луговодства и в живом скоте.

Объяснения расхождения индексов отчуждения как общего, так и групповых, следует искать исключительно в отрыве цен товаров от их веса, который допускается при исчислении индексов по второму варианту. Как мы уже говорили, 1926/27 г. был годом высокого урожая; продуктов полевод-

[1] В целях экономии места, веса по покупке товаров нами сокращены путем укрупнения групп.

[2] Веса приобретаемых товаров по 1927/28 г. относятся не к сроку с августа по июль, а с июля по июнь. По недостатку времени сделать пересчет было невозможно.

Таблица 3

Годовые индексы отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу

(по валовому отчуждению)

Наименование товаров	1925/26 г.			1926/27 г.			1927/28 г.		
	По весам 1925/26 г.	По весам 1924/25 г.	Прин. первые за 100	По весам 1926/27 г.	По весам 1925/26 г.	Прин. первые за 100	По весам 1927/28 г.	По весам 1926/27 г.	Прин. первые за 100
Общий индекс отчуждения	1,32	1,45	109,8	1,58	1,78	112,8	1,81	1,89	104,4
По группам:									
I. Продукты полевод. и луговодства	1,79	1,63	91,2	1,11	1,03	92,8	1,99	1,97	98,9
а) Зерно	1,72	1,65	94,9	1,06	1,05	99,0	1,99	1,99	100
II. Продукты животн. птицеводства	1,22	1,26	103,3	1,58	1,61	101,9	1,54	1,61	104,5
III. Живой скот	1,24	1,32	106,4	2,44	2,26	92,4	1,84	1,95	106,0

ства на рынке было много, и в составе отчуждаемых продуктов они занимали большее место, чем живой скот. Сообразно с увеличением товарной массы значительно снизились и цены на продукты полеводства, по сравнению с предшествующим годом. Цены же на скот, наоборот, значительно повысились, так как в связи с благоприятными условиями уменьшилось предложение и повысился спрос на скот. В общем, все это привело к тому, что индексы цен на зерно в 1926/27 г. оказались в два с лишним раза ниже индексов цен на живой скот.

В 1925/26 г., как мы знаем, конъюнктура сложилась для сельского хозяйства неблагоприятно и соотношение индексов цен на зерно и скот — точно так же, как и соотношение их весов,— было как раз обратное, вес продуктов полеводства был ниже веса живого скота, а индекс цен на зерно был выше, чем индекс на скот. При такой ситуации, придавая ценам 1926/27 г. веса 1925/26 г., т.-е. отчуждаемому зерну вместо 38,1%—13,7%, а группе живого скота вместо 37,1%— 53,8%, мы искусственно п о в ы ш а е м общий индекс отчуждения, отрывая его этим самым от действительной конъюнктуры этого года. Такое же явление наблюдается и в групповых индексах.

Извращение индексов от неправильных весов мы наблюдаем и по двум соседним годам, несмотря на то, что конъюнктура там складывается совершенно иначе.

В 1925/26 г., благодаря неурожаю, на рынок было выброшено чрезвычайно мало продуктов полеводства, в частности зерна и много живого скота, что соответственным образом повлияло на высоту цен этого года. Придавая ценам 1925/26 г. веса 1924/25 г., мы зерну вместо веса 13,7%, который увязан с ценами этого года, придаем вес в 40,7%, а живому скоту вместо 53,8 — 19,5%. Этим мы опять искусственно п о в ы ш а е м общий индекс отчуждения и неблагоприятную для сельского хозяйства конъюнктуру делаем относительно благоприятной.

Точно так же введение весов предшествующего года искусственно повышает общий индекс отчуждения в 1927/28 г., так как этим увеличи-

вается вес зерна цены которого в 1927/28 г. настолько повысились, что индекс их перегнал индекс продуктов животноводства и даже индекс живого скота.[1] Следует отметить, что влияние весов 1926/27 г. на индекс 1927/28 г., еще несколько смягчено тем обстоятельством, что разница между индексом цен на продукты полеводства и живой скот в последнем году сгладилась.

Еще резче влияние несоответствующих характеризуемому моменту весов выявляется в индексах чистого отчуждения:

Таблица 4

Годовые индексы отчуждаемых крестьянством товаров по одесскому округу

(по чистому отчуждению)

Наименование товаров	1925/26 г.			1926/27 г.			1927/28 г.		
	По весам 1925/26 г.	По весам 1924/25 г.	Прин. первые за 100	По весам 1926/27 г.	По весам 1925/26 г.	Прин. первые за 100	По весам 1927/28 г.	По весам 1926/27 г.	Прин. первые за 100
Общий индекс отчуждения	1,26	1,45	115,2	1,34	1,74	130,0	1,73	1,86	107,3
По группам:									
I. Продукты полевод. и луговодства	1,85	1,61	87,0	1,10	1,05	95,3	1,96	1,96	100,0
а) Зерно	1,82	1,65	90,8	1,06	1,11	104,8	2,00	1,99	99,5
II. Продукты животн. .	1,19	1,27	106,6	1,57	1,61	102,3	1,54	1,61	104,5
III. Живой скот . . .	1,21	1,28	107,8	2,23	2,13	95,4	1,73	1,92	110,9

Комментировать эту таблицу значило бы повторить всю сделанную выше характеристику только в еще более сильных выражениях.

Итак, приведенные нами данные о погодном изменении весов отчуждаемых и приобретаемых крестьянством товаров и о влиянии их на высоту индекса, свидетельствуют о неразрывной связи между весами и ценами сельскохозяйственных товаров, и, на наш взгляд, не подлежит сомнению, что при построении крестьянских индексов веса и цены должны относиться к одному и тому же сельскохозяйственному году, и, что, следовательно, при исчислении индексов по годам веса должны соответственно меняться, а не быть неподвижными для ряда лет.

Сезонные веса

Меняясь по годам, характер сельского оборота не остается однообразным и в течение года. Влияние смены времен года, или, так называемых сезонов на рыночный оборот села сказывается, главным образом, временем массового поступления продукции отдельных отраслей в хозяйство и на рынок, и погодой, затрудняющей или благоприятствующей сообщению с рынком и определяющей виды на урожай следующего года.

Изменение сельского оборота по сезонам хорошо иллюстрируется следующими цифрами:

[1] Индекс исчислялся по взвешенным ценам кооперативным и вольного рынка. Годовая цена получалась взвешиванием цен по месяцам.

Таблица 5

Отчуждение и приобретение товаров по сезонам крестьянством Одесского округа в процентах

Наименование товаров	1926/27 г.					1927/28 г.				
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Итого за год	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Итого за год
	август—октябрь	ноябр.—январь	февр.—апрель	май—июль		август—октябрь	ноябр.—январь	февр.—апрель	май—июль	
Валов. отчужд.										
Зерно	40,0	28,9	15,9	15,2	100	51,3	19,1	25,7	3,9	100
Прод. животн. .	23,0	16,6	30,2	30,2	100	28,4	21,2	18,7	31,7	100
Живой скот . . .	17,8	47,9	15,7	18,6	100	31,7	24,2	22,6	21,5	100
Приобр. с.-х. товаров:										
Зерно	37,1	13,4	26,8	22,7	100	23,7	29,9	19,0	27,4	100
Мука и крупа . .	0,9	8,0	23,1	68,0	100	4,1	21,7	37,8	36,4	100
Прод. животн. . .	16,5	24,2	23,5	35,8	100	28,2	27,8	19,6	24,4	100
Живой скот . . .	15,0	50,4	27,6	7,0	100	21,5	31,5	29,7	17,3	100
Приобрет. промтоваров:										
Хоз. потребл. . .	23,6	12,1	15,1	49,2	100	56,7	16,3	12,6	14,4	100
Личного потребл.	27,8	26,8	25,5	19,9	100	31,5	28,8	17,8	21,9	100
В том числе мануфакт., обувь и галантер. . .	31,3	28,4	23,5	16,8	100	37,5	29,4	13,4	19,7	100

Как видно из приведенных данных, распределение отчуждаемой и приобретаемой в течение года продукции, по сезонам, неравномерно. В одном сезоне идет усиленное поступление на рынок зерновых хлебов; в другом — живого скота; в-третьем — продуктов животноводства. Точно также меняется по сезонам и характер приобретения товаров; весной и летом приобретаются хозяйственные товары; осенью мануфактура, обувь и т. д.

Конечно, количество и состав оборачивающихся на сельском рынке товаров меняется по сезонам не только под влиянием природных условий; многие другие условия, например, изменение общей экономической конъюнктуры народного хозяйства, государственные мероприятия и прочее, не являясь сезонными факторами, могут случайно прийтись на тот или иной сезон и оказать влияние на строение рынка в этом сезоне. Такие явления наблюдались в 1927/28 г., когда факторы несезонного характера (низкие конвенционные цены в связи с усилением хлебозаготовок, в последних двух сезонах, и некоторые другие условия) совершенно изменили сезонный характер отчуждения.

Так или иначе, изменения характера сельского оборота по сезонам,— влияют ли на него причины только сезонные или еще и другие факторы, в обоих случаях влекут за собой изменение удельного веса отчуждаемых и приобретаемых крестьянством товаров и цен на эти товары. Изменение соотношения товаров[1] по сезонам видно из следующего: (см. таб. 6, 7, стр. 314, 315).

[1] Сезонные веса строились по бюджетно-счетоводным записям и взвешивались по посевным группам.

Таблица 6

Сезонные веса отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу по 1926/27 г.

Наименование товаров	По валовому отчуждению					По чистому отчуждению				
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	
	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год
Рожь	5,4	2,3	3,9	3,3	3,7	5,9	3,9	6,3	3,7	5,2
Пшеница	47,9	21,6	18,5	23,4	28,7	53,9	36,8	29,2	26,5	40,9
Ячмень	0,5	1,1	3,0	1,1	1,3	0,6	1,6	3,0	0,8	1,4
Кукуруза	1,2	7,3	6,0	2,1	4,4	1,4	12,5	7,1	1,5	5,8
Итого по зернов.	55,0	32,3	31,4	29,9	38,1	61,8	54,8	45,6	32,5	53,3
Подсолнух	4,5	2,2	3,7	0,5	2,8	5,4	3,9	6,0	0,6	4,2
Прод. огородн. и бахчеводства	1,7	2,1	4,7	5,5	3,1	0,8	1,7	2,3	4,6	2,3
Грубые корма	0,3	2,1	2,2	0,8	1,4	—	2,9	—	0,2	0,6
Итого продукт. полевод. и лугов.	61,5	38,7	42,0	36,7	45,4	68,0	63,3	53,9	37,9	60,4
Молоко	1,1	1,6	11,7	13,4	5,7	1,3	2,8	19,0	15,6	8,4
Молочн. продукт. первичн. перер.	8,9	2,0	2,7	4,7	4,6	10,3	3,4	3,1	4,9	6,3
Проч. прод. животнов. без молочных	0,4	1,0	1,6	0,4	0,8	—	—	—	—	—
Итого продуктов животноводств.	10,4	4,6	16,0	18,5	11,1	11,6	6,2	22,1	20,5	14,7
Птица	2,1	3,5	2,8	3,4	3,0	2,2	5,7	3,6	3,9	4,0
Яйца	2,0	0,4	8,6	15,4	3,4	2,4	0,7	13,9	6,1	5,0
Итого продуктов птицеводства	4,1	3,9	11,4	8,8	6,4	4,6	6,4	17,5	10,0	9,0
Лошади	5,0	35,8	6,0	11,3	16,9	—	15,9	—	8,4	2,8
Крупн. рогат. скот	6,7	8,3	17,9	12,8	10,3	7,0	—	5,7	13,1	5,9
Овцы	1,7	1,9	1,0	1,6	1,6	2,1	3,1	0,8	1,9	2,2
Свиньи	10,6	6,8	5,7	10,9	8,3	6,7	5,1	—	8,2	5,0
Итого живого скота	24,0	52,8	30,6	36,0	37,1	15,8	24,1	6,5	31,6	15,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Для дальнейшего анализа влияния сезона на сельскохозяйственную конъюнктуру мы остановились на 1926/27 с.-х. годе, как на наиболее нормальном в ряде прочих лет. Приведенные нами параллельные данные для иллюстрации изменения сезонных весов по 1927/28 г., для анализа, не подходят, так как влияние сезонных факторов в этом году, как мы уже говорили, сильно затушевано рядом привходящих факторов иного порядка, нарушивших нормальное строение крестьянского рынка.

Таблица 7

Сезонные веса отчуждаемых крестьянством товаров по Одесскому округу по 1927/28 г.

Наименование товаров	По валовому отчуждению					По чистому отчуждению				
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	
	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год	август — октябрь	ноябрь — январь	февр. — апрель	май — июль	В средн. за год
Рожь	1,1	1,4	1,1	—	0,9	—	1,5	0,4	—	—
Пшеница	29,6	17,6	11,2	0,4	16,8	36,7	20,3	18,0	—	22,1
Ячмень	4,9	2,9	3,1	0,5	3,2	7,0	2,5	—	0,4	3,4
Кукуруза	0,6	5,4	4,2	1,9	2,7	0,3	4,6	4,2	—	1,9
Итого по зернов.	36,2	27,3	19,6	2,8	23,6	44,0	28,9	22,6	0,4	27,4
Подсолнух	3,5	1,6	0,9	0,3	1,8	4,8	2,5	1,4	0,4	2,9
Прод. огородн. и бахчевод.	6,7	4,2	6,1	8,3	6,4	5,5	—	—	3,8	2,7
Грубые корма	3,0	5,3	6,1	3,6	4,3	3,8	2,3	—	2,6	1,6
Итого продукт. полевод. и лугов.	49,4	38,4	32,7	15,0	36,1	58,1	33,7	24,0	7,2	34,6
Молоко	8,3	10,2	10,1	14,8	10,4	11,6	15,8	17,3	20,8	16,2
Молочн. продукт. первичн. перер.	2,9	1,0	2,3	12,8	4,4	3,2	0,8	3,0	17,9	6,1
Проч. прод. животнов. без молочных	1,4	1,9	1,2	1,8	1,6	—	—	—	—	—
Итого продуктов животноводств.	12,6	13,1	13,6	29,4	16,4	14,8	16,6	20,3	38,7	22,3
Птица	4,3	5,9	4,8	6,0	5,2	5,8	8,5	8,4	8,7	7,8
Яйца	2,9	2,3	8,1	6,7	4,8	3,9	3,6	12,8	9,8	7,4
Итого продуктов птицеводства	7,2	8,2	12,9	12,7	10,0	9,7	12,1	22,2	18,5	15,2
Лошади	16,6	5,4	15,6	12,2	13,2	3,8	—	11,2	13,4	5,2
Крупн. рогат. скот	5,6	27,6	18,4	25,9	17,2	6,0	37,0	19,9	19,4	18,5
Овцы	1,3	0,9	3,2	2,1	1,8	1,7	0,6	—	1,0	1,8
Свиньи	7,3	6,4	3,6	2,7	5,3	5,9	—	2,4	1,8	3,2
Итого живого скота	30,8	40,3	40,8	42,9	37,5	17,4	37,6	33,5	35,6	27,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

По данным 1926/27 г., состав валового отчуждения сельскохозяйственных товаров по сезонам, может быть охарактеризован таким образом.

Первый сезон: характеризуется максимальным, по сравнению с прошлым сезоном, весом реализуемого зерна, средним весом продуктов животноводства и птицеводства и низким весом живого скота.

Второй сезон: значение зерна в отчуждении падает ниже среднего за год; вес продуктов животноводства и птицеводства становится не-

значительным (период сухостоя, прекращение носкости кур); вместо них максимально возрастает вес отчуждаемого живого скота (отчуждение живого скота перед постановкой в стойла на зиму).

Третий сезон: вес зерна стоит на том же уровне, что и в предшествующем сезоне; вес прочих продуктов полеводства и грубых кормов несколько возрастает; максимально возрастает отчуждение продуктов животноводства (начало лактации и носкости кур); вес реализуемого живого скота падает ниже среднего уровня отчуждения за год.

Четвертый сезон: вес зерна, а также продуктов полеводства падает до минимума (истощение запасов к концу года); продукты животноводства стоят на том же уровне, что и в предшествующем сезоне, реализация скота, в сравнении с предшествующим периодом, возрастает.

Если от групп товаров обратиться к отдельным товарам, то колебание отчуждения их по сезонам выявится еще резче: меняется соотношение отдельных видов зерна; соотношение между молоком и продуктами его переработки и, наконец, между отдельными видами скота. Почти аналогичную картину значительного колебания по сезонам дают и веса по чистому отчуждению.

Не менее сильно сказывается влияние сезона на веса приобретаемых крестьянством товаров — одинаково как сельскохозяйственных, так и промышленных, о чем свидетельствует ниже приведенная таблица:

Таблица 8

Веса приобретаемых крестьянством товаров по сезонам 1926/27 г. [1]

Наименование товаров	Сезоны: I кв. август — октябрь	II кв. ноябрь — январь	III кв. февр. — апрель	IV кв. май — июль	Итого за год
Приобретение с.-х. товаров:					
Сырых прод. полеводства и огородничн. без грубых кормов	20,0	4,6	12,8	17,4	11,3
Грубые корма	4,0	0,9	4,2	2,6	2,6
Мука и крупа	0,1	0,4	1,7	10,3	2,1
Продукты животноводства и птицеводства	12,7	7,7	11,1	33,9	13,0
Итого продуктов сельского хозяйства	36,8	13,6	29,8	64,2	29,0
Лошади	37,4	58,8	26,8	16,0	40,3
Прочий скот	25,8	27,6	43,4	19,8	30,7
Итого скота	63,2	86,4	70,2	35,8	71,0
Всего	100	100	100	100	100
Приобретен. промтоваров:					
Промтоваров хоз. потр.	18,6	10,8	13,8	40,0	21,2
„ личн. „	81,4	89,2	86,2	60,0	78,8
В том числе обувь, мануфактура и галантерея	63,3	65,8	55,4	35,3	54,7
Всего	100	100	100	100	100

[1] Группы продуктов для таблицы укрупнены.

В общем из всех приведенных данных следует, что каждый сезон года характеризуется своим, отличным от прочих сезонов, строением крестьянского рынка и своими весами. При этом колебания сезонных весов и отклонение их от средне-годовых, довольно значительны.

Соответственно изменению характера сельского оборота по сезонам меняются и цены, отличающиеся чрезвычайной чувствительностью к изменению конъюнктуры. Во время массового поступления того, или иного продукта на рынок цены на него падают; по мере уменьшения товарной массы — они возрастают. [1]

Эти изменения цен по сезонам в Одесском округе имеют следующее количественное выражение:

Таблица 9

Средние сезонные цены 1926/27 г. в руб.

Наименование продуктов	Един. меры	I сезон	II сезон	III сезон	IV сезон	За год в средн.
Рожь	центнер	7,1	7,2	7,5	8,3	7.5
Пшеница	„	11,0	11.3	11,6	12,3	11,6
Ячмень	„	6,6	6,8	7,4	8,5	7,3
Кукуруза	„	5,6	4,6	4,8	6.1	5,3
Молоко	„	11,5	15,2	12,1	9,3	12,0
Масло	„	5,4	6,8	6,8	5,8	6,2
Яйца	дес.	0,34	0,45	0,33	0,27	0,35
Рабоч. лошадь	гол.	186,0	175,0	184,0	174,0	180,0
Корова	„	89,0	92,0	110,0	110,0	100,0

Если сопоставить динамику цен по сезонам с сезонными весами различных товаров (табл. 6, стр. 314), то между ними окажется несомненная связь.

Учитывая эти сезонные колебания весов и цен, естественно поставить вопрос, можно ли выявить сезонную конъюнктуру индексом, исчисленным по средне-годовым весам? Как-будто нет. Ведь, при наличности значительного уклонения, некоторых сезонных весов от средне-годовых, мы, пользуясь для сезона годовыми весами, также отрываем динамику цен от динамики весов, как и в том случае, если пользуемся одними весами для ряда лет. Кроме того, индексы цен, некоторых товаров, в частности для Одесского округа, зерна и живого скота — настолько резко различны по величине, что незначительное изменение их соотношения значительно влияет на высоту общего индекса: так, если индекс валового отчуждения зерна, в среднем за 1926/27 г. принять за 100, то индекс продуктов животноводства за этот год будет составлять 149%, а индекс живого скота 230%. При таком резком колебании индексов цен отдельных товаров изменение весов может, в некоторых случаях, оказать большее влияние на индекс, чем изменение цен, что и подтверждается нижеследующей таблицей.

Общие индексы по сезонам 1926/27 г., исчисленные на основании постоянных (годовых) весов и сезонных цен, дают значительно меньшие отклонения от годового индекса, чем индексы, исчисленные по сезонным весам и постоянным средне-годовым ценам, т.-е. изменение весов дает больший эффект, чем изменение цен.

Чтобы конкретно проследить влияние сезонных и годовых весов на крестьянский индекс, мы исчислили сезонные индексы за 1926/27 г., по тем и другим весам. (См. табл. 10 и 11, стр. 318).

[1] Нам могут возразить, что с введением нормированных цен государством этой зависимости не будет. Мы думаем, что связь между ценами и строением рынка останется, так как она создается и моментами производственного характера.

Таблица 10

Общий индекс отчуждения сельскохозяйственных товаров по 1926/27 г., исчисленный на основании:

Сезоны	Показатели	Постоян. годов. весов и средн. сезонных цен	Перемен. сезон. весов и средн. год. цен	Перемен. сезонных весов и средн. сезон. цен	Годов. весов и средн. годовых цен
I	Сезон. индекс	1,48	1,43	1,31	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	— 6,3	— 9,5	— 17,1	—
II	Сезон. индекс	1,57	1,79	1,74	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	— 0,6	+ 13,3	+ 9,9	—
III	Сезон. индекс	1,60	1,51	1,48	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	+ 1,3	— 4,4	— 6,3	—
IV	Сезон. индекс	1,63	1,64	1,59	—
	Отклонение его от годов. индекса в процентах . .	+ 3,2	+ 3,8	+ 0,6	—
	За год	—	—	—	1,58

Остановимся в первую очередь на индексах отчуждаемых товаров.

Таблица 11

Индексы отчуждения сельскохозяйственных товаров по сезонам 1926/27 г.

Наименование индексов	Первый сезон			Второй сезон			Третий сезон			Четверт. сезон		
	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100	по сез. вес.	по год. вес.	прин. перв. за 100
Индексы валового отчуждения:												
1. Общий	1,31	1,48	113,1	1,74	1,57	90,3	1,48	1,60	108,0	1,59	1,63	102,5
По группам:												
1. Прод. полевод. и лугов	1,05	1,04	99,0	1,0	1,04	104,0	1,07	1,09	102,0	1,28	1,23	96,2
а) Зерна	1,04	1,02	98,2	0,97	1,02	105,3	1,0	1,05	105,0	1,15	1,14	99,1
2. Прод. животнов. и птицеводства .	1,58	1,48	93,8	1,74	1,83	105,2	1,54	1,62	105,2	1,24	1,37	110,4
3. Живого скота . .	2,04	2,29	112,1	2,61	2,41	92,4	2,25	2,56	113,3	2,40	2,50	104,0
Индексы чист. отчуждения:												
1. Общий	1,22	1,25	102,4	1,37	1,34	97,8	1,28	1,35	105,3	1,52	1,38	90,9
2. Прод. полевод. и лугов	1,05	1,03	98,2	1,01	1,04	102,8	1,07	1,09	102,0	1,27	1,22	96,0
а) Зерно	1,04	1,02	98,1	0,98	1,02	104,1	1,02	1,05	102,9	1,16	1,15	99,1
3. Прод. животнов. и птицеводства .	1,57	1,48	94,4	1,77	1,84	104,0	1,54	1,61	104,5	1,22	1,34	110,0
4. Живого скота . .	1,80	1,99	110,1	2,76	2,21	80,1	2,02	2,37	117,0	2,35	2,33	99,1

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что индексы обоих вариантов значительно расходятся между собой.

В некоторых сезонах они выше по одному варианту, в других по другому. В общем тотальный индекс валового отчуждения по сезонам, исчисленный по годовым весам, дает отклонение от индекса, исчисленного по сезонным весам, от 2,5% до 13,1%, в ту и другую сторону.

Приблизительно такое же отклонение дает и общий индекс по чистому отчуждению от 2,2% до 9,1%.

Что касается групповых индексов, то наибольшее отклонение дают индексы по группе продуктов животноводства и живого скота, особенно, последнего.

Вышеуказанное расхождение индекса по обоим вариантам об'ясняется, конечно, влиянием весов. Остается выяснить, какой же индекс правильно отражает сезонную конъюнктуру, индекс, исчисляемый по сезонным весам или по годовым.

Чтобы исчислить для Одессщины индекс валового отчуждения сельскохозяйственных товаров, для первого сезона 1926/27 г., нам нужно вместо сезонного веса отчуждаемого зерна в 55%, взять годовой вес в 38%. Между тем, как известно, первый сезон года характеризуется не только максимальным весом зерна (осенние месяцы, когда производится массовая реализация зерновой продукции), но также и минимальными ценами на него. Так, например, весу зерна в первом сезоне в 55% соответствует цена пшеницы — 11 рублей, и ячменя — 6 руб. 60 к. за центнер (главные зерновые культуры Одессщины), а годовому весу зерна в 38% отвечает цена пшеницы в 1 р. 16 к. и ячменя — 73 коп. Придавая цене первого сезона годовой вес, мы отрываем цены от веса товаров, а следовательно, и от сельскохозяйственной конъюнктуры. Кроме того, уменьшение веса зерна с минимальным среди прочих товаров индексом увеличивает вес тех товаров, индекс которых значительно выше: продуктов животноводства и живого скота. Особенное влияние оказывает последняя группа с максимальным индексом (выше 2), вес который с 24% (вес I сезона) повышается до 37% (средний вес за год). Таким образом, введение годовых весов вместо сезонных повышает общий индекс валового отчуждения по первому сезону и, возможно, даже извращает конъюнктуру этого сезона.

Не лучше будет обстоять дело и со следующими сезонами. Например, со вторым. Второй сезон характеризуется падением веса зерна ниже среднего за год, минимальным весом отчуждаемых продуктов животноводства (конец лактации и наступление сухостоя, прекращение носки яиц), максимальными ценами на них и максимально высоким весом отчуждаемого скота. Мы же, пользуясь годовыми весами для сезонного индекса, придаем продуктам животноводства вместо 8,5% — 17,5% веса, а живому скоту вместо 53% — 37% веса. Благодаря этому во втором сезоне общий индекс валового отчуждения не будет отражать сезонной конъюнктуры: группа продуктов животноводства будет его искусственно повышать, группа живого скота — понижать, но, так как последняя группа благодаря своему высокому индексу влияет сильнее, то общий индекс по второму сезону будет искусственно снижен.

Такие же несообразности получаются и по остальным двум сезонам.

Отмеченное нами извращение сезонного индекса отчуждения при введении годовых весов, не только меняет величину самого индекса, неправильно отражая тем самым конъюнктуру сезона, но и меняет совершенно динамику индексов в течении года, что видно из следующего: (см. таб. 12 стр. 320).

Сезонные индексы, исчисленные по годовым весам, дают правильно возрастающий ряд, отражающий только движение цен. При чем это дви-

Таблица 12

Общий индекс отчуждения сельскохозяйственных продуктов по сезонам 1926/27 г. в процентах к первому сезону

Индекс отчуждения	Наименование весов	I сезон	II сезон	III сезон	IV сезон
Валовой	годовые	100	106,1	108,1	110,1
	сезонные	100	132,8	113,0	120,6
Чистый	годовые	100	107,2	108,0	110,4
	сезонные	100	112,3	104,9	123,8

жение цен складывается под влиянием динамики цен по группе полеводства и живого скота, имеющих тенденцию увеличиваться к концу года. Индексы, исчисленные по сезонным весам, дают картину совокупного изменения цен и соотношения товаров по сезонам,— их, так сказать, равнодействующую. Вот почему их изменения в году выражаются неправильным рядом, высшая точка, которого приходится на тот сезон, в котором преобладает отчуждение живого скота, имеющего максимальный индекс.

Исчисленные нами по указанным вариантам сезонные индексы приобретаемых товаров, в общем повторяют ту же картину, что и индексы отчуждения. Для краткости мы приводим ниже только общие индексы приобретаемых сель-хоз. и промышленных товаров, опуская групповые.

Таблица 13

Индексы приобретаемых товаров по сезонам 1926/27 г.

Наименование индексов	I сезон			II сезон			III сезон			IV сезон		
	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100	по сезонным весам	по годов. весам	прин. первые за 100
Инд. приобр. с.-х. товаров	1,95	2,03	104,0	2,35	2,09	89,1	2,06	2,20	106,9	1,85	2,20	119,0
Инд. приобр. промтоваров	2,40	2,32	96,8	2,32	2,24	96,6	2,05	2,07	100,9	1,77	1,84	103,9
Отношен. инд. отчужд. с.-х. товар. к индексу приобрет. промтоваров . .	0,55	0,64	118,5	0,75	0,70	93,4	0,72	0,77	106,9	0,90	0,89	99,0

Введение годовых весов в исчисление сезонных индексов, меняя размер и динамику индексов, естественно, отражается и на соотношении индексов между собой. Таким образом, годовые веса представляют нам в несколько ином свете и сезонные взаимоотношения между городом и селом.

В общем, из приведенных нами данных о влиянии сезонного изменения строения сельского рынка на размер и динамику крестьянского индекса следует, что этот индекс только тогда будет правильно отражать конъюнктуру, если он будет исчисляться по сезонным весам.

В настоящее время, когда в работе планирующих органов регулирование цен занимает такое большое место, введение переменных весов в исчисление крестьянских индексов приобретают особенную важность, так как только таким путем можно, более или менее точно, определить увязку между ценами на сельскохозяйственные продукты и промтовары и выяснить эффект их снижения для определенной части года.